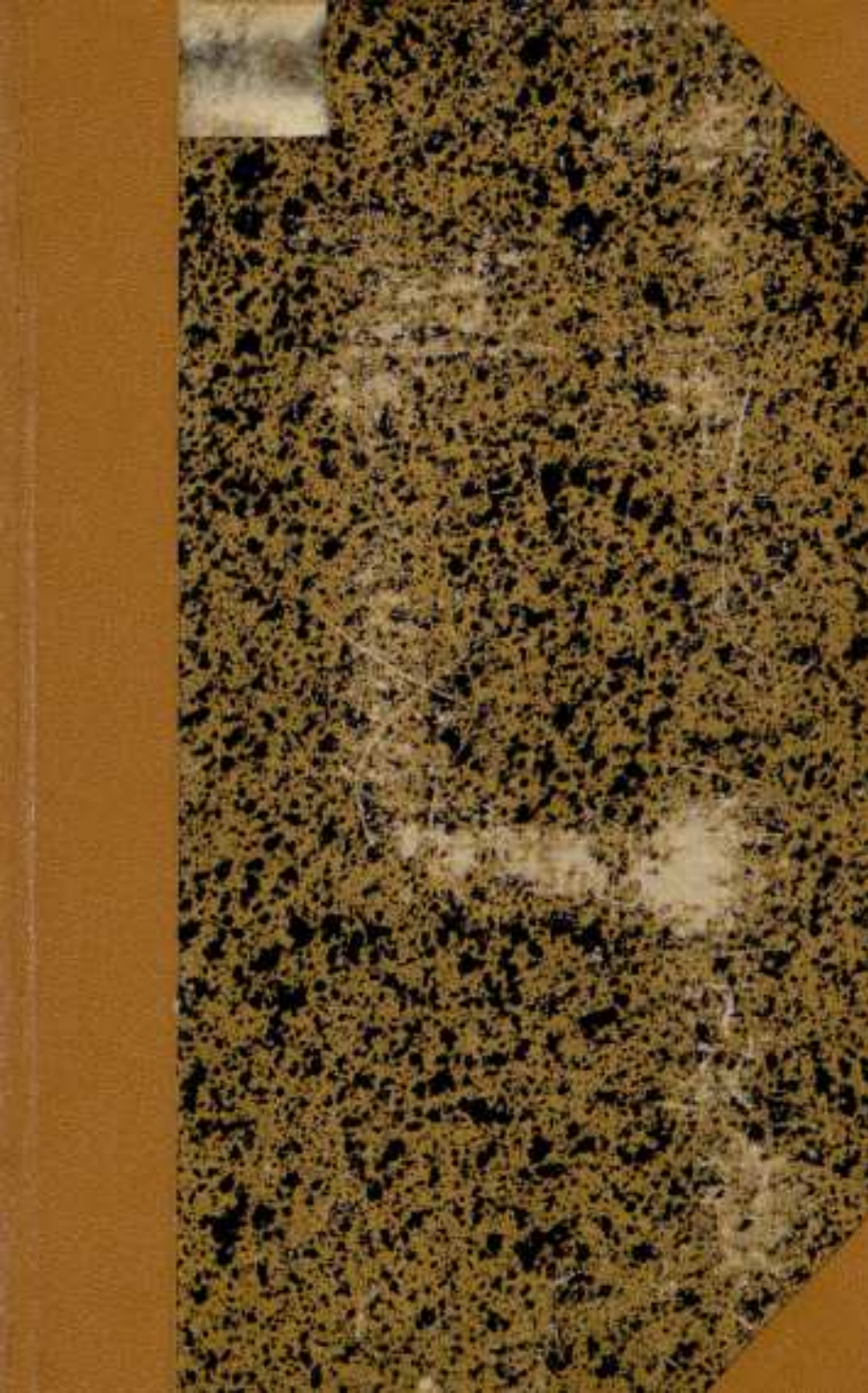

Бурнашев. В. П.
Воспоминания об
эпизодах у маги = см:

Из "Русский вестник" 1878

н 5: с. 47-129; н 6: с. 647-716;

н 7: с. 69-155; н 8: с. 660-737;

н 9: с. 104-156; н 10: с. 555-613

н 12: с. 670-707.

✓

II. Вчера, въ воскресенье, 31-го января, въ 10 часовъ вечера, въ платномъ отдѣленіи Маріинской больницы скончался отъ водянки одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ литераторовъ Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ, 78 лѣтъ отъ роу. Изъ трудовъ покойнаго, трудившагося на литературномъ поприщѣ шестьдесятъ лѣтъ, особенно выдѣляются: «Воспоминанія петербургскаго старожила». Владиміръ Петровичъ написалъ также рядъ статей по сельскому хозяйству. Послѣдній трудъ покойнаго «Разказы о народной войнѣ 1812 года», изданъ редакціей журнала «Досугъ и Дѣло». Бурнашовъ предчувствовалъ скорую смерть; отдавая эту книгу одному своему знакомому, онъ сдѣлалъ на экземплярѣ слѣдующую надпись: «Отъ автора, который 60 лѣтъ сряду печатался, и это, кажется, его послѣдній трудъ, посвященный чтенію для народа». *Киевъ Крива 1888, 4*

4285.

Почтенію к. Волковскаго хвостача.

рубли 55 к.

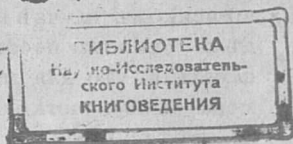
1888. № 4291.

Руководясь чувствами, неоднократно заявленными покойнымъ литераторомъ, Владиміромъ Петровичемъ Бурнашовымъ, лицо, случайно распоряжавшееся его похоронами, считаетъ долгомъ выразить, по волѣ покойнаго, глубокую признательность вдовѣ генераль-лейтенанта Глѣбовой, г. Разумихину, петербургскому собранію сельскихъ хозяевъ и тѣмъ лицамъ, которыя, сочувствуя горькому положенію ветерана-литератора, своимъ вниманіемъ и матеріальнымъ участіемъ облегчали послѣднія тяжкія минуты его трудовой

жизни.

КЗ.

1872 и 57

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

(1834 — 1850).

3. 45

Кто читалъ изъ моихъ „Воспоминаній Петербургскаго старожила“ статью: *Четверги у Н. И. Греча* (Заря 1871 года № 4) и *Знакомство съ Воейковымъ* (Русскій Вѣстникъ №№ 9, 10, 11 и 12 1871 года), тому мнѣ нечего напоминать о томъ что въ тридцатыхъ годахъ, будучи очень молоденькимъ человекомъ, я, въ качествѣ постоянного сотрудника, принималъ дѣятельное участіе въ редакціи *Сѣверной Пчелы* Греча и Булгарина, имѣвшей въ тѣ времена, какъ извѣстно, значительный успѣхъ и считавшейся едва ли не единственнымъ сильнымъ органомъ нашей, далеко не столь возмужалой какъ нынѣ, журналистики. Къ этой эпохѣ моей жизни относится и настоящая моя статья, которая, по ходу обстоятельствъ, должна начаться съ кабинета Н. И. Греча, хотя, правду сказать, съ перваго взгляда казалось бы что ничего не можетъ быть общаго между редакціоннымъ кабинетомъ сильнаго въ свое время газетчика и казеннымъ заведеніемъ чисто агрономическаго характера. На дѣлѣ однако вышло не такъ, какъ то и увидите, ежели прочтете далѣе.

Въ №№ 89, 91, 101, 103 газеты *Русскій Миръ* напечатана моя

довольно большая статья ретроспективнаго же содержанія: *Моя служба при Д. Г. Бибиковѣ*. Я разказываю въ ней въ числѣ прочаго о совершившемся въ 1834 году переломѣ въ моей тогдашней карьерѣ, переломѣ для меня, ежели не роковомъ, то во всякомъ случаѣ неблагопріятномъ, вслѣдствіе котораго я увидѣлъ себя въ необходимости заботиться о перемѣнѣ мѣста служенія, что для молодого, 22 — 23 лѣтъ, человѣка въ тѣ времена было нелегкою задачей, особенно когда у этого молодого человѣка, какъ тогда было со мною, нѣтъ ни состоянія, ни протекцій и, что еще всего важнѣе, нѣтъ университетскаго или иного какого-нибудь диплома, болѣе или менѣе легко отворяющаго двери различныхъ департаментовъ, палатъ и канцелярій.

Все это я разказываю здѣсь собственно для того чтобы сдѣлать читателю яснѣе и понятнѣе тотъ разговоръ съ Гречемъ какой я имѣлъ въ одно прекрасное зимнее, солнечное утро, въ февралѣ мѣсяцѣ 1834 года.

Какъ теперь помню, это было въ воскресенье (другими утрами кромѣ праздничныхъ я располагать не могъ), я отправился къ Гречу со статьей въ карманѣ. Статья эта была не что иное какъ дифирамбъ и мадригалъ въ прозѣ извѣстному въ тѣ времена скрипичному мастеру Батову, жившему въ Караванной улицѣ. Я тогда питаю, пріобрѣтенную мною еще отъ первоначальнаго моего сотрудничества у Павла Петровича Свиньина, издателя прежнихъ *Отечественныхъ Записокъ*, страстишку къ русскимъ фабрикантамъ, ремесленникамъ, торговцамъ, особенно ежели люди эти были мало-мальски замѣчательные самородки. Отсюда рядъ восторженныхъ моихъ статей въ *Сѣверной Пчелѣ* о различныхъ производителяхъ чисто русскаго закала. Успѣхъ статьи моей о Вас. Гр. Жуковѣ, надѣлавшей такъ много шума въ столицѣ и даже въ Россіи, заставилъ Греча относиться ко всѣмъ этого рода моимъ статьямъ съ любезною снисходительностію и даже нѣкоторою внимательностію, основанными, съ одной стороны, на томъ что раза два тогдашній шефъ корпуса жандармовъ, обоготворяемый Гречемъ, графъ Александръ Федоровичъ Бенкендорфъ похвалилъ эти статьи за ихъ направленіе и сказалъ что онѣ придутся даже по вкусу государю императору, желающему всевозможныхъ успѣховъ отечественной фабричности и ремесленности, въ необходимомъ развитіи которыхъ его поддерживалъ своими постоянными доводами министръ финансовъ графъ Е. Ф. Канкринъ. Съ другой стороны, Гречъ цѣнилъ статьи мои

еще и потому что онѣ дѣлали фуроръ между читателями го-
стинаго двора и вообще между читателями изъ почтеннаго
„россійскаго“ кулечества, которые, по прочтеніи этихъ до-
вольно романическихъ, правда, монографій русскихъ ремеслен-
ныхъ или торговыхъ людей, частенько восклицали: „Ишь ты
„Пчелка-то“ какъ славно, шельма, жужжить! Анъ, нашъ братъ
Русакъ-то Агличанина, аль Нѣмца иного такъ себѣ за поясъ-то
затыкаетъ!“—И эти патріоты сильно подписывались на „Пчелку“,
что Гречу было совершенно съ руки, тѣмъ болѣе что, ка-
жется, въ это уже время имѣлъ дѣйствіе между нимъ и Бул-
гаринымъ контрактъ, въ силу коего онъ, Гречъ, обязанъ былъ
ему, Булгарину, bon an, mauvais an (хорошъ ли, худъ ли до-
ходъ) отсылать чистоганомъ 30.000 руб. асс. въ годъ. Въ эту
пору прививался уже къ Гречу, сдѣлавшійся въ послѣдствіи
его постояннымъ и неразлучнымъ сотрудникомъ, Владиміръ
Михайловичъ Строевъ. Этотъ господинъ питалъ ко мнѣ силь-
ное нерасположеніе; а я чувствовалъ, съ своей стороны, пол-
нѣйшую антипатію. Строевъ старался повредить мнѣ во мнѣніи
нашего общаго принципала. Но онъ достигалъ въ этомъ лишь на-
столько, насколько это не вредило личнымъ интересамъ почтен-
нѣйшаго Николая Ивановича, который понималъ что за 100 р.
асс. въ мѣсяцъ онъ никогда не наживетъ себѣ такого борзописца,
каковъ былъ его „Быстролишевъ“, какъ онъ меня окрестилъ
въ шутку, (см. *Четверги у Н. И. Греча*), строчащаго статьи
имѣющія счастье нравиться государю императору, ежедневно
утромъ пробѣгавшему его газету, и привлекающія ему под-
лищниковъ сотнями изъ глубины нашихъ промышленныхъ Ман-
честеровъ, какъ Шуя, Иваново, Кулавино, Александровъ и
пр. Но со всѣмъ тѣмъ со времени появленія Строева изъ
Москвы въ домъ Греча, въ отношеніяхъ послѣдняго ко мнѣ
было уже не въ примѣръ меньше задушевности и радушія,
замѣнившихся нѣкоторою церемонностію и натянутостію въ
разговорахъ и шуткахъ даже, которыя сдѣлались хотя учти-
вѣе, но часто отличались какою-то злорадною насмѣшливостію
и язвительностію, что, впрочемъ,—надо быть справедливымъ,—
не помѣшало Николаю Ивановичу помочь мнѣ оставить служ-
бу по министерству финансовъ и перейти въ военное мини-
стерство, подъ начальство тогдашняго блестящаго дарованіями
и умомъ, молодаго лѣтами и вышедшаго изъ ничтожества
статсъ-секретаря Михаила Павловича Позена, подробности о
чемъ можно также прочесть въ моей же ретроспективной

статьѣ: *Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ*, напечатанной въ началѣ ноября 1871 года, въ трехъ нумерахъ той же газеты *Русскій Миръ*.

Итакъ, въ одно ясное февральское утро, между двѣнадцатью часами и часомъ пополудни, я шелъ по лѣстницѣ собственнаго, столь мнѣ знакомаго дома Греча. Это было въ лучшую его эпоху, когда были полны души и огня его милые и даровитые сыновья, изъ которыхъ младшій, Николай, въ особенности, былъ замѣчательный и очаровательный мальчикъ, котораго мы хоронили въ тотъ самый день, въ январѣ мѣсяцѣ 1837 года, когда былъ смертельно раненъ безсмертный А. С. Пушкинъ. Поднимаясь на лѣстницу, я повстрѣчался съ Александромъ Филипповичемъ Смирдинымъ. Я съ нимъ поздоровался, какъ съ человѣкомъ тогда знаменитымъ, но однако очень скромнымъ, около котораго, или около кармана и сундука котораго въ тѣ времена увивалась вся петербургская литературная братія. Я однако около него не увивался никогда, да и дѣлъ съ нимъ другихъ не имѣлъ, какъ только то что въ каждое первое число мѣсяца получалъ изъ его кассы, по Гречеву чеку, разъ на годъ данному,—сто рублей мои. „Вы отъ Николая Ивановича?“ спросилъ я Смирдина машинально.— „Да-съ, отъ нихъ-съ“, сказалъ мимоходомъ остроносый, розовощекій, бѣлобрысый, но уже морщиноватый Смирдинъ, съ его постоянною, какою-то ртутною суетливостію стремглавъ сбѣгавшій по неслишкомъ длинной и очень отлогой лѣстницѣ. Когда я вошелъ изъ прихожей въ билліардную, то нашелъ Греча въ его всегдашней утренней, темнозеленой курткѣ матросскаго покроя, съ очками на картофельно-вздернутомъ носу, у отворенной форточки. Онъ кричалъ Смирдину, садившемуся въ собственные сани: „Такъ вечеромъ мы съ вами, Александръ Филипповичъ, увидимся у Плюхардія!..“ *

Не нужно было быть Лафатеромъ чтобы съ первой минуты, при рукопожатіи Греча, замѣтить что Николай Ивановичъ, какъ говорится, совершенно въ своей тарелкѣ, повидимому, по поводу посѣщенія Смирдина, котораго всеконечно онъ въ этотъ разъ какъ-нибудь дружески объегорилъ насчетъ самолюбія и кармана. Я подалъ ему статью мою *О критическомъ мастерѣ Батова*. Гречъ схватилъ ее и, взглянувъ на заглавіе, воскликнулъ по обыкновенію:

* Такъ Гречъ въ шутку называлъ иногда Плюшара.

— А намъ статеечку, дай Богъ здоровья вамъ!... Ба! Да это не дюжинная знаменитость этотъ Батовъ. Мы про него на дняхъ еще разказывалъ нашъ великій скрипачъ Бемъ. Русскій скрипичный мастеръ сдѣлалъ чудо по своей специальности: такъ склеилъ одну изъ разбитыхъ Бемовыхъ скрилокъ что теперь этотъ инструментъ сталъ не хуже всякой Кремонской скрипки. Это нашъ Амадей, нашъ Страдиварій, и вы, мой любезный Быстролишевъ, нисколько „не освиньнитесь“, ежели назовете его „русскимъ Страдивариємъ!“ Все это сказано было на быстромъ ходу изъ бильярдной въ залу-кабинетъ, столь извѣстную всѣмъ посѣщавшимъ когда-либо Греча и описанную мною съ такими мельчайшими подробностями въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча*. Положивъ статью, написанную на нѣсколькихъ листахъ, сшитыхъ въ тетрадь листового формата, Николай Ивановичъ сталъ, по своей привычкѣ, ходить по паркету, шурша своими бархатными туфлями съ канвовымъ шитьемъ. Я, разумеется, ходилъ съ нимъ рядомъ, держа шляпу въ рукѣ.

— Знаете ли, Владиміръ Петровичъ, эти статьи о русскихъ геніяхъ-самородкахъ, конечно, дѣло хорошее; но все одно и то же, все одно, одно, одно! *Toujours perdrix! Toujours perdrix!* Куропатки несомнѣнно хорошее жаркое, да и онѣ пріѣдятся, ей же Богъ, пріѣдятся! Въ газетѣ необходимо разнообразіе. Эту вашу статью о Батовѣ я напечатаю и даже пушу ее во вторникъ, потому что Батовъ точно знаменитость, да говорятъ еще что золото-человѣкъ. Бемъ только что не молится на него. Буду печатать и о другихъ, только съ разборцемъ, съ разборцемъ, дорогой мой Быстролишевъ. Вотъ напримѣръ, вы какъ-то расхвалили у насъ въ *Пчелѣ* сургучнаго фабриканта Плигина, увѣряя что онъ мастерски дѣлаетъ макароны, не уступающія неаполитанскимъ и лодійскимъ, а на повѣрку выходитъ что эта „Россія“ и жрать-то ихъ не умѣетъ, не только что дѣлать. Ха, ха, ха!

— Увѣряю васъ, Николай Ивановичъ, возразилъ я,—что это выдумка: макароны его превосходны, графъ Егоръ Францовичъ представилъ ихъ государю, и метръ д'отель Миллеръ приготовилъ ихъ на пармезанъ à la parisienne. За обѣдомъ былъ италіянскій посланникъ Серра-Капріоли и былъ просто въ восхищеніи. Графъ Егоръ Францовичъ разказывалъ объ этомъ при докладѣ Дмитрію Гавриловичу Бибикову. Бибиковъ, вспомнивъ о моей статьѣ о Плигинѣ, призвалъ меня къ себѣ въ департаментскій кабинетъ, такъ какъ я на дому у него уже почти

годъ не бываю, и сказалъ: „Не въ службу, а въ дружбу, Б—въ, потрудитесь достать мнѣ точь-въ-точь такихъ же макаронъ, какими Плигинъ снабдилъ нашего „патушку“ для поднесенія государю императору“. Еслибъ это было въ прежнее „до-катастрофное“ время, когда Бибииковъ былъ со мною очень фамиллярень и говорилъ мнѣ дружески „ты“, я объяснилъ бы ему что фабрикантъ Плигинъ имѣетъ нѣсколько сортовъ макаронъ и что для царскаго стола онъ, конечно, представилъ самаго вышшаго, то-есть самаго дорогаго сорта образецъ. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ съ Дмитріемъ Гавриловичемъ мнѣ не приходится фамиллярничать; а то какъ разъ напомнить на дѣлѣ пословицу запрещающую садиться въ чужія сани. Но это все матерія посторонняя, хотя и клонящаяся къ тому чтобъ объяснить вамъ, Николай Ивановичъ, что Плигинскія макароны превосходны; теперь же позвольте мнѣ еще вамъ сказать что и вѣсть-то ихъ, не взирая на свою окладистую русскую бороду, онъ умѣетъ не хуже насъ съ вами, это не далѣе какъ третьяго дня онъ доказалъ, бывши въ гостяхъ на пріятельскомъ завтракѣ, вмѣстѣ со мною, у Николая Ивановича Стрѣова, * который не меньше меня готовъ постоять за русскихъ дошлыхъ и талантливыхъ людей. А вамъ, Николай Ивановичъ, вѣрно наговорилъ все это мой другъ Строевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ это вовсе не Строевъ говорилъ. Но пусть по-вашему, Плигинъ мастерски, по-италіянски вѣтъ свои аршинныя макароны, а вы мнѣ скажите вотъ что: когда вы сейчасъ цидеронили за этого Плигина, Плутина, какъ его? вы упомянули о какой-то „катастрофѣ“ съ Бибииковымъ, бывшей у васъ, и о томъ что вы уже не въ той фаворѣ, въ какой были.

— Не только не въ той фаворѣ, сказалъ я, да и ни въ какой. И вотъ ужъ года два сряду меня обходятъ повышеніями, и все только за то что когда года полтора тому назадъ я былъ за обѣдомъ у Бибиикова свидѣтелемъ одной возмутительной сцены, всѣ сидѣвшіе тутъ хохотали и аплодировали, а я не хотѣлъ ни смѣяться, ни аплодировать, вспомнивъ что то же можетъ или могло бы совершиться съ обожаемою мною моею сестренкой монастырочкой, ежели бы мой посильный и постоянный трудъ не ограждалъ ее отъ горькой необходимости

* Отецъ извѣстнаго композитора.

снискивать себѣ кусокъ хлѣба въ званіи гувернантки или компаньйонки.

Гречъ сѣлъ на диванъ и посадилъ меня подлѣ себя, говоря:— Это что-то однако преинтересное! Тутъ повидимому, дѣйствительно, было что-то возмутительное, потому что и теперь, годъ или полтора спустя, вы, мой милый, находитесь въ какомъ-то экстазѣ, въ какомъ я видѣлъ васъ только тогда когда вы, будучи семнадцатилѣтнимъ лтенчикомъ, помню, окрысились на Булгарина за одну его отвратительную казарменную шутку. Вы тогда, какъ теперь помню, до того энергично схватили одинъ изъ моихъ камышевыхъ стульевъ что мой знаменитый другъ, храбрость котораго только ему одному извѣстна, бѣжалъ отъ васъ такъ шибко, какъ онъ развѣ умѣлъ бѣгать въ Двѣнадцатомъ году отъ казацкой лики. Я что-то объ этомъ слышалъ; точно, помнится, тутъ замѣшана какая-то дѣвочка. Разкажите. Очень любопытно, очень любопытно.

Гречъ поправилъ очки и принялъ видъ человѣка готоваго слушать разказъ своего собесѣдника съ надлежащимъ вниманіемъ, то-есть позу которая не была его обыкновенною, потому что онъ терпѣть не могъ выслушивать другихъ, страстно любя самъ болтать. Но въ тотъ самый моментъ когда я хотѣлъ начать свой разказъ о катастрофѣ за однимъ изъ обѣдовъ въ домѣ Д. Г. Бибикова въ моемъ присутствіи и когда мнѣ привелось играть страдательную роль, однимъ словомъ, когда я долженъ былъ разказать вкратцѣ то что я разказалъ тридцать шесть лѣтъ спустя въ печати довольно пространно (*Русскій Миръ* 1871, № 115), вдругъ въ залу влетѣлъ, со свойственною ему быстрою походкой, жившій въ домѣ Греча Французъ Моннеронъ, съ которымъ онъ былъ такъ друженъ и котораго я во всѣхъ подробностяхъ описалъ въ статьѣ моей *Четверги у Н. И. Греча*. Моннеронъ учтиво-фамиллярно поздоровался съ Гречемъ, и безъ фамиллярности, только учтиво, со мной, назвавъ меня не по фамиліи, которую онъ всегда коверкалъ страшно, а по имени и отчеству, также не очень правильно произносимымъ, Watmir Petroniche. Гречъ расхохотался и въ сотый разъ принялся объяснять Французу русское произношеніе и правописаніе русскихъ именъ, хотя, кажется, совершенно тщетно. Я же сказалъ Николаю Ивановичу что едва ли не лучше оставить мнѣ мой разказъ до другаго времени, находя что повѣствовать при этомъ Французѣ по-русски,

значить поставить бѣднягу въ затруднительное положеніе, такъ какъ онъ ни слова не понималъ изъ русской рѣчи.

— Зачѣмъ же, сказалъ по-французски Николай Ивановичъ, владѣвшій французскимъ языкомъ такъ же свободно какъ русскимъ, — зачѣмъ не говорить вамъ и не разказывать интересную вещь при другѣ моемъ Моннеронъ? Разкажете намъ вашъ куріозный эпизодъ по-французски. Этимъ вы скажете Моннерону услугу, потому что разказъ вашъ дастъ ему тему для какой-нибудь статейки романческаго характера въ *Revue des deux Mondes*.

— Вотъ именно этого-то бы я, Николай Ивановичъ, и не желалъ, пока состою на службѣ подъ начальствомъ Бибикова, замѣтилъ я. — Современемъ же, когда голова моя будетъ далеко отъ этого Дамоклова меча, я, можетъ-быть, самъ готовъ буду передать г. Моннерону самые подробные для будущей его статьи матеріалы, теперь же считаю гласность этого случая для себя невыгодною и даже не лишнюю опасности.

Моннеронъ, понявъ причины заставлявшія меня опасаться его нескромнаго пера, сотрудничавшаго изъ Петербурга въ парижскихъ, брюссельскихъ и лондонскихъ журналахъ, — послѣдствіемъ „ангажировать“, какъ говорится по-французски, мнѣ свое честное слово de chevalier de la légion d'honneur et d'autres décorations européennes et brésiliennes, что онъ будетъ скромнень до того времени когда я дамъ ему сигналъ открыть шлюзы его заграничной корреспонденціи. Дѣлать было нечего, и я принялся разказывать по-французски какъ однажды за обѣдомъ у Д. Г. Бибикова (причемъ Моннеронъ не утерпѣлъ и воскликнулъ: „Ah! oui Bibikoff, le manchot, le général-inspecteur des douanes et du commerce extérieur!“ (Ахъ! да Бибиковъ безрукій, генераль-инспекторъ таможенъ и внѣшней торговли!), — всѣ гости въ первый разъ увидѣли молоденькую пятнадцатилѣтнюю Англичаночку, только-что прибывшую изъ Лондона и постулившую въ домъ Бибикова въ качествѣ не столько учительницы, сколько практикантки въ англійскомъ языкѣ, чтобы постоянно на немъ говорить съ маленькими дочками Дмитрія Гавриловича и Софьи Сергѣевны. Ангелоподобная красота этой прелестной дѣвочки, съ такою бѣлокурою головкой какими изобилуютъ англійскіе кипсеки и портреты знаменитаго французскаго живописца Грѣза, поразила всѣхъ. Кротость и неловкость этой херувимской личности ни въ комъ изъ гостей

не произвели другаго чувства, кромѣ самого симпатичнаго восхищенія, какое ощущаетъ всякъ тотъ кто одаренъ сколько-нибудь эстетическимъ и чистымъ чувствомъ, при видѣ изящнаго произведенія природы или искусства. Однако не такъ мыслилъ нѣкій Калмыкъ архитекторъ, бывшій за столомъ Бибииковскимъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго шута. Онъ не слускалъ съ нея сластолюбивыхъ глазъ и, казалось, пожиралъ ее своимъ взоромъ. Дмитрій Гавриловичъ, замѣтивъ что архитекторъ сталъ самъ не свой отъ вида очаровательной бѣлокурой дѣвочки, во весь обѣдъ трюнилъ надъ нимъ, называя его гнуснымъ сатиромъ; а тотъ въ пылу своей влюбленности воскликнулъ: „Ваше превосходительство! Я готовъ купить эту дѣвочку цѣной всего моего состоянія! Ведите отпороть меня арапниками конюхамъ на конюшнѣ, а только дозвольте, Бога ради дозвольте хоть разокъ чмокнуть эту Британочку въ ея алмыя губки.“—Бибииковъ помиралъ со смѣха. Ему въ особенности смѣшно было смотрѣть на дѣвушку Полину, прислуживавшую его малюткамъ дочерямъ и явно бѣсившуюся на архитектора, за котораго она разчитывала выйти замужъ и который за наслажденіе поцѣловать ее залпомъ выливалъ цѣлыя баклаги самой отвратительной смѣси. Дмитрій Гавриловичъ, хохоча, переговаривался шолотомъ по-французски съ женой своею и съ сестрой Марьей Гавриловной, отчего обѣ эти дамы катались со смѣха. Марья Гавриловна соскочила съ своего мѣста, подбѣжала къ архитектору и что-то шепнула ему, смѣясь. Тотъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ и, дѣлая крестъ предъ образомъ, поклялся что готовъ выпить не только ту „энциклопедію“, какъ называли эти дамы ту отвратительную смѣсь какую за право поцѣловать Полину онъ часто вливалъ въ свою утробу, но даже съ примѣсью хоть сотни мухъ, за право поцѣловать Англичаночку. Вслѣдъ за этою клятвой послышались на всю залу слова: „Калмыцкая свинья!“—Слова эти произнесла ревнивая Полина, которая однако тотчасъ побѣдѣла словно полотно, встрѣтивъ свирѣпый взглядъ своего барина-владѣльца, строгаго Дмитрія Гавриловича, приказавшаго тотчасъ ей готовить пойло для архитектора и поднести ему въ старинной дѣдовской серебряной столѣ. Полина локорилась, приготовляя на особенномъ столѣ „энциклопедію“ самымъ роскошнымъ образомъ; а между тѣмъ экзекуторъ Грозновъ сходилъ въ буфетную и въ

лакейскую и оттуда принесъ цѣлую тарелку съ мухами, какую и опрокинулъ въ бокалъ. Полина же, размѣшавъ ложкой, поднесла сосудъ своему, желанному ею, жениху. Архитекторъ всталъ и сталъ пить и глотать все то что въ стопѣ находилось, а какъ выпилъ и проглотилъ, то повернулъ сосудъ дномъ внизъ, вытеръ салфеткой губы, и, взглянувъ на Бибикова, отвѣчавшаго ему глазами, двинулся какъ гиппопотамъ неуклюжій къ тому мѣсту гдѣ сидѣла англійская дѣвочка, ничего не понимавшая и тѣмъ меньше что-либо подозрѣвавшая изъ всего что тутъ дѣлалось. Разъ за стуломъ дѣвочки, архитекторъ обхватилъ ее вмѣстѣ со спинкой стула, скрестивъ свои лапы на ея трепещущей груди, чрезъ что лишилъ ее всякой возможности защищаться. Тогда онъ приподнял дѣвочку со стуломъ и, нагнувшись, впился своими широкими красными губами въ щеки и шейку несчастной дѣвочки, которая истерически кричала. Хозяинъ и гости хохотали. Не хохоталъ и даже вовсе не смѣялся одинъ лишь я, съ самаго начала продолжки принявшій видъ угрюмый и недовольный. Видя такое обращеніе богатыхъ и знатныхъ людей съ безпомощною бѣдною иностранкой, я живо представилъ себѣ что ежели бы родная моя сестра, которая тогда была однихъ лѣтъ съ этою Англичанкой, вынуждена была добывать себѣ хлѣбъ въ такомъ же блестящемъ домѣ, то чему могла бы подвергнуться. Эта мысль сдѣлала меня еще мрачнѣе; а когда Англичанку освободили, увели почти въ безпамятствѣ, — я поблѣднѣлъ и готовъ былъ заплакать. Въ это время Бибиковъ что-то приказывалъ своему камердинеру Татаринovu. Когда всѣ встали отъ стола, Татаринovъ очутился подлѣ меня, держа на подносѣ мою шляпу и подавая ее мнѣ; а Бибиковъ, глядя на меня строго, сказалъ мнѣ что я у него гостемъ въ послѣдній разъ, потому что ежели мнѣ, судя по моей физиономіи, не нравится то что нравится ему, хозяину дома, и его гостямъ, знающимъ приличіе, то онъ не хочетъ заставлять меня скучать у себя и просить удалиться. Съ тѣхъ поръ вотъ уже полтора года прошло; но я не получилъ ни одной награды, меня постоянно обходятъ и, ежели такъ продолжится, то я много потеряю по службѣ.

Этимъ закончился мой разказъ. Гречъ въ какомъ-то раздумьи сталъ быстрыми шагами измѣрять свою залу-кабинетъ, въ которой по огромности ея могла бы помѣститься иная се-

мейная квартира въ четыре или пять комнатъ. А Моннеронъ лобызалъ меня и клялся своими орденами и шпагой, полученною отъ Маріи ди Глоріа Португальской, что я un vrai gentilhomme, soeur loyal, chevalier sans peur et sans reproche и пр. и пр. Но среди всѣхъ этихъ восторговъ Моннеронъ убѣждалъ, замѣтивъ что сестра Греча, Катерина Ивановна, показалась на порогѣ сосѣдней комнаты и позвала его чтобъ идти гулять по Невскому съ нею и съ дѣвочками, дочерями Н. И. Греча, ея племянницами.

Когда мы съ Гречемъ остались одни, онъ заговорилъ опять по-русски и сказалъ мнѣ съ весьма серіознымъ видомъ:

— Вамъ оставаться у Бибикова невозможно. Но въ таможенномъ вѣдомствѣ такіе огромные оклады, какихъ нигдѣ нѣтъ, развѣ въ удѣльномъ управленіи. Тамъ этотъ гордецъ Левъ Алексѣвичъ Перовскій, который, кажется, никого на свѣтѣ не любитъ. Дѣйствовать на него чрезъ нашу общую знакомую, Марью Алексѣвну Крыжановскую, хоть она и родная его сестра, значить испортить дѣло, ежели Марья Алексѣвна не захочетъ для этого замаскироваться своею сестрицей графиней Анной Алексѣвной Толстой*. Графиня имѣетъ вліяніе на всѣхъ своихъ братьевъ, особенно на Алексѣя Алексѣевича, то-есть Антонія Погорѣльскаго, автора *Монастырки*, *Черной Курицы* и прочаго, расхваливаемого нами наловаль потому только что всѣ мы, подлещы журналисты, видимъ въ немъ будущаго министра народнаго просвѣщенія.

— Благодарю васъ, Николай Ивановичъ, за вниманіе, сказалъ я: — но только ужъ чрезъ дамъ мнѣ въ дѣлѣ службы не хотѣлось бы дѣйствовать. Ежели необходима будетъ протекція къ вице-президенту департамента удѣловъ**, то я надѣюсь ее найти въ здѣшнемъ губернаторѣ Михаилѣ Николаевичѣ Жемчужниковѣ***, который, вы знаете, женатъ на Ольгѣ Алексѣевнѣ Перовской и друженъ съ моимъ отцомъ.

* Графиня А. А. Толстая была мать извѣстнаго нашего драматическаго писателя графа А. К. Толстаго, автора трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго* и пр. Въ то время онъ былъ дитей. §

** Л. А. Перовскій тогда былъ вице-президентомъ департамента удѣловъ, а потомъ былъ переименованъ въ товарищи министра удѣловъ.

*** М. Н. Жемчужниковъ, отецъ извѣстнаго [нашего] поэта А. М. Жемчужникова, умеръ недавно въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и первоприсутствующаго въ 1 департаментѣ сената. §

— Охъ, вы дидятко наивный! воскликнулъ Гречъ.— Дружень съ моимъ отцомъ! А того вы не знаете что здѣсь безъ личныхъ разчетовъ никто пальца-объ-палецъ не ударить чтобъ быть кому-нибудь полезнымъ. Къ тому же и съ Львомъ-то Алексѣвичемъ онъ не ахти мнѣ какъ близко. Нѣтъ, надо пойти и подойти другою дорогой, которую проложите собственною особою и вашимъ перомъ, да *Съвѣрною Пчелою*. Я имѣю мои идеи, осуществить которыя будетъ отъ васъ самихъ зависѣть. Знаете ли что? примитесь-ка вмѣсто изображенія русскихъ гениальныхъ фабрикантовъ, да ремесленниковъ, описывать у насъ на нашихъ столбцахъ различныя учрежденія и заведенія патрониркуемыя знатными людьми.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ, подхватилъ я,—вѣдь вы же не приняли мою статью: *Придворный конюшенный музей*, и я долженъ былъ ее напечатать въ *Русскомъ Инвалидѣ*, чтобы только не пропала даромъ.

— Нашелъ Быстропишевъ что описывать! закричалъ Гречъ.— Конюшенный музей съ его каретами, чалпраками и уздами разныхъ временъ! Да и кому это важно? Я не о такихъ заведеніяхъ говорю, я понимаю казенныя или благотворительныя училища, больницы, богадѣльни, пріюты. Всѣ эти заведенія имѣютъ жизнь, движутся; у нихъ есть свои бюджеты и свои почетные попечители, интересующіеся ихъ процвѣтаніемъ. Они имѣютъ будущность и могутъ приносить пользу; а онъ вонъ что выдумалъ, — описывать огромные сараи, обращенные подъ складъ огромныхъ экипажей и сруи. Молчите, мы устроимъ нѣчто другое, потолковѣе. Вы знаете Алексѣева, одного изъ сотрудниковъ Плюшаровскаго лексикона?

— Не имѣю этой чести, отвѣчалъ я съ чувствомъ нескрываемого неудовольствія, при упоминаніи объ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, въ число сотрудниковъ коего я предварительно былъ включенъ, да потомъ, по интригамъ Строева, былъ исключенъ, хотя редакторъ по земледѣльческому отдѣлу, покойный Степанъ Михайловичъ Усовъ, былъ не прочь имѣть меня въ числѣ своихъ помощниковъ.

— Ну такъ вотъ же, продолжалъ Гречъ,—надо чтобы вы имѣли эту честь. Онъ сотрудничаетъ у насъ по отдѣлу геодезіи и землемѣрства, въ которыхъ онъ, какъ говорится, собаку съѣлъ. Главное-то дѣло въ томъ что этотъ самый Алексѣевъ есть директоръ школы землемѣровъ, при удѣльномъ департа-

ментъ и очень интересуется видѣть свое заведеніе описаннымъ на столбцахъ нашей *Пчелы*. Онъ меня приглашалъ уже разъ пять, да мнѣ все недосугъ, и писать-то объ этой сушѣ одурь возьметъ. Такъ вотъ, любезнѣйшій сотрудникъ, въ слѣдующій четвергъ Алексѣевъ у меня будетъ непременно, и я васъ съ нимъ познакомяю; а при этомъ скажу ему что я васъ къ нему вмѣсто себя командирую для описанія его землемѣрской школы. Идетъ?

— Какъ нельзя болѣе; но что же за симъ? спросилъ я.

— За симъ то, отвѣчалъ Гречъ,—что вы дѣлаете описаніе землемѣрскаго училища; оно печатается, я вамъ предоставляю сотню другую отдѣльныхъ оттисковъ въ 18 долю, вы поднесите одинъ экземпляръ Льву Алексѣевичу Перовскому, котораго слегка похвалили въ описаніи, знакомитесь съ нимъ, и ваша дальнѣйшая карьера отъ васъ самихъ зависѣть будетъ.

— Благодарю васъ, Николай Ивановичъ, сказалъ я съ жаромъ,—и всячески постараюсь исполнить какъ можно лучше ваше порученіе, основанное на искреннемъ вашемъ желаніи сдѣлать мнѣ добро. Ахъ! какъ бы я былъ счастливъ, ежели бы Богъ помогъ мнѣ освободиться отъ вліянія Дмитрія Гавриловича!

— И освободитесь, я надѣюсь, скороговоркой сказалъ Гречъ, взглянувъ на часы.—А теперь по пословицѣ: *il n'y a pas de compagnie qu'on ne quitte...*

— *Disait le roi Dagobert à ses chiens*, продолжалъ я смѣясь и взялся за шляпу.

— Да, мнѣ пора ѣхать къ знаменитой нашей артисткѣ французскаго театра *Virginie Bourbier*. Она пригласила меня на завтракъ, чтобы прорелетировать нѣсколько сценъ изъ новой драмы *Henri III*, въ которой она играетъ на дняхъ. Это прелестная и преобразованная женщина! И при всемъ этомъ она добра какъ ангелъ, и, я увѣренъ, расскажи я ей патетически причину вашей служебной катастрофы,—она приняла бы васъ, дорогой Быстролашевъ, подъ свою протекцію, и тогда—ваша карьера сдѣлана!...

— То-есть какъ же это? спросилъ я.—Я вѣдь объявилъ вамъ, Николай Ивановичъ, мое нерасположеніе къ женскимъ протекціямъ отъ дамъ высшаго общества, а вы говорите мнѣ о комедіанткѣ!...

— Охъ! вы юные пуритане! захохоталъ Гречъ съ своими

обычными кривляньями.—Комедіантка!.... Да знаете ли вы что эта комедіантка, въ настоящее время, въ сильной фаворѣ у министра двора и что для нея доставить вамъ мѣсто—плѣвое дѣло. Нѣтъ, небось, другой бы и поважище васъ не побрезгалъ бы этою протекціей. Посмотрѣли бы вы какъ, когда Виргинія Бурбое выѣзжаетъ изъ театра домой, суетятся около нея разные камергеры и флигель-адъютанты. — Но какъ бы тамъ ни было, а вашу патетическую сцену съ Англичаночкой, у которой грезовская головка, я разкажу ей сегодня же, конечно, сохранивъ какъ можно строже инкогнито ваше и даже вашего начальства.

Сказавъ эти слова, Гречъ убѣждалъ по узенькой лѣстницѣ въ свой верхній, настоящій рабочій кабинетъ, гдѣ была его и спальня и гардеробная.

II.

Въ слѣдующій четвергъ я, какъ водилось тогда собираться на вечера, съ семи часовъ явился въ залъ-кабинетъ однимъ изъ первыхъ посѣтителей и видѣлъ какъ являлись гости одинъ за другимъ. Кто читалъ мою статью *Четверги у Н. И. Греча*, тотъ хорошо знаетъ все что происходило на этихъ „четвергахъ“. Другимъ же смѣю предложить прочесть эту статью въ 4 № *Зари* 1871 года. Тогда они ознакомятся со всѣми подробностями этихъ такъ-называемыхъ „литературныхъ“ вечеровъ, на которыхъ, впрочемъ, всего меньше рѣчь велась о литературѣ, замѣняемой здѣсь постоянно журнальными сметнями и болтовней о городскихъ событіяхъ дня, отчасти конечно не бесполезныхъ для такого ловкаго журналиста какъ Гречъ, ведшій, правду сказать, для того времени, газету свою мастерски. Теперь же разказывать здѣсь о томъ собраніи какое тогда было у Николая Ивановича въ тотъ именно вечеръ, когда мнѣ надобно было познакомиться съ г. Алексѣевымъ, считаю неудобнымъ и неумѣстнымъ, потому что это значило бы впадать въ повторація прежнихъ моихъ разказовъ, которые могли имѣть значеніе и смыслъ въ той статьѣ, а не здѣсь. Итакъ, скажу только что меня познакомили Гречъ съ худенькимъ, красноватенькимъ господиномъ въ форменномъ фракѣ съ свѣтлозеленымъ бархатнымъ воротникомъ и съ золотыми пу-

говицами не съ гербомъ, а съ императорскимъ вензелемъ готической формы. То былъ г. Алексѣевъ, директоръ землемѣрскаго училища при департаментѣ удѣловъ въ офиціальномъ вице-костюмѣ своего вѣдомства. Въ тѣ времена почти всѣ гдѣ-либо служившіе не иначе являлись въ общества, какъ въ форменныхъ фракахъ, такъ что было почти странно встрѣтить кого-нибудь въ другомъ одѣяніи. Г. Алексѣевъ, какъ истый чиновникъ, взглянувъ въ мой форменный фракъ, отличавшійся отъ его темнозеленымъ воротникомъ и луговицами съ гербомъ, завелъ рѣчь о мѣстѣ моего служенія и спросилъ въ которомъ изъ департаментовъ министерства финансовъ я служу. Получивъ отвѣтъ, г. Алексѣевъ нашелъ не излишнимъ сказать мнѣ новость что я служу, значить, подъ начальствомъ столь извѣстнаго всѣмъ и каждому въ Петербургѣ, Дмитрія Гавриловича Бибикова, начальника необыкновенно строгаго и удивительно справедливаго. Я подтвердилъ первое прилагательное и прошелъ молчаніемъ второе. Тогда г. Алексѣевъ принялся довольно усердно разспрашивать меня о различныхъ анекдотахъ какіе ходили о Бибиковѣ. Затѣмъ г. Алексѣевъ спрашивалъ меня о томъ какъ это Бибиковъ сдѣлался немилостивъ къ одному молодому своему чиновнику за то что чиновникъ этотъ хранилъ молчаніе и имѣлъ серіозную мину въ то время какъ одинъ домашній шутъ его превосходительства цѣловалъ молоденькую Англичанку, отданную ему въ жертву за то что этотъ шутъ, впрочемъ очень достаточный человѣкъ и ловкій архитекторъ, — по приказанію начальства выпилъ цѣлую баклагу смѣси всякихъ питій и приправъ съ примѣсю мухъ и таракановъ. Я подтвердилъ этотъ разказъ, замѣтивъ только г. Алексѣеву что тараканы прибавлены для украшенія слога, потому что, положительно, ихъ не было. „Такъ вы при этомъ казусѣ присутствовали?“ спросилъ землемѣр-геодезистъ. Я отвѣтилъ утвердительно. Тогда, глядя на меня внимательно, новый мой знакомый сказалъ мнѣ что молодой человѣкъ не смѣявшійся можетъ-быть и худо сдѣлалъ, потому что субординація требуетъ чтобъ утѣждать начальству.

— Да-съ, замѣтилъ онъ,—нося ту форменную шкурку, въ какой-съ и вы и я, надо всегда помнить что намъ невыгодно поперечить волѣ начальства.

— Это напоминаетъ мнѣ, объяснилъ я моему собесѣднику,—какъ нашъ эзекуторъ увѣряетъ съ напускнымъ восторгомъ

что у него своя одиннадцатая заповѣдь: „Воля начальства — священна есть; твори волю начальства.“

— Но позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, перемѣнилъ я разговоръ,—мнѣ Николай Ивановичъ совѣтовалъ, какъ сотруднику своему, осмотрѣть вашу землемѣрскую школу и описать ее для напечатанія въ *Сѣверной Пчелѣ*, ежели вы мнѣ не откажете въ свѣдѣніяхъ необходимыхъ для этого описанія.

— Сдѣлайте милость, сдѣлайте милость, зачастилъ Алексѣевъ,—съ моимъ полнѣйшимъ удовольствіемъ. Когда только вамъ благоугодно будетъ пожаловать, я всегда къ вашимъ услугамъ и покажу вамъ все въ тончайшихъ подробностяхъ. Заведеніе-съ наше маленькое и помѣщается въ домѣ департамента удѣловъ, изволите знать? въ Большой Милліонной близъ Мраморнаго дворца. У насъ всего 20 человѣкъ-съ учениковъ, все больше сироты чиновниковъ удѣльнаго министерства. Зимніе мѣсяцы трудимся въ классахъ, а лѣтніе проводимъ въ Красномъ Селѣ на практической съемкѣ. Нѣкоторые изъ моихъ питомцевъ состоятъ уже штатными землемѣрами въ удѣльных имѣніяхъ. Его превосходительство Левъ Алексѣевичъ заботится объ нихъ словно отецъ родной. Когда же буду имѣть честь принять васъ?

Мы условились что я буду у него завтра вечеромъ, и я поелѣвшилъ разстаться съ моимъ скучнымъ для меня собесѣдникомъ, чтобы примкнуть къ кружку собравшемуся слушать изъ устъ рябаго и темножелтаго барона Брамбеуса, т.е. Сенковского, какой-то новый его фантастическій разказъ, назначенный въ *Библиотеку для Чтенія*. Но ежели бы въ то время я былъ знакомъ съ знаменитымъ тогда творцомъ *Большаго выхода сатаны*, то посовѣтовалъ бы ему самому отнюдь не читать своихъ сочиненій въ многочисленныхъ, какъ было у Греча, кружкахъ: повѣсти его много отъ этого проигрывали, потому что онъ читалъ вяло, монотонно и даже съ довольно сильнымъ и чувствительнымъ польскимъ акцентомъ. По крайней мѣрѣ, на мой русскій слухъ эти его чтенія дѣйствовали крайне непріятно. Но стоявшій въ ту пору на алогей своей славы,—баронъ Брамбеусъ упивался самовлюбленностью и былъ вполне увѣренъ что все то что онъ дѣлаетъ должно отличаться печатью совершенства.

На другой день вечеромъ, часовъ въ шесть съ половиной,

и былъ въ Милліонной въ домѣ департамента удѣловъ, въ квартирѣ директора землемѣрской школы, г. Алексѣева, онъ повидимому поджидалъ меня и тотчасъ началъ мнѣ показывать различные планы исполненные его учениками. Г. Алексѣевъ хотѣлъ пуститься во многія техническія подробности геодезическаго свойства, что, конечно, отняло бы у меня много времени для обозрѣнія училища съ цѣлью описать его. Я скоро замѣтилъ что почтенный директоръ можетъ-быть большою мастеръ своего дѣла, но понятія не имѣетъ о томъ какъ слѣдуетъ принимать гостя, представителя журналиста, намѣревающагося ознакомить публику съ заведеніемъ которымъ онъ управляетъ и описаніе котораго, болѣе или менѣе въ розовомъ цвѣтѣ, не можетъ не понравиться высшему начальству. Находясь подъ этимъ впечатлѣніемъ, я смѣясь сказалъ недовкому моему чичероне что въ другое время радъ бы послушать его лекцію о землемѣріи, а теперь прошу его провести меня по школѣ, показать воспитанниковъ, позволить сдѣлать имъ нѣсколько вопросовъ, побыть въ классахъ, разузнать о занятіяхъ учениковъ, осмотрѣть рекреаціонный залъ, спальни, столовую, побыть за ихъ ужиномъ, осмотрѣть ихъ классныя пособія, бібліотеку, научные инструменты, работы и пр. и пр.

— Такъ вамъ все это нужно? Ну на кой чортъ это вамъ нужно? спрашивалъ наивно и улыбаясь Алексѣевъ.

— Какъ на что? Не узнавъ все это, я не могу составлять описанія вашего заведенія, отвѣчалъ я.

— А я, изволите видѣть, спроста себѣ думалъ что вамъ полезно бы было узнать сначала все землемѣрское дѣло, а ужъ потомъ и описывать.

— Если я буду ждать пока выучусь вполне геодезіи и примѣню ее къ практикѣ, чего добраго, пройдетъ слишкомъ много времени, а статья все-таки никогда не послѣдуетъ. Итакъ, пожалуйста, проведите меня въ классы, которые теперь идутъ у васъ, сколько я могъ замѣтить, проходя по корридору.

— Въ классы, такъ въ классы, сказалъ крикнувъ Алексѣевъ, и мы вошли въ младшій классъ, гдѣ нашелъ я человѣкъ 14 мальчиковъ, лѣтъ 14—17, въ круглыхъ темно-зеленыхъ курткахъ. Въ классѣ былъ учитель ариѳметики, преподававшій свой предметъ, какъ мнѣ показалось, съ какимъ-то особеннымъ азартомъ. Мальчики имѣли видъ приличный, свободный, открытый,

даже веселый и, повидимому, очень любили своего директора. Въ старшемъ классѣ помѣщалось человекъ пять, шесть взрослыхъ юношей, которымъ въ это время инженерный офицеръ въ очкахъ читалъ высшую геодезію въ примѣненіи къ практикѣ, на какой конецъ огромный столъ, покрытый черною деревянною доскою, представлялъ собою то поле которое предназначалось къ измѣренію. Предъ каждымъ воспитанникомъ стояло по небольшой мензулѣ, на которой наклеена была бѣлая бумага, и молодые геодезисты быстро работали циркулями и карандашами, при восклицаніяхъ преподавателя: „Ситуація; ромбъ; уголъ въ 90 градусовъ; отвѣсная линія и пр., и пр. Для меня, скажу откровенно, все это было темна вода во облацѣхъ. Но я дѣлалъ видъ что слушаю внимательно. Когда классъ кончился, я замѣтилъ и здѣсь самыя милыя и самыя довѣрчивыя отношенія къ директору, то-есть къ господину Алексѣеву, его немногочисленныхъ, но, повидимому, толковыхъ и свѣдущихъ учениковъ. Между этою молодежью мой сегодняшний педантъ и вчерашній чиновникъ превращался совсѣмъ въ иного человека и былъ неузнаваемъ мною. Въ старшемъ классѣ, въ залѣ, гдѣ устроены въ шкафахъ музей и библіотека, мы много бесѣдовали, и я, самъ тогда еще почти юноша, увлекся бесѣдою съ этими будущими землемѣрами удѣльнаго вѣдомства, у которыхъ замѣчательная черта—необыкновенная любовь и сильное уваженіе къ своему дѣлу. Они казались вполне довольными своимъ положеніемъ и лучше и выше званія вотчиннаго удѣльнаго землемѣра ничего себѣ не воображали. Они сѣтовали только на то что удѣльныя имѣнія не всѣ въ одной губерніи, хотя бѣольшая часть ихъ находится въ Симбирской, но въ разныхъ уѣздахъ. Имъ желательно было продолжать службу вмѣстѣ, какъ продолжаютъ ее кадеты одного корпуса, попадающіе нѣсколько человекъ вмѣстѣ въ одинъ полкъ. Желаніе это, конечно, не могло ни въ какомъ случаѣ исполниться и отличалось дѣтскостію понятій этой наивной молодежи. Бесѣдуя съ этими молодыми людьми и осмотрѣвъ съ ними быстро все заведеніе, я узналъ много преинтересныхъ подробностей, особенно въ нравственномъ отношеніи, и узналъ между прочимъ то что директоръ ихъ весьма свѣдущій геодезистъ, мастеръ преподавать, а еще больше мастеръ привлекать къ себѣ расположеніе воспитанниковъ своихъ, которые всѣ считаютъ его даже не то чтобъ отцомъ: онъ для этого слишкомъ молодъ, а старшимъ братомъ, попеченіямъ котораго ихъ

вѣрила судьба. Ежели бы генераль Перовскій (какъ они величали Льва Алексѣевича) позволилъ ему, нашему-то директору, большее обличеніе съ нами,—онъ бы насъ еще больше лелѣлъ. Душа-человѣкъ, право душа! наперерывъ говорили мы будущіе штатные землемѣры.

Когда я все осматрѣлъ, все узналъ что узнать надо и не надо было и, наконецъ, сдѣлавъ нужныя замѣтки карандашомъ въ моей книжкѣ, директоръ кончилъ свою спеціальную бесѣду съ преподавателями и пригласилъ меня къ себѣ чай пить. Къ удивленію и удовольствію моему, всѣхъ или шесть старшихъ учениковъ пошли за нами. Оказалось что каждый ученикъ съ поступленіемъ въ старшій классъ дѣлается постояннымъ гостемъ директора и состоитъ съ нимъ въ отношеніяхъ самыхъ дружественныхъ, родственныхъ. Я замѣтилъ что одного изъ этихъ молодыхъ людей тутъ нѣтъ, и мы объяснили что онъ эту недѣлю дежуритъ при второклассникахъ, и какъ только кончается ихъ классъ, исполняетъ, при нихъ обязанности гувернера. Я нашелъ всѣ эти распоряженія примѣрными.

Въ залѣ директора у самовара сидѣла его жена, не старая женщина, съ тремя своими дѣтками, хорошо выдержанными; но совершенно свободными отъ всякаго отпечатка выправки. Инженерный офицеръ оказался прелюбезнымъ собесѣдникомъ, директоръ г. Алексѣевъ человѣкомъ милымъ и простымъ въ обращеніи, а юноши уморительными своею оптимистическою наивностью. Я провелъ совершенно неожиданно вечеръ мой препріятно и, разставаясь съ хозяиномъ, сказалъ что на дняхъ явлюсь къ нему съ готовою статьею, для повѣрки, такъ ли переданы мною собранныя свѣдѣнія и всѣ факты.

— Когда же вы, милостивый государь, успѣли собрать всѣ эти факты, какъ вы изволите говорить? спросилъ меня съ видомъ изумленія добрѣйшій г. Алексѣевъ.

— Я собралъ ихъ, бесѣдуя съ вашими воспитанниками, показавшими мыѣ всѣ подробности заведенія, отвѣчалъ я.

— Но во всякомъ случаѣ, вы меня очень обяжете, сказалъ г. Алексѣевъ, провожая меня въ корридоръ и до сѣней,—ежели принесете статью вашу въ брульонъ, чтобъ я могъ передать вамъ и мои свѣдѣнія, а отчасти и для исправленія того что могла молодежь эта наказать вамъ лишняго или неточнаго.

На прощаньи директоръ далъ мыѣ экземпляръ печатнаго устава его заведенія и еще брошюрку съ росписаніемъ вышедшихъ уже учениковъ, состоящихъ на службѣ, которыхъ за

пять лѣтъ существованія школы оказалось около 30 человекъ.

Дня черезъ три вечеромъ же я опять былъ у г. Алексѣева уже съ готовою статьей. Мы ее прочли вмѣстѣ съ нимъ въ его кабинетѣ, и я дополнилъ ее нѣсколькими цифирными и историческими свѣдѣнiями, какихъ отъ юношей получить не могъ. Статья была написана тепло и съ чувствомъ искренней симпатiи къ директору школы; но въ ней ничего не говорилось о Лѣвѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ. Добрый г. Алексѣевъ очевидно полонъ былъ чувства признательности ко мнѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умолялъ меня исключить изъ статьи все то что касалось его личности и превосходныхъ его отношенiй къ воспитанникамъ.

— Помилуйте-съ, говорилъ онъ, превращаясь въ жалкаго чиновничка, — помилуйте-съ, да за такую статью-съ его превосходительство Лѣвъ Алексѣевичъ со свѣта меня согонитъ, бѣда, да и только! Онъ и то гнѣваться на меня изволитъ за то что, какъ онъ выражается, черезчуръ сближаюсь съ моими воспитанниками. А тутъ вдругъ публичная мнѣ похвала именно за то что онъ порицаетъ, Боже упаси и помилуй! Лучше живой въ могилу ложись! бѣда, да и только! Нѣтъ ужъ вы будьте такъ добры, дозвоьте мнѣ эту статью на завтрашнiй день; а послѣзавтра я ее вамъ самъ доставлю съ моими похерками и прибавками карандашомъ.

Я согласился на его желанiе; но сказалъ что своимъ именемъ я печатаю въ *Пчелѣ* и въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣнiй* исключительно статьи за своею подписью, эту же статью, имѣ, господиномъ Алексѣевымъ, переименованную съ цѣлью воскурить оуміамъ начальству, я не могу признать своею, и потому она будетъ напечатана за подписью неизвѣстнаго автора, NN или ZZ, или какъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Мы съ матерью жили тогда въ Фурштатской въ домѣ г. Диженча и занимали деревянный флигелекъ, выходившiй частью въ садъ, частью на дворъ, а лицевымъ фасомъ на улицу. Сестры мои были тогда въ Смольномъ, куда мать ѣздила ежедневно, и для насъ двоихъ съ нею домикъ этотъ былъ изрядно обширенъ; но онъ былъ весьма для насъ удобенъ. Я принималъ почтеннаго г. Алексѣева какъ могъ лучше. Оказалось что онъ раздѣляетъ мой вкусъ къ чаепitiю и мы съ нимъ, бесѣдуя весь вечеръ, истребили цѣлый самоваръ. Онъ упрашивалъ меня подписать статью, имѣ передѣланную на совершенно холодный, офиціальный ладъ, отъ чего я отказался

положительно, и статья явилась въ *Сѣверной Пчелѣ* за подписью двухъ буквъ латинской азбуки, N N. Гречъ былъ статьей доволенъ и совѣтовалъ мнѣ всегда писать въ такомъ серьезномъ тонѣ и удивлялся зачѣмъ я не хочу статью эту пустить за своею подписью. Я объяснилъ ему причину, онъ называлъ меня ламартинствующимъ юношей и расхохотался, а потомъ сказалъ:

— Впрочемъ, все къ лучшему, какъ говаривалъ докторъ Панглосъ: ежели бы вы подписали эту статью съ похвальнымъ диамантомъ Перовскому, то въ лубликѣ не приписали бы ее мнѣ; а теперь сами Перовскіе подумаютъ что эта статья Греча. По тону и всему ея лошибу, она очень смахиваетъ на мою манеру писать эти отчеты. Прекрасно!... братъ Льва Алексѣевича Алексѣй Алексѣвичъ, живя въ Петербургѣ и за границей, попечительствуетъ Харьковскій учебный округъ, единственный не кулившій у меня большаго количества моей „практической пространной грамматики“. А теперь, того гляди, что купить. Спасибо вамъ, Быстропишевъ, что покапризничали и испортили сами себѣ ходъ по службѣ, о чемъ мы съ вами, помните, говорили. А, кстати, провинился я и предъ вами, мой дорогой! Анекдотъ-то про архитектора-Калмыка съ очаровательною Англичанкой, не утерпѣлъ, разказалъ намереніи, какъ только съ вами разстался, — Виргиніи Бурбѣ, которая была необыкновенно граціозна и прелестна, выражая свое юношеское, при этомъ разказѣ, негодованіе. Она даже стрѣльнула въ насъ, Русскихъ, извѣстною фразой своего Наполеона le Grand, сказавшаго: „grattez bien le Russe, vous trouverez le Tatare“. (Поскоблите только хорошенько Русскаго, и вы найдете Татарина.) Ей смерть хотѣлось познакомиться съ тѣмъ юношей который одинъ изъ всего общества не смѣялся и за то пострадалъ по службѣ. Но вѣдь вы, мой юный другъ, луританинъ, объявили мнѣ намереніи рѣшительно что чрезъ „комедіантку“ карьеру свою не согласитесь устривать, такъ какъ же васъ знакомить съ „комедіанткой“?

III.

Однако какъ Гречъ ни воображалъ что Перовскіе будутъ считать его, а не меня авторомъ анонимной статьи о землемѣрской школѣ, — именно они-то и знали навѣрное кто авторъ

ея, такъ даже хорошо это знали что разъ какъ-то, въ одно воскресенье поутру, я сидѣлъ въ маленькой гостиной, то-есть не въ парадной, а въ интимной гостиной Марьи Алексѣевны Крыжановской, жившей въ то время въ Гагаринской улицѣ, въ домѣ Орденскаго Капитула. Обыкновенно, когда я манкировалъ пятничный вечеръ у нея, предпочтя провести его у Воейкова, я въ воскресенье являлся поутру, чтобы не слышать выговоровъ и отеческихъ наставленій Михаила Николаевича Жемчужникова, выражавшаго то мнѣнiе что молодой человекъ моихъ лѣтъ не долженъ компрометтировать себя на вечернихъ сходкахъ журналистовъ. „Мы съ Оаадеемъ Булгаринымъ когда-то были кадетами и рядомъ сидѣли на корпусной скамьѣ. Но теперь я рѣшительно не хочу его знать!...“ И такъ я въ воскресенье у Марьи Алексѣевны, которая блестящая и изящная, какъ всегда, обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Dites donc monsieur Valsevite,* quelle est donc cette singulière fantaisie, de ne point signer vos articles? Depuis quand vous vous nommez NN? Pourquoi cette gentillesse? Mon frère Léon est fort content de l'article; mais il ne se dérangera pas pour un masque, pour un Mr. NN. Voilà une drôle d'idée! En êtes vous l'auteur, par hasard? Ou bien n'est-ce pas Николай Ивановичъ, votre principal, qui vous l'a suggérée? Enfin, comment, que cela ne soit, c'est toujours une mauvaise plaisanterie! **

Съ надлежащею сдержанностию выслушалъ я это замѣчанiе блестящей и элегантной Марьи Алексѣевны Крыжановской, недовольной за то что я, дѣйствiями котораго, съ моего шестнадцатилѣтняго возраста, она считала себя руководительницей, сидѣлъ житейскiй промахъ, une faute d'orthographe, какъ говорятъ Франгузы, не подписалъ своей статьи о землемѣрской школѣ. Когда она кончила свою отрывистую рѣчь, я разка-

* Вальсвитомъ меня въ прiятельскомъ кругу прозвали, какъ я то объяснилъ въ моихъ „Четвергахъ у Н. И. Греча“, потому что я слишкомъ быстро вальсировалъ.

** Скажите пожалуйста, г. Вальсвитъ, что это вамъ за такая фантазiя пришла не подписывать вашихъ статей? Съ какого времени ваше имя NN? Къ чему это жангильничанье? Братъ мой Левъ очень доволенъ статьей; но онъ нисколько не потревожится для маски, для какого-то NN. Вотъ-то идея! Вы ли ея авторъ? Или вашъ принципалъ, Николай Ивановичъ, ее вамъ подаль. Наконецъ какъ бы тамъ это ни было—это пошлость.

заль ей все какъ было, то-есть что сначала статья была вся направлена въ пользу дѣятельности директора заведенія, но когда послѣдній, изъ чувства чиновничьяго подобострастія и находясь въ начальственномъ загонѣ у Льва Алексѣевича, совершенно затушеваль себя и всѣ свои дѣйствія по школѣ перевель на своего начальника,—я, не считая, за симъ, статьи этой моею, не счелъ за нужное ее подписывать, хотя и зналъ что на этотъ разъ подпись моя нужна собственно потому чтобы, слѣдуя совѣту Николая Ивановича Греча, привлечь къ себѣ вниманіе брата Марьи Алексѣевны Льва Алексѣевича, желая найти службу подъ его начальствомъ, такъ какъ служба подъ начальствомъ Д. Г. Бибикова уже дѣлается для меня невозможною.

— Eh bien, il est en votre pouvoir, mon cher B., de corriger cette gaucherie, * сказала Марья Алексѣевна по окончаніи всѣхъ моихъ объясненій.

Оказалось что исправленіе такъ-называемой неловкости состояло въ томъ чтобъ описать, какъ можно подробнѣе, въ *Сѣверной Пчелѣ*, другое воспитательно-учебное заведеніе состоящее подъ главнымъ вѣдѣніемъ Льва Алексѣевича Перовскаго, заведеніе имъ созданное и которымъ онъ очень занимается, посвящая ему все свободное отъ другихъ занятій время, именно Удѣльное Земледѣльческое Училище, находящееся на второй верстѣ Выборгской или Парголовской дороги и занимающееся образованіемъ почти 300 сыновей удѣльныхъ крестьянъ, съ цѣлію сдѣлать изъ каждаго образцоваго русскаго хозяина, который въ послѣдствіи долженъ будетъ вести фермерское хозяйство. Это предпріятіе, поглотившее миллионы, сулило въ будущемъ чудеса для общественнаго земледѣлія, представлявшагося тогда всѣмъ чрезъ ярко-розовую призму всевозможныхъ хозяйственныхъ и политико-экономическихъ успѣховъ.

Чтобы приступить къ описанію этого заведенія, умная, ловкая и дипломатичная Марья Алексѣевна, зная вполне характеръ своего брата, Льва Алексѣевича, придумала устроить все такъ чтобы не заставлятъ его гордость мало-мальски страдать отъ необходимости сдѣлать первый шагъ въ дѣлѣ интересовавшемъ его превосходительство чрезвычайно, потому что перспектива статьи, ловко написанной и напечатанной въ

* Ну, отъ васъ зависитъ, любезный Б., исправить эту неловкость.

газетѣ читаемой начиная отъ государя до послѣдняго грамотнаго простолюдина, какъ нельзя болѣе ему улыбалась. Сестрица же его, Марья Алексѣевна, не пользовавшаяся, правду сказать, безотчетнымъ расположеніемъ этого брата, видѣла въ этой статьѣ, написанной по ея инициативѣ, пріятный случай сближенія съ случайнымъ и гордымъ братомъ своимъ. Съ другой стороны, желая и мнѣ пользы, Марья Алексѣевна хлопотала о статьѣ въ видахъ обращенія на автора ея вниманія такихъ могущихъ сановниковъ, каковы были: министръ двора и удѣловъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, и его правая рука по удѣльному вѣдомству, гофмейстеръ и сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій.

Марья Алексѣевна, какъ женщина самолюбивая, тщеславная и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывавшаяся и отъ услуги ближнему, особенно сели услуга эта не вредила личнымъ ея интересамъ, а, напротивъ, пріобрѣтала ей нѣкоторую дозу закрѣпощенности субъекта ею одолженнаго,—занялась всласть моимъ сближеніемъ съ своимъ высокопоставленнымъ братомъ и находила въ этой новой дѣятельности истинное удовольствіе. Хотя, коли правду сказать, она тутъ была нѣсколько въ родѣ знаменитой мухи басни Крылова извѣстной подъ названіемъ *Муха и дорожные*, потому что все дѣло могло устроиться безъ малѣйшаго ея содѣйствія: Льву Алексѣвичу желалось прочесть статью о только-что созданномъ имъ Земледѣльческомъ Училищѣ, которое начинало уже возбуждать зависть многихъ высокопоставленныхъ администраторовъ, изъ числа которыхъ графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ довольно энергично называлъ это учрежденіе „кукольною комедіей“ и „укрушкой фѣ пирюльки“. Съ другой стороны, подручникъ Льва Алексѣевича, только что не молившійся на него, директоръ новосозданнаго заведенія спалъ и видѣлъ подробную статью объ управляемомъ имъ заведеніи, въ которой онъ могъ бы провести собственноручно всѣ тѣ черты какія считалъ для себя наиболѣе подходящими. Для приведенія въ исполненіе послѣдняго обстоятельства, нуженъ былъ писатель молодой, сговорчивый, мало знакомый съ техникой дѣла, которому можно было легко вставить очки (кстати же я тогда еще, несмотря на прирожденную близорукость мою, очковъ не носилъ), а также представить одну лишь блестящую сторону медали.

Если Левъ Алексѣевичъ и Матвѣй Андреевичъ сильно желали осуществленія статьи, то, съ другой стороны, я также

очень ею интересовался, потому что Марья Алексѣвна мнѣ говорила весьма настоятельно: „Si votre article réussit, j'entends s'il est bien rédigé et pleut á mon frère Léon, votre carrière est faite“. * Николай Ивановичъ Гречъ также, при свиданіяхъ, поговаривалъ мнѣ что онъ отъ этой статьи, какъ напечатанной въ горячую пору объявленій о подпискѣ на 1835 годъ, много добраго надѣется. Все это вмѣстѣ взятое, согласитесь, дѣлало участіе многоуважаемой и добрѣйшей Марьи Алексѣвны почти излишнимъ; но надобно было дѣлать видъ будто вся инициатива ей принадлежитъ почти одной, и она повторяла въ счастливомъ самообольщеніи: „O! vous verrez: tout ira comme sur des roulettes. Faites moi seulement bien bacler cette affaire“. **

Le baclage de l'affaire, то-есть устройство или улаженіе дѣла началось съ того что Марья Алексѣвна, тотчасъ по моемъ уходѣ, написала цидулочку къ брату Льву Алексѣвичу, разумѣется по-французски, прося cher Léon прислать къ ней Байкова для нѣкоторыхъ переговоровъ по предмету предположенной статьи, de l'article en herbe, какъ она эписолировать изволила. Само собою разумѣется что Байковъ не заставилъ себя ждать, и явился въ назначенный часъ. Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ, подробности которыхъ мнѣ остались чуждыми, было то что ко мнѣ въ Фурштадтскую прилетѣла другая цидулочка слѣдующаго содержанія: „Cher B.! Après demain c'est grande fête, vous n'irez pas à votre département, et vous vous rendrez chez moi entre une et deux heures après midi. Nous déjeunerons en tout petit comité: moi, Max (то-есть ея мужъ, тучнѣйшій и добрѣйшій Максимъ Константиновичъ), vous et un individu, qui désire faire votre connaissance tout autant que vous, comme je le sais, la sienne. M. K.“ ***

Въ назначенный часъ, это, какъ теперь помню, было 15го августа 1834 года, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, я

* Если статья ваша удастся, то-есть если она будетъ ловко написана и понравится моему брату Льву, ваша карьера сдѣлана.

** Все пойдетъ какъ по маслу. Дайте мнѣ только хорошенько устроить это дѣло.

*** Любезный B.! Послѣзавтра большой праздникъ, вы не пойдете въ вашъ департаментъ и пожелаете ко мнѣ между часомъ и двумя пополудни. Мы будемъ завтракать въ весьма маленькомъ обществѣ: я, Максъ (то-есть ея мужъ), вы и одно лицо которое желаетъ съ вами познакомиться, столько же, какъ я то знаю, вы желаете знакомства съ нимъ.

явился въ Гагаринской улицѣ въ домѣ Капитула Орденовъ (до его нынѣшней постройки за 20 лѣтъ), въ столь знакомой мнѣ съ 1828 года квартирѣ орденскаго казначея генераль-лейтенанта Максима Константиновича Крыжановскаго, нѣкогда, въ памятный 1812 годъ, формировавшаго знаменитый баталіонъ финляндскихъ егерей, превратившійся въ лейбъ-гвардіи Финляндскій егерскій полкъ. У подъѣзда я замѣтилъ странный экипажъ, никогда до этого дня въ Петербургѣ мною не виданный, не то коляска, не то бричка, то-есть тарантасикъ, какъ въ послѣдствіи я узналъ, запряженный тройкой въ рядъ, малорослыхъ, краснорыжихъ, мохнатыхъ, гривастыхъ обвенковъ. На козлахъ сидѣлъ невзрачный, желтолицый, небольшого роста кучеръ, съ предлинными усищами, но съ крохотною черною бородкой. На вопросъ мой: чей экипажъ? возница, снявъ шляпу, отвѣтилъ съ хохладскимъ акцентомъ: „дыректора“. Въ маленькой гостиной, въ этой интимной гостиной любезной хозяйки, куда провелъ меня высокій сѣдоватый лакей въ деньщицѣй гвардейской формѣ, на диванчикѣ сидѣла сама Марья Алексѣевна, въ распашномъ сиреневомъ калотѣ поверхъ роскошной кружевной юбки; какъ всегда безъ всякой накладки, причесанная изящно своими густыми темнокаштановыми волосами. На широчайшемъ зеленомъ сафьянномъ вольтерѣ помѣщался чреватый въ бѣломъ лике жилетѣ и камлотовомъ темнозеленомъ сюртукѣ финляндскаго полка, по-домашнему, безъ эполетъ, громадный не столько ростомъ, сколько шириной Максимъ Константиновичъ, очень тяжелый на подъемъ, съ лицомъ оплывшимъ, красноватымъ, и съ деревянною тавлинкой въ лѣвой рукѣ, покоившейся на узкой подушкѣ кресла. На крайчикѣ стула съ высокою спинкой, по другую руку отъ хозяйки, сидѣлъ неизвѣстный мнѣ тогда еще Матвѣй Андреевичъ Байковъ, которому суждено было въ послѣдствіи играть довольно крупную роль въ драмѣ моей жизни. Байковъ въ то время былъ почти тѣмъ же, по наружности, чѣмъ я зналъ его въ продолженіи всего моего съ нимъ знакомства: роста менѣе средняго, сухощавый, волосы темнорусые подъ гребенку стриженные очень коротко, лобъ низкій, глаза какіе-то бѣлесовато-зеленоватаго цвѣта съ желтыми бѣлками, губы узкія, блѣдно-синеватыя, цвѣтъ лица краснобурый, лицо въ тонкихъ морщинкахъ, увеличивавшихся при смѣхѣ, когда глаза сжимались въ узенькія щелочки. Движенія имѣлъ онъ быстрые, торопливыя, сангвиническія, манеры угловатыя и несвѣтскія; но въ нихъ замѣтно прокрадывалось желаніе ра-

зыгрывать роль самого простодушнаго человѣка, скрывавшаго тщательно подъ этою напускною маской хитрость Хохла. Онъ былъ одѣтъ весь съ головы до ногъ въ статскую форму министерства удѣловъ, а на шеѣ у него висѣли, одинъ надъ другимъ, ордена Св. Анны и Св. Станислава, оба съ коронами. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ форменную фуражку съ зеленымъ бархатнымъ околышемъ; а въ фуражкѣ лежали вязаныя перчатки и пестрый клѣтчатый чужеленовскій носовой платокъ. Въ то время какъ я входилъ въ комнату, Байковъ что-то разказывалъ съ нѣкоторымъ жаромъ. Мой входъ пріостановилъ разказъ. Какъ водилось въ тѣ времена, столь далекія отъ нынѣшнихъ обычаевъ, я почтительно поцѣловалъ ручку хозяйки, и отвѣсилъ довольно низкій поклонъ добрѣйшему толстяку генералу, который дружески потрясъ мнѣ руку и, не вставая съ кресель, глядя въ сторону Байкова, сказалъ: „В. П. Б., сотрудникъ Николая Ивановича Греча“, а потомъ, взглянувъ на меня: „Директоръ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища статскій совѣтникъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ“. — „Будьте, господа, знакомы!“ полудружескимъ, полуповелительнымъ тономъ сказала Марья Алексѣвна.

— Я, ваше превосходительство, сказалъ Байковъ, пожимавшій мнѣ руку обѣими руками, для чего фуражку съ платкомъ подбросилъ подъ мышку, — знаю В. П. давно по его статьямъ въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ *Журналѣ Общеполезныхъ Своднѣй*. А моего сынишку Ондрю я дарю дѣтскими книжками издаваемыми подъ столь извѣстнымъ псевдонимомъ Виктора Бурьянова. Но только скажите на милость, мой старый и новый знакомый, зачѣмъ это вы взяли себѣ такой псевдонимъ, напоминающій собою одно изъ золь сельскаго хозяйства у насъ въ южныхъ степяхъ.

— Сказать правду, снанивничалъ я, — псевдонимъ этотъ я взялъ, не выикнувъ въ значеніе слова „бурьянъ“, которое мнѣ какъ-то приглянулось, когда я читалъ нѣкогда романъ Нарѣжнаго *Бурсакъ*.

— Что это за романъ такой? спросила Марья Алексѣвна.

— Нарѣжный, Мери, сказалъ Максимъ Константиновичъ, — замѣчательный писатель двадцатыхъ годовъ, мастерски описавшій нашу родную Малороссію.

— По этой части есть, кажется, Порфирій Байскій, псевдонимъ Ореста Сомова, бывшаго сотрудника Греча, замѣтила Марья Алексѣвна.

— Онъ и въ подметки не годится Нарѣжному, при всей гладкости своего языка, рѣшилъ Максимъ Константиновичъ и, обратясь къ Байкову, сказалъ:—Согласенъ со мною, землякъ?

— Какъ нельзя болѣе, ваше пр—во, отозвался господинъ Байковъ.—Но, позвольте вамъ доложить что теперь явился такой живописецъ нашей Хохландіи, какого никогда не бывало, нашъ родичъ, Гоголь Яновскій, явившійся впервые подъ вымышленнымъ названіемъ Пасѣчника Паньки Рудаго, — Николай Васильевичъ Гоголь Яновскій, который именно разъ какъ-то мнѣ выразилъ свое сожалѣніе зачѣмъ это господинъ Б. далъ предпочтеніе бурьяну и имъ прозвался.

— Видно изъ маленькаго кокетства съ публикой, смѣясь сказалъ Николай Васильевичъ,—чтобы сбылась пословица: „по прозвищу встрѣча, по уму проводы“. Хе! хе! хе!

— Да что жъ это такое „бурьянъ“? спросила съ видомъ жантильнаго нетерпѣнья Марья Алексѣевна.

Байковъ съ педантизмомъ профессора, какимъ онъ былъ недавно въ Харьковскомъ университетѣ, сталъ описывать ботаническія подробности этого тростниковаго растенія; но былъ прерванъ Максимомъ Константиновичемъ, который сказалъ:

— Ты, Мери, описаніе бурьяна найдешь въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара. Я найду тамъ это слово уже и дамъ тебѣ для прочтенія. И къ этому прибавилъ въ полголоса, по-англійски: —Пора бы и завтракать.

— Мой входъ, сказалъ я, обращаясь отчасти къ Байкову,—былъ, однако, причиной что Матвѣй Андреевичъ остановился на какомъ-то, вѣроятно, очень интересномъ разказѣ. Ежели это не секретъ, то я очень радъ бы былъ послушать, особенно если разказъ этотъ относится до Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

— Это и не секретъ, сказала Марья Алексѣевна, дергая сетку,—и относится до воспитанниковъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Матвѣй Андреевичъ намъ разкажетъ это сначала, пока позовутъ насъ къ столу, что будетъ не такъ-то скоро, потому что мой поваръ, воспитанникъ Нессельродовской кухни, что-то сегодня растерялся, не умѣя справиться съ настоящими малороссійскими варениками, какими я хотѣла угостить Матвѣя Андреевича за то что онъ прислалъ мнѣ съ фермы удивительнаго поросенка и такую сметану, какую въ городѣ за сто рублей не достанешь.

Байковъ вскочилъ съ мѣста и довольно неуклюже бросился

цѣловать ручку Марьи Алексѣевны, при чемъ едва не опрокинулъ карселевскую лампу, стоявшую на столѣ предъ диваномъ. А Максимъ Константиновичъ, улыбаясь, сказалъ:

— Ъзди къ намъ, землякъ, почаще: хозяйшка и меня тогда будетъ угощать галушками, да варениками.

Вошедшему на звонокъ слугѣ Марья Алексѣевна отдала какое-то шопотомъ приказаніе, а Байковъ говорилъ:

— Осмѣлюсь попросить ваше пр—во къ намъ въ нашу деревню, гдѣ я дозволю себѣ угостить васъ и борщомъ, и галушками, и утицей въ лукѣ, что все заьемъ такою запеканкой и такою вишневкой, какихъ и у гетмановъ небось, по усю ткло, да въ ротъ не попадало.

— Вашъ разказъ, вашъ разказъ, Матвѣй Андреевичъ! схмуривъ маленько брови, говорила Марья Алексѣевна.

И Байковъ тотчасъ началъ:

— Одинъ изъ лучшихъ нашихъ „мальчиковъ“, * Федосей Кузьминъ, нашъ церковный староста и примѣрный во всѣхъ отношеніяхъ, принадлежитъ къ Саратовской удѣльной конторѣ. Надобно вамъ вамъ сказать что, въ случаѣ рекрутскаго набора, конторы спрашиваютъ, согласно съ существующимъ на это Высочайшимъ повелѣніемъ, каково ведетъ себя въ училищѣ воспитанникъ взятый изъ того дома за которымъ очередь; и ежели онъ вполнѣ хорошъ, то его семейство освобождается отъ рекрутства. Кузьминъ въ это время былъ выдѣленъ изъ семейства и получилъ деньгами ту часть имѣнія которая на долю его пришла, и въ этомъ родственники его, дяди, братья умершаго отца, всячески старались его притѣснить и обсчитать. Какъ бы то ни было, онъ былъ совершенно отдѣленъ, и на семью къ которой онъ прежде принадлежалъ пала очередь. Что жъ дѣлаетъ Федосей? Онъ, забывая все, обращается съ просьбой къ своему начальству объ освобожденіи семейства родственниковъ его отъ очереди, увѣряя что на будущее время всячески будетъ стараться болѣе и болѣе заслужить эту чрезвычайную милость. Нельзя не согласиться что это черта прекрасная и, къ удовольствію такая которая исправила дурныхъ родственниковъ Кузьмина и имѣла весьма хорошее вліяніе на его сотоварищей, послуживъ имъ примѣромъ, который

* Байковъ и въ частномъ разговорѣ и въ официальной перепискѣ воспитанниковъ своихъ, у многихъ изъ которыхъ пробивалась изрядная борода, называлъ не иначе какъ „мальчиками“,

у насъ былъ темой многихъ правоучительныхъ бесѣдъ между „мальчиками“.

Ни я, ни Крыжановскіе не умѣли проникнуть шарлатанской сути этого случая, разукрашеннаго маской великодушія, за которою скрывались расчетъ и эгоизмъ умнаго ларня, понимавшаго что эта штука поставитъ его на пьедесталъ въ заведеніи, а когда онъ прибудетъ на родину, то этою же штукой онъ пріобрѣтетъ дома друзей и почетъ. А штука-то вся Федосею просто ничего не стоила. На такихъ фокусахъ, какъ я изъ горькаго опыта нѣсколькихъ лѣтъ моей службы въ училищѣ узналъ въ послѣдствіи, построена была нравственность заведенія.

Изъ гостиной мы перешли въ обширную столовую, гдѣ былъ накрытъ очень элегантно столъ на четыре персоны и гдѣ служили четыре официанта, два въ синихъ фракахъ съ бѣлыми галстуками и узкими галунами на воротникахъ и два въ денщицъей формѣ, одинъ Финляндскаго полка, а другой общегенеральской, съ краснымъ воротникомъ. На маленькомъ столикѣ стояла закуска и два граненыхъ графинчика съ водкой. Генераль пропустилъ въ горло, закинувъ голову, рюмочку какой-то черной жидкости, крикнулъ, закусилъ бутербродомъ съ чесночною калбасой и пригласилъ Байкова сдѣлать то же, сказавъ что это истинно волшебная, настоящая тысячетравная желудочная водка.

Байковъ опорожнилъ рюмочку, сказавъ:

— За здоровье вашего превосходительства, и обратясь ко мнѣ, спросилъ:—А вы, В. П., развѣ не пьете водочки?

— Онъ еще у насъ лтеньчикъ, сказалъ генераль, садясь къ столу и поглядывая съ наслажденіемъ гурмана на дымящагося поросенка, начиненнаго кашей и скалившаго бѣлоснѣжные зубы, между которыми держалъ лучокъ ярко-зеленой петрушки, причемъ словно повертывалъ своимъ закорюченнымъ въ колечко хвостикомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, который вамъ годъ, В. П.? спросилъ Байковъ, очевидно заигрывавшій со мною.

— Я родился въ 1812 году, отвѣчалъ я, принимая изъ рукъ Марьи Алексѣевны тарелку съ цѣлымъ окорочкомъ великодушнаго, казалось, сливоками отпоеннаго поросенка, мастерски изжареннаго.

— Не нужно быть большимъ математикомъ чтобы сказать что въ 1834 году вамъ 22 года, говорилъ Байковъ, затыкая се-

бѣ салфетку за галстукъ.—Но, помилуйте, никто не дастъ вамъ этихъ лѣтъ: по наружности вамъ много-много 18—19 лѣтъ.

— А я васъ сегодня, господа, угощу завтракомъ почти на китайскій ладъ, замѣтила Марья Алексѣевна, дѣлая честь взятой ею порціи:—начинаемъ жаркимъ, которое превосходно, будемъ продолжать варениками, ежели они удадутся, и закончимъ чашкой бульйона изъ рябчиковъ. Я гдѣ-то читала что китайцы начинаютъ конфетами и кончаютъ супомъ.

Вскорѣ явились вареники, облитые такою сметаной какой мнѣ не случалось никогда ѣсть, и оказалось что ученикъ Нессельдорфской кухни въ грязь лицомъ не ударился предъ знатокомъ хохладской кухни, Байковымъ, восхищавшимся варениками.

Послѣ бульйона, о которомъ Байковъ счелъ обязанностію отозваться что такой изъ рябчиковъ бульйонъ—вещь превосходная, но ужь очень аристократическая и не для его демократическаго кармана—поданъ былъ кофе въ настоящихъ севрскихъ чашкахъ и при кофе луссъ-кафе, котораго и я позволилъ себѣ взять рюмочку съ наперстокъ, тѣмъ болѣе что Марья Алексѣевна даже поставила подлѣ своей чашечки эту гигиеническую сладко-спиртную жидкость, дѣйствительно не безполезную послѣ завтрака состоявшаго изъ блюдъ далеко не пищеварительнаго свойства. Генерала сильно подмывало желаніе покурить жуковъ табакъ изъ своей глиняной стамбулки на предлинномъ черешневомъ чубукѣ. Генеральша это замѣтила и, противъ своего обыкновенія, велѣла одному изъ лакеевъ принести трубку съ табакомъ въ столовую, хотя обыкновенно она табакокурение допускала исключительно лишь въ мужиномъ кабинетѣ; въ другихъ же комнатахъ ея превосходительства табакъ былъ положительно контрабандой, позволявшеюся одному только ея брату, генералъ-адъютанту Василью Алексѣевичу Черовскому, знаменитому въ послѣдствіи походомъ въ Хиву, стоившимъ Россіи столькихъ жертвъ деньгами и людьми. Цѣня высоко эту льготу, предоставленную ему его чолорною женой, Максимъ Константиновичъ, принявъ чубукъ, вмѣнилъ себѣ въ обязанность нѣжно-почтительно поцѣловать женину руку.

— А вы, Матвѣй Андреевичъ, развѣ не курите? спросилъ Байкова генералъ, начинавшій уже дремать послѣ этого болѣе чѣмъ сытнаго завтрака.

— Я-съ раскольникъ, ваше превосходительство, отозвался Байковъ съ постоянною своею усмѣшкой.— Да и хорошъ бы я былъ, ежели бы любилъ курить, когда постоянно, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава нашего училища, долженъ наблюдать за „мальчиками“ чтобъ они этимъ зѣлѣемъ не занимались. Табакъ, вино и женщины у насъ сильнѣйшимъ образомъ преслѣдуются, вслѣдствіе строгихъ параграфовъ нашего заведенія.

— Ну, табакъ и водка, согласна, замѣтила Марья Алексѣевна,—это страшная скверность. Но какъ же ваши воспитанники, или ваши „мальчики“, все большею частію зашедшіе за двадцать лѣтъ парни, могутъ жить совершенно монахами, безъ всякаго знакомства съ женскимъ поломъ? Неужели же у васъ, въ вашемъ училищѣ, гдѣ есть женатые чиновники, нѣтъ женской прислуги?

— Какъ не быть-съ, объяснял Байковъ съ постоянною своею усмѣшкой,— какъ не быть-съ, ваше превосходительство. Есть даже дѣвчонки и бабенки пресмазливенькія; но мои „мальчики“ до того стыдливы и скромны, до того углублены въ свои занятія что имъ никогда и въ голову не приходитъ мысль мало-мальски нецѣломудренная, хотя они поступаютъ къ намъ не моложе семнадцатилѣтняго возраста, считающагося въ деревенскомъ быту совершеннолѣтнимъ; со всѣмъ тѣмъ во время шестилѣтняго своего пребыванія въ училищѣ ни одинъ изъ нихъ и не подумаетъ о женщинахъ, иначе какъ развѣ вспомнить иногда о матери или о сестрѣ, оставленныхъ на родинѣ.

— Или они васъ обманываютъ, спорила Марья Алексѣевна,— или вы, прости вамъ Господи, употребляете какія-нибудь особыя жестокія мѣры.

— Какъ обманъ, такъ и развратъ, пояснял Байковъ, — неизвѣстны нашимъ мальчикамъ. Что же касается до жестокихъ мѣръ, то хотя уставомъ предоставлено директору давать воспитаннику за провинность максимумъ до ста розогъ, а помощникъ имѣетъ право на пятьдесятъ, но мы никогда не прибѣгаемъ къ этимъ унижительно-мучительнымъ для человѣчества средствамъ искорененія пороковъ. И зачѣмъ они намъ, когда у насъ каждый „мальчикъ“ въ чемъ-либо провинившійся считаетъ верхомъ несчастья своего и самымъ большимъ наказаніемъ появленіе его имени на черной классной доскѣ. И

знаете ли что въ этомъ случаѣ въ особенности его огорчаетъ? Не то что глаза всѣхъ и каждаго увидать его имя на штрафной доскѣ, крупно мѣломъ написанное, нѣтъ, а то что это огорчитъ обожаемаго ими начальника, его превосходительство Льва Алексѣевича.

На лицѣ Марьи Алексѣевны промелькнула недовѣрчивая и досадная гримаска въ видѣ улыбки весьма недобраго свойства, и она, подумѣясь, сказала Байкову:

— А вслѣдъ за этимъ огорченіемъ братца моего Льва Алексѣевича, который, я знаю, не охотникъ прощать то что ему непріятно, не бываетъ ли стираніе имени провинившагося съ доски и пречувствительное наказаніе за кулисами?

— Извините, ваше превосходительство, сказалъ Байковъ уже безъ усмѣшки, — но вы не изволите знать наше училище и нравы какъ нашихъ „мальчиковъ“, такъ и его превосходительства, вашего братца, нашего благодѣтельнаго начальника. Онъ ненавидитъ тѣлесныя наказанія и не дозволяетъ никому ни слова объ нихъ говорить, а хочетъ и достигаетъ до исполненія этой святой воли, чтобы все дѣлалось у насъ на основаніи убѣжденія и любви. Мы, всѣ начальники заведенія, то-есть я, мой помощникъ, полицеймейстеръ, эконокъ, смотрителя, мастера, учителя, проникнуты чувствомъ убѣжденія что съ русскимъ простолюдиномъ, сердце котораго мягко какъ воскъ, можно сдѣлать все прекрасное при справедливости, правотѣ, искренности и чистосердечіи. Между всѣми нами, начальствующими, и между ними, подчиненными, существуетъ какъ бы духовный невидимый токъ взаимности, благодаря которому между нами нѣтъ ничего скрытнаго, все наружу, и мы всѣ, старшіе и младшіе, составляемъ какъ бы одну семью, надъ которою постоянно присутствуетъ духъ добра и сердечной чистоты. Повѣрите ли, ваше пр—ство, что нашъ маленькій городокъ, гдѣ каждая песчинка, каждый листочекъ намъ свои, какъ бы родные, намъ до того милъ и сладостенъ что мы не умѣемъ нигдѣ находить столько истиннаго, тихаго, душевнаго удовольствія какъ дома, окруженные нашею трехсотдушною молодогоу семьей. И семья эта намъ отвѣчаетъ тѣмъ же.

Склонный къ воспріимчивости самой нѣжной, развитой во мнѣ женскимъ воспитаніемъ, я, какъ теперь помню, расчувствовался, увлекся этимъ описаніемъ и сказалъ, обращаясь къ Байкову:

— Милостивый государь, Матвѣй Андреевичъ! Этотъ вашъ благородно - откровенный разказъ влюбилъ меня вполне въ васъ, въ ваше начальство и въ ваше заведеніе, почему я обращаюсь къ вамъ съ просьбой дозволить мнѣ пріѣхать на дняхъ въ училище ваше, осмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ и потомъ описать для напечатанія статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*.

Байковъ схватилъ двумя руками мою руку, привлекая къ себѣ, и разцѣловалъ, говоря:

— Съ сердцемъ на раслашку, по-русски примемъ васъ, благороднѣйшій В. П., и все, все, все вамъ покажемъ не казовымъ концомъ, а съ полнѣйшею откровенностью, не скрывъ ничего, ничего. Только прошу васъ, ежели будете печатать ваше описаніе, во первыхъ, подписать подъ нимъ вашу фамилію, во вторыхъ, не расточать похвалъ нашему скромному начальству. Знаете ли, дѣло вѣдь прошлое, а за ту статью о землемѣрскомъ училищѣ, Левъ Алексѣвичъ остался не очень-то доволенъ: онъ терпѣть не можетъ всѣхъ этихъ расхваливаній, да еще въ печати, которыя, повидимому, и помѣшали вамъ подписать подъ статьей вашу фамилію.

— Вы вполне угадали причину неподписанія мною той статьи, сказалъ я;—но хвалебная фразеологія была не моей фабрикаціи: ее вставилъ г. Алексѣевъ, директоръ заведенія.

— Какже, засмѣялся Байковъ, сощуривъ совершенно щелчки бѣлосоватыхъ глазъ,—какже-съ. Чудакъ! Вздумалъ еще хвастаться Льву Алексѣвичу своимъ подвигомъ. Ужъ намылили же ему голову его превосходительство! Ежели бы статья была подписана и изложена въ иномъ тонѣ, то, само собою разумѣется, нашъ доблестнѣйшій начальникъ не оставилъ бы ни ее, ни автора ея безъ своего вниманія и своей признательности.

Слово „признательность“ показалось мнѣ какъ-то не созвучнымъ, и я съ нѣсколько смущеннымъ видомъ спросилъ Байкова о томъ, въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ „признательность?“

— Въ весьма простомъ-съ, отвѣчалъ хитрый Хохолъ. — Смѣю думать что вы признали бы знакомъ очень пріятной для васъ признательности, когда столь высокій сановникъ, какъ Левъ Алексѣвичъ и, главное, такой просвѣщенный какъ онъ человѣкъ, сказалъ бы вамъ, при встрѣчѣ, напримѣръ, хоть

здѣсь у ея превосходительства Марьи Алексѣвны, нѣсколько искренно привѣтливыхъ и любезныхъ словъ, сказанныхъ не форменно, а истинно отъ души. Вотъ и признательность!...

Скоро послѣ этого Байковъ, вынувъ часы, сказалъ что онъ засидѣлся въ пріятномъ обществѣ; а, между тѣмъ, дѣла тьма: черезъ недѣлю великій праздникъ коронаванія (22го августа), и въ училищѣ будетъ торжество изъ торжествъ, для котораго не мало приготовленій, и всѣ эти приготовленія лежатъ на его отвѣтственности.

— Изволите видѣть, Льву Алексѣвичу угодно хорошенько потѣшить „мальчиковъ“ за ихъ успѣхи и поведеніе. Его превосходительству угодно было составить программу праздника. Проказникъ же, право, проказникъ! Тѣшится весельемъ „мальчиковъ“ словно своимъ собственнымъ и не даетъ мнѣ покоя, чтобы все устроено было въ самомъ лучшемъ видѣ.

— Въ чемъ же будетъ состоять эта программа-то? спросила Марья Алексѣвна.

— Секретъ, ваше пр-во, секретъ-съ, смѣялся Байковъ.

— Ну, я не выдамъ брату вашего и его секрета, настаивала Марья Алексѣвна.—Мнѣ смерть какъ хочется знать. Я почти увѣрена что у васъ будетъ: вопервыхъ, молебны безъ числа, воторыхъ, конфекты за обѣдомъ, послѣ обѣда чай по чашкѣ, тамъ поларно. прогулка по полямъ, лѣніе „Боже царя храни!“ безъ конца; среди всего этого Матвѣй Андреевичъ, въ мундирѣ при шлагѣ, взойдетъ на кафедру, вытасченную на дворъ заведенія, который огромень какъ воронежская степь, и будетъ разказывать своимъ бородатымъ „мальчикамъ“ значеніе царской коронаціи, пройдя слегка по учебнику всю исторію Россіи. Затѣмъ вдругъ на дворъ влетитъ карета шестерикомъ, и изъ кареты выйдетъ Левъ Алексѣвичъ въ гофмаршальскомъ мундирѣ, затканномъ золотомъ какъ риза, въ лентѣ, въ звѣздахъ, въ шляпѣ съ бѣлымъ плюмажемъ. „Здравствуйте, „мальчики!“ — „Здравія желаемъ, ваше превосходительство. Ура!“ — „Поздравляю съ царскимъ праздникомъ!“ — „Благодаримъ и поздравляемъ ваше превосходительство! Ура!“ — „Молитесь, „мальчики“, чтобы Богъ хранилъ царя.“ — „Ради молиться (вмѣсто, „стараться“), ваше превосходительство! Ура!“ „Боже царя храни!“ И пошло, и пошло, и пошло.—Левъ Алексѣвичъ въ восхищеніи цѣлуетъ умиленнаго директора, который кричитъ: „Ребята! Его превосходительство велитъ мнѣ передать вамъ этотъ поцѣлуй!“ И сдуваетъ, какъ дѣлаютъ

дѣти, поцѣлуй съ ладони. „Мальчики“ (съ бородками) кричать: Ура! — Въ это время являются официанты съ подносами и разносятъ 300 чашекъ шоколата. „Мальчики“ (съ бородками) пьютъ шоколатъ и сосутъ бисквиты; но любимый нилитокъ Лудовика XV и маркизы Помпадуръ не по душѣ „мальчикамъ“ (съ бородками): они его, большею частію, выливаютъ и выплевываютъ, находя что это видно вмѣсто сбитня имъ для шутки фельдшеръ Александровъ наварилъ какое-то аптекарское угощеніе. Вотъ вамъ и программа! Теперь ужъ не разказывайте: я не хочу слышать вашу программу.

Разказъ Марьи Алексѣевны былъ такъ забавенъ что, разбудивъ давно спавшаго ея Макса, заставилъ его смѣяться: Байковъ же заливался напускнымъ смѣхомъ, по поводу котораго Марья Алексѣевна мнѣ въ полголоса сказала: „*Il rit jaune! Après son départ vous resterez un moment, j'ai à vous dire deux mots.*“ *

— Программу вашего превосходительства, говорилъ Байковъ,—я передамъ его превосходительству Льву Алексѣвичу, который придумалъ совсѣмъ другую, и ежели ваши превосходительства Марья Алексѣевна и Максимъ Константиновичъ пожалуете на нашъ праздникъ 22го августа, то увидите вовсе не то: изъ вашей программы останется только молебень и народный гимнъ; но вмѣсто чая, шоколата, оршада, лимонада, конфектъ и мороженаго, у насъ будутъ устроены фонтаны съ домашнимъ пивомъ, малиновымъ квасомъ, шилучею водянойкой, будутъ горы пироговъ всякихъ, будутъ по всему училищу на доскахъ носить жаренаго быка съ позолочеными рогами, назначеннаго на ростбифъ къ обѣду, потомъ будутъ лѣсни, пляски, игры въ горѣлки (конечно между „мальчиками“); угощаться будемъ пряниками, орѣхами, яблоками и пр., вечеромъ зажжемъ доморощенную иллюминацію и освѣтимъ транспараны, сожжемъ фейерверчикъ и въ конецъ концовъ распотѣшимъ „мальчиковъ“ китайскими тѣнями, фантазмагоріей, собачьимъ баломъ и ташеншилдерскими фокусъ-покусами.

— Вотъ это программа такъ программа, сказала Марья Алексѣевна,—жаль только что ваши „мальчики“ съ бородками будутъ танцовать между собою, безъ участія какихъ-нибудь пасторалекъ изъ Колымагъ или изъ Парголова. Мы съ Мак-

* Онъ смѣется сквозь слезы! Когда онъ уѣдетъ, вы останьтесь на минутку: мнѣ нужно вамъ два слова сказать.

сомъ у васъ 22го непременно будемъ вечеромъ: я измѣню для васъ даже придворному балу.

Предъ окончательнымъ уходомъ, Байковъ уговорился со мною, что я буду у него въ слѣдующее воскресенье въ 10 часовъ утра непременно.

Когда Байковъ удалился, и его тарантасикъ простучалъ по мостовой, я взялъ свою шляпу, благодаря Марью Алексѣевну за то что она такъ мастерски устроила знакомство съ Байковымъ, о которомъ я ей говорилъ съ искреннимъ удовольствіемъ.

— Je vois, que vous avez donné dedans. Mais une fois à l'école d'agriculture, tachez d'être sur vos gardes et de ne pas trop vous extasier sur toutes les jolies choses, qu'on vous fera voir. *

Я благодарилъ мою добрую протекторшу, взявшую эту роль съ 1828 года, когда мнѣ было съ небольшимъ 16 лѣтъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ старался доказывать ей что она, кажется, смотритъ на Байкова въ черные очки какого-то предубѣжденія. Марья Алексѣевна повторила мнѣ опять свое наставленіе что когда я буду въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, то долженъ постоянно помнить ея совѣтъ и держать себя похолоднѣе, безъ малѣйшаго выраженія излишнихъ восторговъ, которые могутъ повредить будущей статьѣ, а отъ статьи-то зависитъ, можетъ-быть, моя будущность. Въ это время лакей доложилъ что карета ея превосходительства готова, и я удался.

IV.

Наканунѣ назначеннаго мнѣ Матвѣемъ Андреевичемъ воскресенья, которое приходилось на 18е августа, уговорился я съ вечера съ извозчикомъ, квартира котораго находилась въ Фурштатской подлѣ дома гдѣ я жилъ. Извозчикъ этотъ былъ человѣкъ пожилой, изъ государственныхъ крестьянъ Новгородской губерніи. Условія наши состояли въ томъ что я нанимаю его съ восьми часовъ утра или на половину дня, или на весь день до ночи, смотря по тому какъ мнѣ случится пробыть въ Земледѣльческомъ Училищѣ. Я далъ ему, какъ водится,

* Вижу что вы попались. Но разъ вы будете въ Земледѣльческомъ Училищѣ, постарайтесь быть насторожѣ и не слишкомъ восхищаться всеми хорошенькими вещами какія будутъ вамъ показывать.

въ задатокъ нѣсколько денегъ, а онъ вручилъ мнѣ свою нумерную жестянку, въ видѣ обезпеченія. Въ тѣ времена петербургскіе извозчики носили на спинѣ нумерныя четырехугольныя или круглыя жестяныя дощечки, съ выпуклымъ изображеніемъ части города, гдѣ его квартира, и нумера билета выданнаго ему отъ городской думы. Итакъ, въ воскресенье, въ восемь съ половиною часовъ утра мы двинулись. Старикъ-возница имѣлъ дрожки не казистыя, но прочныя, а коня рослаго и крѣпкаго, въ родѣ воронежскихъ битюговъ, съ ходомъ не быстрымъ, правда, да за то съ ногами здоровыми и съ крупнымъ шагомъ. Я былъ въ темной камлотовой шинели съ капишономъ и фуражкѣ, а не въ цилиндрѣ, потому что ѣхалъ за городъ, хотя и всего-то на двѣ версты отъ городской черты, въ карманѣ же моего коричневаго сюртука я имѣлъ довольно объемистую записную книжку съ карандашомъ, при особой справочной меморіи, заключающей въ себѣ до 30 вопросовъ какіе я находилъ нужнымъ предложить г. Байкову, въ видахъ собранія свѣдѣній о заведеніи которое я намѣревался описывать во всѣхъ подробностяхъ.

Дорога, правду сказать, мнѣ предстояла не очень-то близкая: надо было проѣхать чрезъ всю Выборгскую сторону, почему, отчасти для сокращенія времени, отчасти и ради развлеченія, я пустился въ собесѣдничество съ моимъ сѣдоватымъ возницей, починъ къ чему однако былъ сдѣланъ имъ, а не мною.

— Это вы, баринъ, изволите ѣхать въ „Земледѣльческое“? спросилъ меня извозчикъ на Воскресенскомъ мосту, до котораго мы доѣхали молча. — Вы тамъ часто бывали? Ёдите не впервые?

— Нѣтъ, именно впервые, и ничего не знаю объ этой крестьянской школѣ.

— А вотъ я такъ бывалъ тамъ ужъ много разъ: возилъ все по четвергамъ какого-то, вишь, учителя лѣвня. Онъ тамъ учитъ тамошнихъ ребятъ лѣвнію церковному и всякому другому. Ученики тамошніе все наша братья мужички, да только ужъ лоббно вышколенные и ловкіе парни. По воскресеньямъ да по праздникамъ здѣшній церковный хоръ, душъ въ 40 кажись, поетъ такъ ладно что съ окрестныхъ дачъ, изъ Колымягъ, изъ Лѣснаго, да даже изъ Парголова приходитъ и пріѣзжаетъ не мало публики въ церковь. Пѣвчіе, вишь, поютъ больно хорошо, а батюшка-то совершаетъ божественную службу такъ оно ясно, да повятно, не въ примѣръ лучше чѣмъ служатъ попы

въ нашихъ-то приходскихъ церквахъ, гдѣ, прости Господи, одинъ только грѣхъ нашему брату темному человѣку, ничего-таки не возьмешь въ толкъ. А здѣсь-то, намереди, привелось мнѣ довольно долго ждать съ сѣдочкомъ въ одинъ воскресный день. Случился между извозчиками одинъ землякъ съ одной квартиры со мною, я ему и наказаль коня-то поберечь, а самъ бляху-то спряталь, распоясася да и вошелъ въ церковь, въ то время какъ священникъ уже собирался Евангеліе читать. Ну ужъ спасибо этому батюшкѣ: читаль такъ что все до единого слова я лоняль; то была притча о талантахъ зарываемыхъ въ землю. И послѣ этого этотъ же самый священникъ, такой изъ себя ражій, да красивый, съ бородой русою, широкою лопатой, говорилъ проповѣдь все объ этихъ-то о талантахъ-то. Такъ назывались, узналь я тогда, сударь, деньги въ той сторонѣ далекой, предалекой, гдѣ Іисусъ Христосъ проповѣдываль Свое святое слово.

— Ну, а разговариваль ты тамъ въ училищѣ съ тамошними учениками?

— Разговаривать-то разговариваль, какъ не разговаривать. Тамъ, вишь, и наши Новгородцы таки есть изъ удѣльныхъ деревень, да мало ихъ. Все больше изъ Симбирской губерніи разныхъ уѣздовъ: въ той-то губерніи, говорятъ, особенно много удѣльнаго крестьянства; почитай что вся Симбирская губернія удѣльнаго вѣдомства.

Ну что же эти тамошніе ученики-то тебѣ разказывали?

— Да что разказывать, баринъ! Настоящей-то сути, по Божески, и полной правды отъ нихъ не дознаться. Годъ только прошелъ, какъ училище это открыто и пошло въ ходъ, а ужъ какъ парни-то наши изловчились и какими они стали толковыми, да какъ они красно не по-нашему, а все по-книжному говорить умѣють. Одначе въ разговорѣ съ ними не далеко уйдешь, потому, то-есть, что тутъ у воротъ, гдѣ съ ними только и можно бы покалякать,—всегда часовой унтеръ стоитъ и за каждымъ что ни есть ихнимъ-то словомъ наблюденіе имѣеть. Ученикамъ-то оно, вишь, какъ-будто и боязно: начальство, чего добраго узнаеть, примѣромъ будучи сказать, о томъ что баилъ парень, хоть такъ какой-нибудь Трофимъ Петровъ или Яковъ Сидоровъ, что ли. Потому то-есть самому другаго отъ земляковъ этихъ и не услышимъ, какъ денно и нощно славимъ де Бога за неисчерпаемыя его къ намъ милости и за ниспосланіе намъ такого благодѣтельнаго начальства, и на томъ

только и стоять что начальство-то благодѣтельное и Бога-то за него все надо денно и нощно благодарить. Словно заученная рѣчь, какъ бы не во гнѣвъ вашей милости быть сказано, тѣ зеленые, да сивые полки которыхъ въ вешнюю пору на биржу Голландцы къ намъ привозятъ. И эта вѣдь лгига умѣетъ, сами знать изволите, коли ее подучить порядкомъ, такую рѣчь пробарабанить.

Этотъ разказъ подѣйствовалъ на меня не ладно, и я не могъ не подумать что слова слышанныя мною отъ г. Байкова, у генеральши Крыжановской, и дѣйствія о которыхъ узнаю такъ наивно теперь живутъ между собою въ розни презрительной.

— Ну, а какъ ты думаешь, сѣдина, спросилъ я словоохотливаго извозчика,—зачѣмъ и для чего учреждено Царемъ это училище и почему на него дѣлае миллионы рублей потрачены? Согласенъ ли ты что все это дѣлается для пользы, для просвѣщенія, для будущаго счастія и богатства вашего брата, русскаго крестьянина?

— Да-съ, баринъ, такъ здѣшніе ученики калякаютъ, да также словно ведутъ заученную рѣчь. Они толкуютъ что каждому изъ нихъ тутъ шестилѣтній или пятилѣтній срокъ для обученія земледѣлію, мастерствамъ, землемѣрію, черченію плановъ и разнымъ другимъ хитростямъ. А какъ всю эту премудрость пройдутъ, и изъ дурной землицы, неплодородной, выучатся дѣлать добрую и плодородную, то поѣдутъ каждый на родину, гдѣ имъ дадутъ образцовыя усадьбы со всѣмъ заведеніемъ и съ богатѣйшимъ скотомъ и съ полнымъ хозяйственнымъ скарбомъ. Тутъ-то они изъ дурной земли будутъ творить хорошую, на удивленіе и на примѣръ всему крестьянскому люду, который самъ перейметъ отъ нихъ всю суть, и ужъ потомъ никогда дурныхъ урожаевъ имѣть не будетъ.

— Чтò жъ, развѣ худо что ли это, старина? Шутка ли: никогда не имѣть худыхъ урожаевъ и съ каждымъ годомъ все больше и больше богатѣть и благоденствовать? спросилъ я, замѣчая въ тонѣ моего собесѣдника нотку звучащую ироніей.

— Знамо дѣло что хорошо, какъ не хорошо, продолжалъ возница,—богатѣть и не знать неурожаевъ! Да только средства-то на это нужны не наши, не крестьянскія, чтобы съ почвой, да съ погодой борьбу вести. Здѣсь, когда всѣ расходы изъ богатой удѣльной касы идуть, можно пробовать и то, и другое, на пользу хозяйства; а намъ, мужикамъ, эти штуки не пристали и больно дорого обходиться могутъ.

— Для того-то чтобы вамъ не тратиться на всякія дорогія испытанія, казна траты эти на свою-то, какъ ты говоришь, кису принимаетъ, зная что безъ потерь ни до чего въ хозяйствѣ не добиться. Вотъ, какъ здѣсь эти ученики все поузнаютъ, такъ въ деревню привезутъ дѣло что твое облупленное ячико: прямо въ ротъ клади. Они вамъ будутъ на самой сути показывать то что вамъ будетъ дешево обходиться, имъ же стоило много труда, а казнѣ много денегъ.

— Такъ-съ то такъ, имъ много труда, а казнѣ много денегъ все это стоитъ и будетъ стоитъ. Правда ваша, сударь; да только, кажись, ежели въ заморскихъ земляхъ люди дошли до такихъ тонкостей что по книгамъ знаютъ какъ изъ самой что ни на есть худой почвы сдѣлать плодородную, надобно бы было и намъ, Русскимъ, взять эти-то самыя книги, да по нимъ и мастерить. А то, вишь, видно что и въ Нѣмчинѣ не совсѣмъ-то къ такимъ дѣламъ еще приловчились, коли у нихъ-то, у Нѣмцевъ, еще все это не совсѣмъ толково на бумагу положено.

— Отчего же ты, дружокъ любезный, такъ думаешь?

— Да, оттого, примѣромъ будучи сказать, зачѣмъ, коли такія книги мудрыя есть, не взяло ихъ, да не прочло здѣшнее хоть бы начальство? Такъ вѣтъ: оно, вишь, видно, слышало звонъ, да не совсѣмъ знало гдѣ онъ, и годъ тому назадъ, чтобы разомъ сдѣлать здѣшнюю почву плодородною и богатою изъ самой песчаной, кислой и неплодородной, затѣяло штуку премудреную, изъ которой кромѣ худа ничего не вышло.

— Какую же это такую штуку начальство-то выдумало? спросилъ я, улыбаясь.

— А такую, лукаво усмѣхнувшись, сказалъ мужичокъ,—такую что ни въ какую голову, кромѣ какъ развѣ въ учевую-преученную, такая выдумка никогда не придетъ. Говорилъ я вамъ, баринъ, что нерѣдко сюда вожу я учителя пѣнія изъ города, да и мимо-то, въ Парголово возя сѣдоковъ, ѣзжу не рѣдко. Такъ годъ тому назадъ въ самомъ почти началѣ здѣшняго хлѣбопашествія, дивовался больно я, дивовались и всѣ добрые люди, на то какъ съ боемъ изъ города цѣлыми вереницами бочекъ сороковыхъ, большущихъ, пребольшущихъ, возили сюда бычачью и иную скотскую свѣжую кровь, и какъ бочку привезутъ, такъ и выльютъ на полъ, то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ мѣстѣ, вездѣ, гдѣ, по приказанію директора, разставлены были вешки со значками, чтобы

показать что на этихъ-то самыхъ мѣстахъ и находится земля что ни есть неплоднѣе. Директоръ собиралъ къ этимъ-то къ самымъ мѣстамъ своихъ учениковъ и говорилъ имъ: „Вотъ, ребята, въ чужихъ краяхъ, гдѣ Нѣмцы, да Англичане живутъ, такъ-то на такую скверную почву, Богомъ не благословенную для питанія человѣковъ,—выливаютъ вотъ такую-то кровь, и какъ выльютъ, да дадутъ ей внутрь земли этой просочиться,—земля получить тѣ соки въ какихъ ей Богомъ отказано; ее тогда взори порядкомъ, сколь можно поглубже, и вотъ по этой взоранной, да поперекъ перелаканной новинѣ свѣй не робей какое хочешь зерно, конечно, съ первоначала какое есть попроще, примѣромъ будучи, хоть бы овесъ, и онъ уродится знатно.“ Дивовались парни умной рѣчи директора, дивовались много; а потомъ, баринъ, подивовались еще больше, когда вмѣсто обѣщаннаго директоромъ плодородія, всѣ эти мѣста, залитыя свѣжею кровью, стали издавать такую смрадную вонь что, прости Господи, шла она вокругъ до того что съ окрестныхъ дачъ пошли къ начальству жалобы, а разные лѣкаря стали говорить будто отъ этой кровавой поливы, чего добраго, и до заразы одинъ шагъ. Къ тому же развелось тутъ послѣ перваго дождя червя землянаго видимо не видимо и поползъ онъ, проклятый, вездѣ. Мало этого: еще мышь полевая одолѣла; откуда ни возмись ея тьмы тьмуція. Видитъ директоръ, плохо дѣло! Ужь какъ ни милостивъ и какъ ни ласковъ къ нему высшій начальникъ, важный такой дворцовый генералъ, весь въ звѣздахъ и въ золотомъ мундирѣ, съ царскимъ золотымъ ключомъ на поясищѣ, и тотъ сталъ что-то неудовольство показывать. Оставилъ директоръ свою гордыню, да поскакалъ въ городъ къ такимъ людямъ что больше его знаютъ. Тѣ люди засмѣялись, да и говорятъ: „Какъ же это такъ вы свѣжую кровь выливали?“ Надо вѣдь ее съ известью, да съ разными перегноями смѣшивать и дѣлать изъ нее такую мѣшаницу что „компостомъ“ называется, а не просто лить, чтобы червяка, да мышь плодить и въ самой землѣ ржавчину заводить. Возьмите для этого вотъ такія, да такія книжицы; а теперь поскорѣ примитесь, на всѣ эти мѣста, что кровью изгадили, валить возы безъ счета извести-кипѣлки: она выѣстъ ржавчину, прогонитъ смрадъ и убьетъ червя и мышь.“ Послушалъ директоръ, и все дѣло поправилъ, да только ужъ въ карманъ казны не всыпалъ тѣхъ десятковъ тысячъ рублей, какихъ вся эта шутка стоила.—Правда, казна богата, что ее беречь! На то и казна чтобы

тратить изъ нея. Да легко ли сказать: нѣсколько десятковъ тысячъ бочекъ свѣжей крови и нѣсколько тысячъ лудовъ извести-кипѣлки! Однако, вотъ ужъ и поля училищныя начинаются по лѣвую нашу руку.

Разказъ о неудачномъ удобреніи полей свѣжею кровью подѣйствовалъ на меня непріятно. Но это впечатлѣніе было облегчено представившимся мнѣ зрѣлищемъ земледѣльческаго совершенства на ровныхъ поляхъ, отдѣленныхъ отъ дороги ровомъ и безконечною бѣлою балюстрадой, состоявшею изъ безчисленныхъ столбовъ съ тонкими баласинами. У самаго начала поля стоялъ высокій бѣлый же столбъ съ позолоченнымъ государственнымъ гербомъ и надписью золотыми буквами: „Удѣльное Земледѣльческое Училище.“ На щитѣ было еще что-то прописано. Я остановилъ извозчика говоруна, взялъ мой лорнетъ (очковъ я тогда еще не носилъ, рѣшившись на это лишь съ 1842 года) и прочелъ: „Высочайше учреждено съ 15го мая 1832 года. Открыто 1го октября 1833 года. Воспитанниковъ по уставу 250 чел. Въ участкѣ 85 десятинъ. Подъ строеніями въ ширину (по Выборгской дорогѣ) 100, а въ длину (къ Колымагамъ) 120 саж. * Я тотчасъ послѣшилъ внести въ мою книжку эти цифры. Поля, уже убранныя, отчасти золотились недавно снятымъ жнивомъ, по которому телерь ходило училищное стадо саутдоунскихъ и лейстерскихъ овецъ, съ необыкновенно густою волной и отличавшихся отъ мериносовъ и отъ всѣхъ русскихъ овечьихъ породъ громаднымъ ростомъ и своеобразною красотой формъ. Я тотчасъ вспомнилъ то что недавно читалъ въ московскомъ *Журналѣ Сельскаго Хозяйства* (редактированномъ С. А. Масловымъ) объ этой превосходной породѣ, дающей волну для различныхъ шерстяныхъ тканей и обильную наинѣжнейшимъ и наисочнѣйшимъ мясомъ, не имѣющимъ и самаго малѣйшаго

* Въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ училище было въ 1834 году, когда я съ нимъ познакомился; но оно въ послѣдствіи значительно увеличилось, чрезъ приобрѣтеніе земель купца Лихачева и сенатора Ланскаго. Число воспитанниковъ стало заходить за 300 человекъ, такъ какъ, по особеннымъ протекціямъ, были принимаемы и помѣщичьи мальчики, именно князя П. М. Волконскаго, Л. А. Перовскаго, графини А. А. Толстой, директора училища М. А. Байкова и нѣсколько сыновей казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска. Къ числу воспитанниковъ друзей Байкова принадлежали въ послѣдствіи два молодыхъ Хохла изъ крѣпостныхъ крестьянъ Полтавской губерніи, знаменитаго нашего математика-академика Остроградскаго.

отвѣса и запаха, свойственныхъ баранинѣ всѣхъ странъ и всѣхъ породъ. Овцы эти, искусственное воспроизведеніе безсмертнаго Бекуеля, а потому специально британское скотоводческое произведеніе, одинъ изъ предметовъ справедливаго тщеславія англійской націи. Другія части полей были подъ вспашкой, повидимому мастерски произведенною, такъ что и скептикъ мой извоицъ сказалъ: „Ишь ты: нашей маткой сохой-ковырялкой этого никакъ не сдѣлать. Экая чистота! Ни одной прогалинки, ни одной плевшинки, ни одного огрѣдка!“ Далѣе шли зеленныя полосы карто ельной и турнипсовой ботвы. Въ то время разведеніе корнеплодныхъ овощей въ поляхъ, а не въ огородахъ, то-есть въ бороздахъ, а не въ грядахъ, было явленіемъ поразительнымъ и чрезвычайно рѣдкимъ. У въѣзда въ училище была будка въ видѣ красивой русской избы, у дверей которой стоялъ видный усачъ, отставной унтеръ-офицеръ, въ длинномъ сюртукѣ съ галуномъ на зеленомъ воротникѣ и съ шевронами на лѣвомъ рукавѣ. Выткнувшись въ струнку, отставной усачъ снялъ фуражку съ зеленымъ околышемъ и съ буквами: У. З. У. (то-есть Уд. Земл. Училище), когда мои дрожжки остановились предъ закинутою у въѣзда рогаткой.

— Господинъ директоръ, Матвѣй Андреевичъ, дома? спросилъ я.

— У обѣдни, ваше благородіе, отвѣтилъ воинъ и учтиво спросилъ:— Не ваше ли благородіе его высокородіе приглашалъ сюда въ Успеньевъ день у его превосходительства генерала Крыжановскаго?

Вслѣдъ за моимъ утвердительнымъ отвѣтомъ, рогатка была мигомъ откинута, и дрожжки покатались по превосходному шоссе, простиравшемуся вдоль всего передняго поля во всю ширину его и окаймленному по обѣ стороны прочнымъ деревяннымъ тротуаромъ, съ газономъ на сажень и усаженнымъ деревьями, образовавшими аллею, правда, довольно рѣдкую, потому что дерево отъ дерева было на значительномъ разстояніи. Съ этого проѣзда, явнѣе чѣмъ съ дороги, представились мнѣ всѣ училищныя деревянныя строенія, обращенныя фасомъ и однообразно выкрашенныя въ бѣлую краску съ ярко-зелеными крышами. День былъ ясный, и солнце веселыми лучами играло на всѣхъ этихъ строеніяхъ и на видѣвшихся за ними другими такими же точно постройками. Это мнѣ напомнило зрѣлище Новгородскихъ военныхъ поселеній, видѣнное мною

когда-то, въ 1826 году, ровно за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, когда я, 13—14ти-лѣтній мальчикъ, солутетствовалъ моимъ отцу и матери во время нашего переселенія изъ Петербурга, гдѣ я родился, въ Орель, куда въ ту пору отецъ мой назначенъ былъ вице-губернаторомъ. Форменная однообразность этого зрѣлища не имѣла въ себѣ, правду сказать, ничего особенно пріятнаго для глаза; но со всѣмъ тѣмъ я на этотъ разъ былъ какъ-то такъ настроенъ что и эта однообразная картина производила во мнѣ какое-то пріятное впечатлѣніе. Желая окинуть глазомъ все пространство полей, терявшихся, съ правой моей руки, вдали къ Поклонной горѣ, я обернулся назадъ и, къ удивленію моему, замѣтилъ что встрѣтившій меня у вѣзда унтеръ-офицеръ высоко въ рукѣ держитъ какой-то бѣлый флагъ и, за недостаткомъ вѣтра, сильно имъ машетъ. Странность этого дѣйствія меня нѣсколько поразила, и я выразилъ невольно вслухъ мое удивленіе. Тогда разказчивый мой возница, давно не дававшій воли языку, сказалъ мнѣ съ усмѣшкой: — Это, баринъ, сигналъ, который подаетъ этотъ сторожъ своему товарищу, который стоитъ у воротъ на дворѣ. А тотъ позвонитъ особымъ манеромъ въ два колокольчика, чтобы знали что идетъ гость ожидаемый или гость почетный.

— Какъ же ты это провѣдалъ, дружище? спросилъ я.

— Знаю-то я это, сударь, не Богъ вѣсть какъ мудро: у насъ на квартирѣ, гдѣ я стою, уголь занимаетъ одинъ отставной солдатъ, который въ здѣшнемъ заведеніи прослужилъ безъ малаго годъ сторожемъ; уволили-то его не за провинность какую, а только за то что онъ не виденъ и не молодцовать изъ себя, да и подслѣповать отъ раны, какую получилъ въ польской баталіи. Вотъ онъ-то намъ иной разъ и разказываетъ, на досугъ, про здѣшніе порядки и про здѣшнее житье-бытье. Отъ него же я слышалъ все то что доложилъ вашей милости о томъ какъ здѣшній набольшій чуть свѣжею кровью не перепортилъ здѣшнія поля.

V.

Среди этого разговора мы подъѣхали къ чугунной рѣшеткѣ, окружающей строенія снаружи. Тутъ другой сторожъ, также видный дѣтина съ галунами и шевронами, стоялъ у рѣшетчатыхъ, настежь распахнутыхъ воротъ, приглашая меня вѣхать на самый дворъ заведенія и подъѣхать къ дверямъ главнаго

корпуса; но я отъ этой чести отказался, соскочилъ съ дрожекъ и, оставивъ мою камлотовую шинель на сохраненіе словоохотному извозчику, предпочелъ пѣшкомъ пройти по двору и еще разъ взглянуть на строенія. Фронтонъ главнаго корпуса украшенъ былъ надписью огромными золотыми буквами: *Удѣльное Земледѣльческое Училище*, а на передней части крыши былъ вызолоченный крестъ, такъ какъ тутъ церковь, открываемая, посредствомъ огромной раздвижной перегородки отъ пола до потолка, въ дни отправленія божественнаго служенія. Перегородка эта, какъ я узналъ послѣ, имѣетъ всего 18 сажень длины, и когда закрыта, образуя стѣну, то тутъ громадная рекреационная зала, въ которой совершаются экзамены и въ зимнюю пору бываетъ обыкновенная переключка, дѣлаемая лѣтомъ на дворѣ. Слыша изъ оконъ божественное пѣніе, я, догадываясь что пріѣздъ мой извѣстенъ, благодаря обычаю сигнальных знаковъ, употребляемыхъ для почетныхъ или, какимъ я былъ тогда, случайныхъ гостей,—поспѣшилъ войти въ залъ по небольшой лѣстницѣ въ шесть ступеней, и очутился въ корридорѣ, гдѣ меня поразилъ очень любимый мною смолистый запахъ свѣжихъ матовъ, плетенныхъ изъ канатовъ, какими матами устланъ былъ весь полъ какъ въ длиннѣйшемъ корридорѣ, такъ въ весьма обширномъ и, повидимому, превосходно вентилированномъ залѣ. У дверей стоялъ одинъ молодой воспитанникъ, въ темно-зеленомъ кафтанѣ съ свѣтло-зеленою выпушкой по бортамъ и воротнику до конца подола. На этомъ ларнѣ виднѣлась на груди ярко-розовая ситцевая гладкая рубашка русскаго покроя съ косымъ воротомъ. Кафтанъ его былъ туго перетянутъ краснымъ гаруснымъ кушакомъ, тщательно завязаннымъ бантомъ въ видѣ пряжки; молодцоватый парень съ начинающими русыми усиками, надъ верхнею губой, стриженный въ скобку съ проборомъ посреди лба, былъ въ высокихъ опойковыхъ смазныхъ сапогахъ. Оказалось что то былъ очередной дежурный сотскій. Онъ вѣжливо, по-русски, почти до пояса, мнѣ поклонился, тряхнулъ густыми кудрями и осторожно отворилъ дверь. Я тихонько вошелъ; въ это время одинъ изъ воспитанниковъ началъ читать Апостолъ, стоя противъ царскихъ дверей, спиной къ предстоящимъ, которые, въ срединѣ всей церкви противъ иконостаса, состояли изъ шести рядовъ воспитанниковъ, въ такихъ же армякахъ въ какомъ былъ и встрѣтившій меня сотскій; но не въ темно-зеленыхъ, а сѣрыхъ обыкновеннаго крестьянскаго сукна, также съ свѣтло-зеленою

выпущкой и съ свѣтло-зелеными кушаками. Между ними по флангамъ было нѣсколько парней, постарше другихъ, въ такихъ точно темно-зеленыхъ кафтанахъ, въ какихъ былъ и дежурный сотскій. * Воспитанники стояли стройно и молились усердно и весьма своевременно совершали крестное знаменіе. На двухъ клиросахъ помѣщались два хора пѣвчихъ изъ воспитанниковъ же, и, сколько я могъ замѣтить, они пѣли, ежели не такъ какъ пѣвали въ тѣ времена на примѣръ пѣвчіе Дубянскаго и графа Шереметева, но ничѣмъ не хуже какихъ бы то ни было училищныхъ или полковыхъ пѣвчихъ. Я помѣстился въ углу у огромной кафельной печи, а впереди меня стояло человѣкъ двадцать разныхъ лицъ, повидимому воскресныхъ по сѣтителей здѣшней церкви, пришедшихъ изъ окрестныхъ дачъ. Въ числѣ этихъ господъ и госпожъ было семейство адмирала Коростовцева. Изъ числа этого семейства былъ одинъ морской кадетикъ, сынъ адмирала, тотъ самый капитанъ 1го ранга который нынѣ начальникъ рѣчной петербургской полиціи. Ближе къ амвону стояло семейство директора, его жена, тогда еще молодая, полная женщина съ типомъ красавицы крестьянскаго идеала; подлѣ нея стояли ея дѣтки, — сынокъ, лѣтъ семи мальчикъ, въ алой рубашкѣ, очень похожій на мать и полный не по годамъ, и трехъ - четырехлѣтняя дочка. Съ противоположной стороны стояли за шеренгами воспитанниковъ нѣкоторые чиновники заведенія, всѣ въ форменныхъ фракахъ, съ своими семействами, равно какъ мастера, все брадатые и довольно важные, въ поддевахъ и сибиркахъ. Тутъ же были надзиратели за работами и учителя, въ костюмѣ довольно странномъ. На нихъ были длиннополые кафтаны не кафтаны, сюртуки не сюртуки, а какъ бы длинныя суконныя темно-зеленыя поддевки со сборами назадъ, съ маленькими золотыми пуговочками на груди, идущими до стана, какъ у соборныхъ пѣвчихъ и съ воротниками шалью. Въ рукахъ у нихъ были фуражки съ козырьками и съ зеленымъ околышемъ. Я намѣренно вхожу теперь во всѣ эти подробности, чтобы разъ навсегда съ ними покончить и къ нимъ больше уже никакъ не возвращаться. Теперь же считаю всю эту разрисовку необходимою, чтобы сразу ознакомить

* Въ лѣтнюю знойную пору здѣшніе воспитанники носили легкіе кафтаны изъ оренбургской „армячины“ или верблюжьяго желто-бураго тканья, называемаго „верблюжиной“.

читателя съ наружною обстановкой заведенія, не подвергнувшей ся въ теченіи десятковъ лѣтъ никакимъ видоизмѣненіямъ; но въ настоящее время принадлежащей къ области воспоминаній.

Самъ директоръ, одѣтый также въ строжайшую форму и со всѣми своими орденами на шеѣ и въ петлицѣ,—былъ въ это время въ алтарѣ, откуда онъ вышелъ по прочтеніи священникомъ Евангелія. М. А. Байковъ тотчасъ усмотрѣлъ меня издали; но имѣлъ видъ что ничего не видитъ, будучи теперь проникнутъ только однимъ чувствомъ вниманія къ богослуженію, которое дѣйствительно совершалось очень прилично и тщательно священникомъ отцомъ Игнатіемъ Сласскимъ, имѣвшимъ прислужаюками, спеціально назначенныхъ на этотъ предметъ, воспитанниковъ заведенія, исполнявшихъ обязанности церковниковъ сколько ловко, столько съ видомъ искренняго благоговѣнія и любви къ этимъ своимъ обязанностямъ. Директоръ, вышедши изъ алтаря, сталъ у амвона впереди воспитанниковъ, въ самой срединѣ, противъ царскихъ дверей, гдѣ въ это время совершалось таинство приготовленія Святыхъ Даровъ. Херувимскую воспитанники пропѣли мастерски. Когда литургія кончилась, и священникъ вышелъ съ крестомъ, начали къ кресту прикладываться. Прежде всѣхъ подошло семейство директора, потомъ публика, за публикой начальствующія власти (кромя директора, который всегда любилъ подходить ко кресту послѣдній, причемъ почти всегда повторялъ извѣстныя слова Писанія о первыхъ и послѣднихъ), и лица преподающія съ своими домашними. Когда всѣ кончали крестоцѣлованіе, то воспитанники идутъ для того же стройною вереницей, одинъ за другимъ, въ величайшемъ порядкѣ и выходятъ противоположными дверями, гдѣ строятся въ колонну и затѣмъ попарно идутъ къ обѣденному столу въ столовую, подъ предводительствомъ своихъ надзирателей—унтеръ-офицеровъ, и своихъ учителей, которые пользуются общимъ столомъ съ воспитанниками. Публика находившаяся въ церкви, или скорѣе въ прицерковномъ залѣ, выходила на дворъ, прощаясь съ директоромъ; послѣдній стоялъ нѣсколько въ сторонѣ, окруженный своимъ семействомъ. Въ это время церковный староста изъ воспитанниковъ, извѣстный уже намъ Федосѣй Кузьминъ, кланяясь директору и директоршѣ въ поясъ, подаль имъ на серебряной тарелочкѣ просфоры. Директоръ свою велѣлъ отдать пѣвчимъ и шелнулъ что-то Кузьмину, который въ то время какъ я здоровался съ Матвѣемъ Андреевичемъ и былъ имъ пред-

ставленъ его женѣ, Катеринѣ Андреевнѣ, подалъ и мнѣ просфору. Я испросилъ дозволеніе передать этотъ священный хлѣбъ, подобно какъ онъ сдѣлалъ, также пѣвчимъ, которые, сказалъ я, мастерски пѣли и именно просто, какъ я люблю. Байковъ опять что-то быстро прожужжалъ Кузьмину, и вдругъ, человѣкъ пять пѣвчихъ сошли съ амвона, лавно, даже грациозно подошли ко мнѣ и, кланяясь въ поясъ, сказали: „Товарищи наши хоровые пѣвчіе поручили намъ благодарить ваше благородіе за вашъ о насъ лестный отзывъ.“

Я внимательно смотрѣлъ на воспитанниковъ, поодионокѣ проходившихъ мимо насъ къ кресту, и не могъ не замѣтить Байкову что „мальчики“ его имѣютъ видъ цвѣтущій здоровьемъ и, повидимому, довольный. Это не можетъ не производить пріятнаго впечатлѣнія на посѣтителя, привыкшаго во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ встрѣчать весьма мало свѣжихъ лицъ.

— У насъ некогда болѣть, замѣтилъ Байковъ. — Занятій столько что какъ имъ ни ѣсть съ аппетитомъ ту простую, но добрую пищу, какою наши „мальчики“, по волѣ нашего благодѣтельнаго начальства, ежедневно по нѣскольку разъ угощаются. А коли человѣкъ хорошо ѣсть, онъ здоровъ, у здороваго же здоровый и цвѣтъ лица долженъ быть непремѣнно.

Между тѣмъ мы вышли въ корридоръ, изъ котораго три двери были отворены въ три большія классныя комнаты со скамьями, политриками, каедрой и неизбѣжною черною доской. Все же прочее было выкрашено въ зеленую масляную краску подъ лакъ, стѣны же вездѣ бѣлыя. Около доски въ каждой залѣ было нѣсколько плетеныхъ стульевъ для посѣтителей или для начальства.

Когда мы уже были на громадномъ, дѣйствительно на стѣнь похожемъ, какъ сказала Марья Алексѣвна, дворѣ, окаймленномъ со всѣхъ сторонъ зданіями бѣлыми одноэтажными съ зелеными крышами и раздѣленными одно отъ другаго маленькими садиками, то тутъ я попросилъ отъ Байкова, держа мою записку съ вопросами, кое-какія свѣдѣнія объ окружающихъ насъ и о видимыхъ вдали справа и слева строеніяхъ.

— Я душевно радъ, сказалъ Байковъ, — отвѣчать на всѣ ваши вопросы, В. П., и сообщать такія вамъ данныя какія вѣроятно въ число вашихъ вопросовъ не вошли. Но на этотъ разъ позвольте мнѣ отвѣчать вамъ устами дежурнаго сотскаго, подлѣ насъ стоящаго. Ежелибы на эти ваши

вопросы удовлетвореніе далъ я, а не онъ, то нанесъ бы его самолюбію жестокую обиду. Изволите видѣть, они обязаны знать какъ свои пять пальцевъ всѣ подробности заведенія своего, чтобы вѣрно и правильно отвѣчать на всѣ вопросы, само собою разумѣется, вопросы доступные ихъ пониманію, а не выходящіе изъ ихъ сферы. Ну-тка тезка, Матвѣй Бровкинъ,—нижегородскій молодецъ и, рекомендую вамъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ воспитанниковъ, который въ 1839 году, когда имѣеть быть первый выпускъ на усадьбы, повезетъ съ собою всѣ вышія, какія есть, наши награды,—скажи-тка господину гостю то что онъ желаетъ знать.

—Мнѣ хотѣлось бы знать какія все это строенія и какъ они расположены по всему заведенію? сказалъ я.

Мигомъ Бровкинъ вынулъ изъ кармана лазухи записную книжку въ родѣ моей, но со складными планами какъ всѣхъ строеній, такъ всѣхъ полей училища, и указывая карандашомъ, переносимымъ имъ и на строеніе въ натурѣ, когда оно было въ виду, началъ такъ:

—Въ пяти корпусахъ, по обѣ стороны главнаго корпуса, фасомъ на Выборгскую же дорогу, квартиры гг. директора, помощника директора, батюшки, то-есть священника, и другихъ лицъ при заведеніи состоящихъ. Четыре корпуса заняты спальнями, одинъ столовой съ прислѣзною и квартирой г. эконома, два мастерскими, одинъ сельскимъ музеумомъ, одинъ кухней, одинъ лѣчебницей, одинъ ветеринарнымъ театромъ, одинъ лазаретомъ, одинъ баней. По обѣ стороны училищныхъ строеній, на сорокъ саженъ, занятыхъ рощами и прудами, находятся строенія фермы, состоящія изъ конюшни, коровни, птичнаго двора и заведенія для первоначальной фабрикаціи хозяйственныхъ произведеній, а именно: на правой сторонѣ училищныхъ строеній, отступя сорокъ саженъ, устроены: 1) скотный дворъ, или коровня, и конюшня; 2) скотная кухня; 3) скотный лазаретъ; 4) живодерня; 5) птичникъ, телятня, овчарня и свинарня; 6) сарай для стельныхъ коровъ; 7) молочня; 8) квартира фермера, или учителя практическаго домоводства. Все это въ длину занимаетъ семьдесятъ, а въ ширину сорокъ саженъ. По другую, то-есть по лѣвую сторону училищныхъ зданій, параллельно съ главными корпусами, устроены: 1) квартира ветеринара; 2) скотная лѣчебница; 3) гумно; 4) саловарня; 5) маслостовъ, воскобойня и заведеніе для дубленія кожъ и приготовленія овчинныхъ дубленыхъ полушубковъ, такъ-

называемая кушнерная; 6) солодовня, медоварня и пивоварня; 7) сушило. Сверхъ того здѣсь большая каменная кузница, хлѣбные магазины, сарай, или цейхгаузъ для сохраненія орудіи земледѣльческихъ, пожарные сараи, водяная мельница. Всѣ эти строенія имѣютъ небольшіе дворы, но посреди всѣхъ этихъ построекъ пространѣйшій дворъ, на которомъ мы теперь находимся. Онъ занимаетъ три десятины, то-есть 7.200 квадратныхъ сажень. На немъ, какъ изволите видѣть, устроены качели, огромный шестъ для лазанья, а зимой бывають катальныя ледяныя горы. Этотъ дворъ сверхъ того служить намъ для практическихъ земледѣльскихъ занятій съ мензулами, нами самими сдѣланными. У фермы бассейны, а по лѣвую сторону зданій изрядный прудъ въ сорокъ квадратныхъ сажень, въ которомъ довольно много рыбы. Въ приличныхъ мѣстахъ разведены молодые садики съ цвѣтами и кустарниками, а близь нихъ въ одномъ мѣстѣ пчельникъ.

Выслушавъ этотъ разказъ, данныя изъ котораго были мною тотчасъ записаны, я, находившійся тогда подъ особенно пріятнымъ впечатлѣніемъ, какое произвело на меня вообще училище съ первой минуты и простая манера директора держать себя въ отношеніи къ посѣтителямъ такимъ какъ я, отъ котораго онъ ожидалъ похвальную статью, не умѣлъ замѣтить того шарлатанскаго пріема какой скрывался въ этомъ тарбарствѣ сотскаго Бровкина, болтавшаго немножко въ родѣ попуая. Чувство самаго наивнаго восхищенія овладѣло мною, и подъ вліяніемъ этого чувства я, солутствуя директору, вошелъ въ столовую, занимавшую, какъ я уже и сказалъ или какъ разказалъ мнѣ Бровкинъ, почти цѣлый корпусъ, независимо отъ прислѣзной или буфета и квартиры эконома. Когда мы входили, то въ залѣ никого еще не было. Зала эта, въ девять оконъ, имѣла въ длину двѣнадцать, а въ ширину четыре сажени. Вдоль залы стояли довольно узкіе, длинные, въ 9 саж. каждый, столы, а у каждого стола скамейки, каждая для шести человѣкъ. Все это выкрашено въ темнозеленую масляную краску, но верхнія доски столовъ чисто-на-чисто выструганы и послѣ каждого обѣда и ужина вымываются пескомъ и дрсвой. Въ концахъ обоихъ столовъ по табурету, также деревянному крашеному, какъ и скамьи и ножки столовъ. Это сѣдалища для учителей и надзирателей спальныхъ изъ унтеръ-офицеровъ. Столы эти были покрыты узкими бѣлыми холщевыми весьма опрятными ширинками. На столахъ разставлены были

деревянные чашки съ деревянными же ложками, по 31 чашкѣ или прибора съ каждой стороны каждаго стола. Въ нѣкоторомъ симметрическомъ разстояніи на столахъ красовались большія плетенныя корзины съ ломтями ржаного хлѣба, тщательно на-рѣзанными. Тутъ же стояли деревянные солонки съ солью и, блестящія какъ серебро, оловянные, тщательно вычищенные жбаны, и вмѣсто стакановъ столы для кваса. Въ одномъ углу видѣнъ былъ образъ Нерукотвореннаго Спаса, на томъ основанія что училище было открыто, въ 1833 году, въ день Перваго Спаса. Мнѣ директоръ объяснилъ что пока мы бесѣдовали на дворѣ, первая смѣна успѣла отобѣдать, а дежурные прислѣшники успѣли приготовить столы для второй смѣны, то-есть собрать все оставшіяся на столахъ крошки, вытереть столы, накрыть ихъ свѣжими ширинками, возобновить въ солонкахъ соль, въ корзинахъ хлѣбъ, въ жбанахъ квасъ. Тогда звонятъ на вторую смѣну, и на кухонный дворъ отовсюду собираются воспитанники еще не обѣдавшіе. Тутъ они строятся попарно и попарно входятъ въ столовую съ задняго входа.

— Собрались „мальчики“ ко второму столу? спросилъ директоръ дежурнаго учителя, находившагося въ столовой, и получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:—Пусть входятъ.

Учитель подошелъ къ стѣнѣ, и тотчасъ показался усатый унтеръ-офицеръ, а за нимъ стройно парами воспитанники, шедшіе довольно отчетливо въ ногу. Все имѣли какой-то особенно веселый, праздничный видъ и шли бодро, смѣло, хотя весьма прилично и безъ малѣйшаго говора. Унтеръ скомандовалъ: „По мѣстамъ“, и мигомъ у каждаго прибора помѣстилось по воспитаннику, по шести на скамью, что вовсе не производило ни малѣйшей тѣсноты. Воспитанники стояли на своихъ мѣстахъ, и снова раздалась команда: „На молитву“. Молитва: Отче всѣхъ на Тя уповаемъ была громкимъ, стройнымъ речитативомъ пролѣта 125 голосами. Опять команда: „Садись“, и все сѣли и принялись за ложки, устремляемыя къ чашкамъ съ прекрасными щами, отлично забѣленными. Замѣтить надо что едва успѣли сѣсть воспитанники на свои мѣста, внесены были прислѣшниками и очередными для прислуживанія воспитанниками изъ обѣдающихъ презрядные котелки съ дымящимися щами. Котелки эти были прикрыты крышками, и лишь изъ нихъ берутъ особыми ковшичками старшіе, въ зеленыхъ кафтанахъ, за столомъ сидящіе воспитанники и кладутъ въ чашки,

1. Отче всѣхъ на Тя, уповаемъ, гласно

подаваемые имъ товарищами, которые имѣютъ право не болѣе какъ на три чашки каждаго блюда. „На три такихъ чашки, изъ которыхъ каждая не меньше тѣхъ суповыхъ чашъ какія въ гостиницахъ, кухмистерскихъ и ресторанахъ подаются одиночными порціями, подумалъ я, — да для такого подвига надо имѣть богатырскій аппетитъ!“ Директоръ понялъ мое удивленіе и объяснилъ что это не Богъ вѣсть какая штука, такъ какъ воспитанники или „мальчики“, какъ онъ ихъ постоянно называлъ, все народъ молодой, здоровый, кровь съ молокомъ, какъ говорится, которые могутъ ѣсть много, особенно послѣ того какъ вдоволь поработаютъ въ полѣ и въ мастерскихъ.

— Они у насъ никогда праздны не бываютъ, замѣтилъ директоръ, — даже сегодня, въ воскресенье, до обѣдни они, какъ водится, успѣли, не хуже всякихъ поломоекъ, швабрами вымыть чисто-на-чисто полы во всѣхъ строеніяхъ и помѣщеніяхъ заведенія. А этотъ моціонъ хоть кому дать аппетитъ. Къ тому же это они дѣлаютъ натошахъ, такъ какъ до выхода отъ обѣдни, никакая пища, даже глотокъ кваса, по православнымъ правиламъ, не полагается. А мы православны почти не меньше иноковъ въ монастыряхъ!

— Но вы сами, сказалъ я въ полголоса Байкову, — не слѣдуете этому правилу и, вѣроятно, до обѣдни пьете по крайней мѣрѣ чай.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ, — я исполняю для примѣра „мальчиковъ“ обрядъ въ точности и до обѣдни ничего не ѣмъ и не пью, почему теперь, съ вашего позволенія, охотно поѣмъ пирога съ кашей и яицами, который, кажется, удался сегодня для вашего къ намъ пріѣзда на славу, и похлебаю щей; а потомъ, когда мы будемъ въ молочной на фермѣ, намъ туда изъ моей квартиры принесутъ чай съ бубликами малороссійскими. Вы позволите васъ, господинъ столичный житель, этимъ угостить. Если вы пьете кофе, то намъ туда же жена и кофейку пришлетъ. А тамъ и сливки подъ рукой, не занимать стать: этого добра у насъ вдоволь!

— И сливки ваши, замѣтилъ я, — конечно, въ родѣ чай сметаны, какою я, благодаря вамъ, намеренъ услаждаться за завтракомъ у Марьи Алексѣевны. Но теперь позвольте и мнѣ здѣшняго пирога и здѣшнихъ щей попробовать, Матвѣй Андреевичъ. Хотя въ восемь часовъ я дома и пилъ уже чай съ французскою булкой, но съ тѣхъ поръ я изрядно проѣхался, былъ долго на открытомъ воздухѣ и чувствую потребность завтрака.

— У насъ, объяснилъ Байковъ, — нѣтъ пробнаго стола: мы пробуемъ пищу „мальчиковъ“ прямо изъ котловъ или изъ чановъ. Такъ дѣлаетъ постоянно и его превосходительство нашъ начальникъ, Левъ Алексѣевичъ, равно какъ даже самъ его свѣтлость, господинъ министръ двора и удѣловъ. Разъ даже его свѣтлость изволилъ кушать деревянною ложкой, взятою отъ одного изъ воспитанниковъ во время обѣда и изъ его початой чашки. Это такъ восхитило „мальчиковъ“ что они испросили дозволеніе сохранить въ особомъ ларцѣ, ими смастеренномъ, какъ ложку эту, такъ и чашку при прислѣзной. Когда я имѣлъ счастье лично докладывать объ этомъ его свѣтлости, онъ улыбнувшись изволилъ и сказать своимъ какъ бы угрюмымъ тономъ: „Я, братецъ, вѣдь солдатъ.“

Среди этого разговора и этихъ разказовъ о „его свѣтлости“, мы очутились черезъ сѣни въ прислѣзной, довольно длинной и не очень широкой, въ одно окно комнатѣ, гдѣ на поставахъ или полкахъ сохраняется вся столовая посуда въ поразительной чистотѣ и исправности: чаши, чашки, ложки, солоницы, столы и жбаны, все расположено въ симметрическомъ порядкѣ и сложено въ прекрасныя плетенныя корзины. На особомъ столикѣ, покрытомъ бѣлоснѣжною шинкой, стояла чистая пречистая доска на которой возвышался воскресный пирогъ, начиненный кашей съ ящами и, повидимому, даже съ небольшимъ количествомъ мяснаго крошева, поджареннаго съ лукомъ, что давало пирогу очень оригинальный вкусъ. Дежурные прислѣзники изъ воспитанниковъ, въ чистѣйшихъ бѣлыхъ рубахахъ и бѣлыхъ фартукахъ съ нагрудниками, красивые свѣжіе парни лѣтъ 18—20, остриженные въ скобку съ выбритыми чисто затылками, какъ у всѣхъ воспитанниковъ, — весело и расторопно, съ ловкостью и безъ суетливости подали намъ деревянныя тарелочки съ пирогомъ; а вслѣдъ затѣмъ директоръ и я опорожнили по полчашкѣ съ тѣми великолѣпными щами изъ свѣжей капусты, съ мяснымъ крошествомъ и сметанною густою забѣлкой, какія въ этотъ день были. Затѣмъ прислѣзники предлагали намъ отвѣдать хоть съ кончика ихъ сегодняшней бѣлой пшенной каши на молокѣ, слегка подслащенной сахарнымъ пескомъ и приготовленной какъ нельзя болѣе въ пору. Хлѣбъ здѣшній, на мой вкусъ, оказался обѣднѣемъ: его пекутъ изъ обыкновенной, отменно чистой ржаной муки, съ примѣсью картофельной, при-

дающей ему особенную пріятность и нѣжность. Квасъ здѣшній также очень вкусенъ и приготовлялся изъ крошеннаго и слегка прожареннаго черстватаго ржанаго хлѣба. Изъ столовой и пріѣзжей мы прошли въ зданіе находившееся напротивъ и заключавшее въ себѣ: кухню, хлѣбопекарню и квасоварню. Кухня была о пяти чугунныхъ котлахъ, изъ которыхъ одинъ для каши, два для щей, борща и лалши, одинъ для кипятка и одинъ для картофеля, рѣпы, гороха и пр. Кухня эта была большая, свѣтлая, просторная, не имѣющая рѣшительно никакого дурнаго запаха и чада. Кухарями здѣсь были воспитанники, наряжаемые въ эту, какъ и во всѣ другія должности по очереди. Здѣшняя кухня, нашелъ я тогда, придаетъ аппетитъ, а не отнимаетъ его, какъ нѣкоторые другіе.

Мнѣ захотѣлось узнать хозяйственную часть заведенія, находящуюся въ вѣдѣніи эконома изъ отставныхъ офицеровъ фельдъегерскаго корпуса, который имѣлъ подъ своимъ вѣдѣніемъ всѣ запасные амбары, кладовыя и ледникъ. Директоръ мнѣ сказалъ и на этотъ разъ что каждый „мальчикъ“ знаетъ всѣ эти подробности во всѣхъ тонкостяхъ, такъ какъ эти дѣла служатъ для ариметическихъ задачъ въ классѣ постоянно. Слова директора оправдались, потому что одинъ изъ кухаровъ, спрошенный мною по этому предмету, объяснилъ что годовое потребленіе здѣсь: хлѣба 10.000 пудъ, мяса до 500 пудъ, капусты до 1.500 ведеръ, рыбы до 500 пудъ, картофеля до 300 четвертей, рѣпы, гороху, чечевицы, бобовъ, разныхъ крулъ и пр. до 100 четвертей, квасу на питье и ботвиньи до 10.000 ведеръ. По праздникамъ воспитанникамъ даются пироги, часто обитень съ латокой и съ пшеничнымъ хлѣбомъ, стручки, медъ сотами, огурцы, яблоки и разныя ягоды своего садоводства. Молочныхъ скоповъ потребляется множество: масла до 50 пудъ, молока до 2.000 ведеръ, творогу до 100 пудъ, сметаны до 10 пудъ, простокваши до 100 ведеръ, варенцовъ, сыровъ и пр. и пр. соразмѣрное же количество.

— Такъ какъ я имѣлъ честь пригласить васъ, В. П., позавтракать на фермѣ, сказалъ Байковъ, — то мы теперь туда и пройдемъ, вотъ черезъ этотъ молодой, только-что разводящійся садикъ. Что же касается до музеума орудій, спалень, мастерскихъ, то все это мы успѣемъ осмотрѣть съ вами, ежели вамъ будетъ угодно, отчасти послѣ обѣда, безъ котораго, какъ вамъ угодно, я васъ, по нашему хохлацкому хлѣбосольному обычаю, не отпущу ни подъ какимъ видомъ. Ежели

бы вы взбунтовались, то я распорядился сжечь корабли ваши, какъ говорится, слѣдующимъ манеромъ: вашего возницу одинъ изъ мастеровъ угостилъ у себя въ квартирѣ такъ что онъ, сердечный, до 6—7 часовъ вечера будетъ неспособенъ управлять конемъ, котораго также накормили до отвала.

— Ха! ха! ха! смѣялся я, правду сказать, не совѣмъ искренно, чувствуя себя жертвой деспотизма провинціального хлѣбосольства, въ родѣ Демьяновой ухи. Какимъ же волшебствомъ вы, Матвѣй Андреевичъ, не разставаясь со мною ни на минуту, успѣли все это сдѣлать?

— Очень просто, отвѣчалъ Байковъ,—очень просто! На то у насъ порядокъ и дисциплина въ заведеніи и исполненіи одиннадцатой заповѣди: „исполняй волю начальства“. Съ тѣхъ поръ что мы съ вами поздоровались въ церкви, по окончаніи обѣдни, вы замѣтили или не замѣтили, не знаю, что ко мнѣ подходили, по мановенію моихъ глазъ, то дежурный сотскій, то какой-нибудь надзиратель, то дежурный по заведенію учитель, то одинъ изъ посыльныхъ, насъ окружающихъ, и они мигомъ исполняли мои полунѣмыя, полушопотомъ имъ даваемые приказанія, объ исполненіи которыхъ не рапортовали, такъ какъ неисполненіе моего приказанія дѣло немыслимое.

Толки эти происходили уже въ садикѣ, еще довольно молодомъ, но очень мило разрисованномъ вокругъ порядочнаго пруда, гдѣ плавали разнопородистые утки и гуси. Тутъ въ разныхъ мѣстахъ, съ нѣкоторою живописностью, были разбросаны зеленые садовыя скамьи, однѣ съ такими же зелеными столиками, другія безъ столиковъ. Въ глубинѣ этого сада, наполненнаго цвѣточными кустарниками, между которыми кусты алыхъ, белыхъ и желтыхъ розъ играли главную роль,—помѣщался пчельничекъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ ульевъ, устроенныхъ по методѣ славившагося тогда батуринаскаго пчеловода, дѣйствительно замѣчательнаго человѣка, Петра Ивановича Прокоповича, одинъ изъ учениковъ котораго былъ здѣсь въ качествѣ практическаго пчеловода, обязаннаго, за опредѣленное жалованье, преподавать искусство пчеловодства здѣшнимъ воспитанникамъ. Небольшой этотъ пчельничекъ, тонувшій въ густой зелени кустарниковъ съ медоносными растеніями, имѣлъ дѣйствительно видъ не простой пасѣки, а „пчелинаго высѣлка“, каковымъ и нарекали его воспитанники.

Пока мы еще не вышли изъ этого очень миленькаго и душистаго садика, я обратился къ Байкову съ просьбой дать

мнѣ копію съ того списка блюдъ на всю недѣлю, какой я видѣлъ въ рамкѣ за стекломъ въ столовой. Байковъ тотчасъ обратился къ дежурному сотскому Бровкину, постоянно около насъ вертившемуся и получавшему вполголоса отъ директора какія-то приказанія или также почти шолотомъ передававшего ему быстро различныя донесенія.

— Вынь-ка, сотскій, изъ кармана твой обѣденный на всю недѣлю списочекъ и представь гостю на память его посѣщенія.

Приказаніе было мигомъ исполнено, и я прочелъ въ этомъ репертуарѣ:

Воскресенье 18го августа. Щи съ пирогомъ съ мясною и яичною начинкой. Пшенная каша съ мызнымъ масломъ.

Понедѣльникъ (19го). Щи съ говядиной и гречневая размазня съ топленымъ масломъ.

Вторникъ (20го). Борщъ свекольникъ съ говядиной и крутая гречневая каша съ масломъ.

Среда (21го). Щи со снѣтками и грибами, каша гречневая съ постнымъ масломъ.

Четвергъ (22го). Щи съ говядиной и гречневая каша съ масломъ.

Пятница (23го). Щи съ рыбой и картофельная тюря съ постнымъ масломъ.

Суббота (24го). Щи съ саломъ и гречневая каша съ молокомъ.

Затѣмъ были прописаны и ужины, состоявшіе изъ двухъ блюдъ, скоромныхъ или постныхъ, смотря по днямъ. Похлебка и разнаго рода кисели: квасной, молочный, клюковный, картофель вареный, печеный, жареный въ салѣ, лалша, клецки и прочее играли тутъ главную роль.

Я, само собою разумѣется, очень хвалилъ все это и не могъ не восхищаться тѣмъ что содержаніе здѣшнихъ воспитанниковъ изъ мужичковъ такое превосходное, о какомъ они дома и помышленія имѣть не могли.

При этомъ мы вышли изъ садика.

За высокимъ заборомъ садика пролегалла дорога, а за этою дорогой, перпендикулярною къ полямъ и къ Выборгскому шоссе,—былъ обширный дворъ фермы, обнесенный со всѣхъ сторонъ вязкимъ частоколомъ и окруженный всѣми тѣми строеніями фермы съ какими, посредствомъ плана, ознакомилъ меня предъ этимъ сотскій Бровкинъ. Я въ самомъ дѣлѣ не затруднился узнать: конюшню, коровникъ, свинарню, птичникъ

съ возвышенною башенкой, овчарню, молочню, сыроварню, сарай для пожарнаго инструмента и сельскій домикъ.

— Такъ какъ мы кусочкомъ пирога, да двумя хлебками щей, только раздражили нашъ аппетитъ, любезнѣйшій гость, говорилъ мнѣ Байковъ, — то прежде всего пойдемъ въ молочню, гдѣ устроена отдѣльная горенка съ деревенскою, самою мужицкою мебелью, не взыщите ужъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Я въ вашемъ распоряженіи, сказалъ я, и мы взяли вѣлво, именно въ ту сторону гдѣ находилось одно-этажное, низкое, но граціозное деревенское зданіе, бѣлое съ зеленою крышею. То была молочня, настоящая швейцарская или англійская молочня, отдѣланная съ величайшимъ вкусомъ и изяществомъ. Она, какъ и все въ училищѣ, отличалась необычайною чистотой и опрятностью и состояла между прочимъ изъ погреба, въ которомъ сохранялись молоко, сливки и различные молочные скопы. Въ этомъ погребѣ, желудокъ котораго былъ набитъ льдомъ сверху до низа, не было видно льда вовсе и не было ни малѣйшей сырости: снизу ледъ былъ замаскированъ курличнымъ поломъ, съ боковъ деревянными стѣнами, отлично вылакированными. Эти стѣны были покрыты безчисленными, различной широты полками, на которыхъ въ прекрасномъ порядкѣ стояли сосуды съ молокомъ, сливками, варенцами, сметаной, творогомъ, простоквашей и прочимъ. Тутъ же, въ извѣстномъ мѣстѣ, находились кружки сыра бри на соломенныхъ щитикахъ и довольно большіе караваи сыра на манеръ швейцарскаго, подобнаго извѣстному, такъ называемому „мещерскому“ сыру. Погребъ этотъ отличается тѣмъ что въ немъ свѣжій, пріятный воздухъ, одинаковой атмосферы какъ зимой, такъ и лѣтомъ, съ сохраненіемъ опредѣленнаго числа градусовъ, наблюдаемыхъ тщательно по градуснику здѣсь имѣющемуся. Въ погребѣ этомъ кромѣ молочнаго запаха, рѣшительно никакого. Надъ погребомъ особенная кухня съ отмѣнно устроенною печью для закваски скоповъ молочныхъ и сыровъ. А рядомъ двѣ комнаты съ бѣлыми, ежедневно выбѣливаемыми стѣнами и простыми, некрашеными полами, содержимыми въ чистотѣ необыкновенной. Въ одной изъ этихъ комнатъ, которая есть родъ буфета, на полкахъ стоятъ: кринки, горшки, столы, тарелки, деревянные ложки и пр., а въ другой пріемная для гостей, гдѣ, ежели не вѣхъ, то нѣкоторыхъ посѣтителей, заведеніе подчуетъ и угощаетъ сливками, творогомъ, простоквашей, варенцами и сырами. Здѣсь

мебель очень замѣчательная и совершенно свойственная лишь этому заведенію. Она вся деревенскаго издѣлія, работы воспитанниковъ; кресла, стулья, диванъ, столы, все просто и необыкновенно мило; вмѣсто ножки у стола корень срубленнаго дерева съ оставшимся комлемъ, на немъ прикрѣплена доска, обклеенная берестой, и наконецъ все это покрыто лакомъ. У одного стола доска летеная изъ бересты. Кресла и диванъ сдѣланы подобнымъ образомъ изъ молодыхъ деревцовъ, которыхъ вѣтви и сучки соединены между собою весьма просто, но искусно. * Кромѣ этой прелестной и оригинальной въ высшей стелени гостиной, надобно еще упомянуть о показанной мнѣ тутъ комнатѣ, назначенной для мытья посуды съ котломъ и стекломъ, необходимымъ при приготовленіи швейцарскаго сыра. Есть и еще комната для сушки молочной посуды. Стѣны этой комнаты покрыты деревянными колками и на этихъ колкахъ развѣшаны подойники деревянные, поражающіе своимъ лоскомъ и чистотой, которая есть одно изъ главнѣйшихъ условій при производствѣ всевозможныхъ манипуляцій съ молочными сколами и вообще съ молокомъ. Эти подойники были сдѣланы изъ можжевельоваго дерева, которое имѣетъ свойство лакироваться отъ парнаго молока, постоянно доимаго въ эти сосуды, тщательно послѣ каждой дойки вытираемые жесткою фланелью. Дѣйствительно, эти „байковскіе“, какъ ихъ называли, подойники были изумительнаго совершенства и поражали всякаго своею изящною глянцеvitостью. Подобныхъ нѣтъ ни на одной изъ тѣхъ фермъ какія мнѣ приводилось въ послѣдствіи обозрѣвать. Такъ нѣкогда извѣстный подпетербургскій агрономъ-практикъ, обрусѣлый Англичанинъ, покойный Захаръ Захаровичъ (или Ричардъ Ричардовичъ) Макъ-Лотлинъ, управлявшій всѣми имѣніями графа Гр. Гр. Кушелева, старался на щегольской фермѣ въ мызѣ Лигово, на Красносельской дорогѣ близъ Петербурга, завести нѣчто въ этомъ родѣ съ сосновою посудой. Эта посуда была, правда, хороша, но ей далеко было, очень далеко отъ посуды „байковской“ или Удѣльнаго

* Въ 1840 году, въ день моего ангела (15го іюля), воспитанники, съ разрѣшенія директора, котораго въ ту пору я былъ помощникомъ, вступивъ въ эту должность въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1839 года, поднесли мнѣ въ даръ на память полный ассортиманъ этой сработанной ими мебели, изъ которой въ теченіи 31 года у меня, по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, сохранились: одинъ большой столъ и два маленькихъ столика. Вещи эти, по мнѣнію знатоковъ, цѣны не имѣютъ.

Земледѣльческаго Училища. Къ тому же г. Макъ-Лотинъ, увлекаясь всѣмъ англійскимъ, вздумалъ было употреблять лакъ особеннаго приготовленія, не довольствуясь натуральною лакировкой отъ парнаго молока происходящею. Результаты вышли плохіе: молоко стало не уживаться съ лакомъ и портиться.

На крыльчикѣ молочни мы были встрѣчены юношей-воспитанникомъ, парнемъ лѣтъ восемнадцати или девятнадцати, поразившимъ меня своею рѣдкою, удивительною красотою, какой въ мушинѣ мнѣ ни до того, ни послѣ встрѣчать не случалось. Юноша этотъ небольшого, но и не слишкомъ маалаго роста, былъ великолѣпно сложенъ и носилъ съ какою-то очаровательною естественностью свой простой нарядъ, состоявшій изъ свѣтло-голубой коленкоровой рубашки русскаго покроя, съ коленкоровымъ же бѣлоснѣжнымъ фартукомъ съ нагрудникомъ. Черные, какъ смоль, съ синеватымъ отблескомъ, свойственнымъ лишь жителямъ знойнаго юга, волосы, густо выющіеся локонами и подстриженные слегка въ скобку, отдѣляли бѣлый, какъ бы выточенный изъ слоновой кости, матовый лобъ. Прибавьте къ этому нѣжный, женоподобный цвѣтъ лица, съ яркорозовымъ во всю щеку румянцемъ, правильный греческій небольшой носъ, алая губы, открывавшіяся пріятною улыбкой чтобы показать ряды поистинѣ жемчужныхъ зубовъ; но всего прелестнѣе у этого новаго Ганимеда были черные, миндалеобразные глаза, опущенные бархатистыми, необыкновенно длинными рѣсницами и надъ которыми проведены были довольно широкія, какъ бы нарисованныя кистью, брови. Съ первой секунды мнѣ показалось что это переодѣтая по-мужски дѣвушка, и я удивился, какъ это Байковъ, столь строгій пуританинъ, по крайней мѣрѣ по части исполненія училищнаго устава, могъ допустить у себя въ училищѣ присутствіе такой красавицы; но начало бархатистаго пушка, осылавшаго верхнюю губу этого голубо-бѣлаго субъекта, убѣдили меня въ томъ что онъ вовсе не женщина; а довольно грубоватый, незвучный голосъ его еще болѣе проявилъ въ немъ его настоящій непрекрасный полъ, котораго однако онъ былъ такимъ поразительнымъ представителемъ. Оказалось что этотъ юноша главный здѣшній молочникъ, Михаилъ Лебедевъ, приготовитель всѣхъ тѣхъ превосходныхъ молочныхъ скоповъ о совершенствѣ которыхъ уже въ это время говорили въ столицѣ всѣ тѣ которые имѣли какой-нибудь случай посѣщать ферму Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, ворота и объятія котораго въ на-

чалъ, правду сказать, были довольно широко открыты для большей части петербургскихъ жителей, въ видахъ ознакомленія училища съ публикой и публики съ училищемъ. Въ ту пору стоило только прѣхать въ училище въ экипажѣ и быть мало-мальски порядочно одѣтымъ для того чтобы не уѣхать иначе какъ съ бутылкой превосходныхъ сливокъ или съ формочкой сыра бри, представленныхъ по приказанію начальства посылителю въ даръ отъ училища бѣлыми и нѣжными руками бѣлорозоваго, черноглазаго красавчика Лебедева.*

Осмотръ молочной, при чичеронствѣ Лебедева, окончился вступленіемъ въ гостиную, гдѣ на столахъ, сдѣланныхъ изъ комлей, какъ я уже описалъ выше, разставленъ былъ въ фаясовыхъ гинтеровскихъ плошкахъ лакомый завтракъ, повидимому, вовсе не интересовавшій Байкова, немедленно занявшійся чаемъ въ огромномъ фарфоровомъ росписномъ бульонномъ стаканѣ и предоставившаго мнѣ дѣлать себѣ бутерброды изъ очаровательнаго сливочнаго масла, пить кружкой цѣльное молоко и пробовать золотистою деревянною ложкой великолѣпный жирный варенецъ съ краснобурою пѣнкой и обсыпанный сахаромъ творогъ, который казался изящнѣе всякаго крема и бланманже. На все это я выпилъ большой стаканъ чернаго кофе безъ цикорія и, по приглашенію Байкова, нѣсколько прикусилъ отъ весьма вкусныхъ настоящихъ малороссійскихъ бубликовъ, поданныхъ на широкихъ капустныхъ листахъ, по специальному малороссійскому обыкновенію.

— Нашъ вице-президентъ, его превосходительство Левъ Алексѣевичъ, большой охотникъ до этихъ бубликовъ и не пьетъ безъ нихъ утренняго своего чая. А какъ его превосходительство изволить вставать всегда не позже 8 часовъ утра, я всегда посылаю къ нему это печенье не позже шести часовъ, въ особо устроенной переносной печуркѣ, гдѣ они лежатъ на

* Лѣтъ двадцать спустя послѣ перваго этого моего посѣщенія училища, когда и Байкова давно не было на свѣтѣ (онъ умеръ въ 1849 году) и когда заведеніе это стало сильно клониться къ упадку, я въ Петербургѣ встрѣтилъ толстаго растолстаго купчину съ красною раздутою фигурой и бородой до пояса. Я бы въ немъ никогда не узналъ прелестнаго молочника Лебедева. Оказалось что мѣщанинъ Лебедевъ, освободившійся изъ удѣла, поселился гдѣ-то въ Тверской губерніи и разбогатѣлъ отъ приготовленія мызнаго сметаннаго масла, далеко не высокаго качества, но хорошо продаваемого въ Петербургѣ.

дощечкѣ надъ кипяткомъ, подобно тому, какъ вы, конечно, видали, это дѣлается въ кондитерскихъ съ пирожками.

Позавтракавъ плотно, мы убѣдились по часамъ что до трехъ часовъ, когда мы должны были обѣдать, намъ еще достаточно времени для обозрѣнія всей фермы. Конюшня была устроена на тридцать стойлъ и содержалась опрятно и тщательно, какъ и все въ заведеніи: лошади рабочія, все обвенки саврасыя, рыжія, гнѣдыя, половыя, карія и нѣсколько верховыхъ донскихъ коней для развѣздовъ сотскихъ, стояли на чистой и часто перемѣняемой подстилкѣ; ясли были полны прекраснаго ароматическаго клевернаго сѣна съ искусственныхъ луговъ, а отчасти купленнаго за недостаткомъ собственнаго. Ясли для сѣна и соломенной рѣзки закрывались рѣшетками, и тутъ же ящикъ для овса. То и другое было устроено такъ что больше или меньше надлежащей порціи ящикъ вмѣстить не можетъ и нѣсколько не позволяя корму вываливаться на ноги лошади. Надъ каждымъ стойломъ была надпись съ кличкой каждой лошади, которыя употребляются для произведенія сельскихъ работъ или, какъ я сказалъ, для гоньбы.

Коровникъ поразилъ меня своимъ устройствомъ, имѣющимъ множество удобствъ и выгодъ. Я шелъ по нѣсколько возвышенной эстрадѣ; направо и налево рогатыя головы прекрасной скотины, которая стоитъ не въ стойлахъ, а между столбами, на привязяхъ въ видѣ большихъ колецъ, сдѣланныхъ изъ сыромятной кожи. Здѣсь на тридцать коровъ задаетъ кормъ одинъ человѣкъ въ пять минутъ, тогда какъ при всякомъ другомъ устройствѣ на это потребно одному человѣку по крайней мѣрѣ полчаса. Тутъ стоитъ только пройти по чистому полу чтобы вдругъ видѣть какой заданъ кормъ и ѣдятъ ли его коровы. Тутъ кормъ никакъ не можетъ загнить, какъ обыкновенно случается въ коровникахъ другаго устройства, гдѣ скотникъ почти не имѣетъ возможности совершенно очищать ясли; здѣсь же, еслибъ онъ и хотѣлъ полѣзнуть и не очистить яслей, то этого сдѣлать не можетъ, потому что въ тѣ же колоды куда закладывается кормъ, два раза въ день очень легко накачивается вода для пойла скотинѣ. Навозъ вывозитъ чрезвычайно способно, потому что въ этомъ коровникѣ нѣтъ никакихъ перегородокъ. Урина вся собирается: она по жолобу вытекаетъ изъ коровни въ особое хранилище. Въ коровникѣ свѣтло какъ въ комнатѣ. Перемѣнять воздухъ весьма удобно, потому что противоположно расположенныя двери и окна спо-

собствуютъ вентиляціи. Тогда такой коровникъ былъ рѣдкость; но въ послѣдствіи весьма многіе рачительные хозяева въ Россіи завели подобные; особенно когда годъ или нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ перваго осмотра мною училища, я въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣній* А. П. Башуцкаго помѣстилъ статью съ описаніемъ и подробнымъ рисункомъ этого скотнаго двора, который однако, какъ оказалось въ послѣдствіи, былъ господиномъ Байковымъ рабски скопированъ съ коровника устроеннаго за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ знаменитымъ нашимъ золотопромышленникомъ Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ въ его селѣ Рябовѣ, за пороховыми заводами близъ Петербурга. Когда въ августѣ 1834 года я былъ въ училищѣ, весь рогатый скотъ состоялъ изъ холмогорскихъ и сумскихъ коровъ; но ни бернской, ни тирольской, ни штейермаркской, ни ольдернейской породы не было, почему я въ послѣдствіи разкажу объ усовершенствованіяхъ столь капитальныхъ здѣшняго скотоводства. А теперь скажу только что я былъ пораженъ тѣмъ искусствомъ, съ какимъ здѣшніе воспитанники доили коровъ, по всѣмъ правиламъ голландской дойки, считающейся превосходною. Тотъ же молочникъ, прелестный юноша Лебедевъ, считается здѣсь профессоромъ доенія и преподаетъ это искусство другимъ съ отличною ловкостью.

— Такимъ образомъ, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—ваши ученики, возвратясь на родину и современемъ сдѣлавшись фермерами, будутъ учить своихъ женъ искусству правильной дойки, отъ которой, какъ извѣстно, зависитъ самое достоинство молока.

— Да, да, отвѣтилъ Байковъ, похихикивая, этою штукой наши „мальчики“ крайне удивятъ своихъ земляковъ.

Далѣе мы видѣли въ овчарнѣ длинношерстныхъ лейстерскихъ и соутроунскихъ овецъ съ ихъ баранами, которые служили и для романовскихъ овецъ, совершенствуемыхъ этимъ способомъ. Свилярня здѣшняя отличалась тѣмъ что, вопреки понятію сложившемуся о неопрятности свиной породы, здѣшнее опрятное содержаніе имъ очень по вкусу, и онѣ безпрестанно купаются въ прудикѣ, для нихъ устроенномъ. Мое вниманіе въ свилярнѣ Байковъ обратилъ на приземистаго, весьма невзрачнаго парня, который отличался доброю, но крайне туловатою фізіономіей. То былъ старшій свиляръ,—какъ Лебедевъ былъ старшій въ молочнѣ, какъ другой молодецъ Потанинъ старшій въ коровникѣ и овчарнѣ, такъ Трифонъ Шестаковъ оказался

архипрофессоромъ искусства ухаживать за свиньями и содержать въ порядкѣ 8 огромнѣйшихъ собакъ волкодавовъ, которыя также находятся подъ его вѣдѣніемъ и выпускаются на ночь бѣгать по канату, для сторожи, вокругъ всего заведенія.

— Это субъектъ, въ своемъ родѣ замѣчательный, сказалъ мнѣ Байковъ.—Онъ имѣетъ страстную любовь къ своему занятию и къ своимъ свиньямъ, которыя его знаютъ и понимаютъ и которыхъ и онъ знаетъ и понимаетъ вполнѣ. Шестаковъ оказался неспособнымъ ни къ какому другому дѣлу, долженъ былъ быть отосланъ обратно въ ту же волость изъ которой былъ присланъ и, до отправленія, въ качествѣ неспособнаго, имѣлъ обязанностью ухаживать за свиньями, чтобы даромъ здѣсь не кормиться. Занятіе это пришлось ему по вкусу, и изъ Шестакова вышелъ отмѣнно хорошій свинарь, знатокъ своего дѣла и подъ диктовку котораго, право, можно бы написать предѣльную книгу о свиноводствѣ. Такъ-то, вѣтъ, кажется, того человѣка который не имѣлъ бы своей какой-нибудь специальности.

Затѣмъ, мнѣ показанъ былъ птичникъ съ голубятней. Въ этомъ птичникѣ достойно особеннаго вниманія устройство жердей, приновренное къ устройству птичьихъ гнѣздъ и согласованное съ натурой птицъ. Отсюда меня провели въ помѣщеніе для стельныхъ коровъ и въ денникъ, гдѣ находились отелившіяся коровы съ ихъ телятками-сосунками. Въ особенномъ темномъ и тѣсномъ стойлѣ на широкихъ помочахъ висѣлъ теленокъ, предъ рыломъ котораго постоянно стояла лохань съ молокомъ, и онъ его пилъ непрерывно съ жадностью. Мнѣ сказали что теленокъ этотъ пьетъ въ теченіи сутокъ молоко отъ трехъ коровъ по полному ихъ удою, почему онъ, будучи недѣли черезъ полторы заколотъ,—дастъ необыкновенно вкусное жаркое, и такая телятина, по всей справедливости, можетъ назваться „банкетною“ или „молочною“.

— Этотъ теленокъ, сказалъ Байковъ,—уже назначенъ чтобы быть представлену для Высочайшаго стола. Но къ Рождеству мы будемъ отпаивать другаго тельца собственно для себя, и тогда попросимъ В. П. на нашу скромную трапезу съ жаркимъ изъ этого тучнаго тельца. Къ Свѣтлому празднику мы уже представляли его свѣтлости господину министру двора и удѣловъ подобнаго отпоеннаго теленка. Его свѣтлость изволилъ пожаловать мнѣ одну четверть этого лакомаго куса. Это было вѣчто удивительное. Вообразите себѣ,—ни одного волок-

на, ни одного слоя. Это было ужъ не телячье мясо, а какая то нѣжная масса самаго пріятнаго сливочнаго вкуса. Масса эта таяла во рту и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляла своею сочностью. Вы согласитесь что его свѣтлость князь Петръ Михайловичъ на своемъ вѣку имѣлъ таки не разъ случай кушать превосходныя вещи; но онъ откровенно говорилъ и Льву Алексѣвичу и мнѣ что никогда и нигдѣ ему не случилось кушать телячьяго жаркаго доведеннаго до такой послѣдней степени совершенства, перейти которую уже невозможно.

Сарай наполненный пожарными трубами, бочками, лѣстницами, баграми, топорами и прочими принадлежностями важнаго дѣла тушенія пожара оказался, какъ и все въ заведеніи, въ порядкѣ поразительномъ.

Матвѣй Андреевичъ все это показывалъ мнѣ съ нѣкоторою какъ бы послѣдностью, и сказалъ наконецъ:

— Ежели на каждомъ здѣшнемъ предметѣ долго останавливаться будемъ, то чего добраго и ночь насъ захватить, такъ позвольте лучше мнѣ показать вамъ то что васъ, какъ я увѣренъ, понимающаго изящное, заинтересуетъ.

— Слѣдую за вами, Матвѣй Андреевичъ, повсюду куда вамъ угодно будетъ меня повести, сказалъ я, улыбаясь. — А что я дѣйствительно не невѣжда въ томъ что изящно и совершенно, то вамъ отчасти можетъ послужить доказательствомъ то что я былъ изумленъ чуть не до окаменѣлости при видѣ вашего юнаго Ганимеда-молочника дивной красоты, наружность котораго поразила меня.

— Не васъ однихъ поразила благородная смазливость этого парнишки, имѣющаго спеціальностью приготовленіе молочныхъ сколовъ, а многихъ посѣтителей поражаетъ. Его свѣтлость господинъ министръ двора соблаговолилъ изволилъ даже мнѣ пошутить, грозя пальцемъ: „Смотри, Байковъ, ужъ не мамзель ли ты какую перерядилъ мальчикомъ, чтобъ удобнѣе тебѣ было отъ твоей хозяйки баловать.“ А его свѣтлость князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, морской министръ, прислалъ ему нѣсколько фунтовъ конфетъ, самаго лучшаго голландскаго бѣлья, канауса голубаго, розоваго, желтаго на парадныя рубахи, тонкаго сукна на поддевку и пр. и при этомъ живописца съ красками и палитрой для снятія портрета съ мальчика.

— Что касается до меня, Матвѣй Андреевичъ, увѣрялъ я, — то право мнѣ въ дѣлѣ красоты и эстетики нужны не возрастъ и не полъ, почему я могу пройти мимо портрета молоденькой

дѣвушки съ незначительною фizioноміей и могу, какъ то сомной на картинныхъ выставкахъ и въ картинныхъ галлереяхъ и случалось, простоять часъ какъ вкопанный предъ изображеніемъ ветхаго какого-нибудь Маѳусаила, ежели только изображеніе это отличалось прототипомъ эстетическаго совершенства. Само собою разумѣется что то же совершенство въ примѣненіи къ юности какъ-то усладительнѣе и мягче дѣйствуетъ на наши чувства. Но однако, толкуя обо всемъ этомъ, я не успѣлъ спросить васъ, почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ, откуда это явился къ вамъ этотъ Михаилъ Лебедевъ? Неужели изъ вашихъ обыкновенныхъ удѣльныхъ крестьянскихъ мальчиковъ?

— Онъ, отвѣчалъ Байковъ,—изъ бывшаго нашего лсковскаго имѣнья и считался воспитанникомъ или подкинутымъ приемышемъ одного изъ тамошнихъ крестьянъ, за сына котораго онъ къ намъ и поступилъ. У насъ онъ оказался малоспособнымъ къ работамъ земледѣльческимъ и вообще къ ремесламъ хозяйственнымъ, преимущественно по нѣжности своего тѣлосложенія. Я хотѣлъ уже отослать его въ какую-нибудь контору, такъ какъ Пековской уже не было; да вдругъ мальчикъ проявилъ удивительныя способности къ разнаго рода нѣжнымъ манипуляціямъ, что замѣтила моя жена и особенно моя сестра, варя варенье, когда я имъ въ помощь ежедневно давалъ чело-вѣкъ лять мальчиковъ изъ наименѣе способныхъ. Оказалось что онъ прекрасно варитъ варенье. Спрашиваемъ гдѣ выучился, говоритъ что отъ пріемнаго отца своего онъ часто ходилъ въ гости къ одной близкой бѣдной помѣщицѣ дворянкѣ, очень любившей варить варенья и варившей ихъ на продажу. Помѣщица эта, повидимому забавница, скуки ради, наряжала мальчика этого въ сарафанъ и заставляла исполнять различныя работы, какъ на примѣръ доить коровъ, лахтать масло, готовить творогъ и варенцы. Вотъ это-то и подало мнѣ поводъ сдѣлать изъ него молочника, и я какъ нельзя больше радъ что не ошибся въ моемъ выборѣ: молочникъ вышелъ превосходный, да къ тому красавецъ, останавливающий общее на себѣ вниманіе, и вполне честный ларень, который строго блюдетъ интересы фермы. Но я въ Мишуткѣ Лебедевѣ, я, чело-вѣкъ чисто практическій, уважаю всего больше его удивительную смѣтливость, наблюдательность и находчивость, при прелюбезномъ моемъ роcсійскомъ лаутовствѣ и лукавствѣ, при случаѣ. Вы нашъ сыръ бри кушали и находите что сыры Милютинскихъ лавокъ не лучше нашихъ. Это находятъ всѣ-съ;

даже французскій посланникъ, которому мы ежедневно поставляемъ по формочкѣ этого сыра, не даромъ, а за хорошія деньги, не нахвалится ими. А какъ мы достигли до этого? Умора! Провели одного Гасконца и оставили съ носомъ проклятаго шарлатана. Явился къ намъ отъ министра Французъ, который за 5.000 р. асс. взялся выучить нашихъ ребятъ секрету изготовленія этихъ сыровъ. Начальство согласилось. Живетъ у насъ Французъ съ мѣсяць и по полумперіалу въ день получаетъ харчевыхъ, показываетъ мальчикамъ, самъ при нихъ сыры дѣлаетъ, и сыры выходятъ не худо. Но мальчики сами, даже Мишутка Лебедевъ, не могутъ смастерить ихъ, хоть тресни, не могутъ безъ Француза; а при его содѣйствіи все выходитъ отлично. Досада взяла меня: Французъ намъ въ глаза смѣется. Вотъ я и говорю Лебедеву: „Тутъ не безъ секрета. Дознайся ты мнѣ этотъ секретъ, и я тебѣ подарю серебряные часы съ цѣпочкой.“ Не прошло недѣли: наши сыры безъ помощи Француза были не хуже его сыровъ, и мы его, по добру по здорову, прогнали. Шельма Лебедевъ въ тонкой перегородкѣ просверлилъ дырочки и высмотрѣлъ всю манипуляцію Француза съ „лабою“ или съ заквашеннымъ телячьимъ желудкомъ, необходимымъ для этого, почти химическаго, приготовленія. Часы которыя теперь носить красавчикъ Лебедевъ имъ заслужены отъ меня; а его превосходительство Левъ Алексѣевичъ тотчасъ подарилъ ему тогда десять имперіаловъ и предоставилъ навсегда 10% съ цѣны каждаго проданнаго заведеніемъ кружка сыра бри. Вотъ каковъ у насъ этотъ паренекъ-то, Ганимедъ Сидорычъ, что-ли, какъ вы его величаете.

Мы стояли уже на порогѣ „сельскаго домика“, который въ послѣдствіи, очень въ послѣдствіи, назывался „дворцомъ графа Перовскаго“; но я не утерпѣлъ чтобы не спросить Байкова, не знаетъ ли онъ чего о происхожденіи этого юноши-красавца? На это, поднимаясь по деревянной лакированной лѣстницѣ, онъ сказалъ смѣясь:

— Сейчасъ видѣлъ литераторъ! Вамъ такъ и хочется, я вижу, смастерить романъ на нашего Мишу Лебедева! Бывшій помощникъ управляющаго Псковскою конторой, котораго мы перевели въ Алатырскую контору, говорилъ мнѣ, бывши здѣсь, что сколько ему извѣстно, мальчикъ этотъ есть плодъ любви очень хорошенькой, молодой помѣщицѣй дочери и сына капельмейстера хора лѣвчихъ этого барина; регентъ-то этотъ былъ родомъ изъ южной Швейцаріи, женатъ же былъ

на какой-то Неаполитанскѣ. Когда барышня произвела на свѣтъ Божій теперешняго нашего молочника, то добрые люди споровили отдать его въ вѣрныя руки, подкинувъ одному богатому удѣльному мужику—Лебедеву. Вотъ вамъ и весь сказъ о немъ; а теперь позвольте обратить ваше вниманіе на это вотъ изящное произведеніе рукъ человѣческихъ, на весь этотъ домикъ, на его мебель, утварь и убранство.

И дѣйствительно это изящная изъ изящныхъ игрушка. Не знаю существуетъ ли домикъ этотъ теперь, почему я не могу не разказать, какимъ я его видѣлъ въ первый разъ 18го августа 1834 года и какимъ видалъ его постоянно до послѣдняго раза посѣщенія мною училища, уже не служа тамъ и почти разнакомясь съ Байковымъ, въ 1847 году. Слѣдовательно я зналъ этотъ домикъ въ теченіи 12—13 лѣтъ. Это домикъ маленькій, окруженный вѣтвистыми деревьями и пестрыми цвѣтниками, съ огромными кустами розъ. Внизу сѣмянной музей и квартира смотрителя фермы Ревягина и молочника Лебедева. Кюютка послѣдняго, блестящая щелетильною опрятностью, пріятно остановила мое вниманіе, тѣмъ болѣе что кромѣ порядка и опрятности здѣсь все отличалось какимъ-то нѣжнымъ, далеко не мужицкимъ вкусомъ. Полъ былъ такъ же чистъ и свѣтелъ какъ и полъ въ комнатахъ молочни, но сильно навоощенъ, а стѣны были выбѣлены на олифѣ съ лакомъ, почему лоснились въ родѣ лакированного мрамора. Въ углу икона со множествомъ искусственныхъ вербъ и фарфоровыхъ яичекъ; по одной стѣнѣ желѣзная кровать съ бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ; подъ кроватью сундучокъ; далѣе два соломенныхъ стула, шкафъ, комодъ, столъ, все изъ березы и сосны подъ воскъ, на стѣнѣ виситъ гитара, а на окнѣ цѣлая оранжерея цвѣточныхъ растений, надъ которыми проволоочная клѣтка и въ клѣткѣ желтенькая канарейка-пѣвунья. Такое житіе простолюдина показалось мнѣ чѣмъ-то удивительнымъ. Да, я забылъ еще сказать что въ одномъ углу былъ сдѣланъ шкафчикъ съ книгами духовнаго и свѣтскаго содержанія. *Прогулка съ дѣтьми по земному шару*, только-что отпечатанная тогда мною вторымъ изданіемъ, подъ псевдонимомъ „Виктора Бурьянова“, красовалась тутъ въ хорошемъ переплетѣ. Въ послѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, я узналъ что это былъ сюрпризъ, сдѣланный Байковымъ моему авторскому самолюбію: онъ распорядился поставить здѣсь эту книжку въ день моего пріѣзда; а Лебедевъ еще едва ли и видѣлъ ее тогда, хотя, вслѣдствіе сдѣланнаго ему наставленія, рассыпался предо мною въ увѣреніяхъ что онъ съ особеннымъ

удовольствіемъ читаль эту книжку, въ которой описаны всѣ народы, и бѣлые, и черные, и желтые и красные, какіе живутъ въ подлунной. Шарлатанство и обманъ здѣсь преобладали во всемъ; но до того времени какъ я, съ апрѣля мѣсяца 1839 года, сталъ здѣсь служить, мнѣ всѣ эти продѣлки казались далеко не тѣмъ что онѣ были на дѣлѣ.

Верхъ этого домика составляли четыре премиленькія лѣтнія горницы, носившія простое наименованіе „сельскихъ комнатъ“. Онѣ были убраны со всевозможною крестьянскою роскошью, но безъ всякихъ городскихъ причудъ. Лѣстница отлогая, покойная, винтообразная, навощенная, но не выкрашенная. Стѣны на лѣстницѣ и въ комнатахъ гладко строганные изъ смолистаго дерева, сильно вывощенные и оттого лоснящіеся и блестящіе. Все такъ чисто что, право, совѣстно ступать по этому прелестному полу, гладкостью и блескомъ не уступающему паркету и покрытому холстомъ въ разныхъ направленіяхъ. Близъ дверей по лѣвую руку стоитъ красиво сработанная бочка, а на ней красуется огромный снолъ лшеницы. Что же въ самой-то бочкѣ? — Сельская агрономическая библіотека, расположенная въ отличномъ порядкѣ, на полкахъ устроенныхъ внутри бочки. — Въ этихъ комнатахъ всѣ украшенія чисто-сельскаго произведенія, напримѣръ, снопы ржаные въ сажень и болѣе вышины по угламъ, вѣнки изъ разныхъ хлѣбовъ съ васильками, клеверомъ и подсолнечниками. Мебель, то-есть столы, кресла, стулья, табуреты, коммоды, шкафы, этажерки, диваны, все точь-въ-точь такіе же какъ тѣ которыми я любовался въ молочной гостиной. Видъ съ балкона этого домика открывается прекрасный: весь плоскій училищный полевой участокъ, прилегающій къ Выборгской дорогѣ, какъ на ладони. Отсюда очень удобно наблюдать за дѣйствіями здѣшнихъ молодыхъ земледѣльцевъ, чѣмъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, во время частыхъ своихъ посѣщеній, и занимается, при помощи бинокля, а иногда и зрительной трубы, которая стояла здѣсь на почетномъ пьедесталѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими хорошими зоологическими и орнитологическими чучелами, размѣщенными по одной стѣнѣ на небольшихъ выступкахъ. На другой стѣнѣ главной комнаты за стекломъ было энтомологическое собраніе различныхъ бабочекъ, жуковъ, стрекозъ и другихъ насѣкомыхъ.

— А вотъ драгоценность, которою здѣшніе воспитанники дорожатъ едва ли не выше всего на свѣтѣ, говорилъ Байковъ,

вынимая съ какимъ-то напускнымъ благоговѣнiемъ изъ стекляннаго баула книгу, переплетенную въ малиновый бархатъ.

— Не угодно ли вамъ, В. П., взглянуть на то чѣмъ исписаны страницы этой книги, говорилъ Байковъ, открывая предо мною страницы своей заветной книги, на которыхъ было написано на каждой страницѣ особо рукой Льва Алексѣевича Перовскаго, то напимѣръ:

„Былъ въ училищѣ всѣмъ какъ нельзя болѣе доволенъ. (Годъ и число мѣсяца) Л. П.“

„При посѣщенiи училища нашелъ что мальчики дѣлають замѣчательные успѣхи и что изъ нихъ выйдуть очень хорошия хозяева для примѣра всѣмъ удѣльнымъ крестьянамъ (годъ и число мѣсяца). Л. П.“

„Училище несказанно утѣшаетъ меня. Благодарность директору и „мальчикамъ“. Отечество наше современемъ скажетъ имъ большое спасибо (годъ и число мѣсяца). Л. П.“

„Нигдѣ, какъ здѣсь въ училищѣ, я не отдыхаю душой. Благодарю всѣхъ за это (годъ и число мѣсяца). Л. П.“

„Я забываю мою болѣзнь въ училищѣ и цвѣту здоровьемъ здѣсь (годъ и число мѣсяца). Л. П.“

Въ этомъ родѣ отмѣтки наполняли почти всѣ страницы.

— Это превосходно, сказалъ я, впрочемъ, помнится, сказалъ тогда совершенно безсознательно и говоря языкомъ одно, а чуя сердцемъ какой-то нравственный диссонансъ, почему и продолжалъ:—Впрочемъ не всегда же, я думаю, Левъ Алексѣевичъ остается такъ восхищенъ заведенiемъ: иногда онъ находитъ что-нибудь и не совсѣмъ хорошее. Оно и натурально: вѣдь не вѣчное же ведро и въ природѣ, бываютъ и тучи и даже непогоды.

— О! воскликнулъ Байковъ,—вы совершенно правы; но для этихъ случаевъ у насъ заведены другія памятки. Каждый изъ воспитанниковъ нашихъ, то-есть старшаго класса, какъ уже болѣе развитый, имѣетъ непременно при себѣ небольшую тетрадь, въ которую вписываетъ случаи, когда его превосходительство оставался чѣмъ-нибудь въ училищѣ недоволенъ, то-есть не высказывая никогда самъ ничего, предоставлялъ мнѣ, директору, дѣлать при немъ наставленiя какъ частныя, такъ и общiя.

Этотъ нашъ разговоръ шелъ уже по выходѣ изъ сельскаго домика, гдѣ насъ ожидали наши слутники-чичероне, два-три ларня въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными кушаками.

— Покажите господину гостю ваши „памятки“, ребята, ска-
залъ Байковъ этимъ тремъ изъ старшихъ воспитанниковъ.

Въ одно мгновеніе, словно по фронтовой командѣ, молодцы
вынули изъ своихъ кармановъ переплетенныя въ черный коз-
ловый переплетъ книжечки самодѣльной работы. На боку каж-
даго переплета были намаLEVаны масляною краскою подъ лакъ:
„Да исправится молитва моя.“

Я открылъ одну книжку наудачу и встрѣтилъ въ ней:

„Апрѣля 12го (1834) его превосходительство изволилъ за-
мѣтить что полевой участокъ № 5 былъ не довольно тщательно
удобрень, отчего были комки.“

За этою я взялъ книжку другаго и прочелъ:

„Августа 7го (1834) его превосходительство выразить изво-
лилъ сожалѣніе что старшіе воспитанники, успѣвшіе быстро
во всемъ, не довольно усердствуютъ чтобы двинуть впередъ
младшихъ своихъ товарищей и чрезъ то вредятъ ихъ будущ-
ности.“

Наконецъ въ книжкѣ третьяго я нашелъ:

„Февраля 3го (1834) его превосходительство изволилъ до
того огорчиться что немедленно уѣхалъ изъ училища, по-
тому что въ этотъ роковой для насъ день двое изъ недостой-
ныхъ нашихъ товарищей нашли случай напиться пьяными.
Они немедленно, по волѣ начальства и по просьбамъ всѣхъ
товарищей, высланы изъ училища.“

Когда я кончилъ чтеніе, Байковъ какъ-то особенно, тогда не-
понятно для меня, взглянулъ на сопровождавшихъ насъ воспи-
танниковъ и пошелъ со мною впередъ, а воспитанники оста-
лись на мѣстѣ, словно окаменѣлые. Они начали двигаться тог-
да когда между нами и ими было шаговъ сто разстоянія. Это
значило что Байковъ хочетъ вести конфиденціальный разговоръ.

— Ну, какъ вы находите эту красную и эти черныя книж-
ки? спросилъ Байковъ меня, съ явнымъ желаніемъ получить
отвѣтъ вполнѣ положительный.

— Скажу вамъ откровенно, отвѣчалъ я,—что мнѣ эти черныя
книжки, при всей ихъ формалистикѣ и напыщенности, кажутся
лучше красной. Впрочемъ предупреждаю васъ что я ничего не
смыслю въ дѣлѣ педагогики, особенно народной, имѣющей свои
спеціальныя колера.

— Да, да, именно спеціальныя колера, замѣтилъ ухмыляясь
Байковъ.

— Но дѣло въ томъ что для нашихъ школьниковъ это сти-

муль, необычайный. — Они дорожатъ своими черными книжками и часто ихъ перечитываютъ; а чтобъ удостоиться чести прочитать собственноручную замѣтку Льва Алексѣевича, — они ужъ право не знаю чего не готовы сдѣлать. И когда я которыми изъ нихъ отмѣнно доволенъ, то позволяю, въ присутствіи смотрителя фермы, имъ прочитать новыя страницы красной книги. Они къ этому иначе не приступаютъ, какъ цѣлуя книгу переплетенную въ малиновый бархатъ. Потомъ они списываютъ въ особыхъ своихъ красныхъ тетрадкахъ отмѣтки своего высокаго начальника, отъ котораго зависитъ вся судьба ихъ, и читаютъ копіи съ отмѣтокъ этихъ своимъ товарищамъ, красныя книжки которыхъ пусты, потому что они не удостоивались чести копировать изъ бархатной книги.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы подошли къ довольно видному зданію, но освѣщенному узкими окнами, необыкновенно высоко поставленными. Надъ зданіемъ я прочелъ надпись: *Ветеринарный театръ*. Мы поднялись на нѣсколько ступеней и вошли въ обширную, освѣщенную сверху, залу съ весьма высокимъ потолкомъ. Здѣсь скамьи были расположены въ видѣ амфитеатра постепеннымъ возвышеніемъ. Впереди каедрa и нѣсколько превосходно сдѣланныхъ костяковъ или скелетовъ, выписанныхъ изъ Англіи. Это были скелеты лошади, коровы, овцы и свиньи. На стѣнахъ были развѣшаны изображенія разныхъ животныхъ со снятымъ эпидермомъ и съ обнаженными внутренностями. Тутъ же въ особенныхъ большихъ ящикахъ со стеклянными крышами помѣщались скульптурныя изъ воска и раскрашенныя изображенія многообразныхъ предметовъ внутреннихъ частей животныхъ, равно какъ исполненныя съ необыкновеннымъ искусствомъ, также изъ воска, всякія наружныя и внутреннія проявленія болѣзней какъ скотскихъ, такъ птичьихъ. Меня все это премного заинтересовало, и тогда Байковъ довольно быстро, почти мимоходомъ, сказалъ мнѣ что заведеніе еще очень молодо, „мальчики“ еще почти ничего не смыслятъ въ такомъ важномъ и трудномъ предметѣ естествознанія, какова анатомія, служащая основой медицины, какъ для лѣченія людей, такъ животныхъ; но, полюбивъ и это занятіе, приобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія, конечно, еще ничтожныя, почему онъ проситъ меня быть снисходительнымъ. При этомъ онъ довольно искусно выщупывалъ стеленъ моихъ собственныхъ, по этому предмету, познаній, показывая мнѣ мимоходомъ части костяковъ и изображенія нѣкоторыхъ другихъ

предметовъ, сыпля, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно щедро различные термины, относящіеся какъ къ физиологическому устройству животныхъ, такъ къ болѣзненнымъ у нихъ проявленіямъ. Съ того времени прошло много и много лѣтъ, и я въ послѣдствіи, побѣждая натуральную свою брезгливость, довольно успѣшно слѣдовалъ за лекціями извѣстнаго ветеринарнаго врача г. Иессена въ томъ же Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ и дошелъ до того что могъ довольно безошибочно узнавать у животныхъ начало развитія какой-нибудь болѣзни, въ особенности ящуръ и раздутіе брюха у коровъ, причемъ умѣлъ употреблять необходимыя, въ этихъ случаяхъ, лѣкарства и манипуляціи. Къ тому же я въ послѣдствіи старался читать все что въ то время у насъ было отдѣльно издаваемо и въ хозяйственныхъ журналахъ печатаемо по предмету скотолѣченія. Но въ августѣ мѣсяцѣ 1834 года, когда въ первый разъ посѣщалъ Удѣльное Земледѣльческое Училище, я ни бельмеса, какъ говорится, не смыслилъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, а въ ветеринаріи въ особенности, до такой степени что при разсмотрѣніи разныхъ видовъ конскихъ челюстей съ зубами, не умѣлъ различить челюсти составлявшей принадлежность молодой лошади отъ челюсти старой лошади, съ-такъ называемыми „сѣданными бабками“. Байкову все это было съ руки, и онъ, ошеломивъ меня рядомъ ветеринарныхъ подробностей о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, обратилъ мое вниманіе на коллекцію, чрезвычайно искусно сдѣланныхъ, въ четверть противъ натуральной величины, рисунковъ съ изображеніями разнаго рода неправильныхъ отеловъ коровъ, причемъ теленокъ выходитъ не головой, а какою-либо другою частью тѣла.

— Ребята, сказалъ Байковъ, обращаясь къ нѣсколькимъ, бывшимъ съ нами, воспитанникамъ, — вамъ вѣдь это дѣло таки знакомо, разкажите-ка хорошенько, но умненько, вотъ всѣ эти случаи, какіе здѣсь изображены. Почтенный нашъ гость васъ поѣкзаменуесть.

Я, движимый чувствомъ простодушной откровенности, хотѣлъ-было сказать что напротивъ, я въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслю и невѣжественнѣе самыхъ малознающихъ изъ здѣшнихъ мальчиковъ; но Байковъ шолотомъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Бога ради, съ ними, съ этими дѣтьми природы, скромность неумѣстна. А вотъ лучше прошу васъ прикинуться знатокомъ дѣла: это ихъ больше куражить при разказѣ о какомъ-нибудь предметѣ по ихъ занятіямъ. Затѣмъ онъ обратился къ

одному изъ воспитанниковъ, парню лѣтъ за двадцать, съ начинавшеюся бородой, и сказалъ:

— Не вѣмъ же заразъ говорить, хотя все вы хорошо знаете подробности о несчастныхъ отѣлахъ. Расскажи гостю объ этомъ ты Филимонъ Лапустинъ. У васъ же кетати въ Оренбургской губерніи, при степномъ скотоводствѣ, этихъ случаевъ не занимать стать.

— Совершенно справедливо, ваше высокородіе, сказалъ Лапустинъ, — что у насъ въ степномъ скотоводствѣ случаи эти бывають зачастую, только у насъ, при этомъ, телки и матки дохнутъ: никто помочь не умѣетъ. А вотъ какъ Богъ приведетъ меня хозяйничать на усадьбѣ, благодаря милостивому къ намъ нашему высшему начальству, за которое денно и нощно мы должны Господа Бога молить, — я и мои товарищи будемъ на самомъ дѣлѣ показывать какъ можно спасать въ такихъ случаяхъ и матокъ, и телковъ, и, такимъ образомъ, возсылая постоянно молитвы за начальство наше, — доставимъ неопытнымъ односельцамъ нашимъ возможность спасать ихъ кормилицу-скотинку не въ однихъ только этихъ случаяхъ неправильныхъ отеловъ, а вообще всегда, когда только скотъ дойный, мясной или рабочій чѣмъ-либо занедужится.

Въ то время, въ 1834 году, за 37 лѣтъ предъ сегодняшнимъ днемъ, когда я былъ еще такъ молодъ и, не взирая на нѣкоторыя предупрежденія сдѣланныя мнѣ Марьей Алексѣвной Крыжановской, вѣрилъ всему что видѣлъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, я, конечно, никакъ не могъ вособразить себѣ что вся эта рѣчь Филимона Лапустина и потомъ весь его разказъ о неправильныхъ отелахъ не что иное какъ твердо заученный полугайный урокъ. Не подозревая ничего подобнаго, я былъ въ восхищеніи вполне чистосердечномъ. Видя это, Байковъ заставилъ, по своему назначенію, еще трехъ воспитанниковъ объяснять мнѣ нѣкоторые другіе случаи чисто физиологическаго свойства, сообщая при этомъ способы медицинскаго, впрочемъ самаго простаго и сподручнаго въ домашнемъ быту, лѣченія животныхъ отъ описанныхъ недуговъ. Мнѣ въ голову тогда никакъ не могло прійти что меня морочать какъ директоръ, такъ и ученики, читающіе бойко, наизусть свои задолбанные ими уроки, въ говореніи которыхъ они могли бы быть легко сбиты всякимъ человѣкомъ маломальски свѣдущимъ въ дѣлѣ скотолѣченія. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, въ случаяхъ когда посѣтитель оказывался свѣдущѣе меня, принимались мѣры бла-

горазумной осторожности, посредством ловкаго обхода такихъ вопросовъ на которые отвѣчать не приходилось, по незнанію отвѣтовъ. Всѣ эти фортели я узналъ лишь когда, въ 1839 году, лѣтъ пять спустя послѣ перваго моего посѣщенія, поступилъ на службу по удѣльному вѣдомству, въ качествѣ помощника директора училища. Но объ этомъ рѣчь будетъ далеко впереди, теперь же мнѣ остается сказать что я былъ въ самомъ наивномъ восторгѣ отъ чудныхъ способностей русскаго, обожаемаго мною, простолюдина. Находясь подъ этимъ впечатлѣніемъ, я превозносилъ похвалами воспитанниковъ и съ чистосердечными слезами на глазахъ говорилъ имъ о ихъ прекрасной будущности, черезъ нѣсколько лѣтъ, на усадьбахъ во всей Россіи, о той пользѣ какую они принесутъ нашей матушкѣ Россіи и о той благодарности какою они должны быть преисполнены къ своему начальству.

Байковъ видимо ликовалъ, и мы прошли съ нимъ, въ сопутствіи многихъ воспитанниковъ, въ скотолѣчебницу, а оттуда въ больницу училища, гдѣ нашелъ я все, разумѣется, въ превосходномъ порядкѣ. Больница эта была устроена на 24 кровати; при больницѣ паровая ванная и аптечка, гдѣ изготовляются самыя простыя лѣкарства, и изготовленіемъ ихъ отчасти занимаются сами воспитанники, подъ надзоромъ фельдшера. Подлѣ больницы была, превосходно, совершенно по-русски устроенная баня, въ родѣ самыхъ лучшихъ петербургскихъ бань. Нѣсколько домовъ заняты подъ спальни воспитанниковъ. Всѣ эти спальни одинаковаго устройства, почему мы осмотрѣли одну изъ четырехъ. Въ каждой спальнѣ было по 62 желѣзныхъ кровати, покрашенныхъ бѣлою масляною краской. При каждой кровати деревянный зеленый шкафикъ и табуретъ; надъ изголовьями желѣзный шестикъ съ надписью имени и номера тутъ находящагося воспитанника, и тутъ же развѣшаны тѣ образки которыми дѣти благословлены были отъ родителей при отъѣздѣ. На кроватяхъ были одѣяла изъ сѣраго крестьянскаго сукна, подшитыя чистымъ полотнянымъ пододѣвлянникомъ, перемѣняемымъ черезъ каждыя двѣ недѣли. Въ каждой спальнѣ на стѣнѣ висѣлъ за стекломъ и вставленный въ рамку списокъ воспитанниковъ въ спальнѣ находящихся, и еще планъ училищнаго участка, разбитый на поля и участки, обрабатываемые воспитанниками. Образа въ углахъ и эти списки и планы на стѣнахъ были окружены сельскими натуральными арматурами, состоявшими изъ хозяйственныхъ

растеній училищнаго участка за настоящій годъ. Заведено что по окончаніи уборки, въ началѣ осени, обыкновенно эти украшенія снимались и замѣнялись тѣми которыя доставлены послѣднимъ урожаемъ. Воображеніе и досужество русскаго крестьянина находятъ обильную для себя пищу въ узорочиваніи кровли своей избы, при помощи одного лишь топора. Замѣчательно что почти въ каждой спальнѣ растенія эти расположены съ особенною разнообразностію. Вниманіе мое обращено было на здѣшніе тюфяки, сдѣланные изъ соломы и мочаль съ большимъ искусствомъ самими воспитанниками. Я отворялъ ящики многихъ столиковъ, и вездѣ находилъ книжки, тетрадки, карандаши, перья, грифельныя доски въ превосходномъ порядкѣ, а въ шкалчикахъ бѣлье и прочія принадлежности, все тщательно, съ нѣмецкою аккуратностію сложенное. Вышедши изъ спальни, мнѣ показали сушило, то-есть комнату предназначенную для гардеробной воспитанниковъ живущихъ въ этой спальнѣ. Тутъ вдоль стѣнъ были устроены вѣшалки въ видѣ вѣтвистыхъ оленьихъ роговъ, и на эти-то вѣшалки надѣвались для просушки: салопы, тулупы, армяки, шляпы и шалки. Въ отхожихъ мѣстахъ меня поразило отсутствіе всякаго малѣйшаго зловонія, при постоянно вертящихся вентиляторахъ. Однако тутъ вовсе не было ватерклозетнаго устройства. Я не могъ не выразить моего удивленія Байкову, который опять, обратясь къ одному изъ воспитанниковъ, велѣлъ ему разказать мнѣ: отчего ихъ отхожія мѣста отличаются отсутствіемъ малѣйшаго даже запаха, и молодой мужичокъ объяснилъ что этому содѣйствуетъ, во первыхъ, постоянная вентиляція, вовторыхъ употребленіе извести и квасцовъ, разведенныхъ въ горячей водѣ и, втретьихъ, постоянное очищеніе этихъ устройствъ и ямъ самими воспитанниками, которые чрезвычайно дорожатъ произведеніемъ отхожихъ мѣстъ для удобренія полей посредствомъ компостовъ. Къ этому Байковъ прибавилъ съ своею усмѣшкой:

— Въ деревнѣ, когда наши „мальчики“ сядутъ на свои хозяйства, имъ придется воевать съ закоренѣлымъ предрасудкомъ своихъ односельцевъ, между которыми живетъ та странная мысль что употребленіе человѣческихъ изверженій для удобренія полей — дѣло сатаны, дѣло великаго грѣха. Но мы противъ такой нелѣпости принимать будемъ свои мѣры.

— Какія же, Матвѣй Андреевичъ, ежели это не секретъ? спросилъ я.

— Очень простыя, объяснилъ Байковъ, лохихикивая. Мы, для образованія образцовыхъ будущихъ усадьбъ, къ тому времени какъ на нихъ поселятся наши воспитанники, будемъ у крестьянъ покупать за деньги то чѣмъ они такъ теперь гнушаются. Увѣряю васъ, В. П., что эта мысль самая практическая: кто денегъ не любитъ и кто отъ денегъ откажется? И вотъ, мужички наши, не хуже Китайцевъ, станутъ собирать то что донинѣ такъ презирали и бросали. Сначала они похочутъ надъ приказомъ начальства, а потомъ какъ увидятъ что человѣческое гуано производитъ чудеса растительности на поляхъ образцовыхъ усадебниковъ,—сами дѣло въ толкъ возьмутъ и сознаются что они дурыи были и не знали, какъ говорится, гдѣ раки-то зимуютъ. Такъ, ребята? обратился онъ къ воспитанникамъ.

— Точно такъ, ваше высокородіе! въ одинъ голосъ отвѣчали пять или шесть парней, которые были съ нами.

Я не находилъ словъ чтобы достойно восхвалить все видѣнное и слышанное тутъ мною и подъ вліяніемъ самаго искренняго восхищенія молодого 22 лѣтняго человѣка, имѣющаго до смѣшнаго пристрастіе ко всему отечественному, слѣло вѣруя въ великія качества русскаго элемента, — слѣдовалъ по мосткамъ окружающимъ огромнѣйшій дворъ за Байковымъ, имѣвшимъ радостно-торжествующій видъ. Мы шли къ директорскому дому, и въ это время съ крыльца этого дома, надъ входомъ въ который красовалась надпись золотыми буквами по зеленому фону: „квартира директора“, сбѣжалъ сынокъ Байкова, семилѣтній пухлый мальчуганъ, остриженный въ скобку и одѣтый въ щеголеватый армячокъ кучерскаго покроя. Малютка подошелъ къ отцу, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Мама зоветъ за обѣдъ!

— Ахъ ты хохленокъ мой, засмѣялся отецъ, лаская толстаго, лузатаго своего сынка,—за обѣдъ! По-руски слѣдуетъ говорить: „мамаша зоветъ обѣдать“. Скажи мамѣ, пусть чуточку подождетъ: мы разомъ будемъ. Мы теперь предъ домомъ гдѣ *Сельскій Музеумъ*. Позвольте вамъ его слегка показать, слегка-съ, слегка-съ только, потому, во первыхъ, чтобы борщъ не перекипѣлъ и не привелось мнѣ васъ, дорогой столичный гость, угощать перепрѣлою дрянью, а во вторыхъ, потому что я вамъ сейчасъ презентую махонькую книжечку, въ которой пропечатано, по приказанію его превосходительства Льва Алексѣевича, все то что въ музеѣ этомъ заключается, и такъ подробенько и такъ

ясненько что не для чего будетъ утруждать ваше вниманіе новымъ разказомъ, хотя наши „мальчики“ всякое орудіе до тонкости знаютъ и разкажутъ вамъ о немъ какъ по писанному.

Пока онъ говорилъ это, дежурный сотскій Бровкинъ мигомъ куда-то отвернулся и при послѣднихъ словахъ своего начальника подаль ему небольшую двѣнадцатидюймовую брошюру въ зеленомъ кожаномъ переплетѣ съ надписью: „Для гостей училища“. Байковъ тотчасъ отдалъ эту книжку мнѣ, и мы вошли въ сѣни, изъ которыхъ нѣкогда была огромная сараеобразная со множествомъ оконъ зала, наполненная различными англійскими, нѣмецкими, голландскими, французскими и другими земледѣльческими орудіями и снарядами, надъ которыми на бѣлыхъ дощечкахъ были черныя надписи. Чтобы прочесть все, нужно было много времени; но я замѣтилъ однако тутъ между множествомъ плуговъ культиваторовъ, экстирпаторовъ, скаррификаторовъ, бороздильниковъ, катковъ вѣялокъ, сѣялокъ, боронъ желѣзныхъ, съ именами Смаля, Уатерлея, Вейера, Финляйсона, Тѣра, — нѣсколько моделей и другихъ снарядовъ, какъ картофельная мельница, крошильная машина, лопата торфорѣзная, сѣкорѣзная машина, домашніе вѣсы, приборъ для молочныхъ, сколактометры, образцы черепицы, собраніе разныхъ родовъ ульевъ, модель молотильни съ вѣялкой и пр. и пр.

— Чтобы позкзаменовать нашихъ чичероніевъ, говорилъ смѣясь Байковъ, обращаясь ко мнѣ, — потрудитесь развернуть книжечку на какой-нибудь страницѣ отдѣла иностранныхъ орудій и спросите кого-нибудь изъ сопровождающихъ насъ „мальчиковъ“ о первомъ попавшемся вамъ предметѣ. Онъ, я надѣюсь, разкажетъ вамъ все подробно.

Я исполнилъ желаніе директора и, найдя въ книжкѣ подъ № 17 снарядъ: *Вѣялка съ двойнымъ движеніемъ, для сѣмянъ всякаго рода*, обратился къ парню съ большими голубыми глазами и добрымъ, открытымъ выраженіемъ веселаго лица. Это былъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, Симбирецъ, лѣтъ двадцати, Егоръ Панкратовъ, который тотчасъ отчетливо и просто заговорилъ:

— Эта вѣялка изобрѣтена въ Англіи, за два года предъ симъ, въ 1832 году, и приноситъ огромную пользу въ сельскомъ хозяйствѣ, которое въ ней очень нуждалось. Кромѣ нашего училища, сколько извѣстно, она нигдѣ въ Россіи еще не имѣетъ

ся. * Дѣйствіе ея таково что она въ 10 рабочихъ часовъ об-
вѣиваетъ самаго сорнаго хлѣба 120 четвертей и отлично раздѣ-
ляетъ его на 4 разные сорта. Сита ея можно перемѣнять, и
потому она годится какъ для самаго крупнаго, такъ и для
мелкаго зерна. Превосходное дѣйствіе этой вѣялки зависитъ
главное: отъ устройства особенной фигурой барабана, препро-
вождающаго и усиливающаго вѣтеръ, отъ маховъ къ ситамъ;
отъ расположенія пяти различныхъ ситъ, вмѣстѣ дѣйству-
ющихъ и имѣющихъ двоякое движеніе. Для крестьянскаго хо-
зяйства машина эта дорога: она стоитъ не менѣе 500 р. асс.,
да и къ тому же въ ней много чугуна. А вотъ господинъ ди-
ректоръ научилъ насъ устроить ее иначе, безъ чугуна и безъ
всякихъ зубчатыхъ колесъ. Такъ какъ при работѣ этой ма-
шины нужна чрезвычайная точность, и какъ устройство бара-
бана и ситъ потребовало неоднократныхъ пробъ, то изгото-
вленіемъ ея занимались двое воспитанниковъ 26 дней. Матері-
ала же употреблено не болѣе какъ на 60 рублей.

Осмотрѣвъ это интересное и поучительное собраніе ино-
странныхъ хозяйственныхъ орудій и машинъ, мы прошли въ
другое отдѣленіе, гдѣ помѣщалось собраніе собственно рус-
скихъ орудій. Тутъ были: сохи, косули, горбуши, кривуши,
межеумки, бороны, оралы, сабаны, лопаты, салы, грабли, ко-
сы, серпы, пчеловодныя снасти, ульи, деревянные жернова и
пр. и пр. На ярлыкахъ значились и тѣ мѣстности изъ кото-
рыхъ орудія и снаряды получены были училищемъ. Такъ,
здѣсь я увидѣлъ: красносельскую косулю, московскую соху,
костромскую кривушу, казанскую, симбирскую и нижегород-
скую сохи, костромскую и вятскую косули, пермскую, воло-
годскую и вятскую сохи, симбирскій и оренбургскій сабаны,
царевсанчурскую косулю, вятскій деревянный жерновъ и мно-
жество другихъ. Я читалъ вслухъ всѣ эти надписи и выражалъ
удивленіе, при видѣ такого богатаго и многочисленнаго ре-
пертуара орудій національной агрономіи.

— Скажите, Матвѣй Андреевичъ, какимъ образомъ собрали вы
здѣсь эту необыкновенно полную коллекцію нашихъ русскихъ

* Въ 1834 году это было справедливо; но въ послѣдствіи вѣялки эти
сильно распространились, и въ настоящее время едва ли найдется
нѣсколько самыхъ долготопныхъ хозяйствъ не употребляющихъ этой
вѣялки.

земледѣльческихъ орудій, какихъ, рѣшительно можно сказать, нигдѣ въ Петербургѣ нѣтъ? спросилъ я директора.

— Собрали-то ихъ здѣсь мы, отвѣчалъ директоръ, — очень просто: каждая изъ этихъ вещей привезена была сюда одновременно съ нашими „мальчиками“, прибывавшими изъ разныхъ губерній гдѣ есть удѣльные имѣнія, и такимъ образомъ собралась эта коллекція. Мы начали съ того что испытывали всѣ эти орудія на нашихъ поляхъ. Забавно было видѣть какъ представители каждой мѣстности стояли за преимущества своихъ родныхъ орудій и какъ потомъ всѣ они, на опытѣ, принуждены были отдать преимущество предъ всѣми своими орудіями одноконному плужку Смаля, съ которымъ ни на какой почвѣ не можетъ соперничать никакая соха, никакая косула, никакой русскій плугъ, въ легкости работы, при произвольной глубинѣ велапки.

— Но, замѣтилъ я, — вѣроятно вы сами изучили достоинства и недостатки всѣхъ этихъ русскихъ нашихъ орудій и могли безъ затрудненія объяснить все это воспитанникамъ, при тѣхъ раціональныхъ опытахъ какимъ подвергали орудія эти на почвѣ училищнаго участка?

— Какъ же, отозвался Байковъ, — пока въ 1832 году возводились здѣсь, подѣ личнымъ наблюденіемъ его превосходительства Льва Алексѣевича, всѣ эти строенія, какія вы видите, я, по порученію начальства, извѣздилъ всѣ удѣльные имѣнія чтобъ ознакомиться съ образомъ жизни и съ бытомъ каждой волости. Это доставило мнѣ возможность узнать всѣ хозяйства почти всей Россіи въ мельчайшихъ подробностяхъ. Я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, имѣлъ честь представить господину вице-президенту департамента удѣловъ обширную, листовъ въ 150, записку со статистико-топографико-этнографическимъ и даже агрономико-техническимъ описаніемъ крестьянскаго хозяйства тридцати двухъ посѣщенныхъ и изслѣдованныхъ мною губерній.

— Да вѣдь эта записка, воскликнулъ я, — ежели бы была напечатана, то представила бы собою прелюбопытный, драгоценный матеріалъ для правильного изученія полеваго хозяйства Россіи!

— Начальство, сказалъ Байковъ, — и имѣетъ намѣреніе напечатать отдѣльною книгой эту мою записку. Да только мы еще не нашли человека который взялся бы за толковое редактированіе этого труда.

— Помилуйте, Матвѣй Андреевичъ, какое тутъ редактиро-

ваніе, наивничаль я совершенно чистосердечно.—Тутъ нужна только ясность изложенія и правильность фактовъ, а не изящество литературнаго изложенія.

— Ну, а вотъ начальству нашему, говорилъ Байковъ,—все-таки хотѣлось бы придать этому моему, правду сказать, совершенно толорному писанію нѣкоторый литературный лоскъ. Можетъ-быть Богъ намъ вась, В. П., посылаетъ теперь для того чтобы помочь намъ въ этомъ дѣлѣ. Однако извините, вы еще не соблаговолили спросить кого-нибудь изъ „мальчишковъ“ о какомъ-нибудь изъ этихъ русскихъ орудій. Потрудитесь выбрать любое и назначить сами разкащика о выбранномъ вами предметѣ.

Я указалъ на огромный оренбургскій плугъ, называемый „сабаномъ“, громоздкій и неуклюжій, и выбралъ для разказа какъ нарочно Оренбургца, Филимона Ляпустина, рыжеватаго парня, съ простодушною фізіономіей, который тотчасъ сказалъ:

— Въ нашей Оренбургской губерніи и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нами уѣздахъ Симбирской губерніи употребляется плугъ на три лошади, именуемый „сабанъ“. Полвершка нашего или симбирскаго чернозема, всякій годъ вновь поднятаго, достаточно для обильнаго урожая, слѣдовательно шесть вершковъ для постоянного урожая на двѣнадцать лѣтъ. Въ продолженіи этого времени первоначальный слой возобновился бы для вторичнаго урожая и такъ далѣе, такъ что почва эта могла бы остаться навсегда неистощимою; но крестьяне сабаномъ выворачиваютъ вдругъ нови на шесть вершковъ; они, конечно, снимаютъ вдругъ нѣсколько сильныхъ урожаевъ пшеницы, и хотя подъ этимъ пластомъ находится еще черноземъ на одинъ аршинъ, а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе, но такъ какъ сабаномъ, да и никакимъ другимъ плугомъ, глубже шести вершковъ взять нельзя, то невозобновляемая почва, само собою разумѣется, становится меньше производительною, и тогда крестьяне говорятъ съ огорченіемъ: „земля вылаhalась“, и даютъ ей отдыхать лѣтъ десять, не трогая ее для пашни, а только пася на ней свои стада овецъ и рогатаго скота, переходятъ на другія мѣста, еще непочатыя, называемыя „новью“, благо степь велика, глазомъ не окинуть; а о томъ что эти переходы отдаляютъ хозяина отъ усадебной его осѣдлости, нашъ степнякъ ни мало не заботится. Мы здѣсь въ училищѣ убѣдились что въ этихъ случаяхъ чтобы на нашей степи сряду двѣнадцать лѣтъ имѣть хорошіе урожаи безъ удобренія земли, да и безъ малѣйшаго

ея истощенія, хорошо устроенный плугъ Смаля или Уатерлея, при каткѣ, были бы въ нашихъ степяхъ весьма полезны. Когда будемъ на родинѣ, непременно воспользуемся этимъ совѣтомъ его высокородія господина директора и, не сомнѣваемся, будемъ имѣть успѣхъ и будемъ постоянно съ пшеницей все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Я былъ въ восторгѣ отъ умнаго разказа этого дѣльнаго и разумнаго воспитанника, никакъ не подозревая что все это было выдолблено наизусть, какъ я въ томъ убѣдился гораздо позднѣе, когда, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1839 года, поступилъ на службу въ качествѣ помощника директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, о чемъ рѣчь гораздо и гораздо впереди, потому что я ретроспективно разкажу здѣсь всѣ фазисы моего знакомства съ училищемъ этимъ и съ его начальствомъ, фазисы, сопровождаемые многими множествомъ различныхъ эпизодовъ довольно интересныхъ, рельефныхъ и даже курьезныхъ (въ нынѣшнее время) и невольно заставляющихъ повторять столь извѣстныя слова изъ *Горя отъ ума*: „свѣжо преданіе,—а вѣрится съ трудомъ“.

— Однако пора, пора къ борцу! воскликнулъ Байковъ,—при вторичномъ появленіи, уже на этотъ разъ въ музеумѣ, его сыншкі.

— Заведеніе ваше, Матвѣй Андреевичъ, такъ интересно и все въ немъ такъ поглощаетъ много времени, сказалъ я,—что кажется, мы не осмотрѣли и половины.

— О! нѣтъ, возразилъ Байковъ,—вы уже видѣли двѣ трети. а остальную треть мы осмотримъ или послѣ обѣда, или еще лучше въ другой разъ, когда вы къ намъ пожалуете, потому что ужъ, я надѣюсь, вы не оставите насъ вашими милостями и посвѣщеніями.

— О! воскликнулъ я,—благо вы позволяете; а я все мое свободное время буду посвящать училищу, для подробнаго его изученія, чтобы можно было написать о немъ статью на славу.

— И мы будемъ вашими вѣчными, неоплатными должниками, въ надеждѣ что вы будете снисходительнымъ кредиторомъ. Прежде всего вы будете у насъ, я надѣюсь, 22го августа, то-есть на дняхъ, въ высокаторжественный день коронаціи, когда насъ хотѣли посвятить ихъ превосходительства Марья Алексѣевна и Максимъ Константиновичъ, ваши знакомые, такъ, можетъ-быть, вы съ ними вмѣстѣ будете?

— Именно съ ними, отвѣтилъ я, — потому что Марья Алексѣвна пригласила меня въ этотъ день къ себѣ обѣдать, чтобы потомъ ѣхать съ нею и съ нѣсколькими знакомыми ея дамами къ вамъ на праздникъ, программу котораго вы тогда за завтракомъ, помните, ей объяснили.

— Какъ же, помню, помню, смѣялся Байковъ.—О! какая же насмѣшница ея превосходительство! Я докладывалъ этотъ разговоръ его превосходительству Льву Алексѣвичу, и онъ изволилъ, улыбнувшись (это съ нимъ рѣдко бываетъ), мнѣ сказать: „смотрите же, Матвѣй Андреевичъ, когда моя сестрица любезная у васъ будетъ въ праздникъ, на которомъ я, какъ служащій при дворѣ, въ этотъ день быть не могу, не ударьте лицомъ въ грязь, и чтобы все было какъ нельзя лучше; а то насъ съ вами прозубоскалятъ, чего добраго.“ Я, конечно, за вѣрилъ его превосходительство что они могутъ быть спокойны.

При этихъ словахъ, мы вошли на крыльцо директорской квартиры.

(До слѣд. №.)

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

ДВѢ КИТАЙСКІЯ ЗАПИСКИ О ПАДЕНІИ КУЛЬДЖИ И О ЗАНЯТИИ ЕЯ РУССКИМИ

Отпаденіе отъ китайскаго владычества Цзюнгариі и Туркестана, совершившееся шесть-семь лѣтъ тому назадъ, долго оставалось тайной не только для насъ однихъ, но, кажется, и для самого Пекинскаго двора. Недавно читали мы въ пекинской официальной газетѣ, какъ новость для тамошняго правительства, о томъ какъ былъ взятъ Турфанъ; изъ этого можно заключить что оно не знаетъ ничего и о происшествіяхъ въ другихъ мѣстностяхъ. Китаю было не до западнаго своего края; у него было на носу болѣе страшное возмущеніе внутри. Не говоря уже о Тайпингахъ, еще не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ ему угрожала опасность потерять самый Пекинъ, когда изъ сѣверо-западныхъ провинцій чрезъ Шаньси вдругъ бросились на него толпы инсургентовъ, состоявшія изъ мусульманъ и остатковъ Тайпинговъ. Хотя они и были отброшены отъ Пекина, но тѣмъ не менѣе другіе инсургенты изъ тѣхъ же мѣстностей еще позже угрожали отрѣзать отъ Китая не только за-

1872 № 6.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ *

(1834 — 1850).

VI.

Квартира директора состояла изъ нѣсколькихъ большихъ и очень свѣтлыхъ комнатъ, стѣны которыхъ тогда не были, какъ то было въ послѣдствіи, покрыты дорогими обоями, а были просто выкрашены: столовая палевою, кабинетъ зеленою, гостиная лазоревою, спальня свѣтло-розовою, зала ярко-желтою краской. Прочихъ комнатъ, дѣтскихъ и для прислуги, равно какъ для маленькой канцеляріи при кабинетѣ и такъ-называемой дежурной, я въ этотъ разъ не видѣлъ; но знаю что всѣ онѣ были выкрашены, иныя свѣтло-перловою, а другія бѣлою краской. Мебель вездѣ была простая, крытая не сафьяномъ, а черною козловою кожей съ мѣдными гвоздиками, стулья были плетеные тростниковые, столы отлично хорошо выкрашенные, навоощенные и чистоты поразительной. На крашенныхъ и блестящихъ полахъ вездѣ разложены были холстинныя бѣлыя

* См. Русскій Вѣстникъ № 5.

дорожки. Въ углахъ всѣхъ комнатъ были образа, большею частью безъ ризъ, въ кіотахъ, съ горящими лампаками, вербами и даже пасхальными красными яйцами на особыхъ полочкахъ съ дарственными просфорами. Всѣ эти „Божьи“ углы были украшены такими же сельскими арматурами изъ разныхъ полевыхъ и огородныхъ растений, какія украшали стѣны и углы въ спальняхъ училища и въ сельскомъ домикѣ. Вообще все отличалось деревенскою простотою, безъ всякаго покушенія на моду и какую-либо городскую роскошь. Всѣ окна были покрыты благовонными растеніями, за которыми очевидно уходъ былъ тщательный. Между горшками съ вѣтвистыми растеніями, богатыми разноцвѣтными цвѣтами, помѣщались сосуды съ голландскими луковицами, разливавшими превосходные ароматы. Надъ окнами висѣли кѣтки съ ярко-желтыми канарейками, весело раслѣтѣвшими. Вообще все это произвело на меня, кореннаго горожанина, очень новое и очень пріятное ощущеніе. Мнѣ казалось будто я переселился изъ Петербурга за 500 верстъ, по крайней мѣрѣ. Байковъ снова нашелъ нужнымъ знакомить меня съ своею, тогда еще довольно молодою, лѣтъ, я думаю, 26 — 27, полною и ярко-розовою Катериной Андреевной. „Госпожа директорша“, какъ величало ее все заведеніе, говорила съ весьма ощутительнымъ для русскаго уха малорусскимъ акцентомъ, причемъ и самая ея рѣчь пестрѣла словами казавшимися мнѣ знакомыми единственно лишь по повѣстямъ Паньки Рудаго (то-есть Гоголя), какъ, бачить, ложичить, зачипать, бугай, очереть и пр., и пр., и пр. Она разказала мнѣ что была воспитана въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ и при этомъ не утерпѣла чтобы не вспомнить нѣкоторыхъ маленькихъ подробностей институтскаго быта, какъ напримѣръ о какой-то тогдашней своей классной дамѣ „мадемузель“, помнится, Шпрингфрессеръ, которая была прозвана дѣвицами „де малеръ де ла Рюси“, по тому случаю что когда у нихъ въ Харьковѣ была получена вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича, послѣдовавшей въ Таганрогѣ, „мадемузель“ эта, ихъ классная дама, очень плакала и кричала: „Mesdames, c'est le malheur de la Russie!“

Предобѣденная закуска отличалась обиліемъ предметовъ столь сытныхъ и жирныхъ что только пробуя ихъ можно было лишиться аппетита. Тутъ были вмѣстѣ съ груздями, зеле-

нымъ сыромъ, ломотками швейцарскаго сыра и паюсной икры, букетиками бѣлыхъ и розовыхъ редисокъ, ломти окорока, гусиные палатки, кружокъ великолѣннаго сыра бри на соломенномъ щитикѣ, маслянка съ палевымъ сливочнымъ масломъ въ видѣ агненка съ золотыми рожками, цѣлая тарелка сосисекъ, другая съ ломтями разнообразныхъ колбасъ и пр. Байковъ, закусывая то тѣмъ, то другимъ и подчуя меня, говорилъ что все это, даже зеленый сыръ, домашняго произведенія.

— Нѣтъ ужъ, Матвѣй Андреевичъ, говорилъ я,—не увлекайте меня всѣми этими прелестями, позвольте подовольствоваться парочкою редисокъ и приняться за очаровательный, видимому настоящій малороссійскій борщъ, который уже поданъ на столъ и лакомымъ паромъ своимъ насъ манить.

— Да и вправду, Матвѣй Андреевичъ, замѣтила Катерина Андреевна, подошедшая къ своему мѣсту противъ огромной дымящейся мисы, — ты, чего добраго, appetite „спортышъ“, такъ лучше сядемъ за столъ. Ондра, читай молитву.

Мальчикъ тотчасъ пробарабанилъ: „Отче всѣхъ, на Тя, Господи, уповаемъ“, и мы ушли за столъ покрытый великолѣпно-бѣлою скатертью, впрочемъ далеко не очень тонкою, и сервированный весьма опрятно, но просто до послѣдней степени: ложки были серебряныя, но ножи и вилки съ какими-то допотопными зелеными костяными черенками; стаканы, рюмки, графины съ водою и квасомъ-суровцемъ не граненые, самаго обыкновеннаго стекла, салфетки чистыя, но премаленькія и претолстыя; солонки жестяныя, а по срединѣ стола преогромный судокъ съ множествомъ сосудовъ для уксуса, масла, горчицы трехъ сортовъ, перца чернаго и краснаго, сахара толченаго, корицы, имбиря и одинъ сосудъ широкій съ какимъ-то чернобурымъ порошкомъ, оказавшимся, какъ я узналъ послѣ, тертымъ сушенымъ чернымъ хлѣбомъ для простокваши. Нѣсколько бутылочекъ съ разноцвѣтными наливками красовались на столѣ и улаждали взоръ любителя. Одна бутылка была съ пивомъ, другая, предъ хозяиномъ, съ хересомъ.

Борщъ-свекольникъ на свиномъ салтѣ съ ломтиками свинины и съ превосходною просяною кашей, поданною въ маленькихъ горшечкахъ для каждаго куверта, забѣленный дивною сметаной, былъ верхъ украинскаго кулинарнаго искусства, объяденье, и я, въ жизнь свою не ѣвши такого борща, къ великой и неподдѣльной радости хозяина и, въ особенности, хозяйки, попросилъ еще тарелку, которую мнѣ тотчасъ съ восхищеніемъ и

дала сама радушная хозяйка, причѣмъ служившій за столомъ довольно угловатый и небольшо ловкій угреватый слуга, въ послѣдствіи знаменитый въ училищѣ директорскій камердинеръ „Ныкихфоръ“, представилъ мнѣ крохотный дымящійся горшочекъ съ просяною, вареною на водѣ, кашей.

— Ну, молодецъ, сегодня наша Галка (имя ихъ кухарки) отличилась, сказалъ Матвѣй Андреевичъ обращаясь къ женѣ.— Борщъ хоть бы на царскій столъ!— Скажи ей, Катя, въ видѣ подарка, что нашъ литерскій гость ея борща двѣ тарелки скушалъ.

— Ей отъ этого гостя, сказалъ я, — почетъ не Богъ вѣсть какой: гость-то птица не важная; а вотъ пусть-ка Матвѣй Андреевичъ да Катерина Андреевна пригласятъ къ себѣ на такой именно борщъ Максима Константиновича Крыжановскаго, такъ ужъ онъ будетъ въ восхищеніи: дома-то его превосходительству такого малороссійскаго лакомства по штату не полагается, такъ какъ, съ одной стороны, ея превосходительство, хотя и родилась въ благословенной Малороссіи, ничего тамшняго не жалуется и даже Панька Рудаго не очень долюбываетъ; а съ другой стороны, и докторъ-то ему запрещаетъ все слишкомъ національное. Намедни вареники и жареный поросенокъ были ему какъ праздники изъ праздниковъ: онъ никакъ не надѣялся на такую потѣху.

Въ это время дѣвчонка-хохлушка, въ какой-то ланевѣ и на босу ногу, собирала довольно ловко тарелки, не замѣняемые чистыми, потому что предъ каждымъ кувертомъ стояло нѣсколько перемѣнъ тарелокъ, что, при неловкой прислугѣ, дѣло очень практичное и удобное. Никифоръ внесъ и поставилъ предъ хозяйкой превосходное холодное, — цѣльнаго поросенка въ бѣлоснѣжной сметанѣ.

— А вотъ кстати, рекомендую вамъ, В. П., любезничалъ Байковъ, — вотъ-съ одномолочникъ, а не однакашникъ только, того поросенка котораго жаренаго вы кушали 15го августа.

Поросенокъ оказался вполне достойнымъ чести родства съ тѣмъ котораго намедни я ѣлъ у Крыжановскихъ.

— Ну ужъ теперь, говорилъ Байковъ, наливая въ мою рюмку хересу, — не знаю, В. П., ужогу ли вамъ? Глядите!... И самъ въ этотъ моментъ сіялъ неподдѣльною радостью. Предъ хозяйкой явилась громадная пирамида ярко-пунцовыхъ преобладающихъ раковъ, наловленныхъ въ Колымагахъ.

— Раки! Да еще такіе молодцоватые! вскрикнулъ я, — да это

просто прелесть! Только ужъ я не знаю какъ встану послѣ такого обѣда. Это пиръ Валтазара! Это сказочное угощеніе!

Босоногая хохлушка раскладывала предъ каждымъ приборомъ листы оберточной мягкой бумаги. Катерина Андреевна мнѣ объяснила что это для того чтобъ не „гадить сервитокъ“ руками, работавшими надъ раками.

За этимъ блюдомъ, требующимъ, какъ и предыдущія, богатырскаго желудка, послѣдовало четвертое: цвѣтная капуста въ сабайонѣ. Хозяйка назвала мнѣ цвѣтную капусту по-своему „кануфлеры“; но я съ горестью любителя убѣдился что, подавая это прекрасное блюдо въ сладкомъ сабайонѣ на ромѣ, мой амфитріонъ не вѣдалъ что въ Петербургѣ овощъ этотъ съ этою сладостью подается единственно развѣ лишь на тѣхъ свадебныхъ обѣдахъ которые справляютъ кухмистеры, обязующіеся производить на эти обѣды и поставку генераловъ, безъ которыхъ въ извѣстной средѣ обѣдъ не обѣдъ.*

Пятымъ блюдомъ была жареная индѣйка, чиненая фисташками и консомированная съ фруктовымъ, такъ-называемымъ „бабиковскимъ“ салатомъ изъ квашеной капусты съ разными ягодами и фруктами и съ свѣжелпросольными огурцами, отдававшими чесночкомъ. Байковъ этихъ огурцовъ съ хохлацкимъ чесночкомъ покушалъ не одинъ и, смѣясь, сказалъ:

— Я чай и этимъ его превосходительство, нашъ добрейшій Максимъ Константиновичъ, не погнушался бы.

— И какъ еще! замѣтилъ я, невольно улыбаясь при мысли какъ благодунѣйшій Максъ кушалъ бы все это, еслибы только получилъ на то разрѣшеніе Марьи Алексѣевны и состоявшаго въ заговорѣ съ нею доктора Финдейзена.

Обѣдъ нашъ заключенъ былъ шестымъ блюдомъ, а именно: воздушнымъ яблочнымъ пирогомъ, прямо съ пыла, облитымъ

* Въ тѣ патріархальныя времена дѣйствительно существовалъ обычай описанный въ *Пет. Ак. Вѣд.* временъ редакціи покойнаго А. Н. Очкина, состоявшій въ томъ чтобы на свадьбѣ непременно былъ какой-нибудь генералъ, хоть изъ отставныхъ, военный или статскій, въ мундирѣ и съ орденами. Разумѣется, это дѣлалось на купеческихъ и чиновничьихъ свадьбахъ. За невозможностью имѣть знакомаго превосходительнаго почетнаго гостя, старались доставать такого гостя за деньги, что и принимали на себя кухмистеры, платившіе за это отъ 25 до 50 р. за вечеръ нѣкоторымъ превосходительнымъ гостямъ. Въ статьѣ *Пет. Ак. Вѣд.*, конца тридцатыхъ годовъ, выставлены даже инициалы нѣкоторыхъ извѣстныхъ петербургскихъ генераловъ.

нами на нашихъ глубокихъ тарелкахъ превосходнѣйшими сливками училищной фермы, уже мнѣ знакомыми.

Когда мы встали изъ-за стола, директорскій сынокъ снова прокричалъ благодарственную, а уже не просительную, молитву. Я, какъ тогда водилось, поблагодарилъ хозяевъ за хлѣбъ-соль; Матвѣй Андреевичъ дружески поцѣловалъ руку у Катерины Андреевны, которая чмокнула его въ морщинистую его щеку, а дѣти цѣловали руки отца и матери.

— Прощу васъ, В. П., ко мнѣ въ кабинетъ, сказалъ Байковъ, пожимая мнѣ руку;— намъ туда подадутъ кофе, а вы покурите вашихъ соломенныхъ лахитосокъ, возлегши на диванъ послѣ этой желудочной работы, которою я васъ исправно замучалъ.

— Напрасно вы, Матвѣй Андреевичъ, порицаете вашъ превосходный домашній столъ, сказалъ я.— Свидѣтельствуюсь всѣми возможными гигиенистами, которые доказали давно что кушаній изъ отменно свѣжихъ и первосортныхъ припасовъ, просто, натурально, но правильно приготовленныхъ, сколько бы ни потребилъ такой здоровый молодой желудокъ, какимъ я обладаю, вреда никогда не будетъ и быть не можетъ.

Кабинетъ М. А. Байкова былъ довольно большая комната въ два огромныя окна, обращенныя въ палисадникъ съ краегусомъ и акаціями, отдѣлявшій директорскій домъ отъ зданія занятаго „сельскимъ музеумомъ“, гдѣ мы давеча были. Подъ окнами тротуарецъ, идущій отъ большого двора къ калиткѣ, отворявшейся на кухонный дворъ. По этому тротуарцу безпрестанно проходили воспитанники, такъ какъ тротуарецъ этотъ былъ главная жила всѣхъ лѣшиходныхъ сообщеній между фермой, кухоннымъ дворомъ, спальнями, мастерскими и главными корпусами. Воспитанники, проходя мимо оконъ директорскаго кабинета, снимали шляпы или шалки и калитку забирали за собою бережно, чтобъ не стукнуть, хотя, правду сказать, и стукнуть-то нельзя было, благодаря превосходному шарньеру, какимъ снабжена была эта калитка. Въ теченіи почти десятилѣтняго моего знакомства съ Байковымъ, я многократно посѣщалъ этотъ его кабинетъ, изъ котораго онъ въ продолженіи 16 лѣтъ управлялъ этимъ, имъ созданнымъ, заведеніемъ. И во весь этотъ періодъ времени кабинетъ этотъ ни на волосъ не измѣнился противъ того въ какомъ видѣ я его засталъ въ этотъ первый мой визитъ училищу и его директо-

ру, хотя другія комнаты, — зала, гостиная и столовая, — вмѣстѣ съ удучшеніемъ матеріальнаго положенія Байкова, приняла совершенно иной видъ и наполнились мебелью отъ Тура и Гамбса, гармонировавшею съ блестящими даркосельскими обоями, какими покрылись стѣны этихъ комнатъ. Байковъ какъ бы кокетничалъ простотою убранства и отсутствіемъ комфорта своего рабочаго кабинета, служившаго ему и спальней, потому что слѣва, за дверью изъ залы, были небольшія ширмы, обтянутыя какимъ-то полинялымъ синимъ коленкоромъ, и за этими ширмами жесткая кожаная кушетка съ подушками, также кожаными. Днемъ на кушеткѣ этой Байковъ любилъ иногда отдыхать съ книгой въ рукахъ, а на ночь она покрывалась постельнымъ бѣльемъ и одѣяломъ самаго простаго сорта. Около кушетки была этажерка съ необходимыми книгами, изъ которыхъ было нѣсколько церковныхъ, и столикъ со шкафчикомъ. Тутъ же стоялъ огромный желѣзный, несгораемый сундукъ съ секретными ящиками, въ которомъ сохранялись документы, бумаги и наличные капиталы, какъ самого владѣльца этого сундука, такъ и принадлежащіе казнѣ и ввѣренныя директору на расходы. По лѣвой стѣнѣ кабинета стояли шкафы съ книгами; но книгъ не было видно за такимъ же синимъ коленкоромъ, какимъ покрыты были ширмы. Тутъ около этой же стѣны помѣщалось огромное вольтеровское кресло съ превысокою спинкой, покрытое черною козловою кожей; предъ этимъ кресломъ былъ широкій и длинный письменный столъ-бюро краснаго дерева съ выдвижными ящиками и боковыми шкафчиками. На столѣ этомъ всегда было очень немного бумагъ; но огромная счетная доска и огромная бронзовая, древней формы, чернильница занимали свои почетныя и постоянныя мѣста. Байковъ любилъ хвастать тѣмъ, что на его письменномъ столѣ такъ мало бумагъ, тогда какъ большая часть дѣловыхъ людей щеголяетъ этимъ бумажнымъ хаосомъ. Онъ въ особенности любилъ, въ этомъ случаѣ, приравнивать себя къ знаменитому въ свое время Петру Андреевичу Крейцмихелю, который, будучи въ то время дежурнымъ генераломъ, а въ послѣдствіи главноуправляющимъ путями сообщенія, тщательно старался чтобы, по окончаніи письменныхъ занятій, его письменный столъ былъ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было бумагъ.

Описываю директорскій кабинетъ съ такими бальзаковскими подробностями потому что топографія этого кабинета играетъ изрядную роль въ дальнѣйшемъ разказѣ моемъ съ воспоминаніями

о Байковѣ и о всемъ касающемся Удѣльнаго Училища. Между кресломъ Байкова и однимъ изъ оконъ стоялъ длинный пульпетъ со стеклами, и за этими стеклами, во многихъ картонныхъ коробочкахъ, помѣщались различныя посѣвныя сѣмена, съ приличными ярлыками. Подъ пульпетомъ были полки съ разными инструментами физико-математическими и другими, а надъ пульпетомъ красовались снопы всякихъ растений, вѣнки и букеты, тщательно сохраняемые. Между окнами было зеркало съ подзеркальнымъ коммодомъ, на доскѣ котораго было нѣсколько моделей орудій и строеній; за другимъ окномъ въ углу олять большой шкафъ съ книгами и бумагами, имѣвшій нѣсколько потайныхъ ящичковъ. Огромная и необыкновенно толстая дубовая дверь, ходившая на шарньерахъ безъ малѣйшаго шума, была совершенно противъ письменнаго стола и отворялась въ такъ-называемую „дежурную“, гдѣ постоянно находился директорскій разсылный или какъ бы вѣстовой изъ воспитанниковъ младшаго класса по наряду. По противоположной стѣнѣ расположенъ былъ между двумя высокими тумбами и большими снопами диванъ красного дерева, какъ и овальный преддиванный столъ, ничѣмъ не покрытый. Диванъ этотъ и всѣ кресла и стулья этой комнаты были обтянуты черною волосяною матеріей, бывшею въ тѣ времена въ большой модѣ за ея прочность; но матерія эта какъ будто была въ заговорѣ съ портными, потому что страшно истребляла платья тѣхъ кто пользовался сѣдалищами ею покрываемыми. На окнахъ занавѣсей не было, а были только одиѣ бѣлыя холстинныя сторы. Зеленыя стѣны, просто крашенныя, но масляною краской, а потому и лоснившіяся, были покрыты въ два ряда литографированными картинами съ подписями на англійскомъ языкѣ. Подъ каждою картинкой былъ русскій переводъ на особой дощечкѣ, и тутъ можно было прочесть, напримѣръ: „Дургамской породы быкъ *Фаворитъ* 2½ лѣтъ, первое воспроизведеніе знаменитаго *Бекуэля*“. Подобныхъ надписей, тутъ было до 200, въ два ряда. Надписи эти объясняли нѣкоторыя свѣдѣнія о быкахъ, коровахъ, баранахъ, овцахъ, свиньяхъ, козахъ, лошадяхъ и даже о нѣкоторыхъ дворовыхъ птицахъ, изъ числа коихъ я помню довольно каррикатурныхъ кохинхинскихъ и брамалутрскихъ куръ и лѣтуховъ, которыхъ породы, лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ того какъ я видѣлъ портреты ихъ на стѣнѣ Байковского кабинета, пріобрѣли у насъ въ Россіи знаменитость, правда, не слишкомъ продолжительную и нынѣ со-

вершенно померкшую, потому что практика доказала что породы эти для русскаго домоводства оказались непригодны. А не далѣе какъ въ 1855 году, то-есть какія-нибудь 17 лѣтъ предъ симъ, огромная клѣтка съ браманпутрами и кохинхинками, желтыми, бѣлыми и мраморными, находилась въ залѣ Вольнаго Экономическаго Общества въ день торжественнаго юбилейнаго собранія Общества и была предметомъ не только многихъ восторженныхъ восклицаній членовъ псевдо-знатоковъ, но и громогласнаго, витіеватаго спича, сказаннаго барономъ Константиномъ Антоновичемъ Шлиппенбахомъ (нынѣ покойнымъ), владѣльцемъ мызы „Александровки“ за фарфоровымъ (бывшимъ) заводомъ. Рѣчь эта вызвала аплодисменты и даже восклицанія: *браво! ура! ура!* на которые у насъ такъ щедры почитатели разныхъ собраній, особенно такъ-называемыхъ ученыхъ. Но всего забавнѣе было то обстоятельство что браманпутрскіе и кохинхинскіе лѣтухи, разбуженные этими кликами, заорали по своему „браво“, вѣроятно, по чувству благодарности за расточаемыя имъ похвалы, и ихъ „кукуреку“ слился съ „ура“ гг. членовъ Общества. Это, само собою разумѣется, вызвало залпъ гомерическаго хохота всего собранія; но ораторъ и съ тѣмъ вмѣстѣ владѣлецъ пернатыхъ крикуновъ, баронъ Шлиппенбахъ, сумѣлъ и самый этотъ случай, совершенно нечаянный, обратить въ пользу своего любимаго предмета, увѣряя очень серіозно что самый этотъ крикъ былъ доказательствомъ высокаго превосходства этихъ породъ передъ всѣми другими.

Однако я все не кончаю съ кабинетомъ Байкова, гдѣ остается указать на два предмета, а именно въ углу у окна (лѣваго при входѣ изъ залы, праваго при входѣ изъ дежурной комнаты) ближайшаго къ креслу Байкова былъ большой образъ Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ. Образъ этотъ былъ покрытъ различными арматурами изъ растений сверху, съ боковъ и снизу, а на противоположной стѣнѣ, надъ низкимъ шкафомъ, были портреты: князя П. М. Волконскаго и Л. А. Перовскаго (тогда еще не графа). Надъ ними же поясной портретъ Императора Николая I масляными красками.

Мы съ Байковымъ помѣстились въ его кабинетъ довольно комфортно: онъ за своимъ огромнымъ письменнымъ столомъ, въ своемъ вольтеровомъ креслѣ, я противъ него, въ нѣкоторомъ разстояніи на диванѣ, крытомъ волосною матеріей, предъ овальнымъ столомъ, на которомъ стояла преобладающая фарфоровая, крайне не модная, чашка съ дымящимся кофе и

разсыпаны были мои соломенные лахитоски. Почтенный Матвѣй Андреевичъ, не теряя времени, принялся разказывать мнѣ различныя подробности объ училищѣ, стараясь, разумѣется, представить моему вниманію самую свѣтлую и блестящую сторону медали, въ чемъ, само собою разумѣется, при тогдашней моей неопытности и при свойственной мнѣ довѣрчивости, успѣлъ какъ нельзя лучше. Къ тому же, правду сказать, я былъ подъ вліяніемъ пріятныхъ впечатлѣній произведенныхъ на меня патріархальнымъ образомъ жизни Матвѣя Андреевича и радушіемъ пріема.

Изъ всѣхъ этихъ разказовъ Байкова, которые я тщательно записывалъ, я, между прочимъ, узналъ что по окончаніи постройки училищныхъ зданій, училище было открыто 1го октября 1833 года. Сначала одна половина штатнаго числа 250 воспитанниковъ училась ежедневно грамотѣ по способу взаимнаго обученія, а другая исправляла всѣ работы по училищу, при которомъ, за исключеніемъ мастеровъ, не было ни стороннихъ работниковъ, ни сторонней прислуги. Такимъ образомъ, съ октября мѣсяца до наступленія зимы, они успѣли выкопать каналъ, длиною въ 397 саженъ, для осушенія принадлежащей училищу земли, и приготовить къ весеннему посѣву 11 десятинъ новины. Въ теченіе зимы они обучались разнымъ простымъ мастерствамъ, какъ-то: портняжному, саложному, кузнечному, столярному, токарному, ткацкому и печному; построили для себя всю одежду, бѣлье и обувь и сдѣлали часть земледѣльческихъ орудій для весны 1834 года. При началѣ весны, на приготовленныхъ предыдущею осенью 11 десятинахъ новины былъ посѣянъ, а теперь въ августѣ мѣсяцѣ и убранъ разный хлѣбъ и овощи. Последнихъ достаточно было для училища на весь годъ съ избыткомъ. Теперь здѣсь вновь обработано болотистой почвы 26 десятинъ, изъ которыхъ 4 десятины засѣяны были озимымъ хлѣбомъ, 15 десятинъ удобрены и приготовлены подъ посѣвъ ярового, а остальныя 7 десятинъ предположено воздѣлать подъ озимый посѣвъ въ будущемъ 1835 году. Для разведенія садовъ между училищными строеніями, по надлежащей обработкѣ песчанаго грунта, посажено было болѣе 20.000 кустарниковъ и различныхъ фруктовыхъ деревъ. Для осушенія училищнаго участка, разчищено и углублено до 40.000 саженъ каналовъ; пограничный по Выборгской дорогѣ каналъ обдѣланъ перилами на 800 саженъ, а для проѣзда съ дороги къ училищу проведенъ по болотисто

землѣ прослѣктъ на полверсты, съ тремя мостами и деревянными тротуарами. Площадь предъ училищемъ и дворы спланированы на пространствѣ 6.000 кв. сажень. Ферма, на которой я только-что былъ сегодня, недавно построена самими воспитанниками, которые рабстали по сорока человѣкъ за разъ, по очереди, и такимъ образомъ, подъ надзоромъ опытнаго плотника, скоро весь комплектъ воспитанниковъ выучился преловко владѣть топоромъ и долотомъ. Топоры и долоты которыми они производили эти работы *сдѣланы самими ими*. Сверхъ того построили они для себя одежду, бѣлье и обувь и сработали до 350 разныхъ земледѣльческихъ орудій и инструментовъ. Еслибы всѣ работы выполненныя воспитанниками по сегодняшній день со дня открытія заведенія, 1го октября 1833 года, то-есть въ теченіе какихъ-нибудь десяти мѣсяцевъ, произвести посторонними людьми за задѣльную плату, то по среднимъ цѣнамъ онѣ обошлись бы примѣрно въ сумму до 95.000 р. асс. Годовой бюджетъ на училище простирается за это время до 81.000 р. асс., на какую сумму содержится и обучается все это множество людей, и притомъ вознаграждается трудъ служащихъ при училищѣ лицъ, равно какъ и удовлетворяется соотвѣтственнымъ обильнымъ кормомъ все количество рабочаго, молочнаго и мяснаго скота, лошадей и прочихъ домашнихъ животныхъ, необходимое для правильного и рачительнаго образцово-научнаго хозяйства.

Услышавъ всѣ эти любопытныя подробности и записавъ всѣ главныя данныя, я не могъ не выразить Матвѣю Андреевичу моего искренняго удовольствія и удивленія, принятыхъ Байковымъ съ радостнымъ хихиканьемъ, причемъ морщиноватое лицо его еще сильнѣе сложилось, а острый носъ съ саргвиническою синеватостію какъ-то еще больше вытягивался и тоже будто бы посмѣивался.

— Но, воскликнулъ я, подъ влияніемъ особенно пріятнаго баянія, забывъ совершенно всѣ предостереженія умной Марьи Алексѣевны Крыжановской,—скажите, Бога ради, Матвѣй Андреевичъ, какими способами вамъ удастся въ такое короткое время, въ какіе-нибудь десять мѣсяцевъ, достичь до такихъ великолѣпныхъ, удивительныхъ, невѣроятныхъ результатовъ?

— Способы эти заключаются, отвѣчалъ Байковъ, все болѣе и болѣе похихикивая,—вопервыхъ, въ теплой нашей вѣрѣ въ Господа Бога и въ патрона Русскаго царства Чудотворца Николая, имя котораго не даромъ носить нашъ державный

помѣщикъ. Вовторыхъ, способы эти берутъ источникъ и изъ вѣрныхъ дарованій и необычайной смысленности русскаго народа, молодыхъ представителей котораго вы здѣсь съ такимъ удовольствіемъ изволите видѣть, и наконецъ третьихъ, въ той одиннадцатой заповѣди которую, какъ вы замѣтите изволили, постоянно повторяетъ экзекуторъ вашего департамента. Заповѣдью этою преисполнены и я въ отношеніи къ моему начальству, и преисполнены въ отношеніи ко мнѣ всѣ мои подчиненные здѣшніе, начиная съ моего помощника до послѣдняго воспитанника включительно. Вотъ-съ и способы наши!

— Но воля ваша, Матвѣй Андреевичъ, замѣтилъ я,—а при всемъ моемъ уваженіи къ способамъ вами мнѣ сейчасъ сказаннымъ, мнѣ кажется что вы умалчиваете объ одномъ изъ главныхъ факторовъ этихъ успѣховъ, именно о томъ изумительномъ искусствѣ и мастерствѣ, основанныхъ на глубокомъ изученіи человѣка вообще и русскаго человѣка въ особенности, съ какимъ вы ведете всю эту многочисленную машину.

Байковъ сдѣлалъ, смѣясь, поклонъ особенной вѣжливости восточнаго характера, который иногда въ шутку даже и между порядочными свѣтскими людьми употребляется: онъ, подавшись на креслѣ своемъ нѣсколько впередъ, опустил голову на столъ, а пальцами рукъ касался пола. Потомъ, приподнявъ голову съ побагровѣвшимъ отъ этого движенія лицомъ, сказалъ мнѣ: „Благодарю, премного благодарю!“ и вдругъ такъ сильно закашлялся, что ему оказалось необходимымъ выпить воды, наполнивъ стаканъ изъ графина стоявшаго на подзеркальномъ коммодѣ.

Едва онъ пересталъ кашлять, какъ послышался подъ окномъ конскій топотъ, и у окна на казаккомъ сѣдлѣ показался дежурный сотскій, розовый и томякудрый Бровкинъ, съ приподнятою шляпой въ правой рукѣ, а лѣвая держала круто поводья, строго заузданнаго саврасаго въ яблокахъ донца, нетерпѣливо стучавшаго копытомъ о деревянный тротуаръ. Лицо молодцоватаго сотскаго выражало ужасъ и энергическую готовность на все.

— Чтò такое у насъ случилось, Бровкинъ? спросилъ стремительно Байковъ.

— Пожаръ, ваше высокородіе, говорилъ запыхавшійся сотскій, высоко поднимая шляпу,—загорѣлось въ четвертой спальнѣ. Ребята заливаютъ какъ могутъ, да огонь не свой братъ. Прикажете тревогу?

— Тревогу, бить въ набатъ, живо, маршъ, и смотри, сотскій, чтобъ у меня ни дощечки не сгорѣло, восклицалъ Байковъ какимъ-то тономъ баталіоннаго командира.—Откуда вѣтеръ?

Но послѣднихъ словъ сотскій не слышалъ, потому что мгновенно поднявъ на дыбки своего савраску, онъ далъ ему шенкеля каблуками, и вихорь-конь уже летѣлъ во всѣ лопатки, разстилая по воздуху свою черную гриву и взметнувъ трубастымъ чернымъ же хвостомъ.

— Вижу по разлету гривы коня сотскаго, сказалъ спокойно Байковъ,—да и по флюгеру что вѣтра нѣтъ теперь, такъ и опасаться нечего.

— Помилуйте, замѣтилъ я,—да вѣдь строеніе у васъ все деревянное и выкрашенное масляною краской: два хорошихъ проводника огня!

— А мы, замѣтилъ Байковъ, приглашая меня, уже вооруженнаго фуражкой, идти чрезъ отворенную имъ дверь въ дежурную, чтобы со двора смотрѣть пожаръ,—а мы постараемся сами *провести* весь пожаръ, при содѣйствіи нашей одиннадцатой заповѣди. Хе, хе, хе! извините за деревенскій каламбуръ.

Пока шелъ у насъ этотъ разговоръ и Байковъ запиралъ дверь дежурной комнаты отъ кабинета на ключъ, взятый имъ въ карманъ, со двора раздавался громкій набатный звонъ. Когда мы вышли на дворъ, я спросилъ Байкова:

— Гдѣ же огонь? Я ни огня, ни дыма не вижу.

— И не увидите, В. П., объяснялъ Байковъ,—и не увидите, и вынулъ часы, приглашая меня сдѣлать то же, чтобъ убѣдиться въ скорости прибытія трубъ. А между тѣмъ по двору въ перегонку отовсюду бѣжали воспитанники, вооруженные лѣстницами, топорами, ведрами, изъ спаленъ, мастерскихъ, кухни, прислѣбши и пр., даже явился съ своимъ ящикомъ фельдшеръ изъ больницы.

— Это на всякій случай, говорилъ Байковъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ мы идучи бокъ о бокъ близились къ зданію четвертой спальни, на ярко-зеленую крышу которой уже взлетѣло по лѣстницамъ нѣсколько молодцовъ-воспитанниковъ. „Ломай крышу, ребята!“ зычнымъ голосомъ, словно въ рупоръ, командовалъ Байковъ. И застучали топоры, звукъ которыхъ смѣшался съ другимъ шумомъ болѣе сильнымъ, съ шумомъ отъ скачущихъ пожарныхъ трубъ и бочекъ. Зрѣлище для меня было

презанимательное, такъ что я на минуту забылъ объ опасности отъ пожара и любовался картиной, живою, полною русской удали и отваги. Три красивыхъ зеленыхъ трубы и шесть бочекъ, однообразно выкрашенные въ темно-зеленую краску, запряженные каждая тройкою въ рядъ небольшихъ гривастыхъ, лохматыхъ и бодрыхъ коньковъ-обвенокъ, съ кучерами изъ воспитанниковъ въ бѣлыхъ рубахахъ, неслись по огромному двору съ необыкновенною стремительною. На дрогахъ трубъ сидѣла прислуга изъ воспитанниковъ же, вокругъ скачущихъ бѣжало много народа (изъ воспитанниковъ же) и всѣ они несли ведра, лѣстницы, топоры, багры, ломы, войлочный огромный щитъ и веревки. Впереди первой тройки на своемъ савраскѣ неся дежурный сотскій Бровкинъ, а вокругъ всего поѣзда, на такихъ же лихихъ дондахъ, но за недостаткомъ времени не осѣдланныхъ, гарцовали другіе сотскіе, не дежурные, а потому иные изъ нихъ были безъ кафтановъ, просто въ рубашкахъ, иные даже безъ шляпъ, съ развѣвающимися на скаку густыми волосами остриженными въ скобку.

— Собрались въ пять минутъ безъ десяти секундъ, сказалъ мѣ Байковъ.—Еще не совсѣмъ-то мы привыкли, а дойдемъ, надѣюсь, до того что будутъ собираться и въ три минуты къ самому далекому мѣсту.

Дежурный сотскій, осаживая коня, который почти сѣлъ на заднія ноги, вытянулъ переднія, стоялъ около директора, въ ожиданіи приказаній и уже въ крѣпко нахлобученной шляпѣ, сніманіе которой въ этихъ случаяхъ отмѣняется.

— Пускать воду изъ всѣхъ трубъ! крикнулъ директоръ.

— Воду изъ всѣхъ трубъ! гаркнулъ сотскій, подскакавъ къ трубамъ, и мигомъ заиграли три фонтана во множество саженъ высоты, причемъ никто не кричалъ, все дѣйствовало лихо, но дѣйствовало въ глубокой тишинѣ. Кожаная кишка трубъ была раскинута далеко, мѣдные стволы блестѣли въ воздухѣ, водяныя ленты взлетали вверхъ, топоры стучали, лѣстницы разставлялись повсюду, люди бѣжали вездѣ, и не было замѣтно суеты; но не видѣлъ я и огня или дыма.

— Защищай третью спальню щитомъ, крикнулъ директоръ.

— Щитъ къ третьей спальнѣ, закричалъ сотскій Илья Медвѣдевъ, замѣтившій уже на время дежурнаго сотскаго при особѣ директора. И мигомъ огромный войлочный щитъ, въ видѣ ширмы въ нѣсколько саженъ, отдѣлилъ въ переулкѣ съ палисадникомъ одинъ корлусъ строеній отъ другаго, при по-

мощи десятковъ двухъ расторопныхъ ларней, державшихъ этотъ щитъ, казалось, съ такою же легкостью какъ дамы держатъ свои вѣера на балу.

Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ семейства училищныхъ мастеровъ, глазѣвшія на это, какъ они называли, я тогда самъ слышалъ, „представленіе“, съ радостью и любопытствомъ. Ближе къ группѣ составляемой директоромъ, мною и дежурнымъ сотскимъ на конѣ, стояло семейство директора, окруженное цѣлою публикой пришедшею съ окрестныхъ дачъ полюбоваться „маневромъ пожара“. Послѣднія слова долетали до моего слуха; но я уже и прежде этого успѣлъ уразумѣть мистификацію, и пока продолжалось примѣрное маневрированіе съ выстрѣлами водяными струями, съ бѣготней и стукомъ топоровъ, багровъ и ломовъ, примѣрно ломавшихъ строенія, я сказалъ смѣясь Байкову:

— Ну, исполать вамъ, Матвѣй Андреевичъ, мастерски провели не пожаръ, котораго вовсе и не было, а меня, повѣрившаго что вся эта комедія не шутка. Я увѣренъ однако теперь что ваши молодцы такъ наметаны что и всякій настоящій пожаръ *проведутъ*. Но я никакъ не воображалъ что вы и ваши воспитанники владѣютъ драматическою маскою не хуже нашихъ первостатейныхъ актеровъ Дюра и Рязанцева. Всѣ вы имѣли такой видъ какъ будто дѣйствительно случилась бѣда.

— Однако скажите, вы этою шуткой не обидѣлись, почтеннѣйшій гость? спросилъ Байковъ какъ-то заботливо и серьезно.

— Помилуйте, перебилъ я,—какъ можно обижаться такимъ милымъ сюрпризомъ и комедіей такъ мастерски разыгранною?

— Ну, такъ позвольте, В* П*, улыбнулся Байковъ,—потѣшить васъ, да кстати и ребятъ, другимъ спектаклемъ нашего мужицкаго издѣлья.

Тогда онъ обратился къ сотскому и съ видомъ нѣсколько строгимъ сказалъ:

— Сотскій, развѣ ты не видишь сколько собралось тутъ народа, который глазѣетъ и мѣшаетъ движенію? Вонъ сколько бабья среди двора, а бочкамъ надо скакать за водою. Я замѣчаю бочки №№ 2 и 5 пустехоньки.

Едва директоръ проговорилъ это сотскому, какъ тотъ во весь опоръ кинулся къ бочкамъ крича: „Бочки №№ 2 и 5, за мной!“ и онъ понесся, а за нимъ загрохотали и бочки

тройками въ направленіи къ разряженному по-праздничному бабью, состоявшему изъ семьянокъ шести или восьми мастеровъ, жившихъ въ училищѣ, правда въ довольно далекихъ отъ центра мастерскихъ корпусахъ. Директоръ же въ это время отдавалъ приказаніе другому сотскому, состоявшее въ томъ чтобы направить мѣдныя стволы на пеструю бабью толпу. Приказаніе съ видимымъ восхищеніемъ было исполнено молодежью, и бабы съ визгомъ и крикомъ пустились бѣжать въ разныя стороны, преслѣдуемыя скачущими въ упоръ за ними конями и обливаемыя струями холодной воды, что произвело залпъ гомерическаго хохота всего молодого люда.

— Однако кажется довольно? сказалъ мнѣ директоръ, взглянувъ при этомъ какъ-то особенно выразительно на сотскаго, который тотчасъ выскакалъ нѣсколько впередъ и воротясь на скаку назадъ, сказалъ:

— Пожаръ потушенъ, ваше высокородіе.

— Ребята! крикнулъ директоръ,—вы работали мастерски, собрались почти въ пять минутъ, но съ Божьей помощью вы сумѣете все это дѣлать и въ три минуты. Я вами доволенъ. Спасибо.

— Ради стараться, ваше высокородіе! вырвавшееся изъ двухсотъ, трехсотъ здоровыхъ горлъ, раздалось въ воздухѣ.

Мы подошли къ мнимо-горѣвшему строенію: все сходило съ крышъ мокрые съ головы до ногъ; пожарныя кишки свертывались, все приводилось въ порядокъ и весь этотъ отрядъ готовъ былъ расходиться.

— Я думаю, сказалъ я тихо,—они изрядно утомились этою гимнастикой; славно будутъ ужинать и крѣпко спать.

— Чтобы доказать вамъ, улыбаясь говорилъ Байковъ,—какъ ни мало утомились, позвольте еще выкинуть при васъ одну штучку. Стой, ребята, крикнулъ директоръ.

Все стало какъ вкопаное въ землю и не шелохнулось.

— Ну, сотскій, обратился Матвѣй Андреевичъ къ Бровкину, чтобъ мигомъ, подъ твоимъ распоряженіемъ, были вынуты изъ земли столбы вотъ этихъ качелей! Оставь при коняхъ и снарядахъ человѣкъ двадцать, которые помалонадежнѣе, а съ остальными 250 примись-ка за дѣло молодецки.

— Слушаю, ваше высокородіе, сказалъ сотскій Бровкинъ и рванулся къ толпѣ товарищей, которые ждали только приказанія отвозить машины и бочки, чтобы расходиться по своимъ мѣстамъ. Мы стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи; но не

прошло и трехъ минутъ какъ откуда ни взялись ломы, кирки, заступы, лопаты, и стройная толпа этихъ на подборъ молодцовъ въ бѣлыхъ рубахахъ и голубоватыхъ тиковыхъ шараварахъ въ сапоги, дѣйствовала около столбовъ, вырывая ихъ изъ глубокихъ ямъ, немедленно сдѣланныхъ. Столбы стали шататься, молодцы закинули на нихъ веревки съ петлями, запряглись, рванулись, бросили въ воздухъ нѣсколько громкихъ восклицаній, допускаемыхъ здѣсь даже при такихъ работахъ, и я едва лишь успѣлъ приподнять мой лорнетъ къ глазамъ, какъ столбы, перекадина и качальная доска, все лежало во прахѣ, при веселомъ восклицаніи ура!

— Славно, славно, ребята! восклицалъ Байковъ.

— Ради стараться, ваше высокородіе! отвѣчала веселая толпа, для инстинктовъ которой, повидимому, разрушеніе было особенно пріятно.

— Ради стараться разрушать, сказалъ я не утерпѣвъ, какъ бы про себя, но настолько вслухъ что Байковъ слышалъ.

— Ну, теперь надобно возстановить то что разрушено. Кстати, при этой okazji я удостовѣрюсь въ томъ въ какой степени еще прочны въ основаніяхъ своихъ эти столбы, которые ставлены были безъ меня, въ то время какъ я объѣзжалъ удѣльные имѣнія.

Сказавъ это, онъ подошелъ сначала къ одной, потомъ къ другой ямѣ и осматривалъ ихъ съ видомъ знатока. Затѣмъ подвергнулъ тщательнѣйшему осмотру основы столбовъ, сильно обожженные, наклонялся, щупалъ эти обугленные мѣста, нюхалъ пальцы свои, и убѣдясь что все какъ нельзя благополучнѣе, сказалъ настолько громко что всѣ слышали:

— Свалить-то чужую работу мы свалили, а какъ-то вновь поставимъ? Бровкинъ! распорядись, братецъ, поставить качель эту, чтобъ у насъ предъ глазами не было этихъ развалинъ. Ну, къ дѣлу, живо!

И точно, съ необыкновенною живостью закипѣла работа подъема столбовъ и зарыванія ихъ въ ямы, при ближайшемъ надзорѣ самого директора. Ямы эти тотчасъ были завалены землей, а земля твердо утрамбована, такъ что тотчасъ качель была пущена въ дѣло: двое молодцоватыхъ и сильныхъ воспитанниковъ стали на концахъ доски, на которую ушло съ десяти другихъ молодцовъ, а вмѣстѣ съ ними и подъ ихъ пѣстунствомъ помѣстились и директорскія дѣтки. Началось качанье, сначала слегка, а потомъ посильнѣе; когда же

дѣтки Байкова, по настояніямъ ихъ маменьки, спрыгнули на землю, то уже взлеты доски дошли до *pes plus ultra* высоты. Убѣдясь въ твердости возобновленной качели, нѣкоторые изъ дачныхъ посѣтительницъ, жеманясь и лохихикувая, какъ подобаетъ чиновницамъ различныхъ ранговъ, унижали своими пестрыми особами доску и были качаемы воспитанниками, которые то-и-дѣло перемѣнялись, находя видимое наслажденіе и уематривая великую честь качать всѣхъ этихъ дачныхъ барынь и барынекъ, которыя, съ своей стороны, граціозно взвизгивали, увѣряя что у нихъ замирають сердца, а между тѣмъ исподтишка поглядывая не безъ наслажденія можетъ-быть на юныхъ атлетовъ стоявшихъ на концахъ доски въ рубахахъ съ косымъ воротомъ, съ развѣвающимися густыми волосами и съ раскалившимися красными лицами.

Байковъ, убѣдясь вполнѣ въ прочности пересооруженной качели, сказалъ сотскому что хотя ребята еще и не Богъ знаетъ какъ выучены лѣтъ, а все-таки можно бы угостить гостя и лѣніемъ.

Распоряженіе это видимо было принято всѣми съ особеннымъ удовольствіемъ, и тотчасъ воспитанники расположились лѣтъ, причемъ пѣсенники выдвинулись впередъ, въ числѣ какихъ-нибудь сорока человѣкъ, почему они сдали свои рабочія орудія товарищамъ, тѣ же которые изъ лѣвчихъ были за кучеровъ на козлахъ трубъ и бочекъ замѣнились другими. Слѣшившіеся сотскіе, принимавшіе участіе въ хорѣ, стояли по бокамъ съ своими конями въ поводьяхъ. Все это вмѣстѣ составляло очень живописную картину, не то цыганскаго табора, не то военнаго отряда до-Петровскихъ временъ, на стоянкѣ въ лагерѣ, послѣ счастливаго боя. Можно было также сравнить эту толпу молодыхъ русскихъ крестьянъ, одѣтыхъ большею частію однообразно, съ артелью какихъ-нибудь стелныхъ русскихъ работниковъ, возвращающихся съ удачной и выгодной работы: всѣ лица сіяли весельемъ и удовольствіемъ. Одинъ изъ воспитанниковъ, съ прутикомъ въ рукѣ, управлялъ хоромъ.

— Исполнивъ хорошо маневръ тушенія пожара, сказалъ Байковъ, обращаясь къ воспитанникамъ,—и такъ молодецки распорядясь качелями, вы прежде всего должны вознести благодареніе Господу Богу. Итакъ, пропойте-тка: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!“

Всѣ, по примѣру директора, обнажили головы, и воспитанники очень изрядно пропѣли этотъ столь извѣстный гимнъ.

— Теперь, продолжалъ наставничать Байковъ,—когда воздано Богу небесному, воздадимъ богу земному, чтобы можно было объ насъ сказать словами Писанія: „Кесарево кесареви, а Божіе Богови.“ Пролойте же молитву всей нашей православной Россіи.

Регентъ-воспитанникъ далъ камертонъ, и парни дружно и довольно гармонично грянули: *Божсе Царя храни!* столь извѣстный гимнъ, положенный со словъ Жуковского на музыку Львовымъ и распѣваемый дѣйствительно во всей Россіи отъ одной окраины до другой.

Этотъ мелодичный гимнъ смѣнился другими пѣснями болѣе простаго характера, чисто-русскими, такъ-сказать, „мужичками“, въ которыхъ-то именно и таится вся національная поэтичность и вся заунывность нашей родной вокальной музыки, прелестной и сладостной не только для русскаго уха, но плѣняющей даже иноземцевъ. Пѣсни эти были: *Не бѣлыя снѣги во чистомъ полѣ; Солнце на закатѣ, время на утратѣ; Внизъ по матушкѣ по Волгѣ; Возлѣ рѣчки, возлѣ моста трава росла* и пр.

За этими довольно правильными пѣснями послѣдовали разныя заливчатскія, цыганскія, застольныя и солдатскія пѣсни, игривыя, живыя, жгучія, и при этихъ пѣсняхъ, въ исполненіи которыхъ хоромъ принимали участіе всѣ воспитанники, откуда ни взялись бубны, балалайки, мѣдныя тарелки, бубенчики, колокольчики, дудки и весь мусикійскій снарядъ русской, вполне національной музыки.

Все это очень всѣхъ присутствовавшихъ забавляло и потѣшало; директоръ видимо былъ въ веселомъ расположеніи духа и сказалъ что между „мальчиками“ вѣдь есть и мастера плясать по-русски. Эти слова были произнесены не безъ намѣренія, потому что тотчасъ изъ числа воспитанниковъ явилось три или четыре человѣка принявшихъ весьма энергично отплясывать въ присядку и чистокровнаго нашего трелака, къ радости ихъ товарищей, заливавшихся хохотомъ, самымъ откровеннымъ и громкимъ.

Когда вдоволь напѣлись и наплясались воспитанники, а публика и всѣ мы наслушались и насмотрѣлись, изъ директорскаго дома пришелъ извѣстный уже намъ угловатый слуга Никифоръ и доложилъ господамъ директоршѣ что самоваръ кипитъ на столѣ и чай заваренъ Дарьей Андреевной, то-есть сестрой директора. Байковъ, при всѣхъ воспитанникахъ,

подозвавъ къ себѣ полицеймейстера и эконома заведенія, оставшаго фельдъегерскаго корпуса калитана Малахова, сухощаваго съ бакенбардами ленточкою, въ форменномъ фракѣ, съ солдатскими медалями, державшаго въ рукѣ форменную фуражку съ свѣтло-зеленымъ околышемъ, сказалъ ему:

— Яковъ Маркелычъ, наблюдайте-тка чтобы все было приведено въ порядокъ какъ слѣдуетъ, въ пожарномъ сараѣ.

А потомъ обратясь къ сотскому Бровкину:

— А ты, сотскій, скажи смотрителю фермы Ревягину чтобы лошади и сбруя были въ должномъ порядкѣ убраны. Да, чтобы чего добраго, не вздумали бы тамъ они поить коней, не давъ имъ сѣнца или рѣзки пожевать, Боже ихъ оборони.

Весь обозъ послѣ этого было тронулся съ мѣста; но директорское громогласное: „Стоить!“ сразу приковало всѣхъ къ мѣсту, и директоръ обращаясь опять къ эконому-полицеймейстеру, на этотъ разъ уже не по полицейской, а по экономической части, сказалъ съ обычною своею лукавою усмѣшкой:

— А я хочу васъ, почтеннѣйшій экономъ, разорить не на шутку. У васъ въ цѣйхгаузѣ или въ кладовой что ли припасено къ праздничнымъ выдачамъ нѣсколько десятковъ пудовъ пряниковъ, коврижекъ, орѣховъ, черносливу, изюму, маковниковъ и прочаго тому подобнаго лакомства, такъ для сегодняшняго дня, когда училище имѣетъ честь принимать такого гостя, какой насъ сегодня посѣтилъ и намѣренъ прославить насъ на всю Россію,—я хочу „мальчишковъ“ полакомить и повеселить вполне. Выдайте-тка послѣ ужина каждому по изрядной порціи этого всякаго лакомства, сотскимъ и главнымъ брантмейстерамъ, а также пѣвчимъ по полушляпѣ, а прочимъ по доброй пригоршнѣ въ двѣ ладони.

— Это, ваше высокородіе, замѣтилъ вытягиваясь старый служивый Малаховъ,—значить, то-есть-съ выйдетъ нѣсколько пудовъ.

— Ну, сколько бы ни вышло, возразилъ лохихикивая, но съ нѣкоторою злобой Байковъ,—лучше пусть ребята наши сѣбдятъ во здравіе, чѣмъ сгноить, какъ сгноили вы намереди до того что и свиньи наши брезгали. Извольте исполнить.

— Слушаю - съ, ваше высокородіе, отозвался почтительно экономъ.

— То-то „слушаю-съ“, продолжалъ Байковъ тѣмъ же насмѣшливо начальственнымъ тономъ и, обратясь къ сотскому Бровкину, спросилъ:

— Слышалъ мои приказанія?

— Слышалъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ бодро и открыто ловкій сотскій.

— Ежели слышалъ, выяснялъ Байковъ,—то помогите господину эконому въ раздачѣ лакомствъ всѣмъ твоимъ товарищамъ; да смотри чтобъ обчета не было: по полущиплѣ вамъ сотскимъ, брантмейстерамъ и пѣвчимъ, да по полной пригоршнѣ всѣмъ прочимъ. Тебѣ же, Бровкинъ, полную шялу, да еще по такой же полной шялѣ тѣмъ двумъ-тремъ „мальчикамъ“ которые въ музеумѣ такъ удачно все объясняли нашему господину столичному гостю.

Сотскій, поклонясь въ поясъ и сказавъ: „всепокорнѣйше благодарю, ваше высокородіе“, любѣжалъ къ правильно расположенной толпѣ товарищей, и тогда изъ этой толпы загремѣло громкое: „Покорнѣйше благодаримъ ваше высокородіе!“

Затѣмъ трубы, бочки и люди со снарядами двинулись на улицу со двора, распѣвая пѣсню, слова которой начинались: „Нѣтъ такого молодца!“ и къ этимъ словамъ присоединялись, къ великому моему удивленію и конфузу, мое имя и отчество.

Байковъ замѣтилъ что это поразило меня и поспѣшилъ сказать:

— Не гнѣвайтесь за этотъ деревенскій обычай, которымъ у насъ, въ нашемъ мужицкомъ быту, принято чествовать гостей, особенно уважаемыхъ.

— Я и не думаю гнѣваться за такой избытокъ почета, объяснилъ я, но не могу не сказать вамъ что это ужъ чересчуръ много для меня, скромнаго журнальнаго сотрудника, пріѣхавшаго къ вамъ чтобъ изучить ваше превосходное заведеніе съ цѣлью описать его. Поберегите, Матвѣй Андреевичъ, такіе почеты для гостей гораздо болѣе меня именитыхъ.

— Да вѣдь эта пѣсня, защищался все хихикая Байковъ,—поется не по приказу, а есть выраженіе къ вамъ чувствъ „мальчиковъ“.

— Помилуйте, да чѣмъ же я могъ заслужить въ нѣсколько часовъ моего у васъ пребыванія такое расположеніе вашихъ воспитанниковъ? спросилъ я.

— А вотъ, изволите ли видѣть, говорилъ Байковъ,—во время, правда не слишкомъ продолжительное, какимъ вы насъ сегодня подарили, воспитанники или, какъ я ихъ попросту зову, „мальчики“ получили къ вамъ самое искреннее расположеніе, о которомъ дошли до меня свѣдѣнія

во множествѣ, хотя вы видѣли что я отъ васъ ни на шагъ не отходилъ. Но вы также видѣли что ко мнѣ много и много разъ, пока мы ходили по заведенію, подходили то дежурный сотскій, то дежурный учитель и каждый разъ они мнѣ сообщали о томъ что появленіе ваше у насъ произвело эффектъ необычайный. Къ тому же, грѣшный человѣкъ, казните меня; но вѣдь повинную голову мечъ не сѣчетъ, а я схвастнулъ мальчишкамъ еще сегодня, на утренней воскресной перекаличкѣ, что къ намъ де сегодня будетъ одинъ очень молоденькій питерскій баринъ, который хоть не старше васъ, ребята, годами, да старъ знаніями, и вотъ ежели ужъ вы того заслужите, будетъ вѣдять къ намъ частенько и будетъ разказывать вамъ по воскресеньямъ о томъ что знаетъ о разныхъ странахъ и разныхъ народахъ, а также нашемъ любезномъ отечествѣ, о нашихъ царяхъ и именитыхъ людяхъ земли Русской. Сбрехнулъ, схвастнулъ я, виновать! Да вотъ однако изволите видѣть, этакими-то штуками вниманіе молодежи ко всему доброму направляется и отъ всего дурнаго отстраняется. А я постоянно стою на сторожкѣ о томъ чтобы моя молодежь не свернулась какъ-нибудь съ добраго пути, и для этого, между прочимъ, очень бы радъ былъ ее занять въ свободное время различными повѣствованіями и при этихъ повѣствованіяхъ прекрасно бы было приспособить волшебный фонарь. * Его превосходительство Левъ Алексѣевичъ вполне одобритъ изволилъ это мое предположеніе и денегъ готовъ дать вволю, да нѣтъ у меня подъ рукой человѣка. Помощникъ мой мямля, хоть и кандидатъ Харьковскаго университета, а нашего законоучителя, чуть только покончитъ съ воскресною литургіей, и съ собаками не найдешь: извѣстное дѣло, человѣкъ не старый, вдовый, одинокій, скучаетъ здѣшнюю иноческою и схимною, какъ онъ называетъ, жизнью.

Говоря такимъ образомъ, мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ уже вошли въ домъ, гдѣ тотчасъ принялись за чай, въ столовой у большаго самовара. Чай былъ на славу, и я пилъ его обильно, слѣдуя примѣру гостепріимнаго хозяина, и то съ неподражаемыми сливками, то безъ сливокъ, но конечно не портя эту душистую китайскую влагу, травку которой Байковъ

* М. А. Байковъ осуществилъ въ послѣдствіи эту мысль въ управляемомъ имъ училищѣ за сорокъ почти лѣтъ до извѣстныхъ „лекцій для народа“ въ Петербургѣ въ зданіи Солянаго Городка.

получалъ прямо изъ Нижняго отъ мѣстнаго управляющаго удѣльною конторою, ни лимономъ, ни ромомъ, ни вареньемъ. Малороссійскіе бублики, готовимые на капустныхъ листахъ и отсылаемые, какъ уже мы знаемъ, ежедневно рано утромъ, въ особенной какой-то желѣзно-кирпичной печи къ Льву Алексѣвичу, страстному до нихъ любителю. Мнѣ бублики эти также очень полюбилися, и благодущная госпожа Байкова, замѣтивъ это, собственноручно соорудила мнѣ изъ нихъ революминарный пакетъ, окруживъ ихъ соломенными щитиками и обернувъ раза въ два толстою бумагой.

— Это вамъ „до дома“, для вашей родительницы и для сестрицъ, говорила радущная Катерина Андреевна.

Замѣтивъ по моимъ часамъ что уже скоро восемь часовъ вечера и что на дворѣ совершенно стемнѣло, я выразилъ Байкову желаніе поручить кому-нибудь изъ его людей приказать моему извозчику быть наготовѣ чтобы ѣхать въ городъ, причемъ довольно торжественно, съ нѣкоторымъ искреннимъ восхищеніемъ, благодарилъ любезнаго и гостепріимнаго хозяина за доставленный имъ мнѣ истинно-пріятный день, проведенный мною въ его училищѣ и въ его домѣ.

— Что касается до вашего извозчика, сказалъ Байковъ, — то онъ у воротъ васъ ожидаетъ, хотя, признаюсь, мнѣ хотѣлось его отослать въ городъ, съ цѣлью арестовать васъ на заочевку и даже на завтрашній день, чтобы вы могли посмотреть на наши работы и на нашъ будничный бытъ. Да только я не рѣшился сдѣлать этого по маловременности нашего взаимнаго знакомства. Впрочемъ, сказать вамъ правду, такъ знаете, по-деревенски, по-мужички, вы мнѣ, простому человѣку, до того пришли по душѣ что я съ вами словно десять лѣтъ знакомъ. Бываютъ же вѣдь такіе люди, съ которыми какъ сойдешься, такъ ужъ на всю жизнь разойтись не хотѣлось бы. Да и „мальчики“ наши все просто влюбились въ васъ. А они вѣдь, вы видите, все дѣти природы, простодушные ребята, безъ всякой кривы, безъ подвоха, словно новорожденные младенцы.

— И мнѣ бы очень пріятно было, говорилъ я въ отвѣтъ, взявъ фуражку и надѣвая перчатку на лѣвую руку, — остаться у васъ, да та бѣда что и я, хочу не хочу, а находясь на службѣ, не могу не чувствовать значенія упоминаемой вами одиннадцатой заповѣди; воля же моего начальства, довольно взыскательнаго, состоитъ въ томъ чтобы никто изъ служащихъ

отъ службы не отлынивалъ и непремѣнно всю недѣлю, кромѣ воскресенья, съ десяти часовъ утра былъ въ департаментѣ.

— Вполнѣ покоряюсь вашимъ резонамъ и не позволяю себѣ васъ задерживать, говорилъ Байковъ,—но въ великій праздникъ коронаціи надѣюсь непремѣнно васъ видѣть у насъ. Торжество это будетъ первое въ училищѣ большое празднество со дня его учрежденія. Вторымъ будетъ 1е октября, то-есть день рожденія училища, который мы будемъ чествовать постоянно, каждый годъ.

— Двадцать втораго числа я непремѣнно буду у васъ, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я, уже прощаясь съ его семействомъ.—Ежели не удастся быть очень рано, потому что буду сопровождать Марью Алексѣвну, то все-таки настолько рано чтобъ увидѣть вашъ сельскій праздникъ, который, по всему что я видѣлъ у васъ сегодня, обѣщаетъ быть на славу, и именно вполнѣ въ рускомъ родѣ.

Я говорилъ это уже въ передней, куда меня проводилъ Байковъ и гдѣ разсылный изъ воспитанниковъ подавалъ мнѣ мою шинель съ капишономъ. Тутъ стоялъ сотскій Бровкинъ, которому я обѣщалъ въ первый мой прїѣздъ привезти въ подарокъ книжку для чтенія, имѣя въ виду выбрать для этого подарка *Басни Крылова*.

Сотскій ловко поблагодарилъ меня, сказавъ съ напускною скромностью что онъ не считаетъ себя достойнымъ такой высокой милости; а вслѣдъ за симъ, обратясь къ директору, отrapортовалъ:

— Вашему высокородію имѣю честь донести что всѣ воспитанники пришли благодарить ваше высокородіе за милость имъ оказанную лакомствами и за ту рекомендацію какую вы обѣ нихъ сдѣлали нашему сегодняшнему дорогому гостю.

Байковъ взглянулъ на меня и съ видомъ веселаго благодушія сказалъ мнѣ полушопотомъ:

— Ну, не сущіе ли же они дѣти природы?

Я сочувственно пожалъ ему руку, и мы вышли на платформу ярко освѣщеннаго крыльца, у подножія котораго стояло множество воспитанниковъ въ кафтанахъ безъ шляпъ. Въ это время луна взошла и блѣдными своими лучами, сливавшимися съ красноватымъ огнемъ трехъ огромныхъ фонарей, освѣщала довольно интересную картину: болѣе двухсотъ молодцовъ-воспитанниковъ, съ довольными лицами обращенными къ намъ, стояли въ безмолвной тишинѣ и порядкѣ, впрочемъ вовсе не

фронтномъ. Какъ только мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ показались, отъ толпы отдѣлился старшій изъ старшихъ воспитанниковъ, Оедосѣй Кузьминъ, вмѣстѣ съ двумя также старшими воспитанниками, въ зеленыхъ кафтанахъ, Галактіономъ Овчинниковымъ (нижегородскимъ) и Григоріемъ Полянскимъ (владимірскимъ). * Это была депутація. Байковъ спросилъ:

— Что, любезный Кузьминъ?

— Ваше высокородіе! Всѣ воспитанники управляемаго вами училища имѣютъ счастье благодарить васъ за милость имъ оказанную лакомствами и за ту рекомендацію какую вы объ нихъ сдѣлали нашему сегодняшнему дорогому гостю.

Онъ сказалъ слово въ слово то же что говорилъ за пять минутъ сотскій, изъ чего ясно было что это заученная фраза; но я имѣлъ наивность не замѣчать этой подготовкѣ, и пойманный на удочку, восхищался этою прекрасною обстановкой семейнаго типа и этими, полными чувства словами, какъ они ни были приторны и казенны.

Директоръ сказалъ маленькій, приличный обстоятельству спичъ и объявилъ что и дорогой гость пожалуетъ въ училище 22го числа, въ торжественнѣйшій день коронаціи государя императора.

— Ну, ребята, заключилъ директоръ, — мы отлично, хорошо провели сегодняшній день, а теперь пора вамъ разойтись по спальнямъ, и помолясь Господу Богу, въ порядкѣ лечь спать, чтобы завтра рано встать и приниматься за наши обычные работы, кому въ полѣ, кому въ огородѣ, кому на фермѣ, кому въ мастерскихъ, кому въ должностяхъ по очереди. Дорогой гость нашъ и яжелаемъ вамъ спокойной ночи и крѣпкаго, здороваго сна. Прощайте.

— Благодаримъ покорно! раздалось въ воздухѣ, и воспитанники, раздѣлясь на четыре большія группы, разошлись по своимъ четыремъ спальнямъ, безъ всякаго шума, стуча только по деревяннымъ тротуарамъ своими подбитыми желѣзными

* Кстати скажу здѣсь что ни одно изъ этихъ и вообще всѣхъ лицъ мною въ статьѣ упоминаемыхъ не вымышленное, въ чемъ желающіе могутъ удостовѣриться посредствомъ книги, нынѣ, правда, очень рѣдкою, изданной въ Петербургѣ въ 1839 году, подъ названіемъ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*, напечатанной въ типографіи С.-Петербургскаго губернскаго правленія.

гвоздками подошвами, и скрылись изъ нашихъ глазъ. Мы съ Байковымъ дружески обнялись и поцѣловались. Экипажъ мой стоялъ у подножія лѣстницы, и я, налуттуемый любезностями и пожеланіями Байкова, сѣлъ на дрожки; а мой возница, сѣдоватый Новгородецъ, снявъ шляпу, вмѣнилъ себѣ въ обязанность сказать, обращаясь къ Байкову:

— Премного благодаримъ ваше превосходительство за ласковый пріемъ и богатѣйшее угощеніе.

— Не погрѣвайся, любезный, угощали попросту, чѣмъ умѣли, восклицалъ Байковъ хихикающимъ голосомъ, котораго звуки скоро исчезли для моего слуха, потому что застоявшійся битюгъ моего возницы зашагалъ крупнымъ махомъ, и мы мигомъ проѣхали полверсты проспекта, очутясь на Выборгскомъ шоссе, гдѣ конь пошелъ обычнымъ своимъ степеннымъ шагомъ, а извозчикъ, словоохотливый Новгородецъ, въ полоборота повернулся ко мнѣ, въ расположеніи бесѣдовать съ сѣдокомъ, съ которымъ уже познакомился утромъ. Я, замѣтивъ что угощеніе въ училищѣ имѣло таки свое изрядное, еще продолжавшееся дѣйствіе, предупредилъ это его желаніе, спросивъ:

— Ну, а что, любезный, тебя и впрямь тамъ хорошо угостили?

— Да ужъ и какъ угостили-то; просто на годъ памятно будетъ кажись, говорилъ умный мужикъ.

— То-то ты и возвеличилъ директора по-генеральски, превосходительствомъ.

— Да развѣ онъ не генераль? Тамъ въ училищѣ всѣ его генераломъ величаютъ, такъ я и думалъ что генераль. Да не въ чинѣ, сударь, суть, а то что штука! О-о-о! ухъ, штука какая! Какъ милость ваша въ церковь пошли, ко мнѣ, пока я коня-то въ поводу съ дрожками послѣ ѣзды по площадкѣ водилъ, подошелъ, откуда ни возмись, стеленный такой, съ бородащей въ аршинъ, а самъ лысый, тамошній старшій столяръ и плотникъ, изъ удѣльныхъ крестьянъ хоша, а также съ медалью серебряной на полосатой красной съ бѣлымъ лентѣ, въ знатномъ плисовомъ жилетѣ, да синемъ купецкаго покроя кафтанѣ, а сукно на кафтанѣ рублей такъ будетъ въ восемь ассигнаціями аршинъ-то, тонкое-претонкое. Зовутъ его Ермиломъ Петровичемъ, родомъ изъ Галичскаго уѣзда, человекъ не дуракъ себѣ, нечего сказать. Онъ ко мнѣ тотчасъ навърнулся съ разспросами насчетъ то-есть того какъ я у вашей милости нанялся и давно ли съ вами ѣзжу. Мнѣ, ужъ простите великодушно,

баринъ, и приди въ голову блажь наврять ему съ три короба, будто вотъ я вашу-то милость съ вашего измалѣтства знаю, тятеньки де вашего крѣпостнымъ былъ, да теперь въ государственные вольные хлѣболащцы записался, и вотъ извозомъ промышляю, такъ иной разъ, да и частенько, съ вашею милостью, съ сыномъ прежняго своего барина, ѣзжу и остаюсь всегда вами доволенъ. Этотъ Ермилъ Петровичъ сейчасъ какъ обѣдня отошла повелъ меня въ свою фатеру. Знатная фатера, три комнатки, столы, стулья, скамьи, лавки, сундуки, коммоды, шкапы, поставцы съ посудой, а на стѣнахъ наклеено картинъ всякихъ лубочныхъ. А ужъ самоваръ, такъ изъ самоваровъ генераль, кажись, въ ведро будетъ. Затѣмъ ужъ когда сюда наѣзжаетъ самый набольшій дворцовый съ ключомъ золотымъ генераль Перовскій, такъ его кучеръ изъ этого-то самаго самовара угощается, угощается до третьяго лота. Коня моего какіе-то тамошніе ребята ловыпрягали, да въ конюшню поставили на сѣно смачное, смачное, на овесъ жемчужный такой. Моему кауркѣ, чай, никогда не было и помышленія о такомъ угощеніи. Да ужъ и я-то, прости Господи, до отвала налопался на старости лѣтъ! Ермилъ Петровичъ не бобылемъ, а фамиліею тутъ живетъ, и ужъ какая у него бабица жена: вторая взята имъ, первая-то померши. Прекрасивая баба и распривеселая! Мастерница на все, руки золотыя! Щи подала преотмѣнныя, пирогъ съ вязигой и лукомъ обжаренъ, кусина жареной бычины съ картошкой пареной, ну ужъ мое почтенье! А тамъ разсылный отъ директора принесъ цѣлый графинчикъ настойки зорной, да сткляночку добрую вишневою наливки. Въ жизнь не пивалъ ничего такого, ей-ей, ну вотъ побожился, не пивалъ. Просто словно жидкую ягоду пьешь сладкую, да только задорную такую. А какъ погостились со мною хорошо мужъ и жена, такъ мы стали по чаю проходиться. Пили, пили ужъ, кажись весь самоваръ выпили. Пьемъ эдакъ себѣ; а они и мужъ и жена, да еще приходилъ какой-то писарь директорскій, да прибѣгалъ чернявый такой, долженъ быть изъ жидковъ, фельдшерокъ съ лазарета. И всѣ они все объ вашей милости разспрашивали: одинъ ли или съ семьей живетъ? Благо я, по сосѣдству съ вами стоя, съ вашею прислугой въ лавочкѣ выдаюсь иной разъ, и знаю что живете вы не одни, а съ родительницей, сестрицы же ваши въ Смольномъ воспитуются, вы же на тотъ предметъ чтобы къ нимъ поближе быть и живете въ этой-то дали, въ

Фурштатской. Ну, ладно, на это я могъ сказать сущую правду. А ужъ какъ стали разбирать, да пытаться: кто у васъ бываетъ? да у кого вы бываете? Почему же мнѣ это все знать? Я и отмолилъ, что де все съ графами, да съ князьями компаніи водять и никакого другаго прочаго, попроще люда у нихъ не бываетъ. Пристали это ко мнѣ узнавать, какое вы отъ царя жалованье получаете. Я сказалъ что большое и награды большія; но только что вы очень экономны и лишняго гроша тратить не любите. Пытались они еще въ бесѣдѣ узнавать: платите ли вы, когда куда ѣздите, аккуратно? Тутъ выдумывать мнѣ опять было нечего: я сказалъ что хорошо на свѣтѣ нашему брату извозчику было бы жить, коли бы всѣ господа сѣдоки такъ раслачивались хоть бы вполовину, какъ этотъ баринъ. Узнавали еще: есть ли у васъ долги по лавкамъ? да играете ли вы въ карты? И на это я могъ сказать, не согрѣшивъ предъ Господомъ, потому что слышалъ также отъ прислугъ вашихъ и родительницы вашей что вы ни копѣйки нигдѣ долговъ не имѣете, а картъ вида даже не терпите, и это потому что родитель вашъ, баринъ веселый, да тароватый, въ эти проклятыя карты спустилъ презатѣйливое селѣцо въ Лужскомъ уѣздѣ, сосѣднее съ нами. Потомъ, какъ вашу милость по всему училищу водилъ самъ директоръ, такъ слѣдомъ за вами, только безъ видимости для васъ, ходилъ и я вездѣ съ Ермиломъ Петровичемъ и всѣмъ отъ всего сердца дивовался и потѣшался. Чудеса изъ чудесъ, главное, какъ ребята-то здѣшніе всему скоро этому выучились и какъ они все это спознали, просто на чудо.

— А главное чудо-то, замѣтилъ я,—что здѣшніе ребята такъ земледѣіе и мастерства полюбили что никогда съ ними не нужно употреблять, какъ сказывалъ мнѣ директоръ, не только розогъ, но даже какого-либо строгаго слова.

— Ну, сударь, вздохнувъ сказалъ мой сѣдой возница-говоруны, извините! — Виданое ли дѣло чтобы въ какіе-нибудь десять что ли мѣсяцевъ облома мужицкаго парня, изъ такого чурбана, какимъ онъ былъ, да такого что не умѣлъ заподлинно отличить которая у него правая, которая лѣвая рука или нога, передѣлать въ такого рѣчистаго, да ловкаго парня, какимъ онъ здѣсь теперь, и все это безъ того чтобы на немъ не порадѣло начальство и березовой кашкой его не поподчивало! Этими баснями можно, баринъ, вашего брата, молодаго господина, угощать; а нашего брата, мужика сиволапаго, не

проведешь, и мнѣ бы этихъ турусъ на колесахъ г. директоръ не подпустилъ. Нашъ братъ мужикъ, оно конечно, сѣръ, да хитрость въ немъ волкъ не сѣлъ, живетъ же не даромъ по-словица. И вотъ я вамъ доложу, баринъ разлюбезный, сосѣдшка дорогой, что въ разговорѣ со мною и столярный-то ихъ тамошній мастеръ Ермилъ-то Петровичъ, говорилъ мнѣ во всей откровенности что въ этомъ-то училищѣ и въ самомъ-то уставѣ, царемъ утвержденномъ, сказано что директоръ можетъ давать въ наказаніе воспитанникамъ здѣшнимъ до ста, а помощникъ директора до пятидесяти розогъ въ крайнихъ случаяхъ. Двадцать же лѣтъ и меньше того дѣло самое обыкновенное, и, говорятъ, нѣтъ того дня Божьяго чтобы на кузницѣ въ шабашную пору не было стеганья виноватымъ въ лѣности, неряшествѣ, забывчивости, отлыниваньи и въ тому подобномъ. А ужъ за вины покрупнѣе, за воровство, за дерзость начальству, за развратный пассажъ какой, такъ дѣрка по уставу. Чуть который парень никуда не годенъ, его сейчасъ вонъ изъ училища, да не отсылаютъ домой или въ чужую даже губернію, чтобы поблажки не было; а его, раба Божія, съ солдатами сажаютъ на телѣгу, везутъ въ Питеръ, а оттуда, при бумагѣ, въ Петергофъ на тамошнюю казенную бумажную, али гранильную фабрику. Стоить Сибири! Ермилъ-то Петровичъ спервоначала таиться сталъ и также балясы мнѣ заточилъ; а только я ему сказалъ что всю суть знаю отъ бывшаго ихъ унтерка, такъ онъ почесалъ себѣ въ затылкѣ, да и сталъ со мною повольготнѣе. Какъ потомъ мы съ нимъ роспили директорскую настойку, да наливку, такъ ужъ онъ и совсѣмъ раскудахтался до того что развеселая его женка два раза принималась ему ротъ зажимать, да бороду въ шутку трестъ, приговаривая что языкъ ему отрѣжетъ и собакамъ бросить.

— Да и еще я вамъ доложу, сударь, продолжалъ словоохотливый извозчикъ, — вы не вѣрите что сюда изъ деревень присылаемы всѣ 250 человекъ самые что ни на есть обломы грубые. Нѣтъ-съ, сюда присылаютъ изъ удѣльныхъ конторъ все что ни на есть въ цѣломъ какомъ имѣніи, въ нѣсколько десятковъ тысячъ душъ, лучшенькихъ парнишекъ, честныхъ, работающихъ, разуменькихъ, не дикихъ, а пообтертыхъ и непременно хоть маленько да грамотныхъ и поучившихся у половъ молитвамъ Божескимъ. Такому парню, конечно, здѣшніе порядки, здѣшняя учба, да здѣшнія работы ужъ не слишкомъ трудны; да и начальству съ такими разбитными

парнями не больно мудрено. Знаете ли, баринъ, вѣдь тотъ-то сотскій Бровкинъ что все около васъ вертѣлся, красавчикъ такой писанный, онъ предъ прїѣздомъ сюда въ своемъ городѣ въ Арзамасѣ три года въ харчевнѣ въ подносчикахъ, да въ подручныхъ за стойкой жилъ. Мудрено ли что рѣчисть? А вятскій парень Медвѣдевъ, что вамъ такъ о плугахъ-то строилъ, съ измалѣтства повадился у себя на родинѣ съ медвѣдями лясунами ходить, такъ онъ всякими розказнями и дома-то еще хоть кого за поясъ заткнеть бывало. Ему, значить, здѣшній разговоръ задолбить примѣромъ не труднѣе какъ объ Михайлѣ Ивановичѣ Толтыгинѣ калякать предъ народомъ. Да и еще скажу вамъ, баринъ добрый, что все то что вамъ больно такъ рѣчисто воспитанники говорили, было ими крѣпко на крѣпко затвержено по писуличкамъ, какія имъ давали или вчера, или сегодня же.

— Какъ же ты все это можешь знать, старикъ? спросилъ я, полагая что мой возница, будучи маленько подъ хмѣлькомъ, изволить привирать что-нибудь.

— А вотъ, сударь, отвѣтилъ словоохотливый извозчикъ, — когда я пошелъ, уже предъ вашимъ выѣздомъ, въ сарай, посмотрѣть моего битюга, чтобы запрягать его, взялъ я этакъ у Ермилы Петровича фонарикъ глухой, да и запрягаю себѣ коня, прилериши ворота; а за воротами слышу голоса что-то читаютъ и на память, какъ урокъ, повторяютъ. Я подошелъ къ воротамъ и прислушался: вишь, учитель-то здѣшній Иванъ Максимовичъ Максимовъ, старшій изъ учителей и такой что ни есть разлюбезный, ласковый и добрый и учениками уважаемый больше другихъ, говорить что сейчасъ господинъ директоръ прислалъ записочку о томъ что должны сотскій Бровкинъ и старшій ученикъ Кузьминъ сказать въ привѣтъ вашему благородію. Онъ сталъ въ полголоса читать, а двое этихъ парней карандашиками записывали что онъ читалъ, тотчасъ задолбили и ему отвѣтили. Такимъ манеромъ-съ воспитанники-то и благодарить пришли директора за гостя дорогаго по приказу директора же. Хе! хе! хе!

— Такъ это все комедія! воскликнулъ я съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Все не все, баринъ, а много комедіантства здѣсь. Хоть бы эта тревога на пожаръ, примѣръ сказать. Штука ай-люди хорошая, а поистинѣ-то съ фальшью. Вы думаете и впрямь что все готово было безъ всякой подготовки въ 5 или 3 даже

минуты. Дудки! за полчаса до того какъ зазвонили тревогу, лошади были уже впряжены и люди были на своихъ мѣстахъ, потому что впередъ каждый знаетъ что онъ долженъ ухватить чтобъ бѣжать съ трубами. Мудрено ли что такъ скоро собрались?

Эти всѣ разоблаченія и обличенія подѣйствовали на меня самымъ непріятнымъ образомъ, и я съ чувствомъ какого-то досаднаго разочарованія возвратился довольно поздно домой, гдѣ засталъ у моей матери двухъ-трехъ гостей и между ними дальняго нашего свойственника намѣстника Невской лавры архимандрита Палладія, который въ свѣтѣ носилъ фамилію Бѣлявцева и былъ нѣкогда соученикомъ знаменитаго Аракчеева по артиллерійскому корпусу*. Я засталъ общество моей матери за чаемъ à l'anglaise, почему Байковскіе бублики, совершенно свѣжіе и мякіе, были какъ нельзя болѣе кстати, и я помню, они очень понравились отцу Палладію, которому я тотчасъ и презентовалъ ихъ съ дюжиною. Я сталъ разказывать эпизоды того что видѣлъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, уже забывая скептицизмъ моего сѣдлаго возницы, и увлекаясь нѣкоторою восторженностью воспоминанія, особенно при описаніи пожарной тревоги. По поводу этого разказа отецъ Палладій, очень умный и зоркій старецъ, впрочемъ добрый и всегда веселый, сказалъ улыбаясь:

— О! да они тамъ въ удѣлахъ, я вижу, перецеголяли и самого графа Алексѣя Андреевича съ его военными поселеніями и школами кантонистовъ.

Въ слѣдующій четвергъ, то-есть три дня послѣ этого перваго посѣщенія Земледѣльческаго Училища, я разчиталъ что не буду у Н. И. Греча, такъ какъ день этотъ, по моему соображенію, придется въ коронацію, когда мнѣ необходимо было ѣхать вмѣстѣ съ М. А. Крыжановской на тамошній праздникъ, и я поэтому отправился къ Николаю Ивановичу довольно рано утромъ, до начала своего департаментскаго въ продолженіи многихъ часовъ сидѣнія. Я засталъ Греча въ его верхнемъ кабинетѣ. Онъ, какъ водилось, былъ въ утренней сѣрой

* Нынѣшній московскій почетный олекунь генераль-лейтенантъ Д. Н. Бѣлявцевъ, родной племянникъ этого достопочтеннаго отца Палладія, оставившаго по себѣ истинно-прекрасную память.

куртки, безъ галстука и въ туфляхъ. Множество разныхъ книгъ, брошюръ, исписанныхъ бумагъ и корректурныхъ листовъ покрывали его огромный столъ, на которомъ лежало нѣсколько листовъ писчей бумаги съ незасохшими еще чернилами. Журналистъ-грамматикъ, ловидимому, утомленный работой, оставилъ ее, чтобы заняться огромнымъ садкомъ съ канарейками, отдѣлявшимъ его письменный столъ отъ широкаго венеціанскаго окна. Я вошелъ въ кабинетъ въ то время когда Гречъ задавалъ кормъ своимъ любимицамъ-канарейкамъ, семья которыхъ у него была довольно многочисленная, оживленная и постоянно громко воспѣвавшая, ловидимому, признательный гимнъ своему почительному о ней хозяину.

А! дорогой сотрудникъ, воскликнулъ Гречъ,—что, со статеечкой?

— Нѣтъ, безъ статеечки, Николай Ивановичъ, а только съ нѣкоторыми толками о будущей статьѣ.

— О какой?

— Вы ужъ и забыли что совѣтовали мнѣ написать такую статью объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ которая, какъ вы говорили, могла бы мнѣ карьеру сдѣлать, да и вамъ доставить нѣкоторое удовольствіе.

— И главное, такую, любезнѣйшій коллабораторъ, которая могла бы быть съ особенною пріятностью прочитана публикою. Да, я думаю что вы постараетесь изъ такой сухоты, какъ это специальное училище, сдѣлать нѣчто интересное, отпустивъ поводья вашему радужному юному воображенію.

— Предметъ таковъ, Николай Ивановичъ, что его нечего разукрашать: онъ разукрашенъ самъ по себѣ. Просто чудеса въ рѣшетѣ! И простая передача диковинныхъ фактовъ достаточно будетъ чтобъ заинтересовать и наэлектризовать вниманіе читателей.

— Ой аи! воскликнулъ Гречъ, съ обычными своими ауськами и гримасками.—Ну, садитесь, а я досмотрю огромную рукопись Сенковского, приготовленную имъ для *Энциклопедическаго Лексикона*. Охъ, ужъ эти мнѣ всезнающіе оріенталисты!... Расскажете же мнѣ про ваши армидины сады, юный восторженникъ. Корректированіе рукописи русскаго Тютюнджи-Оглы не помѣшаетъ мнѣ васъ слушать.

Я не заставилъ себя просить дважды и принялся разказывать Николаю Ивановичу, перо котораго, часто обмакиваемое въ чернилицу, летало по объемистой статьѣ Сенковского, все то

что я видѣлъ вчера въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чего еще находился. Я описалъ ему чудеса обработки неблагоприятной торфяной почвы, которая въ десять мѣсяцевъ превратилась въ искусственный англійскій черноземъ; я разказалъ ему о русскихъ молодыхъ мужичкахъ, доведенныхъ до удивительнаго совершенства нравственной и интеллектуальной выправки; я выставилъ ему картину патріархальности и сельской простоты; я изобразилъ изумительный порядокъ и благоустройство безъ тѣни казарменности и довершилъ все апоѳеозомъ маневра пожарной тревоги и искусства воспитанниковъ пѣть церковные псалмы, патріотическіе гимны и залихватскія и мелодичныя русскія пѣсни.

Въ продолженіи моего разказа Гречъ нѣсколько разъ лукаво улыбался и черезъ очки взглядывалъ на меня; но я относилъ и улыбки и взгляды эти только къ тѣмъ шероховатостямъ слога какія онъ встрѣчалъ въ рукописи знаменитаго Брамбеуса. Когда же я кончилъ мое повѣствованіе, то Гречъ, положивъ перо, сказалъ:

— Вижу, дорогой мой Быстролишевъ, что хохоль Байковъ сумѣлъ мастерски очаровать васъ и произвести на вашу воспріимчивую душу весьма выгодное для него впечатлѣніе. Вижу также и то что когда вы принесете мнѣ вашу статью, мнѣ придется сдѣлать въ ней не одну пометку и подлить не мале воды въ ваше сладкое вино. Бога ради, напишите вашу статью, только тогда когда еще разъ-другой вы посмотрите это заведеніе и когда на вѣсахъ холоднаго разсудка вы взвѣсите постараетесь многія обстоятельства, кажуціяся вамъ чрезъ розовую призму и долженствующія явиться не тѣмъ, когда вы убѣдитесь что всѣ эти волшебства, съ одной стороны, дѣло огромныхъ денежныхъ затратъ, благо толста удѣльная мощна, а съ другой, результатъ желѣзной воли, основанной на всемогуществѣ высшаго начальства.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ, да ежели бы вы видѣли хоть напримѣръ маневръ тушенія пожара: въ пять минутъ, я повѣрялъ по часамъ, все было готово и всѣ работали словно одинъ человекъ! воскликнулъ я голосомъ почти отчаянія.

— Вѣрю что прискакали въ пять минутъ, говорилъ мой неумолимый оппонентъ, — вѣрю что это такъ было. Но вѣдь вы не разузнавали о томъ что за два за три часа все было уже готово, стоило только прискакать чтобъ изумить васъ, какъ изумляетъ Байковъ всѣхъ кто посѣщаетъ его

заведеніе. На дняхъ свѣтлѣйшій главнокомандующій Москвы, добрый князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ тамъ въ этомъ Удѣльномъ Училищѣ и при мнѣ у Сергія Семеновича Уварова разказывалъ то же самое объ этой знаменитой тамошней пожарной тревогѣ, объявляя что, по возвращеніи въ Москву, онъ вышлетъ въ Петербургъ своего брандтмайора чтобы тотъ поучился у Байкова проворству при тревожномъ сборѣ. Это, повѣрьте, все повтореніе Аракчеевскихъ военно-поселенскихъ обморочиваній и очковставленій! Это только новое изданіе знаменитой исторіи Меншиковского хвостика отъ жаренаго поросенка!

Скелтицизмъ Греча, совпадшій со скелтицизмомъ моего вчерашняго извозчика, ошеломилъ меня, и я, казалось, превратился въ вопросительный знакъ. Гречь понялъ это иначе: онъ думалъ что я желаю знать поясненіе того что онъ сказалъ о хвостикѣ отъ жаренаго поросенка, почему и послѣшилъ разказать мнѣ что когда однажды покойный императоръ Александръ Павловичъ посѣщалъ, по приглашенію Аракчеева, его Новгородскія военныя поселенія, во время какого-то тамошняго праздника, и, окруженный многочисленною свитой, восхищавшеюся всѣмъ видимымъ, ходилъ изъ избы въ избу, находя вездѣ довольство и даже роскошь для крестьянъ, роскошь, доведеную до того что во всѣхъ избахъ, куда заходилъ императоръ во время обѣда солдатъ-крестьянъ, на обѣденныхъ ихъ столахъ красовался жареный поросенокъ съ пучкомъ петрушки во рту. Всѣ находили это превосходнымъ и сравнивали съ курицей въ похлебкѣ французскаго поселянина, составлявшей *ria desideria* добраго короля Генриха IV. Какъ вдругъ среди этого общаго восхищенія, князю Александру Сергѣевичу Меншикову, дежурному въ этотъ день флигель-адъютанту, вздумалось выкинуть фарсъ: онъ возьми, да и отлومي хвостикъ у жаренаго поросенка, явившагося въ одной изъ посѣщенныхъ императоромъ избъ. Когда въ другой избѣ посѣтителю нашли опять то же угощеніе съ жаренымъ поросенкомъ, то Меншиковъ нашелъ нужнымъ указать на отсутствіе хвостика у поросенка и приставилъ къ нему тотъ который онъ отломилъ въ предыдущей избѣ и держалъ бережно въ карманѣ. Аракчеевъ не лоблѣднѣлъ, а позеленѣлъ отъ злобы. Александръ Павловичъ нахмурился, понявъ что его временщикъ его обманываетъ, перетаскиваетъ одного поросенка изъ избы въ избу,

и вскорѣ уѣхалъ изъ военныхъ поселеній, а Меншиковъ лишился царской милости и на долго оставилъ службу.

Анекдотъ этотъ былъ мнѣ извѣстенъ за восемь лѣтъ предъ тѣмъ: мнѣ его разказывалъ мой отецъ въ то время когда въ 1826 году мы ѣхали изъ Петербурга въ Орелъ, куда отецъ мой назначенъ былъ вице-губернаторомъ. Со всѣмъ тѣмъ я сдѣлалъ видъ что анекдотъ этотъ для меня новость, потому что Николай Ивановичъ терпѣть не могъ чтобъ ему заявляли о томъ что разказанное имъ уже не новость для его слушателя. Но я успѣшилъ увѣрить его что видѣнное мною вчера заведеніе ничего общаго съ военными поселеніями не имѣетъ.

— О! вы великій оптимистъ, мой юный коллабораторъ, воскликнулъ онъ,—для васъ все прекрасно, и васъ не трудно осѣдлать какъ ни въ чемъ не бывало. А Байковъ на то искусень. Я знаю не мало о немъ отъ его товарища по Харьковскому университету, нашего знаменитаго математика Остроградскаго, такого же, впрочемъ, хитраго хохла, какъ и Байковъ. Остроградскій высоко цѣнитъ способности и особенно практичность своего земляка, которому отчасти, можетъ-быть, и мы съ вами изрядно поможемъ, напечатать въ *Пчелѣ* статью, написанную вами подъ тѣмъ впечатлѣніемъ какое этотъ ловкій практикъ въ васъ сумѣлъ оставить.

— Надѣюсь, Николай Ивановичъ, сказалъ я,—сдѣлать такъ что статья моя, не будучи суха и не имѣя характера похвальной оды, понравится вамъ. Въ четвергъ, въ день коронаціи, въ училищѣ будетъ сельскій праздникъ, и я тамъ непременно буду съ Марьей Алексѣвной и съ вашей троюродной племянницей Александрой Андреевной. * Вслѣдъ за этимъ посѣщеніемъ я отправлюсь въ училище въ будній день, чтобы видѣть и разузнать и позаписать въ мою агенду еще больше подробностей. Статья будетъ, увидите, и серіозна, и увлекательна не фразами, а фактами.

* Александра Андреевна Крыжановская, тогда дѣвица лѣтъ 20, была дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Андрея Константиновича Крыжановскаго, роднаго брата Максима Константиновича и женатаго на Марьѣ Павловнѣ Безакъ, двоюродной сестрѣ Н. И. Греча и сестрѣ какъ Константина Павловича Безака, женившагося въ 1829 году на старшей дочери Греча, Софьѣ Николаевнѣ, равно какъ Александра Павловича Безака, умершаго въ январѣ 1869 года въ званіи генералъ-адъютанта и начальника юго-западнаго края.

— Вѣрно, вѣрно, восклицалъ Гречъ, — но что вы толкуете о днѣ коронаціи въ четвергъ? Сегодня какое у насъ число?

— Сегодня 19е августа, отвѣчалъ я, сбившись числами.

— То-то и есть что сегодня 20е, а коронація въ среду, говорилъ Гречъ, — ерго я могу ѣхать съ Марьей Алексѣвной и съ вами въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, которое начинаетъ принимать для васъ характеръ Острова Калилсы, юный Телемакъ, такъ что, я вижу, вамъ тамъ необходимъ Менторъ, какимъ я и имѣю честь вамъ рекомендоваться. Сегодня я съ Марьей Алексѣвной увижусь; а въ среду мы съ вами у нея обѣдаемъ, и тотчасъ послѣ обѣда ѣдемъ въ это ваше воспитательное Земледѣльческое, гдѣ я буду остерегать васъ отъ всѣхъ шарлатанскихъ обмановъ. Теперь же прощайте, бездѣльный мой Быстролишевъ: вамъ пора въ вашъ департаментъ, мнѣ же надо еще не мало работы спустить.

Я раскланялся и удался довольно поспѣшно, замѣчая что скоро одиннадцать часовъ и что я рискую опоздать въ департаментъ, гдѣ экзекуторъ Грозновъ упражнялся записываніемъ фамилій всѣхъ чиновниковъ являвшихся хоть лятью минутами позже 11 часовъ. Списки эти подавались Д. Г. Бибикову. Понятно что я, не торгуясь, взялъ перваго попавшагося дикача, и быстро поскакалъ на дворцовую площадь въ домъ министерства финансовъ.

VI.

Въ департаментѣ я занимался этотъ разъ моими однообразными изготовленіями черновыхъ докладныхъ записокъ министру, отношеній въ разныя мѣста и предписаній подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ, правду сказать, съ нѣкоторою разсѣянностію и далеко не съ обычною энергіей, постоянно имѣя на умѣ все что видѣлъ въ Земледѣльческомъ Училищѣ и что слышалъ о его директорѣ. Я старался доказывать себѣ что все то что мнѣ вчера толковалъ мой возница происходило оттого что онъ былъ маленько во хмѣлю и что на этотъ разъ латинская поговорка *in vino veritas* могла быть принята въ обратномъ смыслѣ. Что же касается до возгласовъ почтеннаго Николая Ивановича, то кромѣ графа Бенкендорфа, да графа Канкрина, да еще пяти, шести человекъ изъ административнаго люда, едва ли бы нашелся кто-нибудь мало-мальски выдвинувшійся изъ массы кого бы не бранилъ Николай

Ивановичъ, для краснаго словца не умѣвшій жалѣть, какъ говорится, и роднаго отца. Я былъ выведенъ изъ этихъ думъ и возвращень къ дѣйствительности минуты канцелярскимъ чиновникомъ, который, держа груду бумагъ, состоящихъ изъ массы исходящихъ, со списанными съ нихъ отпусками для провѣрки, сказалъ мнѣ:

— В. П., не угодно ли вамъ провѣрить эти отпуски: съ субботы тутъ накопилось ихъ до сорока пяти штукъ.

— Хорошо, сказалъ я, — читайте бѣловыя, а я буду смѣрять отпуски, только надо вице-директорскіе откладывать особо отъ директорскихъ, потому что, вы знаете, князь Петръ Андреевичъ (Вяземскій) заѣзжаетъ сюда на такое короткое время что надо ловить его для подписи тѣхъ бумагъ какія къ подписи вице-директора.

И мы съ чиновникомъ принялись за механическую работу свѣрки отпусковъ съ подлинными исходящими. На всѣхъ отпускахъ съ бумагъ маловажнаго содержанія, заключавшихъ въ себѣ какія-нибудь увѣдомленія, сообщенія или затребованія справокъ, или напоминанія объ исполненіи такого-то предписанія, обращенныхъ преимущественно къ начальникамъ таможенныхъ округовъ, въ таможи, въ биржевой комитетъ, или къ инспектору пограничной стражи, было прописано, какъ водится: „Подлинное подписать вице-директоръ, князь П. Вяземскій, скрѣпилъ начальникъ отдѣленія Грошолфъ.“ А пониже писецъ прописывалъ: „Съ подлиннымъ вѣрно: помощникъ столоначальника“, оставляя за симъ этому помощнику столоначальника только тутъ приписать свою фамилію. И вотъ, по мѣрѣ чтенія и повѣрки я все откладывалъ въ сторону чистыя четвертки для подписи вице-директора, когда его сіятельство пріѣдетъ въ департаментъ, а подлѣ каждой подлинной такой бумаги я клалъ мой отпускъ чтобы подписать его, когда вся повѣрка будетъ кончена. Уже накопилась преисправная кучка какъ подлинныхъ бумагъ для подписи князя и уже скрѣпленныхъ начальникомъ отдѣленія, такъ и отпусковъ для моей подписи, когда вдругъ, словно съ цѣли сорвался ловкій и быстрый курьеръ, съ восклицаніемъ обращеннымъ ко мнѣ:

— Его сіятельство господинъ вице-директоръ сію минуту пріѣхали и ожидаютъ бумагъ.

— Тотчасъ дочтемъ, сказалъ я. — Курьеръ скрылся, а мы принялись за продолженіе скучной работы. Когда мы ее кончили,

я взялъ было перо чтобы скорѣе подписать всѣ отпуски, а мой товарищъ вооружился уже песочницей, какъ вдругъ снова появился тотъ же курьеръ, восклицая:

— Князь проситъ пожаловать васъ, В. П., какъ можно скорѣе: они съ графомъ Вѣльгорскимъ торопятся ѣхать куда-то за городъ.

Не желая заставлятъ ждать князя, котораго за его ласковое и радушное обращеніе съ чиновниками всѣ въ департаментѣ очень любили, я поспѣшно забралъ всю кучку бумагъ къ подписи, кинулъ ихъ въ сѣро-голубой бумажный портфель съ надписью на бѣломъ ярлыкъ: „къ подписи“, полетѣлъ въ корридоръ, а изъ корридора по широкой лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ былъ подлѣ счетнаго отдѣленія кабинетъ вице-директора. Изъ этого кабинета въ то время выходили и столкнулись со мною такіе же, какъ я былъ тогда, помощники столоначальниковъ: Андрей Карловичъ Данзасъ * и Николай Романовичъ Ребиндеръ. **

— Идите, идите, Б—въ, говорилъ мнѣ Данзасъ, — князь торопится ѣхать съ графомъ Вѣльгорскимъ на дачу къ князю Одоевскому.

— *Jamais trop diligente, vous nous donnez le plaisir de l'attente*, говорилъ князь, при входѣ моемъ въ кабинетъ, повторяя извѣстное свѣтское привѣтствіе одной изъ дамъ *Горя отъ ума*, кажется Натальи Дмитріевны, къ Софьѣ Павловнѣ, когда послѣдняя, занятая паденіемъ съ лошади ея милаго Молчалина, запоздала выйти къ гостямъ ее ждавшимъ. Этотъ французскій стишокъ, довольно мило выточенный Грибоѣдовымъ, который, какъ извѣстно, владѣлъ французскимъ языкомъ едва ли еще не лучше русскаго, былъ въ ту пору въ большой модѣ и повторялся до банальности. Я слыхалъ что покойный императоръ Николай Павловичъ, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, не отказывался употреблять его кстати.

Раскланявшись съ княземъ Петромъ Андреевичемъ и съ

* Онъ рано умеръ отъ истощенія силъ. Это былъ младшій братъ Бориса Карловича, нынѣ здравствующаго, сенатора, и Александра Карловича, отставнаго генералъ-майора, умершаго въ началѣ 1860 года и приобрѣтшаго громкую извѣстность въ качествѣ секунданта въ роковой дуэли А. С. Пушкина, котораго онъ былъ товарищемъ по Лицею.

** Умеръ, кажется, въ которомъ-то изъ шестидесятихъ годовъ. Былъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа до Н. И. Пирогова.

графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ, этимъ настоящимъ типомъ bon-vivant скрибовскаго водевиля, съ зубочисткою между зубами и съ блѣдно-розовою даліей въ петлѣ борта сюртука, я послѣдшилъ положить предъ княземъ принесенную мною кучу бумагъ и взялся за песочницу чтобы засыпать чернилами свѣжей подписи, которая ложилась довольно густо, почти прямыми буквами, разумѣется, безъ прочитыванія, такъ какъ исходившія отъ департамента за подписью вице-директора были самаго невиннаго и ничтожнаго содержанія. Бумаги княземъ подписывались одна за другою, я ихъ засыпалъ, а между тѣмъ велся разговоръ своимъ чередомъ.

— Давно вы видѣли вашего Греча? спрашивалъ князь.

— Не далѣе какъ сегодня утромъ, князь, отвѣчалъ я.

— Что это они тамъ въ ихъ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* дѣлаютъ? Затѣяли было переимѣнить главнаго редактора, такъ какъ Гречъ сыгралъ роль будто отказывается. И что бы имъ было выбрать князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго?

— Et ça serait un excellent choix, * замѣтилъ графъ Віельгорскій, позѣвывая и выбивая пальцами маршъ по доскѣ стола.

— Что жъ это вы тамъ, улыбался, тщательно подписывая, князь, — не похлопотали объ этомъ, господинъ сотрудникъ *Сѣверной Пчелы*?

— Я сотрудникъ *Сѣверной Пчелы*, ваше сіятельство, но не *Энциклопедическаго Лексикона*, съ которымъ никакихъ сношеній не имѣю, отвѣчалъ я, засыпая подписи князя и кладя бумаги въ сторону.

— А какъ сотрудникъ *Сѣверной Пчелы* что вы теперь туда пишете? спрашивалъ князь, поглаживая черепашею гребеночкой свои котлетообразныя бакенбарды.

— Я готовлю матеріалы для описанія Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, отвѣчалъ я.

— Ну, что жъ, вы тамъ были? спрашивалъ опять князь.

— Былъ, ваше сіятельство, и нашелъ что это поистинѣ что-то изумительное.

— Для того кто не видалъ военныхъ поселеній, засмѣялся князь.

„Дались имъ эти военныя поселенія“, злился я внутренно и сыпалъ обильно песокъ на мокрыя подписи княземъ своей фамиліи.

— Mais non, cher prince, вмѣшался графъ Віельгорскій, —

* И это былъ бы прекрасный выборъ.

vraiment, on dit, que c'est tout à fait joli. L'autre jour le Prince Dmitri Golitzine en a été ravi. *

Наконецъ всѣ бумаги были подписаны княземъ, и я собравъ ихъ собирався выйти, когда князь прощаясь со мною сказалъ:

— Не въ службу, а въ дружбу, потрудитесь тамъ приказать курьеру подавать нашъ экипажъ: пора, очень пора ѣхать, говорилъ онъ, взглянувъ на часы.

Когда я возвратился въ свое отдѣленіе и положилъ подписанные княземъ бумаги на столъ, за которымъ я сидѣлъ съ моимъ толстымъ, краснымъ и постоянно обтиравшимъ со лба потъ столоначальникомъ П—скимъ, чиновникъ А—въ, съ которымъ я сортировалъ бумаги, принялся ихъ разсортировывать, намѣреваясь подать мнѣ груду выдѣленныхъ изъ нихъ отпусковъ для подписи свѣрки. Но вдругъ этотъ юноша-бюрократъ, любимецъ столоначальника, сдѣлалъ какое-то движеніе съ выраженіемъ не только удивленія, но даже ужаса, изображавшагося во всей его фигурѣ.

Столоначальникъ, титулярный совѣтникъ П—скій, быстро строчившій чернятку какого-то замысловатаго и энергическаго выговора какой-то таможенъ за несвоевременную, кажется, высылку для капитула орденовъ денегъ, взысканныхъ за полученные чиновниками ордена, вдругъ возымѣлъ потребность, по обыкновенію, вытереть потъ со своего тыквообразнаго чела, почему поднялъ голову. При этомъ движеніи онъ увидѣлъ выраженіе смущенія на лицѣ своего любимца-субальтерна и не утерпѣвъ спросилъ о причинѣ. Тотъ подошелъ къ нашему столу съ килою отпусковъ и показалъ что на всѣхъ отпускахъ на томъ мѣстѣ гдѣ мнѣ слѣдовало подписывать мою скромную фамилію, вслѣдъ за словами: „съ подлиннымъ вѣрно. Помощникъ столоначальника“, блистала фамилія вице-директора прямою, ясною вязью. Увидѣвъ это, мой столоначальникъ П—скій, формалистъ, достойный своего начальника отдѣленія, страшно засуетился и пришелъ въ отчаяніе, выражавшееся какъ непрерывнымъ вытираніемъ лота, такъ застегиваніемъ на всѣ пуговицы и разстегиваніемъ форменнаго фрака. Онъ понялъ что это была моя ошибка, состоявшая въ томъ что я нечаянно подалъ князю къ подписи бумаги вмѣстѣ со свѣренными, но еще не подписанными мною отпусками, и вотъ князь, не читая всей

* Да нѣтъ же, любезный князь. Въ самомъ дѣлѣ говорятъ что это очень мило. Намедни князь Дмитрій Годицынъ былъ въ восхищеніи.

этой формалистики, подмахнулъ вездѣ: „Съ подлиннымъ вѣрно: помощникъ столоначальника князь П. Вяземскій“.

Узнавъ въ чемъ дѣло, я расхохотался и сказалъ обращаясь къ П—скому:

— Браво, у насъ еще завелся помощникъ столоначальника, да еще князь, и князь-то не какой-нибудь, а древней фамилии, князь Вяземскій, чистый аристократъ!

— Тутъ, В. П., сказалъ ласмурно П—скій,—смѣяться вовсе не стать. Дѣло-съ казусное. Могутъ счесть ласквилемъ надъ его сіятельствомъ. И какъ, право, вы всѣ господа парле-франсе все это вѣтрено дѣлаете и потомъ еще такъ легко принимаете.

— Не плакать же отъ этого, объяснялъ я,—не убиваться же стать, тѣмъ болѣе что перочинный ножикъ и сандаракъ мигомъ выскоблятъ знаменитую фамилію, которую я замѣню моею незнаменитою. Вотъ и все!...

— Какъ бы не такъ, кипятился П—скій.—*Veni, vidi, vici*, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, словно Юлій Цезарь, возглаголюшашъ онъ, сыпя своею семинарскою латынью.—Нѣтъ-съ, такъ нельзя, не приходится, а вотъ надо сейчасъ уничтожить всѣ эти отпуски посредствомъ огня, благо мы только трое знаемъ, потому что нашъ столъ въ сторонѣ, и вселокорнѣйше прошу васъ, В. П. (за А—ва я могу поручиться какъ за самого себя), рѣшительно чтобъ никто не зналъ объ этомъ случаѣ у насъ ни въ отдѣленіи, ни въ департаментѣ, ни тѣмъ паче въ городѣ, гдѣ баясниковъ не мало.

Я далъ честное слово что никому ничего не скажу объ этомъ случаѣ и сѣлъ за свое дѣло; а П—скій, запрятавъ всѣ эти злополучные отпуски въ свой широкій боковой карманъ, что-то шелтался съ А—мъ, который вслѣдъ за симъ куда-то ушелъ и возвратился со сторожемъ, несшимъ вязанку дровъ.

— Хоть въ августѣ, заговорилъ П—скій на всю комнату, гдѣ кромѣ чиновниковъ его четвертаго стола никого не было,—толки не полагается, но меня что-то работаетъ лихорадка, а потому ты, братъ Ворчукъ (такъ именовался сторожъ), прoderни маленечко, не закрывая трубы, чтобъ перемѣнить воздухъ въ комнатѣ: воздухъ что-то словно спертый у насъ здѣсь!

Печка залыла, и вотъ П—скій съ нѣкоторою таинственностью вынулъ изъ кармана бумаги, только-что имъ туда упрятанныя. Вынувъ эти бумаги, онъ тщательно разсмотрѣлъ ихъ, сосчиталъ; еще посмотрѣлъ, и вдругъ устремилъ

всѣ въ огонь, наблюдая чтобы сгорѣли. Одинъ изъ канцелярскихъ, также какъ и П—скій изъ семинаристовъ, шаловливый и веселый малый, подошелъ было къ печному жерлу чтобы разсмотрѣть предметы аутодафе, но П—скій быстро закрылъ заслонку и сказалъ:

— Садись, братъ на свое мѣсто: захочешь много знать, скоро состарѣшься.

И вслѣдъ за симъ онъ пошелъ на свое мѣсто, гдѣ оставилъ начатое писаніе; тотчасъ принялся за свои бумаги, но вскорѣ снова вскочилъ, отворилъ заслонку, взялъ кочергу и убѣдился въ томъ что отъ всѣхъ брошенныхъ имъ въ огонь бумагъ остался одинъ лишь легкій пепелъ. Онъ видимо успокоился.

П—скій ушелъ на свое мѣсто, а писцы принялись писать новые экземпляры отлусковъ, испорченныхъ по моему недосмотру, почему я каждому изъ этихъ господъ обѣщалъ кому четвертку Жукова табаку, кому, смотря по возрасту, полфунта конфетъ изъ кондитерской Вольфа. Вдругъ во всей амфиладѣ, состоящей изъ десяти или двѣнадцати комнатъ, шедшихъ отъ нашей крайней до самой пріемной предъ директорскимъ кабинетомъ, послышался сильный стукъ отодвигаемыхъ стульевъ, знакъ необыкновеннаго прохода директора департамента, который почти никогда по заламъ занятымъ отдѣленіями не расхаживалъ, пребывая исключительно въ своемъ директорскомъ огромномъ и богато убранномъ кабинетѣ, гдѣ онъ видимъ былъ исключительно только начальниками отдѣлений, дежурнымъ чиновникомъ и нѣкоторыми просителями, принимаемыми имъ тутъ, а не въ просительской залѣ.

Этотъ вѣщій стукъ стульевъ привелъ П—скаго въ неописанное смущеніе. Онъ быстро застегнулъ форменный фракъ на всѣ пуговицы и, поправивъ своего Станислава на шеѣ, пропѣлъ на всю комнату, глядя вдоль амфилады комнатъ: „Его превосходительство господинъ директоръ!“ Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ уже около его стола, сопровождаемый длиннымъ Грошолфомъ и вѣчно улыбающимся правителемъ канцеляріи Алексѣемъ Ивановичемъ Марковымъ, котораго мы звали „первою скрилкой“, стоялъ директоръ тайный совѣтникъ Бибиковъ, тотъ, въ то еще время, красавецъ изъ красавцевъ, красотъ котораго вовсе не вредило отсутствіе лѣвой руки, потерянной подъ Бородинымъ и замѣненной пустымъ рукавомъ форменнаго фрака со звѣздами. Однако онъ уже утратилъ въ 1834 году часть своей красоты и

изящности съ того времени какъ я видѣлъ его въ первый разъ въ сентябрѣ 1828 года, когда былъ представленъ ему моимъ отцомъ, при рекомендательномъ письмѣ знаменитаго Сперанскаго. Мы всѣ, конечно, встали и стояли почти на вытяжку каждый у своего стула, П—скій же, красный какъ ракъ и мокрый, вытирая лоть, мигомъ изъ бойкаго и шумливаго толстяка преобразился въ какую-то странную козявку, всю съежившуюся и подобострастно глядѣвшую на своего великаго принципала, выше и превосходяще котораго онъ не могъ себѣ позволить кого-либо даже вообразить.

— Вы, господа, сказалъ Бибиковъ, обращаясь къ Грошопфу и къ Маркову, — не безпокойтесь, отправляйтесь къ вашимъ, прерваннымъ мною, занятіямъ, а я присяду здѣсь на мѣстѣ столоначальника П—скаго; онъ подастъ мнѣ къ моей подписи тѣ бумаги, совершенно частныя, мои домашнія, какія для меня состряпалъ.

Говоря это, Бибиковъ сидѣлъ уже на стулѣ П—скаго, а тотъ подобострастно подавалъ ему къ подписи какія-то прошенія написанныя на гербовой бумагѣ, докладывая:

— Прошеніе-съ, ваше превосходительство, въ гражданскую палату; прошеніе-съ, ваше превосходительство, въ надворный гражданскій судъ; прошеніе-съ, ваше превосходительство, въ опекунскій совѣтъ.

Бибиковъ пробѣгалъ красиво, министерскимъ почеркомъ переписанныя бумаги своими огненными черными глазами, опущенными живописными длинными рѣсницами, и сказалъ съ улыбкой:

— Все прошенія, а я никогда никого не прошу ни о чемъ.

— Прошенія-съ, ваше превосходительство, по титулѣ-съ, докладывалъ полушепотомъ П—скій, — то-есть обращеніе-съ къ государю императору-съ.

— Само собою разумѣется что еслибъ не по титулѣ, то я не сталъ бы и подписывать въ какой-нибудь гражданскій надворный судъ. Но вѣдь, надѣюсь, этими моими подписями все и кончится, а?

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство, гражданская палата учинить распоряженіе купчею крѣпостью предписаніемъ у крѣпостныхъ дѣлъ лицу, по полученіи сообщенія опекунскаго совѣта о...

— Во многоглагольствованіи нѣтъ спасенія, улыбнулся Бибиковъ. — Такъ кажется по-вашему?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство, во многоглаголаніи нѣсть спасенія, иже....

— А вотъ, иже-то, покажи мнѣ гдѣ во всѣхъ этихъ мѣстахъ руку-то прикладывать. Вотъ ужъ точно что я ни въ чемъ „рукъ“ употреблять не могу, „рукамъ“ воли давать не могу и къ „рукамъ“ прибирать не могу.

Эту шутку относительно своей одноручности Бибиковъ любилъ повторять съ особенною охотой, и на этотъ разъ, будучи въ премиломъ расположеніи духа, онъ повторялъ какъ-то вѣласть, глазами выразительно указывая на свой лѣвый рукавъ пришитый обшлагомъ къ подплечію. П—скій указалъ ему всѣ мѣста гдѣ по карандашу ему оставалось писать слова: „къ сему прошенію тайный совѣтникъ и кавалеръ Дмитрій Гавриловъ сынъ Бибиковъ руку приложилъ.“ Бибиковъ спросилъ перо, протянувъ свою изящную руку къ изрядной грудочкѣ свѣжеочиненныхъ перьевъ лежавшихъ предо мной, такъ какъ мѣсто мое было по правую сторону отъ П—скаго съ края.

— Какая роскошь перьевъ и какія все славныя перья! Чьи это? спросилъ Дмитрій Гавриловичъ.

Я отвѣтилъ что это мои перья.

— Да это кажется лебяжьи перья? замѣтилъ онъ.

Я отвѣтилъ положительно.

— Это значитъ Грозновъ дѣлаетъ вамъ особенную галантность, въ память того вѣрно что за два года предъ симъ онъ имѣлъ такъ часто честь у меня съ вами обѣдать.

Замѣтно, это было сказано его превосходительствомъ съ цѣлью объявить при всемъ канцелярскомъ людѣ что ихъ наибольшій, старшій помощникъ стоюначальника, уже не пользуется прежнею фаворомъ и у директора департамента по воскресеньямъ не обѣдаетъ. Чувство нѣкотораго нервическаго озлобленія, безъ того уже клокотавшаго во мнѣ, при видѣ трусливаго рабѣлства ближайшаго начальника моего, П—скаго, подтолкнуло меня сказать въ отвѣтъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ не вполне глубокаго уваженія:

— Это, ваше превосходительство, очень простая фавора, за мои деньги, отъ бумажнаго магазина Петергофской фабрики, отъ фавора же господина Грознова Богъ меня до сихъ поръ избавлялъ и избавляетъ еще.

Холодный взглядъ Бибикова скользнулъ по мнѣ, и обратясь къ П—скому, онъ сказалъ:

— Напомните - ка, П—скій, Грознову чтобы для моего ка-

бинета онъ купилъ пучекъ именно этихъ перьевъ въ Петергофской бумажной лавкѣ. А между тѣмъ онъ продолжалъ подписывать по карандашу прошенія и послѣ нѣкоторой паузы сказалъ П—скому:

— Сегодня, я думаю, ты не успеешь; а завтра непременно, на основаніи моей довѣренности какую я тебѣ далъ, подай вездѣ эти прошенія.

Кончивъ подписи, Бибиковъ всталъ и направился къ дверямъ, при возобновившемся громѣ стульевъ, не поклонившись никому, но шелнавъ только что-то П—скому, который, весь согнувшись, за нимъ слѣдовалъ въ кабинетъ, гдѣ Бибиковъ имѣлъ ему два слова сказать. Вѣроятно эти два слова состояли въ выдачѣ П—скому нѣкоторой суммы денегъ съ категорическимъ приказаніемъ: „для раздачи“, безъ чего, какъ извѣстно, въ тѣ патріархальныя времена ничего и ничто ни для кого не дѣлалось по присутственнымъ мѣстамъ. Какъ бы то ни было, но минутъ такъ черезъ десять П—скій возвратился съ какимъ-то особенно радостно ликующимъ видомъ и тотчасъ устремился къ тому мѣсту гдѣ сидѣлъ на его креслѣ Бибиковъ. Онъ провелъ раза два съ какимъ-то неописаннымъ наслажденіемъ ладонями своими по зеленому сафьяну подушки, по ручкамъ и спинкѣ краснаго дерева и крикнулъ: „А—въ! Три листа большой бумаги пакетнаго формата.“ И когда онъ получилъ эти три листа въ аршинъ съ четвертью въ квадратъ, то вынулъ изъ панталоннаго кармана тоненькія красныя отъ пучковъ съ перьями бичовки, и тогда, покрывая кресла листами бумаги, тщательно обвязывалъ ихъ веревками. Затѣмъ онъ отставилъ кресло къ окну, взялъ простой свободный стулъ, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то очень важномъ, воскликнулъ:

— А гдѣ же перо которымъ его превосходительство Дмитрій Гавриловичъ извоилъ подписывать бумаги-то здѣсь? Гдѣ оно перо-то?

Я сложилъ это перо вмѣстѣ съ другими моими свѣжеочиненными перьями; но такъ какъ оно одно, хотя и вытертое вытиральною бабочкой, носило на кончикѣ своемъ слѣды чернилъ, мнѣ не трудно было его отыскать, и я поспѣшилъ утѣшить П—скаго, вручивъ ему это перо, столь для него важное. П—скій былъ въ восхищеніи, и тотчасъ завернулъ это перо въ тонкую почтовую бумагу и тщательно такимъ

образомъ залакованное спряталъ его въ свой массивный сафьянный книжникъ.

— Изволите видѣть, В. П., сказалъ онъ мнѣ,—это кресло и это перо будутъ мои реликвіумы навсегда. Благодарю васъ за перышко; я готовъ завтра же за него представить вамъ цѣлый пучокъ новенькихъ, свѣженькихъ перьевъ. А кресло я замѣню также точно такимъ же; я знаю того столяра Нѣмца который мебелировалъ весь департаментъ, у него есть точь въ точь такія кресла. На это кресло я велю сдѣлать изъ хорошаго дерева футляръ съ надписью: „Тутъ хранится кресло на которомъ сидѣлъ его пр—во Д. Г. Бибиковъ 20го августа 1834 года съ 3½ до 3¾ часа по полудни, подписывая бумаги на столѣ столоначальника П—скаго.“ Для пера же я сооружу серебряный футляръ съ подобною же надписью золотыми буквами. Ежели когда-нибудь женюсь и буду имѣть дѣтей, то завѣщаю дѣтямъ моимъ хранить и передавать старшему въ родѣ, по духовному завѣщанію, эти двѣ мои драгоценности. Да-съ, вамъ это кажется смѣшно, потому что вы всѣ молодые господа парле-франсе либеральничать изволите; а я уже не нынѣшняго лѣса кочерга и умѣю благоговѣть предъ всѣмъ что доказываетъ вниманіе и ласковость начальства; да еще какого-съ начальства-то! Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ! Легко сказать! А знаете ли что не сегодня завтра онъ министромъ будетъ!

На другой день весь департаментъ зналъ о происшествіи съ кресломъ и перомъ, и всѣ объ этомъ толковали, кто какъ о дѣяніи чиновничьей доблести, свидѣтельствующемъ о преданности П—скаго начальству; кто какъ о хитрой штуцѣ льстеца, поймавшего этимъ самымъ случай для своего возвышенія и выигрыша въ глазахъ начальства; кто какъ о забавномъ фарсѣ, достойномъ хохота по крайней мѣрѣ на цѣлый день. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я, передавшій этотъ случай, помнится, кому-то изъ знакомыхъ мнѣ въ ту пору стихократелей, который сотворилъ изъ моего разказа какое-то полуводевильное стихотвореньице, напечатанное имъ въ одномъ изъ тогдашнихъ альманаховъ. Припоминая теперь въ 1872 году этотъ казусъ, совершенный вполнѣ серіозно 1834 года усерднымъ столоначальникомъ, не могу не передать здѣсь того что по поводу этого обстоятельства было занесено мною тогда же на листкахъ моего дневника, какой я въ теченіи многихъ лѣтъ велъ для своего удовольствія. Вотъ что за 38 лѣтъ предъ симъ у меня было

написано: „Всѣхъ больше смѣялся сегодня надъ этимъ эксцентрическимъ поступкомъ помощникъ столоначальника Николай Еварестовичъ Писаревъ, который сталъ сближаться со мною съ того времени какъ узналъ что Д. Г. Бибиковъ разлюбилъ меня и что я больше не обѣдаю по воскресеньямъ у Дмитрія Гавриловича. Писаревъ очень не любезно относится о своемъ дальнемъ родственникѣ Дмитріи Гавриловичѣ, который съ своей стороны не упускаетъ случая, при назначеніи наградъ, явнымъ образомъ обходить Писарева и всячески ему тормозить дорогу.“ Наконецъ Писаревъ не вытерпѣлъ и, при содѣйствіи своего короткаго пріятеля, съ которымъ жилъ онъ тогда на одной квартирѣ и съ которымъ былъ, кажется, одноклассникомъ по Благородному Московскому Университетскому Пансіону, именно г. Войдеховича (нынѣшняго члена государственнаго совѣта), оставилъ службу по департаменту внѣшней торговли, постуливъ въ число секретарей къ графу Вас. Вас. Левашову, когда въ эту пору графъ назначенъ былъ Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генераль-губернаторомъ. Даровитый, ловкій и бойкій Писаревъ скоро сдѣлался необходимою для графа Левашова, поручившаго ему тогда управленіе всею канцеляріей. Въ короткое время Писаревъ узналъ юго-западный край и духъ польской интеллигенціи превосходно; но почему-то графъ Левашовъ, назначенный влослѣдствіи главнымъ управляющимъ новоизданнаго министерства государственнаго коннозаводства, не взялъ съ собою въ Петербургъ Писарева. Когда на мѣсто Левашова назначенъ былъ Бибиковъ, съ переименованіемъ изъ тайныхъ совѣтниковъ въ генераль-лейтенанты, Дмитрій Гавриловичъ пріѣхалъ въ Кіевъ какъ въ лѣсъ, и конечно очень былъ радъ, найдя тамъ Писарева, „правую“ руку своего предмѣстника и именно того самаго котораго за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ гнулъ въ бараній рогъ въ департаментѣ внѣшней торговли.

— Вы, Писаревъ, говорятъ, были правою рукой моего предмѣстника, сказалъ Бибиковъ Писареву, при первой встрѣчѣ въ Кіевѣ.—Будьте моею лѣвою, такъ какъ я потерялъ ее подъ Бородинымъ. Но *garage à vous*, ежели шуйца захочетъ быть дешицею. Послѣдствія этого сослужительства извѣстны и въ юго-западномъ краѣ, имя Бибикова произносится не иначе какъ съ воспоминаніемъ о любимцѣ его Писаревѣ, умѣвшемъ изъ лѣвой руки преобразиться въ правую и изъ непреклоннаго и славившагося желѣзною своею волей Дмитрія Гавриловича сдѣлать своего самаго расположеннаго благопріятеля.

VIII.

Наконецъ наступилъ вождельный день 22го августа 1834 года, когда назначена была поѣздка en société въ Удѣльное Земледѣльческое Училище на тотъ праздникъ который тамъ въ этотъ день, какъ извѣстно, долженъ былъ быть на радость и удовольствіе всего молодого населенія этого блестящаго заведенія. Я не пишу поденныхъ записокъ моихъ и не имѣю претензіи изображать здѣсь петербургскую жизнь того времени въ различныхъ ея фазахъ, почему и не стану разказывать о томъ, какъ пользуясь свободой отъ скучныхъ и даже, правду сказать, довольно нелѣпыхъ занятій по службѣ, я проводилъ мое праздничное утро, благодумствуя, не отправляясь въ департаментъ. Впрочемъ, разказъ этотъ, можетъ-быть, будетъ неіеуіѣстенъ въ другой какой-нибудь изъ многихъ моихъ ретроспективныхъ статей, скелеты и канвы которыхъ наполняютъ мой памятный портфель и ожидаютъ только случая и достаточнаго моего досуга для облеченія ихъ въ тотъ видъ въ какомъ я передаю мои работы въ печать. Итакъ, повторяю, согласно предварительному приглашенію мнѣ сдѣланному Маріей Александровной Крыжановской на ранній обѣдъ, я явился къ ней въ ея маленькой домашней гостиной ровно въ 2 часа по полудни и засталъ ее одну съ ея, по мужѣ, племянницей Александрой Андреевной Крыжановской, тогда двѣдѣцей лѣтъ двадцати, очень блѣдною, но съ живыми и выразительными темно-кариыми глазами. Александра Андреевна отличалась остроуміемъ, находчивостью, развязностію, при хорошемъ тонѣ, образованности весьма не дюжинной, при почти постоянной веселости и умѣнн такъ ловко держать себя, въ отношеніи къ своей теткѣ, дамѣ, правда, весьма доброй, милой и умной, но по временамъ, проявлявшей нѣкоторыя черты характера нѣсколько своеобразнаго и подъ часъ даже маленько капризнаго. Александра Андреевна гостила по нѣсколько недѣль у Марьи Александровны; но, сколько по крайней мѣрѣ извѣстно, никогда не подвергалась какимъ-нибудь непріятностямъ, благодаря своему уму тонкому и проицательному и своему милому, уживчивому характеру. Влѣдствіе этого Марья Александровна очень ее любила, и она сдѣлалась для нея какъ бы чѣмъ-то въ родѣ необходимости. Александра Андреевна приходилась сродни и Николаю Ивановичу Гречу, нѣчто въ родѣ троюродной племянницы, такъ какъ ея мать, Марья Павловна,

урожденная Безакъ, была двоюродная сестра Греча. Теперешній оренбургско-уфимскій генераль-губернаторъ родной братъ Александры Андреевны. Въ то время онъ былъ очень молодой офицеръ въ артиллерійскомъ училищѣ, кажется подпоручикъ, и бывалъ у Марьи Алексѣевны весьма рѣдко. По крайней мѣрѣ я, бывая тамъ преимущественно по пятницамъ, то есть въ назначенный день, никогда почти не встрѣчалъ на этихъ вечерахъ брата Александры Андреевны, отъ которой я слыхалъ, при разговорахъ, преимущественно въ танцахъ, что онъ бываетъ здѣсь иногда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Вскорѣ послѣ того какъ я вошелъ, Марья Алексѣевна успѣла мнѣ передать что братъ ея, Левъ Алексѣевичъ, велѣлъ устроить праздникъ по случаю торжественнаго дня коронаціи, въ самомъ національномъ видѣ и распорядился отпустить на это сумму довольно крупную изъ департаментскихъ, столь огромныхъ суммъ. Но самъ, платя дань служебнымъ обязанностямъ во дворцѣ, въ этотъ день едва ли пріѣдетъ на праздникъ своихъ „мальчиковъ“. Последнее слово, „мальчиковъ“, было, какъ я замѣтилъ, не безъ маленькой ироніи и тонкой улыбки произнесено Маріей Алексѣевной.

— А вотъ, Monsieur Вальсвитъ, сказала она, обращаясь исключительно ко мнѣ, — я не слишкомъ-то вамъ благодарна за то что вы устроили такъ чтобы съ нами ѣхалъ туда Николай Ивановичъ Гречъ. Вы знаете лучше многихъ его страсть къ насмѣшливости, въ чемъ вы являетесь, какъ сто разъ я вамъ говорила, его достойнымъ ученикомъ и подражателемъ. Онъ не утерпитъ чтобы не сказать тамъ какой-нибудь преѣдкой колкости насчетъ тамошнихъ порядковъ. Это тотчасъ дойдетъ до моего брата Léon, и, понимаете, произведетъ не совсѣмъ-то хорошій эффектъ: веселость праздника будетъ для меня померачена одною этою мыслью. Къ тому же Николай Ивановичъ ни съ того, ни съ сего составилъ себѣ дурное мнѣніе о Байковѣ и не сумѣетъ скрыть предъ нимъ своихъ чувствъ. А между тѣмъ мы должны понимать что вѣдь мы будемъ сегодня у Байкова въ гостяхъ. Но Николай Ивановичъ въ этихъ случаяхъ *est un véritable enfant terrible!*

— Удивительно мнѣ, Марія Алексѣевна, возразилъ я, — какъ вы столько лѣтъ уже зная Байкова и его характеръ можете опасаться какого-нибудь непріятнаго съ его стороны столкновенія съ человѣкомъ который его не жалуется, особенно если этотъ человѣкъ такой флюгеръ, каковъ нашъ Николай Ивановичъ. У

нашего Николая Ивановича все на раслашку, лишь бы давать волю своему языку и не задерживать никакою цензурой элиграммъ, какъ только онѣ взбредутъ въ голову. Байковъ же, напротивъ, хитеръ и пронырателенъ: повѣрьте что онѣ мигомъ насквозь проникнетъ съ первыхъ же словъ нашего публициста-острослова, который, помяните мое слово, тотчасъ отброситъ всѣ свои предубѣжденія и будетъ сегодня же однимъ изъ почитателей Байкова. Я Байкова почти еще не знаю; но однако я познакомился съ нимъ уже настолько, чтобъ утвердительно говорить что онѣ сумѣетъ побѣдить въ свою пользу, и не позже какъ сегодня, нерасположеніе Николая Ивановича, сдѣлавъ изъ своего порицателя самаго крикливаго прозелита. Но вотъ и онѣ самъ, мой почтеннѣйшій менторъ и журнальный принципаль.

Въ эту минуту въ другой комнатѣ, то-есть въ парадной гостиной, показался Николай Ивановичъ. Онѣ былъ въ синемъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и съ Владимірскимъ крестикомъ, довольно не граціозно прикрѣпленнымъ къ лѣвой петлицѣ фрака черно-красною лентой. Гречъ, по обыкновенію, шаркая и прыгивая шель быстро, и когда, при появленіи его Марія Алексѣевна сказала: „Lorsqu'on parle du soleil, on en voit les rayons!“ онѣ, съ обычными своими гримасками и ауськами, воскликнулъ:

— Это имѣетъ и другую редакцію, болѣе мнѣ приличную: „Lorsqu'on parle du loup, on en voit la queue“, а тутъ ужъ волкъ весь налицо съ queue, museau и dents.

— Чтобъ déchirer à belles dents все что сегодня на скромномъ сельскомъ праздникѣ Николай Ивановичъ увидитъ, примолвила Марья Алексѣевна.—Но сдѣлайте мнѣ одолженіе, любезный зоилъ и публицистъ, не выражайте ужъ слишкомъ рѣзко ваши насмѣшки сегодня. Я согласна что вашему критическому уму тамъ представится не мало лицъ для элиграммы; но Бога ради въ глаза-то не разите слишкомъ бѣднаго Байкова, котораго вы знаете только по дурной насмѣшкѣ и увидите сегодня въ первый разъ; а помните что, ежели вамъ непременно захочется насмѣхаться, то шепчите ваши элиграммы мнѣ и Александринѣ, и повѣрьте что мы ихъ примемъ съ наслажденіемъ, лишь бы не было publicité.

— Воля вашего превосходительства священна, сказалъ Гречъ, цѣлуя руку Марьи Алексѣевны,—ce que dame veut Гречъ le fait, продолжалъ онѣ, пародируя извѣстную поговорку: ce que femme veut,—Dieu veut. Но все-таки я долженъ вамъ сказать

что этотъ Байковъ, говорятъ, презлая штука и мастеръ ка-
дить начальству.

За обѣдомъ, бывшимъ въ четверомъ часу, Гречъ, какъ водит-
ся, былъ неистощимо говорливъ. Посреди толковъ и интим-
ныхъ сообщеній, пересылаемыхъ штучками и анекдотами,
вдругъ Александра Андреевна предложила своему родственни-
ку Николаю Ивановичу вопросъ:

— Что это, mon oncle, какъ вы сегодня расфранчены, да
и орденокъ-то свой прицѣпили?

— Ну; вотъ вы, chère Alexandrine, находите что я ужъ
даже и расфранченъ, говорилъ Гречъ,—да не далѣе какъ вчера
былъ я на обѣдѣ у почтеннѣйшаго Ваценко точь-въ-точь въ
томъ же фракѣ и жилетѣ, какъ сегодня, а тутъ случись такъ
что изъ фрачниковъ былъ одинъ я, потому что и самъ хозя-
инъ, хоть сенаторъ, но исходатайствовалъ право носить без-
смѣнно прежнюю форму военного министерства, съ которою и
не расстаётся. Вдругъ, когда ужъ было достаточно подпито,—
при всемъ обществѣ обращается ко мнѣ извѣстный различ-
ными своими проказами и фокусами разнаго рода генераль-
вагенмейстеръ покойнаго императора Александра Павло-
вича Афанасій Даниловичъ Соломко и кричитъ черезъ весь
столъ: „что это, батюшка Николай Ивановичъ, всѣ мы
здѣсь въ царской одеждѣ, при формѣ, какъ слѣдуетъ быть по-
рядочнымъ людямъ, одни вы словно саложникъ!“—Ну что та-
кому мудрецу отвѣчать, да еще когда у каждаго изъ насъ
больше или меньше гвоздикъ въ головѣ?—Я и сказалъ, засмѣ-
явшись: „да, да, ваше превосходительство, я саложникъ; всѣмъ
вамъ превосходительнымъ головы чиню!“

— Очень мило и каламбурно: „головы“, замѣтила Александра
Андреевна, которая сейчасъ послѣшила пояснить недоумѣвав-
шей немножко Марьѣ Алексѣевнѣ суть дѣла и значеніе калам-
бура, который не сразу былъ, правду сказать, тогда и мною
понятъ, такъ какъ и Марья Алексѣевна и я въ эту минуту
совсѣмъ забыли о существованіи другихъ головъ, кромѣ тѣхъ
которыя всѣми нами носятъ, съ большимъ или меньшимъ
успѣхомъ, между двумя плечами, а не составляютъ части салож-
ной обуви.

Въ пять часовъ пополудни мы выѣхали изъ Тагаринской ули-
цы, гдѣ домъ калитула орденовъ, часть котораго была подъ квар-
тирой орденскаго казначея генералъ-лейтенанта, а въ послѣдствіи

генерала-отъ-инфантеріи, Максима Константиновича Крыжановскаго. Мы сидѣли четверо въ четырехмѣстной каретѣ, запряженной четвернею дугомъ съ форрейторомъ, а за каретой въ лакейскомъ кабріолетѣ помѣщался гайдукъ-лакей въ обще-генеральской деньщицѣй ливрѣ съ треуголкой, украшенною широкимъ золотымъ галуномъ. Какъ теперь помню, Марья Алексѣевна посадила съ собою рядомъ на главныхъ мѣстахъ почтеннѣйшаго Н. И. Греча; Александра Андреевна и я сидѣли на переднихъ мѣстахъ, то-есть противъ нихъ. Разговоръ у насъ почему-то какъ-то мало клеился, и всѣ мы оживились только тогда когда, подѣхавъ къ Выборгской унтеръ-офицерской гауптвахтѣ и заѣхавъ за Новосильцовскою церковью, услышали сначала громогласное: „вонь!“ и увидѣли выстроившійся на платформѣ караулъ отъ какой-то артиллерійской учебной бригады, молоденькіе солдатики которой въ киверахъ съ красными помпонами держали тесаки наголо и дѣлали ими на караулъ. Въ то же время слышанъ былъ воскликъ: „подвысь!“ и карета наша благополучно проѣхала подъ шлахбаумъ. Это подало поводъ Гречу позабавиться почетомъ оказываемымъ каретѣ генерала, безъ присутствія въ ней его превосходительства, благодаря знаку, издали поданному рукой выѣзднымъ лакеемъ, сидѣвшимъ въ кабріолетѣ за каретой. Затѣмъ, по поводу крика „вонь“ Гречъ разказалъ что этотъ возгласъ для вызова караула введенъ былъ императоромъ Павломъ Петровичемъ, большимъ поклонникомъ всѣхъ прусскихъ военныхъ порядковъ.

— Штука эта въ Гатчинѣ у наслѣдника цесаревича, говорилъ Гречъ,—давно выдѣлывалась, но она была еще незнакома Петербургу. Въ первую же ночь проведенную Павломъ Петровичемъ какъ императоромъ въ Зимнемъ Дворцѣ, устроена была внутренняя, предъ кабинетомъ его величества, гауптвахта, караулъ въ которой занимали Гатчинцы. Поутру графиня, въ послѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Ливенъ, воспитательница и оберъ-гофмейстерина великихъ княгинь, ничего не зная не вѣдая о новыхъ порядкахъ и обрядностяхъ съ прусскимъ типомъ, вела великихъ княженъ къ ихъ родителю для пожеланія его величеству добраго утра. Едва ея сіятельство графиня Ливенъ съ ихъ высочествами, своими питомицами, идя по огромной залѣ, стала подходить къ дверямъ кабинета, состоявшаго изъ нѣсколькихъ комнатъ,—какъ вдругъ караульный въ

превысокой шляпѣ, снѣгоподобно напудренный и съ длинною косою, гаркнулъ что было мочи въ его солдатской могучей глоткѣ: „вонь!“ и тогда откуда ни возьмись двадцать такихъ же напудренныхъ воиновъ въ высокихъ шляпахъ съ ружьями выстроились и выкинули на караулъ. Гжа Ливень, зная по русски немного, но хорошо понимая слово „вонь“, подумала что ей и царскимъ дочерямъ велятъ убираться вонъ, почему смущенная, испуганная, схватила августѣйшихъ дѣтей за руки и быстро побѣжала назадъ. Едва сладили объяснить ей что этотъ крикъ есть вызовъ караула для отданія чести ея царственнымъ питомицамъ. Хотя въ другой части дворца въ это время въ златокованномъ парчевомъ гробѣ подъ императорскою мантіей и подъ огромнымъ балдахиномъ покоилось тѣло недавно преставившейся императрицы Екатерины II, а потому во дворцѣ царяла форменная траурность, при которой всякая улыбка была контрабандой, — императрица Марія Ѳеодоровна и самъ, всегда пасмурный, императоръ Павелъ Петровичъ не могли воздержаться отъ искренняго смѣха, узнавъ о происшествіи. Часъ спустя послѣ этого случая, сдѣлавшагося мигомъ фабулою всего дворца, а потомъ и столицы, императоръ въ этой же залѣ, похожей по величинѣ своей на городскую площадь, объяснялъ графинѣ Ливень и дочерямъ своимъ въ чемъ суть налугавшаго ихъ дѣла, приказавъ разъ пять, для опыта, выкликать караулъ изъ караулни. Въ послѣдствіи когда фельдмаршалъ Суворовъ, получившій въ своей новгородской деревушкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ пѣлъ на клиросѣ съ дьячками, то знаменитое письмо Павла, начинавшееся словами: „Иди спасать царей“, прискакалъ на курьерской тройкѣ въ Петербургъ, и желая какъ можно поскорѣе видѣть монарха, бойкою своею рысцою пробѣгалъ по безконечной залѣ, то, услышавъ воскликъ: „вонь!“ со всѣхъ ногъ кинулся назадъ и объявилъ старавшемуся поймать его графу Кутайсову: „Помилуй Богъ! Бѣда! Слѣшу облобызать десницу царя земнаго, а драбантъ въ нѣмецкомъ мундирѣ гонить меня прочь и кричить: „вонь!“ и вотъ я давай Богъ ноги! Въ первый разъ въ жизни на себѣ узналъ что такое ретирада. Помилуй Богъ! Вѣкъ живи, а все-таки не все узнаешь и не совсѣмъ разумникомъ умрешь!“

Среди этихъ разказовъ Греча, сопровождавшаго ихъ претворительными жестами и игрой подвижной своей курносой физиономіи съ умными глазами, блиставшими за свѣтлыми

стеклами очковъ, мы проѣхали извѣстное уже читателю пространство отдѣлявшее строеніе училища отъ дороги, и повернули на длинный проспектъ, ведущій къ заведенію. Слухъ нашъ былъ пораженъ громкою полковою музыкой, звуки которой неслись изъ училища и сливались съ веселыми русскими пѣснями. Гречь, никогда не видавшій заведенія этого, высунулся изъ окна съ опущеннымъ стекломъ и сказалъ, обращаясь къ Маріи Алексѣевнѣ:

— Да это и впрямь нѣчто очень красивое въ своемъ родѣ, съ множествомъ домовъ бѣлыхъ съ зелеными крышами, тонущихъ въ садахъ и рощицахъ, словомъ, такихъ какими задавалось поэтическое воображеніе Жанъ-Жака Руссо. А какое тамъ замѣтно движеніе! Какая жизнь! Что-то въ родѣ ярмарки! Спасибо вамъ, ваше превосходительство, что везете меня въ это игрушечное селеніе, по убѣжденію моему, бесполезное, но побывать въ которомъ, кажется, ужь издали усладительно!

— Окажите жь мнѣ за это услугу: такъ какъ вы, Николай Ивановичъ, улыбнулась Марія Алексѣевна,—высунулись на полкорпуса, то потрудитесь сказать мнѣ, отворены ли или закрыты чугунныя ворота?

— Настежь, настежь отворены! вскрикнулъ Николай Ивановичъ, продолжавшій въ своей позитурѣ, до половины туловища внѣ окна, обозрѣвать интересовавшее его зрѣлище.—И сколько экилажей, каретъ, калясокъ, дрожекъ, телѣжекъ на площадкѣ у рѣшетки!

— Сдѣлайте одолженіе прикажите кучеру не останавливаться у воротъ, а въѣхать и выѣхать сильною рысью, не по архіерейски, какъ онъ тащится, прямо на училищный дворъ, который величиною немного поменьше Царицына Луга, продиктовала Марья Алексѣевна, съ видомъ немножко гордымъ и значительнымъ.

Приказаніе ея превосходительства было передано сивобородому кучеру, крикнувшему то же самое молоденькому четырнадцатилѣтнему форрейтеру,—и мы быстро понеслись, минутой черезъ три остановясь на срединѣ двора. Я выскочилъ первый, чтобы вмѣстѣ съ гайдукомъ-лакеемъ посадить дамъ, но едва сталъ я у дверцы, какъ тутъ явился самъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ, въ мундирѣ съ вышитымъ золотомъ бархатымъ свѣтло-зеленымъ воротникомъ и такими же блестящими обшлагами, со всеми имѣвшимися у него тогда регаліями,

изъ которыхъ орденъ Св. Анны 2й ст. былъ впереди всѣхъ другихъ.

— Нашъ праздникъ былъ бы не въ праздникъ, воскликнулъ Байковъ, — ежели бы ваше превосходительство не захотѣли замѣнить намъ его превосходительство Льва Алексѣевича, нашего благодѣтеля и начальника! и вслѣдъ за симъ почтительнѣйше подѣловалъ ручку Маріи Алексѣевны, которая, поправляя свои пышные наряды, при содѣйствіи племянницы Александры Андреевны, сказала:

— А я къ вамъ привезла гостя, давно вами желаннаго, Матвѣй Андреевичъ. Я васъ познакомлю, продолжала она, обращаясь къ Гречу: — Николай Ивановичъ, вотъ директоръ училища статскій совѣтникъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ, и потому, взглянувъ на Байкова, — Николай Ивановичъ Гречъ, чина котораго право я не помню, а знаю что онъ злой журналистъ и, ежели вѣрить моему пріятелю Ивану Никитичу Скобелеву, генераль-фельдмаршалъ русской грамматики.

— Генералиссимусъ русскаго языка, русскаго литературы, правильного русскаго движенія впередъ, благотворное свѣтило, озаряющее насъ всѣхъ чисто русскимъ просвѣщеніемъ и чисто русскою грамотностью! воскликнулъ съ напускнымъ, но искусно разыграннымъ видомъ чистосердечнаго восхищенія ловкій Матвѣй Андреевичъ, схватившій съ умиленіемъ поданную ему Гречемъ руку и прижимавшій ее къ сердцу.

Мелькомъ я взглянулъ на лицо Греча, и не могъ не замѣтить что слова басни Крылова: „И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ“ не на вѣтеръ были сказаны, и что возгласъ Байкова не прошелъ даромъ.

Хоръ военной музыки гремѣлъ посреди двора, наполненнаго воспитанниками въ чистыхъ сѣрыхъ форменныхъ кафтанахъ, расхаживавшихъ очень свободно маленькими толпами въ живописномъ безпорядкѣ, перемѣшавшись съ публикой, пріѣхавшею съ дачъ, и съ семействомъ Байкова, которое тотчасъ было имъ представлено Марьѣ Алексѣевнѣ и Николаю Ивановичу. Въ это же время кое-кто изъ бывшихъ тутъ окрестныхъ дачниковъ, изъ Лѣснаго и изъ Колымяни, знакомыхъ Марьѣ Алексѣевнѣ и Гречу, знакомому со всѣмъ городомъ, подошли къ намъ и довольно тѣсно присоединились къ нашей группѣ. Но всего важнѣе было то что членъ департамента удѣловъ, сѣдовласый и очень величественный, а еще болѣе тучный, дѣйствительный статскій совѣтникъ Яценко, въ мундирѣ, звѣздѣ и Станиславской

лентѣ черезъ плечо, подошелъ къ Марьѣ Алексѣевнѣ съ почтительнымъ поклономъ, какъ бы передавая ей свою тутъ роль перваго персонажа, представителя главнаго отсутствующаго начальника. Марья Алексѣевна знала его, этого стараго бюрократа, и вступила съ нимъ въ разговоръ, тихо подвигаясь по деревянному, безконечному тротуару, уставленному по сторонамъ столами, крытыми ширинками. Надъ каждымъ такимъ столомъ былъ навѣсъ въ видѣ палатки съ какою-нибудь надписью: *пряники; коврижки; маковники; леденцы; конфекты; орѣхи; яблоки; крыжовники; черносливъ; изюмъ; шептала; винная ягода; калачи и сайки; квасъ малиновый; медъ питный; пиво нехмельное* и пр. и пр. За каждымъ столомъ у вѣсовъ сидѣлъ воспитанникъ, въ цвѣтной рубахѣ голубой, розовой, лиловой, желтой, красной или пестрой съ фартукомъ, у кого бѣлымъ, а у кого съ вычурными цвѣтами или какими-то птицами и звѣрями, на подобіе фартуковъ деревенскихъ маркитантовъ, бывшихъ въ тѣ времена. Воспитанникамъ вмѣсто денегъ роздано было многое множество жестяныхъ жетончиковъ, но не по равному количеству, а чѣмъ кто богаче балами за ученье, мастерства, хозяйственныя работы и поведеніе, тотъ больше жетончиковъ имѣлъ. Такъ иные „мальчики“ таскали съ собою цѣлые мѣшки съ двумя, тремя сотнями жетончиковъ. Достойно вниманія что такіе богачи дѣлились съ тѣми изъ товарищей которые были любѣднѣе, давая эти знаки въ долгъ, съ тѣмъ чтобы въ будущій праздникъ надѣляемые этими знаками непременно отдали свой долгъ, постаравшись имѣть побольше баловъ. Покупка сластей производилась весело, и при этомъ многіе изъ воспитанниковъ, особенно такіе которые были знакомы съ промысловою жизнью береговъ Волги и вообще волжскихъ городовъ, громко говорили разныя шутки, разумѣется не слишкомъ разнузданнаго свойства, разказывали разныя деревенскіе анекдоты, даже повѣствовали цѣлыя рапсоды и сказки далекой мѣстной фабрикаціи. Все это дѣлалось такъ натурально что никому не въ домекъ было что всѣ эти разговоры, разказы, шутки не что иное какъ цѣлая піеска, предварительно приготовленная, и что какой-нибудь Иванъ говоритъ свою рѣчь имъ задолбленную, и никакъ не сумѣетъ теперь говорить то что говоритъ на примѣръ Семень. Я самъ тогда находился подъ обаяніемъ естественности и непринужденности, какъ и всѣ, и ежели поднимаю теперь завѣсу съ этого, впрочемъ, безвреднаго шарлатанства, то только потому что

я о немъ узналъ въ послѣдствіи, тогда уже когда состоялъ самъ помощникомъ директора этого заведенія, съ апрѣля мѣсяца 1839 года. Матвѣй Андреевичъ Байковъ немедленно завладѣлъ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, подлѣ котораго я шелъ, и разказывалъ ему турусы на колесахъ о своемъ заведеніи такъ мастерски, такъ мило, такъ отчетливо вкратцѣ и живописно что когда онъ какъ-то на пять минутъ отъ насъ для чего-то отдѣлился, то Гречъ сказалъ мнѣ полуселотомъ:

— Это въ самомъ дѣлѣ премило! Олишите, олишите заведеніе это для *Пчелы*, В. П.—вичъ.

Трое дежурныхъ сотскихъ въ своихъ зеленыхъ кафтанахъ съ красными кушаками, да человѣкъ семь учителей, въ длиннополыхъ какъ бы кунтушахъ съ галунами по груди и въ цилиндричныхъ круглыхъ шляпахъ, шныряли вездѣ и безпрестанно проходили мимо Байкова, встрѣчая взгляды его зоркихъ глазъ. Это все были живые телеграфы, долженствующіе передавать всѣ приказанія директора быстро, безъ суеты, по предварительно приготовленному имъ плану; но никому изъ бывшихъ тутъ посѣтителей, наблюдательному и остроумному Гречу меньше, можетъ-быть, другихъ приходило въ голову что все то что они видятъ и слышатъ не импровизовано и не есть проявленіе свободныхъ дѣйствій самихъ воспитанниковъ, веселящихся, кажется, такъ естественно и такъ нараспашку, тогда какъ на дѣлѣ, повторяю сказанное выше, самое ихъ веселье, ихъ смѣхъ, ихъ разказы и лѣсни были результатами программы предварительно обдуманной и ловко подготовленной.

Вдругъ откуда-то послышался звукъ весьма негармоничный какого-то деревяннаго барабана и какой-то пискливой дудочки, заставившій мигомъ военную музыку и лѣсни умолкнуть.

— Что это такое? спросилъ Гречъ. — Ваши воспитанники куда-то бросились бѣжать?

— Ахъ! сказалъ, смѣясь, Байковъ, — это видно они, проказники, отыскиали странствующаго жоака медвѣдей и ведутъ ихъ сюда.

Дѣйствительно, воспитанники бросили лакомые столики и со всѣхъ ногъ мимо начальства, какъ бы никого не замѣчая, бѣжали навстрѣчу интереснаго для нихъ новаго зрѣлища. Дѣло скоро объяснилось, потому что густая толпа двинувшаяся къ воротамъ возвращалась къ тому мѣсту гдѣ остановились противъ больницы, то-есть въ концѣ двора, въ многочисленной группѣ всѣ почетнѣйшіе посѣтители, въ числѣ которыхъ очень

рельефно выдавалась, въ своемъ изящномъ свѣтло-голубомъ костюмѣ съ бѣлою шляпкой острвенною страусовыми перьями, Марья Алексѣевна. Барабанъ и дудочка гудѣли ужасно среди общаго хохота и восклицаній толпы. Можно было только слышать слова: „Михаилъ Ивановичъ Толтыгинъ съ супругой Мареѳой Сидоровной и холопка ихъ козочка Машка Патрикѣевна!“

Къ намъ подошли воспитанники, окружившіе насъ какъ бы цѣлью, и вдругъ предъ нами явился мужичонка въ дрянномъ полусубкѣ, маленькій, приземистый, сгорбленный, гнусливо восклицавшій:

— Михаилъ Ивановичъ Толтыгинъ съ супругой Мареѳой Сидоровной и служительницей Машкой Патрикѣевной на праздничекъ радостный пожаловали и свои искусства показать хотятъ!

При этомъ мужичонка, мастерски костюмированный и гримированный воспитанникъ Медвѣдевъ, нѣкогда у себя дома водившій медвѣдей, какъ я уже говорилъ объ этомъ, описывая музей сельскихъ инструментовъ, кланялся на всѣ стороны и началъ свою столь многимъ русскимъ людямъ извѣстную рапсодію, гдѣ-то, помнится, въ своихъ сочиненіяхъ переданную искусно Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ. Медвѣдъ и медвѣдица ходили на заднихъ лапахъ и ломали извѣстную народную комедію, а коза, также на заднихъ ногахъ, съ позолоченными рожками, приплясывала и прискакивала, играя на дудочкѣ. Медвѣди показывали разныя штуки, какъ съ ружьями солдаты ходятъ, какъ инженеры мосты мостятъ, какъ подбѣжій въ судъ деньги у просителей вымогаетъ, какъ Михаилъ Ивановичъ съ Мареѳой Сидоровной русскую пляшутъ, причемъ Михаилу Ивановичу подана была поярковая шляпа съ павлинымъ перомъ, а Марѣѳа Сидоровна розовый повойникъ. Пляска была исполнена на славу и заслужила громкіе аплодисменты не только воспитанниковъ, но и музыкантовъ двухъ военныхъ хоровъ отъ учебной артиллерійской бригады и отъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка. Молоденькіе артиллерійскіе кантонисты и величественные гренандеры въ своихъ киверахъ съ красными музыкантскими султанами и басонными рукавами мундировъ были въ восхищеніи отъ „шликтаклія“. Образованная часть лублики также очень смѣялась и предлагала Мишкѣ и Мареушкѣ ягоды, яблоки, орѣхи и пряники, принесенные на большихъ деревянныхъ подносахъ сотскими съ лакомыхъ столиковъ. Медвѣди грызли орѣхи мастерски, кидая скорлупой въ толпу воспитанниковъ. Въ видѣ благодарности

за угощеніе, медвѣдь сталъ по-медвѣжьи обнимать свою супругу и пробовать съ нею туръ вальса на пескѣ. Тогда медвѣжьій вожакъ предложилъ господину Толтыгину не лускаться въ басурманщину, а „какъ патріоту“, пролясать трепака. Этотъ трепакъ привелъ всѣхъ въ восторгъ. По окончаніи такихъ продѣлокъ медвѣди, разыгрывая усталость, разлеглись и жемами и ревомъ велѣли плясать козѣ Мамкѣ, которая начала прыгать презабавно. Коза очевидно былъ одинъ паренекъ, не скрывшій своихъ смазныхъ сапогъ; а ужъ что касается до медвѣдей, то ихъ костюмировка была поразительна своею натуральностью. Костюмы эти, по распоряженію высшаго начальства, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ и театръ, были доставлены изъ костюмернаго дело театральной дирекціи. Скрывшіеся подъ ними „мальчики“ изображали медвѣдей до того искусно что иллюзія долго не проходила даже у зрителей развитыхъ и привыкшихъ къ театральнымъ представленіямъ. Байковъ, съ разрѣшенія Марьи Алексѣевны, приказалъ медвѣдямъ сдѣлаться, по волѣ ея превосходительства сестры господина вице-президента, людьми, и вотъ сотскіе и учителя принялись разстегивать крючки и пуговицы костюмовъ и снимать маски съ актеровъ, которые сконфуженные предстали предъ публикой. Это были паренки изъ самыхъ молодыхъ воспитанниковъ, лѣтъ по 17 каждый, свѣженькіе, прехорошенькіе мальчики, страшно раскраснѣвшіеся подъ мѣховыми масками и представшіе теперь въ бѣлыхъ рубахахъ и тиковыхъ шароварахъ на босу ногу. Имъ надавали множество сластей и очень ихъ ласкали; а одна изъ бывшихъ тутъ дачныхъ дамъ, барыня лѣтъ сорока, такъ восхитилась этими двумя свѣженькими съ разгорѣвшимися ярко-розовыми щеками русскими паренками что на своемъ невозможномъ французскомъ діалектѣ объявила во всеуслышаніе:

— Се гарсонъ сонъ ллю жолі ке ту ле зоффисіе. *

Однако скоро эта сцена замѣнилась другою, не представлявшею впрочемъ собою такого интереса: это была всѣмъ Петербуржцамъ извѣстная бѣленькая, разукрашенная перьями, бархатомъ и фольгой корсиканская лошадка, дожившая до маѳусаиловыхъ годовъ въ нашей столицѣ и весьма недавно исчезнувшая, вѣроятно, отошедшая въ вѣчность. Она,

* Эти парни прелестіѣ всѣхъ офицеровъ.

какъ слѣдовало быть, показывала часы, годы, цифру монетъ и прочее, а также исполняла по голосу хозяина всѣ аллюры, ходила на заднихъ ногахъ, носила поноску, представляла скачку съ препятствіями съ обезьяной, одѣтою жокеемъ, на слитѣ, притворялась мертвою и пр. и пр. и пр., всего не перечесть. Воспитанники дивомъ этимъ восхищались отъ души и вполне откровенно, уже безъ всякой предвзятой программы для выраженія смѣха и радости. Но Байковъ умѣлъ воспользоваться инстинктомъ способной лошадки, доведеннымъ ученіемъ до окончательнаго совершенства, чтобы сказать тутъ же воспитанникамъ, съ разрѣшенія Маріи Алексѣевны, маленькій слитъ о томъ что ежели безсловесное животное могло выучиться всему, то людямъ не только стыдно, да и грѣшно не хотѣть учиться.

Едва кончила свои представленія бѣлая лошадка, и ея хозяинъ Итальянецъ, нанятый предварительно, удалялся съ нею, какъ вдругъ двое изъ сотскихъ явились предъ нами на своихъ рыляныхъ казакскихъ коняхъ, принесясь во весь опоръ. — Ваше высокородіе, говорилъ запыхавшійся одинъ сотскій, снявъ шляпу и остановившись предъ директоромъ, — Колымага горитъ.

Какъ, спросилъ Гречъ, имѣніе графини Орловой-Денисовой-Никитиной что рядомъ съ вами?

— Да, отвѣчалъ Байковъ, и хотя мы въ безопасности, отдѣленные отъ нихъ ихъ же полями; но все-таки не мѣшало бы помочь имъ нашими трубами.

— Ради Бога помогите, вскричалъ Гречъ, — тамъ живетъ мой добрый Рейфъ на дачѣ и у него гостить чудакъ мой Гасфельдъ. Я самъ пойду туда съ вашими трубами.

— Мой экипажъ къ вашимъ услугамъ, Николай Ивановичъ, сказалъ Байковъ, — мы поѣдемъ вмѣстѣ. Я долженъ, я не могу не ѣхать.

Но вслѣдъ за этимъ, онъ обратился къ Марѣ Алексѣевнѣ: — Ваше превосходительство! дозволейте мнѣ отлучиться на пожаръ въ Колымагѣ, куда и часть „мальчиговъ“ пойдетъ.

— Распоряжайтесь какъ знаете, Матвѣй Андреевичъ, сказала Марья Алексѣевна, — но такъ-какъ карета моя вѣроятно стоитъ въ упряжи и лошади только-что разузданы, то и я бы охотно туда съ Alexandrine поѣхала, чтобы видѣть изумительное дѣйствіе вашей пожарной команды, о которой слышала такъ много чудеснаго. Но что это за грохотъ?

— Это вывѣзжаютъ наши трубы и бочки и направляются на проспектъ, ваше превосходительство! отвѣтилъ Байковъ скороговоркой и быстро пошелъ къ воротамъ. Н. И. Гречъ, я и еще нѣсколько человѣкъ изъ публики за нимъ послѣдно послѣдовали. Трубы и бочки, окруженныя лѣвшимъ и коннымъ людомъ съ сотскимъ на конѣ впереди обоза,—на минутку пріостановились у самыхъ распахнутыхъ настежь воротъ, чтобы получить приказанія директора, пролетка котораго запряженная тройкой уже подѣхала, и онъ готовъ былъ уѣхать подлѣ Н. И. Греча, сидѣвшаго уже въ экипажѣ и выражавшаго громко свое восхищеніе, при видѣ этого великолѣпнаго пожарнаго обоза съ лихою командой, составленною изъ молодежи.

— Честь и слава Льву Алексѣевичу Перовскому, говорилъ онъ,—что умѣлъ выбрать Матвѣя Андреевича Байкова! И Байковъ принималъ видъ скромности, пожимая руку Николая Ивановича и сядя въ пролетку какъ былъ въ мундирѣ съ баландающею плажонкой на цѣпочкѣ. Но вдругъ онъ спросилъ, соскокнувшаго съ коня и вытянувшагося предъ нимъ унтеръ-офицера, служащаго при училищѣ:—Что такое, Синельниковъ?

— Я, ваше высокородіе, сію минуту изъ Колымагъ, куда ѣздилъ на Колчикѣ (показывая глазами на темно-сѣраго степнячка, котораго онъ держалъ въ поводу). Тамъ пожаръ былъ пустяшный и погашенъ домашними, то-есть-съ, средствами. А его сіятельство флигель-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, помѣщикъ-съ, очень приказали ваше высокородіе благодарить за то что предложили помощь нашей пожарной команды, которая, кажись, и Москву въ Двѣнадцатомъ году потушила бы.

— И прекрасно! воскликнулъ Байковъ, сойдя съ пролетки.— Однако, вотъ что, пусть весь обозъ и вся команда въ глазахъ ихъ превосходительствъ Марьи Алексѣевны и господина члена департамента, а также и всѣхъ почтенныхъ посѣтителей проѣдетъ по двору, сначала шагомъ, потомъ рысью и наконецъ во весь опоръ, въ карьеръ.

Этотъ маневръ былъ всѣмъ, то-есть и зрителямъ и дѣйствующимъ, по сердцу какъ нельзя болѣе. Воспитанники очевидно тѣшеславились училищными трубами, бочками, лѣстницами, щитами и всѣми снарядами. Марья Алексѣевна аплодировала и восхищалась, публика вторила громкими рукоплесканіями, а нашъ Николай Ивановичъ просто прыгалъ отъ неподдѣльнаго удовольствія, при видѣ этого истинно прелестнаго

шествія образцоваго сельскаго пожарнаго обоза, двигавшагося и маневрировавшаго, повидимому, безъ всякой команды, потому что всю команду, уже впередъ извѣстную, знаками, ими крѣпко заученными, передавали верховые сотскіе, гарцовавшіе по бокамъ. Байковъ подошелъ къ Гречу и такимъ шепотомъ, который былъ слышенъ въ двадцати шагахъ, сказалъ:—Цѣню высоко, Николай Ивановичъ, преимущественно ваше одобреніе.

— Да, помилуйте, какъ же не хвалить все то что я вижу!... Главное, кричалъ Гречъ,—что лѣнится меня у васъ, Матвѣй Андреевичъ, это то что всѣ ваши воспитанники, очевидно, страстно привязаны къ своему дѣлу и имъ занимаются съ искреннею любовью. Я, право, едва ли не впервые только у васъ вижу все то что теперь вижу!

Между тѣмъ воспитанники, совершивъ три тура съ обозомъ и послѣдній, какъ сказано, во весь опоръ,—остановились противъ директорскаго крыльца, внизу котораго на креслахъ, вынесенныхъ изъ дома, сидѣла Марья Алексѣевна, окруженная почетнѣйшими гостями. Обозъ образовалъ живописное полукаре. Всякій шумъ и говоръ умолкли, и изъ среды воспитанниковъ отдѣлился старшій изъ нихъ, высокій, широкоплечій, здоровенный двадцатилѣтній парень, уже намъ знакомый церковный староста Федосей Кузьминъ, и въ поясъ поклонясь директору, сказалъ:

— Ваше высокородіе! Отъ имени всѣхъ моихъ товарищей и по общему ихъ порученію, прошу вашего дозволенія сказать предъ превосходительными, высокородными, высокоблагородными, благородными и всѣхъ сословій нашими сегодняшними гостями, нѣсколько словъ для объясненія чувствъ наполняющихъ сердца наши въ сіи счастливыя минуты, для насъ незабвенныя.

Марія Алексѣевна и нѣкоторыя дамы воскликнули: „C'est charmant!“ а въ массѣ лублики загремѣло громкое: „Браво! браво! молодцы!“

— Гости наши, сказалъ Байковъ,—такъ снисходительны, что готовы выслушать то что вы, ребята, отъ сердца высказать хотите; но я за васъ прошу снисхожденія, потому что наше училище едва только начинаетъ свою жизнь, и изъ числа почти трехсотъ парней, предстоящихъ предъ вами, милостивые государи и государыни, почти двѣ трети за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ не только были безграмотны, но не умѣли правой своей руки отличить отъ лѣвой.

Мнѣ, при этомъ, припомнился скелтическій разказъ моего петербургскаго возницы, знавшаго совсѣмъ не то что заявлялъ директоръ, который теперь, обратясь къ Кузьмину, сказалъ:

— Говори, Кузьминъ, говори такъ какъ Богъ тебѣ и товарищамъ твоимъ на сердце положилъ.

Тогда Кузьминъ, снова поклонясь и устремивъ глаза въ ту сторону гдѣ возсѣдали почетные гости и гостыи, которымъ въ это время наемные офиціанты въ бѣлыхъ галетукахъ и жилетахъ и какихъ-то ливрейныхъ фракахъ разносили чай, сказалъ, отчеканивая ясно каждое слово:

— Сегодняшній день радостенъ для насъ въ особенности потому что мы празднуемъ вмѣстѣ со всею нашею любезною родиною, Россіей, счастливое для всѣхъ насъ за восемь лѣтъ предъ симъ бывшее торжество помазанія на царство нашего обожаемаго царя, государя императора Николая Павловича самодержца всея Россіи. И день этотъ у насъ въ училищѣ ознаменованъ первымъ публичнымъ празднествомъ, собравшимъ къ намъ много какъ любезныхъ для насъ, такъ высокопочтенныхъ гостей, изъ числа коихъ видимъ: ея превосходительство сестру нашего благотворителя и начальника господина вице-президента; его превосходительство одного изъ его помощниковъ, генерала Яценко и неожиданно удостоившаго насъ своимъ посѣщеніемъ, знаменитаго отечественнаго писателя и зиждителя правильной русской грамотности, его высокородіе Николая Ивановича Греча. Всѣ эти наши сегодняшніе гости къ намъ необыкновенно милостивы и снисходительны, всѣ они насъ одобряютъ въ нашихъ начинаніяхъ и удивляются всему тому что менѣе нежели въ годъ времени мы успѣли совершить, при помощи Божіей и при содѣйствіи нашихъ наставниковъ, руководимыхъ нашимъ отцомъ-начальникомъ Матвѣемъ Андреевичемъ Байковымъ. Но ежели мы дѣлаемъ такіе во всемъ успѣхи, то, конечно, все-таки благодаря попеченіямъ о насъ начальства, во главѣ коего стоятъ его свѣтлость министръ двора и удѣловъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій и неустанный, ревностный сотрудникъ свѣтлѣйшаго князя, его превосходительство господинъ вице-президентъ, гофмейстеръ и сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Безъ такого начальства ничего бы того не было, что свершилось съ нами. Но кто же, спрашиваемъ, кто же избралъ сіе попечительное о насъ почти 300 сыновьяхъ удѣльныхъ крестьянъ начальство? Кто какъ не Богопомазанный за восемь лѣтъ предъ симъ на царство въ первопрестольной

Москвѣ нашъ державный и августѣйшій помѣщикъ, государь императоръ Николай Павловичъ, къ которому денно и нощно должны стремиться всѣ наши помышленія, среди коихъ мы, обращаясь къ Господу нашему Всемогущему, возносимъ отъ всего сердца гласъ нашъ съ молитвою: *Боже Царя храни!*

Въ этотъ мигъ, хоръ пѣвчихъ, бывший наготовѣ, грянулъ этотъ патріотическій гимнъ, подхваченный всѣми воспитанниками и даже почитателями, вставшими и обнажившими головы.

По окончаніи гимна гости осыпали воспитанниковъ искренними и заслуженными ими похвалами; а Николай Ивановичъ не щадилъ самыхъ восторженныхъ похвалъ:

— Ну ужъ слычь-то воспитанника, прибавилъ онъ, подхвативъ меня и увлекши въ сторону, — воля ваша, припахиваетъ бурсою и непременно есть произведеніе пера здѣшняго пола, который вонъ тутъ около насъ такъ умильно разглаживаетъ свою бородину лопатой.

Мой скептикъ извожикъ вертѣлся въ это время въ моей памяти неотвязно, но я ничего не сказавъ Гречу, просилъ его только, по возможности, до того какъ опять сядемъ въ карету для обратнаго шествія въ городъ, — приудержать свои мысли вслухъ и продолжать свою роль любезнаго хвалителя. Однако онъ не утерпѣлъ, и при мнѣ сказалъ то же самое М. А. Байкову, хотя въ болѣе мягкой формѣ; но Байковъ увѣрялъ что тутъ священникъ и учителя не при чемъ. Онъ впрочемъ не лгалъ, потому что слычь этотъ, повидимому, былъ имъ самимъ наскоро лоутру еще настроченъ, въ одно изъ кратковременныхъ его улетучиваній изъ церкви во время обѣдни. Съ тѣхъ поръ Феодосей Кузьминъ упражнялся въ задалбливаніи этого привѣтствія воспитанниковъ.

Вслѣдъ за гимномъ воспитанники, какъ это бывало всегда со стереотипною однообразностью, пѣли разныя другія пѣсни и въ заключеніе спектакля, какъ то было въ первый мой пріѣздъ, окончили самыми захватскими пѣснями, причемъ нѣкоторые изъ „мальчиковъ“ пустились въ плясъ самаго національнаго закала, что въобщемъ восхитило все общество и самихъ воспитанниковъ. Между тѣмъ трубы и бочки уфхали съ веселыми пѣснями, и такъ какъ изрядно стемнѣло уже, то отчасти руками нарочно нанятыхъ людей-спеціалистовъ, отчасти воспитанниковъ, имъ усердно помогавшихъ, зажглась преизрядная иллюминація, ярко озарившая весь огромный училищный дворъ и отливавшая свое зарево даже на Выборгскую

дорогу, по которой всѣ ѣхавшіе невольно останавливались; но рогатка у вѣзда была закинута и безполезныхъ любопытныхъ въ заведеніе не пускали. Находившаяся же здѣсь публика, воспитанники, мастера съ своими семьями и гостями простолюдинами и училищные учителя въ полуіезуитскихъ, полурусскихъ своихъ костюмахъ расхаживали по иллюминаціи, освѣщавшей и импровизованныя лалатки, въ которыхъ воспитанники и простолюдины угощались изъ огромныхъ дымящихся самоваровъ ароматнымъ сбитнемъ съ сладкими пирогами. Я уже познакомился съ нѣкоторыми изъ воспитанниковъ, конечно, наиболѣе развитыми, которымъ привезъ дюжины двѣ, купленныхъ мною въ Гороховой, нравоучительныхъ книжекъ, преимущественно съ житіями различныхъ святыхъ угодниковъ, за неимѣніемъ въ ту пору въ нашей литературѣ настоящихъ русскихъ народныхъ книгъ въ родѣ, напримѣръ, *Пчелы* г. Щербины, изданной гораздо въ послѣдствіи. Даря часто книжки воспитанникамъ, я замѣтилъ что имъ особенное удовольствіе приносили *Басни Крылова*. Разъ какъ-то я привезъ и далъ одному воспитаннику *Сорочинскую Ярмарку* Гоголя, а другому его же *Тараса Бульбу*, и эти двѣ книжки просто восхитили ихъ. *Юрій Милославскій* Загоскина также доставилъ имъ не малое удовольствіе. Бесѣдуя теперь на иллюминаціи съ „мальчиками“, я, къ сожалѣнію моему, убѣдился въ томъ что въ разговорѣ ихъ со мною и вообще не съ товарищами много неестественнаго, напускнаго и не вполне искреннаго. Бесѣда съ ними, конечно, вертѣлась на ихъ жизни и ихъ бытѣ; но все это была словно не та простодушная, хотя подчасъ и лукавая болтовня, какою была, напримѣръ, рѣчь моего наблюдательнаго и скептическаго извозчика.

Спустя нѣсколько времени, публику пригласили въ ярко освѣщенный экзаменный залъ, который, какъ я уже и разказывалъ, отдѣлялся отъ церкви сплошною перегородкой. Здѣсь теперь наставлены были скамьи амфитеатромъ, впереди котораго было возвышеніе для сцены, и сцена эта на этотъ разъ предоставлена была какому-то фокуснику, показывавшему сначала фантазмагорическія картины на бѣломъ полотнѣ, а потомъ китайскія тѣни, все сопровождаемое разказами и прибаутками. Репертуаръ фокусника оказался не слишкомъ-то богатымъ, и онъ, при содѣйствіи своего товарища, перешелъ къ представленію очень забавныхъ ташен илилерскихъ штукъ въ родѣ Боско, Мальдуано, Германа и

другихъ столичныхъ пресидитаторовъ. Рядъ этихъ штукъ съ монетами, кольцами, жареными голубями, вылетающими изъ кострюли, автоматами играющими на волторнѣ и курящими трубку, и пр. и пр., доставлялъ, конечно, не мало удовольствія публикѣ, большая часть которой однако никогда ничего подобнаго не видала. Но въ особенности „мальчишкамъ“ понравилось то когда фокусникъ, объясняя ломанымъ русскимъ языкомъ что хотя до масляницы еще много ждать надо, а онъ хочетъ теперь же для такого праздника какъ сегодняшний, поподчивать любителей блиновъ блинами своего приготовленія, обѣщаясь спечь блины въ шляпѣ. Заявленіе это возбудило общій хохотъ; но никто не выразилъ готовности пойти на эстраду къ фокуснику, пригласившему желающихъ полакомиться его блинами. Ему, конечно, было шепнуто кого вызвать на сцену, и онъ обратился къ одному приземистому, рябому, сутуловатому, неуклюжему парню, сидѣвшему гдѣ-то на верхней скамьѣ.—„Мусье Палъница, прошу пожаловать сюда, сдѣлайте одолженіе пожалуйста, вы, говорятъ, великій мастеръ кушать блины и отправляете ихъ не по штукѣ, а дюжинами разомъ. Такъ мнѣ объ васъ говорили въ Питерѣ, гдѣ слава ваша гремитъ“. Эготъ Палъница, какъ по самой кличкѣ его замѣтно, изъ хохловъ Черниговской губерніи, былъ крѣпостной чело-вѣкъ графини Анны Алексѣевны Толстой, родной сестры Льва Алексѣевича и Марьи Алексѣевны, матери нынѣшняго нашего драматурга графа Алексѣя Константиновича Толстого, бывшаго тогда ребенкомъ. Палъница былъ медвѣженкообразный, заскорузлый парень, посмѣшище всего заведенія, проявившій исключительно одну спеціальную способность—сдѣлаться когда-нибудь кузнецомъ и слесаремъ, почему и находился постояннымъ подручникомъ у кузнечнаго мастера въ кузницѣ, гдѣ пристрастился къ наковальнѣ и молоту, не обращая вниманія на свою внѣшность, почему былъ страшнымъ замарашкой, какъ по вкусамъ, такъ и по профессіи. Онъ не былъ тупъ отъ природы, очень лукавъ по-хохлацки, но слылъ за дурачка и за шута въ заведеніи и какъ-то со временемъ носилъ эту роль, освобождавшую его отъ всякаго другаго занятія кромѣ кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Къ тому же онъ былъ обжора и дѣйствительно во время масляницы пожиралъ безчисленное количество блиновъ и галушекъ. Онъ ртачился, упрямился, не шелъ съ своего мѣста, даже довольно энергично ругалъ „бисова чиловика Нимца“, что производило сильный хохотъ галлерей. Однако онъ

встрѣтилъ строгій взоръ Матвѣя Андреевича, и явился на эстрадѣ, что произвело смѣхъ уже не въ одной галлерей, а и въ партерѣ, потому что Палѣница былъ владѣльцемъ поистинѣ уморительной и вполне комичной рожи. Глухой фарсъ этотъ извѣстенъ: фокусникъ держалъ остроконечный сѣрый войлочный колпакъ своего лаяца и пригласилъ Палѣницу ввалить туда муку, влить полдюжины яицъ, большой уполовникъ масла. Палѣница все это исполнилъ серіозно; а затѣмъ, по приказанію балаганнаго артиста, сталъ все мѣшать мутовкою, заглядывая иногда въ колпакъ, держанный надъ зажженною, свѣчей и въ ожиданіи что и впрямь „бисовъ чиловикъ Нимицъ“ блиновъ нѣсколько дюжинъ спечетъ на свѣчѣ. — Поглядите, поглядите поближе, мусье Палѣница, кажется тѣсто закипаетъ и скоро пора будетъ его разложить на доску, чтобы вырѣзывать славные блины, болталъ фокусникъ. Палѣница сунулъ свой круглый носъ къ краю шляпы, которая ловкимъ оборотомъ руки фокусника, въ одно мгновеніе очутилась на его головѣ и нахлопнулась до шеи, а жидкая болтушка изъ муки, яицъ и масла толленаго, потекла по всей фигурѣ хохла: едва высвободившаго свою уродливую голову изъ подъ колпака, крѣпко нахлобученнаго. Можно представить себѣ какой это возбудило хохотъ въ молодежи, которая, забывъ весь декорумъ, кричала въ дикомъ восхищеніи. Фокусникъ также катался отъ неподдѣльнаго смѣха. Но есть же у Французовъ пословица: *riga bien, qui riga le dernier*, и вотъ нашъ хохликъ, обиженный и разозленный, готовъ былъ отколотить тутъ же „бисова чиловика Нимца“, но, понимая невозможность такой расправы, призналъ за лучшее повести дѣло по-хохлацки, инымъ способомъ, и, вытерѣвъ лапами кафтаннш-ки свою физиономію, сталъ хохотать надъ фокусникомъ, говоря что „Нимицъ“ не умѣлъ простой штуки сдѣлать, такъ какъ онъ видѣлъ дѣлать ее одинъ „Нимицъ“ али Жидъ, все единъ бисъ, въ Нѣжинѣ во время ярмарки, такъ тотъ точно блиновъ напекъ на свѣчѣ и въ такомъ же колпакѣ безъ малаго на цѣлую роту солдатъ, которые, какъ истые москаль, въ блинахъ толкъ разумѣютъ. Палѣница просилъ у директора тутъ же позволеніе спечь воистину же гибель блиновъ, съ тѣмъ чтобы только фокусникъ клалъ припасы, а онъ будетъ держать колпакъ надъ свѣчею. Фельдшеръ Александровъ, изъ Евреевъ, по приказанію директора, шелнулъ по-нѣмецки фокуснику, повидимому, также іерусалимскому дворянину, что ему будетъ дана

лишняя красная бумажка, и онъ согласился, принявшись за работу и всячески остерегаясь, чтобы въ отместку за шутку Палѣница не повторилъ ее съ нимъ. Однако какъ онъ ни остерегался, а хохоль сумѣлъ какъ-то весь колпакъ съ жидкою смѣсью наляпить ему на голову, да наляпиль съ такою силой, что едва освободили голову бѣднаго пресидитатора, который тотчасъ заключилъ свое представленіе, при громкомъ одобрительномъ хохотѣ.

Тогда вся публика, находившаяся въ залѣ, услышала рѣзкій звукъ сигнальной ракеты, возвѣщавшей начало фейерверка, и тотчасъ всѣ двумя выходами чрезъ ярко освѣщенный корридоръ высыпали на степообразный дворъ, покрытый черною пеленой августовскаго тихаго и теплаго вечера, а отъ довольно роскошной иллюминаціи, давно погашенной, остался только скилидарный запахъ въ воздухѣ. Ну, темнота на славу, хоть глазъ выколи. И какъ всегда бываетъ, при переходѣ изъ свѣта въ мракъ, нельзя было различать предметы и личности, и только по блестящему золотому шитью мундѣрнаго воротника директора училища, мы разсмотрѣли вблизи отъ нашей группы Матвѣя Андреевича. Милѣйшій нашъ хозяинъ любезно распоряжался поставить свою почетнѣйшую на этотъ разъ гостью, Марію Алексѣевну, такимъ образомъ чтобъ ея превосходительство могла лучше видѣть фейерверкъ съ обычными бураками, римскими свѣчами, шутихами, вертящимися колесами, снолами, букетами, солнцемъ, луною (независимо отъ бѣловатыхъ очертаній новорожденной тогда настоящей, заправской луны) и пр. Зрѣлище это восхищало воспитанниковъ, рукоплескавшихъ и кричавшихъ дружно: ура! Предъ окончаніемъ фейерверка явился въ воздухѣ составленный изъ разноцвѣтныхъ огней вензель Государя Императора, и воспитанники снова огласили воздухъ патріотическимъ гимномъ. Но какъ всему бываетъ конецъ, такъ и этотъ разъ этимъ гимномъ кончилось первое торжественное празднество въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, и публика разѣхалась и разошлась по домамъ. Пора было и намъ ѣхать въ городъ, гдѣ Марію Алексѣевну, какъ она говорила, вѣроятно ожидалъ къ ужину ея Максимъ Константиновичъ, возвратившійся изъ Петергофскаго дворца. Луна слабо и лѣниво свѣтила и блѣдныя лучи ея весьма не ярко освѣщали поданную на дворѣ карету генеральши Крыжановской, какъ вдругъ по затѣливому распоряженію находчиваго и всегда ловкаго на угодливость М. А. Байков

скулой лунный свѣтъ уступилъ мѣсто роскошному розоватому освѣщенію изъ бенгальскаго огня, въ то время составлявшаго еще изрядную диковину въ столицѣ, гдѣ теперь, почти 40 лѣтъ спустя, не удивляетъ даже самыхъ скромныхъ посѣтителей загородныхъ третьестепенныхъ трактириковъ. Этотъ сюрпризъ былъ букетомъ любезностей Матвѣя Андреевича, который чуть не со слезами благодарилъ ея превосходительство отъ себя и отъ своихъ „мальчиковъ“, на что она, съ свойственнымъ ей, нигдѣ и никогда не измѣнявшимъ ей свѣтскимъ тактомъ, сказала нѣсколько премилыхъ, повидимому, какъ бы даже прочувствованныхъ словъ и сѣла въ карету, подавъ руку Байкову, который такъ поцѣловалъ эту прекрасную ручку что звукъ чмока раздался въ пространствѣ и послужилъ казалось сигналомъ, потому что сотни двѣ молодыхъ, свѣжихъ голосовъ тотчасъ гаркнули: „Ея превосходительству многая лѣта! Многая лѣта!...“ Старички кони генеральскаго экипажа, не ожидавшіе этого возгласа, немножко шарахнулись; но сивобородый кучеръ и ловкій мальчуганъ-форрейторъ, повидимому глубоко сочувствовавшіе этому почету ихъ многолюбимой ими барынь, тотчасъ справились съ лошадьми, которыя стояли какъ вкопаныя и только прядали ушами и казалось били въ тактъ по песку подкованными копытами. Н. И. Гречъ облобызался съ Байковымъ, сказавъ что онъ о сегодняшнемъ вечерѣ никогда не забудетъ, и приглашалъ его къ себѣ на четверги, которые въ эту пору были особенно живы и блистательны. Байковъ отвѣчалъ что вмѣнить себѣ въ высочайшее наслажденіе побывать въ литературномъ синклитѣ, и тамъ уму разуму поучиться. Едва онъ сказалъ эти слова, правда, будто нарочно очень громко, какъ опять загремѣли голоса: „Просвѣтителю и учителю всей Россіи его высокородію Николаю Ивановичу многая лѣта! Многая лѣта!“ На этотъ разъ лошади не шарахнулись; но все-таки я послѣшилъ сѣсть на свое мѣсто и шелнулъ выѣздному лакею „домой!“ почему, при восклицахъ пожеланія „многихъ лѣтъ“ мы уѣхали крупною рысью; но какъ только подѣхали къ отворяемой сторожемъ рогаткѣ для выѣзда на дорогу, какъ откуда ни возьмись въ легкихъ дрожечкахъ на рѣзвомъ эзельскомъ рысачкѣ предсталъ предъ нами нашъ любезнѣйшій Матвѣй Андреевичъ, снова радушно прощавшійся со всѣми и успѣвшій мнѣ сказать что въ слѣдующее воскресенье утромъ въ восемь часовъ пришлетъ за мной тройку съ кабриолетомъ и проситъ

на весь день до утра понедѣльника, для изученія училища.

— Да, да, любезнѣйшій Быстролишевъ, восклицалъ Гречъ,— да надо чтобы скорѣе въ *Пчелѣ* статья ваша вскипѣла.

— Для этого я посвящаю въ воскресенье все время для большаго изученія училища, сказалъ я.

— Нечего много изучать, замѣтилъ Гречъ,—я всего разъ здѣсь былъ, и теперь все понимаю изъ разговоровъ Матвѣя Андреевича. А статья можетъ быть право полезная для нашихъ главныхъ читателей, „россійскихъ“ помѣщиковъ, пре-страшныхъ невѣждъ.

— Раньше какъ въ октябрѣ, присовокупила Марья Алексѣевна тѣмъ особеннымъ тономъ который останавливалъ у каждаго самую идею возраженія, — послѣ годовичнаго юбилея училища, Léon не желаетъ чтобы статья была напечатана, а между тѣмъ мой Вальсвить, а вашъ Быстролишевъ, всѣмъ же вашимъ читателямъ извѣстный Б — въ полномъ визнаетъ училище и будетъ писать avec connaissance de cause, слѣдую словамъ Буало-Депрео: „Ce que l'on conçoit bien, s'énonce clairement, et les mots pour le dire arrivent aisément.—Однако, доброй ночи, прощайте, Матвѣй Андреевичъ. Завтра братъ Léon общалъ у меня шоколадъ пить, и я ему все, все, все, даже о блинахъ Палѣицы, разкажу въ подробности. Жаль что помѣщица Палѣицы, сестра Анета, за границей: она поохоталась бы съ нами. А ужъ Léon, я знаю впередъ, будетъ въ восхищеніи!

Было одиннадцать часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ домъ калитула орденовъ, гдѣ въ квартирѣ своей насъ ожидалъ добрѣйшій Максимъ Константиновичъ, желанія котораго повидимому въ это время сосредоточены были на перспективѣ кушать шведскую яичницу и куролатокъ въ шампиньонномъ соусѣ, почему онъ, пока не насытился, очень разсѣянно слушалъ разказы жены, племянницы, Греча и мои о всемъ видѣнномъ въ этотъ вечеръ въ Удѣльномъ Замлѣдѣльческомъ Училищѣ. Сцена между хохломъ Палѣицей и фокусникомъ однако вывела его изъ кулинарной созерцательности и онъ отъ души разсмѣялся своимъ простосердечнымъ, добрымъ смѣхомъ, причемъ объемистый животъ его ходилъ ходуномъ, а изъ груди вырывалось одобрителное бурчаніе.

(До слѣдующаго №).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

18/2. 07.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

(1834 — 1850).

IX.

Утромъ на другой или, можетъ-быть, на третій день послѣ празднества въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, къ Марѣ Алексѣевнѣ сначала, потомъ къ Николаю Ивановичу Гречу и, наконецъ, ко мнѣ въ Фурштатскую, гдѣ я тогда жилъ, явилась училищная зеленая фура, запряженная тремя обвенками, и въ которой, кромѣ унтеръ-офицера съ га-лунами и шевронами, то-есть одного изъ дядекъ „мальчиковъ“, помѣщалось двое первостатейныхъ воспитанниковъ: церковный староста Федосей Кузьминъ и блестящій сотскій Бровкинъ.

Это были депутаты отъ училища, пріѣхавшіе, по приказанію директора, благодарить гостей за посѣщеніе 22го августа и просить принять отъ усердія воспитанниковъ ихъ сельскія произведенія. Не знаю что получили Марья Алексѣевна и Николай Ивановичъ, но мнѣ поднесены были: большой ящикъ съ сотами прямо изъ улья, огромный каравай пшеничного хлѣба, выпеченнаго якобы изъ собственной муки, коробокъ съ яблоками, другой съ вишнями, пять бутылокъ хлѣбнаго (изъ

* См. Русск. Вѣстн. №№ 5 и 6.

корокъ ржаного хлѣба) кваса, бутылка домашняго лива, бутылка превосходныхъ сливокъ, формочка сыра бри, маслянка со сливочнымъ масломъ, посудина съ варенцомъ, другая съ творогомъ со сметаной и наконецъ, къ довершенію всего, прелестный оттоенный молочный поросенокъ. Меня не было дома, такъ какъ посѣщеніе депутаціи совершилось въ часы департаментскаго моего отсиживанья, и матушка моя была въ крайнемъ затрудненіи принять или не принять это обильное приношеніе „отъ усердія училища, полюбившаго В. П. Б.—ва всею силой простой и „откровенной души“, какъ говорили ловкіе депутаты, увѣрявшіе что ежели они назадъ привезутъ это директору, то онъ съ горя, чего добраго, заболѣетъ. Покойная моя матушка (умершая лишь въ прошломъ 1871 году, на 85 году жизни) угостила депутатовъ чаемъ съ лимономъ и вареньями, при обиліи различныхъ печеній изъ булочной; а служивому шевронисту, кромѣ этого, велѣла прислугѣ поднести стаканъ хорошей померанцевой настойки, и все остались взаимно довольны, въ особенности же потомъ довольны были нѣкоторые изъ моихъ департаментскихъ товарищей, которые нерѣдко у насъ обѣдывали, и отдали полную справедливость всѣмъ съѣдобнымъ произведеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Моихъ департаментскихъ юныхъ сослуживцевъ, Ребиндера, Данзаса, Булыгина, барона О. О. Корфа и другихъ, я обнесъ, однако, при угощеніи, однимъ предметомъ, а именно медовыми сотами, которые всецѣло были доставлены лично моею матерью въ Смольный Монастырь, гдѣ подъ начальствомъ графини Юліи Ѳеодоровны Адлербергъ (родительницы бывшаго и бабушки нынѣшняго министровъ Императорскаго Двора) воспитывались въ „голубомъ“ классѣ мои сестры. Сотами этими въ Смольномъ сестры мои подчивали не только молоденькихъ подругъ своихъ, классныхъ дамъ и инспектрису, госпожу Панчулидзеву, но частичку поднесли даже и самой графинѣ, то-есть татап, какъ звали смолянки эту очаровательную старушку. Графиня Юлія Ѳеодоровна такъ восхитилась этими ароматными сотами, напомнившими ей ея давнымъ давно прошедшее дѣтство, проведенное въ какой-то мызѣ прибалтійскаго края, что она, узнавъ источникъ откуда эти délices, написала Льву Алексѣвичу Перовскому письмо, прося его усладить ее этими произведеніями des abeilles de l'école agricole. Поднялась тревога, и нашъ на-

ходчивый Байковъ, за неимѣніемъ въ наличности собственныхъ сотовъ, распорядился достать ихъ покупкой изъ Краснаго Села или изъ Графской Славянки (принадлежавшей тогда графинѣ Самойловой и преобразившейся въ пятидесятихъ годахъ въ Царскую Славянку), и это лакомство приподнесено было ея сіятельству.

Превосходные соты, полученные мною въ даръ отъ Матвѣя Андреевича Байкова, произведшіе такой великолѣпный эффектъ въ Смольномъ Монастырѣ, имѣли для сестеръ моихъ самое благопріятное вліяніе, потому что, благодаря этой бездѣлицѣ, графиня Адлербергъ узнала ихъ ближе и стала приглашать на свои интимныя вечеринки, гдѣ молоденькія воспитанницы находили много удовольствія и отъ души веселились въ изящномъ обществѣ чадолюбивой воспитательницы, память о которой каждая монастырка тѣхъ временъ хранить съ особенною нѣжностью и любовью. Но бутылкамъ съ квасомъ привелось сыграть также не маловажную роль, имѣвшую послѣдствіемъ знакомство съ Земледѣльческимъ Училищемъ добрѣйшаго Ивана Никитича Скобелева, начинавшаго въ то время пріобрѣтать свою своеобразную и оригинальную литературную извѣстность. Это вотъ какъ случилось. Генералъ-лейтенантъ И. Н. Скобелевъ, членъ генералъ-аудиторіата, жилъ тогда въ такъ-называемой Таврической улицѣ (нынѣ Тверская), въ большомъ деревянномъ домѣ, принадлежавшемъ въ то время какому-то г. Кутузову. Домъ этотъ былъ просторный особнякъ съ обширнымъ садомъ, и въ немъ Иванъ Никитичъ жилъ съ семействомъ на довольно широкую помѣщичью ногу, принимая не мало гостей, въ числѣ которыхъ былъ почти всегда по воскресеньямъ за обѣдомъ и лишущій эти строки, тогда еще очень молодой человѣкъ. Ежели кому интересно узнать мои отношенія къ почтеннѣйшему безрукому ветерану Ивану Никитичу, и начало моего съ нимъ знакомства, тотъ найдетъ описаніе очень отчетливое, отчасти въ статьѣ моей *Знакомство съ А. О. Воейковымъ и его литературныя вечера по пятницамъ*, напечатанной въ 9, 10 и 11 книжкахъ *Русскаго Вѣстника* за прошлый 1871 годъ; но всего болѣе въ другой моей статьѣ, напечатанной въ нѣсколькихъ ноябрьскихъ прошлаго же года нумерахъ газеты *Русскій Миръ* подъ названіемъ: *Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ*, характеристика котораго не менѣе вѣрно, съ фотографическою

правдивостью, изображена и еще въ одной изъ моихъ статей ретроспективнаго рода *Четверги у Н. И. Греча* (*Заря* 1871 № 4).

Не задолго предъ этимъ временемъ разъ какъ-то у себя за обѣдомъ Иванъ Никитичъ, по своему обыкновенію, оживленно и типично бесѣдуя о разныхъ разностяхъ и, преимущественно, какъ это часто было, не совсѣмъ-то къ удовольствію своей почтенной супруги, принадлежавшей къ довольно сановитому губернскому дворянству, о былыхъ временахъ, когда онъ носилъ еще унтеръ-офицерскіе галуны, сталъ какъ-то вспоминать о различныхъ подробностяхъ чисто кулинарнаго рода, дѣлая преоригинальныя сравненія и сопоставленія блюдъ нашей національной кухни, причемъ увѣрялъ что нигдѣ ему не приводилось лакомиться такими вкусными яствами какъ въ благодатной Малороссіи, которую называлъ Хохляндіей, причемъ дѣлалъ исчисленіе самое подробное всѣхъ произведеній хохлацкой кухни. Объ одномъ только на своихъ малороссійскихъ винтеръ-квартирахъ сожалѣлъ Иванъ Никитичъ, а именно о томъ что черноглазая хохлушка не умѣютъ русскаго кваса варить и дерзаютъ величать этотъ нашъ „отечественный нектаръ“, какъ онъ выражался, „кацалскимъ пойломъ“.

— Но однакоже, прибавилъ онъ, скажу вамъ, господа, что разъ привелось мнѣ, идучи походомъ по Ахтырскому уѣзду, прогостить недѣльку въ хуторкѣ одного довольно зажиточнаго хуторянина, который еще при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ служилъ въ регулярныхъ тогдашнихъ конныхъ пикинерахъ вахмистромъ. Житье мнѣ у этого сивоусаго старика-воина было не житье, а какъ бы царствіе небесное. Всего у него было разливанное море; но ужъ чѣмъ старина этотъ меня несказанно удивилъ и порадовалъ, такъ тѣмъ что угостилъ такимъ, знаете, квасомъ-Ермолаичемъ что ни до того, ни послѣ я никогда такого не пивалъ. Въ послѣдствіи какъ я ужъ всѣмъ моимъ эконокамъ и поварамъ ни толковалъ объ этомъ квасѣ, ну, чтобъ ихъ всѣхъ треклятыхъ прорвало, они никакъ не умѣютъ смастерить мнѣ того самаго кваса какой я лѣтъ за тридцать предъ симъ пилъ всласть у моего тогдашняго временнаго хозяина, этого-то стараго Потемкинскаго рубаки. Онъ же самъ, какъ сказывалъ мнѣ, позаимствовался этимъ божественнымъ кваскомъ отъ монаховъ какой-то небольшой обители близъ Ахтырки, гдѣ ему во время Потемкинскихъ и Суворовскихъ погромовъ Турецкаго царства привелось на винтеръ-квартирахъ часть одной зимушки простоять. Монашки, знаете, себѣ на умѣ, кушаютъ во здравіе и заливаютъ яствія

свои этимъ неописанно-пріятнѣйшимъ квасомъ. Они-то дали бывшему пикинеру, тогда еще служивому, отъ себя рецелтикъ, по которому хохоль пикинеръ собственноручно у нихъ же на погощеньи въ обительской квасоварнѣ поучился искусству приготовления того напитка и потомъ сталъ угощать имъ всѣхъ однополчанъ и даже своего, какъ они называли, ритмейстра, вмѣсто ротмистра бы по-нашему. Этотъ ритмейстръ былъ нашъ братъ рядовой москаль, и до квасу страшный охотникъ, и вотъ онъ кваскомъ тѣмъ крайне распотѣвился, такъ что „монашескій квасъ“ пошелъ въ большую славищу, да до того что самъ свѣтлѣйшій князь Тавриды, прихотникъ въдъ онъ былъ не малый, князь Григорій Александровичъ, безъ этого „монашескаго кваса“ за столъ не саживался. Словомъ, квасъ этотъ былъ въ великой славі. Но ужъ не мимо же идетъ слово не нами впервые сказанное: „Слава дымъ!“ То же случилось и со славой „монашескаго кваса“: словно въ воду канулъ, и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуха ни духа. Повѣрите ли,—смѣшно сказать, а правду вымолвить надо: я такъ этимъ квасомъ интересовался что вотъ ужъ въ генеральскихъ чинахъ состоя и пользуясь бѣльшимъ противъ прежней моей жизни собачьей покоемъ и довольствомъ,—я изъ Рязани писалъ особенную цидулу о „монашескомъ квасѣ“ тамошнему городничему, который былъ въ то время нашего лѣса кочерга, инвалидъ, нѣкогда мой сослуживецъ. Оказалось что та третьестепенная обитель, гдѣ мой сивоусый пикинеръ когда-то зимовалъ, давнымъ-давно упразднена, а между хохладкимъ населеніемъ никто о квасѣ томъ и понятія не имѣеть. Такъ я послѣдней надеждушки на старости лѣтъ и на закатѣ жизни моей лишился упиваться этимъ превосходнымъ, настоящимъ отечественнымъ и патріотическимъ квасомъ.

— Должно-быть квасъ этотъ фруктовый, сказалъ кто-то изъ гостей.

— Какой фруктовый! чистѣйшій хлѣбный, изъ ржаныхъ корокъ, вскрикнулъ Иванъ Никитичъ, вещь самая простая, а никто ее сварганить не умѣеть.

Когда я получилъ, вмѣстѣ съ прочими вещественными проявленіями любезности Матвѣя Андреевича Байкова, нѣсколько бутылокъ „училищнаго кваса“, приготавливавшегося, какъ разказывалъ мнѣ почтенный директоръ, при первомъ моемъ посѣщеніи его заведенія, изъ хлѣбныхъ корокъ, я тотчасъ вспомнилъ про разказъ о квасѣ многоуважаемаго мною Ивана Никитича Скобелева, и, не долго думая, вечеромъ въ субботу,

сѣвъ на извозчика и захвативъ съ собою корзиночку съ этимъ хлѣбнымъ напиткомъ, присланную мнѣ изъ Земледѣльческаго Училища,—поѣхалъ въ Таврическую улицу, благо это недалеко отъ моей Фурштатской, къ его превосходительству, думая что, можетъ-быть, чего добраго, это квасъ подходящий къ тому который составляетъ предметъ неутѣшнаго воспоминанія почтеннаго генерала, въ радушномъ и искренно дружескомъ домѣ котораго я всегда проводилъ такіе пріятные часы, преимущественно слушая рассказы храбраго воина-инвалида о различныхъ военныхъ и не военныхъ событіяхъ, передаваемые просто, безъ всякихъ вычуровъ, но проникнутые поэзіей правды и чисто русской простодушности. Было по-петербургски, даже и въ тѣ болѣе патріархальныя времена, довольно рано, около семи часовъ. Противъ обыкновенія генералъ былъ одинъ-одеженекъ дома и, сидя въ бухарскомъ своемъ халатѣ, спущенномъ съ безрукаго дѣваго плеча, диктовалъ что-то изъ своихъ „Воспоминаній русскаго солдата“ военному писарю, быстро писавшему подъ его восторженный и довольно крикливый диктантъ.

— А, здорово, Володя, воскликнулъ Иванъ Никитичъ, когда я вошелъ.—Ты какъ неззя больше кстати: моя благовѣрная въ театрѣ поѣхала смотрѣть новопріѣзжую танцовку Тальйонову, а мнѣ что-то хандрится, такъ вотъ отъ нечего дѣлать засадилъ Сысоева за письмо. Но теперь баста писать! Иди себѣ съ Богомъ, чернильная крыса (обращаясь къ Сысоеву), да чуръ не навастривай лыжей, не почаевавъ у моего камердинера: отъ хлѣба-соли, отъ чая-сахара не слѣдуетъ быть отказу. А вотъ мы съ Володей покалякаемъ, тѣмъ болѣе что есть мнѣ о чемъ съ нимъ перекинуться парой-другой словъ. Да скажи тамъ моей челяди-то чтобъ намъ сюда живо принесли чай.

Писарь вышелъ, раскланиваясь и галантерейно по-писарьски благодаря его превосходительство за милостивое вниманіе, а ко мнѣ генералъ обратился съ такою рѣчью:

— Ну, братъ, скажу тебѣ, флюгеръ же, я вижу, преисправный нашъ Николай Ивановичъ Гречъ. Давно ли это, я помню, онъ на повалъ ругалъ какое-то тамъ Удѣльное Земледѣльческое Училище и особенно директора, котораго, правду сказать, онъ отъ роду родясь не видывалъ даже. А третьяго дня, въ четвергъ, на его обычной сходкѣ, тотъ же Николай Ивановичъ да не ту рѣчь держалъ о томъ же дѣлѣ и о томъ же лицѣ. Хвалилъ онъ и этого тамъ Байкова и диво-дивныя его заве-

денія, и описывалъ тотъ праздникъ что тамъ на этихъ дняхъ въ коронацію былъ и гдѣ вы оба, да и мать-командирша Марья Алексѣевна находилась. Повѣришь ли, онъ до того нахвалилъ мнѣ это Земледѣльческое Училище что и меня охота разобрала туда ѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Говорятъ, его свѣтлость, князь Петръ Михайловичъ, сильно обворожень этимъ своимъ учрежденіемъ. А у меня-то до князя есть маленькая челобиташка, не ради себя, Боже упаси, терпѣть не могу за себя просить, а ради одного бѣдняжки, котораго надо пристроить гдѣ-нибудь по министерству двора. Знаешь: „сухая ложка ротъ деретъ!“ а какъ станешь вельможѣ хвалить то что онъ почитаетъ своею потѣхой, такъ у него и ушки на макушкѣ, и онъ охотѣе возьмется за то о чемъ его просить. Это, братъ Володя, практическая истина узнанная мною не съ сегодня въ жизни и по службѣ. А какъ заговорить свѣтлѣйшему объ его игрушкѣ, не выдавъ этой бирюльки? Нельзя, надо самолично видѣть и досконально все разглядѣть. Знаешь, братъ-камрадъ, что мы съ тобою сдѣлаемъ: завтра въ воскресенье поѣдемъ туда къ обѣднѣ вмѣстѣ самъ-другъ! Николай Ивановичъ третьяго дня на своей вечеридѣ, между прочимъ, говорилъ что и пѣвчіе-то тамъ вишь весьма добропорядочные, да и то еще что ты туда завтра непременно ѣдешь чтобы продолжать осмотръ заведенія, о которомъ нашъ генералъ-фельдмаршалъ грамматики хочетъ помѣстить статью твоего пера въ своей многожужжащей *Пчелкѣ*. Или я за тобой заѣду въ каретѣ поутру, или ты ко мнѣ заѣдешь; а мои сѣрые орловцы мигомъ туда насъ домчатъ. Идетъ?

— Идетъ, да только не совсѣмъ, Иванъ Никитичъ, сказалъ я. — Прибыть къ вамъ поутру и доѣхать туда съ вашимъ превосходительствомъ я вмѣняю себѣ въ особенную честь и удовольствіе. Но обратно сопутствовать вамъ не могу: я, по условію съ директоромъ, тамъ переночую, чтобы въ понедѣльникъ утромъ видѣть все производство работъ тамошнихъ, такъ какъ я видѣлъ до сихъ поръ заведеніе лишь въ праздничные дни, описывать же мнѣ придется преимущественно будничныи бытъ училища. Къ тому же еще обстоятельство: въ десять часовъ утра въ понедѣльникъ я долженъ быть у себя въ департаментѣ, да и другое обстоятельство то что директоръ, г. Байковъ, хотѣлъ прислать ко мнѣ завтра рано утромъ свой экипажъ, въ которомъ я долженъ къ нему ѣхать.

— Насчетъ его экипажа, подхватить Иванъ Никитичъ, —

пусть онъ не беспокоится: сказано, мы съ тобой на моихъ коняхъ прорысимъ туда; а чтобъ онъ напрасно не присылалъ своихъ за тобой лошадей завтра, такъ вотъ что, господинъ, какъ тебя тамъ этотъ сорви-голова Гречъ въ шутку-то именуетъ, Быстролишевъ что ли, садись-ка да настрои къ твоему этому директору цидулочку съ увѣдомленіемъ что завтра къ началу самой обѣдни мы съ тобой у него будемъ, такъ чтобъ экипажа не присылалъ. А при сей вѣрной оказіи отрекомендуй ему и меня безрукаго урода, въ рѣшето израненнаго инвалида.

— Васъ, Иванъ Никитичъ, мнѣ ему рекомендовать не приходится; онъ васъ уже знаетъ по вашей *Перепишкѣ русскихъ солдатъ*, которую читалъ съ наслажденіемъ и изъ которой то-и-дѣло воспитанникамъ прочитываетъ многія мѣста для ихъ назиданія. Но кто же доставитъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, на второй верстѣ Выборгской дороги, мою цидулу?

— Какъ кто? съ удивленіемъ спросилъ генераль. — А развѣ у меня на конюшнѣ нѣтъ разгоннаго донца и втораго подставнаго форрейтора? Объ этомъ ужь, братъ, не заботься, лиши только цидулу, которую г. Байковъ не позже девяти часовъ вечера сегодня будетъ читать.

Письмецо къ Матвѣю Андревичу было тотчасъ написано, за-конвертовано, залечатано и отправлено съ верховымъ. А между тѣмъ молодой камердинеръ, Семень, для всѣхъ, Семень Герасимовичъ, для генеральской дворни, и Сеня для самого барина, явился съ чайнымъ подносомъ со стаканами чая и всѣми къ нему принадлежностями. Подавая мнѣ чай, Семень склонился слегка ко мнѣ и спросилъ въ полголоса:

— Какъ прикажете насчетъ-съ той корзиночки что привезли съ собой? Не поставить ли ее на ледникъ, такъ какъ въ ней какія-то бутылки, а въ передней у насъ больно тепло?

Иванъ Никитичъ слухъ имѣлъ острый и тотчасъ спросилъ: „Что тамъ за корзиночка?“ Я разказалъ въ чемъ дѣло было. Генераль пришелъ въ большой восторгъ и велѣлъ принести тотчасъ корзинку въ кабинетъ, что и было немедленно исполнено ловкою и расторопною генеральскою прислугой. Не дожидаясь чтобы принесли ему свѣжій стаканъ, онъ быстро выплеснулъ свой чай въ стоявшій близъ него мѣдный тазъ, приготовленный для дѣланія обыкновенной ванны обрубку лѣвой руки, потерянной подъ Минскомъ въ 1831 году, и подаль опорожненный стаканъ Сенѣ, который, откупоривъ одну бутылку съ ловко-

стію ресторанныаго половаго, налилъ квась въ этотъ стаканъ, замѣтивъ:

— Почти безъ пѣны квась, что за квась!

— Полъ обѣдни не отпѣлъ, а ужь дуракъ шапку надѣлъ, замѣтилъ генераль, примолвивъ:—Ежели это настоящій ахтырскій квась, то тотъ игры не имѣетъ.

Говоря это, Иванъ Никитичъ сталъ пить съ разстановкой.

Отпивши полстакана, Иванъ Никитичъ поставилъ стаканъ на столъ, а самъ, обратясь ко мнѣ съ радостнымъ и сіяющимъ лицомъ, сказалъ:

— Ну, братъ, Володя, потѣшилъ же ты меня старика! Это именно тотъ самый ахтырскій братскій квась изъ ржаныхъ корокъ какой я лѣтъ за тридцать или за сорокъ предъ симъ пивалъ, когда еще носилъ капрадскіе гадуны. Спасибо, спасибо, тысяча разъ спасибо за твое любезнѣйшее ко мнѣ вниманіе, какого я никогда не забуду. Но теперь вопросъ: какимъ манеромъ имѣть мнѣ этотъ чудный напитокъ и пользоваться имъ постоянно?

— Вопросъ этотъ, Иванъ Никитичъ, сказалъ я,—вамъ разрѣшится завтра: вы со свойственнымъ вамъ умнѣемъ,—ученаго учить только портить,—очаруете господина Байкова, и онъ еженедѣльно будетъ присылать вамъ „училищный квась“. Это очень просто.

— Просто-то просто, да не совсѣмъ: съ какой стати этому господину твоему Байкову даромъ мнѣ присылать хоть бы и эту бездѣлицу; да и съ какой стати мнѣ принимать эту подачку, какъ бы малоцѣнна она ни была?

— А съ той стати что это и не даромъ будетъ; обойдется, можетъ-быть, гораздо подороже цѣнности нѣсколькихъ боченковъ этого кваса.

— Какимъ же манеромъ?

— А тѣмъ манеромъ что ваше превосходительство, не говоря конечно Байкову ни полсловечка о квасѣ, будучи въ восторгѣ отъ его заведенія и довольные тѣмъ что воспитанники съ наслажденіемъ читаютъ вашу *Переписку русскихъ солдатъ*, жертвуете училищу, напримѣръ, 50 экземпляровъ вашей книги для раздачи, по усмотрѣнію директора, лучшимъ воспитанникамъ. Даръ будетъ принятъ съ подобающею благодарностью, а потомъ мною или вами самими разказанъ будетъ сегодняшній эпизодъ съ квасомъ. Вы скажете при этомъ что прислали бы вашего поваренка поучиться въ училищной квасоварнѣ

искусству приготовленія этого вашего очаровательнаго кваса. Но какъ я знаю что Байковъ ничего такъ не ненавидитъ, какъ сношенія воспитанниковъ съ посторонними простолюдинами, какія сношенія имъ наистрожайше воспрещены, то онъ тотчасъ предложить вамъ доставку кваса на домъ разъ въ недѣлю, причемъ будетъ низко кланяться, умоляя принять эту бездѣлицу отъ училища. И дѣло будетъ въ шалкѣ.

— За такой квасъ я готовъ не 50, а 100 и больше экземпляровъ дать моихъ солдатскихъ бредней, только сладится ли дѣло это такимъ манеромъ какъ ты, братъ Володя, говоришь.

— Что сладится, я за то порукой, сказалъ я. *

Засимъ разговоръ нашъ съ генераломъ, „солдатскимъ литераторомъ“, какъ онъ себя величалъ, принялъ другой оборотъ, и мы стали бесѣдовать о современныхъ событіяхъ какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, причемъ генераль разказалъ мнѣ нѣсколько куріозныхъ подробностей о томъ что дѣлалось въ ту пору въ военномъ управленіи и преимущественно въ генераль-аудиторіатѣ, котораго онъ былъ, какъ я уже сказалъ, членомъ. Бесѣда эта заключилась, какъ всегда бывало, тѣмъ что генераль, легко сдавшись на мою просьбу, которую онъ повидимому съ нетерпѣніемъ ожидалъ, взялъ свою новую тетрадь, надѣлъ очки и прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ свѣже-написанныхъ подъ его диктантъ своихъ сочиненій, основанныхъ на солдатскомъ бытѣ, что главнѣйше и составляло ихъ прелесть и живую занимательность, потому что до Скобелева быть этотъ намъ былъ или мало извѣстенъ, или предлагаемый былъ въ какой-то сильно подкрашенной романтично-идиллической формѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго часа явился камердинеръ Семенъ и на маленькомъ серебряномъ подносикѣ подаль мнѣ записочку, сложенную по-старинному трехугольникомъ, сказавъ что эту записочку, на мое имя адресованную, привезъ второй форейторъ, Прошка, изъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Учили-

* Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Все сдѣлано было согласно съ моимъ предварительнымъ планомъ, и генераль, возвращаясь изъ училища послѣ перваго своего визита, везъ въ каретѣ домой корзинку съ бутылками своего любимаго кваса, а затѣмъ боченки съ квасомъ стали къ нему являться разъ въ недѣлю, доставляемые училищными надзирателями изъ отставныхъ солдатъ, которые находили много для себя чести и удовольствія въ этомъ порученіи въ Таврическую улицу, гдѣ ихъ знатно угощали и одаряли.

ща, отъ тамошняго директора. Я пробѣжалъ записочку Байкова глазами и затѣмъ прочелъ ее вслухъ генералу. Байковъ писалъ такъ:

„Не нахожу словъ какъ благодарить васъ отъ себя и отъ лица всѣхъ моихъ „мальчиковъ“ за подарки которыми вы, милостивый государь В. П., насъ въ нашей скромной обители удостоиваете. На дняхъ вы насъ подарили и несказанно порадовали, залучивъ на праздникъ 22го августа Николая Ивановича Греча, завтра же вы насъ хотитѣ разлакомить посѣщеніемъ безгранично уважаемаго всею Россіей ветерана-генерала, который, не выпуская изъ единственной своей руки побѣдоноснаго боеваго меча, сумѣлъ соединить съ нимъ чарующее всякую чистую русскую душу перо. Завтра у насъ будетъ тройственный праздникъ: воскресенье и два такихъ посѣтителя, какъ генералъ Скобелевъ и вы! Жду не дождуся завтрашняго утра и съ девяти часовъ буду глазѣть съ нетерпѣніемъ на нашъ проспектъ. А теперь, прося передать его пр—ву мое глубочайшее почтеніе, имѣю честь быть вашимъ и пр.“

— Гдѣ-то мнѣ читать привелось, замѣтилъ Иванъ Никитичъ,—что знаменитый, кажется, Буфонъ (то-есть Бюффонъ) сказалъ: „въ слогѣ познается человѣкъ“. И ежели это правда, то въ писавшемъ эти строки я познаю пренаитончайшую штуку! Ха, ха, ха!

X.

На слѣдующее утро, въ воскресенье, въ половинѣ девятого часа я былъ уже у подъѣзда дома Кутузова въ Таврической улицѣ, гдѣ въ это время остановилась выѣхавшая со двора генеральская двухмѣстная карета, запряженная парой громадныхъ сѣрыхъ въ яблокахъ орловскихъ рысаковъ, которымъ экипажъ этотъ, повидимому, казался перышкомъ и которые, кажется, готовы были, ежелибы нужно, свезти на Выборгскую дорогу весь домъ г. Кутузова. Два форрейтора, ловкіе, молоденькіе ларни, въ цвѣтныхъ рубашкахъ и суконныхъ безрукавкахъ, охорашивали коней, порывавшихся изъ мощныхъ рукъ широкоплечаго и широкобородаго кучера. Одинъ изъ этихъ мальчиковъ, увидѣвъ меня въ то время какъ я дернулъ за дверной колокольчикъ, снялъ фуражку и низко поклонился мнѣ. То былъ Прошка, ѣздившій вчера на донцѣ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище.

— Вамъ, сударь, сказалъ онъ,—я привезъ поклонъ отъ генерала изъ Земледѣльческаго.

— Ну что, Проша, спросилъ я, — полюбилось тебѣ тамъ въ училищѣ? Много ты тамъ видѣлъ?

— Видѣть-то особеннаго ничего, сударь, не видѣлъ: было уже темно, да и ребята почти какись всѣ были въ банѣ. Изъ бани и самъ генералъ пришелъ и сталъ къ вашей милости записочку писать у себя въ кабинетѣ; а я межъ тѣмъ ждалъ въ дежурной комнатѣ, гдѣ по директорскому приказу казачокъ далъ мнѣ цѣлую кружку чаю съ разными булочками да пирожками. А какъ потомъ самъ начальникъ изъ кабинета вынесъ къ вамъ трехуголку-записочку, такъ велѣлъ вашей милости кланяться отъ себя.

— А что жъ ты, бѣсенокъ неблагодарный, забасилъ кучеръ съ козелъ, — не говоришь какой узелъ привезъ всякихъ лакомствъ, такой тяжелый что нашъ рыжій донецъ, на что ужъ сносливъ, едва-едва домчалъ этотъ узлище домой. Ха, ха, ха!

— Ну такъ значитъ, замѣтилъ я, — тебѣ, Проша, желательно часто туда ѣздить съ нашими письмами?

— Какъ бы не такъ, отозвался снова бородастый кучеръ, — больно жирно будетъ! Не все жъ коту масляница! Нѣтъ ужъ на слѣдующій разъ дыганенка мы не командидуемъ туда, а вотъ нашего кудрявенькаго Гришутку, моего крестнаго сына, отправимъ за лакомствами.

И при этомъ кучеръ любезно взглянулъ на другаго форрейтора, дѣйствительно очень кудряваго блондина съ большими голубыми глазами. Зазвонивъ разъ и не получивъ отвѣта, то есть стоя на крылечкѣ предъ запертыми дверями, я намѣреваясь повторить звонъ, какъ вдругъ двери настежь распахнулъ высокорослый выѣздной лакей въ деньщицѣй генеральской ливреѣ, съ треуголкой, обшитою широкимъ золотымъ галуномъ; а за лакеемъ тотчасъ показался и самъ Иванъ Никитичъ, въ фуражкѣ, въ сюртукѣ съ эполетами, въ шинелѣ слегка накинутаю на плечи.

— А, здорово, дружище-камарадъ! воскликнулъ Иванъ Никитичъ, обрящаясь ко мнѣ. — Молодецъ! Люблю аккуратность! Я видѣлъ изъ окна тебя, да не велѣлъ, извини, отворять, чтобъ ты мнѣ не помѣшалъ Богу молиться. Чаемъ же, братъ, тебя не подчую: у меня во всемъ домѣ до конца обѣдни никто ничего въ ротъ не беретъ.

Словоохотливый и шутливый кучеръ-бородачъ, повидимому пользовавшійся особенными привилегіями у генерала, который въпрочемъ со всею своею многочисленною дворней былъ очень

добръ и любезенъ, что всего лучше доказывало что онъ въ душѣ не „бурбонъ“, нашелъ нужнымъ при этомъ полусутоливо, полусерьёзно сказать:

— А вотъ, ваше превосходительство, нашъ цыганенокъ Прошка вчера на ночь изъ Земледѣльческаго привезъ цѣлый узликъ яблоковъ, коврижекъ, орѣховъ, пряженцовъ, крендельковъ, и все сегодня слопалъ.

— Цыганенокъ Прошка, нахмурясь сказалъ генераль, — ты дареное тебѣ могъ лопать какъ хотѣлъ, но или вчера вечеромъ за ужиномъ, или сегодня послѣ божественной литургіи. Кто же до окончанія богослуженія пищу принимаетъ, тотъ грѣшитъ, а чтобъ ты не грѣшилъ, мальчуганъ, и не сластолюбствовалъ, то по возвращеніи моемъ дядя Никита Ивановичъ (такъ звали кучера-краснобая) отпустить тебѣ тройку горячихъ нагаекъ.

— Ради стараться, ваше превосходительство; засмѣялся кучеръ съ козель.

— Грѣшно, Никита Ивановичъ, право грѣшно, замѣтилъ камердинеръ Семень, сопровождавшій барина, который въ это время, не сядя въ карету, съ видомъ настоящаго знатока и охотника гладилъ атласистую шею одного изъ своихъ огромныхъ рысаковъ и внимательно разсматривалъ ихъ ноги.

— Что, Сеня, грѣшно? спросилъ генераль.

— Да то-съ грѣшно, отвѣчалъ камердинеръ, — что Никита Ивановичъ все нападаетъ на ларнишку Прошку ни съ того ни съ сего. И вотъ хоть бы теперь Никита Ивановичъ не изволить правды говорить про Прошку. Онъ точно вчера отъ директора, къ которому возилъ письмо, получилъ цѣлый узелъ лакомствъ, и тотчасъ все что въ узлѣ было раздарилъ всей нашей дворнѣ, еще пока спать не легли, себѣ же казись ничего не оставилъ. Напротивъ, за это онъ похвалы достоинъ, а не хаянья. Никита же Ивановичъ гнѣвается за то что Прошка не подождалъ какъ онъ изъ театра съ генеральшей пріѣдетъ и, глупенькій, все что имѣлъ роздалъ поваренкамъ, дворниковымъ дѣтямъ, да въ прачешной. Небось и для его же фаворита Гришутки оставилъ два яблока и три кренделя и отдалъ ему, когда карету распрягали. Въ это время самъ-то Никита Ивановичъ барствовать изволилъ въ людской.

— А зачѣмъ Прошка, сабачій сынъ, сердито возразилъ съ козель кучеръ, — маѣ своему набольшему не ублаготворилъ изъ полученныхъ имъ лакомствъ?

— Да на кой чортъ тебѣ сивобородый эти лакомства?

спросилъ смѣясь генераль, продолжавшій экзаменъ своихъ коней.—Дѣвицамъ краснымъ съ ферлакурствомъ подносить что ли?

Кучеръ угрюмо молчалъ, а камердинеръ и выѣздной лакей расхохотались, и камердинеръ Семенъ, какъ самый приближенный изъ прислуги, сказалъ:

— Вотъ ужъ поистинѣ что въ самую точку, ваше превосходительство, попасть изволили: Никита Иванычъ за то и бѣсится на Прошку, что тотъ далъ лакомствъ новой молоденькой прачкѣ Феклушѣ, а та посмѣялась этимъ Никитѣ Иванычу и попрекнула его скупостью.

— Ха! ха! ха! засмѣялся генераль, такъ сивобородый того какъ оно! Сѣдина въ бороду, бѣсъ въ ребро! Ха! ха! ха! Ну смотри же, старый баловникъ, велю женѣ въ деревню отписать. Ну, нагайки отмѣняются. А ты Фабласъ (то-есть Фоблазь) ѣтакой, маршъ крупною рысью за Выборгскую заставу черезъ Воскресенскій мостъ.

Мы двинулись быстро, хотя казалось что лошади едва шли: такъ необыкновенно шагисты орловскіе рысаки.

Я передалъ здѣсь этотъ разговоръ Ивана Никитича съ его прислугой, чтобы представить образчикъ тогдашней патріархальности и простоты нравовъ, хотя во дни сильнаго развитія крѣпостничества. Съ другой же стороны, здѣсь проявляется и образъ мыслей почтеннаго Ивана Никитича, который, платя дань понятіямъ вѣка и среды его воспитавшихъ считалъ ужаснымъ грѣхомъ выпить чашку чая до окончанія обѣдни и вовсе не грѣхомъ подвергать послѣ окончанія этой обѣдни крѣпостнаго мальчика тѣлесному наказанію, которое, по моему убѣжденію, въ какой бы формѣ и какомъ бы видѣ ни было произведено, унижительно и отвратительно.

Подъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на меня приказаніемъ кучеру дать три удара нагайки якобы провинившемуся, по донесу этого же кучера, форрейтору Прошкѣ, я заговорилъ въ каретѣ съ генераломъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, развивая, по этому предмету, мой взглядъ, діаметрально противоположный его понятіямъ, твердо въ немъ вкоренившимся и которыя конечно, ничемъ, тѣмъ паче моими доводами, тогда молодаго двадцати-двухлѣтняго человѣка, поколеблены быть не могли. Я говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ, которые не дали мнѣ возможности замѣтить что генераль во все время моего спича морщился и болѣе обыкновеннаго конвульсически передерги-

вался всѣмъ лицомъ и плечами. Когда я кончилъ, онъ спросилъ меня:

— Ты кончилъ? — Кончилъ, отвѣчалъ я. — Ну такъ скажу тебѣ, братъ Володя, улыбнулся онъ, — коли кончилъ, такъ и Богу слава; но впередъ при мнѣ прошу не говорить объ этомъ никогда, ежели не хочешь раззнакомиться со мною. Я крѣлко того мнѣнія что на Руси у насъ безъ розогъ и батоговъ, въ известной и благоразумной мѣрѣ, конечно, спохватился онъ, — нѣтъ и быть не можетъ спасенья. Березовая каша — мать наша!... Когда на горе мое, въ 1818 году я былъ временнымъ петербургскимъ генераль-полицеймейстеромъ, страдась знаменитая исторія съ завиральными или либеральными стихами вашего прелюбезнаго Пушкина, съ которымъ нынче всѣ у насъ няпчятся какъ съ облупленнымъ яичкомъ, — я конфиденціально писалъ къ тогдашнему министру полиціи что не мѣшало бы посѣчь этого писателя. Слышалъ я что эти мои откровенныя, солдатскія и „патріотическія“ (!!!) слова кое-кому крѣлко не понравились и послужили основаніемъ къ плохой перемѣнѣ въ моей карьерѣ. Но со всѣмъ тѣмъ я вовсе въ словахъ этихъ не раскаиваюсь и постоянно держусь того что у насъ безъ розогъ ничего таки не подѣлаешь. А со всѣмъ тѣмъ, ты самъ знаешь — жестоко ли я и какъ радѣю я о всѣхъ моихъ челядинцахъ и о моихъ подчиненныхъ! Но не терплю я этой фарисейской вашей филантропіи и философскаго либеральничанья. Знаю я этихъ благодѣтелей рода человѣческаго, знаю вдоль и поперекъ: она считаютъ за преступленіе всыпать десятокъ другой розогъ мужику или солдату, чтобъ его выправить и тѣмъ избавить отъ ссылки въ Сибирь современемъ, и въ то же время какъ ни въ чемъ не бывало тѣ же филантропы подписываютъ распоряженіе о сокращеніи какого-нибудь штата, чрезъ что доставятъ нѣсколько тысячъ выгоды казнѣ, для которой это вотъ что — ллевокъ (онъ энергически плюнулъ на дорогу черезъ отворенное окно кареты), а съ тѣмъ вмѣстѣ пустятъ по-міру нѣсколько десятковъ людей, воспитанныхъ только для службы и ни для чего инаго какъ для службы не годныхъ. Нѣтъ-съ, какъ тамъ ни говорите, господа, а безъ розги взросшій человѣкъ гроша мѣднаго не стоить!

Я засмѣялся и сказалъ что на основаніи этого аргумента буду отнынѣ впредь признавать себя не стоящимъ не только гроша, даже полушки, потому что отецъ и мать мои считали

что тѣлесное наказаніе годно только для скотовъ, а не для людей.

— И исполать твоимъ родителямъ, подхватилъ Иванъ Никитичъ.—Денно и ночью они должны Бога Всемогущаго и Пресвятую Мать нашу Богородицу благодарить, что, слѣдуя такому правилу, они изъ тебя не выработали разбойника, другъ мой Володя. Но повѣрь мнѣ, старику, ты былъ бы и въ службѣ твоей счастливѣе, ежелибы ты былъ воспитанъ не на французскій, а на русскій, чисто православный ладъ.

— Словами доказывать вамъ противное я не стану, Иванъ Никитичъ, сказалъ я,—какъ потому что вы почти втрое меня старше, такъ и потому что вамъ разговоръ объ этомъ противенъ; но не могу я не сказать вамъ что мы сейчасъ вѣдемъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ находятся на воспитаніи около 300 крестьянскихъ парней, которые въ теченіе десяти мѣсяцевъ совершили такіе удивительные успѣхи, что нельзя не удивляться и не быть пораженнымъ тѣмъ что можетъ сдѣлать твердая воля и умѣнье человѣка, обладающаго высшею педагогическою способностью, безъ употребленія тѣлесныхъ наказаній.

— Прекрасно, замѣтилъ Скобелевъ,—прекрасно! Это директоръ Байковъ тебѣ и Николаю Ивановичу разсказываетъ, и вы оба одну пѣсню поете. А зачѣмъ же въ такомъ родѣ въ высочайше утвержденномъ уставѣ этого заведенія, прочитанномъ мною вчера, есть параграфъ на основаніи котораго директору этого училища представлено всылать воспитанникамъ до 100 розогъ заразъ. Ежели точно онъ такой волшебникъ или фокусникъ, что безъ розогъ можетъ въ короткое время такъ удивительно вымуштровать своихъ учениковъ—сиволапыхъ мужичьевъ, то зачѣмъ же ему и это право свѣканцій? Онъ долженъ просить объ исключеніи этой мѣры, какъ ненужной, изъ самаго устава.

— Помилуйте, Иванъ Никитичъ, запротестовалъ я,—помилуйте, какъ можно допустить исключенія параграфа изъ устава, высочайше утвержденного?

— Но ежели параграфъ этотъ бесполезенъ? поддразнивалъ меня генераль.

— Бесполезенъ для Байкова; но вѣдь не вѣчно же будетъ тутъ Байковъ; для другаго, можетъ-быть, параграфъ этотъ окажется необходимымъ.

— Ага! братъ Володя, проговорился, воскликнулъ Иванъ

Никитичъ.—Необходимъ! Значить все-таки на мое сходить, что когда въ самомъ законоположеніи указывается на розги, то, какъ тамъ ни вертись, безъ мѣры этой нѣтъ возможности обойтись. Но, смотри пожалуста, какъ мы забесѣдовались: кажись мы и пріѣхали въ эту красивенькую учебную усадьбу, всю бѣлую съ зелеными крышами. А это чтò за конвойный?

Вопросъ этотъ генераломъ былъ сдѣланъ потому что какъ только мы подъѣхали къ откинувшейся предъ нами рогаткѣ, ведущей на проспектъ, дежурный сотскій верхомъ на лихомъ донѣ, снявъ шляпу, указалъ кучеру дорогу, и скача въ галопъ впереди нашихъ рысаковъ, — велъ экипажъ нашъ прямо къ крыльцу главнаго корпуса, гдѣ церковь.

Матвѣй Андреевичъ видно не для краснаго словца писалъ мнѣ что проглядить всѣ глаза, потому что едва успѣли мы съ генераломъ выйти изъ кареты, какъ почтенный директоръ встрѣтилъ генерала у подъѣзда главнаго корпуса. Онъ, какъ слѣдовало для праздничнаго дня, былъ въ форменномъ фракѣ и при всѣхъ своихъ орденахъ, какіе носилъ больше чѣмъ форма того требовала, потому что при Аннѣ съ короной, младшій орденъ, то-есть Станислава съ короной же не надѣвается иначе какъ въ полномъ парадѣ, въ мундирѣ; но Матвѣй Андреевичъ форменности этой, единственной изъ всѣхъ форменностей, не слѣдовалъ и носилъ всѣ ордена и тогда даже когда былъ въ форменномъ фракѣ. Иванъ же Никитичъ, при сюртукѣ имѣлъ только, по всей строгости статута, орденъ Св. Владиміра 3 степ. на шеѣ и Георгія 4 степ. съ бантомъ въ петлицѣ. Онъ былъ по-загородному безъ шляпы, съ фуражкой; но при своей золотой съ надписью „за храбрость“ шпагѣ. Генералъ и Байковъ обмѣнялись привѣтствіями и вошли въ залъ предъ церковь, гдѣ въ это время однимъ изъ воспитанниковъ, Григоріемъ Полянскимъ, исправлявшимъ должность причетника, читался Апостолъ. Когда высокій, довольно красивый, хотя и излишне сухощавый и какъ бы нѣсколько болѣзненный этотъ воспитанникъ окончилъ чтеніе Апостола и съ толстою книгой въ рукѣ направился къ клиросу, поклонясь предстоявшимъ, Иванъ Никитичъ взглянулъ на него особенно внимательно, послѣдовалъ за нимъ глазами и, склонясь къ Байкову, шепотомъ спросилъ его: „Какой губерніи этотъ парень?“ — „Владимірской, ваше пр—во“, отвѣтилъ Байковъ также шепоткомъ.— „А какъ его зовутъ?“ — „Григоріемъ Полянскимъ“ былъ отвѣтъ.— „Дивны дѣла твои Господи!“ довольно громко

сказалъ генераль, осынивъ себя размахисто огромнымъ крестомъ. Обѣдая шла и отошла своимъ чередомъ, и, какъ всегда водилось здѣсь, вынесены были почетныя просвиры для генерала, для меня и для Байкова съ его семействомъ. Просвиры подносилъ съ большими поклонами именно этотъ самый Григорій Полянскій, одинъ изъ самыхъ лучшихъ какъ по ученью, такъ и по поведенію воспитанниковъ, скромный, застѣчивый ларень, имѣвшій иноческій видъ и потому прозванный товарищами „чернецомъ“.

— Скажи пожалуста, другъ любезный, обратился къ нему генераль Скобелевъ, принимая отъ него просвиру и крестясь,—вѣдь фамилія твоя Полянскій, не изъ села ли Воскресенскаго, не далеко отъ самаго губернскаго города Владиміра и расположеннаго вдоль рѣки Клязьмы? *

— Такъ точно-съ, изъ Воскресенскаго, ваше пр—во, отвѣчалъ сконфузившійся нѣсколько ларень.—Село наше большущее, въ тысячу домовъ.

— Знаю, знаю, говорилъ генераль, не обращая вниманія на то что бесѣда его съ воспитанникомъ остановила выходъ изъ церкви нѣкоторыхъ членовъ публики, любопытствовавшихъ знать исходъ этой бесѣды превосходительнаго посѣтителя училища съ воспитанникомъ исправлявшимъ должность церковника.

— Ну а вы вѣдь Полянскіе, продолжалъ спрашивать генераль,—не въ самомъ селѣ живете, а на выселкѣ, гдѣ у васъ за тридцать лѣтъ предъ симъ былъ преисправный крестьянскій домъ, какъ полная чаша?

— По милости Божіей и царской, отвѣчалъ Полянскій,—домъ родителей моихъ и теперь считается лучшимъ во всемъ Воскресенскомъ. Мы отчасти огородами занимаемся, а также и торговлей: съ давнихъ лѣтъ мы „богомашествомъ“ упражняемся, то-есть иконописаніемъ хотѣлъ я сказать, и Полянскія иконы почитаются что ни есть превосходнѣйшими на многія сотни верстъ.

— Иконы древняго письма, помнитесь? спрашивалъ Иванъ Никитичъ, который между тѣмъ отложилъ просвиру на тарелочку Полянскаго и, отломивъ часть ея, осынилъ снова себя

* Память моя въ этомъ случаѣ измѣнила мнѣ: я рѣшительно забылъ названіе этого села, почему теперь произвольно назвалъ его „Воскресенскимъ“, справиться же мнѣ совершенно негдѣ.

крестомъ, и ѣлъ освященный хлѣбъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— Такъ точно, ваше пр—во, древняго лисьма, отвѣчалъ снова покраснѣвъ Полянскій.

— Скажи же, дружокъ ты мой, мнѣ имя и отчество твоего отца?

— Терентій Сидоровичъ?

— Такъ дѣла твой былъ Сидоръ Пафнутьевичъ? громко и какъ-то радостно спросилъ генераль.

— Именно-съ Сидоръ Пафнутьевичъ, молвилъ Полянскій, — и онъ и нынѣ здравствуетъ, хотя ему отъ роду уже больше восьмидесяти лѣтъ.

— Благодарю Господа моего, воскликнулъ Иванъ Никитичъ, — что сподобилъ меня на старости лѣтъ видѣть отрасль этого превосходнаго человѣка, Сидора-то Пафнутьича Полянскаго!

Зала уже почти опустѣла, воспитанники стройно вышли на дворъ, гдѣ выстроаясь парами, пошли къ первой смѣнѣ обѣденнаго дома, но директоръ, я и нѣсколько постороннихъ лицъ стояли около генерала и Григорія Полянскаго. Тогда генераль, обратясь къ Байкову и ко мнѣ, заговорилъ:

— Давнымъ давно, когда я носилъ еще капральскіе галуны, привелось мнѣ съ полкомъ стоять въ домѣ его дѣда Сидора Пафнутьича, въ то время уже перваго хозяина на всемъ селѣ. Никогда не забудеть благодарная память моя того благословеннаго житія какое во время этого постоа имѣлъ я съ пятью рядовыми нашего полка въ этомъ истинно-русскомъ, благодарномъ и наичестнѣйшемъ семействѣ. Много годовъ спустя, когда я командовалъ уже полкомъ, привелъ Богъ опять быть въ этихъ мѣстахъ и увидать этихъ добрыхъ людей. Какъ только давеча я впервые увидѣлъ этого молодца, — я тотчасъ по лицу его вспомнилъ о прежнихъ моихъ хозяевахъ Полянскихъ. Дѣло въ томъ что рѣдко встрѣчаются люди такъ похожіе одинъ на другаго, какъ бы ни близки были ихъ родственныя связи, какъ походить этотъ парень на своего отца Терентія Сидоровича. Ну, вылитый портретъ отца и дѣда, и, вѣрно, такой же добрый и честный....

Директоръ подтвердилъ что Григорій Полянскій одинъ изъ лучшихъ и нравственнѣйшихъ воспитанниковъ заведенія, что доказывается нѣсколькими второстепенными наградами уже имъ заслуженными въ короткое время его десятилетияго здѣсь нахожденія. Это видимо порадовало генерала, который

тотчасъ обнялъ своею единственною рукою Григорія Полянскаго и крѣпко поцѣловалъ его въ лобъ, предоставивъ ему часть недоѣденной имъ просвиры, оставленной на тарелкѣ, что въ тѣ времена почиталось не малымъ знакомъ вниманія и расположенія высшаго къ низшему. Затѣмъ Иванъ Никитичъ просилъ директора позволить когда-нибудь Полянскому, конечно, съ кѣмъ-либо изъ дядекъ, то-есть отставныхъ унтеръ-офицеровъ, побывать у него на дому, гдѣ онъ постарается принять его какъ можно лучше и одарить такими вещами которыя, надѣется, будутъ ему пригодны навсегда.

— Я знаю, замѣтилъ онъ, — вы денегъ имъ не позволяете имѣть при себѣ, и это прекрасно; но на первый разъ нашего знакомства убѣдительнѣйше прошу васъ, Матвѣй Андреевичъ, не отказать мнѣ въ одномъ одолженіи. Вотъ эту бѣленькую бумажку съ лиловымъ бордюромъ (онъ изъ своего бумажника вынулъ сторублевую ассигнацію) соблаговолите велѣть положить въ банкъ на имя Григорія Терентьева Полянскаго, и, когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ садиться отсюда на хозяйство въ образцовую усадьбу, то билетъ съ накопившимися за эти годы процентами пусть будетъ выданъ ему на память стараго урода инвалида, который дослужился на службѣ царской до генералъ-лейтенантскаго чина, а все-таки не изгладилъ изъ памяти своей тѣхъ добрыхъ и прекрасныхъ людей которые столь заботливо-радушно и дружески-любовно принимали меня. Будешь, Гриша, писать къ твоимъ старикамъ, отпиши имъ о сегодняшней твоей неожиданной встрѣчѣ и въ письмѣ пошлѣ имъ мой поклонъ; но, впрочемъ, я и самъ къ нимъ отпишу и отъ себя и поздравлю ихъ съ такимъ внукомъ и сыномъ, каковъ ты, лишь бы не избаловался, Боже упаси! Ежели узнаю отъ господина директора что Гришка Полянскій испортился, бѣда: живаго въ землю тебя закопаю, хоть у меня, урода, и одна только рука; но этою одною рукою я съ тобою, шутъ гороховый, худость ты этакая, справлюсь! Ха! ха! ха! А онъ, Гришутка-то и впрямь думаетъ что я его съѣмъ родимаго! Такъ для примиренья, другъ любезный, прими отъ меня въ даръ мою солдатскую, въ печать произведенную, при помощи добрыхъ людей, белиберду. Дѣло въ томъ что мнѣ баяли будто у васъ въ училищѣ книга моего сочиненія: *Переписка русскіихъ солдатъ* читается и нравится твоимъ одноклассникамъ. Такъ вотъ, съ разрѣшенія господина директора, я завтрашняго числа пришлю сюда на имя воспитан-

ника Григорія Терентьева Полянскаго сто экземпляровъ этой книги, которые пусть онъ отъ себя раздастъ, также, конечно, съ позволенія господина директора, тѣмъ изъ своихъ товарищей которымъ захочеть.

Директоръ принялъ это заявленіе генерала съ почтительнымъ удовольствіемъ; а Григорій Полянскій, казалось, ногъ подъ собою не чувствовалъ съ радости и поспѣшилъ всѣмъ товарищамъ разказать о своей счастливой встрѣчѣ. Достоинно вниманія что подобное счастливое событіе съ однимъ изъ воспитанниковъ какого-либо иного заведенія произвело бы чувство зависти къ счастливцу, между тѣмъ какъ здѣсь казалось что радость Полянскаго раздѣляютъ всѣ его товарищи.

Затѣмъ начался обходъ по заведенію, которое показывалось съ извѣстнымъ подходцемъ почетному и желанному посетителю. Встрѣча генерала съ Григоріемъ Полянскимъ, подарокъ ему сторублевой ассигнаціи и предоставленіе въ его распоряженіе сотни экземпляровъ книги *Переписка русскихъ солдатъ*, все это мигомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ училищѣ всѣмъ и каждому, почему, само собою разумѣется, всѣ глаза съ особеннымъ сладостнымъ вниманіемъ были обращены на безрукаго ветерана, который осязисто выступалъ между директоромъ и мною, а за нами шли директорскій разсылный, поминутно отбѣгавшій для исполненія различныхъ словесныхъ, очень лаконическихъ, приказаній Матвѣя Андреевича, и Григорій Полянскій, съ радостно сіявшимъ лицомъ, веселый и счастливый, встрѣчавшій поздравительные взгляды и улыбки своихъ товарищей и наставниковъ, то-есть учителей, дядекъ и, такъ-называемыхъ, здѣсь „дядюшекъ“, то-есть брадатыхъ мастеровъ. Учителя и сотскіе, какъ обыкновенно, то-и-дѣло что шмыгали около насъ и читали въ глазахъ Байкова многообразныя его распоряженія, которыя впрочемъ иногда на ходу передаваемы были въ полголоса. Иванъ Никитичъ, отъ времени до времени, подзывалъ къ себѣ Полянскаго и задавалъ ему вопросы, на которые юноша отвѣчалъ хотя съ нѣкоторою разстановкой, но всегда влопадъ и толково. Правду сказать, и въ вопросахъ своихъ генераль умѣлъ мастерски припоровливаться къ понятіямъ молодого крестьянина и къ крестьянскому быту, повидимому, извѣстному ему превосходно. Последнее обстоятельство было зорко подмѣчено Байковымъ, который, подушутя, полусеріозно, сказалъ что будь онъ набольшій изъ набольшихъ, — онъ бы никому какъ

его превосходительству поручилъ министерство государственныхъ имуществъ съ управленіемъ нѣсколькими милліонами государственныхъ крестьянъ. Эта шутка - комплиментъ Байкова имѣла глубокий смыслъ, потому что ежели для такой должности необходимо полное знаніе русскаго крестьянства, то хоть не министромъ, а товарищемъ министра Иванъ Никитичъ могъ бы быть образцовымъ и превосходнымъ. Но не всѣмъ людямъ на роду написано занимать государственныя должности по способностямъ. — Почтенный Иванъ Никитичъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ, сыпалъ направо и налево солдатскія прибаутки и маленькіе разказы, подхватываемые воспитанниками съ восторгомъ на лету, потому что всѣ эти разказы вертѣлись на деревенскомъ житѣ-бытѣ и отличались чрезвычайною простотою и естественностію, при неподдѣльности и неходульности своихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ побасенокъ тотчасъ же на листочкахъ или въ тетрадки были воспитанниками записаны.

Мы бѣгло обошли: больницу, одну изъ спаленъ, столярную, мастерскую, безъ работы по-праздничному, даже музей машинъ и орудій, гдѣ генералъ ухватился за родную косулю, изъясняя сожалѣніе что за отсутствіемъ лѣвой руки, не можетъ тряхнуть стариной и поработать такъ какъ когда-то работывалъ, будучи мальчишкой годковъ шестнадцати. Все это восхищало воспитанниковъ и было какъ нельзя больше кстати директору, который тотчасъ смекнулъ насколько онъ можетъ съ пользою для нравственности воспитанниковъ эксплуатировать посѣщеніе его превосходительства. — Первая смѣна давно отобѣдала и большими группами расхаживала по нашимъ столамъ, чтобы ближе наслаждаться присутствіемъ генерала - солдата, который будучи еще капраломъ, квартировалъ у дѣда Григорія Полянскаго. Вторая смѣна, нарочно позже сѣвшая за столъ, обѣдала въ то время какъ мы вошли въ столовую. Генералъ съ тарелки перваго попавшагося ему на глаза воспитанника похлебалъ щей, закусилъ пирогомъ и попросилъ кваску, который, разумѣется, пилъ съ восхищеніемъ. Я тотчасъ разказалъ Байкову вчерашнюю исторію съ квасомъ, и оказалась хроника объ этомъ квасѣ такая: отецъ Матвѣя Андреевича служилъ въ Разумовскихъ ликинерахъ и отъ того хуторянина-ликинера что выучился этому квасоваренію отъ ахтырскихъ монашекъ самъ нѣкогда позаимствовалъ рецептъ, и всю жизнь до смерти другаго кваса не пивалъ, какъ этотъ

изъ ржаныхъ корокъ. Вотъ зная квасъ этотъ за наилучшій, изъ практики своей жизни, Матвѣй Андреевичъ ввелъ его въ училищѣ, въ окрестностяхъ котораго онъ извѣстенъ подъ кличкой „училищнаго“. * Разказъ мой восхитилъ Байкова, который тотчасъ распорядился посылкой на слѣдующій же день цѣлаго анкера этого кваса, а въ карету велѣлъ положить въ корзинкѣ нѣсколько бутылокъ на первый случай.. Матвѣй Андреевичъ ликовалъ отъ восхищенія, особенно когда генералъ предъ выходомъ изъ столовой на ферму, гдѣ насъ ожидали чай, кофе и завтракъ, обратясь къ стоявшимъ, въ стройныхъ рядахъ по оторонамъ двухъ длиннѣйшихъ столовъ, воспитанникамъ, по 30 въ рядъ, сказалъ:

— Ну ребятунки! Скажу вамъ, вотъ какъ Богъ святъ: вы видите на мнѣ генеральскіе эполеты, и по Божеской и царской милостямъ я могу сказать что люди не врутъ, считая что у меня, израненнаго урода, сотень нѣсколько тысячъ состоянія. Но, ей-Богу, вотъ какъ сегодня воскресенье, издохнуть мнѣ какъ грѣшнику безъ причастія и исповѣди, ежели я вру, сказавъ вамъ заподлинно что лучшаго житья, какъ ваше здѣсь у начальства за лазушкой, я не желаю родному моему сыну, и не выскочи я въ генералы, а останься однопворцемъ или унтеромъ въ отставкѣ, какъ вонъ ваши усатые дядьки,—я бы непремѣнно испросилъ разрѣшеніе Митьку моего, на собственный мой коштъ, опредѣлить въ ваше благодѣтельное Удѣльное Училище воспитанникомъ.

Матвѣй Андреевичъ не утерпѣлъ и поцѣловалъ генерала въ плечо оторванной его руки.

— Ой! камрадъ директоръ другъ сердечный, воскликнулъ Скобелевъ,—тутъ не замай: этотъ отрубокъ отъ моей руки страшный недотрога и тотчасъ разбаливается отъ малѣйшаго при-

* Ежели бы кого изъ читателей настоящей статьи заинтересовалъ этотъ квасъ, то скажу что подробное описаніе его приготовленія можно найти въ книгѣ: *Беспды петербургскаго жителя о сельскомъ хозяйствѣ и доводовъ съ воспитанниками Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*. Соч. Бориса Волжина. С.-Пб. 1838 года.—Борисъ Волжинъ—это былъ тотъ псевдонимъ подъ которымъ я издавалъ нѣкоторыя книги хозяйственнаго содержанія, которыя всѣ въ Смирдинскомъ каталогѣ значатся, составляя однако нынче почти библиографическую рѣдкость.

косновенія. А вотъ лучше поцѣлуемся такъ на обѣ щеки, по русскійскому обычаю.

За завтракомъ шли разговоры о томъ, о семъ, какъ вдругъ Иванъ Никитичъ поѣдая съ аппетитомъ жирный, настоящій казакскій варенецъ, сталъ съ досадою вытирать испачканные сливками усы, давно не стриженные, и возгласилъ:

— Бѣда съ непривычки съ этими волосяными сосульками, всемилостивѣйше намъ данными всего только невступно два года. А то бывало бритое подносье не въ примѣръ, по-моему, было лучше и удобнѣе. Но и то правда что съ усами воинъ какъ-то воинственнѣе высмотритъ.

Маневръ пожарной тревоги для Ивана Никитича былъ сдѣланъ безъ всякихъ фарсовъ и мистификацій, а очень просто, и генералъ отъ этого маневра былъ въ такомъ восхищеніи что чуть не плясалъ, хотя смотрѣлъ его съ балкова сельскаго домика, прозваннаго въ послѣдствіи „лѣтнимъ дворцомъ графа Льва Алексѣевича Перовскаго“, когда уже онъ былъ сдѣланъ графомъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ и товарищемъ министра удѣловъ. Пѣсни, исполненныя воспитанниками этотъ разъ съ еще бѣльшими чѣмъ когда одушевленіемъ и непринужденностью, въ концѣ очаровали генерала, который нѣсколько разъ принимался обнимать и цѣловать Байкова, говоря что онъ ничего подобнаго не видывалъ и не можетъ довольно надивиться тому какъ это въ десять мѣсяцевъ можно было совершить такіа чудеса, какихъ ему съ солдатами и въ пять лѣтъ не приводилось дѣлать; а ужъ кажется онъ вымущтровать сумѣетъ хоть самого чорта, коли бы потребовалось. Генералъ уѣхалъ изъ заведенія въ четвертомъ часу пополудни, но, прощаясь со мною и, по обыкновенію, ухвативъ мое лѣвое плечо своими отрубками пальцевъ правой руки, сказалъ мнѣ на ухо: „Будь я не Иванъ Скобелевъ, а Боровъ Патрикеевичъ, коли ты не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ когда-нибудь узнаешь что всѣ эти успѣхи — плоды березевой каши, а ни чего инаго, и что всѣ разказы о неупотребленіи розогъ, просто, сорока на хвостѣ принесла. Ха! ха! ха!“

Слуствя нѣсколько дней послѣ этого, Иванъ Никитичъ имѣлъ аудіенцію у его свѣтлости, князя Петра Михайловича Волконскаго и такъ его восхитилъ своимъ одушевленнымъ, искреннимъ и ловкимъ разказомъ объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ что князь безъ особеннаго затрудненія исполнилъ его

просьбу объ опредѣленіи какого-то бѣднаго, семейнаго отставнаго раненаго офицера, помощникомъ смотрителя одного изъ загородныхъ дворцовъ, кажется Ропшинскаго.

XI.

Когда Иванъ Никитичъ уѣхалъ изъ Земледѣльческаго Училища, то Матвѣй Андреевичъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и почти во весь обѣдъ главнымъ предметомъ нашего разговора былъ генераль-солдатъ Скобелевъ, отъ котораго Байковъ былъ въ восхищеніи, относясь о немъ съ искреннимъ уваженіемъ и осылая меня благодарностями за такое полезное для училища знакомство. Послѣ обѣда Байковъ началъ свой обычный инспекторскій обходъ по училищу. Я сопровождалъ его, и не могъ не замѣтить его необыкновенной, какой-то, право, геніальной способности наблюдать всякій предметъ, изслѣдовать всякій случай, казавшійся мнѣ далеко не очень важнымъ и вниманія достойнымъ. Ничто не ускользало отъ его глаза и, при этомъ, при мнѣ, никакой изъ встрѣченныхъ имъ безпорядковъ, конечно, ничтожныхъ, не возбуждалъ гнѣва начальственнаго или рѣзкихъ выраженій, напротивъ всякое его замѣчаніе сопровождалось или улыбкой, или смѣхомъ, или шуткой. Но, повидимому, подчиненные, учителя, надзиратели, мастера и воспитанники умѣли читать въ его бѣлесоватыхъ глазахъ лучше моего, далеко не нѣжные приговоры, потому что и улыбки, и смѣхъ, и шутки начальника принимали съ смущеніемъ и нерѣдко краснѣя сильно, а часто и блѣднѣя. Но я ничего не подозревалъ и скажу откровенно что не только въ 1834 году, когда я познакомился съ Байковымъ и съ его заведеніемъ, но въ теченіи четырехъ съ половиной лѣтъ моего короткаго знакомства съ Байковымъ, котораго я посѣщалъ еженедѣльно и у котораго я гащивалъ по два, по три дня сряду, до самаго моего, въ апрѣлѣ 1839 года, поступленія на службу подъ начальство Байкова, я не зналъ ничего о тѣхъ крутыхъ и даже жестокихъ мѣрахъ какія обуславливали успѣхи заведенія и его удивительную нравственность—предметъ удивленія всей петербургской публики, кромѣ однако такихъ несправимыхъ скептиковъ, какимъ былъ старикъ мой извозчикъ-сосѣдъ, съ которымъ, во время моихъ поѣздокъ, случалось мнѣ бесѣдовать объ училищѣ. Когда я проводилъ дни въ

Земледѣльческомъ и, пользуясь полною, *наружною* свободой, ходилъ повсюду одинъ или сопровождаемый группами воспитанниковъ, бесѣдуя съ ними о различныхъ предметахъ, касающихся то ихъ быта, то естествознанія, то этнографіи и географіи странъ имъ неизвѣстныхъ, то историческихъ и біографическихъ подробностей о событіяхъ знаменательныхъ и мужаяхъ знаменитыхъ, преимущественно земли Русской, никогда ни отъ кого изъ воспитанниковъ, принимавшихъ меня съ явнымъ радушіемъ, не привелось мнѣ услышать что-либо такое что могло бы оправдать доходившіе до меня разказы на сторонѣ о тѣхъ истязаніяхъ какія здѣсь бывали заурядъ. Такъ строго исполнялось приказаніе Байкова „соръ изъ избы не выносить“.

Сообщая Матвѣю Андреевичу о томъ разговорѣ „о розгахъ“ какой я въ каретѣ имѣлъ съ генераломъ Скобелевымъ, я откровенно передалъ ему замѣтку генерала-скептика сдѣланную мнѣ въ тотъ моментъ когда онъ садился уже въ карету. Байковъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ:

— Вотъ Богъ дастъ, В. П., мы съ вами поближе познакомимся, заслужимъ вашу дружбу, вы будете посѣщать насъ часто, и тогда убѣдитесь на дѣлѣ въ несостоятельности всѣхъ этихъ предположеній и даже разказовъ, ежелибы какіе-нибудь даже и разказы до васъ дойти могли какъ-нибудь. И вслѣдъ за этимъ онъ сталъ спрашивать каждаго воспитанника, нами встрѣченнаго и кланявшагося, снимая шляпу:—Ты здѣсь десять мѣсяцевъ. Сколько разъ тебя сѣкли?—„Ни разу, ваше высокородіе“ былъ отвѣтъ.—Ну, можетъ-быть, тебя били линьками, нагайками?—„Никогда, ваше высокородіе.“

— Ну, врешь же, иной разъ который-нибудь изъ мастеровъ колотилъ тебя за нелониманье или за лѣнь?—„Никогда, ваше высокородіе, тѣмъ болѣе что отъ вашего высокородія всякіе побой мастерамъ строго воспрещены, такъ какъ они могутъ ставить намъ дурные балы, которые чрезъ смотрителя работъ представляются вашему высокородію.“—Ну, а я за дурные эти балы порю васъ розгами?—„Лучше бы пороли, ваше высокородіе, легче было бы.“

— Ха! ха! ха! Вишь какой лакомка до розогъ! Въ чемъ же состоитъ мое наказаніе?

— Да въ томъ, ваше высокородіе, что вы приказываете, подъ карауломъ дежурнаго сотскаго, безъ кушака, отбираемаго сотскимъ, ходить по всему училищу къ господамъ чи-

новникамъ, къ мастерамъ, къ надзирателямъ и къ учителямъ и объявлять имъ что я лѣнтяй, дурные балы получилъ и пока не исправлюсь долженъ опоясываться веревкой. Этотъ обходъ, право, ваше высокородіе, стоитъ сотни розогъ.

Одному изъ воспитанниковъ, съ которымъ былъ такой стереотипный разговоръ, Байковъ сказалъ, смѣясь: „Ну братъ,—Байгузовъ (алатырской удѣльной конторы), ты говоришь о ста розгахъ словно о ста орѣхахъ, потому что незнакомъ съ ними.“— „А, вотъ-съ, знакомъ, ваше высокородіе, замѣтилъ воспитанникъ, да еще какъ знакомъ то-съ.“— „Это становится любопытно, сказалъ Байковъ,—въ чемъ же дѣло?“— „А дѣло то-съ въ томъ что дома еще, года полтора предъ симъ, привелось мнѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, старикомъ добрымъ, царствіе ему небесное, онъ съ полгода какъ померъ, да только, не тѣмъ быть помянуть, зашибать любилъ винцомъ,—везти въ городъ Алатырь въ контору отъ нашего волостнаго головы въ большомъ пакетѣ разчетную вѣдомость. Отецъ-то мой вложилъ пакетъ-то въ сумку, и сумку ту повѣсилъ себѣ черезъ плечо. На дорогѣ повстрѣчали мы одного человѣка, который со старикомъ моимъ любилъ хороводиться, и вотъ какъ я отца ни упрашивалъ, онъ таки пошелъ въ кабакъ съ этимъ бѣсомъ-соблазнителемъ; а меня оставилъ при лошади и телѣгѣ. Изъ кабака же онъ на своихъ ногахъ не пришелъ; а его принесли и въ телѣгу уложили кабацкіе прислужники. Глядь, а сумки-то нѣтъ. Я туда и сюда: сумка съ пакетомъ и вѣдомостью сгинула, какъ сгинулъ и подстрекатель, что напоилъ моего старика. Оказалось что этотъ злодѣй, отставной солдатъ, былъ личный врагъ нашего головы Дормидона Пафнutyича и хотѣлъ ему сыграть эту штуку. Мы вернулись въ село безъ сумки и пошли въ волость, гдѣ судъ приговорилъ родителя моего къ наказанію при всемъ мірѣ ста розгами. Старикъ былъ хилый, розогъ бы не вынесъ, и вотъ я въ ноги головѣ, и упросилъ голову чтобы розги даны были мнѣ, а не отцу моему единокровному. Такъ-то я и узналъ, ваше высокородіе, на себѣ, что такая за баня сотня-то розогъ, и все-таки доложу вамъ что то наказаніе, какимъ за нерадѣніе наше вы насъ изволите исправлять, не въ примѣръ хуже ста розогъ, потому что съ этимъ наказаніемъ наберешься стыда и сраму съ три короба, особенно у семейныхъ мастеровъ, хоть бы у дядюшки Ермила плотника, его старуха теща натрепичитъ при этомъ столько что ей-же-ей стоитъ ста розогъ. Да хоть бы намеренъ, ваше высокородіе,

когда вы изволили меня такимъ образомъ оштрафовать за плохое мое дежурство у скотника на фермѣ,—пришелъ это я съ сотскимъ Бровкинымъ, опоясанный веревкой, какъ націй, къ дядѣ Ермилу, а у него его старуха теща Анфиза Семеновна справляла свой день ангела. И пошла она меня, при всѣхъ своихъ гостяхъ, срамить и такъ, и сякъ. Мало показалось ей словъ, она запустила лапу свою толстую вдругъ мнѣ въ волосы, да и начала таскать. Дядя Ермилъ ее унимаетъ, а она, выпивши была маленько, меня-то держать за кудри правою рукой, а лѣвою цаль зятя своего за его бородищу. Ермилина хозяйка мужа выручаетъ отъ матери, а за меня сотскій Бровкинъ сердитую бабу унимаетъ и именемъ вашего высокородія пристрастилъ. Она и выпустила меня; да не утерпѣла, озарица сѣдая, дала таки мнѣ пощечину и изъ квартиры выгнала. Съ тѣхъ поръ просто на людей посмотрѣть страхъ, и ужъ я каждую мою недѣлю гдѣ бы ни дежурилъ, а надѣюсь, балъ дурныхъ не получу.“—„Ай да Анфиза Семеновна, засмѣялся Байковъ, я стараюсь не допускать здѣсь тѣлесныхъ наказаній, а она ихъ развиваетъ. Молодецъ баба! Помогаетъ мнѣ управлять моими „мальчиками“.

Увлечшись разказомъ воспитанника Федора Байгузова съ изложеніемъ о его самопожертвованіи—я въ моей записной агендѣ записалъ имя такого прекраснаго сына и, бесѣдуя часто въ послѣдствіи съ воспитанниками, я всегда находилъ случай привести имъ этотъ примѣръ великодушія и сыновней привязанности. Никто никогда мнѣ и слова не сказалъ противъ этого случая, почему, издавая въ 1837 уже году книгу для чтенія простолюдиновъ *Староста Иванъ Мироновъ*, предварительно прочтенную воспитанникамъ здѣшнямъ,—я это происшествіе съ розгами, принятыми сыномъ за отца, включилъ въ означенную книгу, съ указаніемъ на мѣстность алатырскую и на личности Байгузовыхъ отца и сына. Каково же было мое удивленіе, когда въ послѣдствіи, поступая сюда на службу, я отъ предмѣстника моего Федора Ивановича Сухомлинова, умершаго въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1872 года въ Одессѣ, гдѣ пользовался, судя по газетному некрологу, значительнымъ авторитетомъ,—узналъ что весь этотъ разказъ Байгузова былъ вымысленъ директоромъ, для вящаго обморочиванія меня грѣшнаго. Впрочемъ, почти не было въ заведеніи воспитанника который не былъ бы снабженъ какимъ-нибудь повѣствованіемъ, которымъ ловкій

директоръ умѣлъ мастерски пользоваться, въ цѣляхъ обмороживанія то того, то другаго изъ посѣтителей.

Во время нашего обхода по заведенію, мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ подошли къ тому мѣсту гдѣ была на фермѣ свинарня; къ намъ подошелъ смотритель фермы, Егоръ Васильевичъ Ревягинъ, рыжій, весь въ веснушкахъ, съ рыжими узенькими бакенбардами, въ своей длиннолобой, украшенной галунами, учительской формѣ и съ стереотипною своею улыбкой, никогда не оставлявшею его лица; довольно подобострастно кланяясь директору, сказалъ что на фермѣ все обстоитъ благополучно, кромѣ того только что молоденькій боровокъ, черненькій, берхшайрской породы, прозванный *аранчикомъ*, что-то занемогъ, не ѣстъ, не пьетъ, храпитъ, испускаетъ пѣну и катается. У дверей свинарни встрѣчены мы были главнымъ свинаремъ, извѣстнымъ уже читателю специалистомъ свинарнаго дѣла, Трифономъ Шестаковымъ, имѣвшимъ видъ очень озабоченный.

— Что это съ *аранчикомъ* случилось? спросилъ директоръ.

— Стряслась болѣзнь лихая какая-то, ваше высокородіе, сказалъ Шестаковъ. — На первый разъ, какъ уже было отъ вашей милости приказано, мы дали ему коноплянаго масла, а теперь одинъ изъ дежурныхъ воспитанниковъ растираетъ ему животъ. Всячески постараемся его отходить: больно жаль было бы потерять такого славнаго кабанка; будетъ больно хорошо для приплода, широкобедрый, да клыкастый такой, а хвостъ-то, хвостъ у него какой, такъ просто прелесть, словно буква земля, или, какъ ее? з по-вашему, весь въ закорючкахъ.

Байковъ, улыбнувшись, взглянулъ на меня и показалъ явное вниманіе специалисту-свинарю, сказавъ:

— Ужь я на Шестакова надѣюсь, онъ не дастъ околѣть *аранчику*. А кто у тебя эту недѣлю дежуритъ въ свинарнѣ?

— Егоръ Панкратовъ, симбирскій, и Тарасъ Шкуренко, саратовскій, ваше высокородіе, былъ отвѣтъ.

— Ребята усердные, сказалъ директоръ, входя въ ту загородку стойла, вдѣ на грудѣ соломы лежалъ черный боровокъ, сильно храпѣвшій, а двое воспитанниковъ стояли подлѣ него на колыняхъ: одинъ придерживалъ животное, другой усердно и тщательно растиралъ ему животъ до пота лица. Они, не перемѣняя своего положенія, продолжали свое дѣло, привѣтствуя директора словами: „Здравія желаемъ вашему высокородію!“

— Здорово, ребята, отвѣчалъ директоръ, щупая, съ видомъ

знатока, гдѣ слѣдуетъ пульсацію животнаго и, помявъ ему рыло, отчего боровокъ сталъ сильно хрюкать и началъ вырываться.

— Ползуна антимоніи и нашатырнаго отвара задать ему, сказалъ Матвѣй Андреевичъ, обращаясь къ смотрителю. — А между тѣмъ все, ребята, растирайте ему животъ. Ты, Панкратовъ, вѣдь изъ старшихъ, такъ смотри же не забудь вести журналъ болѣзни, съ поясненіемъ часа начала и всѣхъ дѣйствій съ самаго начала. Чтò бы ни случилось, записывай все, а потомъ, выздоровѣетъ ли, околѣетъ ли боровокъ, подай мнѣ записку о ходѣ болѣзни чрезъ Ревягина. А какъ кончишь дежурство, то прочтешь свою записку на сборѣ воспитанниковъ, чтобъ и они себѣ списали.

Когда мы вышли изъ свинарни и, обойдя птичникъ, овчарню, скотный дворъ и конюшню, направлялись домой, то-есть въ директорскую квартиру, Байковъ пояснялъ мнѣ что каждый случай на фермѣ, въ полѣ, огородѣ и мастерскихъ дажурные воспитанники записываютъ для прочтенія товарищамъ, которые въ свою очередь записываютъ случай этотъ въ своемъ дневникѣ и такимъ образомъ въ теченіи шестилѣтняго пребыванія здѣсь воспитанниковъ у каждого изъ нихъ невольнымъ образомъ составляется „практическій курсъ сельскаго хозяйства“, вполне русскаго, вполне примѣнимаго къ дѣлу, а не такіе какими дарятъ русскую хозяйственную литературу профессора Павловъ да Усовъ, никогда деревенскаго быта даже не вѣдавшіе и изъ столицъ не выѣзжавшіе.

Я не могъ не согласиться съ Байковымъ въ томъ что тогдашнія агрономическія книги были богаты теоріей и бѣдны практикой до крайности; но при этомъ замѣтилъ ему что по спеціальнымъ предметамъ выходятъ такіе порядочныя вещи, и вотъ на дняхъ по предмету свиноводства и свинолѣченія вышла, кажется, хорошая книга доктора Выборха, переведенная съ нѣмецкаго очень правильно.

— Я сказалъ объ этой книгѣ, прибавилъ я, — въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, А. П. Башуцкаго, нѣсколько похвальныхъ ей словъ, будучи убѣжденъ въ ея достоинствахъ, и узнавъ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, который занимался практическимъ хозяйствомъ въ окрестностяхъ Петербурга, что онъ извѣдалъ пользу книги этой на дѣлѣ и по рецептамъ ея очень простымъ и немногосложнымъ вылѣчилъ не одну больную свинью у себя. Онъ даже мнѣ говорилъ что онъ вылѣчилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ животныхъ точь-въ-точь по этой книгѣ.

— Ну ужъ позвольте вамъ сказать, В. П., воскликнулъ Байковъ,—что ежели вашъ знакомый это вамъ говорилъ, то просто шутилъ, потому что это одна изъ самыхъ вздорныхъ книжонокъ и наполнена ложью и пустяками. Очень даже жаль что вы поторопились похвалить ее въ *Журналъ Общепользныхъ Свѣдѣній*, очень, очень и очень жаль для вашей чести, какъ сотрудника журнала. Я купилъ эту книжонку вслѣдствіе отчасти вашей похвалы; да какъ прочелъ, такъ чтобъ она какимъ-нибудь манеромъ не попалась въ руки воспитанниковъ и они тамъ вздоръ не начитались, а ее сжегъ намеренно въ хлѣбопечкарной печи собственноручно.

Это меня немножко смутило; но въ короткое время моего знакомства съ Байковымъ я успѣлъ убѣдиться въ томъ что нѣтъ того агрономическаго сочиненія которое онъ считалъ бы вниманія достойнымъ, до того что, по его мнѣнію, даже безсмертный Тееръ былъ не что иное какъ выдохшійся гелертеръ, который дальше своего Мёглина ни о чемъ понятія не имѣлъ.

— Я для здѣшнихъ воспитанниковъ создалъ особенный курсъ, курсъ чисто практическаго характера! восклицалъ онъ.—А не теоретическую диссертацию, распложенную на десятки томовъ, и я увѣренъ что каждый изъ моихъ „мальчиковъ“, по окончаніи курса, за поясъ заткнетъ cadaго изъ этихъ ученыхъ болтуновъ.

— Ну а что вы думаете, Матвѣй Андреевичъ, о томъ четверономъ пациентѣ котораго мы оставили въ свинарнѣ? спросилъ я.—Выздоровѣтъ ли или околѣтъ онъ?

— Непремѣнно выздоровѣтъ, отвѣчалъ Байковъ, — ежели только всѣ наставленія мои будутъ выполнены.

Напившись чаю, какъ водится съ обиліемъ превосходныхъ сливокъ и столько же превосходнаго сливочнаго масла и бубликовъ, мы съ Байковымъ изъ столовой перешли въ его кабинетъ, уже извѣстный читателю по тому подробному описанію какое сдѣлано мною этой комнатѣ, какъ театру постоянной дѣятельности Байкова и гдѣ я былъ свидѣтелемъ многихъ сценъ и случаевъ нашедшихъ мѣсто въ этой моей довольно обширной статьѣ, въ которой читатель, независимо отъ Земледѣльческаго Училища, главной ея цѣли, знакомится съ множествомъ побочныхъ обстоятельствъ и личностей, къ заведенію этому не принадлежащихъ, но теперь болѣе или менѣе связанныхъ

съ нимъ по ходу моего разказа. Въ этомъ кабинетѣ на диванѣ покрытомъ хорошимъ тюфякомъ и на этотъ разъ окруженномъ ширмами, было устроено для меня прекрасное ложе съ подушками, одѣялами и съ бѣлымъ поразительной опрятности. Я очень благодарилъ Байкова за вниманіе; а онъ просилъ у меня позволенія при мнѣ кончить офиціальную часть дня, то-есть принять: эконома, полицеймейстера, смотрителей фермы и работъ мастерскихъ, полевого надзирателя, старшаго учителя, сотскихъ сегодняшнихъ и завтрашнихъ. Интересуясь видѣть всю эту процедуру, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бойкихъ и необыкновенно практическихъ распоряженій Байкова, какъ директора, то отдававшаго приказанія свои словесно, то дѣлавшаго отмѣтки въ подаваемыхъ ему книгахъ и тетрадкахъ. Не нужно однако было быть большимъ Лафатеромъ, или Ла-Брюйеромъ, или Жеро чтобы не замѣтить что при мнѣ не все договаривалось и что инныя отмѣтки въ книгахъ и тетрадкахъ заставляли или краснѣть или блѣднѣть подчиненныхъ, хотя съ лица Байкова не сходила улыбка. Не буду повторять здѣсь всего этого подначальственнаго чисто технического доклада, какъ потому что для большинства читателей это скучно, такъ и потому что эпизоды такихъ докладовъ читатели еще встрѣтятъ въ разныхъ фазисахъ этой статьи, конецъ которой не сейчасъ придетъ. Скажу только что при рапортѣ смотрителя фермы Ревягина Байковъ не забылъ спросить объ *аранчикѣ*, и получилъ въ отвѣтъ что боровокъ начинаетъ дышать лучше немножко.

— Можно прибавить еще антимоніи; но только осторожно, замѣтилъ директоръ.—Ежели же однако боровку сдѣлается хуже, то дать мнѣ знать, и разбудить меня хоть бы ночью. Мы васъ не разбудимъ, В. П., сказалъ Байковъ, обращаясь ко мнѣ, — можете быть увѣрены что будемъ ко сну вашему внимательны.

— О! со мной не церемоньтесь, замѣтилъ я,—я буду у васъ спать какъ убитый: даже барабаномъ нельзя будетъ разбудить меня, благодаря хорошей сегодняшней прогулкѣ и благодаря превосходному ложу устроенному для меня вашею гостеприимною внимательностью.

— А вотъ что, В. П., заговорилъ онъ, — завтра у насъ 29 августа, табельный праздникъ, и такой что вы можете быть свободны отъ департамента на завтра и на Александровъ день, а ужъ въ среду я васъ доставилъ бы въ Питеръ самъ ранехонько.

Но хоть завтра и праздникъ Успѣшенія Главы Іоанна Предтечи, мы послѣ обѣдни и до обѣдни будемъ таки работать, потому что въ полѣ много есть дѣла, а „мальчиговъ“ надо приучать къ труду, чтобы не пользовались предложениями праздниковъ для баклушничанья, такъ вы завтра услѣдете ознакомиться съ нѣкоторыми нашими дѣйствіями будничнаго характера. Согласны ли вы на это, то-есть остаться у насъ до среды?

Я изъявилъ согласіе, но просилъ только велѣть отвезти завтра утромъ записочку отъ меня къ моей матери, чтобы она не беспокоилась о моемъ отсутствіи на нѣсколько дней. Байковъ послѣшилъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ вошелъ разсыльный воспитанникъ изъ дежурной комнаты и доложилъ что изъ города отъ его свѣтлости господина министра курьеръ привезъ записку на имя его высокородія, какую записку тотчасъ и подалъ. Байковъ принялся читать записку. Записка, противъ обыкновенія, оказалась написанная собственноручно самимъ министромъ, то-есть крайне экстренная, и Байковъ, предоставивъ мнѣ чтеніе газетъ дня, занялся изготовленіемъ отвѣта, велѣлъ чтобы курьера камердинеръ его, Никифору, угостилъ чаемъ и наливкой, съ тѣмъ чтобы онъ отвезъ отвѣтъ его свѣтлости. Отвѣтъ этотъ написанъ былъ на большомъ листѣ такъ-называемой бумаги для всеподданнѣйшихъ докладовъ и тотчасъ съ него самимъ Бийковымъ была снята копія и пришита къ дѣлу министра, вложенной, какъ какая драгоценность, въ листъ веленовой бумаги. Когда все было тщательно запакетовано и запечатано, призванъ былъ сановитый курьеръ, судя по медалямъ, изъ военныхъ нижнихъ чиновъ, который сказалъ что „ихъ“ свѣтлость приказать изволили, какъ только вернутся изъ театра, гдѣ Тальионова представляетъ, представить имъ рапортъ его высокородія господина директора. Господинъ директоръ самъ вложилъ пакетъ въ сумку курьера, съ которымъ ласково поздоровался и что-то сунулъ тому въ эту сумку, показавшееся мнѣ синею пятирублевою бумажкой, вслѣдствіе чего курьеръ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ сказалъ: „Самолучно будемъ имѣть счастье представить. Счастливо оставаться, премного вашимъ высокородіемъ (дай Богъ скорѣе превосходительства)—довольны“.

— А вотъ, дорогой В. П., сказалъ Байковъ, весело обращаясь ко мнѣ,—ничто никогда не было такъ кстати, какъ праздничный завтрашній день, благодаря которому мы васъ

у насъ заарестуемъ и вы мнѣ сослужите на вѣки незабвенную службу, отъ которой, смѣю надѣяться, не откажетесь.

— Радъ душевно служить вамъ, Матвѣй Андреевичъ, но не знаю, право, въ чемъ дѣло? замѣтилъ я.

— Дѣло для васъ плѣвое: вы свободно говорите по-французски, и завтрашній день, когда сюда будетъ одна прелестная Француженка, надо будетъ ее принять отличнѣйшимъ манеромъ. Все что въ нашей власти—мы исполнимъ и исполнимъ на славу, я надѣюсь, но болтать по-французски съ Парижанкой ни я, ни мой помощникъ, ни полицеймейстеръ, ни Нѣмчурка лѣкарь не умѣемъ; а она, проклятая, ни слова не знаетъ по-русски; такъ вотъ изволите видѣть, вы ее примите, вы ее водите, вы ее угощайте, вы ее удивляйте, а ужъ остальное наше дѣло: все твориться будетъ отличнѣйшимъ манеромъ и какъ бы по щучьему велѣнью. Мы на томъ стоимъ! Согласны вы В. П.?

Я охотно согласился, имѣя въ перспективѣ завтра оживленную бесѣду съ умною и бойкою Парижанкой, да еще, въ придачу, и красавицей, что все мнѣ очень улыбалось. Мнѣ сдавалось что это должна быть какая-нибудь знаменитость дипломатическаго или артистическаго міра. Оказалось что я не ошибся во второмъ отношеніи: особа которую завтра надо было такъ чествовать была ни болѣе, ни менѣе, какъ тогдашняя звѣзда первой величины французскаго театра, тридцатилѣтняя красавица и умница, очень блестяще образованная Виргинія Бурбье, обворожившая престарѣлаго министра. Впрочемъ, сколько извѣстно, это была самая платоническая привязанность, главнымъ основаніемъ которой была не столько обворожительная пластика артистки, сколько ея умъ, украшенный начитанностью безъ малѣйшаго педантизма, и ея свѣтская ловкость, дававшая ей возможность играть дивно хорошо въ Скрибовой *Camaraderie ou la courte échelle* роль молодой жены дряхлаго пера, представляемаго тогда неподражаемымъ Верне. Затѣмъ Байковъ пустился въ подробности завтрашняго приѣма великолѣпной и знатной посѣтительницы, — сказавъ что сначала надо показать залу, церковь, классы, спальни, мастерскія, больницу, музеумъ, столовую, кухню, садъ, пчельникъ; а ежели она пріѣдетъ во время обѣда, то, не ходя никуда, ввести въ столовую. По полямъ водить ее нечего, а показать ей ихъ съ балкона сельскаго дома Л. А. Перовскаго. Главное дѣло, — угостить въ молоч-

нѣ, куда отъ него, кромѣ того что тамъ всегда налицо изъ молочныхъ скоповъ, принесены будутъ: чай, кофе, даже шоколатъ и самыя свѣжія яица въ смятку. Французенка будетъ въ восхищеніи, особенно когда ей въ экипажъ поставятъ цѣлую корзину съ сырами бри и разными нашими произведеніями, до которыхъ она большая лакомка, что извѣстно ему, Байкову, такъ-какъ князь уже не разъ посылалъ къ ней эти образчики.

— Можно будетъ, сказалъ Байковъ, усладить ее сотами и поднести ей десятокъ артишоковъ, только-что нами вырощенныхъ. Уѣхать ей не отсюда, а отъ молочной, такъ-какъ мы распорядимся экипажъ-то ея послать на ферму черезъ часъ послѣ ея туда съ вами прихода. Когда она соберется совсѣмъ садиться въ экипажъ, я подстерегу этотъ моментъ и выйду, въ формѣ и регаліяхъ, со свитой смотрителей, учителей, сотскихъ, и вы меня съ нею познакомите, потрудясь быть нашимъ переводчикомъ. А до тѣхъ поръ вы предложите ей видѣть маневръ пожарной тревоги. Она, конечно, рада будетъ такому „спектаклю“, вы шелнете дежурному сотекому, который будетъ около васъ, какъ хвостъ у кометы, и мигомъ все загремитъ и поскачетъ по огромному двору фермы. Потомъ въ порядкѣ вещей гимны, лѣси, плясъ, присядка. О! я увѣренъ что Французенка восхитится.

— Вы, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—и впрямь сведете Французенку съ ума всѣми этими любезностями. Однако, смотрите, около полночи. Не пора ли намъ бай-бай?

— Ваша постель, отвѣчалъ Байковъ,—васъ ожидаетъ, ложитесь безъ церемоній. Я же еще посижу часокъ для нѣкоторыхъ записокъ текущаго дня, о которомъ я на завтрашнее утро долженъ донести Льву Алексѣевичу. Не прикажете ли позвать моего, правда, не очень ловкаго камердинера, чтобы раздѣть и разууть васъ, В. П.?

— Отъ роду родясь, засмѣялся я,—это было бы для меня въ первый разъ: я никогда, сколько себя помню съ малолѣтства, не употреблялъ лакейскихъ услугъ и все около себя умѣю дѣлать самъ.

— Это превосходно, это по-англійски, замѣтилъ Байковъ, большой поклонникъ всего англійскаго.—Пожалуста завтра, при свиданіи съ моею бабой (такъ онъ въ интимности называлъ свою жену), расскажите ей о вашемъ спартанскомъ воспитаніи, потому что она готова совсѣмъ испортить нашего мальчугана; ему семь лѣтъ, а онъ не умѣетъ самъ рубашки на себя

напаялить, саложенокъ натянуть безъ няньки. Я этого терпѣть не могу. Однако доброй ночи: вы, кажется, ужь спите?

Чего „кажется“: я, быстро раздѣвшись за ширмами, легъ на тюфякъ, и едва голова моя коснулась лѣтнительныхъ своею свѣжестью подушекъ, какъ уже спалъ крѣпчайшимъ сномъ. Боже мой, чего бы я не далъ въ настоящее время, страдая мучительною бессонницей, за этотъ богатырскій сонъ, къ какому я былъ способенъ за 38 лѣтъ предъ симъ. Однако, какъ я ни спалъ крѣпко, и даже храпѣлъ, но не могъ не услышать въ половинѣ втораго часа ночи легкое постукиваніе въ дверь отъ дежурной комнаты, которая была въ нѣсколькихъ вершкахъ разстоянія отъ моей головы. Байковъ собирался лечь въ постель за своими ширмами и былъ уже въ халатѣ. Онъ быстро прошелъ къ двери, отворилъ ее и шелотомъ спросилъ: „Что?“

— Боровокъ *аранчикъ* совсѣмъ издыхаетъ, ваше высокородіе, вполголоса говорилъ смотритель фермы.

— Тише, не разбуди гостя (а гость уже не спалъ, хотя фальшиво похрапывалъ). Изъ нашатырнаго настоя заката ему клистиръ. Я приду сейчасъ. Иди скорѣе, распоряжался Байковъ, залерь дверь, а самъ, вооруженный свѣчой, бросился къ шкапчику съ книгами около втораго окна. Онъ торопливо отворилъ шкафъ и вынулъ оттуда какую-то книгу, схватилъ карандашъ со стола и сталъ что-то изъ книги выписывать, въ забывчивости, произнося: „Пять гранъ *acidum nitri*, хлориновой извести, масла льнянаго. Ахъ! чортъ возьми, а я ему всадилъ антимонія!“ Въ это время послышался новый легкій шорохъ у двери. Байковъ наскоро надѣвалъ нагольный тулупъ и мѣховую шалку и отворилъ дверь съ словами: „Ну что еще? Иду, иду, болваны, все перепутали, не поняли, дали антимонію!...“ Тихій голосъ дежурнаго сотскаго говорилъ около двери: „Ваше высокородіе, *аранчикъ*, кажется отходить совсѣмъ. Послѣ клистира хуже стало.“—„Хуже стало оттого, крикнулъ Байковъ, запирая снаружи дверь и, такимъ образомъ, оставляя меня подъ ключомъ,—оттого что всѣ вы кацалы, ослы, ничего понять не умѣете и все путаете только!“

Находясь подъ ключомъ въ первый разъ въ жизни, я не могъ не усмѣхнуться моему небывалому положенію и вздумалъ, благодаря Байковымъ зажженной свѣчи на столѣ, воспользоваться моимъ арестомъ для удовлетворенія моего, простительнаго въ этомъ случаѣ, любопытства. Кстати любезность хозяйевъ простиралась до того что на полу у дивана, на которомъ я спалъ,

были поставлены туфли лаетеные изъ канатныхъ бичевокъ. И-такъ, обутый въ эти туфли, я, мягко ступая по лакированному полу кабинета, быстро подошелъ къ столу и нашелъ на немъ подлѣ шандала раскрытую книгу съ карандашными отмѣтками на страницахъ. Что жь это за книга въ крѣпкомъ домашнемъ кожаномъ переплетѣ? *О разведеніи и содержаніи свиней*, соч. доктора Выборха. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1834 года. „Браво! каковъ мой амфитріонъ-агрономъ, подумалъ я, бранить на чемъ свѣтъ стоитъ книгу; а самъ въ нужныхъ случаяхъ изъ нея черпаетъ вольною рукой!“ На развернутомъ мѣстѣ я прочелъ подробное и обстоятельное описаніе той свинной болѣзни отъ которой страдалъ знаменитый боровакъ *аранчикъ* и, при этомъ, огромный латинскій рецептъ лѣкарствъ съ русскимъ переводомъ. Потушить свѣчу я не считалъ нужнымъ, такъ какъ Байковъ могъ помнить что онъ ее оставилъ зажженною, почему я легъ въ постель, поджидая событій; но легъ не прежде какъ заглянулъ въ незапертый, на этотъ разъ, таинственный шкафъ, гдѣ нашелъ множество хозяйственныхъ книгъ, изданныхъ въ то и въ раннѣйшее время въ Петербургѣ и Москвѣ на русскомъ языкѣ, оригинальныхъ и переводныхъ. Независимо отъ полнаго Теера въ переводѣ С. А. Маслова, я увидѣлъ тутъ даже огромное собраніе твореній достопочтеннѣйшаго Андрея Тимофеевича Болотова и *Лексиконъ Городскаго и Сельскаго Хозяйства* И. Двигубскаго. Хозяйственные журналы за всѣ годы и *Земледѣльческая Газета* равномерно тутъ нашли себѣ болѣе или менѣе почетное мѣсто. Удовлетворивъ свое любопытство, я легъ въ постель и, лежа, разсуждалъ о различныхъ фазисахъ и шансахъ моего новаго знакомства, которое въ такое короткое время, какихъ-нибудь двухъ недѣль, сопровождено было столькими случайностями. Я вспоминалъ завтракъ у Марьи Алексѣевны Крыжановской; первую мою поѣздку въ Земледѣльческое; извозчика-скептика; Греча, бранящаго Байкова; департаментскіе случаи съ перомъ, кресломъ и отпусками подписанными за меня вице-директоромъ; потомъ обѣдъ у Марьи Алексѣевны; поѣздку съ нею и съ Гречемъ на праздникъ въ Земледѣльческое; побѣду Байкова надъ Гречемъ-ругателемъ; подарки-гостинцы мнѣ Байкова; квасъ, поднесенный И. Н. Скобелеву; поѣздка съ Иваномъ Никитичемъ въ Земледѣльческое; обходъ съ Байковымъ по заведенію; его толки и разговоры; болѣзнь боров-

ка; наконецъ перспектива приѣма мною здѣсь завтра блестящей Бурбѣе, которую я изъ мѣстъ за креслами и изъ галереи Малаго Театра * уже нѣсколько лѣтъ сряду ребячески обожалъ и ставилъ выше всякаго женскаго идеала. Вдругъ во время этихъ послѣднихъ милыхъ грезъ слышу что дверь около моей головы начинаетъ отворяться и въ комнату вошелъ Байковъ, который начинаетъ осторожно снимать тулупъ и шапку, а потомъ убирать со стола книгу и заперать шкафъ. Обратясь къ свѣчу и тщательно съ нея снимая щипцами, онъ про себя довольно громко сказалъ: „Якъ же я маху далъ, свѣчу забыть здѣсь!“ Желая скорѣе знать развязку ночной экспедиціи Байкова, я сдѣлалъ видъ будто свѣтъ и отпирание, и заперіе двери разбудили меня, и довольно искусно подражая человѣку въ просонкахъ, воскликнулъ:

— Какъ свѣтло! Люди ходятъ, а я сплю! Пора вставать!

— Какое пора вставать, заговорилъ Байковъ, туша за ширмами свѣчу,—всего половина третьяго часа, я еще не спалъ, а вы, кажется, у Храповицкаго погостили, милый гость. Хе, хе, хе!

— Да, благодаря вашему тюфяку и вашимъ подушкамъ, я спалъ сномъ Соловья Разбойника; только показалось мнѣ теперь словно кто-то ходилъ и отворялъ дверь, что за моею головой.

— Эка жалость, это я васъ разбудилъ. Вѣдь ходилъ-то я, и долго не былъ здѣсь. Вы этого не знаете?

— Нѣтъ не знаю. Куда же это вы ночью ходили?

— Ходилъ спасать боровка отъ смерти и, слава Богу, спасъ. Теперь онъ отлично принялся за болтушку, только я запретилъ давать ему слишкомъ много. Но дурни, чего добраго, и это перепутають, какъ перепутали съ лѣкарствами давича, чѣмъ чуть не убили бѣдное животное.

— Неужели же они не дали предписанныхъ вами антимонія и нашатыря?

— То-то и естъ что дали, дурни. Неужели и вамъ послышалось что я приказывалъ эти лѣкарства?

— Рѣшительно помню что приказывали антимонію и нашатырь, да растираніе живота.

— Дивное дѣло! Они увѣряють меня что я все это приказываю.

* Въмѣсто него выстроенъ былъ Александринскій театръ; а французскіе спектакли переведены были въ новолостроенный Михайловскій театръ.

валъ, вы подтверждаете. Просто непонятно! Меня улырь вид-но какой-нибудь тогда смутилъ, потому что такое глупое лѣ-ченіе можно встрѣтить развѣ въ книгѣ доктора Выборха.

Я не считалъ нужнымъ сообщать о моемъ открытіи, считалъ за благо прикинуться спящимъ и захрапѣлъ, сначала искусственно, а вскорѣ и естественно, заснувъ превосходно и прославъ до шес-сти часовъ, когда Байковъ деликатно разбудилъ меня, приглашая проѣхаться съ нимъ въ кабриолеткѣ его, по полямъ чтобы взгля-нуть на работы до чая, который аппетитѣе будетъ пить по возвращеніи. Я поздоровался съ нимъ, поблагодарилъ за приглашеніе, умылся въ мѣдномъ тазу ледяною водою, мигомъ одѣлся въ мое отлично вычищенное людьми Байкова платье, и мы вышли на крыльцо, гдѣ насъ ожидалъ низенькій шведскій кабриолетъ, очень помѣстительный, запряженный въ шоры на постромкахъ въ одну небольшую обвѣнку половой масти. Ко-некъ по справедливости назывался *Козыремъ*, потому что прегордо и префарсисто выступалъ, управляемый Байковымъ, который ѣхалъ по полямъ медленно, дѣлая замѣчанія рабо-тавшимъ плугомъ воспитанникамъ въ различныхъ мѣстахъ; въ другихъ боронили, въ третьемъ мѣстѣ воспитанники заняты были выниманіемъ изъ земли картофеля и турнепса, которые сваливались въ кучи, просушивались и на телѣгахъ свозились въ обширныя кладовыя. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли воспи-танниковъ косившихъ траву и ставившихъ стога небольшіе. Я удивился что 29го августа косятъ траву. Директоръ обратился къ ѣхавшему за нами верхомъ сотскому и велѣлъ ему дать мнѣ отвѣтъ.

— Это-съ, сказалъ сотскій,—второй укосъ клевера косятъ. Ежелибы привести сюда кого-нибудь изъ моихъ вологодскихъ земляковъ, не захотѣлъ бы глазамъ вѣрить своимъ что быва-етъ второй сѣнокосъ.

Мы обѣхали всѣ поля, гдѣ останавливались въ различныхъ мѣстахъ, причемъ Байковъ отдавалъ различныя приказанія или дѣлалъ наставленія чисто практическаго характера, и эти за-мѣчанія воспитанники, тутъ находившіеся, тотчасъ записыва-ли довольно грамотно въ своихъ записныхъ книжечкахъ, не-разлучныхъ съ каждымъ изъ нихъ гдѣ бы онъ ни находился. Съ полей мы проѣхали къ огороду. Здѣсь мы вышли изъ эки-лажа, который тотчасъ былъ препровожденъ, по принадлежно-сти, на ферму, а мы продолжали обзорѣе наше пѣшкомъ. Зрѣлище энциклопедическаго, необыкновенно разнообразнаго

огорода поразило меня, никогда не выдававшего ничего подобного, такъ какъ на окрестныхъ столичныхъ дачахъ, гдѣ мнѣ лѣтовать приводилось, ничего подобного здѣшнему не было и въ поминѣ. Искусственный грунтъ огородныхъ грядъ, необыкновенно тщательный уходъ за овощами, поливка возбуждательными жидкостями, — защита отъ климатическихъ и стихійныхъ случайностей, все это вмѣстѣ доводило растительность до размѣровъ и совершенства поразительныхъ, такихъ какими овощныя произведенія отличаются развѣ только въ Китаѣ, отечествѣ огородничества, доведеннаго до *pes plus ultra*. Тутъ между прочимъ я увидѣлъ то что видалъ только на рисункахъ, — кукурузу произраставшую въ числѣ 30—40 тростей, подъ петербургскимъ небомъ, на почвѣ болотистаго свойства, замѣненной, разумѣется, почвой искусственною, лежавшею на полу изъ литья и извести, отдѣлявшихъ ее отъ чухонскаго материка. Байковъ, какъ уроженецъ южной части Россіи, очень любилъ лакомиться кукурузными зернами. Мака всѣхъ цвѣтовъ радуги здѣсь было разведено безчисленное множество, и кусты его, доведенные до высоты необыкновенной, разстѣяны были красивыми, пестрыми кулами въ различныхъ мѣстахъ огорода. Подсолнечники, безъ которыхъ не мыслимъ русскій огородъ, были здѣсь такъ высоки что безъ преувеличенія равнялись ростомъ небольшой березѣ или порядочному вишневному дереву и удивляли толщиной своихъ стволовъ. Парникъ былъ не великъ; но въ немъ была всевозможная зелень и разнообразныя огурцы, начиная отъ корнишоновъ до громадныхъ турецкихъ и бѣловатыхъ гарлемскихъ огурцовъ. Нѣсколько дынь и арбузовъ величественно покоились на стеклянныхъ подставкахъ, а дюжины три тыквъ доведены были до такихъ размѣровъ что при видѣ ихъ нельзя было не ахнуть, что я тутъ и дѣлалъ тогда постоянно, хотя въ послѣдствіи убѣдился, при приобрѣтеніи большей опытности, что такой огородъ и такой парникъ, стоящіе страшныхъ денегъ, никогда и никакъ не могутъ окупиться своимъ доходомъ даже подъ столицей, почему ихъ нельзя считать иначе какъ забавой, потѣхой, игрушкой, порожденными фантазіей богатства и пресыщенія. Байковъ увѣрялъ меня, да и не меня одного, что конечно воспитанникамъ, по водвореніи ихъ дома на усадьбахъ, не суждено, гдѣ бы то ни было, даже въ благодатныхъ климатахъ Симбирской и Саратовской губерній, или Сарapulьскаго уѣзда Вятской губерніи, имѣть у себя такія именно овощи и вообще расте-

нія; но важно то что, убѣдясь въ возможности такъ бороться съ природой, какъ они борются съ нею здѣсь, имъ, при другихъ условіяхъ климата и почвы, будетъ уже не трудно производить много, не употребляя уже тѣхъ усилій какія они здѣсь употребляютъ, и это „много“ вознаградитъ ихъ съ избыткомъ количествомъ и качествомъ за отсутствіе красоты и громадности растительныхъ экземпляровъ. Я слушалъ тогда Байкова словно оракула; но въ послѣдствіи узналъ отъ многихъ лицъ, довѣрія достойныхъ, ѣздившихъ по Россіи и видѣвшихъ удѣльные образцовыя усадьбы, гдѣ хозяйничали бывшіе воспитанники Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, что все это напускное, фальшивое хозяйство держалось такъ-сякъ до смерти графа Л. А. Перовскаго, потомъ же быстро все пошло къ уладку и.... мыльный пузырь лопнулъ какъ лопаютъ всѣ мыльные пузыри. Изъ огорода, мимо различныхъ хозяйственныхъ заведеній, какъ „сушило“, служившее для сушки подѣлочнаго лѣса посредствомъ сильной искусственной вентиляции, а равно и другаго строенія, называвшагося „скотскою лѣвчебницей“, на этотъ разъ пустого, мы прошли къ мастерскимъ плотничной и столярной, гдѣ работало нѣсколько воспитанниковъ надъ земледѣльческими орудіями и машинами, какъ напримѣръ вѣялками. Въ кузницу и слесарню, стоявшія особнякомъ, мы также заглянули, и потомъ всѣмъ огромнымъ пространствомъ двора училищнаго прошли къ директорскому дому, гдѣ насъ давно ожидалъ громко клокотавшій самоваръ. Во время нашего чаепитія и пріязненной бесѣды явился смотритель фермы, рыжій и вѣчно ухмыляющійся Ревягинъ, живою портретъ „Смѣющагося человека“ (l'Homme qui rit) Виктора Гюго. Почтительно подавъ директору дневную рапортицу, Ревягинъ вмѣстѣ съ тѣмъ словесно объяснилъ что *аранчику* стало совершенно хорошо и что онъ аппетитно „кушаетъ“.

— Однако, замѣтилъ Байковъ, — пусть онъ не кушаетъ, а ѣстъ пока умѣренно, не черезчуръ увлекаясь по своей свиньячей натурѣ: можетъ быть рецидивъ, и тогда плохо будетъ. А вотъ сегодня, то-есть такъ часа черезъ два, пожалуетъ сюда одна знатная иностранка, такъ чтобъ на фермѣ все было какъ стеклышко и особенно въ молочной. Дежурныхъ въ молочной я уже велѣлъ замѣнить двумя красавчиками на сегодняшний день. Да чтобъ они надѣли коленкоровыя бѣлыя рубахи и волосы коровьимъ масломъ не намащивали бы, а пусть Александръ, фельдшеръ, отпуститъ имъ чайную ложечку геліотроловой

помады, какую онъ для Катерины Андревны приготовилъ. Лебедеву быть въ канаусовой палевой рубахѣ съ голубыми аг-рамантами и поручниками, какою его на Пасху пожаловалъ господинъ вице-президентъ. Еще не забудь отпустить старшимъ „мальчикамъ“ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и самыхъ свѣжихъ нашихъ вѣнковъ изъ полевыхъ растений для поднесенія этой барынь. Распорядись освѣжить вѣнокъ спрыскомъ холодной воды, и вели ввернуть въ него нѣсколько васильковъ и десятокъ цвѣтовъ маку; да отъ моего имени попроси у нашего священника нѣсколько штукъ изъ его мѣсячныхъ розъ, также влестъ туда, словомъ, чтобъ вѣнокъ былъ на славу. Кромѣ того для угощенія постытительницы, которую сопровождать будетъ В. П., изъ молочныхъ скоповъ, отнеси на расходъ, для отпуска съ нею въ корзиночкѣ, пять формъ бри, маслянку масла въ два фунта въ видѣ снопа, шампанскую бутылку сливокъ, порцію варенца въ посудинѣ и порцію нашего творога со сметаной также въ посудинѣ. Упаковать это такъ чтобъ не расплескалось; да еще спроси у пчеловода формочку самыхъ душистыхъ сотовъ. Это подать къ завтраку; а ежели ей полюбуется медъ, то и его запаковать. Когда корзинка будетъ готова къ окончательной запаковкѣ, принести мнѣ на осмотръ. Насчетъ того чтобы всѣ приказанія В. П. исполнять какъ бы мои нечего мнѣ тебѣ напоминать. Иди!

XII.

Вскорѣ раздался звонъ къ обѣдни, и мы пошли въ церковь, гдѣ нашли не всѣхъ воспитанниковъ, а только тѣхъ которые не имѣли въ этотъ день занятій въ полѣ и огородѣ. Такъ, изъ мастерскихъ и изъ другихъ мѣстъ всѣ пришли въ церковь. По окончаніи литургіи, священникъ, разоблачившись, въ рясѣ вышелъ на амвонъ и, облокотясь слегка на поставленный предъ нимъ нагой, не говорилъ проповѣди, а рассказывалъ очень занимательно для своихъ слушателей исторію и значеніе, какъ сегодняшняго праздника, то-есть Усѣкновенія Главы, такъ и завтрашняго, то-есть Св. Александра Невского, причемъ рассказалъ о перевезеніи его мощей самимъ государемъ Петромъ Великимъ, а также упомянулъ о томъ что именемъ Александра былъ нареченъ Императоръ Александръ Павловичъ, спасшій Россію въ 1812 году отъ нашествія Галловъ съ

дванадесять языкъ. Не забылъ также сказать что завтрашній день есть день тезоименитства его высочества наслѣдника престола и спросилъ воспитанниковъ съ амвона: „Въ которомъ году его высочество родился?“

— Въ 1818мъ громко отвѣчали воспитанники.

— Гдѣ родился его высочество цесаревичъ?

— Въ Москвѣ Бѣлокаменной.

— Который теперь годъ его высочеству?

— Шестнадцать.

— Помолимся же завтра усердно за здравіе и благоденствіе его императорскаго высочества государя наслѣдника, братцы, а теперь,—аминь! сказалъ священникъ и поклонился на всѣ стороны, но въ сторону директора съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ; а затѣмъ сошелъ со ступенекъ амвона и собственноручно поднесъ директору и его семейству просвиру. Директоръ нашелъ нужнымъ похвалить разказъ батюшки о праздникахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ познакомить меня съ нимъ. Въ это время, торопливо крестясь, вошелъ дежурный сотскій, только-что соскочившій съ коня и доложилъ директору что ожидаемая знатная посѣтительница ѣдетъ и что ея карета уже на проспектѣ.

— Ну, дорогой В. П., захихикалъ Байковъ,—ваша роль чичероне—парле-франсе начинается. Пожалуйста, введите ее въ классы, пока я улечусь до моей хаты, потомъ войдите сюда въ залъ, покажите церковь и при ней велите запереть перегородку залы отъ алтаря и иконостаса. Затѣмъ пожалуйста прямо къ дому, дайте ей попробовать сегодняшнюю постную похлебку, лапшу и рыбку жареную. (Онъ взглянулъ въ окно.) Вотъ карета четверней гнѣдыхъ въ рядъ, по-загородному, кучеръ съ лавлиными перьями на шляпѣ. Идите, драгоценный, а потомъ я упаду вамъ въ ножки.

Я вышелъ на подъѣздъ. Лакей въ фантастической, но скромной ливреѣ высаживалъ трехъ дамъ, изъ которыхъ одну, Бурбье, я зналъ по сценѣ, а двухъ, жену инженеръ-полковника Ламе, госпожу Меланію Ламе, оказавшуюся пансіонскою подругой нашей знаменитой артистки, и содержательницу моднаго магазина на Невскомъ, мадамъ Дюливье,—оказавшуюся поставщицей, *fournisseuse*, мадмуазель Бурбье,—я лично и съ давняго времени довольно коротко зналъ, о чемъ я говорилъ и въ статьѣ *Знакомство съ Воейковымъ*.

Когда дамы вышли изъ экипажа на платформу подъѣзда, я

отрекомендовалъ себя госпожѣ Бурбѣ, которая вблизи показалась мнѣ, въ своемъ блестящемъ, но простомъ туалетѣ, столько же изящна, какъ я видѣлъ ее изъ дальнихъ мѣстъ партера на сценѣ Малаго Театра. Большіе, выразительные, преисполненные поэзіи, сине-васильковые глаза ея были обворожительны, черты, начиная съ нѣсколько вздернутого обыкновеннаго картофельнаго носика, очень милые, но, всматриваясь ближе въ это необыкновенно пріятное и благородное лицо довольно высокой и великолѣпно сложенной, стройной женщины, нельзя было не замѣтить что она уже не первой молодости, и что кожа ея лица, покрываемая каждый вечеръ бѣлилами и румянами, не имѣла обаятельной свѣжести юности. Однако, и это, по моему мнѣнію, дѣлало ей честь, вѣдь сцены она не употребляла нисколько притираньевъ. Отрекомендовываясь, я объяснилъ что директоръ заведенія не совсѣмъ здоровъ, да и, не владѣя французскимъ языкомъ, онъ не могъ бы поддерживать съ дорогою гостьей разговора иначе какъ при помощи переводчика, которымъ бы вѣдь я же долженъ былъ быть, и потому онъ избралъ за лучшее возложить на меня, гостящаго у него со вчерашняго дня, честь ея пріема, причемъ я сказалъ что заведеніе которое ей угодно сегодня видѣть до того превосходно, что, показывая ей его, какъ извѣстной мнѣ по театру и по отзывамъ нашихъ общихъ друзей, напримѣръ господина Греча, умной и образованной особѣ, моя роль чичероне здѣсь будетъ мнѣ необыкновенно легка и пріятна.

— Ah! воскликнула Бурбѣ съ особенною оживленностію, — *vous êtes donc ce jeune ami de mon vieil et spirituel ami monsieur Gretsche, dont il m'a conté un jour une délicieuse histoire à l'occasion d'une jennesse anglaise, maltraitée dans la maison d'un seigneur russe, mais maltraitée atrocement, la pauvre! Hier encore monsieur Gretsche m'a dit, que je puis avoir la chance de vous rencontrer aujourd'hui ici. Et voyez donc comme ça se rencontre vraiment, monsieur! Je n'ai qu'à me féliciter d'avoir choisi pour cette excursion la matinée d'aujourd'hui.* *

* А! такъ вы тотъ самый молодой другъ моего стариннаго и остроумнаго друга господина Греча о которомъ онъ однажды мнѣ рассказывалъ прелестную исторію по случаю молоденькой Англичаночки, съ которой въ одномъ знатномъ русскомъ домѣ было поступлено такъ жестоко. Вчера еще г. Гречъ говорилъ мнѣ что я могу имѣть шансы встрѣтить сегодня васъ здѣсь. И въ самомъ дѣлѣ, какой прелестный

Не помню, право, тѣхъ обычныхъ фразъ какія я разсыпалъ въ отвѣтъ на ея любезности, которыя такъ незатруднительны свѣтскимъ женщинамъ вообще, а особенно Француженкамъ и Француженкамъ того блестящаго образованія какимъ отличалась Виргинія Бурбье. Она очень обрадовалась, когда узнала что спутницы ея, гжи Ламе и Дюливье, мои давнишнія знакомыя и, смѣясь сказала: „Tant mieux: nous voilà donc tout à fait en pays de connaissance.“* — Карета ея отъѣхала за чугунную рѣшетку, а лакей въ штиблетахъ, въ круглой шляпѣ съ кокардочкой и гребешкомъ на лѣвомъ боку, держалъ на рукѣ огромную дорогую шаль своей госпожи; дежурный еотскій и двое воспитанниковъ для посылокъ стояли въ нѣкоторомъ разстояніи со шляпами въ рукахъ.

— Dites leur donc, monsieur, de se couvrir, * сказала мнѣ Бурбье.

— C'est leur consigne, madame: ils n'ont pas le droit de se couvrir en présence des chefs et des visiteurs, ** отвѣтилъ я и принялся разказывать какъ ей, такъ ея спутницамъ значеніе каждаго изъ множества одноэтажныхъ бѣлыхъ съ зелеными крышами домовъ, которыми, въ перемѣжку съ садами, окаймлены были деревянные троттуары, огибавшіе весь дворъ огромнымъ полукругомъ. Затѣмъ, я ихъ повелъ въ залу, и, согласно съ инструкціей Байкова, велѣлъ запереть при нихъ же перегородку которою отдѣлялся залъ отъ церкви. При этомъ, я объяснилъ что здѣсь и рекреаціонный залъ, и сборный пунктъ, и залъ для экзаменовъ. Потомъ мы, быстро обойдя классы, спустились по задней лѣстницѣ на дворъ, заглянули въ мастерскія, вошли въ одну спальню, прошли ее насквозь и вышли на задній дворъ, изъ котораго вошли въ другую спальню и, пройдя по ней, вышли снова на главный дворъ, откуда прошли въ больницу, гдѣ нашли пять, не серіозно больныхъ юношей, въ тиковыхъ халатахъ и холстинныхъ колпакахъ, читавшихъ книжки. Изъ больницы мы двинулись въ столовую, гдѣ въ это время шелъ обѣдъ воспитанниковъ второй очереди.

случай! Мнѣ остается только поздравлять себя съ тѣмъ что выбрала именно сегодняшний день для поѣздки сюда.

* Тѣмъ лучше: мы въ знакомомъ кружку.

** Скажите же имъ, сударь, чтобъ они надѣли шляпы.

*** Это ихъ обязанность, сударыня, они не въ правѣ надѣвать шляпы при начальствѣ и при посѣтителяхъ.

Всѣ, разумѣется, встали при нашемъ появленіи, и экономъ-полицеймейстеръ, бурбонъ, титулярный совѣтникъ, Малаховъ, тщательно застегивалъ въ это время на всѣ пуговицы своей форменный фракъ. Я спросилъ госпожу Бурбье, не угодно ли привѣтствовать воспитанниковъ обычными словами: „Хлѣбъ-соль братцы!“ Она затруднилась выговорить эти слова; но воструха мадамъ Дюливье, знавшая порядочно по-русски, мигомъ на листкѣ пергамента своей агенды написала: „Kleb sol bratzi“, и добрая госпожа Бурбье, покраснѣвъ какъ макъ цвѣтъ, что мгновенно увеличило ея прелесть, произнесла громко эти слова, въ отвѣтъ на которые сто двадцать пять свѣжыхъ, молодыхъ голосовъ гаркнули: „Благодаримъ покорно вашу свѣтлость!“ Я шепнулъ Малахову чтобъ онъ ихъ снова усадилъ, и онъ орнулъ по-фельдфебельски: „Садись!“—Вслѣдъ затѣмъ, когда мы тихо подвигались между двумя длинными, въ нѣсколько десятковъ аршинъ столами, любясь молодцами, прилежно улетающими постную похлебку со сметками и постный пирогъ съ грибами, — тотъ же экономъ Малаховъ вдругъ подошелъ къ нашей группѣ, конвоируя расторопнаго и виднаго дежурнаго прислѣщика въ бѣлоснѣжной рубахѣ и такомъ же фартукѣ, который на деревянномъ лакированномъ подносѣ несъ пробный обѣдъ, съ деревянными золотистыми круглыми ложками, съ графинчикомъ кваса и съ блюдами, въ которыхъ была горячая похлебка, порція пирога и каша съ подсолнечнымъ масломъ, а также тутъ стояла миниатюрная плетушка съ тонкими ломтями превосходно вылеченнаго ржаного хлѣба. Г. Малаховъ смягченнымъ басомъ сказалъ со всевозможною армейскою элегантною: „Можетъ-быть ихъ свѣтлость не побрезгаютъ нашимъ простымъ яствіемъ?“

Я предупредилъ этихъ дамъ что все это кушанье на постномъ маслѣ и, можетъ-быть, не будетъ имъ пріятно, причемъ объяснилъ что хотя я и Русскій, но не терплю постнаго масла, которое противно моей натурѣ. Но госпожи Бурбье и Ламе сказали мнѣ что отказаться—значило бы обидить всѣхъ этихъ добрыхъ людей и того красиваго Ганимеда который имъ подаетъ эти кушанья, почему эти милыя и добрыя Франдуженки попробовали нѣсколько капель похлебки, полложки каши и отломилъ кусочекъ пирога, кушая все это съ поддѣльнымъ удовольствіемъ. Мадамъ Ламе, умѣвшая немного по-русски, сказала: „Прекрасно!“ съ разстановкой слоговъ, чтобы дать возможность мадмуазель Бурбье повторить про-

изнесенное ею слово. При этомъ я замѣтилъ что они обѣ внимательно смотрѣли на великолѣпнаго стройнаго юношу атлета, державшаго поднось и, бѣдняжка, краснѣвшаго, чувствуя себя предметомъ лестнаго, но конфузнаго, вниманія „знатныхъ“ почитательницъ. И разслышалъ сказанныя ими полупотомъ слова: „Ah! le beau garçon! Quelle fraîcheur! Quelle chevelure! Quel air distingué et modeste!“* Больше я ничего не слышалъ, потому что въ это время меня увлекла въ сторонку пріятельница моя мадамъ Дюливье, которая шепотомъ разспрашивала меня: „Почему здѣсь всѣ ея Virginie величаютъ свѣтлостью?“ — Я не могъ ничего сказать на этотъ вопросъ, какъ вдругъ разсылный директора подаль мнѣ залечатанный пакетъ отъ директора. Я сорвалъ конвертъ и прочелъ: „Слѣшу васъ увѣдомить что когда давича вы оставили меня съ батюшкой, я, опасаясь чтобъ онъ не сталъ врать всякій вздоръ, что мы актерокъ принимаемъ съ такимъ почетомъ, увѣрилъ его что это герцогиня Сень-Леонъ. Мнѣ пришла на память фамилія той роли какую она гдѣ-то, вы мнѣ говорили, играетъ съ особымъ успѣхомъ. За симъ не удивляйтесь ежели вездѣ услышите это титулованье: такъ мною приказано чествовать французскую герцогиню. Наемнаго ея холопа, оказавшагося изъ Евреевъ, угощаетъ у себя на славу фельдшеръ Александровъ, который, какъ вы знаете, изъ насихъ.“

Прочитавъ эту записку, я сказалъ тихонько госпожѣ Дюливье что мы теперь принимаемъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ, не актрису Бурбье, а герцогиню Сень-Леонъ, которую она такъ превосходно изображаетъ своею дивною игрой въ *Camaraderie*.

Чтобы пробный лостный столъ не повліялъ вредно на нѣжные желудки этихъ дамъ, онѣ проглотили нѣсколько *pastilles de Vichy*, бывшихъ въ ихъ бонбоньеркахъ; а я послѣшилъ, пройдя по саду, слегка заглянувъ въ пчельникъ, въ овчарню, въ свинарню, гдѣ весело прыгаль вчерашній большой боровокъ, а также на скотный дворъ и въ конюшню, — угостить ихъ крѣпкимъ кофе въ молочной.

Мои дамы и въ особенности главный предметъ почетнаго показыванія заведенія, госпожа Бурбье, были отъ всего ими видѣннаго въ восхищеніи, повторяя безпрестанно восклицанія,

* Ахъ! какой красавецъ! Какая свѣжесть! Какіе густые волосы! Какой значительный и вмѣстѣ скромный видъ!

повидимому, вполне искреннія: „C'est délicieux! C'est adorable! Il est difficile de trouver même en Angleterre quelque chose d'aussi beau!“ и пр. Но восхищеніе ихъ не имѣло предѣловъ когда мы пришли въ молочню, поражающую свѣжестью, опрятностью, простою изящностью, типомъ обилія и хозяйственнаго совершенства на иностранный ладъ въ русскихъ формахъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти прохладные, свѣтлые подвалы, эти поразительно чистые некрашенные полы и деревянные натертыя олифой стѣны, блестящія какъ паркетъ, эти деревенскія мебели, эти бѣлоснѣжныя ширинки и полотенца съ красными бортами, эта посуда на полкахъ и на подставкахъ, эта чистота и свѣжесть воздуха, это обиліе цвѣтовъ въ стеклянныхъ вазахъ, эти цвѣтнички и дровца предъ входомъ и предъ окнами, эти блестящія окна словно зеркальныя, и среди всего этого молодой восемнадцатилѣтній молочникъ, прелестный, чернокудрый, розовый, бѣлый, съ большими карими глазами, съ руками вѣжными и бѣлыми какъ у этихъ же самыхъ дамъ, въ лавевой русской рубашкѣ съ голубыми ластовками и обшивками, и при немъ два, какъ на выборъ, помощника изъ воспитанниковъ, замѣчательной красоты, въ ярко-бѣлыхъ коленкорovýchъ рубахахъ и фартукахъ—все это взятое вмѣстѣ привело этихъ Француженокъ, проникнутыхъ глубокимъ пониманіемъ всего изящнаго и одаренныхъ самымъ эстетическимъ вкусомъ, особенно самую госпожу Бурбье, въ такое восхищеніе что онѣ не находили почти словъ для выраженія своего удовольствія, а только дружески пожимали мнѣ руку, увѣряя съ увлеченіемъ что тутъ такъ прелестно, такъ обаятельно что онѣ не желали бы никогда выйти отсюда. Я едва сладилъ усадить ихъ и тотчасъ началъ угощать кофеемъ, который я считалъ для нихъ необходимымъ послѣ учиненной ими, хотя и гомеопатической пробы постнаго стола воспитанниковъ. Затѣмъ послѣ чернаго кофе онѣ принялись довольно усердно пробовать варенецъ, творогъ со сметаной, сливочное масло и кончили своимъ любимымъ бри, увѣряя что и въ Парижѣ имъ не приводилось ѣсть этотъ сортъ сыра лучше этого.

— Son Altesse monsieur le ministre, говорила мнѣ Бурбье,—m'envoie de temps à autre des échantillons de ce délicieux

* Это прелестно! Это очаровательно! Трудно даже въ Англіи найти что-нибудь столь прекрасное!

fromage. Le Prince est vraiment si bon pour moi; j'ai pour lui la plus grande vénération, * и говоря это кокетливая Французка очень мило минодировала; а потомъ внимательно и съ чувствомъ взглянула на юнаго и дѣйствительно необыкновенно красиваго Лебедева, подававшего въ это время ароматный чай въ фарфоровыхъ японскихъ чашкахъ, присланныхъ Байковымъ. Прихлебывая ложечкой изъ чашки съ видимымъ удовольствіемъ вкусный чай, Бурбѣ вдругъ сказала что она никогда такъ не сожалѣла о томъ что до сихъ поръ не сумѣла выучиться по-русски, при всемъ своемъ стараніи, какъ именно сегодня, теперь, сію минуту, чтобы высказать по-русски все чувство своего удовольствія этимъ молодымъ представителямъ русскаго земледѣльческаго класса и въ особенности этому темнокудрому и черноглазому розовому юношѣ, который выучился отъ ея соотечественниковъ Французовъ приготавливать такіе необыкновенно вкусные и до послѣдняго совершенства имъ доведенные сыры бри. Вслѣдъ за этимъ Бурбѣ разказала намъ что она, желая сдѣлать угодное императору Николаю Павловичу, нѣсколько разъ принималась учиться по-русски, и все безъ успѣха. Наконецъ въ этомъ году, во время Великаго Поста, государь ей сказалъ что онъ надѣется что на его привѣтствіе: „Христось воскресе!“, она сумѣетъ отвѣчать ему: „Воистину воскресе!“ Слова эти были для нея написаны французскими буквами и она всѣ семь недѣль поста долбила ихъ; но когда государь пришелъ за кулисы и увидѣлъ ее въ первый разъ по открытіи театровъ, — онъ громко сказалъ ей: „Христось воскресе!“, а она, забывъ мгновенно заученныя ею слова: „Воистину воскресе!“, и припоминая созвучія, воскликнула: „Wassily Ostrow, votre Majesté!“ Много было тогда хохота, замѣтила она, прибавивъ что съ той минуты она вполне убѣдилась, qu'elle n'a pas la moindre bosse de l'idiome russe, * какъ не имѣетъ способности ни къ какому другому языку кромѣ своего отечественнаго. Кстати, говоря объ этомъ, тутъ она мнѣ сообщила что еще въ началѣ ея драматической карьеры, одинъ антрепренеръ Лондонскаго

* Его свѣтлость господинъ министръ присылаетъ мнѣ отъ времени до времени образки этого прелестнаго сыра. Князь поистинѣ такъ добръ ко мнѣ, я питаю къ нему чувство глубокаго уваженія.

** Что она не имѣетъ вовсе шутки (по Галевой системѣ) ученія русскаго языка.

театра предлагалъ ей баснословныя условія, имѣвшія результатомъ цѣлую фортуна, ежели она выучится англійскому языку и поступитъ на сцену Дрюиленскаго театра для участія во всѣхъ пьесахъ Шекспира. „Eh! bien, monsieur, malgré tout le mal, que je me suis donné, jamais je n'ai pu apprendre cette diable de langue, qu'on manie en imitant le cri des oies“,* сказала она засмѣявшись. „Но впрочемъ не я одна не умѣю сладить съ русскимъ языкомъ“, продолжала она, разумѣется по-французски; но такъ какъ этотъ разказъ довольно длиненъ, я передамъ его здѣсь прямо въ русскомъ переводѣ.

— Мой товарищъ по подмосткамъ, обожаемый публикой комикъ Верне здѣсь уже давнымъ давно; онъ пріѣхалъ сюда мальчишомъ; а ни слова почти не умѣетъ по-русски. Затѣмъ съ нимъ вчера и случился же презабавный анекдотъ, который теперь, я думаю, облетѣлъ уже весь городъ, но такъ какъ вы, monsieur В—ff, со вчерашняго дня въѣзжаете въ городъ, то я вамъ его разкажу. Государь вчера утромъ прогуливаясь, по своему обыкновению, по Англійской набережной,—встрѣтилъ тамъ Верне, котораго онъ очень любитъ. Императоръ остановилъ его и перекинулъ съ нимъ нѣсколько словъ о его роли стараго герцога Сень-Леона въ *Camaraderie*, гдѣ мы съ нимъ вмѣстѣ, какъ вы знаете, играемъ.

— И гдѣ вы, въ роли герцогини, молодой жены старикашки мужа, верхъ совершенства, сказалъ я,—особенно когда вы поите его тизаной. Я терпѣть не могу тизаны, но ей-ей, изъ ручекъ герцогини Сень-Леонъ Малаго Театра, кажется готовъ былъ принять самую отвратительную микстуру.

— Ахъ! Какой же вы льстецъ, молодой другъ стараго Зоила Греча! Вотъ положите, я разкажу ему какъ его юный сотрудникъ преуспѣваетъ на поприщѣ насмѣшекъ. Но теперь, продолжаю мой разказъ, съ условіемъ, чтобы вы не мѣшали мнѣ его кончить, а не то вы рискуете остаться безъ анекдота. Наступилъ вечеръ, я у себя въ уборной готова, слышу что царская фамилія уже въ театрѣ, надо поднимать занавѣсъ; но занавѣсъ не поднимаютъ, а нашъ генералъ (то-есть директоръ театра) въ отчаяніи, рветъ на себѣ послѣдніе волосы. Въ чемъ же дѣло? Верне, — эта олицетворенная аккуратность, этотъ воплощенный хронометръ, не явился.

* И вотъ, сударь, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, какъ я ни убивалась, никогда я не могла выучить этотъ чертовскій языкъ, на которомъ говорятъ подражая крику гусей.

Что за чудо? За нимъ шлютъ гонцовъ по всему городу, и все напрасно. Императоръ хмурится и говоритъ генералу Кокоскину (тогдашній оберъ-полицеймейстеръ, генералъ-адъютантъ С. А. Кокоскинъ, котораго въ шутку называли Саше-соquin, какъ теперь и Бурбье его назвала), говорить: „Сегодня поутру я видѣлъ его на Англійской набережной и говорилъ съ нимъ.“ Этихъ словъ довольно для Кокоскина: ему данъ лучъ свѣта, потому что онъ знаетъ что полиція останавливаетъ всякаго кто разговариваетъ на улицѣ съ государемъ, а какъ Верне ни слова не умѣетъ по-русски, то вѣрно вышло квилпрокво. Кокоскинъ самъ прикакалъ въ Адмиралтейскую часть и самъ въ своей коляскѣ привезъ въ театръ Верне, котораго полиція приняла за просителя-иностранца, да еще съ дурными намѣреніями, и засадила въ части подъ арестъ, не понимая ни слова изъ всѣхъ его протестацій и увѣреній. Частный приставъ былъ поутру на службѣ внѣ дома, а потомъ уѣхалъ къ какому-то кулцу на праздничный обѣдъ, и бѣдному вчерашнему герцогу Сень-Леону не привелось бы пить тизаны изъ моихъ рукъ, ежелибы генералъ Кокоскинъ не выручилъ его. Эта штука однако не помѣшала талантливому артисту исполнить свою роль, какъ всегда, превосходно, и государь, зная въ чемъ дѣло, позвалъ его къ себѣ въ ложу, и во время антракта, не дозволивъ ему раскостюмироваться, а какъ быть, въ сѣдомъ напудренномъ парикѣ, шелковыхъ чулкахъ и дульеткѣ, потребовалъ чтобы бѣдный герцогъ предсталъ предъ нимъ. Его величество велѣлъ разказать ему все какъ было. Можете себѣ представить, съ какимъ уморительнымъ комизмомъ нашъ милый Верне, мѣшая нѣсколько русскихъ словъ съ потокомъ французскихъ, разказалъ всю сцену арестованія и всѣ тѣ недоразумѣнія какія были между нимъ и всѣми этими господами квартальными, промучавшими его до самаго вечера, но впрочемъ угостившими его, на его счетъ, довольно хорошимъ обѣдомъ, раздѣленнымъ съ этими строгими аргусами, которые не смѣли его отпустить до возвращенія ихъ командира, кутившаго на крестинахъ у какого-то богатаго кулца бородача, и этотъ командиръ, когда ему городской, ѣздившій въ квартиру амфитріона на извожикѣ, также на счетъ Верне, докладывалъ что взять разговаривавшій съ императоромъ какой-то Французъ, не умѣющий ни слова по-русски, только сказалъ, держа бокалъ шампанскаго: „Пусть Французъ до моего пріѣзда домой учится по-русски. Дайте ему вокабулы.“ И дѣйствительно, квартальный

далъ Верне вокабулы, взятые въ первой книжной лавкѣ; но и вокабулы, само собою разумѣется, ничего не помогли. Верне разказалъ все это преуморительно: государь и великій князь Михаилъ Павловичъ хохотали до упада; но однако Верне серьезно умолялъ императора отнынь впредь никогда не удостоивать его на улицахъ своимъ милостивымъ разговоромъ, такъ какъ эта милость имѣетъ для него весьма не милостивые результаты.

Я премного благодарилъ любезную разказщицу за сообщенный ею анекдотъ; а госпожа Ламе взглянула на часы и что-то шепнула своей пріятельницѣ Бурбье, на этотъ разъ безъ вѣдома ея герцогинѣ де-Сень-Леонъ, и та быстро встала, говоря что пора однако и честь знать, переставъ безпокоить собою все заведеніе и любезнаго ихъ чичероне. Само собою разумѣется что я тотчасъ разсыпался въ какихъ-то фразерныхъ комплиментахъ, для которыхъ во французскомъ языкѣ существуетъ такъ много выраженій и оборотовъ очень милыхъ и вѣжливыхъ. Какъ бы то ни было, я предложилъ этимъ дамамъ не уезжать изъ заведенія, не посѣтивъ послѣдняго предмета ихъ обозрѣнія, именно „сельскихъ комнатъ“, то-есть того изящнаго по простотѣ своей помѣщенія, въ видѣ швейцарскаго шале, которое въ послѣдствіи называлось „дворцомъ Перовскаго“ или „Перовскимъ дворцомъ“, какъ я уже здѣсь выше объ этомъ упоминалъ.

— *Je n'y marche, que conduite par vous, monsieur,* * сказала мнѣ Бурбье, съ своею очаровательною улыбкой, и я, какъ водилось тогда, согнувъ учтиво правую свою руку, подвинулся къ ней, а она положила на нее пальчики своей лѣвой руки, и при этомъ движеніи почувствовала что огромная блондовая черная косынка, приколотая на груди золотою булавкой съ пребольшею жемчужиной, ничѣмъ не удержимая, падаетъ съ ея плечъ, чрезъ что открылась ея довольно красивая, хотя, правду сказать, далеко не полная грудь.

— *Vous allez perdre votre schal de blondes, madame Virginie!* ** воскликнула гжа Дюливье, придерживая эту блондовую косынку и покрывая ея плечи своей пріятельницы.

— *Où est donc votre épingle à perle, Virginie?* *** живо спросила гжа Ламе.

* Я пойду туда не иначе какъ когда вы, сударь, меня поведете.

** Вы потеряете вашу блондовую шаль, госпожа Виржини.

*** Гдѣ же ваша булавка съ жемчужиной?

— Dans le sable sans doute, улыбнулась Бурбье, — je l'ai laissé probablement choir, en me levant, où bien après, j'ignore. La perte n'est pas immense. *

— Pas immense, mais bonne à trouver, замѣтила гжа Дюливье, — un petit capital de cinq cents francs à peu près, ** и стала внимательно искать булавку на разчищенномъ пескѣ двора фермы, гдѣ мы находились. Я также, вооруженный лорнетомъ, нагнулся слегка и глядѣлъ на песокъ; а мадемуазель Бурбье, наведя свой лорнетъ на изящную физіономію красавчика Лебедева, горѣвшаго и конфузившагося подъ этимъ очаровательнымъ взглядомъ, помня его имя и дѣлая ему знакъ рукой въ направленіи къ двери молочной, говорила:

— Monsieur Lébédoff par là! ***

И ловкій, гибкій, подвижной Лебедевъ мигомъ очутился у дверей, нагнулся, поднялъ булавку и краснѣя, и робѣя представилъ ее гжѣ Бурбье, которая ласково улыбалась, Француженки аплодировали, хлопая въ ладоши и восклицая: „Ah! l'heureux Ganimède!“ **** А я сказалъ: „Ай да молодецъ Лебедевъ: господинъ директоръ скажетъ большое спасибо тебѣ за это!“ Бурбье приняла булавку изъ рукъ оробѣвшаго фермерскаго молочника и сказала, держа булавку въ рукѣ:

— Je n'ai pas l'habitude de reprendre ce que par hasard, j'ai laissé choir et je desire, que le charmant et gracieux fabricant des fromages de Brie, monsieur Lébédoff, garde un petit souvenir du 29 Aout 1834, lorsqu'il nous a si bien régalé. †

И при послѣднемъ словѣ прелестная женщина ловко и граціозно приколола булавку съ жемчужиной къ лѣвой сторонѣ лавевой рубашки около голубой ластовки молодого парня, который, самъ не понимая что съ нимъ дѣлается, но зная какъ строго запрещенъ приемъ подарковъ отъ посѣтителей, поблѣднѣлъ

* Вѣроятно въ пескѣ; я ее обронила, вставая или послѣ, право не знаю. Потеря не огромная.

** Не огромная потеря, но которую все-таки хорошо найти. Это маленькій капиталчикъ почти въ 500 франковъ.

*** Господинъ Лебедевъ, въ эту сторону.

**** Ахъ, счастливый Ганимедъ!

† Что разъ я уронила, я не имѣю привычки брать обратно, и я желаю чтобы хорошенькій и граціозный фабрикантъ сыра бри, господинъ Лебедевъ, сохранилъ маленькое воспоминаніе о 29мъ августа 1834 года, когда онъ такъ хорошо насъ угостилъ.

какъ плотно и съ недоумѣніемъ глядѣлъ то на меня, то на зрителя Ревягина, а потомъ, краснѣя, на восхитительную женщину, ласково улыбающуюся и говорившую своимъ пріятельницамъ:

— Qui pourrait jamais dire, que c'est un mougik, ni plus, ni moins, qu'un mougik. Dieu! En ce pays où la beauté va se nicher.*

Я объяснилъ гдѣ Бурбѣ что пріемъ подарковъ строго воспрещенъ отъ самого министра.

— Oh! s'il ne tient qu' à ça, le charmant garçon peut hardiment garder mon souvenir, car le ministre d'ici c'est Son Altesse sans doute, le prin ce Pierre Wolkonsky. Je garantis le permis d'avance! ** скороговоркой и съ тѣнью неудовольствія сказала впечатлительная Французенка, которой я объяснилъ что все-таки, формальности ради, надѣ чтобъ этотъ парень сейчасъ сходилъ къ директору, отъ котораго конечно получить разрѣшеніе.

На лоскутѣхъ бумажки, данномъ мнѣ Ревягинымъ, я написалъ нѣсколько строкъ Байкову и послалъ съ ними Лебедева.

Мы вошли въ сельскій домикъ, который очень понравился Бурбѣ и ея спутницамъ; я ихъ усадилъ на балконѣ подъ широкою маркизою, показывая имъ съ этой высоты все заведеніе и въ особенности поля, имъ не показанныя. При видѣ роскошной растительности полей, при видѣ работающих тамъ и сямъ на сытыхъ, лоснящихся лошадяхъ и свѣтло-зелеными плужками воспитанниковъ, онѣ сыпали восклицанія:

— Ah! voilà une vie de campagne modèle! Ah! que c'est pittoresque! Ah! que c'est bien pensé! Ah! les riches sillons! Ah! les jolis points de vue des environs! ****

Среди всѣхъ этихъ восклицаній и удовольствія при такомъ изящномъ зрѣлищѣ, вдругъ на порогѣ балкона появился Лебедевъ съ лицомъ сіяющимъ отъ радости и объявляющій, обращаясь прямо къ Бурбѣ:

* Кто могъ бы сказать что это мужичокъ, ни болѣе, ни менѣе какъ мужичокъ! Боже! Куда въ этой странѣ красота забирается!

** О! ежели дѣло только въ этомъ, прелестный мальчикъ можетъ смѣло сохранить мой сувениръ, потому что министръ здѣшній, конечно, это его свѣтлость князь Петръ Волконскій. Я впередъ поручкой за разрѣшеніе.

*** Ахъ, вотъ образцовая сельская жизнь! Ахъ, какъ это живописно! Ахъ, какъ это хорошо обдуманно! Ахъ, какія роскошныя борозды! Ахъ, какіе красивые виды на окрестности!

— Господинъ директоръ разрѣшилъ мнѣ принять подарокъ вашей свѣтлости (они всѣ считали знаменитую актрису не менѣе какъ знатнѣйшею иностранкой) и его высокородіе надѣется что вы подкрѣпите вашимъ ходатайствомъ его докладъ объ этомъ свѣтлѣйшему нашему министру; а мнѣ его высокородіе приказалъ вашей свѣтлости въ ножки поклониться.

И вслѣдъ за этими словами, сказанными хотя и попугаино, но съ изрядною дозой увлеченія, прелестный юноша бухъ въ ноги предъ восхищенною и пораженною удивленіемъ Бурбѣ, которая воскликнула:

— Grand Dieu! Qu'est-ce? Que me demande ce délicieux Jeune homme? Que puis-je faire pour lui? * и произнося все это, она склонилась со своего кресла, касаясь руками кудрявой, слегка напмаженной „казенною“ помадой головы Лебедева, стараясь его поднять.

Ловкій Лебедевъ приподнялся весь пламенѣющій, съ влажными глазами, сіяющій, радостный, и стоялъ на колѣняхъ; а сильно покраснѣвшая Бурбѣ, пожирая его своими прекрасными глазами, держала его за подбородокъ.

Я послѣдилъ передать маленькій спичъ юноши-мужичка по-французски, выпустивъ разумѣется титулованіе свѣтлостью, и тогда Бурбѣ воскликнула немножко забывшись:

— Oh! demain même son Altesse accordera tout ce que monsieur Lébédoff désirerait. **

Я сказалъ Лебедеву чтобъ онъ поцѣловалъ ручку знатной барыни, а Бурбѣ предупредилъ что юноша проситъ только о дозволеніи ему этой милости, которая, конечно, тотчасъ и была исполнена, причемъ Бурбѣ поцѣловала русскаго красавчика въ лобъ очень звонко. Онъ всталъ; а путешца госпожа Ламе, хохоча, сказала своей пріятельницѣ, обнимая ее:

— Virginie! Oh! la détestable Virginie! Je porterai plainte à ton beau lancier. ***

* Великій Боже! Что это? Что проситъ отъ меня этотъ прелестный молодой человѣкъ?

** О! завтра же его свѣтлость разрѣшитъ все чего пожелалъ бы только господинъ Лебедевъ.

*** Вуржини! О! негодная Вуржини! Я буду жаловаться твоему красавцу улану.—Красавецъ уланъ, который, какъ извѣстно было всему городу, пользовался неплатоническимъ расположеніемъ гжи Бурбѣ, былъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ офицеровъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, грузинскій князь, очень свѣтскій и образованный молодой

Опасаясь чтобы шутки моей старинной знакомой и впрямь не разсердили наконецъ добрую, но воспріимчивую Бурбье, по видимому чувствовавшую что она немножко излишне увлеклась эстетическимъ поклоненіемъ прекрасному плебею, рабочьѣмъ движеніе котораго, столь въ то время обычное, броситься въ ноги, вдругъ произвело въ ней реакцію; я послѣдшилъ предложить этимъ дамамъ оставить этотъ балконъ и перейти на другой, именно на тотъ который, находясь на противоположной сторонѣ домика, обращенъ на ферму, гдѣ я надѣюсь представить имъ маленькій спектакль, способный, какъ мнѣ кажется, ихъ позабавить. Мы тотчасъ перешли на этотъ балконъ, гдѣ нашли столикъ покрытый ярко-бѣлою салфеткой, а на салфеткѣ большой вѣнокъ изъ однихъ васильковъ, по срединѣ котораго стояло хрустальное блюдо съ хрустальнымъ же коллакомъ, прикрывавшимъ ароматные соты. Вокругъ лежали ложки позолоченныя; а на другомъ столикѣ красовался граненый графинъ съ фруктовою водянкой. Все это было доставлено отъ директора. Француженки были въ восхищеніи отъ сотовъ и отъ прекрасной водянки прямо со льда. Разгорѣвшаяся и по видимому огорченная низколоклонностью красавца Лебедева, Бурбье выпила, кажется, три стакана этой водянки съ особеннымъ наслажденіемъ и спросила меня что въ этомъ ли состоитъ тотъ спектакль которымъ я хотѣлъ ихъ угостить?

Я объяснилъ ей что спектакль еще впереди; но прежде всего я прошу ее потрудиться взять часы и наблюдать по нимъ скорость того дѣйствія котораго онѣ будутъ сейчасъ зрительницами. Тогда я объяснилъ дамамъ что въ этомъ заведеніи есть весьма искусная пожарная команда, состоящая изъ тѣхъ же воспитанниковъ, и что съ перваго удара въ набатный колоколъ, въ теченіи 3—4 минутъ, все будетъ въ сборѣ. Это заинтересовало Француженокъ, страстныхъ, какъ извѣстно, любительницъ до воинскихъ, морскихъ, пожарныхъ и иныхъ эволюцій, и онѣ воскликнули: „Ah! une manœuvre de pompiers!“ * Никто конечно изъ этихъ посѣтительницъ не зналъ что изъ всѣхъ щелей строеній десятки невидимыхъ глазъ ожидали взма-

человѣкъ, имѣвшій большое состояніе и, сколько извѣстно, искренно любившій Бурбье, которая его предпочитала всему легіону своихъ поклонниковъ.

* Ахъ! маневръ пожарныхъ!

ха моего бѣлаго носоваго платка. Взмахъ этотъ послѣдовалъ, и откуда ни возмись ужь не одинъ, а трое лихихъ сотскихъ въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными кушаками на рьяныхъ донцахъ съ разметанными гривами и хвостами, вскакали на дворъ фермы и остановились какъ вкопанные подъ балкономъ, не спуская глазъ съ меня.

— Тревога, сказалъ я съ балкона, и одинъ изъ сотскихъ, свѣснувъ нагайкой по воздуху, стремглавъ понесся на своемъ бойкомъ конькѣ по направленію къ главному корпусу, откуда тотчасъ слышался громкій набатный звонъ и мигомъ открылся предъ самымъ нашимъ балкономъ пожарный сарай, откуда десятки воспитанниковъ въ бѣлыхъ рубашкахъ выдвигали трубы и бочки, десятки другихъ забѣгали по двору съ лѣстницами, баграми, топорами, и въ это время изъ распахнутыхъ воротъ конюшни скакали воспитанники на коняхъ, ведя другихъ коней въ поводьяхъ. Безъ шума, быстро впрягли лошадей въ инструментъ, и съ толпой пожарной прислуги трубы и бочки, верховые сотскіе и бѣгушіе кругомъ люди начали скачку по двору фермы, дѣлая правильный полукругъ и останавливаясь предъ балкономъ. Я спросилъ г-жу Бурбье, какъ спрашивается съ помостовъ театра фокусникъ удивленныхъ зрителей: „Сколько минутъ прошло послѣ перваго удара колокола?“ Всѣ три Француженки воскликнули: „Три минуты. C'est surprenant (изумительно!)“. Тогда я попросилъ г-жу Бурбье указать на тотъ пунктъ изъ зданій, окружающихъ дворъ фермы, гдѣ она желаетъ чтобы былъ произведенъ примѣрный маневръ. Восхищенная зрѣлищемъ, имѣвшимъ въ себѣ много удачества и какой-то воинственности, она, ловидимому забывъ уже первое впечатлѣніе произведенное на нее красивымъ молочникомъ, указала мнѣ не на молочню, какъ я полагалъ она покажетъ, а на пожарный сарай, который былъ къ намъ всего ближе. Я наклонился къ сотскимъ, стоявшимъ опять подъ балкономъ и сказалъ: „Пожарный сарай горитъ!“ Въ одно мгновеніе на этомъ близкомъ разстояніи все это ринулось къ сараю и взлетѣли водяные фонтаны, а вдоль крыши показались бѣлыя рубашки съ топорами и съ баграми, съ лѣстницами и съ ведрами. Француженки мои аплодировали и восклицали. Я опять одному изъ сотскихъ сказалъ: „Пожаръ потушенъ. Люди и инструментъ подъ балконъ. Пѣвчіе и лѣсенники впередъ.“ Приказаніе, переданное громко сотскимъ, было выполнено, и началась вокальная часть спектакля.

— Ah! la divine musique da monsieur Lvoff! * воскликнула Бурбѣ.

Затѣмъ исполненъ былъ весь обычный репертуаръ уже извѣстный читателю, то-есть русскія пѣсни и пѣсни съ бубнами и балалайкой, съ рожкомъ и цимбалами, причемъ нѣсколько весельчаковъ (болѣе или менѣе по приказу начальства, заблаговременно отданному) пустились въ присядку.

Госпожа Бурбѣ, взглянувъ на часы, сказала мнѣ что она рада бы остаться здѣсь хоть до ночи, но ей необходимо приготовиться къ маленькому вечернему спектаклю, который будетъ у французскаго посланника, почему она должна уѣхать. Я сказалъ ей что не смѣю ее удерживать, тѣмъ болѣе что она видѣла здѣсь все совершенно, и велѣлъ подавать ей экипажъ. Мы все сошли внизъ, и Бурбѣ могла тогда видѣть вблизи, при помощи лорнета, все это собраніе de jeunes mougiks russes admirablement civilisés, ** какъ она выразилась. Карета подъѣхала, и лакей въ штиблетахъ, имѣвшій также видъ восхищенный, подавъ своей госпожѣ великолѣпную красную турецкую шаль, въ которую она ловко драпировалась. Тогда нѣсколько воспитанниковъ, и въ числѣ ихъ счастливецъ Лебедевъ, принесли тщательно и красиво упакованную корзину съ кружками сыра бри, варенцами, творогомъ, сливками, сотами и нѣсколькими бутылками водянки, почтительно прося принять эти произведенія заведенія. Я перевелъ Бурбѣ въ чемъ дѣло. Корзину устали бережно въ каретѣ при содѣйствіи штиблетнаго франта, восклицавшаго по-русско-польски: „Гарно хорошо! Ясновельможное угощенье! Дивно мѣсто!“ съ жаромъ пожимавшаго руки соплеменника своего, фельдшера Александра. Всѣ были довольны. Бурбѣ видимо была тронута и немножко сконфужена, понимая, какъ умная женщина, что безъ покровительства свѣтлѣйшаго ея поклонника, никакихъ такихъ пріятностей она не получила бы здѣсь. Но она просто заплакала, когда нѣсколько выборныхъ старшихъ воспитанниковъ поднесли ей тотъ громадный вѣнокъ изъ колосьевъ съ цвѣтами о которомъ, читатель помнить, было сдѣлано благовременное распоряженіе съ ранняго утра. Одинъ изъ воспитанниковъ сказалъ сплечь, который я перевелъ ей, и тогда она обратилась ко мнѣ

* Ахъ! божественная музыка господина Львова.

** Молодыхъ русскихъ мужичковъ, изумительно хорошо цивилизованныхъ.

съ вопросомъ: „можетъ ли она, никого не обидѣвъ, оставить на память своего посѣщенія сторублевую ассигнацію на покупку гостинцевъ и книжекъ для воспитанниковъ?“ Я отвѣчалъ нерѣшительно; но въ это время я увидѣлъ вдругъ Матвѣя Андреевича, въ бѣломъ жилетѣ со всѣми регаліями и окруженнаго своимъ штатомъ, состоявшимъ изъ помощника директора, эконома, полицеймейстера, врача, всѣхъ учителей, надзирателей, нѣсколькихъ бородатыхъ мастеровъ въ жалованныхъ золотыхъ кафтанахъ. Тогда я сказалъ: „Да вотъ и самъ директоръ. Я ему передамъ ваше желаніе.“ Бурбѣ, увидѣвъ невзрачную фигуру Байкова, показалось мнѣ, немножко закусила губу, особенно когда трещотка Ламе тепнула ей: „Ah! quel magot de Chine!“ * Но актриса восторжествовала надъ минутнымъ впечатлѣніемъ нервной женщины, и сдѣлавъ шагъ къ Байкову, уже очень приблизившемуся и приподнимавшему со своею усмѣшкой шляпу, проговорила:

— Monsieur le directeur, Vous m'avez comblé de vos délicieuses attentions, dont ce soir même je ne manquerai pas de faire mon rapport à Son Altesse, mon bienfaiteur, et ce soir même toute l'ambassade de Sa Majesté le roi des Français saura qu'aux environs de Pétersbourg il y a le huitième miracle, qu'on nomme l'Ecole agricole des apanages Impériaux. **

Я перевелъ Байкову слово въ слово привѣтствіе гослужи Бурбѣ и прибавилъ къ этому просьбу ея о ста рубляхъ. Матвѣй Андреевичъ, повидимому очень довольный имѣть такую сильную союзницу, отвѣчалъ чрезвычайно умно и деликатно, принявъ сто рублей, какъ простой подарокъ на гостинцы воспитанникамъ, и поднявъ ярко-бѣлую съ лиловыми каймами ассигнацію надъ головой, сказалъ воспитанникамъ что эта барыня даритъ имъ на гостинцы и на книжки для праздника 1го октября, когда будетъ праздноваться первая годовщина училища, сто рублей. Воспитанники отвѣчали громкимъ „ура!“ Бурбѣ сдѣлала Байкову глубокій реверансъ и пожала его руку, прижавъ ее къ сердцу, причемъ сказала:

* Ахъ, какая китайская образина!

** Господинъ директоръ, вы зашли за предѣлы внимательности, о которой сегодня же вечеромъ я донесу его свѣдѣности моему благодѣтелю, и сегодня же вечеромъ въ посольствѣ его величества короля Французовъ всѣ будутъ знать что въ окрестностяхъ Петербурга есть восьмое чудо свѣта, называемое Удѣльное Земледѣльческое Училище.

— Croyez, monsieur le directeur, que ce coeur connaît le sentiment de la reconnaissance! *

Въ отвѣтъ на это Байковъ какъ-то уклончиво сказалъ что онъ есть только слѣпой исполнитель воли своего начальства, а воля начальства его одиннадцатая заповѣдь.

Услышавъ это изъ моего перевода, Бурбье промолчала, снова поклонилась, обратясь къ воспитанникамъ, сказала:

— Proschaite mes chers droug!

На что раздались клики:

— Счастливо оставаться!

Карета еще не съѣхала со двора, и я стоялъ, разговаривая съ Бурбье, у открытой дверцы, когда Байковъ скомандовалъ не громко: „по мѣстамъ!“ и тотчасъ безъ малѣйшаго шума всѣ разошлись, а инструментъ, отпрягши лошадей, поставили на мѣсто. Мой разговоръ съ Бурбье состоялъ въ томъ что она, вслѣдствіе бесѣды съ Гречемъ, объявила мнѣ что она сегодня же вечеромъ, ежели князь будетъ во французскомъ посольствѣ, гдѣ она играетъ въ новомъ proverbe (пословицѣ), разкажетъ обо мнѣ и устроить на первый разъ что князь, при первомъ свиданіи у австрійскаго посланника, графа Фикельмона, женатаго на Хитровой, внучкѣ князя Смоленскаго, съ Д. Г. Бибиковымъ, котораго она называла le méchant manchot, ** поговорить ему обо мнѣ съ похвалою и изъяснить желаніе чтобъ я былъ повышенъ въ должности. Я на эту любезность лѣнливой артистки сказалъ что этого рода разговоры съ Д. Г. Бибиковымъ могутъ скорѣе принести мнѣ вредъ чѣмъ пользу, почему я просилъ бы ее лучше не беспокоить этимъ его свѣтлость. Она, съ своей стороны, воображая что я сомнѣваюсь въ ея вліяніи, отвѣчала на отказы мои настойчиво:

— Ce que femme veut, Dieu veut, et ce que la Bourbier demande, Son Altesse ne saurait méconnaître. Et d'ailleurs, ne craignez rien: vos affaires seront en bonnes mains, car le prince est diplomate jusqu'au bout des ongles, et puis je saurai bien lui faire la leçon, qu'il n'oubliera pas. ***

* Повѣрьте, г. директоръ, что сердце это знакомо съ чувствомъ благодарности.

** Злой безрукій.

*** Чего хочетъ женщина, то исполняетъ Богъ, а чего Бурбье проситъ отъ его свѣтлости, его свѣтлость въ томъ отказать не умѣетъ. Не бойтесь: дѣла ваши будутъ въ хорошихъ рукахъ, ибо князь большой дипломатъ, да и я сумѣю дать ему наставленіе, которое онъ не забудетъ.

Карета быстро умчалась, и я направилъ мои шаги къ директорскому дому, гдѣ меня Байковъ поджидалъ къ обѣду. Почти весь нашъ разговоръ вертѣлся на оригинальномъ визитѣ драматической артистки, пожалованной въ герцогини, почему не обошлось безъ смѣха и шутокъ. Байковъ очень усердно благодарилъ меня за принятое мною на себя чичеронство и говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольнымъ наслажденіемъ о томъ впечатлѣніи которое обзоръ заведенія и, главное, угощеніе и пріемъ произвели на мадемуазель Бурбье, пользовавшуюся въ это время особеннымъ расположеніемъ свѣтлѣйшаго министра, который, какъ человѣкъ съ тонкимъ вкусомъ и съ блистательною образованностью придворнаго магната, находилъ неподдѣльное удовольствіе въ умной и элегантнои бесѣдѣ этой очаровательной женщины, еще не утратившей вполне прелести молодости. Байковъ довольно откровенно высказалъ мнѣ:

— Въ *Горе отъ ума*, кажется, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, помнится, Молчалинъ, ларень практической, хоть авторъ и осмѣиваетъ его, съ своей либеральной точки зрѣнія, говоритъ: „Корми собаку дворника (то-есть въ домѣ нашихъ милостивцевъ), чтобъ ласкова была.“ Это золотое правило, которое вами, юношами, презирается, но которое я внушилъ бы всякому воспитываемому мною мальчику. Коли хорошо кормить всякую челядь тѣхъ отъ кого могутъ истечь на насъ милости или немилости, тѣмъ болѣе важенъ кормежъ личностей приближенныхъ къ нашимъ милостивцамъ! Принимая это положеніе за исходную точку, не могу не поздравить себя съ хорошими послѣдствіями сегодняшняго визита. Эти мадамы и мадемуазели, батенька, въ нашей службѣ не маловажное мѣсто занимаютъ. Увѣряю васъ, мнѣніе объ нашемъ заведеніи этой французской герцогини важнѣе для пользы заведенія мнѣнія нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта, напримѣръ. И я отлично сдѣлалъ что самъ не сопровождалъ эту мадемуазель: его превосходительство Левъ Алексѣевичъ скажетъ мнѣ за это спасибо большое. А между тѣмъ барынька осталась всѣмъ вполне и чистосердечно предовольна. Она, кажется, предобрая и очень не дура. Пожалуста, В. П., какъ говорится: кормилъ по бороду, покорми по усы, и въ довершеніе вашихъ любезностей, разкажите мнѣ кое-что о сценическомъ значеніи этой Бурбье и о ея частной жизни, насколько послѣдняя вамъ извѣстна. Мнѣ, изволите

видѣть, это нужно на тотъ конецъ чтобы можно было, когда князь заговорить со мною объ ней, хвала за пріемъ мною ей сдѣланный,—а что заговорить это вѣрно,—поболтать что-нибудь, показавъ видъ что мнѣ не неизвѣстны ея сценическія дѣянія.

Вслѣдствіе этой просьбы Байкова, я разказалъ ему всѣ лучшія роли Бурбье, и онъ все это записалъ тщательно въ своей записной книжкѣ, а потомъ сообщилъ нѣсколько подробностей о ея добромъ нравѣ и о томъ какъ она любима всѣми своими товарищами, причемъ провелъ параллель съ нею громадно даровитой другой актрисы Малаго Театра, госпожи Алланъ (которую очень не долюбивалъ князь-министръ) и которая, при дѣйствительно замѣчательномъ талантѣ, заставлявшемъ забывать ея излишнюю дородность и сутуловость, была несносна въ частной жизни, особенно своею свирѣлою ревностью къ мужу, которому она запрещала играть на сценѣ съ кѣмъ-либо кромѣ себя. По поводу этого обстоятельства были мною разказаны нѣкоторые анекдотики, чисто закулисные, довольно пикантнаго закала. Байковъ и эти анекдотики записалъ и остался весьма доволенъ моими сообщеніями, во время которыхъ раздался колокольный звонъ, призывавшій въ церковь на всенощную предъ Александровымъ днемъ. Не пойти въ церковь было невозможно предъ царскимъ праздникомъ, и мы прилежно отстояли всенощную. Потомъ обошли часть заведенія и возвратились домой къ чаю, послѣ котораго Байковъ пригласилъ меня, по-вчерашнему, въ кабинетъ, гдѣ совершились обычные рапорты, причемъ Байковъ почти со всѣми рапортовавшими говорилъ что-нибудь о сегоднешней знатной посѣтительницѣ, герцогинѣ, причемъ, между прочимъ, смотрителю Ревягину было приказано отобрать у молочника Лебедева подъ свою росписку ту драгоценную булавку какую онъ получилъ на свое необыкновенное счастье и при рапортѣ представить ее директору, который будетъ ее хранить впредъ до обращенія въ деньги для приращенія процентами на пользу Лебедева.

Слѣдующій день, то-есть праздникъ Св. Александра Невскаго, прошелъ такъ какъ всегда проводились особенно большіе и царскіе праздники въ училищѣ, о чемъ читатель уже хорошо знаетъ по празднику дня коронаціи, весьма подробно описанному, съ тою только разницей что программа увеселеній воспитанникамъ на этотъ разъ ограничена была раздачей лакомствъ,

очень, правда, щедрою, но просто на дворѣ, подѣ главнымъ наблюденіемъ эконома, при содѣйствіи учителей и сотскихъ. Воспитанники качались часть дня на качеляхъ и расхаживали группами, расплѣвая плѣски, напоминавшія имъ ихъ родную деревню; а когда смерклось, то зажжена была по всему заведенію изрядная иллюминація, состоявшая изъ множества шкаликовъ и изъ двухъ или трехъ транспарантовъ съ изображеніями государя, государыни и наслѣдника цесаревича, августѣйшаго виновника праздника и торжества. Въ семь часовъ вечера, послѣ чая, подкатилъ къ крыльцу тарантасикъ Байкова, запряженный тройкой косматыхъ обвенокъ. Мы дружески разстались съ Байковымъ до слѣдующей субботы, когда рѣшено было что въ шесть часовъ пополудни онъ пришлетъ мнѣ коней для новаго погощенія въ Земледѣльческомъ Училищѣ. Я уѣхалъ, напутствуемый выраженіями признательности Байкова, распорядившагося, какъ непременно водилось, поставить въ экипажъ, отвозившій меня, довольно объемистую корзинку, старательно улакованную, и заключающую въ себѣ фермерскіе гостинцы, безъ которыхъ гостепріимный Матвѣй Андреевичъ не отпускалъ тѣхъ изъ своихъ гостей которыхъ особенно жаловалъ, по той или другой причинѣ, въ данный моментъ.

Не могу однако не сказать что эпизодомъ этого дня было то что почтеннѣйшая Катерина Андреевна, супруга Матвѣя Андреевича, съ сестрицей его Дарьей Андреевной, ѣздила въ каретѣ въ этотъ день въ городъ, собственно для того чтобы, при содѣйствіи какихъ-то протекцій, кажется генерала Коконкина, по письму Льва Алексѣевича Перовскаго, присутствовать сначала въ Казанскомъ соборѣ при церемоніи поднятія иконъ для перенесенія ихъ торжественнымъ шествіемъ по мосткамъ, покрытымъ алымъ сукномъ, въ Александро-Невскую лавру, куда и эти барыни отправились, имѣвъ счастье видѣть всю церемонію во всемъ блескѣ, то-есть шествіе безчисленнаго духовенства съ митрополитомъ во главѣ, съ хоругвями, свѣщами и фонарями, при соудѣствіи громадной массы народа, среди котораго торжественно и въ блистательномъ парадѣ медленно ѣхала вся царская фамилія, окруженная пышною и многочисленною свитой. Супруга и сестра Байкова, при содѣйствіи той же протекціи, были при богослуженіи въ соборѣ и имѣли случай видѣть довольно близко царя, царицу, цесаревича, великаго князя Константина Николаевича и всѣхъ великихъ князей. Восторженными разказами не было конца до обѣда, во время обѣда и послѣ

обѣда, причѣмъ мой петербургскій слухъ по временамъ щекотался словами: гарный, коханный, выдненько, ласкавно и пр., и пр., и пр. Изъ разказовъ этихъ мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ, между прочимъ, узнали что государь императоръ ѣхалъ въ парадномъ кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ, съ золоченою каской и алою лентой черезъ плечо, на гайдомъ конѣ, что послѣ него въ голубомъ казацкомъ мундирѣ съ алою лентой ѣхалъ цесаревичъ на сѣромъ въ яблокахъ конѣ арабской породы, а послѣ него братецъ его въ уланской формѣ на конѣ „не столь великомъ, но червленомъ“, а за ними всякихъ генераловъ въ алыхъ кавалеріяхъ и въ бѣлыхъ перьяхъ на шляпахъ видимо-невидимо, счета не было. За свитой царя выступалъ бѣлый осьмерикъ въ золотыхъ шорахъ, съ перьями алыми на головахъ, съ вершниками въ галунахъ и въ лудрѣ, а кругомъ коней все скороходы и арапы въ нарядахъ и съ перьями. Осьмерикъ везъ золотую и съ хрустальными окнами большую карету, а въ каретѣ царица въ алой лентѣ и великія княжны „младенькія“, да такія „гарненькія“. На подпorkахъ у кареты все стоятъ маленькіе пажы въ лудрѣ и въ шелковыхъ чулочкахъ. На запяткахъ два гайдука въ казацкомъ золотомъ нарядѣ, съ откидными рукавами на слинѣ и въ высокихъ шапкахъ съ перьями большущими. За каретой царицы кавалергарды и лейбъ-гусары, одни съ бѣлымъ, другіе съ краснымъ мундиромъ, всѣ офицеры на чудныхъ аргамакахъ, которые такъ и танцуютъ, словно „у манежѣ“. Подлѣ же кареты ѣхалъ самъ генералъ кавалергардовъ, въ бѣломъ и въ алой лентѣ, не слишкомъ „гарный“ изъ себя (графъ Алраксинъ), а по другую руку дюжій-раздюжій на свѣтло-сѣромъ конѣ, весь какъ изъ золота вылитый, съ штатскою шляпой по формѣ на бочокъ, съ бѣлымъ какъ снѣгъ плюмажемъ, оберъ-шталмейстеръ князь В. В. Долгоруковъ, „съ которымъ дорогой царица ласковыя слова съ улыбкой переговаривала, а какія не знаемъ, не слышать было, да и вѣрно все парде-франсе по придворнымъ порядкамъ“. За конными офицерами тянулись вереницей золотыя кареты шестерками съ фрейлинами, да статсъ-дамами, и около этихъ каретъ въ златыхъ мундирахъ шталмейстера, камергеры, камеръпажи во многомъ множествѣ. „О! ужъ было чему дивиться!“

Бывавъ самъ свидѣтелемъ парадныхъ выѣздовъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны и слыжавъ отъ бабушки моей о такихъ же выѣздахъ императрицы Екатерины Алексѣевны, я разказалъ все что помнилъ и что зналъ и разказомъ моимъ

заинтересовалъ не только дамъ, но и Матвѣя Андреевича, который удивлялся тому что во времена императрицы Екатерины и всегда при императорѣ Павлѣ alexандровскіе кавалеры въ орденскихъ одеждахъ шли вслѣдъ за духовенствомъ, причемъ лажи, также въ особенныхъ костюмахъ, несли шлейфы кавалерскихъ мантий.

Наступившая недѣля была обильна событіями, отчасти важными для меня, отчасти любопытными въ своемъ родѣ, и забавными. Я зналъ что въ среду, 31го августа, долженъ быть послѣдній лѣтній балъ у графа и графини Фикельмонъ, гдѣ непременно князь Волконскій можетъ встрѣтиться съ Д. Г. Бибиковымъ, моимъ тогдашнимъ начальникомъ, обычнымъ посѣтителемъ еженедѣльныхъ вечеровъ австрійскаго посла, пользовавшагося при дворѣ огромнымъ почетомъ и, по званію какого-то высокаго военнаго чина, бывавшаго всегда на всѣхъ разводахъ и парадахъ гвардіи, въ своемъ сѣро-бѣломъ мундирѣ при красныхъ рейтузахъ и съ зеленымъ перомъ на шляпѣ. Раздумалъ я хорошенько, путемъ-дорогой изъ Земледѣльческаго вѣдучи рысцой въ покойномъ тарантасикѣ Байкова, о томъ что при прощаньи вчера говорила мнѣ любезная Бурбье, и, признаюсь, вполне знакомый съ характеромъ моего, далеко не благодушнаго начальника, началъ я лобавиваться для себя послѣдствій того разговора обо мнѣ какой свѣтлѣйшій князь, въ угоду прелестной и увлекательной артисткѣ, могъ имѣть съ Бибиковымъ, который терпѣть не могъ чтобы его подчиненные пользовались чьею-либо протекціей, и чѣмъ выше была эта протекція, тѣмъ болѣе его это досадовало и возбуждало противъ протектируемаго. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я пріѣхалъ домой вечеромъ; переодѣвшись отправился на именинный вечеръ въ коротко мнѣ тогда знакомый домъ Башуцкихъ, * но рискуя заслужить неудовольствіе старичка, хозяина дома, за

* То былъ братъ столь извѣстнаго alexандровскаго времени комеданта, тайный совѣтникъ Даниилъ Яковлевичъ Башуцкій, жившій на Васильевскомъ Островѣ, въ 11 линіи, въ своемъ деревянномъ домикѣ, съ сыномъ своимъ Александромъ Даниловичемъ, тогда состоявшимъ въ сенатѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Старичка Даниила Яковлевича еще съ начала сороковыхъ годовъ нѣтъ на свѣтѣ, а сынъ его Александръ Даниловичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ правительствующаго сената, онъ былъ предсѣдателемъ кассационнаго департамента.

слишкомъ позднее появленіе и за то что не явился къ обѣду, я не утерпѣлъ и, выбравъ бойкаго извозчика на лихомъ иноходцѣ, отправился предъ повздой на Васильевскій островъ къ моимъ хорошимъ пріятелямъ Ламе, жившимъ на Невскомъ проспектѣ насупротивъ Аничкова дворца. Я засталъ все семейство, то-есть инженеръ-полковника Ламе, его жену, хозяйку дома, всегда веселую и смѣшливую Меланію, ея брата, инженеръ же полковника Клаперона за вечернимъ чаемъ около самовара по русскому, уже принятому ими обычаю. Я желалъ откровенно объясниться съ милою, любезною и очень умною madame Ламе, прося ее предупредить ея пріятельницу Бурбье, чтобы та не просила свѣтлѣйшаго князя говорить обо мнѣ Бибикову или чтобъ ежели уже непременно хочетъ этого, то чтобы разговоръ этотъ не могъ имѣть по своей настоятельности дурныхъ для меня послѣдствій, то-есть чтобъ упомянуто обо мнѣ было только слегка. На это madame Ламе объяснила мнѣ что, зная настойчивый характеръ своей Virginie, она никакъ не надѣется на успѣхъ такого рода просьбы, которая только способна разсердить ее и оскорбить, оскорбить же именно потому что ей покажется будто я брезгаю ея участіемъ потому только что она не знатная барыня. — „Впрочемъ, сказала мнѣ madame Ламе, завтра утромъ нарочно заѣду къ Virginie и продиктую ей именно все то, ни больше, ни меньше, что старикъ князь можетъ сказать безрукому генералу мимоходомъ, слегка, не налирая ни на что. Ainsi c'est une affaire bâclée; * а теперь я вамъ разкажу что вчера во время церемоніи на Невскомъ, я преспокойно завтракала у Virginie, которая проходила свою роль будущаго четверга съ этимъ добрымъ малымъ Женьесомъ,** который обязанъ былъ давать ей реплики, что немѣшало ему дѣлать полную честь произведеніямъ бѣленькихъ рукъ того прелестнаго вашего фермерскаго Гапимеда, Антиноя, Нарцисса, котораго мы вчера у васъ на фермѣ видѣли и въ котораго soit-dit en passant (бусть сказано мимоходомъ) наша Virginie чуть-чуть по уша не влюбилась, что неминуемо и случилось

* Итакъ, это дѣло улаженное.

** Женьесъ, jeune premier, весьма талантливый, хотя нѣсколько холодный, драматическій артистъ французской труппы того времени, былъ замѣчательно простъ и служилъ посмѣшищемъ для всѣхъ своихъ собратьевъ.

бы, ежелибы этот очаровательный мальчикъ съ своими прелестными каштановыми кудрями не распростерся предъ нею въ ноги, по вашему отвратительному обычаю, основанному на вашемъ гнусномъ рабствѣ. Мы, Француженки, любимъ, не спорю, чтобы красивый паладинъ таялъ у нашихъ ногъ и даже цѣловалъ бы ихъ, покорный обаянію нашей красоты и любезности. Но такое холопское паденіе къ ногамъ, какъ, говорятъ путешественники, падаютъ въ колоніяхъ негры къ ногамъ плантаторовъ, фуи! — это гадко! — Но я удалась отъ моего разсказа о завтракѣ у Virginie. Въ это время вдругъ является извѣстный въ городѣ повѣса гвардеецъ Constantin Boulgacoff, * который объявляетъ что онъ голоденъ какъ волкъ, потому что на церемоніи ничѣмъ не кормили, и съ особеннымъ восторгомъ нападаетъ на сыръ бри и кончаетъ тѣмъ что умоляетъ Virginie удѣлать ему хоть одну формочку этого чуднаго сыра удѣльной фермы, какую формочку онъ унесетъ домой въ своемъ киверѣ, въ какомъ онъ сегодня былъ по случаю торжественнаго дня. Virginie, щедрая на все, доказательствомъ чему служитъ ея вчерашній подарокъ булавки въ 500 франковъ вашему красавчику-мужичку, скула какъ Гарпагонъ на кружки этого бри, до такой степени что даже мнѣ изъ пяти, полученныхъ ею тамъ у васъ формочекъ, едва удѣлила одну и то съ большимъ трудомъ. Повѣса, Булгаковъ рѣшительно не получилъ ни одной крошки. Это его раздосадовало, и онъ сказалъ очень утвердительно, при прощаньи съ нами и уводя съ собою Женьеса, что во что бы то ни стало, а ужъ онъ добудетъ отъ директора Земледѣльческаго Училища не пять формочекъ этого сыра, а цѣлую дюжину и привезетъ ихъ на показъ Virginie; но ей не уступить ни одной полформочки, Женьесу же дать изъ нихъ парочку, потому что Женьесъ въ этомъ дѣлѣ будетъ ему полезенъ. „У меня промелькнула великолѣпная мысль, сказала Булгаковъ, мысль, которою я воспользуюсь, благодаря вашему, mesdames, разказу объ этомъ удѣльномъ училищѣ, которымъ вы такъ восхищены, и объ этомъ директорѣ, котораго

А. Яковлевъ

* Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, сынъ московскаго почтъ-директора, пользовавшагося особеннымъ почему-то расположеніемъ всего двора. Молодой Булгаковъ былъ знаменитъ своими эксцентрическими повѣсничествами, описаніе которыхъ могло бы составить цѣлую книгу.

считаютъ добрые люди вторымъ Домбалеми, Фелленбергомъ или Гаспареномъ. A bientôt, mademoiselle Virginie: Vous aurez de fameuses nouvelles de Constantin Boulgakoff, qui vous prouvera, que ce que veut Bolgakoff—Dieu le veut.“ * И съ этимъ онъ убѣждалъ, увлекая съ собою Женъеса, котораго общаде угостить фленсбургскими устрицами перваго привоза.

Въ десять часовъ вечера я пріѣхалъ на вечеръ къ Башуцкимъ, гдѣ засталъ танцы въ разгарѣ, и, пробывъ у нихъ до двухъ часовъ за полночь, возвратился домой почти въ три часа утра, потому что плашкоутный мостъ черезъ Неву былъ разведенъ (постояннаго Николаевского тогда еще и въ поминѣ не было). Такая дѣятельность не помѣшала мнѣ на другой день, то-есть въ среду быть въ назначенное время въ департаментѣ, гдѣ за три праздничныхъ дня, само собою разумѣется, нашелъ съ три короба работы, и, конечно, на этотъ разъ я былъ очень осмотрителенъ и, относя на верхъ въ вице-директорскій кабинетъ бумаги для подписи его сіятельства князя Петра Андреевича Вяземскаго, внимательно посмотрѣлъ, чтобы не захватить отпусковъ.

XIII.

На слѣдующій день, въ четвергъ, то-есть 1го сентября, когда всѣ мы, департаментскіе чиновники, получали жалованье наше отъ департаментскаго казначея, у котораго въ это время всегда сидѣлъ, въ своемъ восточномъ шелковомъ халатѣ съ высокою остроконечною шапкой на головѣ, обвернутою еще кисейною чалмой, знаменитый тогдашній ростовщикъ по мелочамъ, Индѣецъ Моджерамба, съ лицомъ кофейнаго цвѣта и съ бѣлыми сѣдыми усищами до пояса, — эта воплощенная „судная касса“ всего Петербурга и преимущественно чиновниковъ ** Директоръ пріѣхалъ въ департаментъ часу въ четвер-

* До скорого свиданія, мадемуазель Виржини: вы получите славныя извѣстія о Константинѣ Булгаковѣ, который вамъ докажетъ что то чего онъ, Булгаковъ, желаетъ, желаетъ и самъ Богъ.

** Моджерамба, — Индѣецъ изъ Астрахани, снабжавшій весь чиновный людъ деньгами на процентахъ въ десять разъ меньшихъ чѣмъ онабжаютъ нынѣшніе благотворители осудныхъ кассъ. Онъ умеръ, ка-

томъ, и прежде чѣмъ принимать начальниковъ отдѣленій, за которыми всегда посылалъ или дежурнаго канцелярскаго чиновника или курьеровъ, являвшихся въ директорскій кабинетъ по звонку его превосходительства, — Дмитрій Гавриловичъ велѣлъ дежурному позвать къ нему въ кабинетъ помощника столоначальника Б***, то-есть меня. Пробѣжавъ галопомъ всю анфиладу залъ, молоденькій, семнадцатилѣтній, розовенькій, кудрявый и тщательно причесанный брюнетъ канцелярскій чиновничекъ, въ форменномъ фракѣ съ суконнымъ свѣтло-зеленымъ воротникомъ, — объявилъ мнѣ съ осклабляющею рожицей: „Ваше его превосходительство требуетъ сейчасъ къ себѣ въ кабинетъ.“

Такой зовъ произвелъ эффектъ въ чиновничьемъ болотѣ не только моего стола и моего отдѣленія, но всѣхъ отдѣленій, находившихся по тракту до директорскаго кабинета; а на меня подѣйствовалъ не совсѣмъ радостно, потому, во-первыхъ, что со времени извѣстной катастрофы съ Англичаночкой, до этого часа, Бибииковъ никогда не звалъ меня къ себѣ и отличался особенною холодною при всѣхъ встрѣчахъ, и потому, во-вторыхъ, что приглашеніе это могло быть результатомъ разговора съ министромъ двора. Дежурный чиновникъ, мальчикъ, недавно опредѣленный изъ спавшихъ съ голоса придворныхъ лѣвчихъ, по фамиліи Кочетокъ, былъ мнѣ вовсе не знакомъ, хотя и извѣстенъ уже былъ въ департаментѣ подъ названіемъ „мамзельки“. Со всѣмъ тѣмъ однако я рѣшился спросить мальчишку:

— А въ какомъ расположеніи духа его превосходительство?

— Въ самомъ наилучшемъ, сіяя радостью отвѣчалъ бывшій дискантъ или теноръ, Богъ его знаетъ. — Ихъ превосходительство въ первый это разъ меня видятъ и сейчасъ сказали мнѣ: „Это ты мамзелька-то?“ Я говорю: „Я-съ, ваше превосходительство!“ А ихъ превосходительство изволили засмѣяться и говорятъ: „Изъ хохликовъ вѣрно?“ — „Съ Полтавской губерніи, ваше превосходительство“, отвѣчаю я. А они опять смѣются: „Полтавской губерніи, Кобылецкаго повита?“ — Я и точно

жется, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и тѣло его было, по обычаю идолопоклоннической вѣры, сожжено на кострѣ, пепелъ же собрали его родственники и увезли на родину. Я надѣюсь когда-нибудь собрать точныя свѣдѣнія объ этой оригинальной личности и напечатать ея біографію, хотя меня собственно Богъ миловалъ отъ сношеній съ этимъ знаменитымъ ростовщикомъ.

оттуда родомъ и говорю: „Вполнѣ угадали, ваше превосходительство!“—„Люблю такихъ шустрыхъ“, говоритъ ихъ превосходительство. „На какомъ окладѣ?“—„На низшемъ, ваше превосходительство.“—Они сейчасъ въ звонокъ и позвади Степана Степановича Грознова: „Съ низшаго вели отъ меня его на средній сегодня же перевести окладъ тамъ въ отдѣленіи“. Грозновъ вышелъ, а они опять смѣются такъ: „Ну, доволенъ?“—„На вѣки благодаренъ вашему превосходительству“. И они меня за щеку и ухватили, да такъ крѣпко; а потомъ за подбородокъ щипнули, и спрашиваютъ: „Не больно?“—„Отъ васъ ничто не больно, ваше превосходительство“, сказалъ я; а они все смѣются, да говорятъ: „Ну а это больно?“ при этомъ взяли меня за лѣвое ухо, да мiali, мiali, щекотно таково. Я сказалъ: „Отъ вашего превосходительства пріятно-съ.“ Они захотали маленько и приказываютъ: „Ну, хохлёнокъ, пошли ко мнѣ того что тамъ ждетъ полковника таможенной стражи, а между тѣмъ пока полковникъ у меня будетъ, позови ко мнѣ помощника столоначальника Б****. Вотъ я къ вамъ и прибѣжалъ. Я взглянулъ на этого юнаго чиновника, гордаго первымъ служебнымъ повышеніемъ, стоившимъ ему не совсѣмъ дешево, потому что его лѣвое ушко дѣйствительно было краснѣе воротника лѣвческаго кафтана, съ которымъ такъ недавно онъ разстался. Изъ кабинета директора вышелъ бригадный командиръ таможенной стражи, толстѣйшій, краснѣйшій, добрѣйшій и честнѣйшій полковникъ Гирсъ. Онъ поздоровался со мною и сказалъ: „Директоръ васъ проситъ къ себѣ въ кабинетъ“.

Когда я вошелъ, Дмитрій Тавриловичъ, въ форменномъ фракѣ и въ звѣздахъ, стоялъ у высокой эгажерки и разсматривалъ какіе-то, вѣроятно, конфискованные литографическіе рисунки зазорнаго содержанія. Увидѣвъ меня, онъ не подалъ мнѣ руки, но бросилъ по-французски фамиллярное:

— *Bonjour mon cher B****eff. Comment ça va?* * И потомъ продолжалъ по-русски:

— Скажите, пожалуйста, давно вы знакомы съ свѣтлѣйшимъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ?

— Я съ его свѣтлостью, ваше превосходительство, вовсе не знакомъ. Знаю его потому что, жавя въ Петербургѣ и бывая

* Здравствуйте любезный Б****. Какъ выживаете?

въ театрѣ, трудно не знать личности министра двора. Но я увѣренъ что онъ меня вовсе не знаетъ лично.

— Такъ кто-нибудь ему объ васъ много наставлялъ прекраснаго. Я съ нимъ вчера встрѣтился у Фикельмоновъ, и онъ мнѣ съ три короба объ васъ наговорилъ, право, очень лестнаго для васъ.

— Не понимаю, ваше превосходительство, откуда это происходитъ. Догадываюсь однако что, можетъ - быть, директоръ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, съ которымъ я недавно познакомился по поводу статьи заказанной мнѣ для *Съверной Пчелы*, будучи очень доволенъ тѣмъ что статья эта будетъ ему полезна, говорилъ что-нибудь о ея авторѣ его свѣтлости.

— Развѣ этотъ директоръ имѣетъ на его свѣтлость большое вліяніе?

— Не думаю, ваше превосходительство, чтобы кто-нибудь изъ подчиненныхъ могъ имѣть на князя Петра Михайловича большое вліяніе.

— Можетъ быть, Б., вы имѣете театральныя знакомства? Можетъ-быть, вы кого-нибудь изъ французскихъ актрисъ знаете: у васъ вообще, я слышалъ, много знакомыхъ французскихъ домовъ.

— По дому инженеръ-полковника Ламе, дѣйствительно, ваше превосходительство, я немножко знаю мадемуазель Бурбье.

— Ну вотъ ларчикъ и отворенъ! Бездѣлица, мадемуазель Бурбье! Князь восхищенъ ея игрой; и вѣрно она что-нибудь прехорошее объ васъ говорила старику, потому что кончилось тѣмъ что онъ взялъ съ меня слово что первую столоначальническую вакансію я вамъ предоставлю. Итакъ, Б., поѣзжайте къ Бурбье и поцѣлуйте у нея ея прелестную ручку, причемъ скажите ей что *le général manchot des douanes est aux anges d'elle.* *

— Я къ ней не захожъ, ваше превосходительство.

— О! какой же вы чудакъ, мой милый, не захожъ къ ней, такъ умѣйте войти къ ней. Однимъ словомъ, вы, благодаря ей, будете столоначальникомъ, съ чѣмъ васъ впередъ поздравляю и надѣюсь въ будущую среду, при свиданіи у Фикельмоновъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, сказать ему что онъ можетъ взять взяточку съ Бурбье, по желанію которой однимъ молоденькимъ столоначальникомъ больше. Каково же?

* Безрукій генералъ таможенъ въ восхищеніи отъ нея.

Двадцати двухъ лѣтъ столоначальникъ! Такимъ образомъ, въ 42 года вы будете министромъ. Двадцать лѣтъ пройдутъ мимо. Однако мы закалякались, а тамъ начальники отдѣлений ждутъ съ докладами. До свиданія, Б. Пошлите ко мнѣ дежурнаго: я его пошлю за Карломъ Ивановичемъ.

— Я буду идти мимо Карла Ивановича, ваше превосходительство, и передамъ ему ваше приглашеніе.

— Вы, господинъ будущій столоначальникъ, олицетворенная любезность. А все-таки дежурнаго мальчика пошлите ко мнѣ. Я хочу надрать ему другое ухо, чтобъ одному завидно не было. Презабавный пострѣленокъ! Надобно бы выучить его болтать по-французски, и тогда я по воскресеньямъ игралъ бы съ нимъ у себя на бильярдѣ.

Эго былъ злой намекъ на тѣ интимно-свѣтскія и очень пріличные отношенія въ какихъ до конца 1832 года я находился въ его домѣ. Не дѣлая вида что я понялъ этотъ намекъ, я вышелъ раскланявшись. Въ дежурной комнатѣ я нашелъ мальчика въ форменномъ фракѣ опять предъ зеркаломъ.

— Васъ зоветъ господинъ директоръ, сказалъ я.

— А у меня лѣвое ухо все горитъ, горитъ, такъ что бѣда, прошепталъ юноша, шмыгая въ кабинетъ.

„Подожди, братъ, подумалъ я, погоритъ сейчасъ и правое, чтобы не завидно было, какъ выражается его превосходительство.“

Возвратясь въ свое отдѣленіе и въ свой „столъ“, я на лицѣ своемъ носилъ печать удовольствія произведеннаго обѣщаніемъ сдѣланнымъ мнѣ Бибиковымъ, что не скрылось отъ зоркихъ глазъ моего столоначальника П. Вслѣдствіе этого своего наблюденія, онъ съ широкою улыбкой своею спросилъ меня:

— Повидимому бесѣда съ его превосходительствомъ была благопріятна для васъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ,—кромѣ развѣ того что, само собою разумѣется, для нашего брата подчиненнаго чиновника всегда бываетъ пріятенъ благосклонный и любезный разговоръ такого высокопоставленнаго начальника какъ Дмитрій Гавриловичъ, тѣмъ болѣе что вотъ уже почти два года какъ я отвыкъ отъ ласковыхъ отношеній его превосходительства ко мнѣ послѣ того что....

— Знаю, знаю, прошепталъ П., приглашая меня перейти въ глубокую амбразуру окна, чтобъ удалиться отъ кан-

целярскаго люда,—знаю, это было по случаю тому когда молоденькой Англичаночкѣ-дурочкѣ сдѣлался обморокъ. Хе, хе, хе! Уморительно это было, какъ сказывалъ мнѣ Степанъ Степановичъ Грозновъ. И Богъ знаетъ зачѣмъ вы тогда такъ расходились и вышли изъ себя. Добро бы вы давно знали Англичаночку эту; а то видѣли въ первый разъ въ жизни молоденькую заморскую нищенку и вздумали показывать видъ начальнику что шутки его вамъ не лопутру. То-то, господа парле-франсе: у васъ ужъ больно много амбиціи, въ которую вы тотчасъ вламываетесь.

— Это мои правила, возразилъ я съ нѣкоторою запальчивостью. — Я съ моей стороны оставляю васъ при вашихъ правилахъ и не критикую ни извѣстнаго кресла, ни извѣстнаго пера, на которыя вы устроили ковчегъ, такъ прошу не касаться и моихъ убѣжденій: они у каждого свои. Вонъ, у сегодняшняго дежурнаго мальчишки также свои правила, благодаря которымъ онъ съ радостью принялъ сейчасъ щипки и ухощанья его превосходительства, за то что его перемѣстили на средній канцелярскій окладъ.

— А вотъ помяните мое слово, замѣтилъ П., вытираясь огромнымъ своимъ лестрымъ платкомъ, сильно надушеннымъ гостинодворскимъ амбре,—этотъ мальчишка, какъ вы его величаете, далеко пойдеть. Онъ теперь въ судномъ отдѣленіи числится, а я охотно постараюсь перевести его въ нашъ 4й столъ 2го отдѣленія, на томъ основаніи что совсѣмъ не худо имѣть такого директорскаго фаворита подъ своимъ началомъ. Но не въ этомъ дѣло, В. П., а въ томъ что какъ сегодня лопутру я былъ у его превосходительства, по собственнымъ его дѣламъ, Дмитрій Гавриловичъ принимать меня изволили сидя въ утренней ваннѣ и при этомъ куря въ ваннѣ трубку, которую я имъ и запалилъ, они мнѣ сказали что вчера на вечерѣ у графа и графини Фикельмонъ (это вѣдь родня его превосходительства) свѣтлѣйшій князь Волконскій взялъ съ нихъ слово что вамъ дадутъ столоначальниче мѣсто съ полнымъ окладомъ у насъ въ департаментѣ. И мнѣ извѣстно что у насъ на дняхъ будетъ вакансія, между нами быть сказано. Помощникъ правителя канцеляріи, Владиміръ Яковлевичъ Солоницынъ, вы его вѣдь хорошо знаете, выходитъ въ отставку, чтобъ ѣхать въ Пензенскую губернію, принять изъ рукъ параличемъ разбитаго дяди управленіе огромнымъ его имѣніемъ, которое дядя назначаетъ ему въ наслѣдство послѣ смерти своей. А смерть-то

старика не за горами. Кажется на будущей недѣлѣ послѣдуетъ замѣщеніе вакансіи оставляемой Солоницынымъ. Но только я вамъ скажу такъ по-товарищески что вѣдь нашъ безрукій (здѣсь насъ никто не слышитъ) терпѣть не можетъ высокихъ протекцій у своихъ подчиненныхъ. Онъ вамъ обѣщалъ осьмиклассное мѣсто, я знаю; но между обѣщаніемъ и исполненіемъ десять тысячъ верстъ, и увѣряю васъ что ежели вы не употребите еще другаго средства, то какъ бы вамъ не остаться на бобахъ.

— О какомъ это еще средствѣ вы хотите мнѣ сказать, Платонъ Александровичъ? спросилъ я.

— Знаю, вы господа молодые люди, какъ бы вслухъ рассуждалъ П., — на чиня средства брезгливы, и напрасно, потому что нельзя же лезть противъ рожна. Есть у Дмитрія Гавриловича теперь одинъ человѣкъ въ огромномъ форсѣ. Совѣтую вамъ къ нему съѣздить и поферлакурить ему, разказавъ все какъ есть. Его сильно польститъ то что вы ставите его протекцію выше ходатайства свѣтлѣйшаго министра, и все, все, все сдѣлаетъ. Человѣкъ этотъ—тотъ самый архитекторъ что такъ, по вашему сужденію, разобидѣлъ Англичанку.

Предложеніе это какъ бы кияткомъ ошпарило меня, и я весь побагровѣлъ; но скоро пришелъ въ себя и сказалъ:

— Оставимъ этотъ разговоръ; а вотъ лучше пояснить мнѣ потрудитесь въ какомъ смыслѣ и направленіи надо писать мнѣніе директора департамента въ докладной запискѣ министру финансовъ по случаю домогательства начальника Кавказскаго таможеннаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Венъери, объ устройствѣ больницы для чиновниковъ и новой мебели для Бакинской таможни.

П. понялъ что я имѣю отвращеніе къ сдѣланному имъ сейчасъ мнѣ предложенію, но не подалъ вида и очень спокойно отвѣчалъ на мой служебный вопросъ:

— Мнѣніе директора должно состоять въ томъ что начальникъ округа можетъ употребить изъ экстраординарныхъ суммъ по таможнѣ исчисленныя имъ деньги на возобновленіе мебели въ таможнѣ, что же касается до больницы, то пусть предложитъ всѣмъ чиновникамъ этой таможни десятипроцентный вычетъ изъ всего получаемаго каждымъ изъ нихъ содержанія, для устройства небольшого лазарета съ врачомъ, фельдшеромъ и аптекой. При этомъ однако спросить Винъери: развѣ въ Баку

нѣтъ лѣкарей и врачебныхъ пособій, что онъ домогается имѣть больницу при таможенѣ?

— Хорошо-съ, сказалъ я сухо, — согласно съ этимъ и будетъ все изложено. Только мнѣ удивительно, почему это какъ только во времена оны, лѣтъ за нѣсколько предъ симъ, какъ только захотѣлъ здѣшній петербургскій начальникъ округа имѣть больницу преогромную для здѣшней таможи, нашлись тотчасъ десятки тысячъ, и больница на широкую ногу была устроена; а для Бакинской таможи, на краѣ свѣта, такіа затрудненія?

— То-то что на краю свѣта, подхватилъ П. — Кто на край свѣта заглянетъ? А здѣсь дѣло на юру. Вонъ намеренъ самъ государь императоръ въ нашу таможену заѣзжать и всѣмъ остался предоволенъ. Велѣлъ Дмитрія Гавриловича министру самому благодарить. Да и къ тому же Кавказскимъ округомъ завѣдуетъ Венъери, котораго Дмитрій Гавриловичъ не жалуетъ, а здѣшнимъ управляетъ Тимирязевъ, который былъ когда-то въ одномъ эскадронѣ съ Дмитриемъ Гавриловичемъ, оба служили тогда субалтернъ-офицерами, а вотъ какъ ихъ судьба-то размѣстила теперь. Вотъ-съ вамъ и весь сказъ!

Въ пять часовъ съ небольшимъ я былъ дома, гдѣ мнѣ объявили что былъ посланный отъ Байкова, привезшій корзиночку съ молочными гостинцами и письмо.

Прочитанное мною письмо Байкова было слѣдующаго содержания:

„Зная что вы, многоуважаемый В. П., принимаете искреннее участіе во всемъ что касается успѣховъ нашего училища, славу котораго вы всенепременно громко распространите по нашему отечеству, чрезъ будущую статью объ ономъ во всюду жужжащей златокрылой *Пчелкѣ*, спѣшу подѣлиться съ вами моею радостью. Съ легкой руки прелестной *герцогини*, посѣтившей насъ 29го августа, вчера, въ среду, 31го августа, къ намъ пожаловалъ французскій вельможа и знаменитый европейскій агрономъ, графъ Гаспаренъ, издавшій такіа прекрасныя книги о сельскомъ хозяйствѣ, красующіяся въ богатыхъ переплетахъ, какъ въ библіотекѣ его свѣтлости, министра двора и удѣловъ, такъ въ роскошномъ книгохранилищѣ его превосходительства господина нашего вице-президента и благодѣтеля. Графъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ и прежде чѣмъ представится его свѣтлости князю, хотѣлъ осмотрѣть наше заведеніе, о которомъ у себя въ Парижѣ слышалъ. Хотѣлъ же это онъ для того чтобы имѣть пріятную возможность, при первомъ же свиданіи, передать его свѣтлости свои впечатлѣнія. Кажется, онъ всѣмъ былъ восхищенъ, особенно сырѣ бри

прельстилъ его, и я его сіятельству приподнесъ дюжину формъ, оголивъ весь запасъ. Переводчикомъ ему служилъ блестящій молодой русскій гвардейскій офицеръ, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который, какъ мнѣ объяснилъ, родня всѣмъ нашимъ вельможамъ. Пишу вамъ это второпяхъ; сейчасъ (теперь восемь часовъ утра) ѣду къ Льву Алексѣевичу съ подробнымъ донесеніемъ о случившемся семь у насъ важномъ событіи. Офицеръ Булгаковъ такой весельчакъ и такой не спѣсивый, хотя и аристократъ, что самъ пустился съ мальчиками выплясывать казачка и трепака. Мальчики наши въ подлѣйшемъ восхищеніи и всѣ вамъ низко кланяются. Я и жена къ ихъ поклонамъ присоединяемъ наши и надѣемся видѣть васъ у насъ послѣзавтра, въ субботу вечеромъ на воскресенье. Соображенія о борющъ на славу дѣлаются въ моемъ хозяйствѣ уже теперь для дорогаго поѣздителя. Савраски мои къ вамъ явятся часовъ въ шесть пополудни. Обнимаю васъ и остаюсь много васъ уважающій М. Байковъ.“

Когда я прочелъ это письмо до того мѣста гдѣ упоминалось о знаменитомъ повѣсѣ Булгаковъ, котораго великій князь Михаилъ Павловичъ называлъ *enfant terrible*, я тотчасъ вспомнилъ разказъ госпожи Ламе о его обѣщаніи добыть, при помощи *bon enfant* Женъеса, дюжину формочекъ сыра бри съ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Послѣ этого не было уже сомнѣнія что Булгаковъ, при помощи Женъеса, выданнаго имъ за графа Гаспарена, смистифировалъ Байкова самымъ удачнымъ образомъ. Послѣ обѣда я отправился на четверговой вечеръ Н. И. Греча, у котораго засталъ необыкновенное, какое-то чрезвычайное движеніе и оживленіе по случаю возсозданія *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшара. Въ числѣ обычныхъ гостей было много новыхъ лицъ, мнѣ вовсе незнакомыхъ. Это все были будущіе сотрудники громаднаго литературнаго предпріятія, во главѣ котораго стоялъ Гречъ, ожидавшій блестящихъ успѣховъ и богатыхъ матеріальныхъ выгодъ. Когда-нибудь въ особой статьѣ постараюсь разказать все что мнѣ лично было извѣстно о редактированіи *Энциклопедическаго Лексикона*, созданнаго Гречемъ и въ послѣдствіи убитаго Сенковскимъ, о чемъ я упоминалъ уже отчасти на этихъ же страницахъ, въ прошломъ году, въ статьѣ моей *Знакомство съ Воейковымъ*. Здѣсь же не мѣсто объ этомъ распространяться. Скажу только что я, сколько помню, именно въ этотъ вечеръ, 1го сентября 1834 года, въ первый разъ видѣлъ Андрея Александровича Краевского, въ ту пору скромнаго молодого человѣка, служившаго помощникомъ редактора *Журнала*

Министерства Народнаго Просвѣщенія и жившаго въ домѣ министерства, гдѣ онъ имѣлъ небольшую квартиру, кажется, съ казенною, не очень възрачною мебелью, крытою бѣлыми холстинными чахлами. Тутъ же въ этотъ вечеръ, помню, многоглагольствовалъ добрѣйшій цензоръ Петръ Александровичъ Корсаковъ, братъ тогдашняго попечителя учебнаго округа и предсѣдателя цензурнаго комитета князя Михаила Александровича Дондукова-Корсакова, отца нынѣшняго генералъ-губернатора юго-западнаго края, въ то время еще мальчишка. Какъ только Гречъ меня увидѣлъ и поздоровался со мною, тотчасъ, по своему обычаю выкрикивать свои впечатлѣнія при всѣхъ, закричалъ:

— Ну, любезнѣйшій коллабораторъ, чинящій перо для описанія Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, — какая же вчера тамъ вышла комедь, которую сломалъ этотъ *enfant terrible* Булгаковъ! Слышали вы?

— Не только слышалъ, отвѣчалъ я, — но, къ прискорбію моему, читалъ письмо моего новаго пріятеля и вашего почитателя Матвѣя Андреевича, сообщающаго мнѣ объ этомъ новомъ школьничествѣ господина Булгакова.

Я умолчалъ о томъ въ какомъ тонѣ было мнѣ сдѣлано это сообщеніе.

— Жаль, жаль, кричалъ Гречъ, — опростоволосился Матвѣй Андреевичъ! Права видно пословица: „на всякаго мудреца довольно бываетъ простоты!“ Но, впрочемъ, это было такъ хитро и ловко подведено что будь я на мѣстѣ Байкова, да не знай, какъ онъ не знаетъ, французскаго языка, точно такъ же профершипилился бы. Милая моя и, въ скобкахъ, къ вамъ, Быстропишевъ, очень расположенная *Virginie Bourbier*, за эту продаку рветъ и мечетъ на Булгакова и особенно на Женьеса, *qui a fait l'homme de paille*. Она имъ обоимъ заперла свою дверь.

— Разкажи же толково, Николай Ивановичъ, въ чемъ дѣло! гаркнулъ появившійся въ это время Иванъ Никитичъ Скобелевъ, раздававшій рукопожатія направо и налево.

— Почти весь городъ, ваше превосходительство, восклицалъ Гречъ, — знаетъ этотъ новый фарсъ повѣсы Булгакова въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ вчера.

— Мало ли что знаетъ весь городъ, да я не знаю, продолжалъ Иванъ Никитичъ, усаживаясь у стола и располагаясь

комфортно пить поданный ему, какъ и всѣмъ, чай. Гречъ заораторствовалъ съ акомпаниментомъ своихъ гримазъ:

— Дѣло въ томъ что въ понедѣльникъ, знаменитая наша петербургская Марсъ, очаровательная Бурбѣ, была въ Земледѣльскомъ Училищѣ, гдѣ ее превосходно чествовалъ сей юноша....

— Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ! Для этого-то онъ намеренъ и остался у Байкова и мнѣ не солутствовалъ въ обратномъ моемъ путешествіи. Ну, продолжай, Николай Ивановичъ: я слушаю, да и всѣ твои гости открыли уши для принятія словесъ твоихъ, златоустый бѣсъ! Ха! ха! ха!

— Изъ Земледѣльскаго Бурбѣ привезла домой нѣсколько формъ сыра бри и подчивала имъ, въ Александровъ день, пріѣхавшаго къ ней, шалуна Булгакова, который на отказъ ея подарить ему одну формочку, поклялся что онъ будетъ имѣть очень скоро дюжину формъ этихъ. И дѣйствительно имѣлъ на другой же день: онъ собралъ точныя свѣдѣнія о Байковѣ и узналъ что онъ, вопервыхъ, не знаетъ по-французски и, во вторыхъ, крайне тщеславится своимъ заведеніемъ. На этихъ данныхъ Булгаковъ построилъ весь свой проектъ для добычи дюжины формъ бри. Актера Женьеса, извѣстнаго простофилю, онъ выдалъ за знаменитаго Гаспарена, агронома-графа, члена высшей палаты Франціи. Они съ Женьесомъ болтали всякій вздоръ, а Булгаковъ немилосердно лгалъ Байкову, ну и провелъ его такъ что Байковъ продѣлалъ предъ ними всю почетную программу отъ *a* до *ижицы*, ну и снабдилъ дюжиной формъ бри, которыми потомъ шалунъ хвастался. Князь Петръ Михайловичъ было осерчалъ на Булгакова и хотѣлъ просить государя арестовать шалуна; но великій князь такъ много смѣялся новой проказѣ что защитилъ его отъ гауптвахты. Воображаю какъ бѣсится Байковъ за эту съ намъ штуку.

— Ну, замычалъ, подергиваясь, Иванъ Никитичъ, — счастливы этотъ Булгаковъ, повѣса, что великій князь Михаилъ Павловичъ его начальникъ и балуетъ его; а будь его начальникъ, хоть бы примѣромъ сказать, генераль-лейтенантъ Скобелевъ, ужь отбилъ бы у него охоту мальчишничать. И гдѣ же? Не въ казенномъ только, но царскомъ заведеніи. Дрянной же онъ, слыхалъ я, и служака-то! Ну ужь попадись этотъ гусь лапчатый ко мнѣ въ генераль-аудиторіатъ когда-нибудь за свои продѣлки: я его промну, друга любезнаго!

Въ это время артиллерійскій генераль-майоръ Андрей Яков-

левичъ Ваксмуть, который былъ женатъ на дѣвицѣ Борнѣ, двоюродной сестрѣ Греча,—разказалъ о недавней новой проказѣ Булгакова, состоявшей въ томъ что онъ съ двумя пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный силачъ Чагинъ, также офицеръ, ночью изъ гостей по Петербургской сторонѣ шли лѣшкомъ, не найдя извозчиковъ. Вдругъ увидѣли они круглую будку будочника со спавшимъ въ ней часовымъ, отложившимъ въ сторону свою алебарду. Приди имъ, и въ особенности Булгакову, шальная мысль своротить будку на землю, но такъ чтобы дверь пришлась плотно на мостовую. При помощи такого силача, каковъ былъ Чагинъ, имъ это удалось. Бѣдный будочникъ въ этой могилѣ поднялъ страшный крикъ, разбудившій всѣхъ окрестныхъ дворниковъ, поднявшихъ будку и освободившихъ полумертваго часового. Сергѣй Александровичъ Кокоткинъ, по просьбѣ дяди Булгакова (здѣшняго почти-директора) замялъ эту исторію, кончившуюся смѣхомъ.

Строгій поклонникъ военной дисциплины и общественнаго благочинія, Иванъ Никитичъ, принявъ этотъ разказъ неблагоклонно, выразилъ удивленіе что подобныя шалости могутъ быть принимаемы и разказываемы со смѣхомъ людьми ложными, а не молоденькими мальчиками, и съ негодованіемъ отошелъ въ сторону, взявъ подъ руку профессора Шульгина, съ которымъ завелъ какой-то посторонній разговоръ, усѣвшись на дальнемъ диванчикѣ, одномъ изъ тѣхъ какими были облѣплены низы библіотечныхъ шкафовъ, съ потолка до пола покрывавшихъ стѣны извѣстнаго зала-кабинета, такъ подробно мною описаннаго въ статьѣ моей: *Четверги у Н. И. Греча*. Пользуясь удаленіемъ генерала-писателя, не умѣваго скрывать своего образа мыслей и любившаго высказывать по-солдатеки правду-матку, извѣстный тогдашній стихо-и прозо-кропатель, считавшій себя не на шутку литераторомъ, гвардіи полковникъ и старшій адъютантъ гвардейскаго штаба, Вильгельмъ Ивановичъ Карлагофъ, принялся занимать честную компанію различными анекдотами о Булгаковѣ, хорошо ему извѣстными по роду его службы. Гречъ, любившій слушать себя и свои разказы, а не другихъ, не утерпѣлъ и сказалъ: — Да изъ всего этого можно составить презабавную книжонку подъ названіемъ: *Булгаковиада!* Вотъ бы вы, Вильгельмъ Ивановичъ, составили такую книжицу, да и дали бы ее продавать книгопродавцу Лисенкову, вы же, кажется, съ нимъ въ ладахъ. А онъ ужъ какой мастеръ на рекламы!

Карлгофъ былъ не слишкомъ-то находчивъ на отвѣты, но претенціозенъ и обидчивъ, почему немедленно уѣхалъ съ четверговаго вечера, сказавъ, кажется, постоянному своему солутнику, барону Е. О. Розену: „Нога моя здѣсь никогда не будетъ!“ Это завѣреніе однако не помѣшало всѣмъ слышавшимъ эти слова изъ устъ Вильгельма Ивановича въ слѣдующій же четвергъ увидѣть у Греча не только одну, но обѣ длинныя, предлинныя ноги пиита.

Изъ числа анекдотовъ о Булгаковскихъ повѣсничествахъ соединю здѣсь тѣ которые кажутся мнѣ рельефнѣе другихъ и, кстати, передамъ ихъ здѣсь читателю:

Императоръ Николай Павловичъ, замѣтивъ что офицеры стали носить сюртуки до такой степени короткіе что они имѣли видъ какихъ-то камзолчиковъ, обратилъ на это вниманіе великаго князя Михаила Павловича. По гвардейскому корпусу былъ отданъ приказъ съ опредѣленіемъ длины сюртучныхъ полъ, причемъ за норму былъ принятъ высокій ростъ. Военные портные тотчасъ смекнули ошибку въ приказѣ и, не пользуясь ею, стали шить сюртуки длины пропорціональной росту закащика. Но путешникъ Булгаковъ, ростъ котораго былъ гораздо ниже средняго, потребовалъ отъ своего портнаго сюртукъ точь-въ-точь съ полами именно той длины какая опредѣлялась приказомъ, почему полы его сюртука покрывали ему икры и онъ былъ каррикатуренъ до комичности, гуляя по Невскому и возбуждая смѣхъ не только знакомыхъ, но и незнакомыхъ ему офицеровъ. Едва успѣлъ онъ раза два пройти въ такомъ видѣ среди гуляющей публики по тротуару Невскаго Проспекта, какъ попался на встрѣчу великому князю, который, при видѣ его въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, воскликнулъ: „Что это за юпка на тебѣ, Булгаковъ? На гаултахту, на гаултахту, голубчикъ! Я шутить не люблю!“—„Ваше высочество, я одѣтъ какъ нельзя болѣе по формѣ, и наказанія, ей - Богу, не заслуживаю“, возразилъ почти-тельно поручикъ Булгаковъ, держа пальцы правой руки у шляпы, надѣтой по формѣ. „Я одѣтъ въ согласность приказа по гвардейскому корпусу. И вотъ доказательство!“ При этомъ, онъ вынулъ изъ кармана пресловутый приказъ и подалъ его великому князю. Его высочество, прочитавъ приказъ, засмѣялся, назвалъ Булгакова шутомъ гороховымъ и ему же приказалъ чтобы вмѣсто гаултахты, вхалъ къ на-

чальнику штаба гвардейскаго корпуса и, показавъ ему свою особу, разказалъ о случившемся и передалъ бы приказаніе корпуснаго командира немедленно сдѣлать дополненіе къ приказу съ означеніемъ трехъ родовъ роста: большаго, средняго и малаго, и съ объясненіемъ что вообще полы должны быть наравнѣ съ колѣномъ. На другой день состоялось дополненіе къ приказу.

Въ другой разъ Булгаковъ, куда-то торопившійся поутру, забылъ вдѣтъ въ портулею шпату и шелъ по улицамъ безъ шпаты. На бѣду, его встрѣтилъ великій князь, ѣхавшій въ коляскѣ.—„Офицеръ расстаётся съ своею шпатою или саблей только въ двухъ случаяхъ: въ гробу и подъ арестомъ!“ восклицалъ великій князь. „Въ гробъ тебя я не уложу, а на гауптвахту посажу; но прежде отправленія на гауптвахту въ Чекуши,—я хочу дать тобою полюбоваться твоему полковому командиру Штигельману и полковымъ командирамъ всей гвардіи. Садись ко мнѣ въ коляску.“ Булгаковъ сѣлъ въ коляску великаго князя, который привезъ его къ себѣ въ Михайловскій дворецъ и сказавъ: „ты мой арестантъ!“ оставилъ его въ своемъ кабинетѣ, а самъ вышелъ въ пріемный залъ, подлѣ кабинета, гдѣ уже его ожидали въ извѣстный часъ всѣ полковые командиры, ежедневно въ этотъ часъ являвшіеся къ его высочеству предъ разводомъ. Великій князь довольно долго говорилъ о распушенности гвардіи, общался всѣхъ подтянуть, и обратясь къ генералу Штигельману, командиру л.-гв. Московскаго полка, выражалъ ему свое неудовольствіе за то что офицеры его полка не соблюдаютъ формы и что онъ сейчасъ представить въ подкрѣпленіе своихъ словъ Булгакова, забывшагося до того что позволилъ себѣ одно изъ самыхъ преступныхъ отступленій отъ военныхъ законовъ. Говоря это, великій князь отворилъ дверь своего кабинета и позвалъ Булгакова, который почтительно, но смѣло выступилъ и сталъ на вытяжку.

— Любуйтесь, любуйтесь, генералъ, вашимъ офицеромъ! крикнулъ великій князь.

Штигельманъ внимательно осматривалъ Булгакова со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, пока его высочество продолжалъ говорить о томъ же предметѣ съ другими полковыми командирами громко и съ запальчивостью, и потомъ обратясь къ Штигельману спросилъ:

— Ну, видѣлъ каковъ молодецъ? На мѣсяцъ на гауптвахту съ отдаи́емъ въ приказъ по полку!

— Ваше высочество, объяснилъ Штигельманъ, — я пересмотрѣлъ на поручикѣ все отъ воротника до штрипокъ и положи́тельно ничего не нашелъ.

— Ты и не могъ найти того чего вѣтъ, вскричалъ великiй князь. — А гдѣ же его шлага?

Штигельманъ повернулъ слегка Булгакова на лѣвую сторону и сказалъ:

— Шлага на своемъ мѣстѣ, ваше императорское высочество!

И дѣйствительно, Булгаковъ былъ при шлагѣ. Великiй князь назвавъ Булгакова новымъ Пинетти, велѣлъ Штигельману отобрать шлагу отъ Булгакова и возвратить ее тому офицеру другаго полка котораго вчера самъ его высочество арестовалъ, оставивъ его шлагу у себя въ кабинетѣ и забывъ отослать къ коменданту, а съ тѣмъ вмѣстѣ сказалъ:

— А все-таки пусть Пинетти этотъ потрудится не въ очередь быть завтра въ караулѣ на Сѣнной. Можетъ-быть мнѣ удастся быть Калиострою и одурачить этого фокусника. Держи же, братъ, ухо остро и помни что я шутить не люблю.

На другой день Булгаковъ отбылъ свое дежурство въ караулѣ на Сѣнной какъ нельзя счастливѣе. Великiй князь пріѣзжалъ самъ не одинъ разъ и днемъ и ночью, и посылалъ близкихъ къ себѣ офицеровъ чтобы какъ-нибудь накрыть Булгакова; но ничто не удалось, и дежурство прошло совершенно благополучно, такъ что на слѣдующiй послѣ дежурства день великiй князь очень любезно отзывался Штигельману о вчерашнемъ караульномъ. Но однако спустя нѣсколько времени случилось Булгакову быть караульнымъ на той же гауптвахтѣ на Сѣнной и какъ нарочно въ день Константина и Елены, 21го мая, то-есть въ его именины, когда онъ, охотникъ до застольныхъ удовольствiй, вздумалъ задать пиръ друзьямъ у себя на гауптвахтѣ и знатно угостилъ не только своихъ гостей, но и весь караулъ и арестованныхъ офицеровъ, благо великiй князь въ Павловскѣ празднуетъ день ангела своей супруги, ея высочества великой княгини Елены Павловны, такъ ужъ нечего опасаться его пріѣзда. Однако великiй князь, проводивъ гостей, велѣлъ въ два часа ночи подать коляску четверней рядомъ (тогда еще не было Царскосельской желѣзной дороги) и прискакалъ на Сѣнную, гдѣ засталъ такой

ералашъ что, за отсутствіемъ часоваго у барабана, распорядился чрезъ своего лакея, бывшаго съ нимъ, увезти барабанъ въ Павловскъ. На другое утро въ Московскомъ полку получается приказъ чтобы къ 12 часамъ полкъ на полковомъ дворѣ былъ въ сборѣ и что великій князь будетъ смотрѣть по-ротно. Булгаковъ прославшись понялъ чѣмъ это пахнетъ: переводъ въ армію тѣмъ же чиномъ было бы самое меньшее наказаніе. Надо однако дѣло поправить. Какъ? Онъ призываетъ къ себѣ одного изъ рядовыхъ той роты въ которой служилъ и къ которой принадлежалъ пропавшій барабанъ, о чемъ конечно никому изъ набольшихъ доложено не было. Рядовой этотъ пользовался во всемъ полку репутаціей отъявленнаго вора и изъ штрафованій не выходилъ; а онъ-то и былъ на часахъ у барабана, когда барабанъ пропалъ. Булгаковъ произнесъ ему короткій спичъ, представляя два результата добытія барабана: 25 рублей награды, ежели до смотра барабанъ будетъ, и прогулка сквозь строй, ежели къ смотру барабана не будетъ. Часа черезъ два рядовой имѣлъ 25рублевую ассигнацію, выданную ему съ благодарностью Булгаковымъ; онъ ловко укралъ барабанъ въ гвардейской артиллерійской батарее на Литейномъ проспектѣ. При осмотрѣ рота была съ барабаномъ, и изумленный великій князь Михаилъ Павловичъ потребовалъ объясненія отъ Булгакова, который, принимая всю вину на себя, объяснилъ какъ было дѣло и заслужилъ отъ великаго князя названіе „оберъ-плута“.

Еще вскорѣ послѣ этого великій князь встрѣтилъ, во время красносельскихъ лагерей, Булгакова въ веселой компаніи друзей и пріятелей за нѣсколько верстъ отъ лагеря въ селеніи Бабигонѣ, гдѣ въ тѣ времена былъ весьма хорошій ресторанъ, содержимый какимъ-то Французомъ, умѣвшимъ не хуже нынѣшняго Огюста угощать гг. гвардейскихъ офицеровъ.—„Какъ ты здѣсь, Булгаковъ? Вѣдь ты въ лагерѣ дежурный по полку.“ —„Такъ точно, ваше высочество, дежурный.“ —„Прекрасно! Дежурный по полку въ Бабигонѣ, въ сюртукѣ на распахку, откупориваетъ бутылки! Хорошъ гусь, хорошъ!“ И вслѣдъ за симъ онъ крикнулъ кучеру: „Въ лагерь живо, къ Московскому полку“. Орловскіе рысаки двинулись быстро, и въ нѣсколько минутъ калыска великаго князя была на лагерной линіи, и онъ съ запальчивостью гнѣвный кричалъ: „Дежурные по полкамъ сюда!“ Мигомъ всѣ дежурные офицеры въ полковой лагерной

формѣ собрались около великаго князя и въ числѣ ихъ Булгаковъ. Великій князь глазамъ своимъ не вѣрилъ и, вышедши изъ каласки, отозвалъ Булгакова въ сторону и сказалъ ему: „Даю тебѣ, Булгаковъ, слово что тебѣ ничего не будетъ за твою неисправность, скажи мнѣ только: какимъ образомъ ты здѣсь въ одно время со мною?“ — „Самымъ простымъ образомъ, ваше высочество, отвѣчалъ Булгаковъ,—вы сами меня привезти изволили въ вашей каласкѣ, только на запяткахъ.“

Предъ уходомъ отъ Греча, уже прощаясь съ нимъ, мнѣ удалось взять его въ сторону и разказать ему какъ дѣло было по случаю встрѣчи съ Бурбье и съ рекомендаціей сдѣланною княземъ Волконскимъ. Гречъ, отъ природы человѣкъ добрый, но къ сожалѣнію слабаго характера, выразилъ мнѣ искреннее сочувствіе и сказалъ что послѣ всего того что было говорено мнѣ Бибиковымъ, нѣтъ сомнѣнія что скоро можно будетъ меня поздравить со столоначальническимъ окладомъ, который въ департаментѣ внѣшней торговли, со всѣми процентами и добавочными, равнялся 3.000 рублямъ ассигнаціями.

Пятницу и субботу, какъ водилось, я проработалъ до пятого часа пополудни въ департаментѣ, а вечеромъ въ седьмомъ часу, отобѣдавъ дома, я поѣхалъ на присланныхъ за мною Байковымъ обыкновенныхъ его лошадакъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище на воскресенье. Этого рода субботнія поѣздки мои приняли характеръ нормальности, и въ теченіи многихъ лѣтъ, до поступленія моего на службу по удѣльному вѣдомству помощникомъ директора училища, — продолжались неизмѣнно, чрезъ что, само собою разумѣется, я очень сблизился съ Матвѣемъ Андреевичемъ, и когда сдѣлался его официальнымъ помощникомъ и сотрудникомъ по управленію заведеніемъ, то уже казалось что я какъ бы его близкій, родной человѣкъ, предъ которымъ онъ ничего, повидимому, но, конечно, только повидимому, не скрывалъ относившагося до него.

На этотъ разъ онъ мнѣ съ большимъ смѣхомъ разказалъ всю продѣлку шалуна Булгакова, который такъ мастерски провелъ его „простодушнаго“, какъ онъ называлъ себя, провинціала, не знающаго ни слова по-французски. Онъ узналъ объ этой штуцѣ отъ Льва Алексѣевича Перовскаго, разказавшаго ему тѣ анекдоты шаловливой дѣятельности Булгакова которые были извѣстны доброй половиной Петербурга, особенно Петербурга высшаго полета. Левъ Алексѣевичъ самъ смѣялся этому

случаю и совѣтовалъ Байкову на будущее время быть какъ можно скупѣе на почетные приемы и оказывать ихъ исключительно только тѣмъ лицамъ которыя явятся къ нему съ записками отъ него, или отъ министра, или, наконецъ, отъ людей ему коротко извѣстныхъ и вполнѣ извѣстныхъ съ отличной стороны, другихъ же всѣхъ, обыкновенныхъ посѣтителей, число которыхъ, конечно, весьма увеличится по появленіи статьи о заведеніи въ *Сѣверной Пчелѣ*, — принимать заурядъ, конечно, вѣжливо и внимательно; но не больше, то-есть безъ всякихъ угощеній и безъ маневра пожарной тревоги, что вмѣстѣ съ пѣснями и плясками входило въ программу приема почетныхъ посѣтителей. Вѣнки подносились наиважнѣйшимъ, къ числу какихъ, повидимому, причислена была и очаровательная мадемуазель Виржини Бурбье. При этомъ Байковъ мнѣ повѣдалъ что Левъ Алексѣвичъ выразилъ ему полное свое удовольствіе за его ловкое поведеніе съ Бурбье 29го августа, а съ тѣмъ вмѣстѣ поручилъ ему сказать мнѣ спасибо за то какъ я „мило“ (подлинное его выраженіе) умѣлъ играть роль чичероне заведенія, принимая эту умную и любезную Француженку, съ которою, „не роняя себя“, не мѣшаетъ поддерживать ласковыя отношенія. Я, съ своей стороны, передалъ Матвѣю Андреевичу всѣ подробности моего разговора съ Бибиковымъ, вслѣдствіе встрѣчи послѣдняго съ княземъ на раутѣ Фикельмоновъ. Байковъ поздравлялъ меня съ близкимъ повышеніемъ, приговаривая однако: „А знаете ли, по чувству эгоизма, мнѣ не хотѣлось бы чтобъ это исполнилось, потому что тогда вы будете завалены работой, и вамъ будетъ труднѣе чѣмъ теперь дарить насъ вашими посвѣщеніями, изъ которыхъ, увѣряю васъ, я извлекаю, кромѣ удовольствія вашего общества для меня, много пользы для моихъ „мальчиковъ“; вы вашими съ ними бесѣдами не офиціальнаго чиновника, а частнаго посѣтителя, можете внушить имъ многое такое что они легче и охотнѣе воспримутъ отъ частнаго человѣка чѣмъ отъ кого-либо изъ начальствующихъ. Да и къ тому же, кромѣ меня развѣ, никто изъ моихъ теперешнихъ подчиненныхъ не умѣетъ разумно и сердечно облизаться съ этими парнями.“

Я благодарилъ Байкова за его хорошее обо мнѣ мнѣніе, и объявилъ ему что должность столоначальника нисколько не помѣшаетъ мнѣ бывать въ Земледѣльскомъ, потому что въ

делартаментъ внѣшней торговли столоначальники обременены службой не болѣе, а можетъ-быть и менѣе своихъ помощниковъ. Затѣмъ мы съ Байковымъ ходили по заведенію, многое осматривали и со многими воспитанниками бесѣдовали, какъ въ одиночку, такъ въ болѣе или менѣе группѣхъ. Вечеромъ же, когда все въ заведеніи улеглось и мы послѣ великолѣпной русской бани и послѣ нѣсколькихъ стакановъ чая, бесѣдовали съ Байковымъ предъ посланными постелями о томъ, о семъ,—онъ вдругъ вынулъ изъ бюро своего претолстую рукописную тетрадь и сказалъ:

— Въ тетради этой, дорогой В. П., заключается моя десяти тысячная работа: „Описаніе хозяйства удѣльныхъ имѣній“. Левъ Алексѣвичъ торопитъ меня немедленнымъ приготовленіемъ этой рукописи къ печати. Чтò будетъ дѣлать? „Сказался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“, гласитъ русская пословица. И вотъ, волей-неволей, я попадаюсь въ авторскую фалангу. Но чтобы книга, кромѣ интересныхъ своихъ подробностей и свѣдѣній, не хромала и по части изложенія, Левъ Алексѣвичъ хочетъ во чтò бы то ни стало, чтобы она прошла чрезъ ваше литературное горнило и была вами очищена отъ плевелъ ее наполняющихъ. Бога ради не отказывайтесь! Корректур рукописи и типографскія три или четыре корректуры, а также наблюденіе за печатаніемъ, — все это ваше дѣло, и за все это Левъ Алексѣвичъ назначаетъ 500 руб. Примите, примите, пожалуйста примите на себя это порученіе и окажите мнѣ громадную услугу избавленіемъ меня отъ всѣхъ тѣхъ хлопотъ какія сопряжены съ незнакомымъ мнѣ издательскимъ дѣломъ.

Я нѣсколько времени отбивался отъ предложенія Байкова, говоря что трудъ этотъ не стоить такого вознагражденія, что корректура этой книги, листовъ въ десять, не трудна, а рукописная и тѣмъ болѣе, потому что Матвѣй Андреевичъ излагать на бумагѣ умѣетъ такъ что ужъ, конечно, не мнѣ поправлять то чтò имъ написано будетъ. Но какъ я ни спорилъ, а Байкова не пересилилъ, и онъ настоятельно навязалъ мнѣ свою рукопись. Въ ней я нашелъ всего больше погрѣшностей перепищика, въ изложеніи же, по желанію самого Байкова, замѣнилъ только „сіи“ и „кои“, противъ которыхъ велъ тогда войну Брамбеусъ, но которые яро отстаивалъ Гречъ, „этими“ и „которыми“. Печаталась книга эта въ типографіи департамента внѣшней торговли, подъ ближайшимъ мо-

имъ наблюденіемъ и постояннымъ понуканіемъ смотрителя типографіи, добрейшаго и честнѣйшаго, но пресмѣшнаго по своей крохотной лѣтущиной фигурочкѣ, Ивана Николаевича Зотова. Къ концу сентября книга была отпечатана и сброшюрована, и я тотчасъ получилъ визитъ курьера съ бляхой и съ свѣтло-зеленымъ воротникомъ, привезшаго мнѣ пакетъ, при формальной бумагѣ за подписью вице-президента департамента удѣловъ, со вложеніемъ въ пакетъ 500 р. въ числѣ пяти бѣлыхъ съ лиловымъ бордюромъ ассигнацій. Не нужно было быть большимъ дипломатомъ чтобы понять что самое дѣло не стоило такого вознагражденія, ежели же послѣдовала такая щедрость, то вслѣдствіе желанія какъ можно болѣе расположить меня къ училищу.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

(До смѣд. №.)

КАМЕННЫЙ ОСТРОВОКЪ

(ИЗЪ ПУТЕВОЙ КНИЖКИ.)

I.

Облачное небо.... Страя безпредѣльная даль; широкая, величавая рѣка.... бѣгутъ бѣлоголовые, стальные волны.... Съ тихимъ крикомъ, низко надъ водой, несутся стаи чернышей или лебедей, которые высоко взмываютъ и вотъ уже чуть видными треугольниками двигаются въ сѣромъ небѣ съ чуть слышнымъ крикомъ.... Весла мѣрно шумятъ. Лодочникъ тихо поетъ. То протяжная лѣсня, знакомая, какъ внезапно мелькнувшая картинка давно позабытой дѣтской жизни. Выдвигаются избы, высокая колокольня.... Мирный звонъ оглашаетъ бѣрега....

Какая знакомая картина! И Боже, какъ можно полюбить все это, какъ можно ясно сердцемъ почувствовать красоту этой сѣрой дали и величавую простоту ея линій и полное отсутствіе всего трескуче-тревожнаго, всего измышленно-ломаннаго! И природа какъ будто не хочетъ сказать ничего чтобы щегольнуть блескомъ, краской. Все просто, спокойно, величаво-пустынно. И только мы одни вносимъ мелкую, враждебную тревогу души своей въ это царство спокойной, всевыносящей и всепрощающей силы....

Видѣлъ я ихъ, эти синія горы, издали разнообразно, постоянно мѣняющія освѣщеніе, возникающія какъ пестро-про-

въ свои руки разрѣшеніе задачъ надъ которыми сильно трудились либералы. Нельзя не считать этого явленія весьма благотворнымъ, ибо оно свидѣтельствовало всякій разъ что не только приверженцы, но даже противники преобразованія приходили къ сознанію его необходимости, а можетъ ли что-нибудь служить лучшимъ залогомъ для успѣха какой бы то ни было реформы?

Р.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ *

(1834 — 1850).

XIV.

Въ понедѣльникъ я снова сидѣлъ на моемъ департаментскомъ стулѣ, крытомъ, какъ и всѣ другіе стулья, зеленымъ сафьяномъ, и занимался усердно составленіемъ какой-то докладной записки о перетасовкѣ чуть ли не пятнадцати различныхъ чиновниковъ по разнымъ частямъ таможеннаго вѣдомства, какъ вдругъ предо мною предсталъ одинъ изъ расторопныхъ и словно ртутью наполненныхъ юркихъ департаментскихъ курьеровъ съ словами: „Пожалуйте къ господину директору.“ — Само собою разумѣется, застегнувъ форменный фракъ по горло, — я пошелъ корридоромъ, чтобы не шествовать по всѣмъ заламъ, и выйдя на главную площадку лѣстницы, отворилъ ту дверь надъ которою по зеленому фону красовалась золотая надпись: „Директорская пріемная“. Здѣсь я нашелъ нѣсколько просителей съ прошеніями въ рукахъ, а у стола между двухъ оконъ сидѣлъ и что-то записывалъ въ большую, такъ-называемую, „книгу дежурства“ уже не тотъ молоденькій дежурный котораго я видѣлъ на прошлой недѣлѣ, а другой,

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5й, 6й и 7й.

почти такой же юный, но не брюнетъ, а блондинъ, необыкновенно тщательно завитый и такъ ароматизированный самыми тонкими, французскими духами въ родѣ bouquet d'Angleterre что около него на пространствѣ сажени благоухало словно въ помадной лавкѣ. Покрой форменнаго фрака этого молодого человека былъ что ни есть модный изъ модныхъ и не вполнѣ согласный съ форменнымъ описаніемъ чиновничьей одежды, почему и не могъ быть застегнутъ по горло, а обнаруживалъ грудь покрытую батистовою манишкой, по которой стлались концы атласнаго галстука, укрѣпленнаго булавкой съ брильянтовой пылью. Этотъ франтъ писалъ въ палевыхъ лайковыхъ перчаткахъ безукоризненной свѣжести. Это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ канцеляристъ Адольфъ Ф., родной племянникъ одного тогдашняго моднаго парикмахера, который первый въ 1831 году произвелъ важную революцію въ петербургскомъ волосопричесываніи, назначивъ для стрижки и завивки (тогда почти все завивались) цѣны крайне умеренныя, по 50 к. асс. за каждую изъ этихъ процедуръ. Пріѣхавъ изъ Парижа, онъ нашелъ въ Петербургѣ роднаго племянника, этого Адольфа, только-что лишившагося отца. Племянникъ этотъ тогда только-что кончалъ курсъ въ какомъ-то модномъ французскомъ пансіонѣ, кажется Курмана, вмѣстѣ со многими сынками аристократіи русской. Дядюшка захотѣлъ эксплуатировать своего племянника, какъ знающаго русскій языкъ, и взялъ его въ свою парикмахерскую. Это положеніе было мальчику крайне не по вкусу, и, будучи ловокъ и пронырливъ, онъ чрезъ протекцію одного изъ бывшихъ своихъ пансіонскихъ не однокашниковъ, а односулниковъ, молодого Арсеньева, родственника Дмитрія Гавриловича, нашелъ путь къ его превосходительству и съ перваго раза такъ умѣлъ ему понравиться что тотчасъ былъ зачисленъ въ штатъ канцелярскихъ чиновниковъ высшаго оклада, то-есть 750 р., что со всеми акциденціями и добавочными составляло 1.500 р. асс. въ годъ. Дядя, артистъ-парикмахеръ, пришелъ въ неистовый восторгъ оттого что его племянникъ носить форменный фракъ и сдѣлался un tchinovnik de l'Empire Russe, который не сегоднѣ-завтра можетъ одворяниться и быть son excellence, что тотчасъ подарилъ Адольфу золотые часы съ цѣпочкой и брелоками и 300 р. асс. на экипировку. Изъ этой суммы канцелярскій Адольфъ Ф., будущій, въ своемъ воображеніи и въ воображеніи дяди, директоръ департамента,—изрядную часть употребилъ

на покупку духовъ и помадъ въ косметическомъ магазинѣ La Réputée (Нев. пр. близъ Дворц. площади).

Какъ только я вошелъ, этотъ фатъ, взглянувъ на меня въ лорнетъ, всталъ и подошелъ ко мнѣ съ протягиваемою ко мнѣ рукой, одѣтою въ перчатку, и со словами:

— Vous voudrez bien un peu attendre ici: son excellence est occupée avec votre chef de section, cet énorme orangoutang tout grelé de la petite vérole et amplement cravaté de blanc. *

Рука его не прикоснулась къ моей, потому что я ея ему не протянулъ, а напротивъ, заложилъ за бортъ моего форменнаго фрака, на французскія же его слова возразилъ по-русски:

— Вы, мосье Ф., хоть и русскій канцелярскій чиновникъ, да не знаете однако русскихъ пословицъ, изъ которыхъ одна къ вамъ теперь очень примѣнима: „Всякъ сверчокъ, знай свой шестокъ!“—И я васъ прошу не позволять себѣ этихъ школьных фамиллярностей со мною и этихъ нахальныхъ отзывать о такомъ почтенномъ человѣкѣ, каковъ Карлъ Ивановичъ Грошолфъ, ** мой начальникъ отдѣленія.

Французикъ покраснѣлъ и сказалъ по-русски заливаясь:

— Извините, я не зналъ что вы такъ стоите за monsieur Грошолфа; но, право, вѣдь самъ son excellence очень смѣется, когда я ему докладываю что l'orangoutang grelé пришелъ къ нему.

— Вы, я увѣренъ, заговорилъ я, возвышая голосъ,—позволяете теперь себѣ клеветать на самого господина директора, разказывая этотъ вздоръ.

Въ это самое время дверь отъ директорскаго кабинета отворилась. Изъ кабинета стремглавъ съ портфелемъ въ рукахъ вылетѣлъ и быстро зашагалъ по анфиладѣ залъ каррикатурный долговязый Грошолфъ, а вслѣдъ за нимъ показался Дмитрій Гавриловичъ, позвавшій меня.

Когда я вошелъ вслѣдъ за Дмитріемъ Гавриловичемъ въ директорскій кабинетъ,—онъ, остановясь посреди огромной этой комнаты и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

* Вы потрудитесь здѣсь немного подождать: его превосходительство занятъ съ вашимъ начальникомъ отдѣленія, съ этимъ огромнымъ орангутангомъ, такимъ рябымъ и который носитъ такой превысокій бѣлый галстукъ.

** О К. И. Грошолфѣ подробности въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ 1871 года *Русскаго Мира*.

— Очень радъ, г. Б., что могу окончательно поздравить васъ съ должностью равною должности столоначальника: вы назначаетесь на мѣсто Соловцова, подавшаго въ отставку по домашнимъ дѣламъ. Столъ въ которомъ вы теперь служите занимается, между прочимъ, увольненіемъ и опредѣленіемъ чиновниковъ по департаменту и по всему вѣдомству, такъ потрудитесь написать, по принятой формѣ, докладную о себѣ записку, да поскорѣе, потому что я черезъ полчаса ѣду, въ сопровожденіи начальниковъ отдѣленій, съ докладомъ къ министру.

— Ваше превосходительство, сказалъ я голосомъ въ которомъ звучало чувство,—я не нахожу словъ чтобы достойно благодарить васъ. Постараюсь усердною моею службой и строгою исполнительностью доказать на дѣлѣ, а не на словахъ, чувство моей признательности.

— Вѣрю, вѣрю, Б., вѣрю, потому что знаю вашу дѣятельную и усердную службу, говорилъ Бибииковъ съ отрывкомъ ласковости и удовольствія.—Но теперь слѣдуетъ исполнить мое порученіе относительно вашего опредѣленія, я же займусь съ княземъ Львовымъ.

Дѣйствительно, въ дверяхъ я встрѣтился съ начальникомъ Іго отдѣленія княземъ Львовымъ, красивымъ, очень плотнымъ блондиномъ лѣтъ тридцати, входившимъ въ кабинетъ для доклада и поздоровавшимся со мною шлопотомъ по-французски.

Возвратясь въ мой IV столъ, я тотчасъ, по известной формѣ, составилъ докладную записку о моемъ опредѣленіи на мѣсто г. Соловцова, увольняемаго въ отставку, и отдалъ черновую, для переписки набѣло, канцеляристу Анненскому, считавшемуся лучшимъ каллиграфомъ изъ всего отдѣленія. Куда-то отлучавшійся столоначальникъ П. въ это время вошелъ въ комнату, и я послѣдшилъ ему сказать:

— Исполняя лично мнѣ данное господиномъ директоромъ приказаніе, я распорядился изготovitъ докладную записку о моемъ опредѣленіи помощникомъ правителя канцеляріи. Такимъ образомъ, мы расстаемся съ вами; но я надѣюсь что мы останемся съ вами попрежнему въ добрыхъ отношеніяхъ.

— Тутъ, замѣтилъ П., вытирая свое лотное лицо, — должно-быть какое-нибудь недоразумѣніе или ошибка, потому что сейчасъ только Карлъ Ивановичъ былъ у господина директора и принесъ отъ него, подписанный его превосходительствомъ, докладъ объ опредѣленіи на это мѣсто молодого также челоуѣка, но переходящаго къ намъ изъ министерства

иностранныхъ дѣлъ, камеръ-юнкера графа Аркадія Павловича Кутузова, сына бывшаго здѣшняго, послѣ графа Милорадовича, генераль-губернатора, а о васъ нѣтъ нигдѣ ни полслова. Вотъ, не угодно ли вамъ взглянуть на этотъ докладъ?

И при этомъ онъ сунулъ мнѣ подъ носъ докладную записку, подписанную Бибиковымъ такъ недавно что и чернила его не успѣли высохнуть на ней. Очевидно было что когда Грошопфъ давеча при мнѣ выскакнулъ съ портфелемъ изъ кабинета Бибикова, онъ несъ докладную записку о назначеніи другаго на обѣщанное въ то время мнѣ мѣсто. Я сразу понялъ мистификацію; но не хотѣлъ оставлять Бибикова долго въ роли кота, забавляющагося пойманною имъ мышкой, почему, полный досады и не умѣя владѣть чувствомъ злобы, преисполнявшимъ меня въ эту минуту, я выхватилъ у писца начатое имъ каллиграфированіе и мою черновую и, изорвавъ то и другое въ мелкіе клочки, полетѣлъ въ директорскій кабинетъ, у дверей котораго встрѣтилъ я дежурнаго Ф., поправлявшаго гребешкомъ свои роскошные локоны.

— Директоръ одинъ? быстро спросилъ я Французика.

— Одинъ пока, отвѣчалъ Ф., — но я иду по его ордеру за monsieur Бакунинимъ.

Мигомъ, не дожидаясь доклада, я влетѣлъ въ кабинетъ Бибикова, который, взглянувъ на меня и читая на моемъ лицѣ досаду и злобу, видя мои горячіе глаза и трясущіяся губы, нахмурился и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно доложить вашему превосходительству, говорилъ я лихорадочною скороговоркой, — что, не дозволяя себѣ допустить малѣйшей мысли о какой-нибудь неприличной и недостойной мистификаціи, я однако вижу что сдѣлался жертвой какого-то непонятнаго недоразумѣнія по случаю моего опредѣленія на мѣсто помощника правителя канцеляріи департамента, потому что сію минуту столоначальникъ мой господинъ П. показалъ только-что подписанную вашимъ превосходительствомъ докладную записку объ опредѣленіи въ эту должность не меня, а камеръ-юнкера графа Кутузова, моего стариннаго пансіонскаго товарища, которому я желаю отъ всего сердца всего наилучшаго, а самъ долженъ покориться обстоятельствамъ и остаться помощникомъ столоначальника, какъ быть.

— Ха! ха! ха! захохоталъ Бибиковъ, кивая дружески головою на поклонъ входившему съ обычнымъ ковыляньемъ хро-

моногому Бакунину, — вотъ ужъ точно что „старамъ сталамъ, глупамъ сталамъ“, какъ говорятъ Татары! Дѣвушкина же память у меня сдѣлалась! Все это еще отрывки бородинскихъ ранъ! Я совѣмъ и забылъ что за пять минутъ до того какъ говорилъ вамъ о вашемъ назначеніи, которое уже нѣсколько дней вертѣлось у меня въ головѣ, я подписалъ опредѣленіе графа Кутузова, о которомъ мнѣ покоя не давала наша почтеннѣйшая, Катринъ Сахаровна*, желавшая тѣмъ угодить его матери. Mais ce qu'est retardé, n'est pas perdu; ** а между тѣмъ вы, Б., все-таки предвкусите сейчасъ же всѣ сладости возможнаго столоначальничества и будете имѣть возможность сказать вашей протекторшѣ mademoiselle Virginie Bourbier: me voila chef de bureau! *** Дѣло въ томъ что столоначальникъ вашего же отдѣленія Лапинъ завтра уѣзжаетъ въ двадцати осьми-дневный отпускъ. Карлъ Ивановичъ хотѣлъ назначить къ исправленію должности своего любимца Г—на; но я этого не хочу и назначаю васъ, почему прошу васъ сей же часъ присѣсть къ этому письменному столу, что у окна, гдѣ есть всѣ принадлежности письменности, и написать, по формѣ, мое распоряженіе объ этомъ по департаменту. Я подпишу, и вы сами потрудитесь отдать эту бумагу для исполненія Карлу Ивановичу, qui n'en sera pas aux anges, je le sais, mais enfin il faut bien, que ce bel homme s'exécute un peu. **** А я между тѣмъ покалякаю маленько съ Николаемъ Модестовичемъ.

Нечего было дѣлать и мнѣ, какъ „экзекутироваться“, по распоряженію Бибикова, то-есть исполнять начальственную блажь, или выходить въ отставку, что было бы для меня равносильно гибели. Я присѣлъ къ столу, мнѣ указанному, и написалъ формальное распоряженіе директора департамента о порученіи мнѣ, такому-то, исправленія должности столоначальника Iго стола II отдѣленія, на время отсутствія въ 28дневный отпускъ

* Супруга графа Канкринъ, Екатерина Захаровна, урожденная Муравьева-Апостоль, которую своимъ нѣмецкимъ произношеніемъ ея супругъ величалъ „Катринъ Сахаровна“.

** Что запоздало, то не пропаало.

*** Вотъ, я столоначальникъ.

**** Который не будетъ отъ этого въ восторгѣ, я это знаю; но что жъ дѣлать, надо чтобъ этотъ красавецъ мужчина исполнялъ то что мнѣ угодно.

титудярнаго совѣтника Лапина, съ тѣмъ что ежели Лапинъ запоздалъ бы хоть однимъ днемъ, то я остаюсь столоначальникомъ, а онъ причисляется „безъ жалованья“ къ департаменту. Само собою разумѣется что угроза эта должна была заставить господина Лапина возвратиться до истеченія са-краментальныхъ 28 дней. Какъ бы то ни было, я написалъ порученное мнѣ предложеніе начальнику II отдѣленія и подалъ Бибикову. Бибиковъ подписалъ бумагу, назвавъ меня „калифомъ на часъ“, и я отправился было съ нею къ Грошопфу, когда Бибиковъ остановилъ меня вопросомъ:

— А помните ли вы, Б., тотъ водевильный куллетъ который cousin или beau frère Бакунина, баронъ Оедоръ Корфъ, написалъ на Грошопфа?

— Куллетъ этотъ, отвѣчалъ я, былъ въ свое время, да и теперь еще остается, такъ характерно-вѣренъ истинѣ и такъ безобиденъ для почтеннѣйшаго моего начальника Карла Ивановича что я готовъ его всегда повторить, ваше пр—во.

— Ну прочтите его намъ теперь, продолжалъ Бибиковъ, поглаживая свои бакенбарды.

— Извольте, ваше пр—во, сказалъ я и прочелъ:

Признаться должно,—я пуристъ:

Люблю чтобъ въ изложеніи дѣла

Языкъ былъ ясенъ, простъ и чистъ,

А дѣло-бъ, такъ-сказать, купѣло.

Дѣлпричастія не терплю

И страхъ люблю я запятія!...

— Ха! ха! ха! хохоталъ Бибиковъ,—запятія—это его страсть. Чтобъ отнять у него возможность наставить запятыхъ на написанной вами и подписанной мною бумагѣ,—дайте мнѣ ее: я потѣшу его запятыми, чтобъ онъ лѣлъ себѣ:

И страхъ люблю я запятія! запятія! запятія!...

Я подалъ ему эту бумагу, и онъ хохоча наставилъ на страницѣ дюжину запятыхъ огромнаго роста гдѣ попало.

— Il sera servi à merveille, * сказалъ онъ мнѣ, отдавая бумагу обратно.

Я представилъ приказаніе директора моему начальнику отдѣленія, объяснивъ ему вкратцѣ весь ходъ дѣла и настаивая на томъ что я вовсе не искалъ чести и удовольствія быть „калифомъ на часъ“, безъ копѣйки вознагражденія за это почти

*Мы вполнѣ угодимъ ему.

мѣсячное управленіе чужимъ столомъ. Карлъ Ивановичъ улыбнулся своею кисло-сладкою улыбкой и сказалъ:

— Съ завтрашняго утра садитесь въ столоначальничье кресло и переселяйтесь къ намъ на навоселье *.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, я видѣлся съ моею знакомою госпожей Ламе. Она мнѣ съ радостью объявила, поздравляя меня съ движеніемъ въ служебной карьерѣ, что ея подруга Virginie, то-есть Бурбье, говорила ей что свѣтлѣйшій видѣлъ снова Бибикова у Фикельмоновъ, и что le manchot (безрукій) объяснилъ князю о томъ что воля его, относительно молодого человѣка которымъ онъ интересуется, исполнена: онъ сидитъ въ креслѣ столоначальника. Князь остался этимъ доволенъ и тотчасъ извѣстилъ Virginie, а она послѣшила передать ей, гдѣ Ламе, своей любезной Mélanie, восклицая: „*Ce que femme veut, Dieu veut!*“ (то-есть что желаетъ женщина, то и Богъ желаетъ!). Я понималъ игру словъ Бибикова, который не лгалъ, говоря что я сижу въ креслѣ столоначальника; но только онъ не высказалъ всей сути этого 28дневнаго сидѣнья. Разказать этимъ бабочкамъ все какъ было значило заставить Бурбье расходиться, причемъ она не дорого бы взяла объяснить своему вельможному покровителю что его провели. Изъ этого могли бы быть для Бибикова, конечно, не совсѣмъ благоприятныя послѣдствія въ придворномъ отношеніи; но онъ, независимо отъ этихъ отношеній, имѣлъ за собою давнишнее личное расположеніе самого государя и очень мало боялся закулисныхъ интригъ, хотя весьма многія назначенія дѣлалъ, сообразуясь съ тѣмъ откуда вѣтеръ дуетъ.

Чтобы въ этомъ разказѣ о моемъ быломъ теперь же покончить разомъ съ воспоминаніями о службѣ моей подъ начальствомъ Д. Г. Бибикова, никогда не хотѣвшаго мнѣ простить того что я, 19го декабря 1832 года, дерзнулъ одинъ изъ всѣхъ его гостей, двадцатилѣтній юноша, не апплодировать зрѣлищу глумленія надъ несчастною иноземною дѣвочкой, скажу только что по возвращеніи г. Лалина изъ отпуски, я снова возвратился въ IV столъ; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя господину директору угодно было повторить со мною ту же

* Новосельемъ Грошопфъ въ этомъ случаѣ называлъ ту огромную залу въ которой онъ самъ засѣдалъ съ тремя столами: I, II и III, а IV столъ, самый многоядный, находился въ особой комнатѣ рядомъ.

шуточку, поручивъ мнѣ написать докладную записку объ опредѣленіи меня столоначальникомъ консульскаго стола въ I отдѣленіи, на мѣсто камеръ-юнкера Д. Н. Баркова, назначеннаго членомъ Петербургской таможни. И опять вышла точь-въ-точь та же исторія, потому что какъ только я написалъ свою докладную записку и ее переписали, мнѣ предъявили подписанную Бибиковымъ записку объ опредѣленіи въ эту должность отставнаго гвардіи капитана Игнатьева, женатаго, помнится, на дочери генераль-адъютанта Исленьева. Тогда только я уже не пошелъ къ Бибикову для объясненій, а просилъ начальника отдѣленія Грошолфа представить директору обѣ записки. Онъ перехерилъ мою двумя огромными крестами и написалъ на бѣломъ полѣ: „Это вышло по ошибкѣ; а Б. выдать не въ счетъ его содержанія и жалованья 500 р. асс. изъ экстраординарной суммы.“ По служебному порядку я долженъ былъ отправиться благодарить его превосходительство. Онъ, смѣясь, мнѣ сказалъ: „Ce qu'est retardé, n'est pas perdu.“

Года полтора или почти два послѣ этого я прослужилъ подъ начальствомъ Дмитрія Гавриловича, и въ теченіе этого времени употреблялъ всѣ старанія не попадаться ему на глаза и такъ служить чтобъ онъ не могъ ни къ чему придраться. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣстно отъ нѣкоторыхъ лицъ къ нему приближенныхъ, и между прочимъ отъ весьма близкаго и интимнаго у него Николая Модестовича Бакунина, Бибиковъ, по появленіи моей статьи объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, которая имѣла послѣдствія для меня благопріятныя, какъ въ публикѣ, такъ и въ высшихъ сферахъ, доставивъ мнѣ довольно близкое знакомство съ Л. А. Перовскимъ, явно ко мнѣ благоволившимъ, нашелъ за лучшее оставлять меня въ покоѣ и почти какъ бы игнорировать, не отказывая однако моему ближайшему начальству въ исполненіи дѣлаемыхъ имъ о моей службѣ наградныхъ представленій.

Выше я уже сказалъ что въ концѣ сентября вышла изъ печати книга М. А. Байкова *Описаніе хозяйства удѣльныхъ ильинъ*, за корректированіе и изданіе которой я получилъ ни съ того, ни съ сего 500 р. асс. Я намѣревался идти благодарить Льва Алексѣевича Перовскаго; но Матвѣй Андреевичъ сказалъ мнѣ что не стоило изъ-за этой „бездѣлицы“ беспокоить его превосходительство, тѣмъ болѣе что на праздникъ юбилея Училища, 1го октября, я его увижу и тогда буду имѣть

случай поблагодарить. Не лишнее сказать что вся тогдашняя петербургская журналистика отозвалась о книгѣ этой велико-лѣпно: *Сѣверная Пчела*, *Вѣдомости С.-Петербургской Академіи Наукъ*, *Русскій Инвалидъ*, *Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, *Журналъ Общепользныхъ Свѣдѣній*, *Сынъ Отечества* и даже всегда готовая кусаться—*Библиотека для Чтенія*.

XV.

Такъ проходили дни за днями, пока наступилъ годовою юбилей Земледѣльческаго Училища, 1го октября 1834 года. Какъ это уже завелось однажды, я пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ къ самой всенощной; а потомъ провелъ нѣсколько часовъ въ кабинетѣ Байкова, присутствуя при его распоряженіяхъ къ слѣдующему дню и съ тѣмъ вмѣстѣ бесѣдуя съ нимъ. Когда всѣ докладчики, то-есть экономъ, смотрителя фермы и мастерскихъ старшій письмоводитель, дежурный учитель, дежурные сотскіе на слѣдующій день и пр. кончили свои донесенія и, получивъ инструкціи и „нарядъ“, удалились съ поклонами начальнику и гостю и крестясь на образа, Байковъ, какъ всегда, заперъ дверь отдѣляющую кабинетъ отъ дежурной комнаты, огромную, необычайной толщины дубовую дверь, искусно лакированную. Затѣмъ онъ снялъ, какъ всегда, свой форменный сюртукъ и надѣлъ халатъ, сохраняя орденъ на шеѣ. И у насъ началась пытливая бесѣда, состоявшая въ обмѣнѣ различныхъ мнѣній. Онъ прежде этого зналъ отъ меня всю исторію со столоначальничествомъ по случаю непрошенной протекціи Бурбье и, какъ тонкій политикъ, вполне одобрилъ меня за то что я не хотѣлъ давать гласность этому случаю, могшему произвести непріятныя отношенія между свѣтлѣйшимъ княземъ и Бибиковымъ, отношенія жертвой которыхъ былъ бы всенепремѣнно никто иной какъ я, потому что, какъ выразился Байковъ: „Коли лапы дерутся, у хлопцевъ чулы болятъ“.

— Такъ какъ между мною и Львомъ Алексѣевичемъ, продолжалъ Байковъ,—нѣтъ никакихъ таинственностей, да и я вполне увѣренъ въ его молчаливости и скромности, то желая какъ можно лучше васъ ему отрекомендовать и съ самой выгодной для васъ стороны васъ съ нимъ познакомить, чтобы привлечь его самое ласковое къ вамъ завтра вниманіе, я разказалъ ему

всю эту странную исторію. Ему очень полюбилась ваша осторожность, остановившая васъ отъ разказа юлкамъ всей сути дѣла. Скажу еще вамъ, В. П., что ежели бы вы были починовникъ,—вѣдь вы только-что произведены въ коллежскіе секретари, кажется, такъ,—слустя нѣсколько времени, Левъ Алексѣевичъ не затруднился бы сперва сдѣлать васъ помощникомъ управляющаго какой-нибудь конторы; а вѣдь вы знаете что у насъ, благодаря общественной запашкѣ, управляющіе получаютъ отъ 10 до 15 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Помощники же, конечно, половину этого, и даже мѣстами, гдѣ не одинъ, а два помощника, и поменьше половины-то.

— Какъ мнѣ ни лестна такая служба, замѣтилъ я,—но мнѣ положительно невозможно бы было ее принять, по той причинѣ что я, по семейнымъ моимъ отношеніямъ, не могу оставлять Петербурга, а таскать съ собою мать и сестеръ не приходится.

— Зачѣмъ оставлять Петербургъ? воскликнулъ Байковъ.—И мнѣ, по чувству эгоизма, не хотѣлось бы васъ отпускать далеко: это дѣло поправимое, потому что Красносельская удѣльная контора подъ бокомъ, и мы могли бы, попрежнему, ежедневно видѣться, съ тою разницей что тогда не я посылалъ бы за В. П. мою тройку мохнатыхъ фермерскихъ обвенокъ; а В. П. жаловалъ бы къ намъ самъ въ собственномъ фаянчикѣ на парѣ какихъ-нибудь двуцильных казанокъ, для которыхъ рейсъ въ 24 какихъ-нибудь верстъ плевое дѣло. Знаю, вы до добродѣжныхъ коней охочи больно, да и толкъ въ нихъ маракуете. Да, говоря объ этомъ, правдали что этотъ проклятый хромоу бѣсъ, Воейковъ, назвавшій въ своей элиграммѣ Строева „Греча лѣвымъ глазомъ съ бѣльмомъ“, отзывается объ васъ не иначе, разумѣется, заглазно, какъ „Быстролишевъ Гречевъ фореиторъ свѣтлокудрый“?..

— Правда, правда, засмѣялся я,—мнѣ про это сказывали добрые люди, но ни они, ни Воейковъ, какъ я ни просилъ, стихковъ его на меня мнѣ не показывали. Полагать надо что въ стихкахъ этихъ Воейковъ такъ мило обо мнѣ отзывается что опасается ихъ гласности, предоставляющей мнѣ право преслѣдовать его судомъ, хотя, конечно, я этимъ никогда бы не воспользовался изъ чувства самоуваженія. Но вѣдь Воейковъ, извѣстное дѣло, блудливъ какъ кошка и трусливъ какъ заяцъ, по пословицѣ. Это, впрочемъ, ему нисколько не мѣшаетъ на

своихъ пятничныхъ сходкахъ и въ своей еженедѣльной газетѣ, которую Гречъ называетъ *недѣльною газетою*,—расхваливать меня словесно и печатно до того восторженно что мнѣ становится часто совѣстно, потому что гипербола въ похвалѣ мнѣ кажется сильнѣе брани. Впрочемъ, онъ лаетъ на весь міръ, и знаете ли,—падая въ прахъ предъ Львомъ Алексѣевичемъ, написалъ на его превосходительство недавно преглулыя вирши съ примѣсью ругательствъ.

—Знаете ли, съ какимъ-то восхищеніемъ заговорилъ Байковъ,—знаете ли что сообщеніе этой дурацкой эпиграммы Льву Алексѣвичу было бы весьма пріятно: онъ, подобно Фридриху Великому, любить и собираетъ всѣ пасквили и каррикатуры на себя и показываетъ ихъ охотно всѣмъ и каждому, очень хорошо и ловко понимая что ежели бы онъ старался все это скрывать, то это лишь давало бы паццу его неблагопріятелямъ. Теперь же этимъ маневромъ они совершенно обезоруживаются. Ради Бога, В. П., дорогой, доставьте мнѣ эти стихи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ежели они у васъ дома, и ваши домашнія знаютъ гдѣ ихъ найти у васъ, напишите цидулочку, и мы ее завтра рано утромъ пошлемъ.

—Зачѣмъ такія хлопоты, сказалъ я,—когда я знаю стихи эти наизусть? Воейковъ диктовалъ мнѣ ихъ недалѣе какъ вчера, въ пятницу вечеромъ, у себя. Человѣкъ восемь заразъ ихъ списывали. Берите, Матвѣй Андреевичъ, карандашъ и потрудитесь писать подъ мой диктантъ. И я продиктовалъ:

Вотъ Перовскій!—Безпрестанно

Онъ коверкаетъ лицо:

Кошкой, волкомъ, обезьяной;

То свернется весь въ кольцо и т. д.

—Ха! ха! ха!, хохоталъ Байковъ, повторяя: „Кошкой, волкомъ, обезьяной“! Эхъ, вретъ хромой чортъ! Онъ положительно никакой сама малѣйшей черты Льва Алексѣевича, болванъ, не знаетъ. Тѣмъ больше Левъ Алексѣвичъ будетъ этому смѣяться и, увѣряю васъ, завтра за обѣдомъ, которымъ его превосходительство всѣхъ насъ угоститъ, помяните мое слово, будетъ читать эти стихи, и подчиненные наперерывъ будутъ ихъ списывать. Вотъ каковъ нашъ Левъ Алексѣвичъ! Онъ истый левъ высокостью чувствъ и топчетъ въ грязь всякую фальшь и нечистоту.

Однажды верхомъ на темѣ восхваленія начальства, Байковъ былъ многорѣчивъ, почему потокъ блестящихъ фразъ въ честь Перовскаго полился у него какъ дождь въ проливень; но онъ говорилъ для невидимыхъ духовъ, потому что я, подъ звуки его голоса, заснулъ крѣпко и проснулся только поутру въ 8 часовъ 1го октября 1864 года, въ великій день празднованія училищемъ своего первогоднaго юбилея.

Читатель, вѣроятно, не забылъ еще сдѣланнаго мною описанія праздника бывшаго въ училищѣ 22го августа, въ день коронаціи. Празднество 1го октября, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, было такое же.

Чтобы не повторяться, что очень скучно, скажу только о томъ что составляло особенности этого дня, къ которому приглашены были Байковымъ, по полученіи на то согласія Льва Алексѣевича, новые его знакомые: Николай Ивановичъ Гречъ и Иванъ Никитичъ Скобелевъ; но ни тотъ, ни другой не были по причинамъ помѣшавшимъ имъ и изложеннымъ имъ въ ихъ запискахъ на имя Байкова. Вотъ записка Греча:

„За одно изъ величайшихъ удовольствій счелъ бы я, многоуважаемый Матвій Андреевичъ, быть у васъ на вашемъ юбилейномъ завтрашнемъ праздникѣ и лично поблагодарить его превосходительство Льва Алексѣевича за великую мысль его—создать это Удѣльное Земледѣльческое Училище, для управленія которымъ онъ гениально умѣлъ избрать самаго способнаго изъ всего Россійскаго царства человека; но, увы! пренесносный флюсъ, въ сущности котораго можетъ васъ удовлетворить общій нашъ юный другъ, Быстролитшевъ,—лишаетъ меня возможности, къ горю моему, исполнить это мое сердечнѣйшее желаніе. Прощу“ и т. д.

Цидула Скобелева, писанная писарскою рукой, гласила такъ:

„Надобно же, чтобы, словно нарочно, первое октября, день Покрова Пресвятыя Богородицы, пришелся въ воскресенье, то-есть когда у меня, урода-инвалида, собираются други и приятели, по обычаю давнишнему; да еще на этотъ разъ у меня приходскій праздникъ въ двухъ селахъ моей бабы, изъ которой, какъ вамъ, другъ любезный, извѣстно, трехъ капральскихъ выкроить можно. Мало этого всего: назвался ко мнѣ на щи съ пирогомъ нашъ рязанскій губернскій предводитель, въ столицѣ пребывающій. И по всѣмъ симъ (или по Брамбеусу „этимъ“) резонамъ ни коимъ образомъ у васъ сего числа, къ горю моему, быть не могу, о чемъ скорблю всѣмъ сердцемъ.“

Путру 1го октября, Матвѣй Андреевичъ явился въ церковь вмѣстѣ со мною. Онъ былъ въ мундирѣ при шпагѣ и треугольной шляпѣ съ витой золотою кокардой, а я въ форменномъ фракѣ своего вѣдомства, новенькомъ съ иглочки, и бѣломъ форменномъ же жилетѣ лике съ золотыми гербовыми пуговицами и со складною шляпой клакѣ. Все это было привезено мною въ особомъ чемоданчикѣ наканунѣ. Еще Евангеліе не было прочитано, когда въ залу вошелъ дежурный сотскій и доложилъ шепотомъ Байкову что господинъ вице-президентъ со свитою ѣдетъ. Байковъ перекрестился и вышелъ для встрѣчи его превосходительства, который вскорѣ вошелъ, сопровождаемый Байковымъ и многочисленною свитой, состоявшею изъ членовъ департамента удѣловъ, нѣсколькихъ управляющихъ удѣльными конторами и чиновниковъ какъ особыхъ порученій, такъ состоящихъ въ распоряженіи министра удѣловъ. Всѣ эти господа были въ мундирахъ, блестящихъ золотымъ шитьемъ на воротникахъ, обшлагахъ и у рукавовъ на карманахъ; всѣ имѣли ордена, а на нѣкоторыхъ членахъ, гг. Яценкѣ и Мавринѣ, были красныя ленты и звѣзды. Изъ числа плеяды франтоватыхъ чиновниковъ въ распоряженіи министра было нѣсколько камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, въ мундирахъ покрытыхъ золотыми галунами и въ бѣлыхъ панталонахъ съ золотыми лампасами. Самъ вице-президентъ былъ въ форменномъ фракѣ съ золотымъ ключомъ на голубомъ бантѣ у поясицы, какъ водится, въ синей лентѣ Бѣлаго Орла по бѣлому жилету подъ фракомъ, грудь котораго съ обѣихъ сторонъ покрыта была звѣздами. Я Льва Алексѣевича до этого раза видѣлъ всего только разъ у его сестры Марьи Алексѣевны, гдѣ онъ при гостяхъ никогда не бывалъ, одну минутку мелькомъ, и никогда не бывалъ еще ему представленъ. Это былъ худощавый, красиво сложенный, прямо и гордо державшійся человѣкъ средняго роста, въ очкахъ и сильно завитомъ каштановомъ парикѣ, худобы въ лицѣ почти скелетообразной, желтоватый съ небольшими бакенбардами, шедшими ко рту, и съ свѣтло-сѣрыми умными и довольно живыми глазами, которые уперлись въ алтарь, на который, стоя почти одинъ совершенно впереди, онъ крестился, когда слѣдовало креститься. Около локтя правой его руки стоялъ Байковъ и съ обычною нѣжною улыбкой шепотомъ отвѣчалъ, отъ времени до времени, на вопросы, повидимому, дѣлаемые ему Перовскимъ безъ поворачиванія головы. Вся свита стояла

поодаль немного, лѣнты и звѣзды впереди. Эти господа иногда на меня поглядывали, и одинъ изъ камеръ-юнкеровъ, какой-то графъ, какъ я послѣ узналъ, счелъ за нужное ко мнѣ приблизиться и, разсматривая мои гербовыя луговицы въ лорнетъ, шелотомъ спросилъ: „министерства государственныхъ имуществъ“? Шелотомъ же я отвѣтилъ ему: „министерства финансовъ“.—„У графа Канкринъ въ собственной канцеляріи?“—„Въ департаментѣ внѣшней торговли“.—„У Дмитрія Гавриловича?“—„Да-съ“.—„У васъ такія же луговицы, какъ въ министерствѣ графа Киселева“.—„У насъ только матовыя съ рельефнымъ орломъ; а у нихъ гладкія съ такимъ же орломъ“.—„А, вотъ въ удѣльномъ вѣдомствѣ не орелъ, а Высочайшій вензель русскою буквою; у насъ же придворныхъ вензель же „французскою“ (онъ хотѣлъ сказать—латинскою) буквою“.—Мнѣ надоѣло шептаться о пустякахъ съ этимъ баринкомъ, и я, пользуясь выходомъ съ дарами, сталъ усердно молиться, что и онъ исполнилъ, отойдя къ своимъ и разказывая имъ шелотомъ, вѣроятно, о мѣстѣ моего служенія.

Предъ концомъ литургіи, священникъ и законоучитель заведенія отецъ Игнатій Спасскій сказалъ превосходную проповѣдь по случаю годовичнаго юбилея, и въ этой рѣчи, зная что Левъ Алексѣевичъ не терпитъ воззваній къ своей особѣ, постоянно только упоминалъ о свѣтлѣйшемъ начальствѣ, благотворящемъ училищу и споспѣшествующемъ земледѣлію, а чрезъ то и благоденствію всей Россіи.

Когда служба совершенно кончилась, то священникъ, солутствуемый церковнымъ старостой Козьминнымъ, несшимъ огромное блюдо съ просвирами, одѣлилъ ими всѣхъ кого только могъ, начавъ, разумѣется, съ Л. А. Перовскаго, которому подалъ просвиру не рукой, какъ другимъ, а на позолоченной тарелочкѣ, которую держалъ спеціально для его превосходительства. И его превосходительство сказалъ:

— Благодарю васъ, батюшка, за проповѣдь и особенно за то что меня не коснулись.

Священнослужитель, покраснѣвъ какъ ракъ и потирая бороду, вполголоса объяснилъ что господинъ директоръ не прика-
заль.

— Господинъ директоръ, продолжалъ Левъ Алексѣевичъ,—прекрасно сдѣлалъ: не въ словахъ дѣло, батюшка.

— Никакія слова, ваше превосходительство, хотя бы они истекали изъ устъ такихъ витій, каковы высокопреосвящен-

нѣйшіе Платонъ и нашъ Иннокентій златоустый, не достаточно сильны для достойнаго прославленія дѣлъ вашего превосходительства, озаряющихъ благотворнымъ свѣтомъ своимъ нашъ воспитательный вертоградъ, вашими попеченіями...

— Довольно, батюшка, нахмуривъ брови сказалъ Перовскій; а въ этотъ моментъ Байковъ металъ стрѣлы изъ глазъ на обо мѣвшаго пастыря, только-что разболтавшагося. — Пожалуйте мнѣ ваше благословеніе, продолжалъ Перовскій, дѣлая видъ что принимаетъ благословеніе и шепча:—Держите языкъ за зубами, батюшка!

Вслѣдъ за симъ Левъ Алексѣвичъ ласково обратился къ семейству Байкова и спросилъ его, помнится, осьмилѣтняго, сына Андриюшу:

— А что, на слѣдующій годъ выучишься пахать удѣльнымъ плужкомъ? *

Пришла и моя очередь быть представленнымъ Льву Алексѣвичу. Ласковость и учтивость его превзошли мои ожиданія; онъ довольно долго держалъ меня за руку и говорилъ что читалъ и читаетъ постоянно всѣ мои статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*, выражалъ благодарность за то что я, повидимому, такъ полюбилъ это заведеніе, что бываю здѣсь еженедѣльно, предпочитая это скромное мѣсто петербургской свѣтской жизни. Онъ закончилъ свои любезности уже французскими словами: „Vous êtes une espece de phénomène, mon cher monsieur, et je suis fort aise de faire votre connaissance, tout en vous remerciant beaucoup pour la peine, que vous avez bien voulu prendre, en soignant la rédaction et l'édition du livre de m-r Baikoff.“ **

— C'est à moi de remercier Votre Excellence, сказалъ я,—pour la largesse avec la quelle vous avez bien voulu honorer mes faibles labeurs. ***

* Удѣльнымъ плужкомъ назывался въ училищѣ плугъ въ родѣ сохи, придуманный тремя воспитанниками: Овчинниковымъ, Петусовымъ и Сергѣевымъ. Плужокъ этотъ, поясненный риоункомъ, подробно описанъ въ книгѣ: *Описание Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*. Спб. 1839 года, на 85—87 стр.

** Вы феноменъ въ своемъ родѣ, и я очень радъ съ вами познакомиться, очень благодарю васъ за трудъ вами принятый для редакціи и изданія книги г. Байкова.

*** Мнѣ должно благодарить ваше превосходительство за ту щедрость съ какою вамъ угодно было вознаграждать мои слабые труды.

Ласковое пожатіе руки и легкій поклонъ были мнѣ отвѣтомъ почти на ходу, потому что онъ и всѣ за нимъ двинулись въ столовую, гдѣ Левъ Алексѣевичъ пробовалъ прямо изъ чашекъ превосходныя щи со свиной и со сметаной, изъ собственныхъ училищныхъ матеріаловъ, равно какъ пироги съ мясомъ и лукомъ, жареную баранину съ свѣжепросольными огурцами и запеканныя въ тѣстѣ, облитыя толченымъ медомъ, яблоки. Онъ все хвалилъ, да и, правду сказать, все было превосходно, хотъ пальчики облизать. Вся свита его пр—ва, разумѣется, усердно пробовала пищу и хвалила съ подобострастнымъ восхищеніемъ. Даже тотъ камеръ-юнкеръ который мучалъ меня вопросами шепотомъ во время церковной службы, былъ всего такъ много что Левъ Алексѣевичъ замѣтилъ этотъ аппетитъ, движимый чувствомъ подчиненности и желаніемъ подслужиться, и сказалъ:

— Графъ! Чтò вы дѣлаете! Вы такимъ образомъ такъ накушаетесь что будете не въ состояніи дѣлать честь моему обѣду. А скажу вамъ что мой Французъ увѣрялъ меня давеча что онъ сегодня превзошелъ самого себя для радостнаго дня юбилея и въ особенности развернулся надъ какимъ-то жаренымъ фазаномъ по-черкески, какъ онъ увѣряетъ.

Въ столовой Левъ Алексѣевичъ сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ воспитанникамъ, благодаря ихъ за этотъ годъ и возлагая надежды на слѣдующіе годы. Въ отвѣтъ на это воспитанники гаркнули обычное: „Ради стараться, ваше пр—во!“ Потомъ Левъ Алексѣевичъ сказалъ имъ что сегодня у нихъ кромѣ иллюминаціи и фейерверка, будетъ вдоволь сбитня, сладкихъ пироговъ, орѣховъ, маковниковъ, яблоковъ, дынь, арбузовъ, пряниковъ и всякихъ лакомствъ. Пусть они гуляютъ толпами и поютъ пѣсни, пляшутъ съ музыкой и качаются на качеляхъ. А для тѣхъ которые скорѣе и ловчѣе другихъ взлезутъ на шесты, его пр—вомъ приготовлены подарки: шелковые платки, залонки, опояски, лавлиныя перья на шляпы и разныя книжки съ пестрыми и яркими картинками. Предъ фейерверкомъ же фокусникъ покажетъ имъ китайскія тѣни и фантазмагорію въ залѣ, куда самъ его пр—во пожелуетъ съ гостями.

Этотъ разказъ господина вице-президента имѣлъ отвѣтомъ громовое: „Благодаримъ покорно, ваше пр—во!“ провозглашенное первою смѣной обѣдавшихъ и повторенное на дворѣ второю смѣной, собравшеюся тутъ въ ожиданіи обѣда.

Послѣ этого Левъ Алексѣевичъ, солутствуемый директоромъ и всею свитой, обошелъ большую часть заведенія и осма-

тривалъ окончательныя постройки фермы, обѣщая что скоро вмѣсто холмогорскихъ и сумскихъ коровъ здѣсь явится скотъ высшихъ породъ изъ Англіи, Швейцаріи, Тироля, Венгріи и пр. Байковъ разсыпался въ разказахъ и объясненіяхъ и такъ увлекался что ходилъ въ одномъ мундирѣ, подъ которымъ однако имѣлъ шерстяную фуфайку, потому что день былъ хотя и солнечный, но съ первымъ морозцемъ, заставившимъ всѣхъ надѣть шинели, плащи и ватные сюртуки. О пальто, пладахъ и прочихъ нынѣшнихъ верхнихъ костюмахъ тогда еще никто и въ помысленіи не имѣлъ. Во время обхода заведенія всѣмъ обществомъ, вездѣ встрѣчались воспитанники, изъ которыхъ многихъ Левъ Алексѣевичъ зналъ и называлъ по ихъ фамиліямъ, привѣтливо съ ними разговаривая, что распространяло общее удовольствіе и производило радостныя улыбки на лицахъ крестьянской молодежи, имѣвшей видъ почтительный, но вмѣстѣ смѣлый и довольный. Во многихъ мѣстахъ раздавались лѣсни, въ другихъ разносились звуки рожка и балалайки. Обходъ заключился сельскимъ домикомъ, гдѣ приготовленъ былъ изящный легкій завтракъ, составленный отчасти изъ произведеній рукъ красавца Лебедева, съ которымъ очень любезно обращались всѣ гости, особенно когда узнали что онъ удостоился особеннаго вниманія знаменитой Виржини Бурбье. Левъ Алексѣевичъ заставилъ юношу разказать исторію булавки съ жемчужиной. Тутъ же и я былъ выведенъ на сцену, какъ тотъ blond jeune homme (бѣлокурый юноша) о которомъ Бурбье упоминала своимъ юнымъ поклонникамъ, какъ о любезномъ чичероне de l'école agricole. По окончаніи завтрака, когда поданъ былъ кофе, Левъ Алексѣевичъ закурилъ свой наргиле, а другіе сигары и пахитосы, разумѣется изъ числа немногихъ курильщиковъ,—Байковъ, пользуясь минутами сіесты, испросилъ позволеніе прочесть свой годичный отчетъ, который былъ такъ простъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто изложенъ что хотя несомнѣнно онъ прошелъ чрезъ горнило кабинета вице-президента, послѣдній сдѣлалъ видъ что впервые его слышитъ и, призвавъ къ себѣ Матвѣя Андреевича, обнялъ и поцѣловалъ его, что повторили всѣ члены департамента звѣздоносцы. Отдохнувъ нѣсколько, Левъ Алексѣевичъ, неутомимый какъ всегда, потащилъ все общество на большой дворъ, смотрѣть на игры воспитанниковъ, качавшихся на качеляхъ, лѣвшихъ русскія лѣсни, плясавшихъ и лазившихъ на шесты за подарками.

Потомъ раздался призывный звонъ, на который сбѣжалось все заведеніе, и тогда появился эконо́мъ Малаховъ, безъ шляпы въ вицмундирѣ, окруженный учителями, надзирателями и старшими изъ воспитанниковъ. Все это предшествовало огромную фуру, покрытую вѣтками изъ колосьевъ съ осенними цвѣтами, и изъ фуры этой, словно изъ рога козы Ама́лтеи древности, потекли рѣчки всевозможныхъ лакомствъ; мгновенно переходившихъ въ шляпы и въ запазухи воспитанниковъ. Затѣмъ директоръ доложилъ начальнику о томъ что прикажетъ ли его превосходительство дать „мальчикамъ“ сбитень, и его превосходительство разрѣшилъ раздачу сбитня у крыльца столовой; но съ тѣмъ чтобы воспитанники пили его сидя. Для исполненія этого приказанія, воспитанники разбѣжались по спальнямъ и принесли отсюда табуреты, каждый съ своимъ номеромъ. Табуреты эти и маленькіе столики они разставили полумѣсяцемъ вокругъ крыльца столовой, гдѣ явились огромные шипящіе самовары съ превкуснымъ сбитнемъ, а на лоткахъ сладкіе пироги и кругомъ пирамиды деревянныхъ чашекъ. Вице-президентъ и всѣ мы, сколько насъ было, попробовали сбитень, помочивъ имъ себѣ губы, и начался лиръ широкій, угощеніе на славу.

— Кушайте во здравіе, ребята! крикнулъ нѣсколько хрипло Левъ Алексѣевичъ, и раздалось громчайшее:

— Благодаримъ премного, ваше превосходительство!

Эти 200—300 молодцовъ орали чуть ли не громче инаго полка, какъ замѣтилъ одинъ изъ гостей, г. Бестужевъ, нѣкогда уланскій офицеръ, а теперь управляющій Нижегородскою удѣльною конторой, человѣкъ очень умный и дѣльный, который былъ, къ удовольствію моему, моимъ сосѣдомъ за обѣдомъ; но съ другой стороны у меня вузеномъ былъ тотъ графчикъ который надоѣлъ мнѣ въ церкви и который, изъ угожденія начальству, готовъ былъ испортить себѣ желудокъ, въ видахъ служебныхъ. Впрочемъ, онъ ѣлъ съ увлеченіемъ и въ особенности расхваливалъ жаркое, именно фазана à la cercassienne, съ широкимъ золотистымъ хвостомъ, спускавшимся съ блюда. Этотъ золотой джентльменчикъ, во время обѣда, закидывалъ меня вопросами о Бурбѣ и десять разъ чокался со мною за ея здоровье.

Празднество имѣло все то о чемъ упоминалъ въ столовой его превосходительство, уѣхавшій вмѣстѣ со всею своею свитой въ одиннадцать часовъ; и всѣ были довольны, въ особенности

Байковъ, узнавшій о будущемъ назначеніи ему годового оклада и новаго ордена на шею. Онъ проводилъ меня напоминаніемъ о томъ что теперь время писать статью, которая, какъ написанная мною уже давно,—явилась къ нему 3го октября, въ видѣ довольно толстой тетради съ полемъ въ половину страницы, причемъ я просилъ его не церемониться, херить, какъ ему угодно; но дополнить разными техническими подробностями, которыя для меня неувовимы еще были. Въ слѣдующую субботу я нашелъ статью мою у Матвѣя Андреевича, нигдѣ не похеренную; но дополненную множествомъ такихъ специально земледѣльческихъ подробностей что я самъ никогда бы съ ними не справился; теперь же статья принимала такой дѣльный характеръ что подъ нею могъ бы подписать свое имя, не страшась компрометтировки, всякій гораздо болѣе меня опытный и заслуженный литераторъ. Байковъ просилъ меня позволить ему перебѣлать статью эту училищнымъ писарямъ его, для предварительнаго представленія Льву Алексѣевичу. У этого строгаго цензора статья пробыла нѣсколько дней и потомъ доставлена была мною Гречу, который, бѣгло пролистывая ее, очень хвалилъ за любопытныя подробности; но выговаривалъ мнѣ за уступки мои въ орографіи Брамбеусу и объявилъ что всѣ „эти“ замѣнить „православными *сін*“ и такъ далѣе. Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1834 года, статья моя увидѣла свѣтъ въ №№ 257, 258, 259, 260, 261, 262 и 263 *Сѣверной Пчелы*. Вотъ эта статья вся какъ она была напечатана за 38 лѣтъ предъ симъ.

Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Въ 25й день сентября 1827 года, состоялся Высочайшій указъ о заведеніи въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественной закладки полей для наполненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Указомъ симъ опредѣлена вся важность значенія смотрителя общественной закладки полей; въ должность сію избираются нынѣ самые честные и благонамѣренные люди, получающіе въ вѣдѣніе свое участокъ заключающій въ себѣ отъ $1\frac{1}{16}$ до $1\frac{1}{2}$ пахатной земли во владѣніи отъ 500 до 1.000 душъ, и имѣющіе въ виду введеніе на земляхъ принадлежащихъ къ общественной закладкѣ способа улучшеннаго земледѣлія; сборъ же съ сихъ земель предназначенъ для пополненія запасныхъ магазиновъ, съ тѣмъ чтобы суммы выручаемыя продажей излишняго хлѣба, обращаясь къ кредитнымъ установленіямъ, составляли особый капиталъ, назначенный между прочимъ на полезныя для крестьянъ заведенія. Поля эти раздѣлены на участки, числомъ до

836. Учрежденіе сіе увѣчалось успѣхомъ: нынѣ магазины удѣльныхъ имѣній полны запасовъ, достаточно обезпечивающихъ крестьянъ на случай неурожая, и капиталъ приобретаемый продажею избытковъ возросъ въ три года до 2^м миллионъ руб. сер. Такая значительность сего капитала и постоянное приращеніе его съ каждымъ годомъ представили возможность, согласно Высочайшей волѣ, сдѣлать изъ оного полезное для крестьянъ употребленіе, то-есть обратить его на усовершенствованіе хлѣбопашества; въ семъ предположеніи учреждено С.-Петербургское Удѣльное Земледѣльческое Училище для образованія 250 крестьянскихъ мальчиковъ, могущихъ быть со временемъ отлично хорошими зрителями общественной запашки. Нельзя было сдѣлать изъ хлѣбнаго капитала лучшаго употребленія, ибо будучи обращенъ на сей предметъ, кромѣ прямого дѣйствія на благосостояніе крестьянъ, онъ подаетъ возможность къ извлеченію значительнѣйшихъ доходовъ отъ общественной запашки. Примѣръ удѣльныхъ крестьянъ, подѣйствовавъ на поселянъ другихъ вѣдомствъ, будетъ имѣть благотворное вліяніе на экономію всего государства. * Желательно чтобы казенные и большею частію помѣщичьи крестьяне сдѣлались столь же избыточны, какъ и удѣльные. Въ 15й день мая 1832 года, по всеподаннѣйшему докладу господина министра Императорскаго Двора и удѣловъ, учрежденіе сего училища Высочайше утверждено; въ сентябрѣ 1833 года были привезены мальчики, октября 1го училище возымѣло дѣйствіе, а нынѣ, ровно черезъ годъ, мы платимъ оному дань удивленія, не чуждаго чувства любви ко всему своему родному, русскому. Посѣщавъ неоднократно заведеніе сіе, находящееся на второй верстѣ отъ новой Выборгской заставы, по Парголовокой дорогѣ, я обязанностію считаю передать публикѣ плоды моихъ наблюденій: можетъ-быть иные добросовѣстные помѣщики извлекутъ изъ этого какую-нибудь пользу.

Удѣльное Земледѣльческое Училище состоитъ изъ 250 крестьянскихъ мальчиковъ, выбранныхъ съ великою тщательностію изъ крестьянскихъ дѣтей удѣльныхъ имѣній, разсѣянныхъ въ 30 различныхъ, какъ по климату и почвѣ земли, такъ и по образу жизни земледѣльца, губерніяхъ. При избраніи мальчиковъ наблюдается правило чтобы избираемые были не моложе 16 лѣтъ, и не старѣе 19 лѣтъ; имѣли здоровое и крѣпкое сложеніе, равно какъ признаки природной или прививной оспы, и особенно чтобы были хорошей нравственности, одарены понятливостію и принадлежали къ семействамъ честнаго поведенія. По вступленіи воспитанниковъ въ училище, опредѣляется

* Къ сожалѣнію это были одни слова и фразы: примѣры эти нисколько не подѣйствовали на сосѣднія казенныя и помѣщичьи имѣнія. Впрочемъ нельзя не сказать что нѣкоторые помѣщики, усмотрѣвъ личную свою выгоду во введеніи общественной, названной ими „мирскою“, запашки, учредили у себя этотъ способъ хозяйствованія, коегдѣ вкоренившійся. *Прим. Пестерѣ. старожила 38 лѣтъ спустя по напечатаніи этой статьи.*

нѣкоторое время для узнанія способности и нравственности ихъ, и по истеченіи сего времени оказавшіеся тупыми отсылаются обратно на счетъ управляющихъ конторами, по выбору коихъ они присланы были, а признанные неблагонадежными по дурному поведенію и непохвальнымъ склонностямъ, отсылаются на счетъ старшинъ и крестьянъ которые ихъ одобрили. Вы можете себѣ представить какъ трудно послѣ этого чтобы между воспитанниками этого заведенія были негодяи или глупцы; рѣшительно можно сказать что нѣтъ ни одного: онъ не былъ бы терпимъ въ училищѣ. Цвѣтушій здоровьемъ видъ воспитанниковъ свидѣтельствуеть о чистотѣ ихъ нравовъ, а умные отвѣты доказываютъ ихъ природныя способности, мудро и тщательно развиваемыя знающими руководителями, полными любви и расположенія къ этому истинно прекрасному предмету. Земледѣльческое Училище дѣлится на три класса: низшій, средній и высшій. Въ первомъ предметы теоретическаго преподаванія суть: чтеніе, письмо, четыре первыхъ правила ариометики съ употребленіемъ счетовъ, краткій катихизисъ и краткая священная исторія. Чтеніе, письмо и ариометика здѣсь преподаются по методѣ Ланкастерской. Въ среднемъ или во второмъ, равно какъ въ высшемъ или въ третьемъ преподаются: русская грамматика (практическая), чистописаніе, пространнѣй катихизисъ и священная исторія, окончаніе ариометики и теорія хлѣбопашества, примѣненная къ практикѣ, часть механики съ примѣненіемъ оной къ постройкѣ мельницъ и ветеринарное искусство въ такой степени, сколько оное необходимо въ хозяйствѣ и возможно въ употребленіи при скудныхъ средствахъ крестьянина. Сверхъ сего воспитанники всѣхъ трехъ классовъ обучаются всѣ вообще всѣмъ тѣмъ ремесламъ познаніе коихъ необходимо для устройства земледѣльческихъ орудій и вообще для семейнаго крестьянскаго быта, такъ что здѣсь воспитанникъ знаетъ и покрыть кровлю, и выконопатить домъ и поставить печку, и стачать сапогъ и сварить кашу и щи, и слечь хлѣбъ и содержать лошадь и пр. Однако какъ главная цѣль заведенія сего состоитъ въ практическомъ изученіи средствъ клонящихся къ улучшенію хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства, то въ лѣтнее время воспитанники преимущественно занимаются полевыми работами, зимнее же время посвящается наиболѣе классному обученію. Курсъ ученія полагается четыре года, съ назначеніемъ для низшаго и средняго классовъ по одному году, а для высшаго два года. Сверхъ того назначается еще два года для практическихъ занятій на фермѣ. Впрочемъ, ежели воспитанники не приобрѣли въ продолженіе шести лѣтъ надлежащихъ свѣдѣній для исполненія съ честью должности смотрителя общественной залашки, то остаются въ училищѣ и долѣе этого срока. По выпускѣ воспитанниковъ изъ заведенія, вакансіи ихъ замѣщаются другими мальчиками, привозимыми изъ волостей и поступающими въ низшій классъ. Всѣ воспитанники одѣты въ сѣрые кафтаны

и опоясаны зелеными кушаками; старшіе изъ нихъ носятъ кафтаны темно-зеленаго сукна, съ красными кушаками. Эти старшіе служатъ примѣромъ для прочихъ, имѣютъ сильное вліяніе на товарищей, которымъ стараются внушить чувство благороднаго соревнованія и располагать ихъ къ тому чтобы также сдѣлаться достойными зеленаго кафтана и краснаго кушака. При вліяніи этого духа, скоро все училище будетъ одѣто въ зеленые кафтаны съ красными кушаками и тогда должно будетъ придумать новыя средства для возбужденія соревнованія. Кажется что красная рубаха съ галуномъ, галуны на шляпу, суть столько же отличій, могущихъ служить цѣлью для благороднаго честолюбія селянина. Награды здѣсь назначаемыя слѣдующія: похвала при товарищахъ, занятіе первыхъ мѣстъ въ классѣ, за столомъ и въ комнатахъ, написаніе имени отличившихся на особой доскѣ и разные подарки книгами, примѣненными къ крестьянскому быту и раздаваемыми при общихъ годовыхъ испытаніяхъ, происходящихъ въ присутствіи г. вице-президента департамента удѣловъ. Наказанія: выговоръ при прочихъ воспитанникахъ, оставленіе безъ обѣда, стояніе на колѣняхъ, написаніе имени на штрафной доскѣ, оставленіе въ свободные отъ ученія часы взаперти и наконецъ допускается и тѣлесное наказаніе, въ случаѣ неустойчивости всѣхъ вышеозначенныхъ исправительныхъ мѣръ. Вообще замѣтна умѣренность и кротость въ обхожденіи съ воспитанниками. И въ уставѣ даже сказано чтобы надзиратели, избираемые изъ нижнихъ чиновъ воинскихъ, были непременно, кромѣ хорошей нравственности, самаго кроткаго характера. Изъ сего одного уже явствуетъ какъ умѣетъ просвѣщенное здѣшнее начальство понимать значеніе человѣка и человѣчества. Согласно съ § 20 устава сего училища, директору онаго предоставлено право составленія росписанія занятій воспитанниковъ. Росписаніе сіе весьма важно по примѣненію своему, какъ къ будущему, такъ и къ настоящему положенію воспитывающихся юношей, и сродно съ ихъ бытомъ, будучи составлено не нѣмецкимъ или остзейскимъ агрономомъ-теоретикомъ, а русскимъ помѣщикомъ, который 14 лѣтъ преподавалъ лекціи въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ въ томъ числѣ шесть лѣтъ былъ ординарнымъ профессоромъ агрономіи и инспекторомъ студентовъ: это г. статскій совѣтникъ М. А. Байковъ.

Вотъ какъ проходитъ день въ Земледѣльческомъ Училищѣ: Воспитанники, вставъ въ 5 часовъ утра, чистятъ спальни, умываются изъ огромныхъ мѣдныхъ умывальниковъ, изобрѣтеніе и распространеніе коихъ принадлежитъ Англіи и употребленіе коихъ въ заведеніи этого рода, есть, по моему мнѣнію, нѣкоторая роскошь; потомъ одѣваются и читаютъ утреннюю молитву, которую одинъ произноситъ слово за словомъ вслухъ, а прочіе за нимъ повторяютъ вслухъ же, отчего всѣ скоро выучиваются всѣмъ молитвамъ и невольнымъ образомъ вникаютъ въ смыслъ оныхъ. Въ 6 часовъ, въ хорошую погоду собира-

ются на обширный дворъ, имѣющій три десятины, а въ ненастные дни въ рекреационную залу для переключки и распределенія по очередному списку къ занятіямъ. Въ 8 часовъ бываетъ завтракъ, состоящій изъ рѣдьки, моркови или луку, картофеля, кислой капусты, а иногда и селедки, и всегда ржаного хлѣба и квасу, которые здѣсь превосходно готовятся самими воспитанниками. Послѣ завтрака начинаются занятія, продолжающіяся до полудня. Въ 12 часовъ бываетъ обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдъ. Я съ удовольствіемъ ѣлъ ихъ щи, закусывая пирогомъ съ морковью, ихъ говяжье крошево съ лукомъ, ихъ гречневую кашу съ русскимъ масломъ. Здѣсь мясо отменно свѣжее и вкусное; для говядины закупаются скотъ, надъ коимъ воспитанники пріучаются какъ бить скотину, которую сами откармливаютъ, а потомъ сами же употребляютъ части животнаго какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда до 3хъ часовъ слѣдуетъ отдохновеніе; тогда, по учиненіи надлежащей переключки, продолжаются утреннія занятія, которыя въ 8 часовъ пополудни оканчиваются ужиномъ, состоящимъ, равномерно какъ и обѣдъ, изъ двухъ блюдъ. Въ 9 часовъ, прочитавъ вечернюю молитву и выславъ назначеніе къ занятіямъ слѣдующаго дня, ложатся спать, а въ 10 часовъ производится, если не самимъ директоромъ, то его помощникомъ или полицеймейстеромъ, завѣдующимъ и экономическою частью, повѣрка числа воспитанниковъ по кроватямъ въ спальняхъ.

Въ воскресные и праздничные дни измѣненія состоятъ въ томъ что завтрака не бываетъ, а вмѣсто его за обѣдомъ подаютъ пироги; утренняя переключка бываетъ въ 9 часовъ, а съ 10 до 12 воспитанники слушаютъ литургію, совершаемую съ отменнымъ благочестіемъ ихъ почтеннымъ законоучителемъ, въ прекрасной цѣркви, отличающейся благолѣпною и торжественною простотою. Нѣкоторые воспитанники поютъ на клиросѣ, и довольно изрядно. Послѣ обѣда воспитанники занимаются, въ праздничные дни, играми, приличными ихъ быту, и пристойными народными пѣснями, позволенными всегда и вездѣ, кромѣ классовъ. Игры ихъ: бабки, свайка, борьба, бѣганіе въ запуски, качели, снѣжныя горы зимою, мячи, лапта и гимнастическія упражненія по шестамъ и канатамъ, о полезности коихъ говорить дѣло излишнее; въ наше время сему предмету посвящаются цѣлыя книги. Довольно любопытенъ способъ подраздѣленія дневныхъ занятій воспитанниковъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Земледѣліе: работы въ полѣ, на лугу, на огородѣ и въ саду. Сверхъ того, по особому назначенію, проведеніе каналовъ и дорогъ по участку, и планировка мѣста вкругъ училищнаго двора. 2) Мастерства: плотничное вообще, столярное и токарное, относительно дѣланія земледѣльческихъ орудій, телѣжное, бочарное, кузнечное и слесарное, малярное, печное и трубочистное, портное и сапожное. Замѣтить должно что г. Байковъ, директоръ сего заведенія, прежде нежели поступилъ

на мѣсто сіе, столь важное и многосложное, объѣздилъ, по порученію начальства, всѣ удѣльныя имѣнія расположенныя въ 30 губерніяхъ, кои суть: Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Тамбовская, Рязанская, Тульская, Калужская, Владимірская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Смоленская, Симбирская, Саратовская, Воронежская, Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Орловская, Курская, Псковская, Вятская, Пермская, Оренбургская, Архангельская, Вологодская и Остландская; и такъ какъ онъ объѣзжалъ ихъ не какъ-нибудь, а съ отлучнымъ тѣченіемъ, почти цѣлый годъ, то и умѣлъ ознакомиться съ образомъ жизни и съ бытомъ каждой волости и составилъ изъ записокъ своихъ прелюбопытное статистическое, въ земледѣльческомъ отношеніи, описаніе сихъ губерній, которое, къ сожалѣнію, по нынѣ еще находится въ рукописи. Узнавъ бытъ крестьянъ каждой губерніи, г. Байковъ можетъ удобно руководствовать воспитанниковъ разныхъ провинцій, чтобъ они преимущественно занимались такими земледѣльческими производствами кои приличны мѣсту ихъ родины. Для руководства же въ распредѣленіи воспитанниковъ по очереди въ разные крестьянскія ремесла, служатъ доставляемые изъ удѣльныхъ конторъ свѣдѣнія о томъ въ какихъ именно мастерствахъ то село или деревня откуда присланъ каждый мальчикъ и куда онъ долженъ возвратиться по окончаніи курса въ училище. 3) Должности по училищу входятъ также въ составъ занятій воспитанниковъ, и въ этомъ, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго шарлатанства. Эти молодые парни, какъ выше сказано, всѣ умѣютъ быть и кашеварами, и хлѣбниками, и сапожниками, и трубочистами; сверхъ сего, чистятъ лампы, составляютъ прислугу въ столовой: каждый самъ долженъ мыть свою ложку и тарелку, въ прачешной сами стираютъ себѣ бѣлье, наконецъ, изъ нихъ же назначаются караульные въ ночное время, сотскій, * писарь и разсылный при директорѣ.

Во всѣхъ сихъ занятіяхъ для 250 воспитанниковъ назначается слѣдующая очередь: на земледѣліе ежедневно (лѣтомъ) употребляется 100 человекъ, то-есть $\frac{2}{5}$ всего числа воспитанниковъ, такъ что въ пять дней каждый воспитанникъ

* Занятія сотскаго, или нарядчика, состоятъ въ томъ что онъ поворачиваетъ по всѣмъ мѣстамъ занятія въ разныхъ частяхъ участка, число людей назначенныхъ для работъ по очередному слиску, записываетъ въ ежедневную вѣдомость успѣхъ всей работы и прилежаніе каждаго воспитанника, и о всякомъ случаѣ безъ замедленія доводитъ до свѣдѣнія училищнаго начальства, равно какъ наблюдаетъ за исправнымъ доставленіемъ завтрака по мѣстамъ занятій воспитанниковъ; на обязанности же его лежитъ приемъ и раздача овощей и прочихъ произведеній. Одинъ изъ сихъ сотскихъ удостоенъ директоромъ званія церковнаго старосты, что послужило этому юношѣ наипрѣстѣйшимъ отлучіемъ.

занимается земледѣлемъ два дня; въ мастерство 50 чел. или $\frac{1}{5}$ чел. всего числа воспитанниковъ, то-есть въ пять дней воспитанникъ занимается мастерствомъ одинъ день; въ классѣ 75 чел. или $\frac{3}{10}$ всего числа воспитанниковъ, то-есть въ десять дней каждый воспитанникъ занимается по способу взаимнаго обученія три дня; къ должностямъ по училищу назначаются 25 чел. или $\frac{1}{10}$ всего числа воспитанниковъ, то-есть каждый воспитанникъ наряжается въ десятый день. Воспитанники слѣдующіе по очереди въ классъ сначала метутъ дворы, а прочіе немедленно идутъ къ мѣстамъ своихъ занятій. Казалось бы что эта разнородность предметовъ можетъ произвести большое замѣшательство, но ничего не бывало: все находится въ отличномъ порядкѣ, все идетъ какъ заведенные часы. Вотъ нѣкоторыя подробности устройства внутренняго механизма управленія училищемъ, приспособленнаго къ управленію барщинною волостью. По повѣркѣ сотскими числа воспитанниковъ по каждому мѣсту занятій, писарь отмѣчаетъ въ очередной вѣдомости противъ имени всякаго воспитанника что онъ въ тотъ день дѣйствительно дѣлалъ то-то. Потомъ писарь же, по вышеизложенному правилу перемѣщенія по очереди и назначенія директоромъ работъ и потребнаго для оныхъ количества людей, составляетъ очередной списокъ, по разсмотрѣнію коего директоромъ записываетъ въ такъ-называемыя спальные книги противъ имени каждаго воспитанника занятія его въ слѣдующій день; къ восьми часамъ вечера книги эти должны быть готовы, и когда воспитанники послѣ ужина собираются въ спальни, старшіе читаютъ назначеніе работъ каждому на слѣдующій день; такимъ образомъ каждый воспитанникъ съ вечера еще знаетъ что придется дѣлать ему поутру; послѣ переключки, бывающей въ присутствіи директора, его помощника, полицеймейстера, надзирателей и мастеровъ,* начинается отправленіе воспитанниковъ по занятіямъ. Очередной сотскій только громко произноситъ: „земледѣльцы“, и по сему слову выступаетъ 50 человекъ, именно сколько назначено на полевая работы; „плотники“—выступаетъ 20 чел.; „въ классъ“—выступаетъ 50 чел., и пр., сколько слѣдуетъ куда по надобности и очереди. Выступившее число воспитанниковъ, имѣющихъ всегда при себѣ одного надзирателя, пересчитываются имъ и мастерамъ; это все получасовое дѣло. Всѣ воспитанники сохраняютъ не выправочную, фрунтовую дисциплину, а простое естественное чувство уваженія къ старшимъ ихъ начальникамъ; они имѣютъ слѣдую довѣренность къ начальству своему, и этого г. директоръ достигъ отнюдь не мѣрами строгости, а лишь точнымъ наблюденіемъ и настойчивостью чтобы въ строгости выполняемы были его распоряженія: къ этой-то точности

* Мастера эти не затѣйливые Нѣмцы или Англичане, прекрасные агрономы у себя, но вовсе не знающіе Россіи, а просто русскіе люди съ бородами, преимущественно изъ удѣльныхъ имѣній. Воспитанники именуютъ ихъ „дядюшками“.

и аккуратности, а равно къ соблюденію чистоты, удивительно какъ трудно приучить, впрочемъ смышленнаго, склоннаго ко всему хорошему, русскаго мужика. Сверхъ того достигаютъ того благоразумными совѣтами и распоряженіями, а въ особенности мощнымъ, на самомъ дѣлѣ ежедневно оказывающимъ пользу опроверженіемъ безграмотныхъ и закоснѣлыхъ предрассудковъ и мнѣній въ дѣлѣ сельскаго хозяйства и вообще относительно домашняго быта. Напримѣръ не далѣе какъ въ это лѣто воспитанники удостовѣрились на самомъ дѣлѣ, вопреки мнѣніямъ петербургскихъ старожиловъ, въ несправедливости того будто если посѣять рожь позже Флора (18го августа), то будетъ не рожь, а флорки. Первый посѣвъ ржи, вазской, на самомъ тощемъ мѣстѣ, сдѣланъ былъ 4го августа; второй, на болотистомъ грунтѣ, 20го августа; на торфяномъ бугрѣ 5го сентября; каждый изъ участковъ получилъ свойственную ему обработку. Октября 11го рожь на всѣхъ посѣвахъ поровнялась, и воспитанники очень этому удивились. Для пробы засѣяна рожью одна полоса 30го сентября и теперь возшла очень хорошо. Такъ какъ преимущественно на рыхлыхъ почвахъ, для безопасности отъ засухи или на случай желтизны возшедшаго яроваго, укатываніе есть лучшее средство для поправленія недостатка, то, хотя укатываніе посѣвовъ послѣ бороненія и вездѣ на поляхъ училища употребляется, и хотя воспитанники къ нему нѣсколько привыкли, но когда посѣянный 22го мая ячень, прекрасно возшедшій, зажелтѣлъ, и 13го июня директоръ приказалъ его катать каткомъ, мальчики ахнули и присудили ячень къ гибели. Какъ же велико было ихъ удивленіе, когда укатанный каткомъ ячень, черезъ двое сутокъ, опять всталъ, мало-по-малу потерялъ желтизну, и далъ урожай самъ 16ть. Много еще было подобныхъ примѣровъ, но здѣсь нѣтъ мѣста всѣ исчислять. Воспитанники, обучившіеся грамотѣ по методу взаимнаго обученія, пристращены къ чтенію, но имъ не даютъ другихъ книгъ, кромѣ карманныхъ Псалтырей и нравоучительныхъ разговоровъ для воспитанниковъ удѣльныхъ училищъ, составленныхъ и изданныхъ удѣльнымъ департаментомъ. * Мальчики эти также очень любятъ ученіе и считаютъ классы какъ бы развлеченіемъ. Вѣроятно что со временемъ попечительное начальство не уступитъ изъ виду того чтобы составить для этого заведенія родъ простонародной и нравственной энциклопедіи,—результаты коей могли бы имѣть значительную пользу. О чистотѣ говорить нечего: она существуетъ вездѣ, и самыя даже ретирадныя мѣста, хотя и не устроенныя на англійскій манеръ, содержатся въ

* Въ статьѣ 1834 года было такъ сказано, потому что это согласно съ уставомъ; но М. А. Байковъ, какъ уже мы въ теперешней статьѣ видѣли, сдѣлалъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, благоразумныя отступленія и позволялъ дарить воспитанникамъ различныя книги съ доступнымъ для простолюдина содержаніемъ. *Басни Крылова и Тарасъ Бульба* Гоголя въ особенности были ими любимы, какъ я замѣтилъ. *Прим. Старожилъ.*

отличной опрятности, посредствомъ извести и квасцовъ, разведенныхъ въ горячей водѣ. Чистота всего заведенія, какъ извѣстно, содержится самими воспитанниками, приучающимися къ опрятности и порядку, при коихъ и самая нищета лишается своей безобразности. Вездѣ форточки, вездѣ накурено можжевеловымъ, запахъ коего имѣетъ значительную пользу. Кухня о пяти чугунныхъ котлахъ, * большая, свѣтлая, просторная, не имѣющая никакого вреднаго запаха и чада. Сельскіе буфеты, полные ложекъ и чашекъ деревянныхъ, сложенныхъ въ плетенныя корзинки, и оловянныхъ столъ для кваса, отличаются необыкновеннымъ порядкомъ и симметрией, замѣтною и въ гардеробныхъ горницахъ, именуемыхъ здѣсь „сушилами“. Въ столовыхъ подвѣшаны очень хорошія вѣшалки, чтобы въ холодное время воспитанники, возвратившіеся съ работъ въ полушубкахъ и тулупахъ, снимали ихъ и обѣдали въ рубашкахъ. Всякъ тотъ кто хотя имѣетъ понятіе объ основаніяхъ медицины тотчасъ пойметъ всю пользу этого для здоровья: охлаждавшій потъ можетъ быть началомъ жестокихъ болѣзней, каковыхъ здѣсь, благодаря Богу, не бываетъ въ настоящее время. Впрочемъ для таковыхъ несчастныхъ случаевъ здѣсь устроена больница на 24 кровати. Сначала было довольно много больныхъ воспитанниковъ, а умерло изъ нихъ только 10 чел. Смертность сія весьма, безъ сомнѣнія, незначительна, въ сравненіи съ тою какою обыкновенно бываетъ при перемѣщеніи изъ одного климата въ другой; нынѣ же, благодаря Бога, при стараніяхъ медико-хирурга Финдейзена, съ іюня мѣсяца нѣтъ сильно больныхъ. При мнѣ было въ больницу въ послѣдній разъ (7го октября) шесть человекъ больныхъ, большею частью на ногахъ. При больницѣ есть и аптека, порядочно устроенная, равно какъ и медикъ; но замѣтить должно что тутъ стараются всѣ маловажныя болѣзни лѣчить самыми простыми средствами, отъ чего не портится натура воспитанниковъ, которые сверхъ сего сами узнаютъ какое средство когда употреблять должно для пользованія.

Изъ 23 корпусовъ составляющихъ все это заведеніе, 4 заняты спальнями. Въ каждой спальнѣ по 62 кровати, кои всѣ желѣзныя, срокомъ на 24 года, крашенныя бѣлою краскою; при каждой деревянный зеленый столикъ и табуретъ; надъ изголовьями желѣзный шестикъ съ надписью имени и нумера тутъ находящагося воспитанника, и тутъ же развѣшаны тѣ образки коими дѣти благословлены отъ родителей при отъѣздѣ. На кроватяхъ лежатъ одѣяла изъ сѣраго крестьянскаго сукна, подшитыя чистымъ полотнянымъ пододеяльникомъ, перемѣняемымъ въ двѣ недѣли однажды. Подшивать одѣяла полотнянымъ пододеяльникомъ и перемѣнять его для мытья, дѣло въ крестьянскомъ быту возможное и полезное. Бѣлыя рубахи смѣняются дважды въ

* Одинъ изъ сихъ котловъ для каши, два для щей или для лапши, одинъ для кипятка, и одинъ для картофеля и пр.

недѣлю, а наволочки и простыни однажды. Трудолюбіе и порядокъ здѣсь вполнѣ царствуютъ: въ заведеніи сему ничего, кромѣ матеріаловъ, не покупается, и то потому что въ короткое время одного года воспитанники не могли успѣть выучиться всѣмъ мастерствамъ. Нынѣ они работаютъ на себя, а потомъ предполагается чтобъ они работали и на сторону, съ тѣмъ только чтобы зарабатывающій воспитанникъ получалъ часть вырученной платы къ приращенію своего капитала, который есть почти у каждаго: родители, отправляя дѣтей своихъ, давали имъ деньги, кои были немедленно положены въ заемный банкъ для наращенія процентами. Весь капиталъ принадлежащій лично воспитанникамъ вообще простирается въ 4.000 р. с. По выпускѣ каждый получаетъ свой капиталъ съ процентами и со всѣми заработанными приращеніями. Родителямъ строго запрещено посылать сыновьямъ деньги. О состояніи своихъ дѣтей въ училищѣ родители извѣщаются черезъ удѣльные конторы ежемѣсячно вѣдомостью, на коей бываетъ собственноручное письмо воспитанника. Изъ числа полезныхъ ремеселъ, этими людьми съ искусствомъ исполняемыхъ, дѣланіе тюфяковъ изъ соломы и мочалъ есть дѣло важное въ крестьянскомъ быту: умѣнье дѣлать тюфякъ отучить русскаго крестьянина спать на потномъ тулупѣ, разваливъ на полатяхъ. Кончимъ обзоръна корпусовъ исчисленіемъ ихъ: главный корпусъ занимаетъ церковью, классами и рекреационною залою. Въ 5 корпусахъ квартира директора и прочихъ чиновниковъ, при заведеніи находящихся; сверхъ 4хъ корпусовъ занимаемыхъ спальнями, одинъ занятъ столовою, два мастерскими, то-есть столярною, ткацкою, портняжною и саложною и пр., одинъ ветеринарнымъ, еще не употребляющимся, театромъ, одинъ баней, одинъ прачешною. Есть еще строенія для кухни съ хлѣбопечкарнею, для житницъ съ запаснымъ хлѣбомъ, для конюшни, въ которой помѣщаются лошади чиновниковъ и, до постройки фермы, 28 лошадей для сельскихъ работъ; равно какъ чуланы и подвалы съ огородною овощью, снятою изъ собственного огорода, и наконецъ сараи, вмѣщающіе въ себѣ основанія сельскаго музея, и временно, впредь до построения фермы, пожарные инструменты. Всѣ училищныя зданія въ ширину, въ параллель Выборгской дороги, занимаютъ 100, а въ длину 120 сажень.

При мнѣ, въ послѣднее мое посѣщеніе, была сдѣлана проба тушенія пожара. Распоряженія для пожарной команды, здѣсь вытверженныя каждымъ воспитанникомъ и распределенныя между ними, суть слѣдующія: по набатному звону, всѣ вдругъ, оставивъ такъ-называемыхъ дневальныхъ для присмотра за вещами, орудіями и пр., кидаютъ занятія и бѣгутъ, сбрасывая съ себя на бѣгу шубы и армяки (если тепло), одни къ пожарному сараю, который уже отпертъ, другіе къ воротамъ, которыя уже отпираются для проѣзда съ чистаго на черные дворы; третьи къ колодцамъ и къ пруду, и тамъ часть накачиваетъ воду въ чаны, а остальные отправля-

ются за лошадьми. Достагшіе пожарнаго сарая по вытверженному назначенію подхватываютъ пожарныя трубы, бочки, ведра, лѣстницы, багры, топоры, войлочный завѣсъ и веревки, и, не дожидая лошадей, все тащатъ на себѣ къ мѣсту гдѣ поданъ сигналъ, дорогой привинчивая трубные рукава и приготовляя все къ дѣйствию. На сіе, до дальнѣйшаго мѣста отъ сарая, не употребляется болѣе 4хъ минутъ, съ тѣмъ чтобъ управляющіе трубами были уже на крышахъ и поливали водой. Въ сіе время бывають впряжены лошади. Первое условіе—глубочайшее молчаніе, дабы были слышны слова команды, по которой бросаются веревки на трубы, ставятся лѣстницы, ломаются зданія, становится щитъ. При ломкѣ зданій разрѣшенъ крикъ, столь свойственный русскому человѣку въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, смотритель общественной залашки будетъ опытнымъ брандмейстеромъ у себя въ волости, а это дѣло не послѣдней важности.

Послѣ сихъ эволюцій, мы пошли въ сарай, гдѣ находится примѣчательный сельскій музей, состоящій изъ всѣхъ, довольно разнообразныхъ, сельскихъ орудій, употребляемыхъ въ Россіи. Примѣчательнѣйшія изъ орудій принадлежатъ Костромской губерніи и суть: орано, косуа, межеумокъ, кривуша и тройная соха, употребляемая для двоенія земли и подавшая мысль училищному начальству ко введенію культиватора, который, по расположенію своихъ сошниковъ, вспахиваетъ всю поверхность земли въ одинъ разъ и не можетъ оставить, подобно сохѣ, невспаханныхъ промежутковъ. Г. Байковъ весьма дѣльно судитъ, не желая вводить между крестьянами такихъ орудій которыхъ они сами не умѣли бы устроить съ большою легкостью, и въ полезности коихъ они не увѣрились бы на самомъ опытѣ. Такъ напримѣръ, онъ ввелъ у себя экиртираторъ, для передвоенія земли, которую, послѣ предварительной плужной обработки, собирались мальчики пахать сохами. Для опыта отведены были двѣ полосы, одна въ 20 сажень ширины и 20 длины, а другая въ 20 сажень ширины и 80 длины, то-есть вчетверо больше. На первую поставлена московская соха, а на вторую экиртираторъ. Соху исправили тщательно, наострили сошники, перемѣнили веревку на подвои. Экиртираторъ не требовалъ сихъ приготовленій. Въ оба орудія позволено было самимъ мальчикамъ выбирать совершенно одинаковыхъ лошадей. Хомуты и шлеи были равныя, только для экиртиратора прибавлены были постромки, ибо у него нѣтъ оглоблей. Принялись пахать. Сошной пахарь затанулъ плѣню, и хитро поглядывая на сосѣда, приладившагося, по указанію, пахать экиртираторомъ, сдѣлалъ проворно двѣ борозды. Мальчики-зрители брали уже его сторону, но съ пятой борозды, пахавшій экиртираторомъ приладился, обогналъ сошнаго пахаря, который пересталъ уже плѣть, и потомъ пропахавъ пространство назначенное для сохи приударилъ плѣню. Мальчики мало-помалу пристали къ пахарю съ заморскимъ орудіемъ, которымъ, несмотря на усилія сошника, вспаханъ былъ вчетверо большій

участокъ, между тѣмъ какъ сошнику до конца не доставало еще 3хъ сажень; онъ попросилъ позволенія бросить соху, подошелъ къ экстирпатору, подивился и желалъ окончить свою долю этимъ инструментомъ. Экстирпаторъ первоначально въ 1774 году былъ предложенъ въ Англіи фермеромъ Гугомъ, въ Гертфордшейрѣ, потомъ Туллоу и Дюгамелемъ, коими заимствованъ изъ древняго орудія, по подобію котораго въ Херсонской и вообще въ Новороссійскихъ губерніяхъ дѣлаютъ рало; упрощенъ уже экстирпаторъ Ватсономъ. Орудіе сіе пашетъ слѣшкомъ вчетверо шире противъ сохи и глубиною почти вдвое, не ломается, не прыгаетъ, идетъ ровно, не затрудняетъ пахаря, который на ровной рыхлой землѣ вовсе его не придерживаетъ, и легко для одной крестьянской лошади. Мнѣ понравилось, при посѣщеніи сего музея, то что воспитанники, разумѣется, нѣкоторые изъ лучшихъ, очень удовлетворительно и ясно умѣютъ показать пользу каждаго орудія и способъ употребленія онаго. Вообще успѣхи рѣдкіе; въ особенности главный и существенный предметъ, то-есть искусство землеобрабатыванія, въ одинъ годъ доведено до значительной степени совершенства, хотя не безъ большихъ затрудненій, по причинѣ почвы земли въ особенности. Участокъ земли принадлежащей училищу имѣетъ въ себѣ до 90 десятинъ боровой, болотистой, поросшей мелкимъ кустарникомъ и необработанной земли. 25 десятинъ представляли песчаные бугры, изрытые ямами, изъ коихъ песокъ доставляемъ былъ въ городъ; остальные 65 были не что иное какъ болото, имѣвшее въ низкихъ мѣстахъ 1½ аршина воды, а въ прочихъ покрытое верескомъ, камнями, лѣнями и корнями, оставшимися отъ бывшаго нѣкогда лѣса, кочками, неистлѣвшими растительными веществами, кои, замерзая съ водой, ихъ пронизающею, и будучи покрыты толстымъ слоемъ моху, не растаивали до половины іюня. Подземъ стоитъ изъ зыбкаго или содержащаго ⅓ глины и смѣшаннаго съ кварцовымъ и гранитнымъ брекчіемъ и бурою, болотно-желѣзною рудою, которая прослонками выказывается на поверхности почти 15ти десятинъ. Изслѣдованіе землянымъ буромъ обнаружило глину на глубинѣ 2½ аршинъ. Сіе свойство грунта училищнаго участка дѣлаетъ его, въ совокупности съ петербургскимъ климатомъ, весьма поучительнымъ для земледѣльской практики. Обработка онаго требуетъ приложенія всѣхъ правилъ агрикультуры, и по исполненіи предположенія произвести на нѣсколькихъ десятинахъ искусственный глинистый грунтъ и солончакъ, для обучающихся не останется въ неизвѣстности ни одного изъ грунтовъ, приносящихъ пользу только умѣющему обращаться съ ними, и хотя на училищномъ участкѣ воздѣлываніе различныхъ родовъ хозяйственныхъ растений сопряжено съ большимъ о нихъ попеченіемъ, за то каждый успѣхъ, коего съ особеннымъ лишь усиліемъ можно достигать здѣсь, навѣрное удастся воспитаннику по возвращеніи его на родину, только съ меньшимъ для

сего трудомъ, ибо онъ найдетъ у себя лучшей грунтъ и климатъ. Первымъ предметомъ обработки участка была осушка онаго, обстоятельство весьма важное для земледѣлія сѣверной и отчасти средней полосы Россіи, гдѣ крестьяне если и приступаютъ къ разработкѣ болотныхъ почвъ, то наудачу роютъ канавку, и на обсохшей чрезъ то полоскѣ заводятъ пашню, но вода, не получивъ правильнаго стока, при первой прибыли наполняетъ канавку, выступаетъ изъ береговъ, залиываетъ новую полосу и дѣлаетъ тщетнымъ трудъ земледѣльца, чего съ нимъ конечно не случилось бы, еслибы онъ зналъ употребленіе простаго землемѣрскаго орудія называемаго ватерпасомъ. Симъ-то орудіемъ воспитанники нивелировали весь свой участокъ, черезъ что обнаружился самый нижній, относительно поверхности участка, пунктъ, откуда идетъ натуральное большое склоненіе къ самой Черной Рѣчкѣ. Къ вышеупомянутому пункту прорытъ основной каналъ, на 377 саженьяхъ, черезъ бугры глубиной отъ двухъ до шести аршинъ и шириною отъ 3хъ до 5ти аршинъ, потомъ по всѣмъ соответствующимъ мѣстамъ, показываемымъ ватерпасомъ, выкопано по поверхности участка 4024 погонныхъ сажени канала, кои проведены къ тремъ главнымъ, а сіи къ первому основному; наконецъ по границамъ участка для отведенія воды отъ большой дороги и отъ сосѣднихъ дачъ, вырытъ каналъ въ 2.000 с. къ основному. По окончаніи сихъ работъ вода немедленно стекла съ поверхности участка, который, съ углубленіемъ каналовъ, нынѣшняго года въ самыхъ низкихъ мѣстахъ обсохъ на аршинъ въ глубину. Таковое расположеніе водосточныхъ каналовъ позволяетъ, на случай засухи, затрудить воду въ любомъ каналѣ, посредствомъ простыхъ перемычекъ, и чрезъ то сообщить влагу любой полосѣ на участкѣ. Обстоятельство также весьма важное и на которое обращается у насъ такъ мало вниманія. На работу его потребно было 30 ч. въ теченіи 2½ мѣсяцевъ. Послѣ сего слѣдовало приступить къ расчисткѣ поверхности отъ лней, корней, камней, кочекъ и мху. По обыкновенной крестьянской обработкѣ, въ семъ случаѣ употребляють выжиганіе, но огонь, пожигая деревья и лны, подсушиваетъ мохъ, кочки и торфъ, и потомъ обращаетъ ихъ въ золу. Послѣ сего, какъ въ Вятской губерніи обыкновенно, напавши, сѣютъ рожь, что и называется „посѣвъ по плелѣ“, и снявъ однажды обильный урожай, принуждены бывають оставлять такую землю безъ употребленія иногда на десять и болѣе лѣтъ, ибо земля, отъ вліянія воздуха, потерявъ щелочныя части, перестаетъ быть плодородною. Во избѣжаніе столь убыточнаго способа хозяйства, и дабы торфъ, кочки, дернъ и накопившіеся болотные осадки сберечь и, превративъ ихъ въ черноземъ, воспользоваться чрезъ то урожаями на нѣсколько лѣтъ, должно было, при помощи самыхъ простыхъ, но вѣрно дѣйствующихъ орудій, какъ-то веревокъ, рычаговъ съ подвижными поставками, ломовъ, лѣшенъ, топоровъ, лопатокъ и желѣзныхъ

когтей, * употребить для обработки каждой десятины слѣдующія производства: 1) срубить кустарникъ, вытащить лѣшныя и корни до 30 куб. саж. и сложить въ правильныя кучи, дабы не мѣшали дальнѣйшимъ работамъ, что и сдѣлано въ 14 дней 30ю чел.; 2) срубить кочки, собрать мохъ и верескъ, всего 90 куб. саж., сдѣлано въ 14 дней 20ю чел. На обработанныхъ десятинахъ сии кучи, до предназначеннаго употребленія пашни, остались только свидѣтелями бывшей здѣсь почвы и трудовъ приложенныхъ для воздѣлки оной. Сими двумя дѣйствіями поверхность земли была обнажена, сдѣлалась доступна атмосфернымъ вліяніямъ и казалась удобною для паханія всякимъ орудіемъ. Воспитанники при обработкѣ первой десятины хотѣли въ семъ случаѣ употребить свои орудія, но сохи поломались на первой бороздѣ, косули не могли успѣть и одной доли назначеннаго для нихъ урока ($1\frac{1}{2}$ десят. въ долѣ), ибо подъ поверхностью торфяной земли тотчасъ слѣдовало самое частое сплетеніе большихъ и малыхъ корней, не позволявшихъ дѣйствовать сохамъ и косулямъ. Въ то время когда воспитанники отчаявались вспахать такой грунтъ, данъ былъ имъ Смалевскій плугъ, улучшенный Теромъ. Плугъ сей безъ колесъ, не такъ какъ многосложный и неудобный для русскаго крестьянина плугъ Гранже; будучи запряженъ двумя лошадьми, онъ пошелъ безостановочно, разрѣзывая или выворачивая корни. Воспитанники прозвали его змѣйкою; по его образу, смастерили тотчасъ 8 другихъ и приучились къ употребленію ихъ. Плугъ сей обходится училищу въ 30 р. с., а при выпускѣ изъ Лондона въ 120 р. Въ училищномъ плугѣ выпущены или упрощены всѣ тѣ части кои въ работѣ представляли бы затрудненія для простаго деревенскаго кузнеца, и вмѣсто того придѣланы короткія вилки для отклоненія корней въ сторону. Плугъ сей рѣшительно можно рекомендовать для всякой почвы. 3) Сложить въ кучи вырытые корни; 20 чел. въ 1 день. 4) Взбороновать бородами; въ 1 день 6ю чел. съ 12 лошадьми. Скажемъ мимоходомъ что употребляемая здѣсь бороны, складныя съ желѣзными зубьями, прекрасно разбиваютъ дернъ и кочки. Онѣ взяты съ подобныхъ имъ съ деревянными зубьями, употребляемыхъ въ Псковской губерніи. 5) Вытасканные бородами корни собрать и сложить; въ одинъ день съ 12ю чел.; 6) укатать каткомъ все пространство; въ одинъ день одинъ чел. съ двумя лошадьми; 7) вывезти и разбросать на болотистыя десят. $\frac{1}{2}$ куб. саж. извести, преимущественно негашеной; въ одинъ день одинъ человекъ съ одною лошадью; 8) вывезти, разбить и разбросать 10 куб. саж. глины; въ теченіи двухъ дней двадцатью чел. съ двадцатью лошадьми; 9) положить и разбросать 5.000 пуд. навоза, который воспитанники доставляли на судахъ изъ города на ближайшую

* Когти сии придуманы въ училищѣ; они просты, но для срыванія кочекъ лучше всѣхъ на сей предметъ понынѣ изобрѣтенныхъ орудій.

пристань и потомъ подвозили лошадыми; 40 челов. въ три дни, на 20 лошадахъ; 10) запахать навозъ плугомъ, и выбрать корни, вытасканные плугомъ; въ два плуга четырьмя челов. на четырехъ лошадахъ; 11) укатать каткомъ; въ полдня однимъ челов. на двухъ лошадахъ. Въ семь только видѣ земля была готова къ принятію посѣва, который производится подъ борону и укатывается каткомъ. Такимъ образомъ, окончательно обработано было 20 десят., а надъ 17 десят. совершенно шесть первыхъ производствъ. Всего въ обработкѣ 37 десятинъ, на воздѣланіе которыхъ въ цѣлое лѣто употреблялось 40 челов. Слѣдовательно, подобной земли и подобный крестьянинъ можетъ обработать почти одну десятину, еслибы работалъ каждый день, но такъ какъ онъ долженъ заниматься и другими хозяйственными работами, то еслибы черезъ четыре дня лѣтний, изъ числа лѣтнихъ рабочихъ дней, опредѣлить на обработку упомянутой земли, то особенно тягломъ (то-есть мужикъ и баба) можно бы было обрабатывать нѣсколько десят. ежегодно. Еслибы крестьяне, нуждающіеся въ хорошихъ земляхъ и жалующіеся на неудобство своихъ земель, обрабатывали ихъ выше означеннымъ способомъ въ $\frac{1}{5}$ рабочихъ дней, которую проводятъ бесполезно, то значительно увеличили бы улучшенными землями свои пашни, и еслибы на таковой $\frac{1}{5}$ десят. посѣявъ былъ ячмень, который вѣрно далъ бы имъ урожай самъ 16, то получили бы 3 четверти ячменя, или около 45 р. по настоящимъ цѣнамъ въ низовыхъ губерніяхъ. Изъ вышеозначеннаго числа обработанныхъ десятинъ, въ Земледѣльческомъ Училищѣ, по числу силъ занимавшихся по очереди мальчиковъ, слѣдуетъ что работы здѣсь не поголовныя, а примѣнены по разчету къ тягламъ, и, слѣдственно, возможны для крестьянина, разумѣется при постоянномъ его трудолюбіи и при тщательномъ за нимъ присмотрѣ. Если работу воспитанниковъ для обработки земли оцѣнить по петербургской платѣ, то 1) окончательно обработанная десятина обойдется въ 3.000 р., а 20 десят. въ 60.000 р., изъ прочихъ 17 каждая по 1.000 р., всего 77.000 р.; 2) сработано разныхъ земледѣльческихъ орудій по англійскимъ и здѣшнимъ цѣнамъ на 5.000 р.; 3) сдѣланы перила на 800 саж. отъ Выборгской дороги, по 2 р. отъ саж., съ лѣсомъ — 1.600 р. с.; 4) подѣлано деревянныхъ тротуаровъ по новому училищному проспекту на 800 саж., по 3 руб. полагая съ лѣсомъ, — на 1.500 р.; 5) сдѣлано 10 мостовъ съ балками собственнаго точенія и съ рѣшетками, по 200 р., всего 2.000 р.; 6) поставлено 300 тумбъ собственной работы изъ отрубковъ отъ строительнаго матеріала, по 2 руб., 600 руб.; 7) проведенъ проспектъ, по болотному грунту на полверсты по площади, 2.500 квадрат. саж., по 50 коп. саж., 1.250 руб.; 8) спланированы дворы и плацъ, 6.000 квадрат. саж.—по 20 коп. саж., 6.000 руб. Итакъ, не считая сапожной, портняжной и другихъ работъ по училищу, исполняемыхъ воспитанниками, наработано въ краткое время нѣсколькихъ мѣсяцевъ всего на 80.150 р. Нынѣ воспитанники построили хозяйственные строенія, а именно: ферму,

которая въ будущее лѣто возымѣтъ свое правильное начало. Она будетъ состоять изъ скотныхъ и птичныхъ дворовъ и строеній для первоначальной фабрикаціи хозяйственныхъ произведеній, а именно: на правой сторонѣ училищныхъ строеній, отступя 40 саж., будутъ выстроены: 1) скотный дворъ и конюшни; 2) скотная кухня; 3) птичникъ, телятня, овчарня и свинарня; 4) огуменный сарай и для стельныхъ коровъ; 5) молочня; 6) квартира учителя практическаго домоводства (фермера), который будетъ, также какъ и всѣ при заведеніи находящіеся, изъ русскихъ людей. Все это въ длину займетъ 70, а въ ширину 40 саж. По другую сторону училищныхъ зданій устроены будутъ: квартира ветеринара, скотная лѣчебница, гумно, саловарня, маслобойня, воскобойня и для дубленія кожъ, солодовня, медоварня и пивоварня и сушило. Сверхъ сего большая кузница, хлѣбные магазины, пожарные сараи и мельницы, всего 20 разныхъ строеній, главнымъ фасомъ своимъ обращенныхъ по Выборгской дорогѣ и простирающихся на 250 саж. При формѣ будетъ и небольшой ветеринарный театръ, въ коемъ имѣетъ быть практическое преподаваніе искусства лѣченія скота и кромѣ того указаніе невинныхъ и обыкновенныхъ средствъ, бывающихъ всегда у всякаго подъ рукою и могущихъ съ великою пользою служить для врачеванія ранъ, ушибовъ или незначительныхъ внутреннихъ болѣзней, прерваніе коихъ при самомъ ихъ возрожденіи служитъ нерѣдко къ спасенію чело-
вѣка отъ значительнѣйшихъ болѣзней. Сверхъ всего этого, заведена машина самаго простаго устройства для превращенія костей въ порошокъ, употребляемый какъ лучшій по-
земь. Предполагается еще устроить нѣсколько образцовъ избъ, самими воспитанниками срубленныхъ, имѣющихъ при себѣ хлѣва и птичники, огороды, поля и пастбища. Тутъ будутъ поочередно жить воспитанники, и эта практика сдѣлаетъ ихъ отличнѣйшими домохозяевами. Иные говорятъ что съ этого и начать должно было. Помилуйте! да надо же было воспитанниковъ приучить къ практическому хлѣбопашеству и хозяйству въ большомъ или общемъ видѣ, а теперь, по приобрѣтеніи сихъ свѣдѣній, имъ легче будетъ оныя прикладывать къ частнымъ случаямъ, для изученія коихъ, полагая даже что образцовая деревня начнетъ дѣйствія свои съ 1836 года, будетъ употреблено два года. Чего нельзя будетъ сдѣлать, когда мы видимъ что сдѣлали воспитанники въ одинъ годъ! Приятно въ особенности видѣть то что здѣсь вполнѣ русское сельское хозяйство и что во всѣхъ дѣйствіяхъ начальства замѣтна мудрая постепенность, ведущая къ вѣрному совершенству, и отсутствіе шарлатанства, столь вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ.

Вотъ, гг. русскіе помѣщики, вамъ примѣръ,—это заведеніе: изучайте, изучайте его вдоль и поперекъ, изучайте! Не лѣнитесь, и вы конечно учредите обществомъ у себя такіа школы, подобныя фермы, разумѣется, на число людей въ 20 разъ меньшее

и въ 10 разъ менѣе стоящее, нежели то заведеніе которое въ примѣръ вамъ учредилъ нашъ державный помѣщикъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть теперь уже нѣсколько капиталистовъ-патріотовъ предполагаютъ устроить здѣсь, въ С.-Петербургѣ, заведеніе въ этомъ родѣ, долженствующее возымѣть существованіе свое на акціяхъ, и въ которое будутъ за умѣренную плату принимать господскихъ и вольныхъ людей: какую бы огромную пользу Россіи могло оказать осуществленіе этой патріотической мечты!

XVI.

Статьѣ этой суждено было имѣть блистательный успѣхъ въ публикѣ, прочитавшей ее, повидимому, съ интересомъ и особеннымъ вниманіемъ, чему доказательствомъ можетъ служить та масса посѣтителей которая вѣлѣдъ за появленіемъ статьи нахлынула въ Удѣльное Земледѣльческое Училищѣ, такъ что стало затруднительно ежедневно принимать такое значительное число постороннихъ лицъ. Вслѣдствіе этого директоръ сталъ назначать по нѣскольку человѣкъ воспитанниковъ ежедневно со спеціальнымъ занятіемъ „принимать посѣтителей“. Это ежедневное общеніе воспитанниковъ съ публикой принесло свою дозу пользы воспитанникамъ, пріобрѣтшимъ больше искусства въ объясненіи хозяйственныхъ подробностей.

За нѣсколько времени до напечатанія въ *Сѣверной Пчелѣ* этой моей статьи, въ той же газетѣ была помѣщена другая моя статья подъ названіемъ: *Выставка въ Академіи Художествъ*. Означенную статью я въ то время написалъ почти всю не только подъ наблюденіемъ и по указаніямъ, но, положительно могу сказать, какъ теперь помню, подъ диктантъ тогдашняго конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, извѣстнаго знатока живописи, скульптуры и архитектуры, Василья Ивановича Григоровича, человѣка обладавшаго, при громадныхъ теоретическихъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ этимъ предметамъ, вполне изящнымъ и просвѣщеннымъ вкусомъ и замѣчательнымъ даромъ слова. Я къ нему на Васильевскій островъ въ домъ Академіи Художествъ, гдѣ онъ занималъ обширную квартиру, ѣздилъ или ходилъ, то-есть отчасти ѣздилъ, отчасти ходилъ, прямо изъ департамента цѣлую недѣлю, обѣдая у него и проводя вечера до поздней ночи. Разъ даже, помню, случилось что мы засидѣлись съ нимъ за полночь, мостъ развели, и я

принужденъ былъ остаться ночевать у него. Я сначала написалъ статью самъ по моимъ впечатлѣнiямъ, разсвѣтивъ ее довольно разнообразными анекдотами, собранными мною отъ знакомыхъ тогда мнѣ художниковъ, о тѣхъ знаменитостяхъ того времени произведенiя которыхъ составляли тогда предметъ сентябрьской выставки, остромысливой мною бѣгло въ одно какое-то воскресенье. Само собою разумѣется что знатокъ дѣла—Григоровичъ лохерилъ многія изъ моихъ сужденiй о картинахъ и статуяхъ, замѣнивъ ихъ своими; но анекдотивную часть одобрилъ и дополнилъ многими интересными свѣдѣнiями чисто историческими. Его замѣчанiя носили на себѣ печать такой правильности и вѣрности что не могли быть предметомъ никакой критики, хотя, весьма натурально, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ, при всей своей учемости и при всемъ своемъ изящномъ вкусѣ, радѣлъ прiязнѣ и дружбѣ, почему въ статьѣ этой, считавшейся все-таки моею, было нѣсколько мѣстъ гдѣ справедливость была принесена въ жертву угодливости и лицепрiятiю. Такъ, между прочимъ, были расхвалены очень впрочемъ ловко, со словъ Василя Ивановича, двѣ картинки кисти какого-то молодого художника изъ иностранцевъ, пользовавшагося какимъ-то особеннымъ благорасположенiемъ министра двора князя П. М. Волконскаго. Это, само по себѣ пустое, обстоятельство привлекло къ статьѣ моей ласковое вниманiе свѣтлѣйшаго вельможи, довольнаго тѣмъ что объ его протежѣ такъ великолѣпно отнеслись въ газетѣ имѣвшей тогда огромный авторитетъ. Главное дѣло было въ томъ что *Пчела* читаема была ежедневно отъ доски до доски государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который, говоря о ней, называлъ ее: „моя газета“. Можете себѣ представить lossъ этого какъ эта „его величества газета“ читалась при дворѣ. Но ежели князь Волконскiй былъ доволенъ мнѣнiями quasi моей статьи, президентъ Академiи, извѣстный знатокъ и любитель художествъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, при встрѣчѣ съ Н. И. Гречемъ, выражалъ ему, по поводу этой статьи, нѣкоторыя свои замѣчанiя, никакъ впрочемъ не подозревая что статья эта не есть плодъ критическихъ наблюденiй юности подписавшаго подъ нею свое имя, а его подначальнаго чловѣка — конференцъ-секретаря Академiи Художествъ. Тогдашнiй вице-президентъ Академiи, нашъ знаменитый скульпторъ графъ Федоръ Петровичъ Толстой, встрѣтивъ меня на одномъ изъ Гречевыхъ четверговыхъ вечеровъ, вступилъ

со мною въ разговоръ о моей статьѣ и при этомъ сталъ было дѣлать мнѣ нѣкоторыя замѣчанія съ художественной точки зрѣнія. Я былъ поставленъ, какъ говорятъ Французы, au pied du mur, не зная какъ ларировать въ этомъ техническомъ разговорѣ, продолженіе котораго могло имѣть въ результатѣ открытіе того что статья была произведеніе далеко не моего ума и моихъ свѣдѣній. Къ счастью, Николай Ивановичъ Гречъ, съ обычною его въ этихъ случаяхъ ловкостію, явился мнѣ на помощь и выручилъ меня, отвлекши вниманіе графа на что-то другое, ловидимому, болѣе ему интересное.

Но какъ бы тамъ ни было, а статья эта, почти всецѣло принадлежавшая Василию Ивановичу Григоровичу, что составляло тогда величайшій секретъ, имѣла эффектъ преизрядный, такъ что даже нашъ безсмертный Карлъ Павловичъ Брюловъ, не любившій ничего говорить о художественныхъ критикахъ въ журналистикѣ, считая ихъ заурядъ пустословіемъ, и величавшій всѣ ихъ „булгаривщиною“, прочитавъ эту статью, сказалъ Н. И. Гречу: „Экую статью настроилъ вамъ вашъ блондинчикъ Быстролишевъ! Исполать ему! Статья истинно сочная и со вкусомъ читается.“ При всѣхъ однако этихъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, статья эта далеко не нашумѣла въ городѣ и особенно въ Россіи такъ какъ нашумѣла та довольно, правду сказать, блѣдненькая статья, которую вы, читатель, сейчасъ прочли въ дословной перепечаткѣ изъ *Сѣверной Пчелы* ноября мѣсяца 1864 года, подъ названіемъ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*. Начать съ того что статья эта внимательно прочтена была государемъ императоромъ, который рекомендовалъ ее своему августѣйшему брату, великому князю Михаилу Павловичу, тогдашнему командиру гвардейскаго корпуса и главному начальнику всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Его высочество, по прочтеніи статьи этой, остановился между прочимъ на той необыкновенной опрятности и чистоплотности какими отличалось это „мужицкое училище“, какъ онъ выразился, при сборѣ у себя всѣхъ директоровъ корпусовъ, которымъ приказалъ прочесть то въ статьѣ что относится до внутренняго устройства заведенія и съѣздить туда поучиться искусству, даже въ ретирадныхъ мѣстахъ, безъ всякихъ ватерклозетовъ, содержать и соблюдать необыкновенную чистоту и свѣжесть воздуха. И вотъ, на другой же день нѣсколько почтенныхъ генераловъ, директора разныхъ военно-учебныхъ заведеній, наѣхали къ

Байкову и осыпали его своими вопросами. Матвѣй Андреевичъ, съ обычнымъ своимъ похикиваніемъ и наружнымъ простосердечіемъ, подъ которымъ скрывалась вся дипломатическая тонкость его,—говорилъ ихъ превосходительствамъ что дѣло какъ нельзя проще: „Въ выгребныя ямы кладется растворъ извести кипѣлки съ квасцами.“ Генералы записывали въ своихъ записныхъ книжкахъ этотъ рецептъ, ходили внимательно осматривать ретирадные мѣста, удивлялись отсутствію всякаго зловонія, доводили ревность свою до того что спускались въ выгребныя ямы, гдѣ находили разлитый обильно растворъ извести съ квасцами и, осмотрѣвъ всѣ другія подробности заведенія, налюбовавшись маневромъ тушенія примѣрнаго пожара, наслушавшись прекрасныхъ русскихъ пѣсень, позавтракавъ плотно въ молочной и въ сельскомъ домикѣ, уѣзжали восхищенные всѣмъ что видѣли и потомъ докладывали его высочеству что видѣли въ Удѣльномъ Училищѣ чудеса, что записали рецептъ и всѣ приемы для отвращенія зловонія и обѣщали ввести у себя тѣ же порядки. Но у нихъ въ ихъ корпусахъ однако все шло попрежнему, хотя известъ кипѣлка съ квасцами и была пущена въ ходъ, да та бѣда что ихъ превосходительства не дознались и не догадались главной сути дѣла, состоявшаго въ томъ что въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ вся эта поразительная чистота воздуха въ такихъ мѣстахъ, гдѣ она нигдѣ въ обыкновенномъ быту, безъ сильныхъ водяныхъ притоковъ, не бываетъ и быть едва ли можетъ, имѣла въ основаніи очень простое обстоятельство: чугунныя колеса подъ выгребными ящиками, которые ежедневно въ ранніе утренніе часы, при содѣйствіи этихъ колесъ, вывозились къ компостнымъ кучамъ, гдѣ и опоражниваются, а потомъ огромными швабрами, насыщенными вышеупомянутымъ растворомъ, вымываются, провѣтриваются и снова вступаютъ въ свою роль, по окончаніи всей этой процедуры, удобной въ одноэтажныхъ домахъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, невозможныхъ въ многоэтажныхъ корпусныхъ строеніяхъ. Одинъ изъ директоровъ, начальникъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапорщиковъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, (въ послѣдствіи директоръ Iго кадетскаго корпуса, умершій въ 1859 году, нося званіе инспектора военно-учебныхъ заведеній), страстный любитель и, правду сказать, знатокъ агрономическихъ усовершенствованій, хотя иногда, да и частенько въ разладъ

съ чистою хозяйственною логикою, сдѣлался постояннымъ гостемъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, куда сталъ ѣздить еженедѣльно, присутствуя при всѣхъ опытахъ или, лучше сказать, при всѣхъ агрономическихъ фокусъ-покусахъ, какими морочили всѣхъ насъ, грѣшныхъ, столичныхъ агрономовъ-дилеттантовъ, къ числу которыхъ, въ первой шеренгѣ, принадлежалъ тогда я тѣломъ и душой, умудряя себя свѣдѣніями собираемыми на искусственной и декоративной практикѣ въ поляхъ, огородахъ, питомникахъ и садахъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. *

Скоро, по появленіи моей статьи въ *Сѣверной Пчелѣ*, Удѣльное Земледѣльческое Училище до того вошло въ моду что сдѣлалось предметомъ поѣздокъ публики, особенно публики высшаго полета, тѣмъ болѣе что состоявшій тогда сотрудникомъ у Греча Николай Ивановичъ Юханцовъ, еще очень неважный чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, состоявшій переводчикомъ при редакціи *Journal de St-Petersbourg*, ** перевелъ мою статью на французскій языкъ, на каковомъ она всею знатію и была прочтена въ газетѣ въ тѣ времена составлявшей непремѣнную принадлежность всякаго аристократическаго кабинета. Такимъ образомъ, Удѣльное Земледѣльческое Училище было постоянно атаковано наѣздомъ посѣтителей, число которыхъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивалось и доходило иногда до 1.000 человекъ въ годъ. Когда государю императору представлялись губернскіе предводители дворянства, онъ часто спрашивалъ ихъ: „видѣли ли они его образцовое хозяйство въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ?“ и, самъ посѣтилъ заведеніе въ 1841 году, вмѣстѣ съ

* Лѣтъ черезъ двадцать лѣтъ этихъ посѣщеній Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, генералъ баронъ К. А. Шиппенбахъ самъ сдѣлался хозяиномъ-агрономомъ въ своемъ селѣ въ Александровскомъ, подлѣ Александровской мануфактуры, гдѣ онъ въ особенности разводилъ брамапутрскихъ куръ. Онъ умеръ въ 1859 году.

** Н. И. Юханцовъ умеръ въ 1870 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и находясь внѣ службы, которую онъ оставилъ, кажется, въ пятидесятыхъ годахъ, будучи много лѣтъ вице-директоромъ департамента мануфактуръ и торговли, а до тѣхъ поръ начальникомъ отдѣленія, послѣ Н. И. Сѣрова, заступившаго моего отца въ 1826 году.

тогдашнимъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ, братомъ императрицы Александры Оедоровны. Предводители спѣшили посѣщать хозяйство „державнаго помѣщика“ и, разумеется, оставались въ восхищеніи отъ всего ими видѣннаго тамъ, и возвратясь во свояси, разказывали чудеса. Эти разказы разносились по всей Россіи словно снѣжный комъ, постоянно росшій, почему всякъ тотъ кто ѣхалъ изъ провинціи въ Петербургъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность не уѣхать изъ Сѣверной Пальмиры, не побывавъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, тѣмъ болѣе что это такъ близко отъ города,—всего двѣ версты за Выборгскою заставой. Хозяйственные журналы и газеты, какъ *Земледѣльческій Журналъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства* и *Земледѣльческая Газета*, первый редактируемый краснорѣчивымъ Степаномъ Алексѣвичемъ Масловымъ, вторая ученымъ Антономъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ,* расхвалили Удѣльное Земледѣльческое Училище. *Журналъ Общепольныхъ Свѣдѣній* А. П. Башуцкаго съ тѣхъ поръ чуть не каждую недѣлю, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сталъ помѣщать мои восторженные статьи объ этомъ заведеніи, прилагая нерѣдко политипажные (тогда еще младенчествовавшіе) и литографированные рисунки съ изображеніями не только орудій и снарядовъ, но даже портретовъ домашнихъ животныхъ тамошней фермы. Слава заведенія росла быстро, а потому для правильнаго пріема посѣтителей необходимо было устроить въ училищѣ усиленное дежурство. Но наплывъ посѣтителей былъ до такой степени великъ что иногда было мало десяти дежурныхъ воспитанниковъ для пріема посѣтителей, которые, надо отдать справедливость, вели себя всегда очень благоприлично, помня что они осматриваютъ „образцовое хозяйство державнаго помѣщика“. По наружности судя, всѣ уѣзжали въ восхищеніи; но многіе проникательные люди потомъ откровенно высказывали свои мнѣнія, сущность которыхъ состояла

* А. А. Энгельгардтъ былъ до того директоромъ Царекосельскаго Лѣсца, во времена воспитанія тамъ Пушкина, Корфа и другихъ замѣчательныхъ людей, какихъ съ тѣхъ поръ это заведеніе не производило. Оригинальная черта старика Энгельгардта состояла въ томъ что онъ всегда ходилъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ при короткихъ штанахъ и въ синемъ фракѣ моды 1805 года. Въ 1830 годахъ М. М. Сперанскій о немъ пошутилъ, что Энгельгардтъ 25 лѣтъ не переодевался.

въ томъ что все это „прелестная игрушка“, пользы отъ которой никакой не будетъ и быть не можетъ, потому что въ основѣ — шарлатанство и бросаніе пылью въ глаза людской довѣрчивости. Однако въ печать никогда и тѣмъ чего-либо подобнаго не проходило, что и естественно при тогдашней цензурѣ, считавшей чуть не революціей, если авторъ дерзалъ быть мало-мальски справедливо искрененъ. Воспитанникамъ отъ Байкова были розданы печатныя инструкціи съ подробнымъ объясненіемъ всего того что говорить посятителямъ и какъ отвѣчать на всѣ ихъ вопросы. Для этого дѣлаемы были даже релетиціи, въ которыхъ я нерѣдко принималъ участіе въ роли любопытнаго посятителя, который засыпалъ вопросами. Релетиціи эти цѣлыми партіями дѣлались по воскресеньямъ послѣ обѣда. Такимъ образомъ воспитанники наловчились давать отвѣты весьма ловко, обходя тѣ вопросы которые были неудобны для удовлетворенія. На вопросъ: „А что, вѣдь сѣкутъ-таки васъ, ребята, розгами?“ воспитанники отвѣчали съ величайшимъ апломбомъ: „Воспитанникъ заслужившій такое унизительное наказаніе не былъ бы достоинъ быть нашимъ товарищемъ.“— „А что, хотѣлось бы въ трактиръ сходить?“— „Это только празднымъ и глупымъ людямъ можетъ въ голову придти.“— „Скажи, дружокъ, правду: хочется жениться?“— „Когда сдѣлаюсь хорошимъ хозяиномъ и сяду на усадьбу, то конечно женюсь, съ родительскаго и начальскаго благословенія, такъ какъ безъ хозяйки невозможно.“

Со всѣмъ этимъ я забѣжалъ нѣсколько впередъ, почему возвращусь къ послѣдствіямъ моей статьи, какъ они отразились собственно на меня. Началось съ того, разумеется, что меня посятилъ Байковъ и привезъ съ собою письмо на мое имя за подписью Льва Алексѣевича Перовскаго. Письмо это было въ высшей степени любезное и въ немъ упоминалось о томъ что его свѣтлость господинъ министръ двора и удѣловъ какъ нельзя болѣе доволенъ моею статьей, которая удостоилась и высочайшаго вниманія. При этомъ Матвій Андреевичъ сказалъ мнѣ что онъ сейчасъ отъ Николая Ивановича Греча, съ которымъ объяснился насчетъ того чтобы статья моя была въ типографіи Греча, на веленовой бумагѣ, отпечатана въ количествѣ ста отдѣльныхъ оттисковъ, въ видѣ книжечки въ 16 долю листа. „Милѣйшій Николай Ивановичъ согласился на это, взявъ по рублю за экземпляръ, то-есть сто рублей“, говорилъ мнѣ Байковъ, „и я уже выдалъ ему деньги и ожидаю на дняхъ

этихъ экземпляровъ, которые его превосходительство Левъ Алексѣвичъ хочетъ предоставить вамъ, съ тѣмъ чтобы вы, В. П., затѣмъ, какъ авторъ статьи, уступили бы эти сто экземпляровъ ему по пяти рублей за экземпляръ“. Какъ ни нужны мнѣ были бы 500 р., которые я считалъ всегда весьма значительнымъ кушемъ, но я тотчасъ понялъ что это будетъ ни что иное какъ подачка мнѣ 500 р. изъ громаднаго удѣльнаго капитала за статью, которую я писалъ по обязанности сотрудника, и потому я объяснилъ Байкову что подобная брошюрка, пущенная въ книжную продажу, могла бы быть дорого-дорого продаваема по полтиннику и дать мнѣ эти деньги еще не вѣсть когда; что вслѣдствіе этого я ни за что на свѣтѣ не намѣренъ принимать подарковъ и убѣдительно прошу мнѣ даже больше ничего объ этомъ не говорить, ежели Матвѣю Андреевичу угодно продолжать со мною тѣ хорошія отношенія въ какихъ мы теперь находимся. Сконфузившись немножко, Байковъ, никакъ не ожидавшій такого отпора со стороны юноши, содержащаго все семейство своими трудами, однако тотчасъ съ прирожденною ему провицательностію понялъ невозможность дальнѣйшаго настоянія и сказалъ только, что вѣроятно однако я не откажусь отвѣчать на письмо Льва Алексѣвича личнымъ визитомъ. И отвѣтилъ что буду у его превосходительства непременно для выраженія моей глубокой признательности за то вниманіе которымъ онъ меня чрезъ присылку этого письма удостоилъ совершенно незаслуженно, потому что я писалъ статью какъ сотрудникъ *Сѣверной Пчелы* и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы ничего въ ней сказать какъ то что высказалъ отъ сердца, такъ какъ предметъ описанія самъ по себѣ верхъ совершенства. „Да и къ тому же, прибавилъ я, въ статьѣ этой все лучшее принадлежитъ, поистинѣ, не мнѣ, а вамъ, Матвѣй Андреевичъ.“ Сдѣлавъ видъ что онъ не разсылалъ послѣднихъ моихъ словъ, Байковъ взглянулъ на свои часы, заторопился уѣхать, и на прощаньи, сопровождаемомъ многими лобызаніями, спросилъ:

— А когда же и въ которомъ именно часу вы думаете быть у Льва Алексѣвича?

— Завтра воскресенье, отвѣчалъ я,—такъ я полагаю явиться къ его превосходительству, только не знаю какъ лучше: до обѣда или послѣ обѣда.

— Пожалуйте, наставлялъ Байковъ,—часу въ десятомъ утра:

онъ встаетъ вѣдь рано. Въ праздничный день это у него самая лучшая пора для пріема посѣщеній не по дѣламъ службы. Онъ, вы увидите, приметъ васъ превосходно.

Въ воскресенье, въ половинѣ десятаго часа, тщательно костюмированный во фракъ и въ бѣломъ жилетѣ, я былъ въ пріемной залѣ Льва Алексѣевича, который жилъ тогда въ Большой Милліонной, подлѣ дома департамента удѣловъ, находившагося въ тѣ времена въ этой улицѣ, а не на Литейной, какъ нынѣ. въ бывшемъ домѣ Пашкова, гдѣ нѣкогда было такъ-называемое „благородное“ собраніе или „чиновничій клубъ“. Едва успѣлъ слуга обо мнѣ доложить, какъ изъ кабинета выскочилъ, къ великому моему удивленію, мой пріятель Матвѣй Андреевичъ Байковъ, въ форменномъ фракѣ и во всѣхъ, по обыкновенію, регаліяхъ.

— Его превосходительство Левъ Алексѣевичъ, воскликнулъ онъ какимъ-то громкимъ шепотомъ, — очень, очень радъ вашему посѣщенію и сейчасъ васъ приметъ; а я между тѣмъ сѣзжу тутъ неподалеку, потомъ явлюсь сюда, и ужъ какъ хотите тамъ, а увезу васъ къ себѣ на борщъ и на вареники.

Дверь изъ кабинета отворилась, показался на порогѣ Левъ Алексѣевичъ, въ черномъ сюртукѣ безъ всякихъ орденовъ, и привѣтствуя меня съ улыбкою, пригласилъ войти къ нему въ кабинетъ.

Кабинетъ Льва Алексѣевича Перовскаго былъ довольно большая комната въ три окна съ темными занавѣсами и темными же сторами. Стѣнныхъ обоевъ почти не было видно; ихъ покрывали шкапы съ книгами, переплеты которыхъ блистали чрезъ зеркальныя стекла. На шкалахъ стояли въ перемежку различные глобусы, физическіе инструменты, химическія колбы и мраморныя бюсты двѣнадцати мудрецовъ древняго міра. Къ шкаламъ въ двухъ, трехъ мѣстахъ были поставлены складныя лѣсенки съ площадками. Одинъ изъ шкаловъ былъ наполненъ коллекціей предметовъ естествознанія по части зоологіи, орнитологіи, эвтомологіи и ботаники, вмѣстѣ съ нѣсколькими анатомическими препаратами. Въ одномъ углу видѣлась огромная астролябія, а рядомъ съ нею приземистая мензула. Съ правой стороны отъ двери былъ диванъ, крытый зеленымъ сафьяномъ, какъ и вся мебель, то-есть валяжныя кресла и высокоспинныя стулья. За спинкою дивана видна была часть стѣны, покрытой обоями темно-краснаго, почти кирпичнаго цвѣта, и эта вся стѣна была завѣшана географическими и

топографическими картами и планами, преимущественно изображавшими различныя мѣстности имѣній удѣльнаго вѣдомства; а въ промежуткахъ между этими картами и планами видѣлось въ золотыхъ рамахъ нѣсколько пейзажей и нѣсколько портретовъ въ овальныхъ темныхъ деревянныхъ обручахъ; портреты эти были большею частью рисованы пастельными красками, а иные писаны масляными красками. Предъ диваномъ стоялъ громадный кабинетный столъ съ ящиками внизу и на бокахъ, покрытый множествомъ книгъ, брошюръ, рукописей въ картонкахъ, департаментскихъ дѣлъ и полочекъ для писемъ. Кромѣ этого огромнаго стола, въ комнатѣ было еще нѣсколько другихъ столовъ поменьше, на которыхъ равномерно лежали бумаги, книги, брошюры, но въ отличномъ порядкѣ и симметріи. Замѣтилъ я еще два, три небольшихъ столика, развертывавшихся посредствомъ извѣстнаго механизма. Такой точно столъ находился въ гостиной Байкова и былъ сдѣланъ воспитанниками. Для полноты описанія скажу что все три окна покрыты были фарфоровыми цвѣточными горшками, въ которые вставлены были обыкновенные глиняные горшки съ великолѣпными цвѣтущими и благоухавшими гарлемскими луковичками. Независимо отъ этихъ низкорослыхъ цвѣтовъ, наполнившихъ комнату упоительнымъ ароматомъ, быть сказано въ скобкахъ, мною страстно любимымъ, промежъ этихъ горшковъ съ луковичками, стояли и большіе горшки съ музами и другими ярко-зелеными широкими листьями, по которымъ весело скользили утренніе лучи блестящаго зимняго дня, какіе въ Петербургѣ въ концѣ ноября не всегда рѣдкость. Въ недалекомъ разстояніи отъ дивана былъ мраморный, хорошо пылавшій каминъ; а надъ каминомъ огромное зеркало, отражавшее въ себя бронзоваго Фавна въ полчеловѣческаго роста, и на Фавна этого, въ видѣ перевязей съ одного и другаго плеча, были брошены два громаднѣйшихъ вѣнка изъ Земледѣльческаго Училища, столь мнѣ знакомые.

Левъ Алексѣевичъ помѣстился на диванъ и тотчасъ закурилъ свою стамбулку, съ турецкимъ превосходнымъ табакомъ, на предлинномъ тонкомъ чубукѣ розоваго дерева, оканчивавшемся дорогимъ желто-молочнымъ янтаремъ длиною въ указательный палецъ. Обдавъ меня тонкимъ облакомъ очаровательно-ароматнаго дыма, сливавшагося съ благоуханіями гіацинтовъ, онъ усадилъ меня на кресло, стоявшее около дивана, спинкою къ дверямъ и, взглянувъ на меня въ лорнетъ (онъ дома всегда былъ безъ очковъ), съ привѣтливою улыбкой спросилъ:

— Вы знатокъ въ живописи, monsieur Б.? Статья ваша въ *Сѣверной Пчелѣ* свидѣтельствуешь о вашихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ по этой части, и я боюсь за мои ландшафчики что вы здѣсь видите; вы, какъ хорошо знакомый съ законами живописи, найдете въ нихъ ужасные недостатки, что и не мудрено; это все работы одного моего добраго пріятеля, дилеттанта живописи; я ихъ храню не за ихъ художественныя достоинства, а потому что это единственное вещественное для меня о немъ воспоминаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ воспоминаніе о моей, давно улетѣвшей юности. О немъ можно бы почти то же сказать что сказалъ когда-то Малербъ о рано умершей дѣвушкѣ, — какъ бышь?...

— Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses, l'espace d'un matin. *

подсказалъ я, не забывшій еще эти стихи съ того дня когда, въ 1828 году читалъ ихъ на публичномъ экзаменѣ въ пансіонѣ барона Шадо.— Но что касается, ваше превосходительство, продолжалъ я,—до знаній моихъ въ живописи, о которыхъ вы изволите судить по техническимъ подробностямъ которыми изобилуетъ статья моя объ академической выставкѣ, то я долженъ сказать вамъ, со свойственною мнѣ еще дѣтскою откровенностью, что, подписавъ статью эту моимъ именемъ и фамиліей, я разыгралъ не совсѣмъ честную роль вороны въ лавинныхъ перьяхъ. Всѣ эти замѣтки не мои, а принадлежать одному истинному и глубокому знатоку живописи, котораго очень уважаютъ и Воробьевъ, и Килпренскій, и Брюловъ, и Егоровъ.... Но назвать его я не имѣю права.

— И не называйте, сказалъ, смѣясь, Перовскій,—не называйте, потому что я его самъ вамъ назову. Вамъ помогалъ въ этой статьѣ своими блестящими свѣдѣніями добрый мой знакомый Василій Ивановичъ Григоровичъ, который также подъ секретомъ говорилъ объ этомъ самому свѣтлѣйшему князю Петру Михайловичу, прося его хранить это втайнѣ отъ директора Академіи Алексѣя Николаевича Оленина, недовольнаго статьею вашею, потому что вы въ ней, конечно со словъ Василья Ивановича, дали слишкомъ много значенія произведеніямъ кисти одного молодого Француза, вольноприходившаго ученика

* И роза, она жила столько сколько живутъ розы: въ продолженіи лишь одного утра.

Академіи и протежируемаго свѣтлѣйшимъ, потому что этотъ бѣдный молодой человѣкъ сынъ какого-то французскаго эмигранта, чѣмъ-то когда-то послужившаго князю. Но князь вашею статьею объ Академіи очень доволенъ, отчасти, вѣроятно, по этой самой причинѣ; послѣдняя же ваша статья о нашемъ училищѣ доставила его свѣтлости премного удовольствія, которое онъ выразить изволилъ въ весьма одобрительныхъ словахъ вчера на какомъ-то завтракѣ у архитектора Монферрана, гдѣ былъ вашъ литературный патронъ Грець.

— Лестный отзывъ вашего превосходительства о моей статьѣ, заговорилъ я,—выраженный вами въ томъ письмѣ какимъ вы меня вчера удостоили и есть причина моего появленія теперь у васъ. Я вмѣняю себѣ въ обязанность принести вашему превосходительству мою, за это вниманіе, искреннѣйшую признательность. И при этомъ, вставъ, я сдѣлалъ поклонъ; но Левъ Алексѣвичъ быстро потянулъ меня за рукавъ и снова усадилъ, сказавъ:

— Я очень радъ съ вами поближе познакомиться. Мнѣ сестра моя Марья Алексѣвна о васъ много хорошаго говорила; а Байковъ просто влюбленъ въ васъ, и то-и-дѣло что говорить мнѣ что самъ Богъ подвигнулъ васъ на мысль заняться Удѣльнымъ Земледѣльческимъ Училищемъ. Къ тому же я имѣю къ вамъ одну очень нескромную просьбу, результатомъ которой можетъ быть отнятіе у васъ нѣсколькихъ десятковъ часовъ отъ вашихъ занятій для тѣхъ которыя, я знаю, безъ васъ пойти не могутъ, хотя они очень скучны. Но что же-дѣлать: *Tu l'as voulu George Dandin! Tu l'as voulu!* *

— Не понимаю, ваше превосходительство, что бы это могло быть такое, въ чемъ мое участіе можетъ играть такую значительную роль. Я просто теряюсь въ недоумѣніи! воскликнулъ я, поистинѣ нѣсколько смущенный, потому что улыбка Льва Алексѣвича была отчасти благосклонна, отчасти немножко сардонична.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Левъ Алексѣвичъ, — что на дняхъ министръ двора и удѣловъ долженъ представить государю императору свой всеподданнѣйшій отчетъ по удѣльному

* „Ты самъ того хотѣлъ, Жоржъ Данденъ!“ (Изъ Мольерової комедіи.) Нѣкоторыя Мольеровскія фразы имѣютъ у Франгузовъ тѣ же права гражданства въ разговорномъ языкѣ какъ у насъ фразы Грибоѣдова.

вѣдомству. Отчетъ этотъ готовъ въ окончательномъ проектѣ. Онъ составленъ начальниками отдѣленій удѣльнаго департамента, каждымъ по своей части, и составленъ правильно и вѣрно. Сводъ сдѣланъ моимъ личнымъ секретаремъ, человекомъ дѣловымъ и добросовѣстнымъ. Но мнѣ какъ-то не нравится редакція, изложеніе; нѣкоторые обороты какъ-то слишкомъ канцелярски, иныя фразы какъ-то длинны. Мнѣ, мой милый господинъ Б., нравится ваше перо, почему я непременно хочу прочесть весь этотъ отчетъ, въ какихъ-нибудь двадцать печатныхъ страницъ, ни съ кѣмъ какъ съ вами. И поэтому-то я намѣренъ украсть у васъ нѣсколько часовъ вашего свободнаго времени, со вторника будущей недѣли, то-есть съ послѣзавтра. Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, ежели мнѣ въ этомъ не откажете и пожалуете ко мнѣ на первый сеансъ послѣ завтра въ семь часовъ вечера (поутрамъ ни я, ни вы не свободны). Мы займемся часовъ до одиннадцати или до двѣнадцати: вы будете медленно читать пунктъ за пунктомъ, я буду слушать и критиковать тѣ мѣста которыя мнѣ не понравятся, и мы вмѣстѣ, знаете: „умъ хорошъ, а два лучше того“, проанализируемъ всѣ пункты и добьемся до того что нашъ отчетъ за 1834 годъ будетъ съ литературнымъ отлѣкомъ, который рѣшительно неизвѣстенъ моимъ почтеннымъ, очень впрочемъ дѣловымъ, чиновникамъ. Такихъ вечеровъ со вторника до слѣдующаго воскресенья мы проведемъ съ вами пять; болѣе нельзя, потому что время не терпитъ.

Сконфуженный и съ тѣмъ вмѣстѣ польщенный предложеніемъ, я сталъ было отзываться тѣмъ что я далеко не большой филологъ и грамматикъ и что бѣлая часть моихъ статей проходить чрезъ просмотръ Николая Ивановича Греча; но Перовскій былъ неумолимъ и сказалъ рѣшительно, съ лицомъ принявшимъ видъ нѣсколько строгій и даже суровый, что отказъ мой онъ приметъ за нежеланіе продолжать съ нимъ знакомство. Само собою разумѣется что послѣ этого мнѣ ничего болѣе не оставалось какъ сказать все то что въ этихъ случаяхъ учтивость, скромность и приличіе велятъ говорить.

— *C'est donc une affaire baclée*, * быстро проговорилъ Левъ Алексѣевичъ, пожавъ мнѣ руку.—А вотъ кромѣ этого, продолжалъ онъ, вынимая какую-то тетрадь изъ ящика своего стола, по пословицѣ русской: „кормилъ до бороды, покорми жь до

* Это дѣло рѣшенное.

усовъ“, хочу имѣть къ вамъ другое притязаніе. Я, вы видите, страшный деспотъ съ тѣми кого люблю. Байковъ en sait quelque chose. Тетрадь эта заключаетъ въ себѣ вѣрный, правильный, но страшно не только не литературный, но и неудобопечатаемый переводъ съ языковъ англійскаго и нѣмецкаго, сдѣланный однимъ изъ переводчиковъ канцеляріи министра двора изъ нѣмецкихъ и англійскихъ брошюръ о породахъ крупнаго и мелкаго рогатаго скота тѣхъ иностранныхъ породъ какими мы хотимъ укомплектовать нашу ферму. Я прошу васъ взять эту тетрадь, какъ видите, четко и даже каллиграфически переписанную и снабженную широкими полями; потрудитесь прочитать все въ ней заключающееся и безъ всякихъ снисхожденій и церемоній перемарать все изложеніе, замѣнивъ многое вашими словами и выраженіями. Тутъ не мало и техники скотоводственной, съ которою переводчикъ былъ вовсе, какъ увидите, незнакомъ, вамъ же это посподручнѣе: я видѣлъ нѣкоторыя ваши статьи въ *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній*, да и къ тому же вамъ въ этомъ непремѣнно поможетъ Матвѣй Андреевичъ, великій хозяйственный терминологъ. Да вотъ и онъ самъ, легкокъ на поминѣ.

Дѣйствительно въ эту минуту входилъ неслышимо Байковъ, лохихикивая слегка и подбѣгая по лушистымъ коврамъ, которыми устланъ былъ паркетъ кабинета. Левъ Алексѣевичъ объяснилъ Байкову въ чемъ дѣло, повидимому, только проформы ради, и Матвѣй Андреевичъ сказалъ радостно:

— Сегодня же, ваше превосходительство, мы съ милѣйшимъ моимъ гостемъ займемся этимъ у меня, потому что я этого моего гостя сейчасъ отъ васъ лохищаю въ наше Земледѣльческое, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ борщи и вареники; у васъ же, ваше превосходительство, въ пріемной ожидаетъ позволенія къ вамъ войти адъютантъ его превосходительства Василья Алексѣевича, который съ полчаса какъ прибылъ изъ Оренбурга и непремѣнно желаетъ съ вами видѣться, самъ же страхъ какъ усталъ съ дороги.

Когда мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ прибыли въ „Земледѣльческое“, то прежде всего занялись борщомъ, жаренымъ отлоеннымъ барашкомъ съ салатомъ изъ вишенъ, превосходными варениками, перелечю съ густыми сливками, заливая все это дивными самодѣльными наливками, въ приготовленіи которыхъ отличалась сестра Байкова, Дарья Андреевна, превосходная домоводка. Прежде чѣмъ выйти изъ-за

стола, Матвѣй Андреевичъ распорядился подачею бутылки розоватаго кремана, которая была роспита исключительно за мое здоровье, какъ описателя Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, долженствующаго теперь прогремѣть на всю Россію. Въ это самое время явилась неизбежная въ подобныхъ обстоятельствахъ, само собою разумѣется, искусственно подготовленная депутація отъ всѣхъ воспитанниковъ или „мальчиковъ“, какъ ихъ называлъ всегда Байковъ. Депутація эта принесла мнѣ громаднѣйшій вѣнокъ изъ всѣхъ растений какія только разводились на училищной землѣ и привѣтствовала меня рѣчью сочиненною якобы всѣми воспитанниками, но въ сущности принадлежавшею перу самого директора. Часовъ въ шесть вечера, однако, мы съ Байковымъ удалились въ его кабинетъ, куда онъ велѣлъ принести намъ и чай, такъ какъ, говорилъ онъ, намъ нужно было позаняться. Занятіе это должно было состоять въ прочтеніи вмѣстѣ съ нимъ извѣстнаго перевода записки о тѣхъ скотоводственныхъ иностранныхъ породахъ какими предполагалось усовершенствовать, посредствомъ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, породу мяснаго и молочнаго скота въ Россіи. Исправлять тутъ же переводъ въ смыслѣ грамматическомъ и литературномъ было затруднительно, по множеству неправильностей въ немъ блестящихъ, почему и рѣшено было что я тетрадь эту возьму съ собою въ городъ, а когда совсѣмъ исправлю синими или красными чернилами, то доставлю къ нему, Байкову; онъ же дополнитъ еще нѣсколькими своими техническими замѣтками и дастъ своимъ училищнымъ каллиграфамъ для перебѣлки. Въ перебѣленномъ же видѣ я долженъ былъ представить рукопись, заключающую листовъ 20, съ новою редакціей, Льву Алексѣевичу, приложивъ впрочемъ и продолговатую тетрадь перевода съ моими исправками. Впрочемъ, переписываемая тетрадь, мы успѣли включить въ нее нѣсколько чисто техническихъ поправокъ, присовѣтованныхъ мнѣ Байковымъ, знавшимъ въ превосходствѣ хозяйственную терминологию. Такихъ случаевъ, въ теченіи моего многолѣтняго съ Байковымъ знакомства, были тысячи. Во время нашихъ письменныхъ занятій, — Байковъ вдругъ замѣтилъ что я, будучи его интимнымъ гостемъ, остался въ томъ же модномъ щегольскомъ темно-коричневомъ фракѣ съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ, въ какомъ былъ съ визитомъ у Перовскаго поутру, почему тотчасъ, со свойственною ему живостью и находчивостью,

онъ предложилъ мнѣ облачиться въ болѣе покойный и нецеремонный костюмъ.

— Да вотъ кстати, воскликнулъ онъ, — вотъ на этомъ стулѣ лежать три пробныхъ, на три роста, полукафтаны изъ верблюжины. Примѣрьте которое вамъ будетъ ладно, и надѣньте, да и ужь всегда когда у насъ будете, надѣвайте это полукафтанье вмѣсто всякаго архалука.

Я дѣйствительно примѣрилъ эти платья, и полукафтанье сшитое на средній ростъ пришлось мнѣ какъ нельзя болѣе въ пору и оказалось очень удобно для домашняго нецеремоннаго обихода. Этотъ какъ бы архалукъ изъ темно-желтой верблюжины служилъ мнѣ въ послѣдствіи много лѣтъ какъ плафрокъ. Байковъ распорядился чтобы на подкладкѣ этой одежды въ приличномъ мѣстѣ были вышиты краснымъ гарусомъ слова: „Удѣльное Земледѣльческое училище В. П. Б.—ву въ знакъ памяти, 28 ноября 1834 года“.

Какъ всегда, въ девять часовъ вечера явились въ кабинетъ Байкова къ докладу обычные посѣтители, каждый по одиночкѣ, начиная съ дежурнаго на слѣдующій день сотскаго, за которымъ вошелъ въ своемъ форменномъ гражданскомъ сюртукѣ изъ толстаго сукна съ свѣтло-зеленымъ бархатнымъ воротникомъ и въ высокихъ салогахъ училищной работы экономъ—полицеймейстеръ Малаховъ, а послѣ него всѣ смотрители, учителя и сотскій этого дня для полученія инструкцій отъ директора на ночное дежурство. Когда окончилась эта обычная церемонія,—Байковъ, по заведенному порядку, заглянувъ въ дежурную, заперъ ту массивную дубовую дверь которая отдѣляла кабинетъ отъ дежурной, и мы съ нимъ, свободные отъ всякихъ посѣщеній, расположились на покой, чтобы побесѣдовать безъ помѣхъ до минуты когда захотимъ предаться сну. На этотъ разъ Матвѣй Андреевичъ преимущественно велъ бесѣду со мною о томъ что я понравился Льву Алексѣевичу, который узнавъ что я ни за что на свѣтѣ не желаю и не нахожу возможнымъ за статью въ *Пчелѣ* взять то вознагражденіе какое мнѣ было предлагаемо, замѣтилъ: „Однако, молодой человекъ съ амбіціей и съ чувствомъ собственнаго достоинства! Но мы найдемъ возможность заставить его взять то что разъ нами ему назначено“.

— Какимъ же это образомъ, спросилъ я,—его превосходительство хочетъ меня заставить сдѣлать это?

— Очень простымъ, отвѣчалъ Байковъ, — очень простымъ!

За вашу работу, вамъ порученную его превосходительствомъ, вы не можете, не обидѣвъ его превосходительства, отказаться отъ слѣдующаго вамъ по разчету, имъ предположенному, гонораря, какъ бы вы взяли отъ всякаго книгопродавца.

— Какая же это работа, Матвѣй Андреевичъ? наивно спрашивалъ я.

— Какъ какая? А эта тетрадь съ правильнымъ, но очень плохо редактированнымъ переводомъ съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ, которую вамъ приходится обрусить. Да еще тѣ нѣсколько вечеровъ что вы будете вмѣстѣ съ его превосходительствомъ читать отчетъ и очищать его изложеніе отъ канцелярскаго слога. Развѣ все это можетъ быть сдѣлано даромъ?

— Но, почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ, вся эта тетрадь, во первыхъ, очень не велика, а во вторыхъ, переводъ далеко не такъ дурень, чтобы требовалъ множества исправленій. Что же касается до нѣсколькихъ вечеровъ проведенныхъ мною, мальчикомъ почти, съ такимъ умнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ вашъ начальникъ, Левъ Алексѣевичъ, то для меня это будетъ такъ лестно и такъ пріятно что, право, мнѣ крайне совѣстно было бы за этого рода занятіе получить вознагражденіе матеріальное.

— Ну ужъ какъ хотите, засмѣялся Байковъ, уходя за свои ширмы, чтобы лечь въ постель,—а все-таки, какъ только все это у васъ съ Львомъ Алексѣевичемъ кончится, къ вамъ пріѣдетъ курьеръ съ пакетомъ и росписною книгою; вы потрудитесь принять первый, сосчитать заключающіеся въ немъ шесть сотенныхъ бумажекъ и росписаться въ книгѣ: „пакетъ де за номеромъ такимъ-то получилъ такой-то“, и баста!... Теперь же и вамъ, и мнѣ пора бай-бай, утро вечера мудренѣе. Спокойной ночи, безцѣнный В. П. За симъ онъ погасилъ свою свѣчу, и комната осталась въ полумракѣ, освѣщенная лишь лампадою, горѣвшею у образа въ углу кабинета.

На другое утро я довольно рано пріѣхалъ къ себѣ домой въ Фурштадтскую, переодѣлся въ департаментскую форму и, какъ водилось, отправился въ департаментъ внешней торговли, гдѣ я опять, попрежнему, сидѣлъ около столоначальника П., такъ какъ моя роль калифа на часъ, по исправленію должности столоначальника, миновала за возвращеніемъ настоящаго столоначальника, сократившаго свой отлускъ, кажется,

двумя сутками, изъ опасенія лишиться мѣста. Часу въ четвертомъ влетѣлъ въ нашу крайнюю комнату одинъ изъ постоянныхъ дежурныхъ при директорѣ, и объявилъ мнѣ что его превосходительство Дмитрій Гавриловичъ зоветъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Здравствуйте Б., сказалъ мнѣ Дмитрій Гавриловичъ, когда я вошелъ въ кабинетъ и раскланялся молча его превосходительству.—Откуда это вы набрались свѣдѣній по агрономіи? Статья ваша объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ имѣла фуроръ. Я прочелъ ее самъ послѣ того что мой братъ Илья Гавриловичъ * разказалъ мнѣ какъ великій князь Михаилъ Павловичъ рекомендовалъ ее всѣмъ директорамъ военно-учебныхъ заведеній. Любопытно бы мнѣ только было знать точно ли все то правда что тамъ въ статьѣ этой такъ заманчиво разказано?

— Пользуясь нѣсколькими свободными отъ службы днями, ваше превосходительство, сказалъ я съ нѣкоторою сухостью,—я на мѣстѣ изучилъ лично во всѣхъ подробностяхъ это истинно образцовое заведеніе и, какъ умѣлъ, такъ сдѣлалъ вѣрный его портретъ. Въ статьѣ этой нѣтъ ни слова лжи, которая, какъ извѣстно вашему превосходительству, мнѣ нисколько не свойственна.

— Знаю, знаю, улыбался Бибиковъ, глядя свои котлетообразныя густыя бакенбарды, знаю что вы не любите лгать, хотя и увѣрили очень ловко вашихъ знакомыхъ Франдуженокъ что вы remplissez les fonctions de chef du bureau. **

— Въ то время, когда это говорилось, объяснялъ я съ видомъ оскорбленнаго самолюбія,—это была чистѣйшая правда, ваше превосходительство, потому что дѣйствительно je remplissais les fonctions (исправлялъ должность). Но ежели бы рѣчь объ этомъ завелась теперь, то я долженъ буду сказать и ту правду что занятіе это было временное.

— Нѣтъ, нѣтъ, засмѣялся Бибиковъ,—я начальственно рекомендую вамъ продолжать эту роль столоначальника во мнѣніи этихъ милыхъ вашихъ Парижанокъ-покровительницъ; какимъ,

* Въ то время въ чинѣ генераль-майора состоялъ при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а въ послѣдствіи былъ генераль-губернаторомъ нѣсколькихъ губерній сѣверо-западнаго края.

** Исполняете обязанности столоначальника.

впрочемъ, скоро, надѣюсь, и будете, потому что, какъ я уже вамъ, кажется, говорилъ, мѣсто Баркова въ консульскомъ столѣ перваго отдѣленія, у князя Львова, будетъ свободно, и оно будетъ вашимъ, тѣмъ болѣе что князь Львовъ, который въ роднѣ съ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, повидимому, очень любезно расположенъ къ вамъ. Вы гдѣ-то съ нимъ встрѣчались въ обществѣ?

— У его родни, Марьи Алексѣевны Крыжановской, ваше превосходительство, отвѣчалъ я.

— Ежели вы, продолжалъ Бибиковъ, улыбаясь, — вѣрно и справедливо описали Удѣльное Земледѣльческое Училище, эту государственную миллионную бирюльку, — то вы заслуживаете названіе Тацита этого образцоваго заведенія. Честь вамъ и слава, господинъ Тацитъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища! Но за симъ je vous souhaite le bonjour monsieur le Tacite et collaborateur de *l'Abeille du Nord* *.

Такимъ насмѣшливымъ своимъ выходкамъ Бибиковъ любилъ подвергать подчиненныхъ ему молодыхъ людей, въ которыхъ онъ замѣчалъ стремленіе къ самостоятельности. Этого рода шутки Дмитрія Гавриловича всегда дѣйствовали на меня непріятнымъ образомъ и оставляли во мнѣ тяжелое впечатлѣніе, заставлявшее меня желать какъ можно скорѣе избавиться отъ чести служить подъ его начальствомъ.

Во вторникъ вечеромъ, какъ было назначено Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, — я отправился къ нему на первый сеансъ. Меня тотчасъ ввели въ его кабинетъ, гдѣ я его нашелъ одѣтымъ въ темный шелковый шлафрокъ. Онъ принялъ меня очень любезно и тотчасъ пригласилъ читать ему вслухъ статьи отчета за 1834 годъ. Я читалъ медленно, внимательно; а онъ часто останавливалъ меня, находя то то, то другое выраженіе не довольно литературнымъ. Мнѣ приводилось придумывать различныя выраженія, для замѣны тѣхъ которыя онъ забраковывалъ, или, напротивъ, иногда доказывать что такое-то слово въ данномъ случаѣ не замѣнимо. При этомъ развивался разговоръ, свидѣтельствовавшій о тѣхъ обширныхъ свѣдѣніяхъ какими владѣлъ Левъ Алексѣевичъ, какъ относительно русскаго языка и русской грамматики, такъ вообще многихъ наукъ. Однако я не могъ не замѣтить что все это

* Прощайте господинъ Тацитъ, сотрудникъ *Сверной Пчелы*.

занятіе со мною было ни болѣе, ни менѣе какъ одна лишь комедія для претекста дать мнѣ довольно лестный случай работать съ нимъ въ его кабинетѣ; потому что я читалъ по одной тетради, между тѣмъ какъ другая, совершенно исправленная и очищенная уже, лежала предъ нимъ, и онъ въ нее постоянно заглядывалъ. Работа наша, отъ времени до времени, приостанавливалась, и тогда Левъ Алексѣевичъ или дѣлалъ мнѣ совершенно посторонніе вопросы, къ дѣлу вовсе не относившіеся, или, по поводу какого-нибудь факта отчета, разказывалъ подробности этого факта. Разговоръ его былъ полонъ интересныхъ свѣдѣній, которыя врѣзывались въ мою молодую любознательную память, такъ что когда я явился къ нему на слѣдующій вечеръ, то, пользуясь антрактомъ, во время довольно продолжительнаго чаепитія съ множествомъ разнообразныхъ и вкусныхъ леченій,—я вынулъ изъ кармана мою сафьянную агенду и прочелъ ему все то что онъ имѣлъ любезность мнѣ наканунѣ разказывать объ устройствѣ быта различныхъ удѣльныхъ крестьянъ и, между прочимъ, о нравахъ и обычаяхъ такихъ инородцевъ каковы Мордва, Чуваши и Черемисы, какихъ много между удѣльными крестьянами. Такая моя внимательность, казалось, очень ему понравилась, и онъ какъ бы въ награду мнѣ въ этотъ разъ былъ еще говорливѣе, сообщивъ, между прочимъ, различныя свои замѣчанія о раскольникахъ вообще и о молоканахъ Саратовской губерніи въ особенности. О послѣднихъ онъ относился съ видимымъ къ нимъ расположеніемъ и снисходительностью.

— Эти люди, говорилъ мнѣ Левъ Алексѣевичъ, — отвергаютъ иконы и ектинью съ моленіемъ о властяхъ, правда; но они выкупаютъ заблужденія своей секты, имѣющей много общаго съ англійскою сектою квакеровъ, различными семейными, обще-человѣческими и гражданскими добродѣтелями. Они трезвы до ледантизма, нравственны, прекрасныя семьяне, отличные, трудолюбивые хозяева, крѣпки въ данномъ словѣ, дружбу соблюдаютъ свято, составляютъ тѣсное братство, любятъ помогать честной бѣдности и не допускаютъ одинъ другаго до разоренія. Я посѣщалъ ихъ инкогнито и вынесъ изъ этихъ моихъ посѣщеній самыя утѣшительныя воспоминанія. Во всемъ удѣлѣ не найдется лучшихъ плательщиковъ всѣхъ податей и исполнителей всѣхъ гражданскихъ и общественныхъ обязанностей,

служба съ тѣмъ вмѣстѣ всѣмъ окрестнымъ православнымъ крестьянамъ примѣромъ честности и трезвости. Ни побои, ни ругательныя слова имъ не извѣстны и ни въ какихъ случаяхъ ими не употребляются. Отъ воинской натуральной повинности они откупаются деньгами, считая, по своимъ правиламъ, военное ремесло однимъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ. Мѣстное духовенство къ нимъ, разумѣется, не благоволитъ; но я призывалъ къ себѣ всѣхъ окрестныхъ удѣльныхъ священниковъ и просилъ ихъ оставлять молоканъ въ покоѣ, стараясь, со временемъ, мѣрами кротости и пріязни, а отнюдь не гоненія и раздраженія, сблизить ихъ съ православіемъ.*

— Какъ жаль, ваше превосходительство, сказалъ я, — молокане, конечно, ни за что на свѣтѣ не согласятся отдавать сыновей своихъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище!

— На счетъ этого, замѣтилъ Левъ Алексѣевичъ, — у меня въ головѣ проектъ, для исполненія котораго нужно, конечно, время. Подлѣ нѣкоторыхъ молоканскихъ селеній нашего удѣльнаго вѣдомства поселены гернгутеры-колонисты. Одинаковость возрѣвнѣй сблизила ихъ, и они живутъ между собою очень дружно. Наши молокане-земледѣльцы позаимствовали у гернгутеровъ много такихъ хозяйственныхъ подробностей которыя на практикѣ оказались очень полезными въ ихъ быту. Вообще молокане необыкновенно ладки ко всѣмъ усовершенствованіямъ въ дѣлѣ земледѣльчестванія и сельской промышленности; они въ особенности большіе охотники до хорошихъ домашнихъ животныхъ и щеголяютъ ими. У гернгутеровъ превосходный рогатый скотъ, тонкорунныя овцы, отличныя рабочія лошади; но когда межа въ межу съ молоканскою деревнею вдругъ вырастетъ образцовая усадьба съ нашими избраннѣйшими и наилучшими лѣткою, шестью воспитанниками-хозяевами, у которыхъ будутъ и коровы, и волы, и лошади, и овцы превосходнѣе даже тѣхъ что у колонистовъ, то это непремѣнно при-

* Это привелось мнѣ слышать за 37 лѣтъ предъ симъ изъ устъ одного изъ государственныхъ мужей того времени, который въ послѣдствіи, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, преслѣдуя, сколько извѣстно, правительственныя дѣла относительно другихъ раскольниковъ сектъ, сохранилъ расположеніе свое къ молоканамъ, изъ которыхъ многіе, въ теченіе времени, приняли православіе.

влечетъ сосѣдей-молоканъ къ молодымъ православнымъ фермерамъ, и произойдетъ на этомъ рубежѣ то сближеніе которое не вдругъ, а со временемъ сдѣлаетъ свое дѣло сліянія и уничтоженія ереси, съ сохраненіемъ началъ нравственности. Я мечтаю что лѣтъ черезъ десять отъ сегодняшняго дня, въ молочно-канскихъ деревняхъ будетъ нѣсколько такихъ домовъ которые, посредствомъ браковъ, соединятся съ нашими усадьбниками, и это послужитъ могучимъ ядромъ окончательнаго сліянія сектаторовъ съ православными. И тогда, нѣтъ сомнѣнія, хозяева-молокане, довольные своими зятями,—не затруднятся высылать сыновей своихъ учиться правиламъ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства въ столь любимое вами и такъ подробно вами описанное наше Удѣльное Земледѣльческое Училище.*

— О! воскликнулъ я съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ, заставившимъ Льва Алексѣевича даже слегка засмѣяться,—какъ бы счастливъ я былъ, ваше превосходительство, ежелибы мнѣ привелось хоть сколько-нибудь участвовать въ осуществленіи этого превосходнаго проекта.

— Ничего нѣтъ легче, замѣтилъ съ искусственно серіознымъ видомъ Левъ Алексѣевичъ.—Для этого примите у насъ службу помощника управляющаго Саратовской удѣльной конторы, и тогда я распоряжусь такъ чтобы главный пунктъ вашей служебной дѣятельности былъ въ центрѣ молочанскаго района.

Выразивъ мою благодарность за это вниманіе, я объяснилъ Льву Алексѣевичу невозможность, въ какую я поставленъ семейными обстоятельствами, оставить Петербургъ.—Въ слѣдующій и всѣ послѣдующіе до воскресенья вечера занятія мои съ Львомъ Алексѣевичемъ продолжались такъ какъ начались. Въ субботу все было окончено согласно желанію Перовскаго: отчетъ былъ редактированъ такъ какъ ему именно хотѣлось, хотя, правду сказать, моихъ личныхъ исправленій тутъ было много-много три или четыре, и затѣмъ перебѣленная въ училищѣ у Байкова тетрадь перевода была вручена его превосходительству, который сказалъ мнѣ на прощаньи нѣсколь-

* Сколько мнѣ извѣстно, мечта Льва Алексѣевича осталась мечтою, преимущественно потому что онъ не могъ найти исполнителей для ея осуществленія между своими подчиненными удѣльными чиновниками.

ко очень любезныхъ словъ, съ приглашеніемъ всегда, когда мнѣ нечего дѣлать лучшаго, заходить къ нему въ свободные вечерніе часы для бесѣды. Любезнымъ приглашеніемъ этимъ я не воспользовался однако, будучи убѣжденъ что оно сдѣлано чисто изъ вѣжливости, а ежелибы я, чего добраго, вздумалъ принять слова эти въ буквальномъ ихъ смыслѣ и явился бы къ его превосходительству въ одинъ прекрасный вечеръ, такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, то онъ, конечно, возымѣлъ бы преложное понятіе о моемъ свѣтскомъ воспитаніи.

XVII.

Какъ предсказывалъ Байковъ, такъ и случилось: въ воскресенье, довольно рано поутру, часовъ въ девять, ко мнѣ прискакалъ на парѣ въ казенныхъ лошевняхъ курьеръ департамента удѣловъ съ запечатаннымъ и надписаннымъ на мое имя пакетомъ, въ которомъ я дѣйствительно нашелъ шесть сторублевыхъ бумажекъ, съ короткимъ собственноручнымъ письмомъ Льва Алексѣевича, который, ласково благодаря меня за успѣшное исполненіе порученныхъ имъ мнѣ двухъ письменныхъ работъ, просилъ принять за каждую ничтожное вознагражденіе, какъ значилось въ письмѣ, по 300 р.—Я хотѣлъ было, по отъѣздѣ курьера, отправиться къ Л. А. Перовскому чтобы благодарить его; но въ это самое время на дворъ мой вкатилъ обыкновенный казенный возница изъ Земледѣльческаго Училища съ цыдулкою отъ Байкова, приглашавшею меня сѣсть въ присланныя имъ за мною темно-зеленыя чухонскія санки, запряженныя парочкой косматыхъ обвенокъ, и ѣхать къ нему, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ много интереснаго мнѣ разказать.

То интересное чтò имѣлъ Байковъ мнѣ разказать состояло въ томъ, что наканунѣ, то-есть въ субботу, заведеніе было посѣщено извѣстнымъ и значительнымъ уже и тогда дежурнымъ генераломъ и начальникомъ всего управленія военныхъ поселеній генералъ-адъютантомъ Петромъ Андреевичемъ Клейнмихелемъ, который осматривалъ училище, со всѣми его принадлежностями, присутствовалъ при пробномъ экзаменѣ

во всѣхъ предметахъ преподаванія, задавалъ различные вопросы воспитанникамъ и получалъ отъ нихъ изумительные отвѣты. Само собою разумѣется что угощеніе завтракомъ въ сельскомъ домикѣ, маневръ примѣрнаго пожара, пѣніе гимновъ и русскихъ пѣсень были сильно пущены въ ходъ. Все это видимо нравилось Клейнмихелю; но онъ пришелъ просто въ неописанный восторгъ, когда въ его присутствіи въ кузницѣ воспитанники сработали нѣсколько подковъ и топоровъ; въ столарной нѣсколько человѣкъ, при немъ, изъ простаго куска дерева смастерили табуретъ; въ сапожной сшита была въ нѣсколько рукъ пара салогъ крестьянскихъ, уже подготовленныхъ; на токарномъ станкѣ выточенъ былъ стаканъ, и все это было съ приличными привѣтствіями поднесено его превосходительству на память посѣщенія имъ училища. Прощаясь съ Байковымъ, чутьемъ своимъ умѣвшимъ уразумѣть что Клейнмихель далеко, очень далеко пойдеть и будетъ вѣрять многимъ,—Петръ Андреевичъ облобызалъ Матвѣя Андреевича многократно и сказалъ ему: „Ну, господинъ директоръ, скажу вамъ откровенно: видалъ-таки я на своемъ вѣку чудеса подъ начальствомъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; но вы просто за поясъ заткнули наши военные поселенія съ тѣмъ что вы успѣли сдѣлать въ какой-нибудь одинъ годъ здѣсь. Боже мой! Какъ бы весь этотъ порядокъ порадовалъ графа Алексѣя Андреевича, ежели бы онъ могъ все это видѣть! Но онъ въ Петербургъ изъ своего Грузина не ѣдетъ. Я, просто, не нахожу словъ чтобы достойно благодарить васъ.“

Затѣмъ Клейнмихель съ трудомъ помѣстился въ своемъ возкѣ, гдѣ нашелъ кромѣ обычной корзины съ молочными скопами и съ хлѣбами, топоръ, двѣ пары подковъ, деревянный табуретъ, такой же стаканъ и пару мужицкихъ салоговъ *au naturel*, еще не вычерненныхъ. Казалось, что самые великолѣпные царскіе подарки не такъ бы его восхитили, какъ эти простыя деревенскія вещи, издѣлія воспитанниковъ-крестьянъ, изготовившихъ ихъ въ его присутствіи.

Въ теченіи дня отъ Льва Алексѣевича получено было Матвѣемъ Андреевичемъ письмо, извѣщавшее его о томъ что пріемъ сдѣланный имъ Клейнмихелю произвелъ въ послѣднемъ, хотя и далеко не экспансивномъ и откровенномъ человѣкѣ, такое неподдѣльное удовольствіе, что онъ въ тотъ же вечеръ, встрѣтивъ свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича на вечерѣ

у военнаго министра, графа Александра Ивановича Чернышева, сдѣлалъ видъ что кланяется ему въ ноги, за то что онъ создалъ такое заведеніе, каково Удѣльное Земледѣльческое Училище, и умѣлъ найти такого человѣка, каковъ этотъ волшебникъ Байковъ. — „За Байкова я спасибо Перовскому: онъ его откопалъ“, сказалъ князь. Потомъ Клейнмихель сталъ описывать чудеса Земледѣльческаго Училища, обратясь уже къ самому графу Чернышеву и ко всемъ бывшимъ тутъ генераль-адъютантамъ, повторяя: „Наши военныя поселенія и въ подметки сюда не годятся: въ годъ тамъ сдѣлано сравнительно больше чѣмъ у насъ во все наши 18 лѣтъ. Главное въ томъ что у насъ люди—машины, автоматы; а здѣсь все распривеселыя живчики, которые все эти чудеса творятъ какъ будто съ такою охотою и съ такимъ удовольствіемъ!“ Кончая письмо, Перовскій рекомендовалъ Байкову пріѣхать къ нему завтра поутру въ 8 часовъ лично и непременно разказать ему все самымъ подробнымъ образомъ о пріемѣ сдѣланномъ Клейнмихелемъ, а также, чтобы самъ привезъ и горячіе бублики къ чаю. Въ постъ-скриптумъ онъ говорилъ еще, чтобы, ежели Байковъ увидитъ меня, то предупредилъ бы что Левъ Алексѣвичъ будетъ просто сердиться, ежели Б. разлетится къ нему съ благодарностями за тотъ „пустякъ“ который ему сегодня былъ посланъ.

Какъ ни уклонялся Левъ Алексѣвичъ отъ выраженія мною изустно моеѣ признательности, я все-таки нашелъ невозможнымъ чтобы это прошло совершенно безслѣдно, почему у Матвѣя Андреевича въ его кабинетѣ написалъ проектъ благодарственнаго, краткаго, но довольно сильнаго и крайне вѣжливаго письма, который и показалъ Байкову, какъ человѣку глубоко знавшему всю суть чувствъ и мнѣній своего начальника. Байковъ, посовѣтовавъ измѣнить два, три слишкомъ комплиментныя выраженія, одобрилъ проектъ письма. Я переписалъ его тутъ же, и залечатанное въ конвертъ письмо это Матвѣй Андреевичъ взялся представить завтра лично его превосходительству. А затѣмъ, когда мы съ гостепріимнымъ хозяиномъ расположились на покой въ его кабинетѣ, Матвѣй Андреевичъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ предложеніемъ:

— Мнѣ, В. П., хотѣлось бы войти съ вами въ одно дѣло, исполненіе котораго, я думаю, вамъ не будетъ слишкомъ трудно; а между тѣмъ оно и вамъ принесетъ существенную и вещественную пользу, да и нашему училищу будетъ отъ него хорошо

Проектъ мой состоитъ въ томъ чтобы вы придумали канву „простонароднаго романа“, въ которомъ было бы помѣщикье село, управляемое умнымъ старостой; у старосты этого дочка, за которую, какъ за богатую невѣсту, сватается какой-нибудь ловкій мѣщанинъ, парень также богатый, но отецъ предпочитаетъ этому франту бѣднаго сироту, сына бывшаго господскаго слуги, убитаго въ сраженіи, въ то время какъ непріятель хотѣлъ зарубить барина. Благодарный баринъ, выслужась на войнѣ, упросилъ государя, какъ милости, принять этого сироту въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ парень всему отлично выучился, и баринъ далъ ему у себя въ селѣ образцовую усадьбу. Старостина дочь ему приглянулась, а онъ понравился дѣвушкѣ. Свадьба. А затѣмъ пойдетъ житье-бытье молодыхъ, причемъ старостина жена, баба съ предрасудками, недовольная тѣмъ что дочь не вышла за богатаго мѣщанина, который сдѣлался кушомъ и очень форсиръ, — заводитъ разные безпорядки. Отсюда рядъ случаевъ, событій, происшествій, въ которыхъ молодой усадебникъ являетъ различныя хорошія черты христіанскаго терпѣнія и твердости воли. Хозяйство его процвѣтаетъ, не взирая на всѣ прелоны и неудачи. Побѣда надъ вражьею силой, невѣжество крестьянъ и разнаго рода интриги; но вообще въ концѣ концовъ, разумѣется, торжество знанія надъ невѣжествомъ и добродѣтели надъ порокомъ, какъ быть должно. Все это надо разсвѣтить различными описаніями деревенскихъ обычаевъ и обрядовъ, прошиговать мужицкими предрасудками и глулыми лонятіями, поставивъ имъ въ параллель усовершенствованный образъ жизни крестьянина, получившаго здѣшнее образованіе, но отнюдь не идеальнаго бѣлоручки. Даю вамъ идею; а ужъ вы сами мастерите какъ знаете; ученаго учить только портить. Когда вы составите всю программу, мы ее вмѣстѣ съ вами прочтемъ и переправимъ въ ней то что переправить потребуется. А потомъ разобьемъ все на главы. Вы напишете главу, съ отгибомъ полустраницы, и пришлете или привезете сами ко мнѣ, оставивъ мнѣ дня на два. Мнѣ знакомъ лучше чѣмъ вамъ мужицкій бытъ и различныя хозяйственныя подробности. Вотъ это-то все я и буду вставлять въ каждую присланную вами мнѣ главу. Получивъ ее отъ меня обратно, вы ее обчистите, какъ тамъ знаете, и отдадите въ передѣлку, или всего лучше, сами перебѣлите и, перебѣливъ, съ готовенькою главой, при-

ѣдете къ намъ сюда на воскресенье, какъ уже это у насъ заведено. Тогда вскорѣ послѣ нашего обѣда, то-есть часа такъ въ три или четыре, освѣтивъ лампами ветеринарный театръ, гдѣ у насъ скамьи амфитеатромъ до самаго потолка, созовемъ туда ребятъ, и вы, сѣвъ на кафедрѣ, будете читать нашимъ громкимъ, яснымъ голосомъ, въ одно воскресенье одну, въ другое другую главу и такъ далѣе каждое воскресенье. Мальчикамъ, кромѣ удовольствія, это принесетъ много пользы, я увѣренъ, и они цѣлую недѣлю будутъ промежъ себя разговаривать о томъ что слышали, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать вашего пріѣзда. Они и то уже васъ любятъ, тогда же вы сдѣлаетесь ихъ величайшимъ другомъ. Ради Бога не отговаривайтесь неумѣемъ: ни я, ни Левъ Алексѣевичъ, который мнѣ и мысль эту подаль, не хотимъ объ этомъ ничего слышать, и кромѣ васъ, какъ уже хорошо сблизившагося съ нашимъ училищемъ, ни о комъ и слышать мы не хотимъ. Итакъ, это дѣло рѣшенное: въ будущее воскресенье вы привезете мнѣ всю программу по плану мною вамъ телерь высказанному, и каша заварится, расхлебавъ же ее всѣ мы: на нашу долю достанется польза и удовольствіе, на вашу трудъ и.... денежки-съ! Да-съ, потому что Левъ Алексѣевичъ рѣшилъ такъ: вы печатайте сколько хотите экземпляровъ, когда книга будетъ готова; но удѣльный департаментъ вамъ выдастъ сумму за бумагу, печать, корректуру и брошюровку 1.200 экземпляровъ, по представленному вами счету. Мы изъ 1.200 беремъ у васъ 1.000 по 2 рубля каждый экземпляръ, то-есть выдаемъ вамъ 2.000 рублей, а отъ васъ получаемъ 1.000 экземпляровъ, которые тотчасъ разсылаемъ по всѣмъ нашимъ волостямъ, обязавшись вамъ не пустить въ продажу ни единого экземпляра.

Не буду утомлять читателя разказомъ о томъ какъ я сначала отпѣкивался, какъ Байковъ энергически настаивалъ на исполненіи мною, а не кѣмъ другимъ его предложенія. Скажу только что какъ толковалъ Байковъ, такъ все и было сдѣлано, то-есть въ теченіе, кажется, двадцати недѣль я въ каждый воскресный вечеръ читалъ въ ветеринарномъ театрѣ, носившемъ свое названіе совершенно неправильно, потому что всѣ пріемы практической ветеринаріи преподавались или въ конюшняхъ и хлѣвахъ, или на открытомъ воздухѣ гдѣ-нибудь на задворкахъ, здѣсь же только находились костяки и по стѣнамъ развѣшаны были раскрашенныя изображенія различныхъ домашнихъ

животныхъ усовершенствованныхъ породъ. Чтеніе каждой главы, исправленной Байковымъ и мною перебѣленной, доставляло искреннее наслажденіе воспитанникамъ, не знакомымъ или очень мало знакомымъ съ чѣмъ-нибудь лучшимъ. Въ каждой главѣ было что-нибудь трогательное, что-нибудь назидательное, что-нибудь патетическое и даже трагическое; но непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ что-нибудь и очень смѣхотворное, разумѣется, безъ особеннаго остроумія и довольно грубоватое, что въ послѣдствіи, когда книга печаталась, при условіяхъ тогдашней уморительной цензуры, — вымарывалось красными чернилами цензора, находившаго иныя картины слишкомъ натуральными, а выраженія черезчуръ тривіальными. Но въ чтеніи безцензурномъ все это производило великолѣпный эффектъ на мою аудиторію, члены которой иногда прерывали чтеніе, то есть меня, гомерическимъ хохотомъ или одноличными восклицаніями, относительно кого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ романа, въ особенности одного Щелкоперова: „Ахъ! подлецъ! Вотъ попался бы, такъ бы рыло ему и снесъ!“ — Какъ бы то ни было, но такимъ образомъ, въ теченіе года составила книга въ 25—30 печатныхъ листовъ: *Деревенскій староста Миронъ Ивановъ*, соч. Бориса Волжсина, которой и нынче можно найти экземпляръ какъ рѣдкость.

Однако я опять забывалъ слишкомъ впередъ съ разказомъ объ этой книгѣ, которая явилась позже, но въ рукописи дѣйствительно воспріяла начало въ эту пору, и постоянно каждая ея глава подвергалась измѣненіямъ и передѣлкамъ, по прочтеніи въ воскресные и праздничные вечера воспитанникамъ, дѣлавшимъ свои замѣчанія между собою, но собираемыми тщательнѣе Байковымъ и мнѣ сообщаемыми, благодаря чему многія подробности этой книги носятъ колоритъ настоящаго крестьянскаго быта, съ крестьянскими же предразсудками, повѣрьями и обычаями. Ежели бы всѣмъ тѣмъ сырымъ матеріаломъ какой въ книгу эту вошелъ могъ воспользоваться въ то время не я, а человѣкъ съ могучимъ талантомъ Тургенева, Писемскаго или Мельникова (Печерскаго), начавшихъ подвизаться на литературномъ поприщѣ гораздо позже, то изъ книги этой вышло бы что-нибудь очень замѣчательное. Но какъ бы то ни было, книга эта, читаемая въ тѣ времена по главамъ воспитанникамъ, сильно интересовала ихъ, и всякій разъ когда я прѣвѣжалъ въ училище съ новою главой, они спрашивали меня,

до начала чтенія, о томъ что случилось съ тѣмъ или другимъ изъ дѣйствующихъ лицъ этого простонароднаго романа, фабула котораго, при всей своей простотѣ и незатѣйливости, нравилась моимъ слушателямъ, которые то смѣялись, то укладкой утирали навертывавшіяся слезы.

Кончаю съ книгой моею, пріобрѣтенною отъ меня удѣльнымъ вѣдомствомъ въ количествѣ 1.000 экземпляровъ по 2 р. ассигн. каждый, и возвращаюсь къ продолженію послѣдовательнаго хода событій, остановившагося на 7мъ декабрѣ 1834 года, когда я, пріѣхавъ изъ Земледѣльческаго дома, разумеется, опять отправился въ мой департаментъ, гдѣ въ этотъ самый день имѣлъ несовсѣмъ ласковый разговоръ съ директорскимъ угодникомъ хромымъ Бакунинымъ, которому, какъ извѣстно было, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба, его противникъ на дуэли всадилъ пулю въ ногу, вслѣдствіе чего онъ остался хромъ на всю жизнь и всегда волочилъ не сгибавшуюся какъ полѣно лѣвую ногу, быстро прыгая на правой. Онъ повстрѣчался со мною на лѣстницѣ во время расхода чиновниковъ изъ департамента, то-есть въ лятномъ часу пополудни, когда лѣстницы были уже ярко освѣщены. Бакунинъ, прыгая со ступеньки на ступеньку при помощи трости, остановился предо мной на одной площадкѣ, гдѣ столпилось человѣкъ десять департаментской братіи, слѣдившей утолить голодь, кто дома, кто въ кухмистерской, и указывая на меня, громко сказалъ: „О! знаменитый господинъ Тацитъ!“

— Николай Модестовичъ, возразилъ я съ недовольнымъ видомъ, — я долженъ вамъ сказать разъ навсегда что я считаю клочки разнаго рода приличными лишь школярамъ.

— А я имѣю честь вамъ доложить, продолжалъ поддразнивая меня Бакунинъ, — что клочка эта дана вамъ вовсе не школяромъ, а его превосходительствомъ Дмитріемъ Гавриловичемъ, который, увѣряю васъ, иначе васъ не называетъ какъ Тацитомъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, послѣ статьи вашей въ *Сѣверной Пчелѣ*, — статьи надѣлавшей столько шума.

Бывшіе тутъ чиновники усмѣхнулись, что еще больше разсердило меня, и я сказалъ обращаясь къ Бакунину.

— Высшимъ начальникамъ, а также и глупцамъ, законъ не писанъ, а какъ вы мнѣ нисколько не начальникъ, дуракомъ же себя конечно не признаете, то благоволите снова припомнить что я этихъ всѣхъ собрике терпѣть не могу.

Бакунинъ смолчалъ, но съ тѣхъ поръ при встрѣчахъ со мною не раскланивался и былъ въ моемъ присутствіи молчаливъ какъ рыба.

Само собою разумѣется что эта моя вспышка не прошла мнѣ даромъ, будучи доведена до свѣдѣнія Бибикова, который нашелъ нужнымъ лишить меня награды къ Новому Году. Но я уже началъ тогда мало обращать вниманія на разныя денежныя убавки, какими меня Дмитрій Гавриловичъ угощалъ по департаменту, потому что потери эти съ избыткомъ пополнялись частными доходами по сотрудничеству въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ *Журналѣ Общеполезныхъ Свѣдѣній* А. П. Башуркаго, равно какъ работою на книгопродавцевъ, для которыхъ я лекъ дѣтскія книги словно блины, почему, правду сказать, онѣ и не отличались большими достоинствами, хотя раскупались и читались за неимѣніемъ лучшаго. Независимо отъ этихъ трудовыхъ заработковъ, значительно восполнявшихъ сумму служебныхъ дефицитовъ, я имѣлъ еще довольно хорошія выгоды отъ всего того что Матвій Андреевичъ Байковъ устраивалъ въ мою пользу. Такимъ образомъ въ теченіе тѣхъ годовъ которые прошли послѣ напечатанія въ *Сѣверной Пчелѣ* первой моей статьи объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, я получалъ отъ времени до времени отъ него право на отдѣльныя изданія различныхъ руководствъ, составляемыхъ или лично имъ или учителями подъ его наблюденіемъ, для воспитанниковъ училища. Изъ числа этихъ руководствъ прежде другихъ изданы были мною, во первыхъ, записки чисто практическія *О приготовленіи молочныхъ скоповъ на училищной фермѣ*, во вторыхъ, *Собраніе ариѳметическихъ задачъ съ примѣрами заимствованными изъ практики земледѣлія и скотоводства*, и третьихъ, тѣ записки по которымъ Байковъ преподавалъ въ училищѣ науку практическаго земледѣлія. Записки эти, превосходно составленныя и напечатанныя въ типографіи департамента удѣловъ, были значительно дополнены тѣми чисто практическими замѣтками какія воспитанники дѣлали весьма раціонально и толково подъ наблюденіемъ учителя Максимова, служившаго Байкову какъ бы инспекторомъ классовъ въ заведеніи. Запискамъ этимъ и примѣчаніямъ къ нимъ я далъ нѣсколько иную форму, снабдилъ ихъ нѣсколькими рисунками земледѣльческихъ орудій и снарядовъ, равно какъ изображеній домашнихъ животныхъ улучшенныхъ породъ и назвалъ эту кни-

гу въ двухъ томахъ: *Бесѣды петербургскаго жителя въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ о сельскомъ хозяйствѣ*. Соч. Бориса Волжина. Возникавшій тогда книгопродавецъ Василій Петровичъ Поляковъ, прежній мальчикъ, а потомъ прикащикъ Глазунова, торговавшій въ Гостиномъ дворѣ по суконной линіи, почти на томъ мѣстѣ гдѣ теперь великолѣпный книжный магазинъ М. О. Вольфа, пріобрѣлъ отъ меня право на это изданіе за болѣе или менѣе хорошія, по тогдашнему, деньги и напечаталъ книгу, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, помнится, въ шести или семи тысячахъ, отъ которыхъ въ настоящее время, говорила мнѣ, съ трудомъ можно найти экземпляръ, особенно послѣ пожара Апраксина двора въ 1862 году.*

Книга эта напоминаетъ мнѣ о странномъ столкновеніи, какое по поводу ея я имѣлъ съ знаменитымъ О. В. Булгаринымъ, который въ это время по какимъ-то обстоятельствамъ гнѣвался на издателя этой книги Полякова, чѣмъ-то не угодившаго ему. Вслѣдствіе такихъ отношеній, Булгаринъ считалъ себя въ правѣ ругать все то что издаваемо было Поляковымъ. Когда явились въ свѣтъ *Бесѣды петербургскаго жителя*, покойный Степанъ Михайловичъ Усовъ, тогдашній редакторъ казенной *Земледѣльческой Газеты*, понявъ сразу всю практичность этой книги, горячо рекомендовалъ ее на столбцахъ редактируемой имъ газеты, расхваливая ее въ баснословномъ количествѣ, чуть ли не 12.000 экземпляровъ. Отзывъ этой газеты, тогдашняго оракула всѣхъ помѣщиковъ, былъ Поляковымъ цѣликомъ напечатанъ въ томъ громадномъ, въ величину большой простыни, объявленіи-рекламѣ, какое Поляковъ разослалъ по всей Россіи въ количествѣ 100.000 экземпляровъ. *Сѣверная Пчела*, *Инвалидъ*, *Петербургскія Академическія Вѣдомости*, знаменитая тогда *Библиотека для Чтенія* отозвались объ этой книгѣ, хотя и вполнѣ спеціальной, вслѣдствіе сдѣланнаго объ ней отзыва такимъ знатокомъ агрономіи, какимъ, справедливо или нѣтъ, не буду вникать въ это, считался въ ту пору почтен-

* Этотъ несчастный Поляковъ нѣкогда сильно процвѣталъ и издавалъ безчисленное множество книгъ разнаго рода, приносившихъ ему хорошія выгоды. Онъ издавалъ въ послѣдствіи журналъ *Пантеонъ русскаго и иностранныхъ театровъ*. Въ настоящее время разбитый параличомъ, онъ въ крайности и ничѣмъ уже не занимается.

нѣйшій Степанъ Михайловичъ Усовъ, отозвался съ полною любезностію, указывая на нее какъ на спасительную ладью отечественнаго хозяйства и, при сей вѣрной оказіи, восхваляли Удѣльное Земледѣльческое Училище, воскуряли еимѣямъ министру двора и Льву Алексѣевичу Перовскому, а Матвѣя Андреевича Байкова провозглашали положительно практическимъ русскимъ Таромъ, Домбалемъ, Феленбергомъ, Бекуземъ tout de bon. Словомъ, изданіе это, доставивъ мнѣ нѣсколько сотенъ рублей, а издателю принеся многія тысячи, служило сильною рекламой Земледѣльческому Училищу, и Байковъ рукоплескалъ этимъ книжнымъ успѣхамъ въ тихомолку. Но вдругъ Булгаринъ, по возвращеніи своемъ изъ Дерпта, или скорѣе изъ своего любезнаго Карлова, печатаетъ въ *Сѣверной Пчелѣ* статью діаметрально противоположную той которая о книгѣ этой уже была напечатана въ ней во время его отсутствія изъ Петербурга, ругая въ статьѣ этой, разумѣется, бездоказательно, какъ книгу, такъ особенно ея составителя, скрывающагося подъ псевдонимомъ Бориса Волжина и, наконецъ, издателя, книгопродавца Полякова, заявляя со свойственнымъ ему амплombsъ, что онъ, Булгаринъ, знатокъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства; а что все то что тутъ напечатано не что иное какъ величайшій вздоръ и челуха, доказательствомъ чему служитъ, главнѣйше, то что въ книгѣ этой, на страницѣ такой-то, говорится о приготовленіи рыжиковаго растительнаго масла. Это рыжиковое масло заставило г. Булгарина глаумиться на нѣсколькихъ столбцахъ своей газеты. „Ха! ха! ха! Масло изъ грибовъ рыжиковъ! Ха! ха! ха! Вотъ чему васъ учатъ петербургскіе хозяева - дилеттанты! Масло изъ грибовъ! Послѣ этого можно утилизировать и мухоморъ и поганку! Ай-да посѣтитель Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища! Ай-да юные агрономы эти удѣльные крестьяне! Ха! ха! ха! Ай-да знаменитый ихъ расхваливатель г. Борисъ Волжинъ!“— Когда явился этотъ номеръ *Сѣверной Пчелы*, Байковъ съ экземпляромъ газеты въ рукѣ явился ко мнѣ въ сильномъ неудовольствіи, объявляя что послѣ этого онъ этого Фиглярина никогда и на порогъ не пуститъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище. Мы тотчасъ совместно съ Матвѣемъ Андреевичемъ сочинили возраженіе Булгарину, и возраженіемъ этимъ поистинѣ въ грязь его втоптали, доказавъ что

то масленосное растеніе изъ котораго добывается масло есть не „рыжики“ (грибы), а „рыжикъ“ (*Myagrurn sativum. L.*). — Сенковскій былъ отъ этого моего, напечатаннаго въ *Сверной Пчелѣ*, объясненія въ восторгѣ и хохоталъ надъ соплеменникомъ своимъ Оаддеемъ Булгаринымъ; а Гречъ съ тѣхъ поръ, какъ только Булгаринъ о сельскомъ хозяйствѣ чуть хотѣлъ бывало заикнуться, кричалъ: „знаемъ, знаемъ: рыжиковое масло!“—При этомъ Гречъ обыкновенно пускалъ въ ходъ свою обычную выходку противъ Булгарина: „Мой Оаддей ни бельмеса не смысла въ политической экономіи, музыкѣ и агрономіи, помѣшанъ на томъ что онъ Сей въ политической экономіи, Берліозъ въ музыкѣ и Тэръ въ агрономіи.“ — Меня Булгаринъ тогда просто возненавидѣлъ; но однако нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ 1843 году я оставилъ уже службу въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, куда я поступилъ помощникомъ директора въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1839 года, — онъ, Булгаринъ, будучи редакторомъ хозяйственнаго журнала *Экономъ*, пригласилъ меня сотрудничать въ этомъ изданіи, имѣвшемъ колоссальный успѣхъ, и самъ назначилъ мнѣ 1.500 руб. сер. въ годъ гонорарія, какой я и получалъ отъ этого изданія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Булгаринъ однако никогда не могъ вполнѣ забыть о масленосномъ растеніи „рыжикъ“, о которомъ впервые отъ меня услышалъ, хотя оно во всѣхъ русскихъ ботаникахъ находится,—и всегда восклицалъ: „книга Бориса Волжина конечно хорошая книга; я беру назадъ все то что объ ней въ 1835 году сказалъ; но жаль что нѣтъ въ ней латинскихъ названій растеній. Отъ этого-то я и промахнулся.“

XVIII.

Писалъ я до сихъ поръ обширную статью эту, основанную, какъ и всѣ мои ретроспективные статьи, на личныхъ моихъ воспоминаніяхъ,—по сохраняемому мною моему дневнику, веденному почти съ дѣтства и дополняемому всѣмъ тѣмъ, касающимся до моей личности, что я постоянно нахожу въ оставшемся мнѣ въ единственное наслѣдство пятидесятилѣтнемъ ежедневномъ кропотливомъ журналѣ моей родительницы, умершей въ 1871 году, на 86 году жизни. И такимъ образомъ, во всемъ что до сихъ поръ изложено мною здѣсь почти день въ

день, достаточно подробно, вмѣстѣ съ событіями тѣсно между собою связанными, изображены многія лица съ ихъ обстановкой и характеристикой, необходимыми для вѣрной фотографіи. Но среди всего этого, само собою разумѣется, все-таки ярче другихъ личностей выставляется личность Байкова, равно какъ характеристика созданнаго имъ и управляемаго имъ заведенія, которое, кажется, уже довольно вѣрно и ясно мною описано въ печатаемыхъ мною нынѣ статьяхъ, которыя можно бы озаглавить: *Аракчеевщина подъ стѣнами Петербурга*. Однако полнота значенія этого заглавія еще далеко не вполне оправдана тѣмъ что разказано мною на всѣхъ этихъ страницахъ; почему, оставивъ теперь методу какъ бы повторенія моего дневника, я буду слѣдовать способу эпизодическому, оставляя безъ упоминанія о случаяхъ маловажныхъ и не касаясь всего того что описано здѣсь уже выше, а отмѣчая лишь выпуклые факты и развивая преимущественно подробнѣе лишь тѣ изъ нихъ которые могутъ лучше всего оправдывать данное мною статѣй моею названіе *Аракчеевщина подъ стѣнами Петербурга*, не оставляя однако безъ вниманія и тѣ которые должны живописать общество того времени въ Петербургѣ съ его дѣятелями, конечно, настолько насколько какъ самое общество, такъ и его различные дѣятели лично были мнѣ извѣстны.

Руководствуясь этимъ правиломъ, скажу что весь 1835 годъ прошелъ безъ особенно знаменательныхъ для меня событій, да и въ жизни Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища ничѣмъ чрезвычайнымъ не ознаменовался. Я, попрежнему, шесть буднихъ дней посвящалъ департаментской службѣ, а по вечерамъ работалъ для *Сѣверной Пчелы* и для *Журнала Общепольныхъ Свѣдѣній*, часто упоминая какъ въ газетѣ Греча и Булгарина, такъ въ еженедѣльныхъ роскошныхъ тетрадахъ А. П. Башуцкаго о различныхъ фазахъ чрезъ какія проходило Удѣльное Земледѣльческое Училище, куда я аккуратно каждую субботу ѣздилъ, и оттуда возвращался въ понедѣльникъ утромъ. Въ Земледѣльческомъ я проводилъ время большею частію и почти исключительно въ бесѣдахъ съ Матвѣемъ Андреевичемъ, а отчасти съ его воспитанниками - мужичками. Весною, лѣтомъ, осенью я видѣлъ ихъ преимущественно на поляхъ, въ садахъ, въ огородахъ, зимою же въ классахъ и въ спальняхъ или въ амфитеатрѣ, гдѣ я читалъ имъ, какъ уже говорилъ вы-

ше, главы изъ моего простонароднаго романа *Деревенскій староста Миронъ Ивановъ*. По окончаніи каждаго чтенія вплоть до ужина шли толки съ воспитанниками о прочитанной мною главѣ, и я собиралъ иногда драгоцѣнныя для меня замѣчанія, всегда почти наивныя, часто меткія и вѣрныя. Это занятіе мнѣ нравилось лучше всякаго театральнаго спектакля, лучше всякаго разговора гостиныхъ. Однако не всѣ вечера посвящалъ я моимъ кабинетнымъ трудамъ, дававшимъ мнѣ дополненіе къ средствамъ жизни, обезпечиваемымъ отчасти службою, почему иныя пятницы по вечерамъ я проводилъ въ Шестилаводной, на знакомыхъ уже читателю этого журнала литературныхъ сборищахъ А. О. Воейкова или на интимныхъ танцевальныхъ собраніяхъ въ Гагаринской улицѣ, у добройшей и глубокоуважаемой Марьи Алексѣевны Крыжановской. Четверговые же вечера я ежели не всѣ, то черезъ двѣ недѣли разъ проводилъ у Н. И. Греча, который, будучи сильно поглощенъ *Энциклопедическимъ Лексикономъ*, почти уже забылъ о томъ предложеніи какое 22го августа 1834 года было ему сдѣлано Байковымъ, относительно составленія подъ его редакціей крестьянской энциклопедіи, о которой и Байковъ также почти не упоминалъ, убѣдаясь что едва ли бы эта работа могла быть по плечу вѣтрогону Гречу, и заинтересовавъ уже этою идеей Сенковского, въ тотъ визитъ какой Байковъ ему сдѣлалъ съ экземпляромъ своего *Описанія удѣльныхъ имѣній*, расхваленнаго до небесъ тогдашнимъ жестокимъ рецензентомъ *Библиотеки для Чтенія* на страницахъ этого, въ тѣ времена могучаго и сильнаго органа русской печати, имѣвшаго въ публикѣ успѣхъ громадный, особенно благодаря трескучей *Брамбурсовщинѣ*, которою журналъ этотъ былъ полнѣхонекъ. Отъ времени до времени однако случалось мнѣ измѣнять Байкову, уведомляя его наканунѣ чтобы онъ въ субботу вечеромъ не присылалъ за мною „подводы“, какъ мы въ шутку съ нимъ называли его самодѣльный тарантасикъ, запряженный парочкой мохнатыхъ обвенокъ, съ кучеромъ или солдатомъ, или какимъ-нибудь запятатымъ воспитанникомъ, обращеннымъ въ постоянные конюхи. Измѣна эта совершалась для того чтобы обѣдать въ воскресенье въ Ново-Офицерской (нынѣ Тверская) улицѣ, между Таврическимъ садомъ и Смольнымъ, въ домѣ Кутузова, гдѣ, какъ уже я говорилъ, квартировалъ на широкій помѣщичій ладъ безцѣнный солдатъ-литераторъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Обѣды эти описаны мною съ достаточною

подробностью въ статьѣ моей подъ названіемъ: *Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ*, помѣщенной въ нѣсколькихъ ноябрьскихъ номерахъ 1871 года газеты *Русскій Миръ*. Тамъ же разказалъ я о моемъ въ этомъ гостепріимномъ и хлѣбосольномъ, чисто русскомъ, незабвенномъ для меня, домѣ знакомствъ со статсъ-секретаремъ Михаиломъ Павловичемъ Позеномъ, принимавшимъ въ ту пору такое дѣятельное участіе въ реорганизациі, по новой системѣ, военного министерства и наполнявшего тогда всѣ департаменты молодыми дѣятелями своего выбора. Меня Михаилу Павловичу отрекомендовалъ Николай Ивановичъ Гречъ, вслѣдствіе какого-то печально имъ заведеннаго разговора за обѣдомъ о какой-то статьѣ, понравившейся почему-то господину Позену. Представивъ меня Михаилу Павловичу тутъ же въ саду Ивана Никитича Скобелева, Николай Ивановичъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать ему немедленно визитъ. Михаилъ Павловичъ жилъ тогда въ домѣ военного министерства, бывшемъ Лобанова и до сихъ поръ еще носящемъ въ публикѣ имя прежняго своего владѣльца-строителя, хотя съ тѣхъ поръ прошло добрыхъ 50 лѣтъ. Михаилъ Павловичъ, занимавшій тогда въ первомъ этажѣ довольно скромную квартиру, принималъ меня очень обязательно и любезно и тотчасъ же сказалъ что въ началѣ будущаго 1836 года послѣдуетъ преобразование, прежде другихъ департаментовъ, провіантскаго департамента, съ устройствомъ при немъ общаго присутствія, составленнаго изъ особыхъ членовъ подъ предсѣдательствомъ генераль-провіантмейстера. Но со всѣмъ тѣмъ какъ члены, такъ канцелярія общаго присутствія должны были находиться въ вѣдѣніи директора канцеляріи военного министра, какую должность тогда занималъ статсъ-секретарь Максимъ Максимовичъ Брискорнъ, Михаилъ же Павловичъ Позень былъ управляющимъ военно-походною канцеляріей государя императора и вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было министромъ графомъ (въ послѣдствіи князь) А. И. Чернышевымъ приведеніе въ организацию новаго устройства общихъ присутствій, почему первое время весь составъ канцелярій этихъ новыхъ учреждений находился въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Михаиломъ Павловичемъ. Въ первый же разъ, прощаясь со мною, Михаилъ Павловичъ мнѣ сказалъ чтобы я, пользуясь каждымъ свободнымъ утромъ, навѣщалъ его и всегда пораньше. Кромѣ тѣхъ воскресеньевъ и праздничныхъ дней, весьма не частыхъ, когда я измѣнялъ Байкову и Удѣльному Земледѣльческому

Училищу, я являлся къ Михаилу Павловичу Позену на часть, на два, пользуясь и даже наслаждаясь его пріятнѣйшею, полною ума и наблюдательности, бесѣдою о различныхъ предметахъ и, между прочимъ, даже довольно часто объ агрономическихъ занятіяхъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Я, разумѣется, говорилъ съ увлеченіемъ о различныхъ опытныхъ посѣвахъ и о нѣкоторыхъ орудіяхъ и снарядахъ вводимыхъ въ этомъ заведеніи, но Михаилъ Павловичъ нерѣдко останавливалъ мои юношескіе порывы, охлаждалъ ихъ жаръ вопросами чисто практическими и вполне раціональными, преимущественно о стоимости этихъ опытовъ, на что, признаюсь откровенно, я не умѣлъ отвѣчать и говорилъ что соберу эти свѣдѣнія отъ Байкова, и дѣйствительно въ слѣдующій разъ являлся съ запасомъ цифръ, которыя не выдерживали строгой критики Михаила Павловича, бравшаго тотчасъ карандашъ и дѣлавшаго вычисленія не по идеальнымъ соображеніямъ Байкова, а по настоящимъ цифровымъ даннымъ, которыя имъ извлекаемы были изъ хорошо ему знакомой практики для одѣлки какъ труда, такъ стоимости земли, а также ея продуктовъ. Онъ однако иногда интересовался нѣкоторыми хозяйственными новыми приѣмами, ранними или поздними сѣвами, иными раціональными удобреніями, орудіями приспособленными къ русскому хозяйству, и никогда не глумился надъ моими восхищеніями; а, напротивъ, находилъ этотъ пылъ естественнымъ, совѣтуя однако почаще охлаждать его логичными послылками и простыми ариѳметическими выкладками, помня что то что возможно въ образцовомъ училищѣ стоящемъ милліоны недоступно для пракческаго, даже и сильнаго хозяйства. „Впрочемъ вы, молодой человекъ, говорилъ онъ, хотя самъ былъ въ то время еде-еде тридцати съ небольшимъ лѣтъ,—вы изъ вашего близкаго съ Земледѣльческимъ Удѣльнымъ Училищемъ знакомства извлечете себѣ не мало пользы, ежели будете относиться ко всему съ критицизмомъ довольно строгимъ, удерживая всячески на уздечкѣ ваше воображеніе и въ особенности ваши восторги.“

Между тѣмъ время шло, и я не замѣтилъ какъ наступилъ мартъ мѣсяцъ 1836 года, когда въ одинъ прекрасный день я получилъ на скромной моей квартирѣ визитъ перелопочившаго весь домъ фельдъ-егеря, прискакавшаго въ своей легкой перекладной телѣжкѣ. Фельдъ-егерь этотъ, въ треугольной шляпѣ съ бѣлымъ султаномъ, безъ всякой записки, словесно

объявилъ мнѣ что его превосходительство господинъ статсъ-секретарь Позень приглашаетъ меня пожаловать къ нему сегодня утромъ (это было часу въ девятомъ утра) не позже десяти часовъ, причемъ этотъ полуофицеръ, съ золотымъ эксельбантомъ безъ эполетъ, попросилъ меня написать въ его книгѣ въ извѣстной графѣ что приказаніе его превосходительства статсъ-секретаря Позена мнѣ (такому-то) объявлено устно, въ такомъ-то часу, такого-то числа, дежурнымъ у военного министра фельдъ-егеремъ такимъ-то. Само собою разумѣется, къ половинѣ десятого часа утра я былъ въ небольшой залѣ тогдашней довольно скромной казенной квартиры М. П. Позена, который тотчасъ, выглянувъ изъ кабинета, позвалъ меня къ себѣ и объявилъ что дѣло въ шляхѣ: первое преобразование пало на долю провіантскаго департамента, канцелярію котораго будутъ составлять правитель дѣлъ и его помощникъ; первый положенъ въ VI, а второй въ VIII классѣ, то-есть равенъ по должности столоначальнику всякаго министерства.

— Правителемъ дѣлъ у насъ будетъ, говорилъ Михаилъ Павловичъ,—извѣстный своею опытностью и честностью г. Круглый, а опредѣленіе васъ помощникомъ апробовано его сіятельствомъ министромъ по моей докладной запискѣ. Не теряйте времени, немедленно напишите прошеніе на рублевомъ гербовомъ листѣ на имя военного министра. Но лучше всего зайдите въ канцелярію (у васъ тамъ вѣдь знакомые есть) и поручите настрочить прошеніе писарьку какому-нибудь, которому дадите что-нибудь за трудъ, подпишете и тотчасъ принесете ко мнѣ это прошеніе. Завтра же отъ директора канцеляріи будетъ отношеніе къ вашему Дмитрію Гавриловичу объ увольненіи васъ изъ департамента вѣтшной торговли въ вѣдомство канцеляріи военного министра. Вѣдь вамъ тамъ нечего сдавать? Задерживать васъ не могутъ?

— Сдавать мнѣ, ваше превосходительство, нечего, правда, отвѣчалъ я;—но, къ несчастію, ежели слишкомъ быстро, пока я не успѣю предупредить Дмитрія Гавриловича Бибикова о моемъ намѣреніи оставить службу подъ его начальствомъ, результатомъ можетъ быть, во первыхъ, арестованіе меня, а, во вторыхъ, исключеніе меня изъ службы безъ прошенія, какъ уже и были тому примѣры съ тѣми чиновниками которые о намѣреніи перейти на другую службу не предупреждали директора департамента.

— Однако, замѣтилъ нахмурившись Михаилъ Павловичъ, — вашъ Дмитрій Гавриловичъ деспотизируетъ не на шутку. Но все-таки подайте прошеніе теперь же; а потомъ предупредите его и зайдите ко мнѣ сказать что и какъ, когда вы съ нимъ увидите. Вамъ бы съѣздить теперь къ нему на домъ.

— И этого нельзя, ваше пр—во, объяснилъ я, — нельзя потому что г. Бибиковъ не принимаетъ у себя тѣхъ чиновниковъ которые у него въ домѣ не знакомы. Для нихъ кромѣ департаментскаго его кабинета онъ нигдѣ не видимъ. Вашему пр—ву не безызвѣстно что съ декабря мѣсяца 1832 года, я не имѣю чести быть въ числѣ знакомыхъ въ домѣ директора департамента вѣшной торговли.

— Да, знаю, засмѣялся М. П. Позень, — вы въ олапѣ съ того роковаго для васъ обѣда, когда не хотѣли исполнить пословицу, которая велитъ, живя съ волками, быть по-волчьи. Николай Ивановичъ Гречъ мнѣ это разказывалъ. Все-таки я хочу чтобы прошеніе ваше было у меня поскорѣе. Идите въ канцелярію, сыщите тамъ кого-нибудь изъ писарей моей канцеляріи и съ написаннымъ прошеніемъ приходите ко мнѣ. Я подумаю какъ уладить, чтобъ и волкъ, и коза, и калуста были цѣлы.

Черезъ полчаса я представилъ Михаилу Павловичу накалиграфированное мое прошеніе, мною подписанное; а онъ сказалъ мнѣ что сегодня вечеромъ въ одномъ обще-знакомомъ ему и Бибикову домѣ, именно у петербургскаго вице-губернатора А. Е. Жадовскаго, онъ будетъ видѣть моего тяжелаго начальника и переговорить съ нимъ, но чтобъ я все-таки хоть подъ вечеръ зашелъ къ нему на квартиру или въ канцелярію и увѣдомилъ бы его о томъ что скажетъ Бибиковъ. Затѣмъ, принеся искреннѣйшую мою благодарность Михаилу Павловичу, я удалился и быстрыми шагами отправился въ департаментъ вѣшной торговли, гдѣ узналъ отъ моего товарища, втораго помощника столоначальника З., что столоначальникъ П. нездоровъ и сидитъ дома на квартирѣ, куда приглашалъ его, З., чтобы поручить ему къ скорѣйшему исполненію бумаги объ опредѣленіи камеръ-юнкера Баркова членомъ Петербургской таможни, а на его мѣсто столоначальникомъ консульскаго стола Іго отдѣленія отставнаго гвардіи Семеновскаго полка капитана Игнатьева. Поручая бумаги эти моему сотоварищу по службѣ и по должности, столоначальникъ нашъ П. предварилъ

его чтобъ онъ именно мнѣ бумагу этихъ ни коимъ образомъ не показывалъ.

— Я это и исполняю, смѣялся весельчакъ З.,—бумаги вамъ не показываю, но фактъ сообщаю къ вашему свѣдѣнію, такъ какъ, повидимому, это таятъ отъ васъ не для чего другаго какъ для того только чтобъ опять увѣрять васъ, какъ было полтора года тому назадъ, съ мѣстомъ на которомъ теперь графъ Кутузовъ, что мѣсто Баркова вамъ принадлежитъ, а потомъ надуть.

— Богъ съ нами со всѣми и съ ихъ мѣстами, сказалъ я.— Теперь мнѣ, Василій Павловичъ, ничего этого не нужно. Отплату вамъ за секретъ вашъ моимъ секретомъ: я поступаю въ военное министерство на восьмиклассное мѣсто, и, узнавъ всѣ наслажденія службы подъ начальствомъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, я не соглашусь оставаться на здѣшней службѣ, назначай онъ меня не только стодоначальникомъ, да даже хотъ бы начальникомъ отдѣленія.

Едва я кончилъ эту бранчивую тираду, какъ въ нашу комнату вошелъ столь извѣстный экзекуторъ Степанъ Степановичъ Грозновъ, который въ это время былъ переименованъ изъ капитановъ въ титулярные совѣтники и тотчасъ за отличие по службѣ былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, почему именовалъ себя майоромъ, но носилъ уже не армейскій мундиръ съ краснымъ воротникомъ, а форменный фракъ, наглухо застегнутый и покрытый по всей груди его солдатскими регалиями, на шеѣ же красовался уже Станиславскій орденъ.

Грозновъ поздоровался со мною и сказалъ мнѣ что его превосходительство приглашаетъ меня къ себѣ на квартиру сейчасъ же. Я, разумѣется, тотчасъ отправился въ Моховую и засталъ Дмитрія Гавриловича въ его, столь мнѣ знакомомъ, кабинетѣ со стекляннымъ куполомъ, въ черной венгеркѣ и съ предлиннымъ чубукомъ. Въ ту минуту когда я вошелъ въ кабинетъ, Дмитрій Гавриловичъ, сдѣлавъ мнѣ очаровательно ласковый поклонъ глазами, которыми онъ умѣлъ работать мастеровски. Я хладнокровно обратился къ Бибикову съ словами: — Г. Грозновъ передалъ мнѣ приказаніе вашего превосходительства явиться къ вамъ здѣсь.

— Г. Грозновъ, то-есть экзекуторъ департамента коллежскій ассессоръ Грозновъ, улыбаясь и выпуская изо рта клубы дыма, сказалъ Бибиковъ,—передалъ вамъ совершенно вѣрно; но онъ не могъ вамъ сказать зачѣмъ я желалъ имѣть наслажде-

ніе васъ видѣть у себя, такъ какъ сегодня не думаю быть въ департаментъ; да и къ тому же хорошую вѣсть мнѣ пріятно сообщить скорѣе и не замедляя ее нѣсколькими часами. Дѣло въ томъ, продолжалъ онъ серьезно,—что давно обѣщанное мною вамъ опредѣленіе васъ на мѣсто Баркова, когда оно сдѣлается вакантнымъ, до сихъ поръ не могло быть приведено въ исполненіе собственно потому что двѣ вакансіи членовъ таможни были заняты помимо моего желанія, по Высочайшему повелѣнію, и только теперь удалось мнѣ рѣшительно посадить Баркова въ таможню, куда онъ ежедневно ѣздитъ, а его столомъ, между тѣмъ, занимается его помощникъ Данзасъ, который, хотя и старше васъ чиномъ,—но я вѣдь на чины, вы знаете, мало обращаю вниманія,—будетъ вашимъ помощникомъ, такъ какъ сегодня вечеромъ я везу докладную записку графу Егору Францовичу, который, какъ вы также знаете, всѣ мои представленія, ради формальности, по передвиженію служащаго персонала, утверждаетъ безпрепятственно. Итакъ, Б., наконецъ-то я могу васъ поздравить столоначальникомъ консульскаго стола I отдѣленія. Вы тамъ будете совершенно въ вашей сферѣ между комъ-иль-фотными людьми.

Выслушавъ всю эту рѣчь, основанную снова на мистификаціи, какъ то было за полтора года, о чемъ я за часъ зналъ уже отъ З., разумеется, воздержался отъ того чтобы заявить все то что мнѣ насчетъ этого опредѣленія хорошо было извѣстно, такъ какъ такою нескромностію могъ бы жестоко компрометтировать бѣднаго З., почему сказалъ:

— Не нахожу словъ чтобы достойно выразить вашему превосходительству мою глубокую признательность за вниманіе ваше ко мнѣ, вниманіе такъ мало еще заслуженное; но, къ сожалѣнію, при телерешныхъ моихъ обстоятельствахъ, я не могу воспользоваться вашею милостію, потому что это значило бы компрометтировать такого достойнаго человека, каковъ статсъ-секретарь Михаилъ Павловичъ Позень, который не далѣе какъ вчера ходатайствовалъ у военнаго министра и получилъ его согласіе на опредѣленіе, изъ шестнадцати кандидатовъ, меня на только-что новосозданную должность помощника правителя дѣлъ общаго присутствія провіантскаго департамента военнаго министерства. Должность эта въ одномъ классѣ со столоначальниками всѣхъ министерствъ, но содержаніе ей присвоенное весьма значительно; да и вообще для меня въ особенности важно то что мѣсто это можетъ предоставить мнѣ

хорошую казенную квартиру, что одно уже значительная для меня выгода, въ виду скорого выхода изъ Смольнаго моихъ сестеръ.* Со всѣмъ тѣмъ я глубочайше признателенъ вашему превосходительству за оказанное къ службѣ моей вниманіе.

Бибиковъ былъ видимо раздраженъ, убѣдясь что шуточка его ему не удалась и съ тѣмъ вмѣстѣ очень хорошо понимая что въ это время, когда новые и совершенно никѣмъ не ожидаемые статсъ-секретари Брискорнъ и Позень были до того въ апогеѣ своей силы и значенія что публика уже назначала имъ министерскіе портфели—Брискорну государственнаго контроля, а Позену фанансовъ,—ему не приходилось вредить мнѣ открыто и официально. Дергая свои бакенбарды, онъ взглянулъ на меня въ упоръ и сказалъ:

— Однако вы знаете мой циркуляръ, не позволяющій чиновникамъ моимъ подавать гдѣ-либо прошенія о переводѣ ихъ на другую службу, не предваривъ меня?

— Очень знаю, ваше превосходительство, объяснялъ я, и вслѣдствіе этого знанія вашего циркуляра хотѣлъ, какъ бы только вы пожаловали въ департаментъ, доложить лично вамъ объ этомъ обстоятельстве и, признаюсь, очень обрадовался когда г. Грозновъ сообщилъ мнѣ о желаніи вашего превосходительства чтобъ „экстраординарно“ я теперь явился къ вамъ на домъ.

— *Экстраординарно*, вы говорите, съ негодованіемъ проворчалъ Бибиковъ,—да, экстраординарно, а не *ординарно*, какъ бывало прежде,—экстраординарно. По вашей милости, потому что почти за четыре года предъ симъ, вамъ въ то время, одному изъ habitués моего дома, пришло въ голову у меня же за столомъ разыграть роль Донъ-Кихота совершенно не кстати.

Дѣлая видъ что я не понималъ или не слыхалъ этой діатрибы, я, какъ бы пропустивъ ее мимо ушей, спросилъ:

— Итакъ, ваше пр—во, я могу подать прошеніе военному министру?

— Сдѣлайте одолженіе, воскликнулъ Бибиковъ,—подавайте прошеніе хоть самому императору. Желаю вамъ всевозможныхъ благъ на новомъ служебномъ полрицѣ. Прощайте!

* Объ этой казенной квартирѣ и ломина не было при моемъ новомъ служебномъ устройствѣ, и ежели я объ ней говорилъ Бибикову въ ту пору, то единственно въ видѣ претекста, чтобы болѣе оправдать мой переходъ изъ-подъ его непріятнаго для меня начальства.

Это было мое послѣднее въ жизни свиданіе съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ, и эти слова были послѣднія слышанныя мною изъ его устъ. Съ тѣхъ поръ черезъ годъ, переименованный въ генераль-лейтенанты и генераль-адъютанты, Дмитрій Гавриловичъ былъ назначенъ начальникомъ юго-западнаго края, въ послѣдствіи же, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ смерти графа Льва Алексѣевича Перовскаго. Въ началѣ 1870 года, Дмитрій Гавриловичъ умеръ здѣсь въ Петербургѣ, и мнѣ случайно привелось видѣть его похороны, совершавшіяся съ лышною военною помпой, подобающею его званію. Съ марта мѣсяца 1836 года мнѣ ни разу не случалось нигдѣ его видѣть, а тѣмъ болѣе имѣть съ нимъ какое-либо сношеніе.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

(До слѣд. №.)

НОЧЬ НА ОЗЕРѢ

Р А З К А З Ъ.

I.

— Готово! доносится ко мнѣ изъ прибрежныхъ камышей голосъ Тарька, уже успѣвшаго снарядить лодку. Я осторожно спускаюсь по скату обрыва, изрытому потоками внешней воды, и въ послѣдній разъ окидываю взглядомъ Мшатъ-озеро, раскинувшееся на свободномъ просторѣ, среди вѣковой литовской луцы. Оно врѣзалось въ берега длинными заливами, смѣло пробѣжало въ самую глубь лѣсныхъ дебрей, сверкнуло тамъ на солнцѣ чешуйчатымъ плѣсомъ и скрылось въ сизой дали... Парусъ, что ли тамъ исчезаетъ на немъ въ синемъ туманѣ?

— Тарько, что тамъ виднѣется далеко на озерѣ? кричу я внизъ, закрывая рукою глаза и пристально всматриваясь въ бѣлую точку.

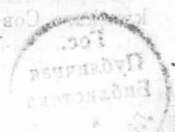
— То Яцкунскій костель, баринъ, отвѣчалъ Тарько,—тамъ уже другая губернія...

Вечерѣетъ. Спокоенъ Мшатъ. Все озеро будто замерло подъ озолотившими его лучами заката, и мнится что вотъ сейчасъ до напряженного слуха коснется шорохъ, съ которымъ вечернія тѣни слѣтаютъ на усыпавшую землю. Вотъ онѣ легкою паутиной скользятъ по озеру, и въ его глубинахъ явственнѣе отразились вереницы бѣлыхъ, перистыхъ облаковъ, что

Ильяшевъ сунулъ записку въ карманъ и ничего не сказалъ.

В. АВСТЪЕНКО.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ *

(1834—1850).

1872 № 9

XIX.

По предмету увольненія моего переводомъ изъ департамента вѣдѣній торговли въ вѣдѣніе канцеляріи военнаго министра все шло какъ по маслу, и я тотчасъ озаботился объ моемъ экилированіи въ военную форму, которая была мнѣ совершенно чужда, но которая, благодаря радушному содѣйствію спеціалиста и знатока этого дѣла, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Дмитрія Николаевича Бѣлявцева, ** приводящагося мнѣ съ родни, какъ говорится, въ родѣ седьмой воды на кисель,—пригнана была до того ловко и успѣшно что когда завзятые военные люди и мастера своего ремесла увидѣли меня въ этомъ костюмѣ, то нашли что можно бы было объ закладъ побиться что я съ младенчества привыкъ къ военной формѣ. Однако я очень не долго въ формѣ этой пощеголялъ, по крайней мѣрѣ на улицахъ,—набравшись однажды изъ-за нея много страха и снявъ ее съ тѣмъ чтобъ надѣвать толь-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5й, 6й, 7й и 8й.

** Нынѣ генералъ-лейтенантъ и почетный олекукъ Московскаго Оленскаго Совѣта.

ко въ официальныхъ обстоятельствахъ, на службѣ, но уже отнюдь не на улицахъ. Случай этотъ не излишне и здѣсь разказать, потому что хотя онъ ничего не имѣетъ общаго съ Удѣльнымъ Земледѣльческимъ Училищемъ, но связанъ съ однимъ обстоятельствомъ изъ моей жизни и моей дѣятельности по этому заведенію, о которомъ я далѣе разкажу.

Наканунѣ открытія самимъ военнымъ министромъ общаго присутствія провіантскаго департамента, правителю дѣлъ и мнѣ, его помощнику, вѣрно было явиться въ канцелярію военного министра для представленія насъ обоимъ статсъ-секретаремъ Позеномъ его сіятельству графу Александру Ивановичу Чернышеву. Начальникъ мой, коллежскій совѣтникъ Иванъ Степановичъ Круглый, человѣкъ весьма свѣдущій въ юридическихъ и, спеціально, провіантскихъ дѣлахъ, былъ далеко не щеголь; почему и мундиръ военной формы шестаго класса сидѣлъ на немъ очень не красиво, я же былъ въ новенькомъ съ иголочки мундирѣ, вчера только полученномъ отъ знаменитаго тогдашняго военного портнаго Штрёмера, въ тончайшихъ снѣгоподобныхъ замшевыхъ парижскихъ перчаткахъ и держалъ треугольную мою шляпу у кокарды по всѣмъ правиламъ военной выправки, переданнымъ мнѣ съ величайшею точностью, какъ я уже и сказалъ, знатокомъ военныхъ порядковъ и военного туалета добрымъшимъ Дмитріемъ Николаевичемъ Бѣлявцевымъ, объяснявшимъ мнѣ съ радушнѣйшею готовностью очень подробно всю теорію военныхъ поклоновъ на улицѣ и въ комнатѣ. Къ тому же мнѣ тогда было всего 24 года отъ роду, а на видъ, благодаря бѣлокурости, я казался не болѣе девятнадцати, такъ что эта молоджавость для восьмикласснаго мѣста нѣсколько поразила военного министра, какъ въ послѣдствіи я слышалъ отъ вице-директора провіантскаго департамента, тогда еще недавняго адъютанта военного министра, полковника Николая Александровича Бутурлина. * Само собою разумѣется, контрастъ между мною и моимъ непосредственнымъ мѣшковатымъ начальникомъ хлесталъ глаза, и когда въ этой новой формѣ впервые увидѣлъ меня Михаилъ Павловичъ Позень, то не утерпѣлъ и назвавъ „молодчикомъ“ сказалъ, обращаясь къ бывшимъ тутъ въ залѣ военнымъ генераламъ и полковникамъ: „никто не скажетъ что этотъ юноша сегодня въ первый разъ

* Онъ не такъ давно умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и члена военного совѣта.

въ жизни облекся въ военную форму. Дать ему аксельбантъ, султанъ, да эполеты—адъютантикъ хоть куда!“ Но въ это время, вышедшій изъ министерскаго кабинета адъютантъ графа Чернышева, графъ Штапельбергъ, тогда гвардіи капитанъ конной артиллеріи, * подошелъ къ М. П. Позену, что-то шепнулъ ему, и Михаилъ Павловичъ, сказавъ Круглому и мнѣ: „за мною господа“, направился къ двери кабинета. Военный министръ графъ (въ послѣдствіи князь) Александръ Ивановичъ Чернышевъ, одинъ изъ прелѣстнѣйшихъ мушкетеровъ своего времени, кружившій, какъ исторически извѣстно, головы Парижанокъ, и въ эту пору, въ 1836 году, былъ замѣчательно хорошъ собою, хотя и тогда уже логотаривали что изящно завитые локоны и кудри его принадлежатъ превосходному парикку, ежедневно причесываемому, а нѣжный цвѣтъ лица и лоснящіеся закрученные усы—результаты химическихъ косметикъ и фабры. Графъ былъ въ шитомъ генераль-адъютантскомъ мундирѣ со множествомъ звѣздъ и орденовъ русскихъ и иностранныхъ и, стоя среди кабинета, принялъ насъ ласково и величественно. Поглядывая, отъ времени до времени, на насъ въ двойной лорнетъ, онъ высыпалъ намъ изрядную массу обычныхъ, стереотипныхъ, въ этихъ случаяхъ, фразъ. ** Какъ только мы съ Иваномъ Степановичемъ Круглымъ вышли изъ кабинета министра, адъютантъ его, графъ Штапельбергъ, пригласилъ насъ въ отдѣльную комнату подлѣ залы, гдѣ никого кромѣ трехъ, четырехъ писарей не было, и сказалъ намъ что его сіятельство, графъ Александръ Ивановичъ, поручилъ ему объяснить намъ какъ мы должны дѣйствовать при встрѣчѣ на улицахъ съ генералами, съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ цесаревичемъ и другими членами царской фамиліи. „Если же будете имѣть счастье встрѣтить государя императора или государыню императрицу, то имѣете отдавать честь по адъютантской формѣ, а именно: придерживая шинель лѣвою рукою съ лѣвой вашей стороны, съ праваго плеча вы спускаете ее и прикладываете три пальца правой руки къ

* Умершій за три года предъ симъ въ званіи посла въ Парижѣ, генераль-адъютанта и въ чинѣ генерала отъ артиллеріи.

** Подробности этого пріема и этихъ фразъ, равно какъ подробности о всемъ тогдашнемъ строѣ службы военного министерства, а также вѣрная характеристика служащаго персонала найдутъ мѣсто въ другой моей статьѣ: *Моя служба въ военномъ министерствѣ*, которая, надѣюсь, когда-нибудь увидитъ свѣтъ.

кокардѣ вашей шляпы адъютантской формы, т.-е. которая сдѣлана такъ что не поворачивается кокардою ко лбу, какъ шляпы фронтовой формы.“—Казалось бы наставленіе это было такъ ясно какъ утро въ хорошую погоду, какая и была на дворѣ въ этотъ моментъ сильной мартовской оттепели, а со всѣмъ тѣмъ, для вящаго нашего уразумѣнія,—графъ Штакельбергъ далъ г. Круглому и мнѣ по тоненькой рукописной тетрадкѣ въ осьмушку, гдѣ все то что онъ намъ говорилъ было подробно изложено каллиграфскимъ почеркомъ.

Когда мы вышли изъ большаго подъѣзда со львами на Адмиралтейскую площадь, Иванъ Степановичъ Круглый пошелъ въ Большую Морскую, къ себѣ на квартиру въ домъ генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго, дѣлами котораго онъ управлялъ; а я, простившись съ нимъ, сѣлъ въ собственныя одиночныя сани, запряженныя рослымъ темно-бурымъ битюгомъ, управляемымъ молоденькимъ кучеренкомъ въ ярко-голубой кучерской шалкѣ. Плѣненный солнечнымъ днемъ начала весны, когда Невскій былъ усыпанъ гуляющими, я велѣлъ моему юношѣ возницѣ, правду сказать, исправлявшему лакейскую и камердинерскую должности въ нашемъ скромномъ хозяйствѣ, остановиться у троттуара такъ-называемой солнечной стороны, у углового дома, гдѣ тогда помѣщалось Вольное Экономическое Общество и гдѣ теперь находится архивъ военнаго вѣдомства.—Грѣшный человѣкъ, тогда я имѣлъ слабость щеголять съ чувствомъ ребячества моимъ бобровымъ воротникомъ и моею изящною военною формою, въ то время еще новою въ Петербургѣ, такъ какъ до этого времени существовала для военныхъ чиновниковъ та точно форма съ красными выпушками и золотыми петлицами какая осталась нынѣ лишь у капельмейстеровъ гвардейской полковой музыки. Мнѣ казалось что весь Петербургъ на меня смотритъ и только однимъ мною и занимается. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать шесть лѣтъ; а, право, и теперь какъ-то совѣстно вспомнить что я 24лѣтній молодой человѣкъ могъ быть въ то время такъ легковѣренъ, увлекаясь съ такою любовью такими сущими пустяками. О! нынѣшніе молодые люди того возраста какого я былъ въ то время большею частью смотрятъ въ министры, и ежели увлекаются, то втихомолчку такими, на примѣръ, воспоминаньями о незабвенной для нихъ Шнейдеръ, при которыхъ у нихъ въ интимныхъ бесѣдахъ

срывается съ языка: „Ah! comme elle se frotte les hanches.“ * Эти господа въ мои годы, конечно, не будутъ конфузиться, какъ я конфужусь теперь еще, по истеченіи 36 лѣтъ, отъ воспоминанія о легкомысленности съ которою я восхищался моею адъютанскою формою, лишенною однако главныхъ своихъ аксессуаровъ: султана, аксельбанта и эполетъ.— Но вотъ среди всѣхъ этихъ ощущеній, я едва дошелъ до Англійскаго магазина у угла Малоѣ Милліонной, какъ увидѣлъ что всѣ перегонявшіе меня и шедшіе мнѣ на встрѣчу генералы и офицеры останавливаются, поворачиваютъ свои шляпы по формѣ, спустивъ шинель съ праваго плеча. Статскіе также останавливаются и снимаютъ свои шляпы цилиндры или бобровыя шалки. Глядь—около самаго троттуара, по остаткамъ быстро тающаго снѣга, ѣдетъ медленно въ саняхъ, высоко сидя, какъ всегда, въ шляпѣ съ чернымъ султаномъ по формѣ, кокардою надъ лбомъ, императоръ Николай Павловичъ и привѣтливо отдаетъ поклоны, приподнимая руку въ бѣлой перчаткѣ. Не долго думая, увлеченный примѣромъ офицеровъ, поворачивавшихъ шляпы, и забывъ всѣ полезныя наставленія графа Штакельберга о правилахъ адъютантской формы,—я мигомъ повернулъ свою шляпу, которая однако шляпникомъ была такъ устроена чтобъ ей нельзя было поворачиваться какъ другія фронтовые треуголки, иначе устроенныя, почему она повернулась кокардою назадъ, а широкою своею частью впередъ; отстегнуть же новый, упорный крючокъ боброваго воротника шинели я никакъ не могъ, и вслѣдствіе этого затрудненія, рѣшилъ закинуть назадъ всю правую полу шинели и предсталъ предъ очи его величества въ самомъ наикаррикатурнѣйшемъ видѣ. Государь, поровнявшись со мною на разстояніи не болѣе одного аршина, не только улыбнулся, а весело разсмѣялся и во всеуслышаніе сказалъ: „А! Чернышевскій новобранецъ!“ Проѣхавъ уже довольно далеко, императоръ еще разъ оглянулся съ лицомъ смѣющимся.

— Ну, счастливы вы, милостивый государь, сказалъ мнѣ какой-то вовсе незнакомый довольно толстый гвардейскій генералъ, что государь императоръ, въ хорошемъ расположеніи духа сегодня. А то за вашу штуку привелось бы вамъ просидѣть на гауптвахтѣ и тамъ обновлять съ недѣлку вашу мундиръ.

* „Провинціалъ въ столицѣ“, бойкая статья въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1872 года.

Я между тѣмъ приводилъ въ порядокъ мою шляпу, спустилъ шинель и, вспомнивъ что съ генералами говорить должно держа пальцы правой руки у кокарды, все это въ точности исполнилъ. Это, повидимому, понравилось толстяку генералу, который, относясь ко мнѣ уже нѣсколько благосклоннѣе, сказалъ:

— Странное дѣло: наряжаютъ статскихъ юношей въ военную форму, даютъ имъ восьмиклассные, майорскіе канты, и не выучатъ ихъ какъ вести себя въ публикѣ въ этой формѣ.

— Извините, ваше пр—во, объяснилъ я,—въ этомъ виновата только моя память, потому что адъютантъ военнаго министра графъ Штакельбергъ снабдилъ меня за часъ предъ симъ самымъ подробнымъ обо всемъ этомъ наставленіемъ, не только устнымъ, а даже и письменнымъ; но я, видя что всѣ военные поворачиваютъ свои шляпы, совершенно забылъ что тулья адъютантской шляпы устроена иначе чѣмъ тулья фронтальной, и повернулъ мою шляпу.—Вотъ и все!

— Нѣтъ-съ, это не все, продолжалъ нахмурившись генерал-фронтальникъ,—а вамъ надо непременно поправить ошибку вашей дѣвушкиной памяти, и немедленно ѣхать въ Лобановъ домъ (то-есть домъ военнаго министерства), гдѣ, вѣроятно, застанете еще графа Александра Ивановича. Вы обязаны доложить ему обо всемъ случившемся, чтобъ его сіятельство могъ все это происшествіе знать для немедленнаго доклада его величеству. Узнать же объ этомъ отъ государя графу будетъ непріятно. Послѣдуйте моему совѣту, основанному на опытности многолѣтней, отправьтесь въ министерство теперъ же. — Это вашъ экипажъ?

— Мой, ваше пр—во, отвѣчалъ я. Благодарю за совѣтъ, которымъ сію же минуту воспользуюсь.

— Прекрасно, молодой человѣкъ! Счастливо оставаться!—И мы разстались.

Въ министерствѣ я засталъ еще военнаго министра, котораго, конечно, не сталъ беспокоить своею великою особою, а все какъ было сообщилъ графу Штакельбергу. Онъ хохоталъ и просилъ меня сдѣлать при немъ релетицію моей позы предъ императоромъ, о которой, равно какъ о замѣчаніи государя, на счетъ „новобранца“, обѣщалъ доложить военному министру. Съ тѣмъ вмѣстѣ графъ Штакельбергъ посовѣтовалъ мнѣ впередъ не рисковать,нося форму на улицахъ, и или какъ можно тверже запомнить всѣ подробности поклоновъ на улицахъ, или

носить эту форму только на службѣ, оставляя, какъ то дѣлають почти всѣ чиновники военно-походной канцеляріи, у швейцара и всегда передѣваясь въ его швейцарской. Я послѣдовалъ этому благому совѣту, стоившему мнѣ 5 р. въ мѣсяцъ, какіе давалъ швейцару, и за эти деньги купилъ себѣ спокойствіе, не рискуя ночевать на гаултахтѣ за неисполненіе какой-нибудь форменности.

Служба моя въ военномъ министерствѣ была и почетнѣе, и выгоднѣе, и, главное, свободнѣе, даже несравненно свободнѣе службы подѣ начальствомъ Д. Г. Бибикова, требовавшего отъ своихъ чиновниковъ постоянного торчанья въ департаментѣ, руководствуясь поговоркой: „дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай“. Здѣсь я только два дня въ недѣлю былъ серіозно занятъ, по вторникамъ и пятницамъ, въ дни засѣданій общихъ присутствій, когда долженъ былъ являться часовъ въ девять утра сначала къ своему непосредственному и до крайности снисходительному начальнику Ивану Степановичу Круглому на квартиру, гдѣ въ это время находился уже обыкновенно и одинъ изъ писарей нашей маленькой канцеляріи. Тутъ мы готовили бумажки къ докладу, большею частью составленныя самимъ Иваномъ Степановичемъ, говорившимъ всегда что ежели онъ станетъ много меня занимать, то, во первыхъ, ему нечего будетъ дѣлать, и онъ умретъ со скуки, а во вторыхъ, лишится удовольствія читать мои статьи въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣній*, равно какъ въ *Сынѣ Отечества*, принятыхъ въ ту пору Смирдинымъ и редактированныхъ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ, жившимъ въ домѣ принадлежавшемъ Смирдину, на Лиговкѣ. Впрочемъ, нельзя сказать чтобъ я совершенно былъ безъ дѣла, потому что Михаилъ Павловичъ Позень, отъ времени до времени, задавалъ мнѣ работу, состоявшую въ редактированіи различныхъ проектныхъ записокъ, по его идеямъ, въ цѣляхъ усовершенствованія провіантской части. Часовъ въ 11 дня мы съ И. С. Круглымъ, покончивъ работу нашу у него на квартирѣ, приходили въ провіантскій департаментъ, оба въ вицъ-мундирахъ, при шлагахъ и со шпорами на сапогахъ. Вицъ-мундиръ этотъ отличался отъ мундира лишь отсутствіемъ петлицъ и кантовъ. Мы, то-есть правитель дѣла и его помощникъ, помѣщались за особымъ столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ, поодаль отъ огромнаго крытаго алымъ сукномъ стола у государева портрета, подѣ которымъ было президентское кресло,

а по сторонамъ направо и налѣво шли кресла членовъ. Противъ президентскаго мѣста находился докладчикъ, то-есть правитель дѣлъ, съ кучею бумагъ; я же могъ оставаться за нашимъ, далеко стоявшимъ столомъ, просматривая протоколы и журналы къ подписи присутствія, и подготавливая необходимыя справки, но обыкновенно чтеніе этихъ докладныхъ актовъ, на томъ основаніи что у почтеннѣйшаго Ивана Степановича Круглаго голосъ былъ сильный и деревянистый, производилъ я, а не онъ, благодаря моему свѣжему и громкому голосу и привычкѣ читать съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ прелинанія. Члены, особенно старикъ д. с. с. Черницкій, довольно глуховатый, были очень довольны моимъ чтеніемъ; а членъ Алексѣй Александровичъ Зубовъ, * человекъ весьма умный и, для того времени, замѣчательно хорошо образованный, о которомъ я храню истинно пріятныя и сладостныя воспоминанія, иногда замѣчалъ, когда мнѣ приводилось прочитать безъ умолка десть накаллиграфированныхъ докладныхъ журналовъ съ массою справокъ и ссылокъ на законы: „нашему В. П., повидимому, никогда не нужно было прибѣгать къ тѣмъ средствамъ какія, для очищенія голоса, употреблялъ Демосѣенъ въ древности“.—Слыша это, одинъ изъ членовъ общаго нашего присутствія К., человекъ довольно блестящій и очень божанрный, сказалъ при этомъ однажды: „этотъ Демосѣенъ, для освѣженія голоса, пилъ сырыя яйца: мнѣ Рубини говорилъ что ничего нѣтъ лучше сырыхъ яицъ для поправленія голоса“.—Остроумный Алексѣй Александровичъ Зубовъ и столько же умный, тонкій и дипломатичный генераль-провіантмейстеръ Иванъ Григорьевичъ Желѣзновъ перекинулись между собою сардоническою улыбкой, оставивъ члена-франта въ увѣренности что Демосѣенъ зналъ способъ италіянскихъ пѣвцовъ очищать голосовой органъ. Но однакоже ежели я такимъ образомъ буду разказывать уже теперь разныя подробности, то мнѣ не останется матеріаловъ для будущей моей, о которой я выше упомянулъ, статьи: „моя служба въ военномъ министерствѣ.“ И такъ, стоить!—Я сказалъ что новая моя служба давала мнѣ много свободнаго времени, большую часть котораго

* Это былъ отецъ нынѣшняго статсъ-секретаря и члена государственнаго совѣта Петра Алексѣевича Зубова, который въ ту пору носилъ правовѣдскій мундиръ съ золотыми петлицами, но еще безъ шпаги.

я могъ посвящать Удѣльному Земледѣльческому Училищу, гдѣ проводилъ иногда по нѣскольку дней, напримѣръ, вечеръ вторника, среду и четвергъ, или вечеръ пятницы, субботу, воскресенье и часть понедѣльника. Такимъ образомъ, я сдѣлался тамъ совершенно „своимъ человѣкомъ“, и всѣ фазисы заведенія проходили въ моемъ присутствіи, почему теперь я буду разказывать эпизодъ за эпизодомъ о болѣе выпуклыхъ событіяхъ, касающихся собственно и исключительно училища и его директора, но уже вовсе не слѣдуя поденному моему журналу, а напротивъ, оставляя иногда значительные промежутки между тѣмъ или другимъ событіемъ.—Скажу только, въ видѣ предисловія, что я въ теченіи всей рабочей поры постоянно бывалъ въ поляхъ и усердно учился искусству правильного сѣва и управленію Смалевскимъ плугомъ. Это мнѣ приносило много удовольствія и съ тѣмъ вмѣстѣ заставляло не рѣдко Льва Алексѣевича, почти ежедневнаго посѣтителя училища, преимущественно по вечерамъ, смѣяться надъ моею „агрономаніею“, какъ онъ называлъ эти мои дилеттанскія земледѣльческія упражненія, исполняемыя мною до такой степени добросовѣстно что я при этихъ полевыхъ занятіяхъ никогда не носилъ обычнаго моего платья, а наряжался въ тотъ полукафтанъ изъ верблюжины, какой, какъ вѣроятно помнитъ читатель, подарилъ мнѣ Матвѣй Андреевичъ, и обувался въ тѣ высокіе смазные сапоги, какіе носили воспитанники. Въ числѣ посѣтителей, цѣлыми вереницами пріѣзжавшихъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище,—я не рѣдко встрѣчалъ кого-нибудь изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, которымъ показывалъ всѣ подробности заведенія, точно какъ будто это чичеронство входило въ составъ моихъ обязанностей. Отношенія мои къ Байкову и къ воспитанникамъ съ каждымъ разомъ укрѣплялись и усиливались.

Самымъ важнымъ событіемъ 1836 года было наполненіе фермы училища большимъ количествомъ иностраннаго скота лучшихъ породъ, почему я, во всѣхъ подробностяхъ, основанныхъ на воспоминаніяхъ,—передамъ знаменательный случай изъ жизни Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Прежде чѣмъ говорить о томъ какъ въ началѣ лѣта 1836 года совершилось, поистинѣ, „торжество“ водворенія на фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища разнообразныхъ иностранныхъ породъ рогатаго скота, приведу слова официальныхъ отчетовъ, по этому предмету, департамента удѣловъ за

1836 и 1837 годы. Вотъ что въ отчетахъ этихъ значитсѣ: „Въ 1836 году выписанъ скотъ изъ-за границы въ числѣ 88 головъ на 63.000 р. асс.; изъ этой партіи 21 штука назначены были собственно для фермы, а 67 оставлены тамъ же съ тою цѣлью чтобъ, сохранивъ здѣсь породу во всей чистотѣ, разсылать приплодъ по удѣльнымъ имѣніямъ. Въ осень того же 1836 года, отъ падежа, проникшаго на ферму, погибло 36 головъ; дальнѣйшее дѣйствіе заразы прекращено строжайшими полицейскими мѣрами и особымъ способомъ содержанія скота. Сверхъ того въ этомъ году сдѣлано было распоряженіе о заведеніи небольшого стада простой „романовской“ (изъ Ярославской губерніи) породы овецъ, чтобы постепенно усовершенствовать его примѣсью первоклассныхъ барановъ „улучшенной англійской лейчестерской породы“. Далѣе въ отчетѣ за 1837 годъ читаемъ: „Отъ 105 головъ племеннаго рогатаго скота чистыхъ породъ получено: приплодомъ на 8000 и молочными скопами до 3000 р. асс., да мелкой скотины (овецъ и свиней) продано и израсходовано для пищи воспитанниковъ почти на 2000 р. Изъ упомянутаго числа рогатаго скота, 49 штукъ (цѣною на 25.700 р.) отправлено въ удѣльныя имѣнія Симбирской губерніи.“

Я нарочно выписалъ все это изъ формальныхъ отчетовъ, чтобы читатель мой могъ уразумѣть съ перваго раза какъ важно было для Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища водвореніе на фермѣ его избранныхъ экземпляровъ отличайшихъ иностранныхъ породъ. Та брошюра съ подробнымъ описаніемъ этихъ породъ которой изложеніе я въ началѣ 1835 года, по желанію Льва Алексѣевича, исправляя, послужила основаніемъ къ выпискѣ изъ-за границы, т.-е. изъ Штиріи, Тироля, Берна, Голландіи и Англіи тѣхъ великолѣпныхъ экземпляровъ быковъ и коровъ, которымъ въ то время справедливо завидовала даже Царскосельская ферма, всегда славившаяся своимъ необыкновенно красивымъ рогатымъ, исключительно молочнымъ рогатымъ скотомъ.—Въ теченіи болѣе года шла переписка вице-президента департамента удѣловъ Л. А. Перовскаго съ нашими заграничными консулами о способахъ выписки этого разнообразнаго стада. Левъ Алексѣевичъ, со свойственною ему щепетильною аккуратностію, доходившею иногда даже до мелочности, относился къ этому дѣлу, почему мало того что консула наши, которымъ тогдашнее министерство иностранныхъ дѣлъ, завѣдываемое графомъ Карломъ Васильевичемъ

Нессельроде, далъ по этому предмету наистрожайшія и наиточнѣйшія инструкціи,—доставляли по почтѣ и съ курьерами, часто ѣздившими въ министерство,—не только самыя точныя и подробныя описанія тѣхъ экземпляровъ домашнихъ животныхъ которыхъ они, чрезъ своихъ агентовъ, пріискивали на превосходнѣйшихъ заграничныхъ фермахъ; но присылали даже акварельные, мастерски исполненные портреты, которые въ послѣдствіи Матвѣй Андреевичъ Байковъ сумѣлъ выпросить себѣ и украсилъ ими стѣны своего сельскаго, столь уже знакомаго моему читателю, кабинета. Матвѣй Андреевичъ показывалъ эти портреты воспитанникамъ, въ которыхъ всячески старался развить любовь къ домашнимъ животнымъ, любовь, къ сожалѣнію, столь мало развитую въ нашемъ простолюдинѣ. Однако твердая воля Байкова сумѣла восторжествовать и надъ этимъ прелѣтствіемъ: воспитанники, разумѣется пока были воспитанниками, т.е. находились въ мѣстѣ своего воспитательнаго и учебнаго заточенія, подъ постоянною и неустанно держимою надъ ними ферулою власти начальственной,—проявляли необычайную любовь къ четвероногимъ жителямъ фермы: къ конямъ обвенской, эзельской и казацкой породы, къ быкамъ, коровамъ, баранамъ, овцамъ, боровамъ и свиньямъ разнообразныхъ породъ. Въ особенности великолѣпные быки пользовались благосклоннѣйшимъ вниманіемъ, и о нихъ воспитанники вели даже свои довольно оригинальныя, спеціальныя легенды или мемуары, давая быкамъ этимъ клички, заимствованныя преимущественно изъ сказочнаго русскаго міра, населеннаго, какъ извѣстно, столькими богатырями нашего баснословнаго славянскаго эпоса. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ оправдалась извѣстная поговорка Французовъ: *chassez le naturel, il revient au galop*, по-русски передаваемая фразою: „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“, потому что въ то время какъ только эти же воспитанники сдѣлались хозяевами на образцовыхъ усадьбахъ, снабженныхъ экземплярами дивнаго племеннаго скота, приведеннаго каждымъ изъ этихъ хозяевъ изъ мѣста своего шестилѣтняго обученія, молодые хозяева тотчасъ поохладѣли къ своимъ четвероногимъ любимцамъ. Пока до смерти своей, послѣдовавшей въ концѣ 1849 года, Байковъ ежегодно съ 1839 года объѣзжалъ эти образцовыя усадьбы, т.е. эти хозяйственные, никогда не привившіеся, оазы среди пустыни нашего невѣжественнаго крестьянскаго земледѣлія,—означенные молодые хо-

зьева старались угождать бывшему своему директору хорошимъ уходомъ за даннымъ имъ скотомъ и услѣвали даже вставлять ему очки, ему, столь точному и проицательному, прикидываясь что будто попрежнему страстно любятъ свою скотину. Но со смертію Байкова все измѣнилось: не чувствуя надъ собою дѣйствія инспекторскаго глаза бывшаго своего директора, у котораго всякая вина была виновата, эти же самые хозяева стали заниматься своими племенными животными съ настоящими россійскими „кое-какъ“ и „какъ-нибудь“, не соблюдая никакихъ раціональныхъ правилъ скотосодержанія и скоторазведенія, о которыхъ ихъ непосредственное удѣльное начальство, — управляющіе и помощники управляющихъ удѣльными конторами лонятія не имѣли. И все шло самымъ нелѣпымъ образомъ, такъ что въ 1850 году, по возвращеніи своемъ изъ поѣздки по юго-восточнымъ губерніямъ Россіи, для провѣрки тамъ триангуляціонныхъ и межевыхъ работъ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, генеральнаго штаба генераль-майоръ почтеннѣйшій тогдашній мой хорошій знакомецъ, Карлъ Карловичъ фонъ В. сказывалъ мнѣ что, когда онъ посѣтилъ изъ любопытства нѣсколько удѣльныхъ усадебъ, устройствомъ образцовыхъ избъ которыхъ бывало такъ любовался онъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, посѣщая тамъ меня (1839, 1840, 1841 и отчасти 1842), когда я состоялъ тутъ на службѣ въ качествѣ помощника директора, — то нашелъ въ этихъ хваленыхъ образцовыхъ усадьбахъ изрядную долю неяршества за ширмами шарлатанства, безъ чего, къ сожалѣнію, мы русскіе люди ни на шагъ, какъ только ведемъ что-нибудь путемъ служебной офиціальности. Впрочемъ, правду сказать, по части шарлатанства воспитанники могли сильно наостриться въ училищѣ во время своего шестилѣтняго тамъ воспитанія. Такъ, въ нѣсколькихъ самарскихъ и саратовскихъ усадьбахъ просвѣщенный наблюдатель нашелъ лустые коровники съ превосходною подстилкою. А на вопросъ: „гдѣ же скоть?“ его пр—ву отвѣчали что скоть стоитъ особо въ обыкновенномъ русскомъ хлѣву, эта же фермерская коровня наполняется животными на случай пріѣзда начальства, которое иногда показывается, всегда впрочемъ предупреждая о своемъ прибытіи головъ и старшинъ волостныхъ дѣя за три, за четыре. Старинный мой знакомецъ интересовался видѣть у усадебниковъ тотъ

предестный скотъ какимъ онъ нѣкогда любовался въ училищѣ. Нѣкоторые изъ хозяевъ узнавали генерала, какъ нѣкогда довольно частаго гостя моего, меня же они помнили и въ эту пору и говорили обо мнѣ съ Карломъ Карловичемъ съ лестнымъ для меня выраженіемъ ихъ привязанности ко мнѣ. Они, эти добрые ребята, показали генералу свою скотину, которая оказалась переродившеюся, потому что гуляетъ въ общемъ крестьянскомъ стадѣ; но стадо конечно таки нѣсколько выиграло отъ смѣси иностраннаго приплода, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ были коротконогіе, длиннокорпусные, красавчики тирольскіе быки - производители; огромные же швейцарцы, голландцы и штейермаркцы скорѣе способны были попортить въ первомъ колѣнѣ стада молорослыхъ русскихъ коровенокъ и воспроизвести уродовъ на длинныхъ ногахъ съ короткимъ туловищемъ. Этотъ физиологическій афоризмъ давно рѣшенъ въ европейскомъ скотоводствѣ; но у насъ на Руси едвали только теперь дѣлается понятнымъ. Такъ жеребцы - производители случныхъ конюшенъ государственнаго коннозаводства много зла надѣлали у насъ средней и южной Россіи, гдѣ нужно было поправить кровь казанками и обвенками, а не огромными англійскими и голштинскими конями.

Однако возвращаюсь къ своему сюжету. Въ концѣ мая мѣсяца 1836 года, ровно за 36 лѣтъ предъ нынѣшнимъ днемъ-когда я пишу эти строки, воспитанники Удѣльнаго Училища ожидали съ какимъ-то торжественнымъ восторгомъ и съ какимъ-то особеннымъ настроеніемъ что вотъ въ такой-то вождѣльный день придетъ къ директору училища извѣстіе изъ Питера о томъ что прибыли на биржѣ корабли съ тѣмъ прекраснымъ вождѣльнымъ иноземнымъ скотомъ въ большомъ количествѣ. Портреты нѣкоторыхъ изъ экземпляровъ этого чуднаго скота имъ уже были знакомы, равно какъ была знакома генеалогія и біографія почти каждаго быка и каждой коровы, съ любопытными свѣдѣніями, сообщенными имъ, предъ симъ, ихъ директоромъ въ нѣсколькихъ его съ ними бесѣдахъ о томъ какъ въ иностранныхъ земляхъ, показанныхъ его высокородіемъ имъ на огромной картинѣ, разложенной на дворѣ—тамошніе заморскіе жители умѣютъ ухаживать за скотиной и старательно ее откармливать, изобрѣтая для этого всякія средства. Наконецъ этотъ, столько ожидаемый и желанный день насталъ, и ко мнѣ наканунѣ явилась отъ училища депутація, состоявшая изъ трехъ воспитанниковъ въ зеленыхъ каф-

танахъ съ красными кушаками. То были, какъ теперь помню: Кузьминъ, Бровкинъ и Ляпустинъ. Эти молодцы привезли мнѣ письмо отъ ихъ директора, а сами, устами Федосея Кузьмина, въ заученныхъ какъ обыкновенно фразахъ, выразили мнѣ „пламенное желаніе всего училища видѣть именно меня свидѣтелемъ завтрашняго торжества, когда они въ числѣ болѣе ста человѣкъ отправятся въ назначенный часъ къ Выборгской заставѣ для пріема всего того племеннаго скота который, по милостивому распоряженію благодѣтельнаго начальства, выписанъ щедротами монаршими изъ чужихъ краевъ, въ великой цѣли улучшенія скотоводства, какъ въ удѣльныхъ государевыхъ имѣніяхъ, такъ чрезъ то въ послѣдствіи во всей Россіи“.—„Этотъ праздникъ будетъ намъ не въ приздинокъ, эта радость будетъ намъ не въ радость, гласилъ текстъ подготовленнаго, конечно, Байковымъ, спича, ежели праздникъ нашъ не будетъ украшенъ, ежели радость наша не будетъ умножена присутствіемъ искренняго друга *Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища* (такъ непременно именовали меня тамъ до начала моего поступленія туда на службу въ апрѣлѣ 1839 года), избаловавшаго насъ, простыхъ чадъ русской природы, своимъ постояннымъ расположеніемъ и прославившимъ на всю Россію наше Училище, которымъ мы гордимся и которое должно сослужить великую службу царю и отечеству.“ Какъ же можно было не растаять отъ такого лестнаго приглашенія? Само собою разумѣется, я обнялъ и дружески поцѣловалъ cadaго изъ членовъ депутаціи и потомъ, вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ дядькою, великаномъ отставнымъ гвардейскимъ умтеръ-офицерамъ Надиденко, усадилъ ихъ въ маленькой моей столовой за столъ, на которомъ въ это время кипѣлъ самоваръ, и угостилъ всѣхъ ихъ чаемъ съ выборгскими кренделями, приливъ въ стаканъ ихъ дядьки полрюмочки коньяку. Пока гости мои угощались, я прочелъ письмецо Матвея Андреевича, который съ обычною любезностію писалъ: „Ежели вы завтра къ десяти часамъ къ намъ не пріѣдете, дорогой В. П., то это будетъ значить что вы разлюбили и Училище и „мальчишковъ“ и вашего покорнѣйшаго слугу, который однако на этотъ разъ предваряетъ васъ что прислать завтра за вами коней не можетъ, такъ какъ завтра огромный разгонъ какъ на двуногихъ, такъ на четвероногихъ. Депутаты объяснятъ вамъ въ чемъ дѣло и почему присутствіе ваше крайне необходимо. Я же скажу только что у насъ

знаменательнѣйшее торжество изъ торжествъ, которому вѣроятно суждено быть эрою въ исторіи отечественнаго сельскаго хозяйства и пр. и пр. и пр.“ Дружба дружбой, выгода выгодой, а потому присутствіе мое въ этомъ случаѣ было, повидимому, крайне необходимо въ понятіяхъ Байкова, желавшаго чтобъ я обстоятельство водворенія на фермѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища около 90 головъ племеннаго иностраннаго скота росписалъ какъ можно повиднѣе и покраснѣе въ *Сѣверной Пчелѣ*, въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣній* и въ *Journal de St.-Petersbourg*, что впрочемъ все и было мною исполнено съ обычнымъ моимъ усердіемъ, заставлявшимъ меня все видѣть въ ярко-розовые очки и описывать все въ радужнѣйшихъ краскахъ съ изрядною дозой лаѳоса. На милую цидулу директора я отвѣчалъ нѣсколькими привѣтливѣйшими словами и отпустилъ депутацію, снабдивъ ее нѣсколькими дюжинами маленькихъ въ 16ю долю книжечекъ, въ поллиста печатныхъ каждая, какія въ тѣ времена печатало на русскомъ языкѣ для простонародья англійское миссіонерно-библейское общество издававшее такія же книжки-лиллпуты какъ для русскихъ грамотныхъ мужичковъ на русскомъ языкѣ, такъ для Чухонъ и Латышей на финскомъ и латышскомъ, а для Чувашей, Мордвы, Черемисовъ, Татаръ, Калашей и прочихъ инородцевъ на ихъ діалектахъ, ужь Богъ вѣсть какими шрифтами. Въ Петербургѣ, въ Гороховой улицѣ, въ домѣ Таля, и нынѣ существуетъ книжный магазинъ г. Блиссера, бывший г. Мейера, съ вывѣскою гласящею: „Дешевыя книжки для народа“. Тутъ было главное дело этихъ „грошевыхъ“ книжечекъ, наполненныхъ текстами Св. Писанія и моралью прописей, а все-таки далеко не безпольныхъ. И нынѣ еще можно найти въ этомъ книжномъ нѣмецкомъ складѣ книгъ душевспасительнаго содержанія остатки экземпляровъ этихъ нравоучительныхъ книжекъ, изданіе которыхъ поистинѣ сдѣлало и дѣлаетъ честь почтеннымъ нѣмцамъ и англійскимъ миссіонерамъ. Въ каждую мою поѣздку въ Удѣльное Земледѣльческое Училище я отвозилъ туда для раздачи „мальчикамъ“ всегда добрую сотню этихъ книжечекъ, которыя принимались воспитанниками съ живѣйшею признательностію; но все-таки повторяю то что сказалъ уже прежде, что изъ всѣхъ книгъ и книженокъ подаренныхъ мною въ теченіе всѣхъ годовъ моихъ „неофициальныхъ“ сношеній съ воспитанниками, *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки* и *Тарасъ Бульба*

безсмертнаго Гоголя имъ наиболѣе нравились, даже больше *Бурсака* Нарѣжнаго, *Юрія Милославскаго* Загоскина, *Солдатской переписки* Скобелева и моего *Старосты Мирона Иванова*, отчасти редактированнаго при ихъ содѣйствіи, какъ я уже говорилъ объ этомъ выше. Въ послѣдствіи, когда уже я служилъ въ Училищѣ помощникомъ директора, то, бывало, съ разрѣшенія Льва Алексѣевича Перовскаго, во время отлучекъ Байкова, разѣзжавшаго ревизоромъ и инспекторомъ образцовыхъ усадебъ и удѣльныхъ имѣній, я въ 1842 году читалъ отрывки, одобренные и карандашомъ Львомъ Алексѣевичемъ помѣченные, изъ перваго тома *Мертвыхъ душъ*, и не могу не вспомнить что молодежь эта простодушная, вполне русская, пріобрѣтшая уже нѣкоторую степень дѣльной и практичной, въ чисто русскомъ духѣ, образованности, слушала съ наслажденіемъ эти отрывки, изъ которыхъ особенно характеристики помѣщичьи Коробочки и безпардоннаго Поздрева были предметами такого увлеченія что знай объ этомъ безсмертный авторъ этихъ вѣчно-юныхъ и вѣчно-свѣжихъ твореній, конечно онъ не могъ бы не порадоваться и не убѣдиться что ему удалось глубоко проникнуть въ русскую душу и узнать хорошо всю нравственно-умственную суть настоящаго, неподдѣльнаго русскаго человѣка.

XX.

Итакъ, 24го мая 1836 года, я ѣхалъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище; но уже не съ прежнимъ моимъ сосѣдомъ по квартирѣ старикомъ извозчикомъ, пессимистомъ, который изъ столицы удалился на житье въ свою родную деревню, гдѣ ему съ неба свалилось какое-то послѣ бездѣтнаго брата наследство. Въ этотъ разъ я быстро несся съ бойкимъ лихачемъ, молодымъ ярославскимъ ларнемъ, на щегольскихъ дрожкахъ-гитарѣ (пролетокъ тогда у извозниковъ не было еще), въ которыя запряженъ былъ одиночкою рослый и шагистый сѣропѣгій рысакъ-орловецъ, который вздымалъ тучи петербургской пыли, а въ тѣ времена улицы поливали лѣтомъ далеко не съ тѣмъ тщаніемъ какъ это дѣлается нынче. Проносивъ Самсоновскую церковь, гдѣ, какъ извѣстно, погребенъ знаменитый въ свое время Воыньскій, я издалека завидѣлъ шлагбаумъ Выборгской заставы, и всматривался, помогая зрѣнію лорнетомъ, постояннымъ тогдашнимъ моимъ, по причинѣ прирожденной

близорукости, спутникомъ чуть не съ пятнадцатилѣтняго возраста, замѣнявшаго мнѣ очки, надѣтые лишь въ началѣ сороковыхъ, помнится, годовъ, когда я переступилъ тридцатилѣтній возрастъ. И вотъ, около заставы, по ту ея сторону, увидѣлъ я вдали какое-то еще неясное сборище людей. Возница мой, восемнадцатилѣтній юноша, одаренный зрѣніемъ орлинымъ, слегка оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— А, кажется, В. П., у заставы-то собралось чуть ли не все училище и между ларьями вонъ виднѣется шведская кабріолетка самого директора.

Я взглянулъ на часы и убѣдился что, захопотавшись какъ-то дома, къ десяти часамъ, какъ звалъ меня Байковъ, не поспѣлъ. Запоздалъ же я больше по той причинѣ что была пятница, докладной день въ общемъ присутствіи провіантскаго департамента, и мнѣ надо было объ отлучкѣ моей предупредить добрѣйшаго Ивана Степановича (Круглаго), жившаго въ Большой Морской.

— А что, Вася, спросилъ я моего извозчика, съ которымъ часто ѣзжалъ и между прочимъ и въ Земледѣльческое Училище,—ты своими ясными очами не видишь ли тамъ коровъ?

— Ни коровъ, ни быковъ, ни телятъ не видать, сударь, отвѣчалъ бойкій Ярославецъ,—но ларни тутъ почти всѣ налицо, вонъ даже трое или четверо сотскихъ держатъ своихъ дончиковъ въ поводу. А глядите-ка, Матвѣй Бровкинъ вспрыгнулъ въ сѣдло и несется къ намъ на встрѣчу.

Вскорѣ Бровкинъ ловко осадилъ своего бураго эзельскаго жеребчика и, снявъ шляпу, сообщалъ мнѣ что „почти все училище, болѣе ста человѣкъ, съ господиномъ директоромъ, ожидаютъ тутъ прибытія скота, который вчера, въ присутствіи самого господина директора, выгруженъ съ кораблей, и съ Нѣмцами-пастухами помѣщенъ въ Лѣсномъ корпусѣ на роздыхъ подъ огромными навѣсами, какіе министръ финансовъ генералъ Канкринъ велѣлъ тамъ разставить. Директоръ сегодня ужъ тамъ былъ, и министръ дивовался этому скоту что изъ-за морей привезенъ. Теперь съ часъ какъ туда поѣхали господинъ помощникъ директора (это былъ господинъ Сухомлиновъ) съ смотрителемъ фермы Егоромъ Васильевичемъ Ревагинымъ и съ дядюшкой, главнымъ скотникомъ, Виссаріономъ Ивановичемъ. Они-то вотъ съ Нѣмцами-пастухами и приведутъ всю скотинку, которую у заставы сдаютъ нашимъ ребятамъ, мы же отъ нихъ примемъ

животинъ. Тогда мы отведемъ быковъ и коровушекъ на ферму, гдѣ всю скотинку и стойла батюшка окропитъ святою водою. Въ училище съѣхалось множество гостей съ окрестныхъ дачъ, чтобъ видѣть какъ все это будетъ.“

Я продолжалъ ѣхать, сопровождаемый сотскимъ Бровкинымъ, скакавшимъ сильнымъ галопомъ, едва успѣвая за шагистымъ Васинымъ рысаконъ, но все-таки и на скаку продолжавшимъ разказывать мнѣ всѣ подробности, между прочимъ, то что сегодня еще рано утромъ, сопровождая въ Лѣсной господина директора, онъ видѣлъ тамъ весь этотъ дивный скотъ,— „все такіе большущіе бычичи на желѣзныхъ дѣляхъ, а коровки ростомъ съ холмогорскихъ здѣшнихъ быковъ, хотя есть и не крупныя, тирольки, буренькія, да черныя безъ всякихъ отмѣтинъ, заглядѣнье, просто заглядѣнье! Тамъ министръ финансовъ, старый генералъ въ зеленыхъ очкахъ, высокій и степенный такой, много разговаривалъ съ господиномъ директоромъ, а потомъ сталъ по-нѣмецки толковать съ Нѣмцами-ластухами, и что эти ластухи ему разказывали, то господину директору по-русски объяснялъ; да только говорить-то этотъ генералъ словно будто онъ не русскій бояринъ, а такъ точно какъ болтаетъ тотъ Нѣмецъ который изъ Петербурга ѣздитъ къ намъ въ училище разъ въ недѣлю учить насъ окорока, колбасы да сосиски дѣлать.“

Когда я былъ совершенно близко къ Байкову, сидѣвшему въ своемъ шведскомъ двухколесномъ кабріолетѣ, я снялъ шляпу и, поднимая ее высоко, раскланивался съ нимъ въ отвѣтъ на его такія же привѣтствія. Онъ двинулъ впередъ своего бодренькаго малорослаго свѣтло-рыженькаго *Козыря*, съ щетинистою гривой и вздернутою мордой, и быстро приблизился ко мнѣ.

— А я боялся что вы опоздаете, говорилъ Байковъ, пожимая мнѣ руку изъ кабріолета.—Жду съ минуты на минуту *Федора Ивановича* (то-есть помощника директора *Сухомлинова*); да вѣдь вы знаете какой онъ рохля: не поторопится двинуться, да еще ежели тамъ опять „патушка“ *Егоръ Францовичъ* сталъ съ нимъ калякать, такъ мой *Федоръ Ивановичъ* растаялъ съ радости что можетъ съ его высокопревосходительствомъ толковать по-нѣмецки. Измучилъ, правду сказать, меня ужъ своими педантскими вопросами и разспросами этотъ финансовый мудрецъ!...

„Ага! подумалъ я, начинавшій въ эту пору раскусывать Байкова, — съ *Егоромъ Францовичемъ*, съ этимъ умникомъ и

знатокомъ всякаго дѣла, видно не съ нашимъ братомъ доверчивымъ-фофаномъ разговаривать; очки онъ самъ носить, да еще зеленые, другимъ вставлять всякія очки умѣетъ, а себѣ вставлять ихъ никому не даетъ. Видно разговоръ съ Канкринымъ солонъ пришелся; съ нимъ надо вѣдъ лѣсенку зардѣвшись лѣтъ.“

Мы, размѣнявшись обычными привѣтственными фразами, оба слѣзились, и въ это время мой плутоватый возница, раз-а два угощенный въ Земледѣльческомъ, по приказанію директора, разными лакомствами, учтиво снялъ шляпу и, ловко кокетливо трянувъ своими русыми густыми кудрями, натурально вившимися, поклонился Байкову:

— А вы бы, В. П., обратился Байковъ ко мнѣ, — отпустили вашего возницу, потому что вечеркомъ я самъ поѣду къ Льву Алексѣвичу и васъ прямо къ вашему подъѣзду или повсюду куда захотите подвезу.

Байковъ не желалъ чтобъ воспитанники имѣли близкія сношенія съ такимъ разбитнымъ людомъ, каковы петербургскіе извозчики-лихачи, знакомые съ такими столичными чудесами о которыхъ его „мальчики“ не должны и понятія имѣть. И поэтому-то онъ хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ моего возницы. Я понялъ въ чемъ дѣло и, вынувъ свой кошелекъ (тогда портмоне въ ходу еще не были), разчиталъ юношу точно такъ какъ бы онъ оставался со мною до вечера Байковъ же, подойдя къ нему, далъ ему синенькую бумажку и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, шустрякъ, на прогуль, да только пусти же-ребца-то твоего стрѣлою, чтобъ мнѣ полюбоваться его бѣгомъ.

Молодой Ярославецъ снова граціозно поклонился, громко восклицая:

— Желаемъ вашему превосходительству премного лѣтъ здравствовать со всею вашею превосходительною фамиліей. Пустилъ коня самую крупною рысью и мигомъ скрылся въ облакахъ пыли, которою отчасти обдалъ насъ и фхавшаго навстрѣчу ему верхомъ дробною рысцой на одной изъ училищныхъ малорослыхъ и лузатыхъ обвенокъ широкобородаго и лысаго главнаго скотника Виссаріона Иванова.

— Имѣю честь вашему высокородію донести, говорилъ Виссаріонъ, слѣзая или почти какъ куль валясь съ конька, котораго у него принялъ одинъ изъ ближайшихъ воспитанниковъ, — заморскій скотъ слѣдомъ за мною идетъ сюда, а какъ подойдутъ два Пѣмца съ главнымъ красно-лестрымъ быкомъ, котораго, ужъ

извините ваше высокородіе, я окрестилъ по-своему *Ильею Муромцемъ*, чтобъ въ Ильинъ день, когда Илья пророкъ на колесницѣ ѣздитъ, справлять намъ его именины.... Итакъ я имѣю счастье донести вашему высокородію, какъ подойдутъ Нѣмцы, то-есть, чтѣ въ авантъ-то гардѣ идутъ, я отъ нихъ этого *Ильюху* приму, какъ ни на есть самаго главнаго скота. Вотъ извольте видѣть, ужъ я и полотенце для того припасъ съ самыми нашими чтѣ ни на есть лучшими ярославскими, первый сортъ, лѣтухами.

Байковъ, замѣтивъ что его главный скотникъ, ежели, какъ говорится, не на третьемъ, то на второмъ взводѣ, сказалъ ему съ вѣчною своею усмѣшкой и сощуриваньемъ глазъ, чтѣ иногда бывало у него симптомомъ будущей грозы:

— Ладно, ладно, дядя Виссаріонъ, ладно, да только ты одинъ этого *Ильюху* не хватай, а съ тремя или четырьмя ассистентами изъ ребятъ. Да оно вѣдь и справедливо: скотъ этотъ не нашъ съ тобою, а ихній, и имъ батюшкой царемъ дарится, такъ не намъ, а имъ и честь подобаетъ его принимать, мы же и тѣмъ потѣшимся что на нашу съ тобою долю выпало наблюдать за тѣмъ чтобъ скотинка эта была въ цѣлости и благополучіи, да чтобъ „мальчики“ выучились за нею хорошо ухаживать.

— То-то, ваше высокородіе, восклицалъ широкобородый Виссаріонъ-скотникъ,—оно конечно, дай Господь Богъ и Пресвятая Богородица чтобъ не случилось съ этими заморскими нѣжными скотинками какой лихости. Я и то ужъ молитвы все причитывалъ, да отплеывался, да крестилъ скотинку, хоть она, конечно, еще теперь и басурманка, не православная. А то этотъ Нѣмецъ-генералъ въ зеленыхъ наглазникахъ съ его высокоблагородіемъ господиномъ помощникомъ Федоромъ-то Ивановичемъ все растобарывалъ по-ихнему, по-нѣмецкому; да потомъ какъ глянетъ на меня, да и зарычалъ: „Экой плавный животина эта все! Такой животины на Шарскозельской ферма ни отной не пиваетъ!“ Ну, тилунъ бы ему на языкъ, хоть, конечно, онъ и ваше высокопревосходительство, да и его какая-то доплелькорнъ, которою онъ и нѣмецкихъ пастуховъ и меня угощалъ, распрестличительная-съ и очень раззабористая-съ. Ей-ей, шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и также, слава Богу, знавалъ господъ не малыхъ, хоть бы господина откупщика Галченкова, да такой водки и у его милости не пивалъ, право слово, не пивалъ!

— Вижу, вижу, похихикивалъ Байковъ, — что не пивалъ, да

выпилъ знатно сегодня, такъ безъ ассистентовъ ужъ ты у меня, дядя Виссаріонъ, твоего крестника не замай.

— Обижать меня изволите, ваше высокородіе, отвѣчалъ брадатый мужичина, — допелъкорнъ, конечно, сказать правду, штука распрезабористая, а я все-таки скажу вашему высокородію что перваго быка никому, какъ мнѣ вести, по всѣмъ порядкамъ и по всѣмъ законамъ, слѣдуетъ.... Я, ваше высокородіе, вѣдь законъ-то свой крѣпко знаю!..

Улыбка Байкова исчезла, онъ вперилъ свои бѣлосоватые глаза въ зрачки Виссаріона, который тотчасъ потупился и замаялся, а Байковъ только прошепталъ, да такъ прошепталъ, а Іа Каратыгинъ, что, казалось, во всей окрестности до Поклонной горы слышно было: „Твой законъ вотъ гдѣ!“ И слерка кулакомъ стукнулъ себя повыше груди, коснувшись низко развѣшеннаго своего Владимірскаго ордена. Потомъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ и совершенно спокойно сказалъ, обращаясь къ воспитанникамъ:

— Галактіонъ Овчинниковъ, Григорій Садовниковъ, Иванъ Кочневъ и Михаилъ Сурковъ, — вы поведете перваго быка, крестника дяди Виссаріона, *Илью Муромца*; а дядя Виссаріонъ, какъ старшій скотникъ, пусть держитъ конецъ своего саженнаго полотенца, который другимъ концомъ вы привяжете къ рогамъ быка, сами же отъ Нѣмцевъ возьмете цѣли, и такъ поведете. Да, продолжалъ Байковъ уже обратясь къ сотскимъ, — вы, сотскіе, наблюдайте какъ слѣдуетъ за исполненіемъ моего приказанія: дядя Виссаріонъ держитъ полотенце и идетъ впереди. Еще вѣдь у насъ припасены вѣнки и гирлянды, такъ, принимая отъ Нѣмцевъ скотинъ, надѣвать гирлянды на шею, а вѣнки на рога, да только, чуръ, не пугать быковъ и коровъ, а береженько, осторожно. Слышите, понимаете?

— Слышимъ и понимаемъ, ваше высокородіе! гаркнули воспитанники. Скотникъ въ это время ужъ ступшевался, и хмѣль его исчезъ отъ одного взгляда бѣлосоватыхъ глазъ Байкова и отъ его шопота.

— А вотъ и Нѣмцы со скотомъ видны, сказалъ Байковъ, глядя въ даль дороги. — А это что за оказія, продолжалъ онъ, — никакъ мой любезный помощникъ, дѣлитель моихъ трудовъ и заботъ, какъ по крайней мѣрѣ по уставу онъ называется, ѣдетъ въ своей чертопханкѣ и везетъ съ собою незванаго непрошеннаго гостя, какого-то лѣснаго штабъ-офицера. Да, да, изумру-

довый воротникъ и серебряныя густыя эполеты. Экой чудачина, знаетъ вѣдь что я этихъ гостей присматривателей Канкринскихъ терпѣть не могу, а таскаетъ еще ихъ съ собою только для глупаго удовольствія калякать по-нѣмецки.

— И посмотрите, Матвѣй Андреевичъ, засмѣялся я, увидѣвъ что унтеръ-офицерскій караулъ у сошекъ выстроился во фронтъ,—посмотрите съ какою честью принимаютъ вашу иностранную скотину!

— Которую? спросилъ Байковъ смѣясь, но съ признаками худо ксываемаго озлобленія, — которую: двуногую или четвероногую?

— Почетъ-то штабъ-офицеру, сказалъ я улыбаясь, — вы развѣ не слышали, какъ махальный оралъ: „вонъ!“ и весь унтеръ-офицерскій караулъ стоитъ съ тесаками наголо, это все учебники-артиллеристы съ желтыми погонами, все команда генерала Ваксмута, родственника Греча; солдатики-мальчики не старше семнадцати лѣтъ, народъ неопытный. Но они бѣдняжки простоятъ тутъ такъ пока господинъ лѣсничій не отсалютуетъ, чего этотъ господинъ, конечно воинъ только по мундиру и по шпорамъ, вѣрно и не вѣдаетъ. Помяните мое слово что солдатики и ихъ фейерверкеръ простоятъ тутъ съ тесаками наголо и для шествующаго впереди величественнаго и уже грозно рычащаго вашего *Ильи Муромца*. Бернскій быкъ, можетъ-быть, отсалютуетъ прежде лѣснаго эполетника, — да какъ бы только не вздумалъ салютовать-то рогами, чего добраго!

Байковъ отъ моихъ шутокъ и отъ сцены военной чести бернскому быку заливался хохотомъ, и съ нимъ вмѣстѣ, хоть не громко, а смѣялись всѣ воспитанники, да и было чему. Когда проѣхалъ чрезъ шлагбаумъ Сухомлиновъ и его слутникъ, виновникъ этого воинскаго почета, повсе не обращавшій вниманія на караулъ, а яростно стремившійся отрекомендовать себя Байкову, какъ полицеймейстеръ Лѣснаго института майоръ фонъ-Крендельфрессеръ,* имѣющій порученіе отъ его высокопревосходительства господина министра засвидѣтельствовать что иностранный скотъ изъ Лѣснаго былъ совершенно благополучно, — артиллеристы-учебники все, какъ я сказалъ, молоденькіе и неопытные юноши, съ такимъ же неопытнымъ унтеромъ, продолжали стоять съ обнаженными тесаками. Между тѣмъ у шлагбаума показалась и перестулила его черту передовая колонна иностранныхъ

* Вымышленный псевдонимъ, имѣющій созвучіе съ настоящею фамиліей этого дѣйствующаго лица.

быковъ и коровъ, торжественно ведомыхъ Тирольцами, Швейцарцами, Венгерцами, Голландцами и Англичанами въ разнообразныхъ и пестрыхъ національныхъ ихъ костюмахъ. Байковъ весьма вѣжливо поздоровался съ майоромъ фонъ-Крендель-фрессеромъ, холодно отвѣтилъ на то что ему мямлил конфузившійся его помощникъ Сухомлиновъ и молча, поглядывая только на сотскихъ, приступилъ къ распоряженіямъ, причемъ однако, замѣтивъ что публика собравшаяся за канавой помираетъ со смѣха, не утерпѣвъ и сказалъ лѣсному майору:

— Господинъ майоръ, нашимъ четвероногимъ уже слишкомъ много чести отъ караула, вышедшаго для вашихъ пышныхъ эполетъ: не соблаговолите ли вы приказать солдатамъ прекратить это торжество, которое вызываетъ уже громкій смѣхъ собравшейся по ту сторону канавы публики, да и заморскіе пастухи подумаютъ, чего добраго, что такъ именно слѣдуетъ въ Россіи отдавать честь имъ и ихъ коровамъ.

— Ахъ, я запифаль! воскликнулъ Нѣмецъ-майоръ, и, обратясь къ караулу, сталъ кричать, дѣлая изъ своихъ ладоней рупоръ: „Пошолъ фонъ, цугаузъ, караулъ!“

И солдатики-лушкарки, вложивъ по командѣ фейерверкера тесаки въ ножны, хоть и не ушли вонъ, но сдѣлались свободными зрителями шествія быковъ и коровъ, ведомыхъ на желѣзныхъ цѣпяхъ и на толстыхъ веревкахъ разнокалиберными иностранцами, около которыхъ съ одной стороны ѣхалъ смотритель фермы, рыжій длинноносый и длинноногій Ревягинъ, въ своей странной учительской формѣ, въ цилиндрической черной пуховой шляпѣ на головѣ, сидя довольно неуклюже на одномъ изъ бойкихъ донцовъ, назначенныхъ подъ сотскихъ, которымъ этотъ рыцарь печальнаго образа управлялъ крайне не смѣло. По другую сторону шагаль на чистокровной англійской длинношеей рослой лошади пузатенькій, въ сапогахъ съ желтыми отворотами, Англичанинъ по фамиліи Джексонъ, на котораго было возложено однимъ консуломъ доставленіе въ Петербургъ всего стада изъ одного изъ портовъ Нѣмецкаго моря. Джонъ-Буль этотъ хорошо говорилъ по-русски, хотя съ сильнымъ однако британскимъ акцентомъ. Замѣчательно, собственно для меня, что лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого, я встрѣтилъ этого же самаго Англичанина на Охтенской фермѣ Вольнаго Экономическаго Общества, когда фермою этою завѣдывалъ Англичанинъ же Ворди (Робертъ Томичъ), человекъ весьма достойный и котораго очень любилъ

тогдашній вице-президентъ Общества, *de jure*, и президентъ, *de facto*, покойный князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ. Въ присутствіи князя этотъ Англичанинъ-коммиссіонеръ, за завтракомъ, послѣ опыта какой-то молотильни, очень развязно повѣствовалъ о томъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года, онъ доставилъ, кажется, изъ Штетина грузъ съ рогатымъ скотомъ, которому на Выборгской заставѣ караулъ отдавалъ торжественно честь. Князю я тогда же объяснилъ всю суть съ Крендельфрессеромъ; князь хохоталъ и спрашивалъ Англичанина, не занесъ ли онъ въ свои мемуары что въ Россіи обычай выбѣгать на гауптвахтахъ и отдавать честь ружьемъ или тесаками швейцарскимъ, тирольскимъ и англійскимъ быкамъ и коровамъ?

Стадо было дѣйствительно великолѣпное и представляло зрѣлище удивительно интересное. Шествіе открывалъ громадный быкъ *Илья Муромецъ*, котораго вели два здоровенные Швейцарца въ широкополыхъ соломенныхъ шляпахъ, въ курткахъ, похожихъ на нынѣшнія пальто, и въ сине-сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ. Такіе же молодцы вели и коровъ; но при коровахъ было по одному человѣку, да и то были все больше мальчуганы. Швейцарскія коровы были всѣ лѣгія съ красными или черными пятнами по бѣлоснѣжному атласистому фону. Затѣмъ подвигался тирольскій скотъ, предшествуемый чернымъ какъ смоль и свирѣпымъ быкомъ съ продѣтымъ кольцомъ въ ноздряхъ. Его вели два Тирольца въ зеленыхъ шляпахъ съ перьями, лентами и искусственными цвѣтами; жены этого быка, бурья и черныя граціозныя тирольскія коровки, слѣдовали за своимъ султаномъ. Потомъ Венгерцы въ мохнатыхъ шапкахъ и какихъ-то полу-гусарскихъ долманахъ, обутые въ цвѣтные сапожки съ желѣзными подковками и съ чѣмъ-то въ родѣ шпоръ, вели штейермаркскую породу. Быкъ былъ съ огромнѣйшими, почти перпендикулярными рогами, поставленными впереди мохнатого лба; онъ былъ темно-стальной масти съ черными головою и ногами, довольно рослый и страшно дикаго вида. Коровы всѣ свѣтло-сѣрыя и одна даже совершенно бѣлая, точь-въ-точь наши украинскія или черкасскія. Флегматическіе краснощокіе Голландцы, въ какихъ-то длинныхъ очень широкихъ сюртукахъ-блузахъ, вели довольно смирнаго, но необычайно большихъ размѣровъ черно-лѣглаго быка, за которымъ, жуя жвачку, шли вялымъ шагомъ черно-пестрыя же двѣ коровы съ выями величины необъятной. Шествіе

замыкалось изящнымъ мраморнаго цвѣта въ самыхъ мелкихъ пестрыхъ пятнахъ, съ большими пѣжинами быкомъ англійской дургамской породы, гордымъ и величественнымъ, но до того ручнымъ что молоденькій и какъ купидонъ хорошенькій собою мальчикъ Англичанинъ лѣтъ четырнадцать шелъ подлѣ него, слегка для проформы держа только цѣпной поводъ и по минутно цѣлуя животное въ шею и въ самую морду и ласково называя его безпрестанно: *My dear box!* вслѣдствіе чего воспитанники въ этотъ же день одному только этому быку дали клычку не русскую, а назвали его *Боксъ*. За нимъ слѣдовалъ молоденькій бычокъ, почти теленокъ, съ новыми рожками калачикомъ, и все подплясывалъ и игралъ. Англичане звали его *Пломпуддингъ* и говорили что онъ правнукъ знаменитаго Бекуэлева *Фаворита*, составившаго, какъ извѣстно, славу британскаго скотоводства. Воспитанники переименовали его въ *Орла*, хотя по необыкновенно пестрой мелко-чубарой масти своей онъ вовсе не былъ похожъ на сѣро-чернаго царя пернатыхъ. Воспитанники, принимая отъ иностранныхъ пастуховъ животныхъ въ стройномъ и педантическомъ порядкѣ, въ согласность приказанію директора, надѣвали на нихъ вѣнки и гирлянды изъ разныхъ полевыхъ растеній прошлагодней уборки, къ которымъ присоединено было немало различныхъ розъ, левкоевъ, сиреней и другихъ прелестныхъ цвѣтовъ, присланныхъ въ огромныхъ корзинахъ изъ придворныхъ оранжерей рано утромъ, по распоряженію его свѣтлости министра двора и удѣловъ.

Когда весь этотъ скотъ воспитанниками, со скотникомъ Виссаріономъ во главѣ, державшимъ одинъ конецъ длиннѣйшаго полотенца, прикрѣпленнаго узломъ къ рогамъ швейцарскаго быка *Ильи Муромца*, былъ приведенъ на училищный дворъ, посреди котораго приготовлена была купель съ освященною водою, священникъ-законоучитель отслужилъ молебенъ и, обратясь къ воспитанникамъ, сказалъ очень ловко коротенькое привѣтствіе и поздравленіе ихъ съ монаршимъ даромъ. Разумѣется, извѣстный текстъ: „Блаженъ человекъ иже и скоты милуетъ“ здѣсь былъ на первомъ планѣ. Затѣмъ весь скотъ былъ окропленъ святою водою посредствомъ кропила, и священникъ-законоучитель, умѣвшій довольно искусно поддѣлываться подъ воспитанниковъ, для пріобрѣтенія не дорогою цѣной между ними популярности, спрашивалъ, подходя къ каждому экземпляру рогатыхъ гостей, разставленныхъ въ полукругъ по всему

пространному двору,—о клчкѣ, и, кропя животное, повторялъ громко его наименованіе.—Тутъ я услышалъ, кромѣ уже извѣстныхъ мнѣ клчекъ *Ильи-Муромца*, *Бокса* и *Орла*, множество другихъ: *Богатырь*, *Соловей-Разбойникъ*, *Пугачъ*, *Красавка*, *Веселуха*, *Милитриса-Кирбитъевна*, *Лысуха*, *Чернавка*, *Буренка*, *Голландка*, *Заморица*, *Красноярка*, *Русалка*, *Плутовка*, *Хвостиха* и пр. и пр., какихъ не только не упомяну, да и въ памятной того времени моей агендѣ найти не могу. Когда всѣ эти быки и коровы заняли свои, назначенныя имъ, мѣста, по породамъ, въ изящномъ коровникѣ съ высокою эстрадой посрединѣ, какъ въ Царскомъ Селѣ, то на перекладинахъ, надъ головою каждаго экземпляра явились дощечки съ надписями ихъ клчекъ, сдѣланными мѣломъ, а черезъ нѣсколько дней эти простыя дощечки были замѣнены новыми, выкрашенными въ зеленую краску съ бѣлыми надписями.

Иностранцы-пастухи съ своими малолѣтками подпастухами послѣдовали за животными въ Земледѣльческое Училище, присутствовали въ своихъ разнообразныхъ костюмахъ во время молебна и любовались съ тщательное водвореніе этихъ скотинъ на фермѣ училища; хвалили отмѣнно хорошее и по всѣмъ правиламъ устроенное помѣщеніе, одобряли подстилку и превосходный кормъ, равно какъ воду, накачиваемую легко и удобно чрезъ насосы въ широкіе желоба. Англичанинъ Джаксонъ, владѣвшій нѣмецкимъ и голландскимъ языками, передалъ намъ замѣчанія этихъ добрыхъ людей, которые остались заведеніемъ вполне довольны. Но удовольствіе ихъ удесятирилось, когда они были приглашены всѣ сколько ихъ было, то-есть двѣнадцать человѣкъ взрослыхъ и двадцать разногодныхъ парнишекъ, въ столовый залъ, гдѣ для нихъ не на русскій, а на нѣмецкій ладъ сервированы были длинные столы. Взрослые здѣсь выпили по чаркѣ анисовой водки, предложенной имъ за особымъ столикомъ экономомъ Малаховымъ и скотникомъ Виссаріономъ, увѣрявшимъ, впрочемъ, всѣхъ насъ что послѣ министерскаго допльекорна онъ ужъ ни единой капли не выпьетъ; но плохо вѣрилось чтобъ онъ исполнилъ этотъ зарокъ, тѣмъ болѣе что онъ пользовался особеннымъ и пріязненнымъ расположеніемъ господина эконома, именовавшаго его почему-то „дядюшкой маркитантомъ“. Обѣдъ былъ приготовленъ какими-то нарочно нанятыми стряпухами, знавшими повидимому хорошо тонкости

нѣмецкой и англійской кулинаристики, почему мы на столѣ увидѣли огромную суповую чашу съ настоящею самою лакомою луковою и капустною похлебкой на салѣ и ветчинѣ, грудю жаренаго картофеля съ другою грудю сочныхъ ломтей жаренаго мяса, еще какое-то рагу съ рыбою, пироги съ рисомъ и яйцами, да еще что-то въ родѣ громаднаго пломблуддинга, жирнаго и тяжелаго, съ множествомъ чернослива, изюма и инбиря. Сверхъ того нѣсколько сбитенныхъ кувшиновъ съ лѣнистымъ бѣлымъ пивомъ доставляли средство сколько полезное, столько пріятное для утоленія жажды; мальчикамъ же въ карманы наполнили пряниками, коврижками, сахарными рыбками и калеными орѣхами, а взрослымъ разнесли въ родѣ полоскательныхъ чашекъ съ кофеемъ съ цукоріемъ. Добрые люди ушли въ восхищеніи и выразили желаніе еще разъ проститься съ своими быками и съ коровушками; но противъ этого животнoлюбиваго желанія возсталъ энергически скотникъ Виссаріонъ, сильно опасаясь дурнаго глаза этихъ неправославныхъ. Онъ умолялъ директора не пускать ни одного Нѣмца въ коровню, даже и того министра который угостилъ его такимъ чудеснымъ доппелькорномъ. Это послѣднее слово „доппелькорнъ“ Виссаріонъ превосходно заучилъ и крѣпко помнилъ, хотя ни одного иностраннаго слова произносить не умѣлъ, и увѣрялъ что къ новому скоту не слѣдуетъ пускать зря всякую нѣмечину, чтобъ не помѣшать скотинушкѣ поскорѣе „оправославиться“. Однако противъ этого послѣдняго выраженія тогда же запротестовалъ священнослужитель, объяснивъ директору, съ несвойственною ему въ сношеніяхъ съ начальствомъ настойчивостью, что можно допустить чтобъ скотина „обрусилась“, посредствомъ русскаго воздуха, корма и русской воды; но православію тутъ, положительно, не мѣсто. Байковъ при мнѣ и при священникѣ призывалъ къ себѣ въ кабинетъ скотника Виссаріона, который вошелъ крайне сконфуженный, по пословицѣ: „кошка знаетъ чье мясо съѣла“. Виссаріонъ чаялъ что директоръ замѣтилъ, какъ подчуя иностранныхъ пастуховъ, онъ самъ выпилъ еще лишнюю чарку, почему непременно будетъ при свидѣтеляхъ корить его за это или, что всего хуже, лишить даже надежды имѣть ту медаль на Станиславской лентѣ, какую обѣщалъ ему по окончаніи курса нынѣшними воспитанниками. Виссаріонъ, блѣдный, стоялъ ни живъ, ни мертвъ и очень обрадовался когда Байковъ, ни слова не говоря ему о чаркахъ бывшихъ или будущихъ, сказалъ, вперивъ снова въ него свои бѣлесоватые глаза:

— Бородину отрастилъ, дуралей, до пояса, и ума-разума не набрался до сихъ поръ, хоть и толкуешь что шестой тебѣ десятокъ годовъ-то идетъ. Чтò въ этомъ? Дуракъ и въ гробъ дуракомъ ляжетъ, такъ и ты, козлиная ты борода; помни, да на носу себѣ, болванъ старый, заруби, чтобы съ языка твоего дурацкаго никогда не сходило слово какое ты давеча сказалъ, да я худо разслушалъ; спасибо вотъ батюшка Игнатій мнѣ выяснилъ. Слово же это то какое ты давеча по глупости своей сказалъ и за которое слѣдовало бы тебѣ эпитимію поклоновъ тысячи въ двѣ закатить. Это слово, помни же, старый олухъ, помни: „оправославить скотину“. Экая же ты самъ скотина, что въ понятіи своемъ не имѣешь что православными могутъ быть люди только, а не скоты, и не звѣри, и не птицы. Помни же ты мнѣ это. Пошолъ!

Низко кланяясь и лятаясь задомъ, бородатый Виссаріонъ хотѣлъ выйти изъ кабинета, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего священникъ всталъ и, удержавъ его за руку, сказалъ:

— Вразумися, сынъ мой, словесами вѣры и потщися понять.

Байковъ, мгновенно побавровѣвъ, вскочилъ съ дивана и сказалъ рѣзко:

— Отецъ Игнатій, напрасно беспокоитесь. Виссаріонъ вразумился моими „словесами“ и никакихъ другихъ послѣ моихъ начальническихъ ему не нужно. Меня же, я увѣренъ, „потщился“ понять. Ты понялъ меня, Виссаріонъ Ивановъ? спросилъ Байковъ скотника, снова останавливая на немъ свой тусклый, какъ бы какимъ-то туманомъ подернутый взглядъ.— Понялъ? говори же!

— Понялъ, ваше высокородіе, проговорилъ растерянный мужичина.

— Да чтò же понялъ? приставалъ къ нему Байковъ.

— А то понялъ, ваше высокородіе, что ежели я когда наяву или во снѣ скажу ту богомерзскую рѣчь которую вы мнѣ запретили произносить, то вы мнѣ всыпите сотню розогъ и лишите всякаго надѣянія на медалъ когда-нибудь.

— Понялъ прекрасно! засмѣялся щурясь Байковъ:—вразумился лучше чѣмъ какими другими „словесами“.—Ладно же, иди съ Богомъ, говорилъ Байковъ, да послѣ моего обѣда я вотъ съ моимъ дорогимъ гостемъ еще зайду на ферму, посмотрѣть новый скотъ; а потомъ оттуда прямо поѣду въ городъ, чтобы

обо всемъ какъ что у насъ сегодня было доложить его превосходительству господину вице-президенту; только ужъ я ему ни слова не скажу о томъ что сегодня нашъ старшій скотникъ свелъ тѣсную дружбу съ доппелькорномъ, потому что этого не православнаго его превосходительство терпѣть не можетъ.

Едвали Виссаріонъ успѣлъ выйти за дверь, какъ Байковъ обратился къ священнику.

— Можете быть увѣрены, батюшка, что мои „слова“ весь здѣшній людъ вполне вразумляетъ себѣ и достаточно для меня ихъ понимаетъ, почему какъ вы, святой отецъ, дѣлаете намъ честь принадлежать къ нашему штату, то смѣю надѣяться и вы на будущее время соизволите принять на себя трудъ понимать всякія мои „слова“.—Однако продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, — пѣсями соловья не кормятъ, намъ съ вами, В. П., давно пора къ борщу. Васъ, батюшка, не приглашаю, такъ какъ вы, конечно, сегодня, въ пятницу, постничаете. И затѣмъ имѣю честь спрашивать вашего благословенія.

Въ первый разъ я былъ свидѣтелемъ такой начальственной выходки со стороны Байкова.

Въ теченіи всего обѣда у насъ съ Байковымъ и его семействомъ не было другаго разговора, какъ о новопривезенныхъ изъ-за морей быкахъ и коровахъ. Байковъ, между прочимъ, высказалъ мнѣ ту идею что онъ съ его пр—вомъ Львомъ Алексѣвичемъ нашли за наилучшее имѣть на училищной фермѣ скотъ трехъ сортовъ, или, лучше сказать, трехъ назначеній: а) молочный скотъ, преимущественно голландской и холмогорской породы, изобилующихъ молокомъ, и тирольской, дающей, хотя не такъ много молока, какъ первыя двѣ породы, но необыкновенно густаго и годнаго для сливочнаго масла и для жирныхъ сыровъ; б) дающій сильныхъ рабочихъ воловъ, столь необходимыхъ въ удѣльныхъ имѣніяхъ юго-восточной полосы Россіи,—это скотъ штейермаркскій и с) дающій отлично хорошее мясо, наиболѣе, скотъ дургамской и бернской породы. Впрочемъ, тирольскій скотъ вмѣстѣ съ фохтландскимъ, въ особенности драгоцѣненъ для Россіи, потому что, независимо отъ молока самаго высокаго качества, онъ легко и скоро откармливается на мясо, по причинѣ отмѣнной своей тонкокости, да и къ тому же тирольскіе быки, хотя и не такъ какъ быки другихъ породъ крупы, доставляютъ великолѣпныхъ рабочихъ воловъ, необыкновенно сносливыхъ, прилежныхъ,

неустанныхъ. Вслѣдствіе этого тройственнаго достоинства этой породы, экземплярами ея будутъ снабжены всѣ безъ исключенія удѣльные образцовыя усадьбы, между тѣмъ какъ другими породами, въ особенности, нѣжною, рыхлою, сильно мясистою и требующею за собою особенно внимательнаго ухода бернскою породою будутъ снабжены лишь нѣкоторыя усадьбы, и въ этомъ случаѣ мѣстность Саралульскаго уѣзда Вятской губерніи болѣе другихъ русскихъ мѣстностей прилична какъ по причинѣ легкой гористости своей, такъ по причинѣ великолѣпной луговой своей флоры. Молочную скотину здѣсь кормятъ и будутъ кормить не иначе какъ парнымъ кормомъ, состоящимъ наиболѣе изъ ячменной и сѣяной сѣчки, обдаваемой кипяткомъ, что составляетъ вполне цѣлесообразный, ароматичный и сильно питательный, безъ малѣйшаго обремененія желудка, кормъ. Впрочемъ, вообще скоту необходимо тучное пастбище, которое училищемъ успѣшно приготовлено изъ бывшихъ за два года предъ симъ непроходимыхъ мховъ и болотъ. Въ училищѣ надобно было произвести эти пастбища, но въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ большей части мѣстностей гдѣ предположены образцовыя усадьбы, пастбища эти готовы. Байковъ съ увѣренностію въ этотъ день, въ маѣ 1836 года, говорилъ о будущности училищнаго скотоводства и предвидѣлъ успѣхи хорошіе, которые, несмотря на падежъ, какъ я уже говорилъ выше, выхватившій 36 штукъ превосходнаго скота, дѣйствительно оправдались, потому что два года спустя послѣ того дня какъ совершилось торжество водворенія стада иностранныхъ породъ, на училищной фермѣ считалось приплодныхъ быковъ 6, коровъ 30, въ томъ числѣ 10 холмогорской породы, телокъ 10, бычковъ 15, то-есть всего 61 голова. Помѣси холмогорокъ выходили весьма замѣчательныя, особенно отъ смѣси тирольской крови; присоединеніе же чистой голландской крови возстановляло ту великолѣпную холмогорскую породу чистаго типа какою она была при основателѣ ея Петрѣ I. Затѣмъ кромѣ этихъ десяти чистыхъ и смѣшанныхъ холмогорокъ было: дургамской породы 3 штуки, голландской 2 (быкъ и корова), бернской 15, тирольской 17, штейермаркской 14. Въ этомъ числѣ 24 штуки молодняка произведеннаго въ училищѣ. Въ то время, т.-е. въ 1838 году (извините, читатель, я захожу немного впередъ), между прочимъ, именно изъ числа этого молодняка былъ двухгодовалый бычокъ бернской породы, краснопестрый *Тихомиръ*, роста необычайнаго и склада дивнаго.

Онъ имѣлъ тогда 2 арш. 6 вершк., а длиною 4 аршина, и потому превосходилъ, во всѣхъ отношеніяхъ, знаменитаго въ исторіи европейскаго скотоводства быка *Ганса*, вскормленнаго въ Риттерсгофской фермѣ и подробно описаннаго въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣній* (1836 № 35), гдѣ и было приложено изображеніе этого германскаго четвероногаго великана. Но въ 1838 году мы съ А. П. Башуцкимъ въ томъ же журналѣ описали и училищный феноменъ, и приложили литографированный портретъ *Тихомира*. Еще въ то время между молодыми бычками здѣсь былъ знаменитъ двухъ же годовалый бычокъ дургамской породы *Орелъ 2*, сынъ того *Орла* № 1 который въ маѣ мѣсяцѣ былъ съ ключкою *Пломуддинга* приведенъ въ училище и, къ сожалѣнію, погибъ отъ заразы черезъ четыре мѣсяца по прибытіи въ Россію, успѣвъ однако дня за три или четыре до своей смерти воспроизвести свое совершеннѣйшее подобіе, которое въ послѣдствіи, въ честь паленьки, и получило носимую имъ ключку. Бычокъ этотъ, который въ 1839 году отправленъ былъ на одну изъ образцовыхъ усадебъ Симбирской губерніи, замѣчательнъ былъ тѣмъ въ особенности что онъ былъ праправнукъ того знаменитаго быка *Фаворита* который, какъ я выше упомянулъ, въ исторіи англійскаго скотоводства считается родоначальникомъ всей дургамской породы, разведенной безсмертнымъ Бекуэлемъ въ XVIII вѣкѣ.

Однако возвращаясь къ нашей бесѣдѣ съ Матвѣемъ Андреевичемъ въ день водворенія иностраннаго стада на фермѣ Удѣльнаго Училища. Байковъ, между прочимъ, ратовалъ тогда противъ ошибочнаго мужицкаго, какъ онъ называлъ, афоризма, состоящаго въ мнѣніи что чѣмъ больше кормить скотину тѣмъ лучше и для ея здоровья, и для ея роста. Напротивъ, излишнее, *не въ пору* кормленіе очень вредно. Въ доказательство этого, Матвѣй Андреевичъ разказалъ что тотчасъ по заведеніи въ училищѣ, еще осенью 1833 года, скота, была, въ числѣ прочихъ, холмогорка черно-лестрая или скорѣе бѣлая съ ярко-черными пѣжинами, *Красотка*, стельная, лучшая, сдѣлавшаяся предметомъ первой заботливости неопытныхъ еще юношей-скотниковъ, которые давали ей предъ тelenіемъ какъ можно больше корма. Хотя директоромъ и приказано было уменьшить дачу, однако воспитанники, изъ обезьянней любви къ коровѣ, не соблюли этого, да къ тому же желая, какъ говорятъ простолюдины,

предохранить стельную от дурнаго глаза, старались чтобъ объ отеленіи въ моментъ этого факта никто ничего не зналъ. Послѣ отела корова занемогла; надѣясь что „это пройдетъ“, молодые скотники цѣлыя сутки скрывали, но болѣзнь усилилась, и корова околѣла. По вскрытіи трупа животнаго опытнымъ ветеринаромъ, оказалось что третій желудокъ былъ воспаленъ и туго набитъ не сварившимся кормомъ, чрезъ что отправление было задержано. Тогда Матвѣй Андреевичъ объяснилъ воспитанникамъ ясно, какъ дважды-два—четыре, что причиною смерти коровы былъ неумѣренный кормъ, и что ежелибы воспитанники не скрывали болѣзни, можно бы было помочь.

Независимо отъ этого и другихъ разказовъ, Байковъ высказалъ мнѣ въ этотъ разъ что усовершенствованіе скотоводства посредствомъ иностраннаго приплода, безъ сомнѣнія, хотя и дорогое, но самое легкое и самое скорое дѣло, но что еслибъ у насъ хотѣли взять немножко терпѣнія и не торопились бы скакать въ томъ въ чемъ гораздо вѣрнѣе идти мѣрнымъ и обдуманымъ шагомъ, то вмѣсто того чтобы затрачивать огромныя суммы на приобрѣтеніе скота заморскаго, постарались бы изъ самыхъ простыхъ русскихъ коровенокъ воспроизвести, ежели не гигантовъ въ родѣ бернской или голландской породъ, не вездѣ у насъ въ Россіи и удобныхъ, то по крайней мѣрѣ скотинку въ родѣ, напримѣръ, ольдернейской, короткорогой рыжей породы, или фохтландской, краснопестрой, съ рогами калачикомъ.

— А что это не невозможно, говорилъ Байковъ,—то я уже доказалъ здѣсь же въ училищѣ. Осенью 1833 года, когда мы только-что еще устраивались, я купилъ просто на петербургской, такъ-называемой, „площадкѣ“ у Нарвской заставы, гдѣ скотопригонный дворъ, двухъ телочекъ, мѣсяца по три или по четыре каждая, самой что ни есть простой породы, „мужицкой“, или какъ здѣсь ее называютъ „лимонской“ (то-есть ливонской), маленькихъ, дрянненькихъ, невзрачныхъ, почти уродливыхъ, и помѣстивъ ихъ на ферму, поручилъ ихъ попеченіямъ двухъ, трехъ воспитанниковъ, особенно охочихъ къ скотоводству. Поставлены телочки эти были въ особомъ свѣтломъ сѣнникѣ, съ роскошною, часто возобновляемою подстилкою, густо по брюхо положенною. Воды самой чистой, перегнанной черезъ уголь, давалось вдоволь. Кормъ былъ обильный, свѣжій, сочный, хлѣбный, даваемый аккуратно въ назначенные часы.

Обращеніе съ молоденькими этими животными, какъ и со всѣмъ у насъ скотомъ, было самое нѣжное и внимательное. Гуляли телочки на огромномъ дворѣ однѣ и часто. Сначала онѣ много играли во время прогула, но, приходя въ возрастъ, все болѣе и болѣе устеленивались. Мыли ихъ мыломъ и терли и чистили ихъ жгутами изъ соломы и даже скребницами ежедневно. Когда въ 1835 году имъ минуло два года,—онѣ ростомъ были ежели не съ нашихъ крупныхъ холмогорокъ, то, право, немногихъ развѣ ихъ меньше, такъ что старуха вдова солдатка съ пороховыхъ заводовъ, которая мнѣ ихъ въ ту пору продала обѣихъ за синюю бумажку, не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ, когда ихъ черезъ два года увидѣла. Я нарочно старуху выписалъ изъ ея захолустья, угостилъ, наградилъ и показалъ ей этихъ красавицъ дочекъ любимой ея коровушки, которую, какъ баба увѣряла, телки теперь переросли, хотя она въ стадѣ ихнемъ считается одною изъ лучшенькихъ. Въ прошломъ году я этимъ четвероногимъ дѣвицамъ далъ въ мужья не нашего холмогорца-великана, а нашелъ въ Парголоу у тамошняго пастуха Чухны бычка весьма не крупнаго роста, помѣсь отъ одной изъ тирольскихъ коровъ фермы самой помѣщицы, графини Полье. Теперь у этихъ молодыхъ ужъ телятки, которыхъ онѣ усердно кормятъ и, надѣюсь, хорошо выкормятъ. Да вы этихъ коровушекъ видѣли на фермѣ: *Звѣзда*, свѣтло-красная съ звѣздою во весь лобъ и другая вся бѣлая съ черными щеками *Душка*, которую моя Маня всегда хлѣбомъ и сахаромъ кормитъ.

Примѣръ этотъ поистинѣ достоинъ подражанія, и ежелибы наши крестьяне домоводы могли имъ проникнуться, то изъ нашей простой, такъ-называемой, „русской“ коровенки получилась бы мѣстная, вполне аклиматизированная, очень хорошая порода рогатаго скота. Въ послѣдствіи Байковъ продолжалъ эти опыты со свойственною ему настойчивостью и твердостью воли, доказывая Л. А. Перовскому возможность воспроизведенія домашнихъ животныхъ отъ туземныхъ, не прибѣгая для того къ многоцѣнному скрещиванію со скотомъ иностранныхъ породъ. Но, къ сожалѣнію, удѣльное начальство относилось къ этому дѣлу какъ-то холодно и даже съ нѣкоторою дозою скептицизма и ироніи, бравшихъ начало изъ прирожденнаго въ теченіи послѣднихъ двухъ столѣтій намъ, Русскимъ, убѣжденія что намъ „безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья,“ даже въ

дѣлѣ скоторазведенія. Въ послѣдствіи, въ 1844—1845 годахъ, состоя на службѣ министерства государственныхъ имуществъ и засѣдая какъ прикомандированный сверхштатный членъ въ числѣ членовъ ученаго комитета тогдашняго департамента сельскаго хозяйства,—я въ одномъ изъ представленій моихъ комитету говорилъ подробно о возможности улучшенія мѣстной породы домашнихъ животныхъ путемъ корма и ухода и при этомъ приводилъ во всѣхъ подробностяхъ примѣры воспитанія коровъ *Звѣзды* и *Душки*. Тогдашній директоръ департамента сельскаго хозяйства, достопочтенный и истинно благонамѣренный Е. Ф. фонъ-Брадке, какъ я слышалъ, докладывавалъ объ этомъ тогдашнему министру графу П. Д. Киселеву, приказавшему написать, по поводу этого обстоятельства, какой-то циркуляръ управляющимъ палатами, и этотъ циркуляръ, вѣроятно, имѣлъ общую судьбу съ милліардами циркуляровъ, — приумноживъ порядочно цифру исходящихъ нумеровъ, исчезнуть въ архивныхъ тѣмахъ кромѣшныхъ.

Послѣ обѣда мы съ Байковымъ были на фермѣ, гдѣ нашли множество воспитанниковъ, осаждавшихъ запертыя двери коровника; а впереди двери стоялъ брадатый скотникъ Виссаріонъ Ивановъ, грозно заявлявшій что онъ не потерпитъ чтобы такая ватага звѣакъ нарушала спокойствіе заморской скотины. Воспитанники обратились съ жалобой на притѣсненіе дядюшки Вассаріона къ директору, объясняя что имъ очень любопытно было бы посмотрѣть какъ стоятъ „ихъ“ иностранные быки и коровы.

Матвѣй Андреевичъ въ первую секунду былъ немножко озадаченъ: съ одной стороны, онъ долженъ былъ радоваться, потому что воспитанники такъ рьяно любятъ домашнихъ животныхъ, хотя бы на этотъ разъ движимые чувствомъ простаго любопытства, а съ другой стороны, нельзя же и принести въ жертву ихъ любознательности исполненіе долга своего скотникомъ и чрезъ то расшатать фундаментъ дисциплины и субординаціи, что также не бездѣлица. Байковъ по-своему нашелся и вышелъ изъ этого импасса.

— Само собою разумѣется, сказалъ онъ,—дядя Виссаріонъ правъ, не пуская васъ такою гурьбой въ безпорядкѣ и съ шумнымъ говоромъ, потому что скотина вообще любитъ покой, а дойная и въ новомъ мѣстѣ тѣмъ лаче; да и къ тому же, ежелибы вы, ребята, пришли сюда для того чтобы какъ можно

лучше взглядѣться въ отличительныя формы каждой породы, на что впрочемъ вамъ еще времени впереди премного,—добро-бы еще; а то вѣдь вы, я знаю, нашли сюда цѣлымъ таборомъ чтобъ только поглядѣть на новинку; пусти васъ дядя Виссаріонъ, вы посмотрите, позубоскалите, да завтра и забудете что видѣли. И это потому что васъ толкнула сюда не любовь къ скоту, а такъ, пустое бабье любопытство васъ нагнало теперь на ферму. Но впрочемъ ужъ на этотъ разъ такъ и быть, мы съ В. П. попросимъ дядю Виссаріона, чтобъ онъ смиловался надъ вами, ребята, и пустилъ бы васъ вмѣстѣ съ нами пройти по всѣмъ галлереймъ и еще осмотрѣть весь скотъ. Только уговоръ лучше денегъ: не гвалтить, не шумѣть, идти тихохонько, говорить шелотомъ, и скотинъ, особенно быковъ, руками не трогать. Да чуръ разсматривать заморскій скотъ внимательно и слушать то что я вамъ объ этихъ породахъ теперь же поразкажу. Завтра вечеромъ послѣ работъ, предъ ужиномъ, я буду спрашивать васъ, на удачу, то того, то другого, о томъ что сегодня вы замѣтили и узнавъ отъ меня разказали ли про то вашимъ товарищамъ, и какъ разказали. Затѣмъ тѣ изъ васъ которые своими отвѣтами и объясненіями окажутся наиболѣе понявшими скотоводное ученіе получать отъ меня особенные билеты съ правомъ посѣщенія фермы и коровника всегда во всякое время. Ну, теперь, дядя Виссаріонъ, продолжалъ Байковъ усмѣхаясь, — смилуйся, отвори ворота и пусти всѣхъ насъ; а съ завтрашняго дня пускай къ иностранному скоту только тѣхъ изъ „мальчишковъ“ которые будутъ предъявлять тебѣ особенную марку, какую за печатью на это я буду имъ выдавать.

Восхищаясь разумною находчивостію Байкова и его искусствомъ изъ всякаго случая извлекать пользу для дѣла, я рядомъ съ нимъ и имѣя за собою воспитанниковъ, тихо шедшихъ поларно, вошелъ въ коровникъ, гдѣ Байковъ, идя медленно и зорко разсматривая скотъ направо и налево, бесѣдуя самымъ простымъ и естественнымъ языкомъ, читалъ лекцію о скотоводствѣ; а воспитанники съ жадностію слушали его рѣчи и записывали его объясненія о всѣхъ этихъ породахъ. Остановясь предъ англійскими быками и коровами, Матвѣй Андреевичъ вошелъ въ интересныя подробности о знаменитомъ британскомъ скотоводѣ Бекуэлѣ и о томъ, въ особенности, какими способами онъ совершенствовалъ породы рогатаго скота и овецъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого дня, я узналъ что Байковъ принужденъ былъ раздать болѣе сотни марокъ для входа на ферму: такъ хорошо все поняли и уразумѣли воспитанники, которымъ еще розданы были, для большаго ознакомленія ихъ съ иностранными породами рогатаго скота, экземпляры той брошюры текстъ перевода которой я исправлялъ года за два предъ тѣмъ.

Бдучи потомъ довольно поздно уже вечеромъ въ городъ со мною, Байковъ ловко намекнулъ мнѣ о томъ какъ пріятно будетъ Льву Алексѣевичу видѣть описаніе водворенія иностранныхъ породъ рогатаго скота въ *Сѣверной Пчелѣ*, въ *Журналѣ Общепользныхъ Свѣдѣній* и особенно въ *Journal de St.-Petersbourg*. Я обѣщалъ ему исполнить это, и, какъ всегда водилось, исполнилъ весьма усердно, напечатавъ статейки во всѣхъ названныхъ изданіяхъ. Редакторомъ *Journal de St.-Petersbourg* былъ въ то время мой тогдашній хорошій знакомый графъ де-Сансе, помощникомъ котораго былъ одинъ изъ сотрудниковъ Н. И. Греча, Николай Ивановичъ Юханцовъ, и все дѣло было въ шляпѣ. Потомъ спустя дня два по напечатаніи этихъ статей, Байковъ мнѣ однажды писалъ что его свѣтлость министръ двора и удѣловъ остался въ особенноти доволенъ статьею въ *Journal de St.-Petersbourg*, по поводу которой нѣкоторые изъ господъ посланниковъ выражали ему свое удовольствіе и говорили ему что, при содѣйствіи son altesse (его свѣтлости), Россія и по части скотоводства, столь важной отрасли сельскаго хозяйства, сдѣлаеть скоро гигантскіе шаги. А въ одномъ изъ безчисленныхъ частныхъ разговоровъ со мною Байковъ мнѣ какъ-то разъ сказалъ что когда министръ прочелъ эту статью въ *Journal de St.-Petersbourg*, то, увидѣвъ его, когда онъ являлся съ выраженіемъ признательности за зачисленіе сына его воспитанникомъ на счетъ департамента удѣловъ въ Училище Правовѣдѣнія, отозвался объ упомянутой статьѣ, впрочемъ, строкъ въ сорокъ не болѣе: „Премило написано и совершенно справедливо! Ты, Байковъ, смотри, приголубивай этого молодца, о которомъ мнѣ всѣ уши прожужжала наша знаменитая артистка Бурбье. Да ты бы его какъ-нибудь изъ военнаго-то министерства вытащилъ къ намъ въ удѣлъ. Вотъ тебѣ настоящій помощникъ, не чета тому вялому какимъ ты себя изъ своего Харькова снабдилъ.“ Байковъ такими разказами, истинными или съ намѣреніемъ сфабрикованными,

издалека закидывалъ на меня удочку, чтобы пріучить меня къ мысли сдѣлаться со временемъ его помощникомъ.

Одно изъ наиважнѣйшихъ хозяйственныхъ дѣйствій есть безспорно, посѣвъ, и это дѣло въ Земледѣльческомъ Удѣльномъ Училищѣ было доведено до послѣдней, какъ и все, степени совершенства, конечно, не безъ изрядной примѣси шарлатанства и пусканія пыли въ глаза. Въ музеумѣ машинъ и орудій Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища была, между прочими моделями, превосходная англійская модель ручной сѣялки для всякаго зерна. Это самое простое и удобнѣйшее орудіе въ этомъ родѣ: посредствомъ его одинъ человѣкъ можетъ, во всякую погоду, даже дождливую и вѣтрную, засѣять пять десятинъ въ десять рабочихъ часовъ. Изумительно!... Сѣялки, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ, доисторическихъ почти временъ употребляются въ Китаѣ. Въ первый разъ въ Европѣ сѣялка была сдѣлана въ Германіи, въ 1647 году и, какъ рѣдкая диковина, была показываема за деньги. Спустя сто лѣтъ, въ XVIII вѣкѣ Кукъ, въ Суффолкѣ, въ Англіи, началъ употреблять сѣялку въ дѣло. Превосходство урожая отъ посѣва этимъ способомъ служило поводомъ къ изобрѣтенію разнаго рода сѣяльныхъ машинъ, противъ употребленія которыхъ возражали однако только тѣмъ что онѣ слишкомъ сложны и многоцѣнны. Вслѣдствіе этихъ возраженій, уже въ началѣ XIX вѣка, Дукетъ, въ Чилингамѣ, Тэръ, въ Мёглинѣ и наконецъ Фростъ, въ Голингамѣ, довели сѣялку до той ея простоты и той ея малосложности, которыя способствовали распространенію ея не только въ Англіи и Шотландіи, но и во многихъ мѣстностяхъ Франціи, Германіи и Швейцаріи. Всѣ эти подробности мнѣ, бывало, разказывалъ Матвѣй Андреевичъ, почерпавшій эти знанія изъ тѣхъ переводовъ какіе для него, по приказанію Льва Алексѣевича Перовскаго, дѣлали нарочно нанятые переводчики изъ англійскихъ и нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ словарей.

— Эту сѣялку, говаривалъ мнѣ Байковъ,—весьма легко могутъ работать наши „мальчики“, по той модели какая у насъ въ музеѣ; но я считаю за лучшее не баловать ихъ въ началѣ знакомствомъ со слишкомъ легкими способами; а пусть-ка выучатся они „ручному посѣву“, да доведутъ его до совершенства машины. Тогда можно будетъ такимъ мастерамъ позволить употребить и Фростову, эту истинно волшебную сѣялку.

И дѣйствительно, воспитанники здѣсь учились „ручному по-

сѣву“ сначала пескомъ различной крупности, по сходству его съ зернами разнаго рода. Изъ нихъ весьма многіе пріобрѣли такую ловкость и сноровку въ правильномъ посѣвѣ что сами превосходно засѣвали свои поля рожью, овсомъ, ячменемъ, пшеницей, полбой и клеверомъ съ тимоеевою травой. Поразительно пышныя училищныя нивы, ровныя и безъ малѣйшихъ *плъшинъ* (прогалинъ, незасѣянныхъ мѣстъ), краснорѣчиво доказывали искусство воспитанниковъ въ сѣяніи, уроки котораго у нихъ повторялись весною и осенью зерномъ, а ежедневно лѣтомъ и зимою при усылкѣ дворовъ и дорогъ пескомъ, причемъ воспитанники обязаны были песокъ этотъ метать по всѣмъ правиламъ посѣвнаго дѣла, которое, какъ крайне важный сельско-хозяйственный пріемъ, преподавалось не только систематически, но и педантически. Зная изъ опыта что дурной урожай часто бываетъ единственно отъ худаго сѣва, воспитанники проникались глубокимъ уваженіемъ къ этому дѣлу. Къ тому же они знали также и то что хорошихъ сѣвцовъ очень мало и ими дорожатъ въ деревняхъ; надобно чтобъ зерно падало не кучками, а ровно и твердо, какъ бы вливаясь въ землю: это основаніе всего, и для этого надобно соразмѣрять и походку, и движеніе руки, и положеніе тѣла. Удѣльные воспитанники дошли до мастерства такого въ сѣяніи что могли превосходно сѣять въ дождь и вѣтеръ. Замѣтить надо что въ деревняхъ, чтобъ въ вѣтеръ посѣять ровно, изъ ста отличныхъ засѣвальщиковъ, едва ли найдете одного. Достоинъ еще вниманія что когда бывало смотришь какъ сѣютъ здѣшніе ученики, то у нихъ, при самомъ тщательномъ наблюденіи, нельзя было замѣтить чтобы хоть одно зерно упало не ровно, подпрыгивая мало-мальски по поверхности. Тѣмъ изъ ларней которые дошли въ сѣвѣ до послѣдней степени совершенства, Байковъ разрѣшилъ изготовить по модели музея сѣялки, съ тѣмъ что въ послѣдствіи, когда въ 1839 году молодые земледѣльцы водворились хозяевами въ образцовыхъ усадьбахъ,—имъ предоставлено было взять снаряды эти съ собою. Маѣ привелось слышать что многіе изъ нововодворившихся усадебниковъ отдавали свои сѣялки своимъ односельянамъ напрокатъ, и не даромъ, а за довольно изрядную плату.

Заговоривъ объ искусствѣ сѣянія, не могу умолчать о нововведеніяхъ сдѣланныхъ Байковымъ относительно времени или поры произведенія посѣвовъ. Такъ, смотря по лѣту и погодѣ, директоръ, сообразуясь съ петербургскимъ климатомъ, сталъ

производить озимые посѣвы чрезвычайно поздніе, напримѣръ, въ 1834 году озимая рожь на училищныхъ поляхъ была высѣяна около Александрова дня, то-есть около 30го августа, между тѣмъ какъ въ деревняхъ обыкновенно посѣвъ этотъ производится на Слеса на водѣ (1го августа) или на Слеса на горѣ (6го августа). Афоризмы эти, основанные на вѣковыхъ предразсудкахъ и преданіяхъ, далеко не полезны для правильного веденія хозяйства. Въ слѣдующее лѣто я видѣлъ какими ярко-палевыми полосами волновалась эта рожь, высокая, колосистая, между тѣмъ какъ рядомъ съ училищнымъ участкомъ рожь, высѣянная въ Слесь на водѣ, 1го августа, колымажскими подгородными земледѣльцами имѣнія графини Орловой-Денисовой-Никитиной, почти совершенно пропала и выпрѣла. Этотъ и тому подобные живые примѣры постоянно ставились на видъ воспитанникамъ, которые, независимо отъ субординативнаго чувства, пріобрѣтали все болѣе и болѣе довѣрія къ знаніямъ своего директора, который, какъ уже выше я имѣлъ случай указывать по поводу происшествія съ боровкомъ, едва имъ не умерщвленнымъ, и съ полемъ удобреннымъ свѣжею кровью, свѣдѣніями настоящими и рационально-научными, при совершенномъ незнаніи иностранныхъ языковъ, былъ далеко не богатъ; но былъ одаренъ отъ природы истинно гениальною находчивостью, смѣткою и сообразительностью. Еще достойна вниманія такъ-называемая здѣсь *училищная* рожь, сѣмена которой, по распоряженію вице-президента департамента удѣловъ, разсылались по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ. Замѣчательно что здѣшніе сорта ржи: вазской, англійской, кустовки, ярицы, выведены изъ одной и той же обыкновенной русской ржи, первоначально взятой изъ Тамбовской губерніи. Вотъ весь процессъ этого земледѣльческаго *tour de force*: Въ 1834 году маленькая тамбовская рожь была посѣяна на землѣ отлично разработанной и удобренной золою; отъ урожая 1835 года, отдѣленные вѣялкой, самыя крупныя на подборъ сѣмена посѣяны на той же землѣ, какъ и въ 1834 году. Это повторено было въ 1836 году; а потомъ нельзя было отличить этой *тамбовки* отъ посѣянной смежно настоящей вазской ржи сѣменами выписанными прямо изъ Швеціи. Въ 1834 же году, тамбовская рожь посѣяна была на хорошо удобренной, но плотной землѣ, въ 1836 году вышла *англійская* рожь, отличающаяся отъ *вазы* тѣмъ что зерна ея лучше укрѣплены въ шелучной чашечкѣ, не торчатъ вонъ изъ нея, и потому не такъ скоро осы-

паются, какъ вазскія. Еще четыре четверика этой же тамбовской самой плохонькой ржи были посѣяны на десятинахъ въ началѣ поля, рядами, такъ чтобы можно было пропахивать бороздильникомъ; къ сентябрю 1836 года рожь раскустилась; ее скосили. Къ октябрю кусты сдѣлались еще пышнѣе, и такъ зазимовали. Весною 1837 года, когда земля обсохла, они были пропаханы. Такимъ образомъ, вся десятина покрылась кустами отъ 20—30 стеблей; лучшія сѣмена посѣяны были на другой годъ, тоже съ пропашкой, а отъ послѣднихъ сѣмена дали въ 1837 году превосходную *кустовку* безъ пропашки. Еще эта же тамбовская рожь была посѣяна весной 1835 года, въ количествѣ 16 четвериковъ на десятину; когда сѣмена взошли и покрыли землю, то всходы посыпали гипсомъ или алебастромъ, котораго пришлось 20 пудъ на десятину; скоро рожь перестала куститься и пошла шибко въ ростъ, а въ сентябрѣ принесла сѣмена. Въ послѣдствіи эта *яровая рожь* давала въ училищѣ сѣмена безъ всякой посылки. Этимъ, повторяю, *tour de force* въ земледѣліи будущіе хозяева застраховали свое хозяйство на будущія времена отъ обычной въ нашемъ хозяйствѣ необходимости черезъ каждые два года непременно перемѣнять сѣмена и подвергать себя невѣрнымъ шансамъ получать сѣмена невсхожія, тратя, при этомъ, Богъ знаетъ сколько денегъ и посылая за сѣменами подводы въ даль иногда преизрядную.

Этими и подобными фортелями и вообще необыкновенною смѣлостью во всѣхъ хозяйственныхъ приѣмахъ, которые всегда отличались небывалыми дотошъ нововведеніями, Байковъ и его училище съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приобрѣтали себѣ славу, которая всѣхъ привлекала въ училище.

XXI.

Разъ, въ началѣ сентября 1836 года, освобождаясь отъ всякихъ занятій, я, не дожидая присылки за собою казеннаго экипажа Байкова, сѣлъ вечеромъ въ первыя попавшіяся мнѣ дрожки, и поѣхалъ въ свое любезное Земледѣльческое Училище, чтобы провести тамъ слѣдующій день, а можетъ-быть и послѣ-слѣдующій, то-есть 5е сентября, когда мнѣ, помнится, хотѣлось имѣть претекстъ болѣе или менѣе законный не быть на скучномъ именинномъ вечерѣ одной очень скучной же и жеманной барыни, которая носила во святомъ крещеніи имя Елизаветы. Пріѣжаю

въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, и на длинномъ шоссе, идущемъ поперекъ полей отъ Выборгской дороги къ училищному двору, встрѣчаю скачущую мнѣ на встрѣчу четверню великолѣпныхъ коней съ фореиторомъ на правой уносной, визжащимъ свое: „берегись!“ моему возницѣ. Глядь, на заляткахъ два гайдука въ красныхъ ливреяхъ и треуголкахъ съ галунами: видно кто-то изъ царской фамиліи. Снимая фуражку, мелькомъ замѣтилъ я въ каретѣ красивую даму, ласковою улыбкой и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчавшую мнѣ на мой почти-тельный поклонъ.

Войдя на училищный дворъ, я засталъ еще все училищное населеніе въ сборѣ послѣ „маневра пожарной тревоги“, которою, по принятому обычаю, здѣсь завершалось всякое сколько-нибудь рельефное посѣщеніе училища. Трубы и бочки еще не развѣхались, потому что директоръ, увидѣвъ съ проспекта меня, не далъ еще приказанія къ развѣзду и двинулся ко мнѣ на встрѣчу съ восклицаніемъ:

— Не въ пору гость хуже Татарина, а драгоценный и неожиданный гость всегда радостенъ и желателенъ! Жаль только что часикомъ раньше не пріѣхали, безцѣнный В. П. Я бы непременно представилъ васъ Ея Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая осталась у насъ всѣмъ предовольна, а насъ всѣхъ такъ очаровала своею милостью, лаской, любезностью что всѣ мы находимся подъ самымъ сладостнымъ впечатлѣніемъ. Не забудьте: вѣдь это эпоха въ заведеніи, эра: первое посѣщеніе одного изъ членовъ Августѣйшей фамиліи! Мы всѣ, просто, какъ въ чаду. Ахъ, какъ жаль что позапоздали: я бы васъ представилъ. Такого случая два раза не бываетъ.

— Все это превосходно, дорогой Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—и поздравляю васъ отъ всего сердца, только позвольте вамъ сказать что пора бы, кажется, вамъ распустить вашу команду, которая вонъ все стоитъ вся въ сборѣ.

— Ахъ, да я и забылъ съ радости что васъ увидѣлъ, хихикалъ Байковъ;—но однако прежде чѣмъ я распушу мой людъ, вы скажите-ка, по случаю посѣщенія Высочайшей особы маленькое привѣтствіе „мальчикамъ“, которые васъ страхъ любить и спать и видать чтобы В. П. былъ моимъ помощникомъ и ихъ начальникомъ.

Нечего было дѣлать,—я подошелъ къ толпѣ, стоявшей все еще въ разныхъ заученныхъ позахъ и каждый на своемъ мѣстѣ, то-есть одни на козлахъ бочекъ и трубъ, другіе съ

лѣстницами, баграми, щитами и прочими снарядами огнегашенія, третьи на коняхъ, четвертые съ подрегентомъ, вооруженнымъ камертономъ, впереди ихъ, скучившись нѣсколько на первомъ планѣ, и тутъ же у иныхъ въ рукахъ были бубны, тарелки рожки, балалайки. Подойдя и поздоровавшись, причесть въ отвѣтъ раздался страшный взрывъ крика: „здравія желаемъ!“ я, какъ умѣлъ, сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ фразъ съ поздравленіемъ по случаю высокаго посѣщенія и окончилъ, помню, мой спичъ словами: „Надо, ребята, все болѣе и болѣе стараться!“ на что они въ отвѣтъ гаркнули: „Ради стараться!“ — и тогда Байковъ, что-то пошептавшій дежурному сотскому, молча засуетившемуся около пѣсенниковъ, — сконфужился и сказалъ Байкову:

— Вѣчно вы меня терзаете этими помѣщичьими величаньями и шутите надо мною.

— А вы, захихикалъ Байковъ, — никакъ не хотите принимать нашихъ искреннихъ привѣтовъ.

— Хороши искренніе привѣты, замѣтилъ я съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ нескрываемаго негодованія, — когда вы отдаете приказаніе сотскому, и привѣтъ дѣлается по командѣ.

— Не могутъ же они самовольничать, объяснялъ Байковъ. — Но все это въ сторону, а вотъ мы лучше побесѣдуемъ всласть съ вами, благо вечеръ прелестный, въ нашемъ садикѣ, куда намъ сію минуту подадутъ чай и варенецъ, приготовленный изъ тирольскаго уже масла. Прелесть что такое! Ея Высочество и бывшая съ нею фрейлина кушали нашъ варенецъ съ такимъ удовольствіемъ что я, хоть никогда не ѣмъ всѣхъ разныхъ этихъ молочностей, кромѣ простокваши, кажется, съѣмъ хоть цѣлую тарелку и залью цѣлою баклагой новаго чая, какой мнѣ вчера изъ Нижняго прислалъ Бестужевъ, управляющій нашею тамъ конторою. Не чай это, а нектаръ боговъ.

Въ садикѣ, за самоваромъ, Матвѣй Андреевичъ, подъ вліяніемъ сильнѣйшаго воодушевленія, разказалъ мнѣ что Ея Высочество входила въ сотни такихъ техническихъ подробностей что изумила его богатствомъ своихъ агрономическихъ знаній. Потомъ онъ съ упоеніемъ повѣствовалъ о томъ какъ воспитанники молотили при Великой Княгинѣ яровую рожь около овина на площадкѣ.

Однако посреди своей радости, по причинѣ посѣщенія Великой Княгини, очаровавшей все училище своими знаніями и своею любезностью, Байковъ былъ не вполне спокоенъ, потому что мысль о томъ что великолѣпный иностранный скотъ, за три мѣсяца предъ симъ водворенный на училищной фермѣ, могъ сдѣлаться жертвою скотской чумы, которая погуливала въ это время въ петербургскихъ окрестностяхъ, стала тревожить его. Онъ строже чѣмъ когда-нибудь относился къ наблюденію за здоровьемъ ввѣренныхъ его попеченіямъ, дорогихъ быковъ и коровъ, и вмѣсто того чтобы раза четыре въ сутки посѣщать фермерскіе коровники, онъ сталъ заходить туда почти ежедневно, присматриваясь къ тому какъ ѣсть, пьеть, пережевываетъ жвачку скотина, даже какъ стоитъ, какъ лежитъ, какъ глядитъ, какъ обмахивается хвостомъ и пр. и пр., словомъ, онъ развивалъ самую лихорадочную и свойственную ему энергичную и неустанную дѣятельность. Въ коровникахъ прыскали сильно уксусомъ и курили хлоромъ и можжевельникомъ. Въ кабинетѣ Байкова лежали на нѣсколькихъ столахъ сельско-хозяйственныя книги и газеты съ рѣзкими отмѣтками краснымъ карандашомъ всѣхъ статей по ветеринаріи. Даже тяжелыя компіляціи добрейшаго Всеволода Ивановича Всеволодова, читавшаго въ Медико - Хирургической Академіи ветеринарную науку, удостоились на этотъ разъ чести занимать мѣсто съ другими книгами въ кабинетѣ Байкова. Видя эту заботливость Байкова, я сказалъ ему:

— Конечно, пословица права: „не тогда свору кормить, когда на охоту ѣхать“, и предосторожность—благое дѣло; но съ чего вы берете, Матвѣй Андреевичъ, что вамъ не миновать чумы, которая ежели гдѣ и есть, то въ Красномъ Селѣ, куда ее занесли тѣ войска которыя пришли туда изъ военныхъ поселеній Новгородскихъ. Говорятъ что Царскосельская ферма оцѣплена и никого туда не пускаютъ, даже государь, пріѣзжая изъ Краснаго въ Царское, подвергалъ себя окуриванію можжевельникомъ. Но теперь вѣдь войска разошлись по своимъ квартирамъ, и эпидемія уменьшилась.

— То-то что ушли войска, да еще не всѣ, перебилъ меня Байковъ,—а у красносельскихъ крестьянъ скотъ продолжаетъ, увѣряю васъ, валиться какъ мухи. Мы совершенно отрѣзали себя отъ Краснаго Села и ни съ кѣмъ изъ красносельцевъ сношеній не имѣемъ. Но не далѣе какъ вчера принесла къ

намъ нелегкая земляка моего, Соломку, * который сталъ къ намъ такъ часто ѣздить послѣ того что я разъ увлекшись, по деревенской моей простофильности, его разказами, угостилъ его борщемъ съ саломъ, галушками, да варениками съ наливкой. Онъ засталъ меня на дворѣ въ то самое время, какъ я шелъ на ферму, чтобъ чуть ли не въ десятый уже разъ посмотрѣть скотину. Онъ пошелъ со мною, до нельзя восхищался всѣми быками и коровами, такъ что нѣкоторыхъ изъ скотинъ цѣловалъ даже въ морды, къ великому неудовольствію Виссаріона. Разыгрывая роль знатока ветеринарнаго дѣла, разсматривалъ небо во рту нѣкоторыхъ быковъ и коровъ, указывая на какіе-то, имъ самимъ, вѣрно, придуманные, признаки самаго цвѣтущаго состоянія здоровья нашихъ животныхъ, причемъ увѣрялъ скотника Виссаріона что онъ въ Холландіи и Венгріи наблюдалъ чуму во всѣхъ подробностяхъ, и что наша скотина отъ всякихъ такихъ болѣзней крѣпко застрахована, прибавляя что важно то, когда кругомъ чума, чтобы люди которые около скота обращаются дышали на него хорошо и духомъ своимъ прогоняли бы чертово дѣтище, чуму окаянную. При этомъ Аѳанасій Даниловичъ вынулъ изъ всеобъемлющаго кармана своей истасканной, какъ вы знаете, шинели конно-артиллерійской формы, какую-то бутылку съ черною густою жидкостью, которую вручилъ моему пьянчужкѣ Виссаріону, какъ предохранительное средство, ежели разводить эту чудную жидкость всего полрюмки на стаканъ воды и пить тому главному скотнику который за скотомъ ходитъ. Соломко былъ въ пылу своего разказа, когда ко мнѣ на ферму прибѣжали, объявляя что министръ финансовъ генералъ Канкринъ въ училище пріѣхалъ. Я послѣшилъ къ Канкрину, приглашая Соломку съ собою; но Соломко продолжалъ калякать со скотникомъ; а вдругъ явился директоръ канцеляріи министра, знакомый вамъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, который въ этотъ разъ сопровождалъ Канкринъ и сказалъ мнѣ что Егоръ Францовичъ пріѣхалъ съ цѣлью пригласить меня на бесѣду къ

* Аѳанасій Даниловичъ Соломко, генералъ-вагенмейстеръ императора Александра I, не совершавшаго ни одного вояжа безъ сопровожденія Соломки, начавшаго свою должность въ чинѣ поручика армейской конной артиллеріи, будучи отрекомендованъ государю графомъ Аракчеевымъ.

нему, съ нѣсколькими спеціалистами, относительно разсмотрѣнія у него опыта новаго способа приготовленія льна. „Егоръ Франдовичъ, говорилъ милѣйшій Александръ Максимовичъ,—на вашемъ огромномъ училищномъ дворѣ любитесь тѣмъ удивительнымъ искусствомъ съ какимъ ваши мужички-геодезисты управляютъ съ мензулой и астролябіей. Онъ говоритъ что пришлетъ къ вамъ учениковъ Лѣснаго Института изъ старшаго класса, чтобъ пристыдить ихъ успѣхами вашихъ воспитанниковъ.“ Грѣшный человекъ, скажу откровенно, все это такъ на меня прямо подѣйствовало, вмѣстѣ съ увѣренностью Соломки относительно неспособности у нашего скота къ воспріятію эпидеміи что я поспѣшилъ къ ученому министру, хотя правду сказать, „латушка“ всегда мучаетъ меня своими педантическими допросами. На этотъ разъ старикъ былъ необычайно любезенъ и весело требовалъ, съ шутивою настоятельностью, чтобъ я, какъ есть, въ сюртукѣ, ѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ нимъ въ его каретѣ въ Лѣсной, гдѣ думаетъ съ нѣсколькими спеціалистами заняться разсмотрѣніемъ новаго проекта приготовленія льна. „Въ числѣ моихъ гостей, говорилъ Канкринъ,—знаменитый политико-экономистъ и техникъ-энциклопедистъ Тенгоборскій, который именно и просилъ меня сильнѣйшимъ образомъ пригласить васъ, Матвѣй Андреевичъ. Мой любезный Александръ Максимовичъ хотѣлъ было за вами ѣхать; но я сказалъ: „ѣдемъ вмѣстѣ!“ и „фотъ мы пріѣхали кѣсамъ заарестовать фасъ на цѣлый день“.—Что было дѣлать? Я успѣлъ только дать знать женѣ чтобъ она накормила обѣдомъ Соломко и поѣхалъ съ Канкринымъ и съ Княжевичемъ въ ихъ каретѣ въ Лѣсной. Когда я сѣлся въ экипажъ, сотскій подалъ мнѣ нарядъ работъ слѣдующаго дня, и я долженъ былъ, по просьбѣ любознательнаго Канкрина, сообщить ему эту рапортицу, которую онъ оставилъ у себя на память, говоря что непременно примѣнитъ этотъ нарядъ къ практикѣ на какой-нибудь фабрикѣ или даже въ своемъ Лѣсномъ Институтѣ. * Опытъ новаго способа обработки льна,

* Вотъ копія съ той рапортицы наряда какая была на 3е сентября

1836 года: Число людей.

Въ классѣ 30.

На разныя полевыя и огородныя по училищу работы 65.

Межевать на дворѣ 10.

Портныхъ 16.

предложенный самимъ Тенгоборскимъ, по проекту какого-то Полячка, его протеже, удался; я высказалъ свое мнѣніе и за-
вѣрилъ Канкринъ что способъ этотъ будетъ, въ свое время,
введенъ въ сѣверной части удѣльныхъ имѣній. Я терпѣть не
могу въ гостяхъ обѣдать, вы знаете, а ужъ тутъ нечего было
дѣлать, надобно было остаться. Однако тотчасъ послѣ обѣда
я откланялся, отзываясь что у меня гость, именно, генералъ
Соломко. — Какъ только я произнесъ эту фамилію, Канкринъ
тотчасъ обратился ко мнѣ съ словами: „поѣзжайте скорѣе до-
мой, да гоните отъ себя его! Онъ сегодня лютру заѣзжалъ

Число людей.

Сапожниковъ	3.
Столяровъ	7.
Работать землед. орудія.....	25.
Работать модели	4.
Кузнецовъ	10.
Слесарей	2.
Бочаровъ	2.
Плотниковъ	15.
Кушнеровъ	10.
Пчельниковъ	4.
Пилить лѣсъ... ..	4.
Дровоколовъ	2.
Конюховъ	3.
Скотниковъ	14.
Пчельниковъ	2.
Мусорщиковъ	3.
Въ образцовой избѣ.....	5.
На разныя должности по училищу.....	30.
Больныхъ	3.

Итого 269.

Здѣсь не лишнее замѣтить что очередной нарядъ воспитанниковъ
основанъ былъ въ училищѣ, по идеѣ Байкова, на математическомъ спо-
собѣ переложеній и сочетаній буквъ, какъ вѣрнѣйшемъ и простѣй-
шемъ средствѣ для избѣжанія запутанности. Вотъ расчетъ занятій въ
бывшемъ Земледѣльческомъ Училищѣ. Воспитанники занимались ра-
ботами 10 часовъ въ сутки. Успѣхъ работъ въ это время, выведен-
ный изъ ежедневныхъ тщательныхъ наблюдений, слѣдующій: однимъ
Смалевскимъ плугомъ, улучшеннымъ Цатерлеемъ, поднимали нови съ
корнями и кочкарникомъ: 2 чел. съ двумя лошадьми $\frac{1}{4}$ десятины.
Тѣмъ же плугомъ безъ чересла: 1 чел. съ 1 лош. двѣмъ $\frac{3}{4}$ део. Ра-
спланивали экстирпаторомъ, 1 чел. съ 1 лош. 2 дес. Боронили, тяжелою
бороною, для разбиванія комьевъ, 1 чел. съ 2 лош. $\frac{1}{2}$ дес.; легкою

ко мнѣ, вѣрно по пути къ вамъ, и разказывалъ что прямо изъ Краснаго Села, гдѣ останавливался въ избѣ у кормилицы своей дочери и что у этой бабы при немъ три коровы отъ чумы околѣли; увѣрялъ даже что онъ своими руками давалъ имъ лѣкарства; но поздно было. Какъ же это онъ прямо отъ чумныхъ коровъ къ вамъ поѣхалъ!“ Какъ только Канкринъ проговорилъ эти слова, я скокъ въ мой фаэтонъ, который за мною прибылъ еще во время обѣда, и поскакалъ въ училище, гдѣ уже Соломки я не засталъ. Тотчасъ я пошелъ на ферму, и что же? Нашелъ тамъ и Виссаріона, и его помощни-

1 чел. съ 1 лош. 1½ дес. Могъ засѣять 1 дес., заборновать ее мелкой складной бороной и укатать каткомъ 1 чел. съ 2 лошадьми. Пропихать картофель 1 чел. съ 1 лош. 1 десятину. Сдѣлать топоръ или 3 серпа 1 чел. Сработать вновь Смалевскій плугъ съ его деревянными и желѣзными частями 1 чел. въ 4 дня. Сдѣлать телѣжное колесо, вновь, одинъ человекъ. Завалить навозомъ, вспахать и обдѣлать 4 гряды 1 человекъ. Скроить и сшить пару новыхъ саногъ 1 чел. въ 2 дня и пр. и пр.—Здѣсь правильность внутренняго устройства уподоблялась хронометру и была такова что, при всей разнородности предметовъ, не было ни малѣйшей запутанности: все находилось въ стройномъ порядкѣ и гармоніи. Вотъ нѣкоторыя подробности устройства внутренняго механизма управленія училищемъ, приспособленнаго къ управленію барщинною волостью прежняго времени. По повѣркѣ сотскими числа воспитанниковъ по каждому мѣсту занятій, писарь отмѣчалъ въ *очередной въдомости* противъ имени всякаго воспитанника что онъ въ тотъ день дѣйствительно дѣлалъ то-то. Потомъ писарь же, по вышеизложенному правилу перемѣщенія по очереди и назначенія директоромъ работъ и потребнаго для нихъ количества людей, составлялъ *очередной списокъ*, по разсмотрѣніи котораго директоромъ, записывалъ въ такъ-называемыя *спальныя книги*, противъ имени каждаго воспитанника, занятія его въ слѣдующій день. Къ 8 час. книги эти должны были быть готовы, и изъ нихъ во время ужина сотскіе читали назначеніе работъ каждому на слѣдующій день, такимъ образомъ: „Иванъ Петровъ.“ Отвѣтъ: „здѣсь“. „Плотникъ“, отвѣтъ: „плотникъ“. Черезъ это каждый воспитанникъ съ вечера еще зналъ что приходилось ему дѣлать поутру. Послѣ утренней переключки, начиналось управленіе воспитанниковъ по занятіямъ. Очередной сотскій только громко произносилъ: „земледѣльцы“, и по тому слову выступали, на примѣръ, 50 человекъ, именно сколько назначено на полевые работы. „Плотники!“ выступаютъ, положимъ, 15 человекъ; „въ классъ!“—идутъ 40 человекъ и пр., сколько слѣдуетъ куда по очереди и надобности. Выступившее число пересчитывается сотскимъ, мастеромъ, или учителемъ для класса. Это все было получасовымъ дѣломъ.

ка Потанина, и что всего важнѣе и для меня прискорбнѣе,—моихъ очередныхъ въ коровникѣ воспитанниковъ, какъ бы вы думали? Пьяными. Какъ, что? Оказывается что бутылка съ черною жидкостью которую далъ Соломко Виссаріону была не что иное, какъ крѣйчайшій рижскій бальзамъ, какой въ смѣси съ водою, по мнѣнію господина генералъ-вагенмейстера, надо пить, чтобы дыханіемъ своимъ отвращать чуму. И вотъ они всѣ, занявшись отвращеніемъ чумы, перепились какъ стельки. Само собою разумѣется, я проклятую эту бутылку разбилъ въ дребезги и какъ слѣдовало отблагодарилъ Виссаріона. Генералу же я сгоряча написалъ и послалъ такую любезную цидулу что впредь ужъ, конечно, онъ ко мнѣ не пожелуетъ....

Въ эту минуту явился предъ Байковымъ, прибѣжавшій съ фермы, помощникъ главнаго скотника, рыжій Потанинъ, блѣдный какъ мертвецъ, съ печальнымъ извѣстіемъ что англійскій молоденькій быкъ *Орелъ* жалобно мычитъ, роняетъ слюну и никакой пищи не принимаетъ.

— Чума! вскричалъ Байковъ, и бѣгомъ устремился на ферму, а я вслѣдъ за нимъ. Мы нашли изящнаго молодого англійскаго бычка въ самомъ дурномъ положеніи, такъ что надо было на рукахъ перенести его въ такъ-называемый „скотный лазаретъ“, на другой сторонѣ училища. Двадцать дюжихъ парней на огромныхъ рогожахъ бережно, съ какимъ-то словно благоговѣніемъ, перенесли бѣдное животное въ это особое помѣщеніе, гдѣ преподаны были всѣ возможные подручныя средства, оказавшіяся тщетными: бычокъ издохъ почти мгновенно. Байковъ, разстроенный и убитый горемъ, сказалъ мнѣ: — „Чума, и чума скоротечная, которою подарилъ насъ этотъ Соломко! Но ему это даромъ не пройдетъ: я давно знаю что его свѣтлость князь Петръ Михайловичъ терпѣть его не можетъ, а теперь ужъ и я постараюсь подлить масла въ огонь.“ Однако, какъ тутъ ужъ было не до разговоровъ, Байковъ мигомъ распорядился, и распорядился превосходно: прежде всего всю оставшуюся послѣ заболѣвшаго животнаго постилку и навозъ сожгли до тла, а стойло вымыли растворомъ хлора, трулъ же околѣвшаго *Орла* зарыли въ необыкновенно глубокую могилу въ мѣстѣ довольно далекомъ, въ лѣску, засыпавъ могилу эту на сажненное пространство известью купѣлкой. Затѣмъ сдѣлано было моментальное распоряженіе о томъ что всѣ воспитанники находившіеся и имѣющіе въ послѣдствіи находиться

близъ фермы состоятъ въ распоряженіи смотрителя фермы, во всякое время имѣющаго право требовать ихъ на ферму, гдѣ ежедневно дежурить одному изъ самыхъ первыхъ воспитанниковъ въ качествѣ сотскаго. Обоихъ фельдшеровъ изъ больницы, гдѣ къ счастію въ это время ни одного сколько-нибудь серьезнаго больного не было, перевели съ ихъ походными ветеринарными аптечками и съ ихъ хирургическими инструментами для киданія крови на ферму. Куреніе хлоромъ и можжевельникомъ и опрыскиваніе уксусомъ усилены до нельзя; количество соли въ кормѣ увеличено для содержанія желудка въ свѣжести; за каждымъ движеніемъ каждаго животнаго усилено наблюденіе; ночныя дежурства умножены чрезъ назначеніе на ферму значительнаго числа воспитанниковъ изъ лучшихъ.

Чувствуя что я своею особою въ этой катастрофѣ никакой пользы училищу принести не могу, я предложилъ Байкову что поѣду сейчасъ въ городъ въ конно-гвардейскія казармы къ главному гвардейскому ветеринару г. Тессену* и настою на томъ чтобъ онъ въ томъ же экипажѣ немедленно ѣхалъ въ Земледѣльческое. Байковъ принялъ мое предложеніе съ благодарностью и далъ мнѣ къ Тессену, получавшему отъ удѣльнаго департамента какое-то весьма почтенной цифры жалованье, формальное за № отношеніе, съ приложеніемъ къ нему своей интимной цидулы. Мы простились съ Байковымъ на неопредѣленное время, потому что онъ порѣшилъ строжайше окарантировать заведеніе, не впуская туда ни одной души, причемъ рѣшили перелисываться хоть ежедневно чрезъ посредство департамента удѣловъ. Такимъ образомъ только 1го октября, въ обыкновенный юбилейный праздникъ училища, когда уже, похитивъ 36 штукъ лучшихъ экземпляровъ иностраннаго скота, эпидемія совершенно прекратилась, мы снова увидѣлись съ Байковымъ, которому за его ревностныя попеченія во время чумы, министръ двора и удѣловъ исходатайствовалъ золотую табатерку осыпанную брилліантами и съ вензелевымъ Высочайшимъ именованіемъ на верхней доскѣ. Достоинно вниманія что чума дѣйствовала съ особеннымъ ожесточеніемъ преимуще-

* Онъ въ послѣдствіи, въ чинѣ сначала статскаго, а потомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ профессоромъ ветеринаріи въ Дерптскомъ университетѣ. Это былъ человѣкъ съ огромными научными и практическими свѣдѣніями.

ственно противъ скота иностраннаго, изъ холмогорокъ же сдѣлались ея жертвами только двѣ коровы; а знаменитыя *Звѣзда* и *Душка*, эти чисто училищныя воспроизведенія, остались цѣлы и невредимы; но однако обѣ, будучи стельны, выкинули. Въ числѣ мѣртъ принятыхъ Байковымъ во время болѣзни скота была та, оказавшаяся самою дѣйствительною, чтобы при малѣйшемъ признакѣ нездоровья каждую скотину вполне отдѣлять, на какой конецъ въ роуцѣ, прилежавшей къ одной части заведенія, было выстроено нѣсколько временныхъ одиночныхъ денниковъ, куда тотчасъ и переводились эти животныя. Въ короткое время коровники почти опустѣли, а роуца наполнилась небольшими временными этими денниками. Къ счастью еще съ 15го по 20е сентября настала такая стужа такая никогда въ эту пору не бываетъ, и воздухъ тотчасъ очистился. Аѳанасій Даниловичъ въ городѣ, въ продолженіе всего времени болѣзни на скотѣ въ училищѣ, ѣздилъ ко мнѣ съ увѣреніями что не онъ завезъ заразу, а что зараза „бисова дочь“ сама пришла и просилъ устроить такъ чтобы Байковъ пересталъ на него сердиться. Я наотрѣзъ отказался отъ посредничества, и тогда Соломко писалъ къ Байкову письмо за письмомъ, а Байковъ отсылалъ ему письма эти не распечатанными; но въ послѣдствіи, не знаю какими-то судьбами, они помирились, однако съ тѣхъ поръ Байковъ никогда не пускалъ его безъ себя ходить по заведенію. Въ то время, когда съ 1839 года я сталъ служить въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, и Аѳанасій Даниловичъ Соломко ѣзжалъ въ гости уже собственно ко мнѣ и къ моей матери, то также онъ собственно въ заведеніи и особенно на фермѣ показывался не иначе какъ со мною, причемъ этотъ чудакъ находилъ какое-то странное удовольствіе напоминать скотнику Виссаріону объ удивительномъ лѣкарствѣ, заключавшемся въ той бутылкѣ которую онъ ему 2го сентября 1836 года подарилъ и которою онъ, Виссаріонъ, какъ истый „кацалъ“, „чиловиче дурній“, не умѣлъ порядкомъ воспользоваться.

Откормъ телятъ и поросятъ составлялъ также важный предметъ практическихъ занятій здѣшнихъ воспитанниковъ. Въ теченіи зимы 1836 года воспитанники, по всѣмъ правиламъ искусства или мастерства, какъ хотите, откормили, или скорѣе отпоили ларнымъ молокомъ отъ четырехъ коровъ, двухъ телятъ бернской породы. Телята эти помѣщены были въ отдѣльномъ темномъ денникѣ и подвѣшены на толстыхъ полотнахъ.

Кромѣ чистаго молока, въ молоко впускали ежедневно нѣсколько сырыхъ яицъ. На откормъ или отпой каждаго теленка потребно было 20 дней, по истеченіи которыхъ животное вѣсило пять пудовъ. Молоденькія эти телки составляли громадную мягкую массу, покрытую атласистою необыкновенно тонкою кожею, голова же и ноги остались до неумовѣрности малы, какъ у новородившагося теленка. Предъ убоемъ стоятъ на ногахъ телята эти не могли, а были зарѣзаны въ подвѣшенномъ положеніи, въ какомъ они жили всѣ три недѣли отпоенія. Мясо этихъ телятъ было верхъ совершенства: бѣло какъ бѣлая бумага, нѣжно до невозможности и совершенно безъ жирнаго наслоенія, потому что жиръ расплылся и напоилъ собою мясо, имѣвшее, безъ преувеличенія, сливочный вкусъ. Двое изъ лучшихъ воспитанниковъ удостоились поднести одного изъ этихъ отпоенныхъ телятъ министру двора. Превосходное это мясо въ тотъ же день было подано къ императорскому столу. Воспитанники доставившіе эту гастрономическую рѣдкость были каждый награждены серебряными часами; само собою разумѣется что то были корифеи заведенія—Кузьманъ и Бровкинъ, хотя ни тотъ, ни другой не принимали почти ни малѣйшаго участія въ отпаиваніи и въ закланіи этихъ телятъ. Повара придворной кухни выражали воспитанникамъ свое удивленіе, не вѣря чтобы телята эти не были вскормлены иностранною домоводкою и зарѣзаны иностранцемъ-мясникомъ, потому что хорошо, правильно, ловко, не давъ нисколько вытечь крови, убить теленка далеко не всякій мясникъ умѣетъ. Примѣчательно въ особенности что мясо телятъ убитыхъ здѣшними воспитанниками съ особенною ловкостью ни малѣйше не было зарумянено кровью. Изъ двадцати пяти нашихъ лучшихъ русскихъ мясниковъ, едва одинъ сумѣетъ восторжествовать надъ этою трудностью. Впрочемъ, коли правду сказать, то и изъ воспитанниковъ-то далеко не всѣ умѣли такъ мастерски рѣзать телятъ. Такихъ специалистовъ было всего-на-все три человека во всемъ заведеніи, и въ числѣ ихъ лучшій былъ Потанинъ, помощникъ главнаго скотника. Мнѣ случалось неоднократно присутствовать при этой казни, важнѣйшая суть которой состоитъ въ томъ чтобы моментально разрѣзать дыхательное горло теленка, не подвергая его ни малѣйшимъ страданіямъ или испугу. Это здѣсь было доводимо до такой тонкости что теленокъ продолжалъ спокойно пить молоко изъ поднесенной ему чашки, въ то время когда лезвіе

тончайшаго и острѣйшаго ножа покончило съ его жизнію, ежели жизнію можно назвать то искусственное трехнедѣльное существованіе при усиленномъ питаніи безъ малѣйшаго движенія, какому подвергаемо было маленькое животное, превращавшееся въ уродливую массу мягкаго какъ опара мяса. Другой отпоенный теленокъ былъ подаренъ министромъ Льву Алексѣевичу Перовскому, который, оставивъ для своего стола немного, предоставилъ остальные части своей сестрѣ Марѣ Алексѣевнѣ Крыжановской и Матвѣю Андреевичу Байкову, угостившему нѣсколькихъ своихъ пріятелей во время Рождественскихъ праздниковъ изящнымъ обѣдомъ, приготовленнымъ совершенно гастрономически и на французскій ладъ, причемъ, разумѣется, четверть этой дивной жареной телятины играла важную роль, и всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, чрезвычайно удивляла своею нѣжностію и именно сливочнымъ вкусомъ. За столомъ сидѣло человѣкъ двѣнадцать, которые далеко не были голодны, потому что весь обѣдъ былъ совершенство кулинарнаго искусства и носилъ типъ Нессельродовской кухни, а со всѣмъ тѣмъ телятина эта такъ всѣхъ восхитила что не осталось на огромномъ блюдѣ ни кусочка. Помню что для два или три послѣ этого Балтазарова лира, я обѣдалъ у извѣстнаго петербургскаго гастронома, добрейшаго Николая Александровича Бутурлина, бывшаго тогда вице-директоромъ провіантскаго департамента, гдѣ я состоялъ на службѣ. Онъ слышалъ объ этой необычайной телятинѣ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, а самъ ея не испробовалъ, почему заставлялъ меня, во время обѣда у него, разказывать сколь можно подробнѣе какъ объ этихъ чудесахъ вкуса, такъ и о методѣ отпоя телятъ. Это до того восхитило его превосходительство что онъ непремѣнно хотѣлъ познакомиться съ Байковымъ, подъ предлогомъ любви къ сельскому хозяйству, и скоро вошелъ съ нимъ въ довольно близкое знакомство. Вышеупомянутые телята послужили основаніемъ къ новымъ постояннымъ опытамъ отпоя телятъ раза три, четыре въ годъ, причемъ на долю Байкова доставалась уже не скромная четверть, а цѣлый телъ, изъ котораго однажды онъ выдѣлилъ часть и послалъ ее, тщательно обернутую въ салфетки и уложенную въ какой-то ящикъ, къ Николаю Александровичу Бутурлину, вмѣнявшему себѣ въ обязанность подать это жаркое на свой хлѣбосольный столъ, пригласивъ самого военного министра, его сіятельство (тогда еще, кажется, не свѣтлость) графа Александра Ивановича

Чернышева. Но чтобы вознаградить Матвѣя Андреевича, онъ и его позвалъ на этотъ изящнѣйшій обѣдъ, всѣ кушанья котораго были приготовлены поварами-артистами, подъ личнымъ наблюденіемъ самого амфитріона, находившаго однимъ изъ высшихъ наслажденій въ жизни, сбросивъ генеральскій мундиръ, замѣнить его на часъ, другой времени поварскою курткой изъ бѣлаго лике и полотнянымъ фартукомъ, и повозиться съ серебряными кострюлями около англійской плиты. Обѣдъ былъ на славу. Брилля-Саваренъ самъ, кажется, былъ бы отъ него въ восторгѣ; но Матвѣй Андреевичъ былъ преимущественно въ восхищеніи отъ того что военный министръ, въ тѣ времена одинъ изъ сильнѣйшихъ вельможъ, изволилъ бесѣдовать съ нимъ добрые полчаса объ искусствѣ отпаиванія телятъ для доведенія мяса ихъ до такого поразительнаго совершенства. Въ послѣдствіи отпаенная телятина, выше всякой „банкетной“, сдѣлалась у Матвѣя Андреевича довольно обыкновеннымъ блюдомъ, и онъ, бывало, и мнѣ для моего скромнаго хозяйства присылалъ четверти на жаркое, какимъ я иногда угощалъ нѣкоторыхъ добрыхъ пріятелей, ежели не такихъ гурмановъ какъ Н. А. Бутурлинъ, то все-таки мароковавшихъ въ томъ что такъ превосходно какъ превосходно было это истинно „безуѣнное“ жаркое.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ*

(1834—1850).

1872, октябрь

XXII.

Постепенныя и даже довольно быстрыя усовершенствованія въ бытѣ Матвѣя Андреевича шли crescendo. Бывая иногда у моей доброй и гостепріимной знакомой Марьи Алексѣевны Крыжановской и обѣдая разъ или два въ недѣлю у ея beau frère'a, Михаила Николаевича Жемчужникова, жившаго тогда около Николы Морскаго, въ казенномъ губернаторскомъ домѣ, я нерѣдко слыхалъ на этотъ счетъ болѣе или менѣе сатирическія выходки. Разъ даже, помню, Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ, находя что я, какъ ему казалось, ѣмъ не съ тѣмъ апетитомъ, съ какимъ онъ, какъ хлѣбосоль, любилъ чтобъ ѣли его застольные гости, смѣясь своимъ особеннымъ смѣшкомъ, въ звукахъ котораго замѣтна была всегда какая-то задняя мысль, сказалъ мнѣ:

* См. Русскій Вѣстникъ №№ 5, 6, 7, 8 и 9й.

— Ну, видно, любезнѣйшій В. П., вы страхъ какъ избаловались на обѣдахъ Бутурлина и Байкова. Но что же дѣлать? Я не имѣю и конечно никогда имѣть не буду тѣхъ миллионныхъ какими владѣть Николай Александровичъ и той способности какую имѣетъ Матвѣй Андреевичъ брать къ себѣ на кухню превосходнѣйшаго ученика Нессельродовской кухни для обра- щенія его въ христіанскую вѣру.

Не понявъ этого намека, я хотѣлъ было спросить у его превосходительства объясненія этого ребуса, какъ вдругъ докладъ камердинера Сергѣя о визитѣ Леонтія Васильевича Дубельта, тогдашняго начальника штаба корлуса жандармовъ, помѣшалъ какъ выраженію, такъ и удовлетворенію моего любопытства. Обѣдъ былъ въ это время совершенно конченъ, и мы пили кофе, хозяинъ же курилъ изъ своей трубки на саженномъ чубукѣ. Генералъ знаменитый своею дѣятельностію въ родѣ Фуше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свѣтскою любезностію, просилъ Михаила Николаевича не стѣсняться, самъ закурилъ сигару и завелъ какой-то общій разговоръ, ни мало не касавшійся того дѣла для котораго онъ захватилъ перекинуть нѣсколько словъ съ губернаторомъ. Но губернаторъ, среди болтовни болѣе или менѣе о новостяхъ дня, успѣлъ вернуть свое замѣчаніе о томъ какъ много хлопотъ и заботъ даетъ ему новосозданное тогда „исправительное заведеніе“ или смирительный домъ въ новомъ родѣ, помѣщенное въ громадномъ строеніи на Невѣ и Высочайше порученное исключительному его завѣдыванію, по рекомендаціи графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. И при этомъ, косясь слегка въ мою сторону, что, впрочемъ, ему было не трудно, такъ какъ онъ былъ отъ рожденія сильно косъ на лѣвый глазъ, сказалъ, посмѣиваясь:

— Очень мнѣ желательно чтобы какой-нибудь баринъ, въ гнѣвѣ на своего повара, кончившаго курсъ кулинарной науки въ какомъ-либо кухонномъ университетѣ, прислалъ бы этого молодца къ намъ на исправленіе. Я бы тогда воспользовался талантами проштрафовавшагося Карема и заказалъ бы ему такой обѣдъ что одинъ мой знакомый, сдѣлавшійся, повидимому, большимъ гастрономомъ, покушалъ бы этихъ фрикассе въ охотку, не такъ какъ теперь онъ изволитъ кушать *du bout des lèvres* мои солдатскія блюда, прежде однако удостоившіеся его вниманія.

Понявъ что камешекъ брошенъ въ мой огородъ, я, смѣясь, увѣрялъ любезнаго хозяина что въ слѣдующій разъ произведу жестокую атаку на кашу и на битки; а сегодня чувствую себя не совсѣмъ въ ударѣ по части ѣды, тѣмъ болѣе что часа за два или за три предъ тѣмъ какъ обѣдать у его превосходительства, истребилъ съ товарищами по военному министерству у Смурова на свою долю поясотни устрицъ.

Докуривъ свою трубку и отдавъ чубукъ камердинеру, Михаилъ Николаевичъ всталъ изъ-за стола и принялся, по-Суворовски, вслухъ молиться, освѣняя себя огромными крестами. Потомъ онъ распрощался со мною, шутя грозя мнѣ пальцемъ за объѣдѣніе устрицами, офиціальнаго своего гостя повелъ въ свой огромный кабинетъ, гдѣ почти во всякую пору года пылалъ каминъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого моего посѣщенія губернатора Жемчужникова, былъ я у Матвѣя Андреевича, пригласившаго меня для принятія участія въ водвореніи воспитанниковъ въ новой „образцовой избѣ“, какихъ, такимъ образомъ, тогда уже были двѣ: другая была отстроена въ 1836 году; но на водвореніе въ ней въ октябрѣ мѣсяцѣ хозяевъ я какъ-то не попалъ. Ниже я разкажу объ этихъ „образцовыхъ избахъ“, а теперь передамъ тотъ разговоръ какой былъ у меня съ Байковымъ въ вечеръ моего пріѣзда въ училище наканунѣ торжества, впрочемъ довольно скромнаго, совершенно домашняго, водворенія воспитанниковъ на очередное житье по недѣлѣ въ новоотстроенной избѣ съ другаго фланга училищныхъ строеній.

— Вчера, говорилъ Байковъ, усаживаясь въ саду на деревянномъ диванчикѣ,—повстрѣчался я съ вашимъ благопріятелемъ Михайломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ у Льва Алексѣевича Перовскаго, и его превосходительство, кося, кажется, больше обыкновеннаго (Байковъ инстинктивно терпѣть не могъ Жемчужникова, какъ *vice versa* Жемчужниковъ терпѣть не могъ Байкова), жаловался мнѣ на васъ, дорогой В. П., за то что вы у него за обѣдомъ плохо кушать изволите. Михаилъ Николаевичъ даже укорялъ, изволите видѣть, меня за то что я избаловалъ вашъ простой будто бы вкусъ моими гастрономическими обѣдами.

— Любезнѣйшій Матвѣй Андреевичъ, замѣтилъ я полусмѣясь, — позвольте мнѣ вамъ пояснить что гораздо прежде

вольствія вкушать ваши, въ настоящее время дѣйствительно сдѣлавшіеся Брилья-Савареновскими, обѣды, я былъ хорошо знакомъ съ изящною кухней, какъ почти съ дѣтства въ родительскомъ домѣ, такъ и въ послѣдствіи въ томъ кругу въ которомъ вращался донынѣ постоянно, почему ни обѣды Льва Алексѣевича, ни даже обѣды Николая Александровича Бутурлина, ни наконецъ ваши, представляющіе смѣсь спартанской простоты съ лукулловскими утонченностями, поразить и восхитить меня не могутъ. Предоставляю эти восхищенія мелкимъ чиновничкамъ канцеляріи его превосходительства Михаила Николаевича, выразившаго намереніе желаніе угостить меня изящнымъ обѣдомъ, который онъ намѣревается заказать первому отличному крѣпостному повару какой попадется въ его руки, какъ главнаго попечителя того смиреннаго дома что у Бердова завода на Невѣ устроено его попеченіями.

— Ха! ха! ха! засмѣялся Байковъ.—Это, я понимаю, говорилъ достопочтеннѣйшій его превосходительство въ намѣреніи бросить камень въ мой огородъ и въ досадѣ на меня за то что ему не удалось имѣть на своемъ „божественномъ лонѣ“, въ видахъ исправленія, разбойника Оому, котораго не ему, а мнѣ съ этою цѣлью отдалъ Левъ Алексѣевичъ.

— Объясните, сказалъ я,—Матвѣй Андреевичъ, эту загадку съ этимъ Оомою, о которомъ я въ первый разъ слышу, ежели только это удобообъяснимо и не есть секретъ.

— Какой секретъ! воскликнулъ Байковъ.—Дѣло самое простое и самое обыкновенное. Изволите видѣть, у Льва Алексѣевича былъ молодой поваръ Оома, обучившійся превосходно на Нессельродовской кухнѣ подъ вѣдѣніемъ тамошняго главнаго повара, знаменитаго Долгоруковского Алексѣя. * Этотъ

* Это куріозная исторія, рисующая довольно типично характеристику нашихъ баръ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. У графа К. В. Нессельроде сдѣлался первымъ поваромъ, замѣнившимъ Французовъ, бывшій ученикъ его кухни Алексѣй, крѣпостной человѣкъ князя Алексѣя Васильевича Долгорукова, который, большой гурманъ, имѣлъ всегда Француза поваря; но разъ, обѣдая у графа Нессельроде, такъ восхитился гурьевскою кашей что непремѣнно захотѣлъ чтобы поваръ графа выучилъ его Француза и просилъ объ откомандированіи къ нему на завтра этого артиста. Каково же было удивленіе князя, когда въ артистѣ, призванномъ имъ для обученія страшно дорога-

Ома навострился такъ что становился опаснымъ соперникомъ самому пресловутому Алексѣю, преобразившемуся уже въ мусье Алекси, подъ какою басурманскою кличкой и слылъ у всѣхъ знатныхъ баръ, знавшихъ его. Льву Алексѣвичу, по причинѣ его здоровья, не до изысканныхъ жирныхъ блюдъ, такъ весь обѣдъ его превосходительства, когда онъ одинъ—а онъ вѣдь почти всегда одиныхонекъ обѣдаетъ—состоитъ изъ чашки бульона, котлетки и компота. Ну, на этомъ меню, само собою разумѣется, адъютантъ-профессору поварской науки далеко не уйти, и вотъ Ома сталъ побаиваться что онъ забудетъ свое искусство, а отъ искусства-то этого онъ надѣялся получать такое же тысячное жалованье, какое получаютъ другіе. Вотъ и пришла ему блажь проситься у барина на оброкъ, съ обѣщаніемъ платить за себя триста рублей obroka въ годъ. Но баринъ, въ отвѣтъ на эту глупую просьбу своего крѣпостнаго, велѣлъ департаментскому экзекутору майору Адамову дать Омушкѣ приличное наставленіе. Видитъ Ома что ему изъ кухни барина не вырваться, и тогда, по совѣтамъ, да по навітамъ дурныхъ друзей, парень выкинулъ другую штуку, думая: „семь обѣдъ, одинъ отвѣтъ; а такой поваръ какъ я и въ Сибири не пропадетъ: генераль де губернаторъ возьметъ меня къ себѣ на кухню, какъ это уже тамъ и бывало“. И что же? Разъ онъ нарочно напился пьянъ, и въ пьяномъ-то состояніи бросился съ ножомъ на генералова-то камердинера Нѣмца Густава Богдановича, и даже поранилъ его. Омку тотчасъ засадили въ кутузку, а на ту пору къ Льву-то Алексѣвичу шастъ вашъ благопріятель губернаторъ Михаилъ Николаевичъ, съ разказами о своемъ новомъ исправительномъ заведеніи, гдѣ его

го Француза приготовленію гурьевской каши, онъ узналъ своего „Алемку“, забытаго имъ въ ученьи на Нессельродовской кухнѣ. Оказалось что уже два года какъ „Алемка“ не „Алемка“, а monsieur Alexis, premier officier de bouche de son Excellence Mr le Comte Nesselrodé, какъ объ немъ докладывалъ камердинеръ Французъ же Жозефъ. Узнавъ что этотъ ужъ не Алемка, а все-таки его крѣпостной, получаетъ какое-то хорошее, но все-таки не такое какъ Французы жалованье, князь далъ ему такое же жалованье и содержаніе какое получалъ у него Французъ, котораго прогналъ. Но съ тѣхъ поръ графъ Нессельроде и князь Долгоруковъ уже не жили въ прежней дружбѣ: между ними прошла черная комка въ лицѣ этого Алемки.

превосходительство намѣренъ мерзавцевъ на божественномъ, видите, лонѣ исправлять. Левъ Алексѣевичъ въ полицію и въ судъ Оомку предавать не хотѣлъ, такъ предложеніе милаго роденьки ему было и по вкусу пришлось, да такъ по вкусу что его превосходительство ужъ было и подался на то чтобъ Оому-разбойника поручить божественнымъ исправленіямъ своего шурина (Жемчужниковъ, вѣдь вы знаете, женатъ былъ на его сестрѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ), да на ту пору изъ другой двери кабинета вошелъ я и слышу всю эту исторію. Какъ уфхаль-то божественный губернаторъ, увозя въ душѣ надежду имѣть „дешево и мило“ превосходнѣйшаго повара, съ зачисленіемъ его въ исправительные пансіонеры свои,—я и сталъ Льву Алексѣевичу доказывать что ежели его превосходительство отдастъ Оомку мнѣ, я его въ годичный срокъ въ христіанскую вѣру, какъ слѣдуетъ быть крѣпостному человѣку, обращу и потомъ возвращу ему его шелковенькаго; а между тѣмъ онъ у меня будетъ практиковаться на хорошей провизіи и угощать хорошими обѣдами нѣкоторыхъ необходимыхъ людей, въ родѣ, напримѣръ, такого гурмана, какъ Сенковскій-Брамбеусъ, обѣщающійся намъ статьи распробезподобныя. Левъ Алексѣевичъ не долго думалъ, зная мою способность „изъ язычниковъ добрыхъ христіанъ дѣлать“, отдалъ тотчасъ Оому мнѣ, а не господину губернатору, который мнѣ этого пассажа ужъ никакъ простить съ тѣхъ поръ и не можетъ. И вотъ-съ, съ этого-то времени, драгоцѣннѣйшій В. П., вы и изволите кушать у меня всѣ эти пети-пате, да сосѣ-ведюте, да воль-о-ваны, да биски, да бешамелей, да всю эту французскую дребедень, въ которую и я, правду сказать, начинаю вѣдаться, а то прежде терпѣть не могъ. Теперь Оома ни на кого не только что съ ножомъ, съ иголкой-съ не кидается и съ большимъ усердіемъ обучаетъ моего крѣпостнаго парня Прокошку, моего кучера Константина сынишку.—Вотъ вамъ и весь сказъ.

Байковъ кончилъ свой разказъ, разстроившій мнѣ нервы своимъ содержаніемъ. Я инстинктивно понималъ слова „обратить въ христіанскую вѣру“ и сознавалъ что не красиво должно-быть живется несчастному артисту кулинарнаго искусства.

Возвращаясь къ „образцовымъ избамъ“, этой, повидимому, главной цѣли практико-хозяйственнаго воспитанія въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ.

Въ отчетѣ департамента удѣловъ 1837 года года читаемъ:

„Для практическаго частнаго домоводства, предположено завести при училищѣ двѣ образцовыя усадьбы, соотвѣтственныя хозяйству средней и южной частей удѣльныхъ имѣній. Одна изъ такихъ усадьбъ (саратовская или южная) устроена была въ 1836 году, и тамъ воспитанники, въ очередь по пяти человекъ, распоряжаются какъ хозяева.“—Въ отчетѣ же 1838 года за 1837 годъ мы встрѣчаемъ такія строки: „Въ 1837 году построена и пущена въ ходъ образцовая изба, сѣверная или владимірская, точно на тѣхъ же основаніяхъ какъ и южная, но нѣсколько пространнѣе, въ совершенное подражаніе избамъ достаточнаго крестьянства на поволжѣ.“

Объ эти избы строились при мнѣ, и всѣ ихъ подробности, начиная съ каменныхъ фундаментовъ до послѣднихъ вѣнцовъ крышъ, были мнѣ извѣстны совершенно. Въ 15й день іюля мѣсяца 1837 года, открыта была вышеупомянутая сѣверная или изба № 2. Открытіе это совершилось, какъ я уже и сказалъ, чисто домашнимъ торжествомъ, состоявшимъ изъ заказной обѣдни съ молебномъ и водосвятиемъ. Не только священникъ съ причтомъ, директоръ со штатомъ, семействомъ и гостями (я былъ въ числѣ этихъ весьма немногихъ, вмѣстѣ, помнится мнѣ, съ свѣтиломъ математическихъ наукъ въ Россіи, академикомъ Остроградскимъ, и съ двумя, тремя пріятелями Байкова, преимущественно Харьковцами); но всѣ свободные отъ должностей воспитанники, по окончаніи молебствія въ церкви заведенія,—отправились къ избѣ, гдѣ служилъ снова молебенъ съ водоокропленіемъ и гдѣ священникъ съ крестомъ и всѣ мы были приняты новыми хозяевами, а именно, Владимирцами: Григоріемъ Полянскимъ (тѣмъ самымъ котораго такъ роскошно за три года предъ симъ одарилъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, въ ту пору находившійся въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ начальствовалъ корпусомъ резервной пѣхоты *), Василиемъ Кислинымъ, Василиемъ Замятинымъ и

* Объ открытіи этой избы и о водвореніи въ ней Григорія Полянскаго я тогда же писалъ къ Ивану Никитичу въ Нижній, завѣряя добраго старика, желая невинною этою выдумкой доставить ему сердечное удовольствіе,—что будто бы на обѣдѣ въ день открытія избы Полянскій предложилъ, какъ хозяинъ, тостъ за здоровье отсутствующаго его превосходительства Ивана Никитича. Генералъ былъ очень доволенъ, отвѣчалъ мнѣ письмомъ залухватскимъ, съ посылкомъ

Иваномъ Конинымъ. Они были въ жалованныхъ красныхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахахъ, а на Васильѣ Замятинѣ, бѣлокуроемъ нѣжнолицомъ юношѣ, надѣтъ былъ бѣлый фартукъ съ нагрудникомъ, такъ какъ въ этотъ день его очередь была представлять изъ себя хозяйку, обязанную наблюдать за стряпнею, хлѣбопеченіемъ, внутреннею чистотою, курятникомъ, коровникомъ и проч. Послѣ молебна, хозяева пригласили батюшку и директора съ семьею и гостями „хлѣба соли откусать“. И мы, сервированные хозяевами-молодцами, угостились ботвиньей съ рыбой (будто собственнаго улова, тогда какъ въ училищѣ кромѣ пруда съ карпами и окуньками другой воды не было), жаренымъ горосенкомъ, сладкимъ пирогомъ съ брусничнымъ вареньемъ и тѣмъ превосходнымъ квасомъ, какой такъ восхищалъ почтеннѣйшаго Ивана Никитича. Независимо отъ этого всего, Байковъ, чрезъ своего Никифора, доставилъ въ избу, въ видѣ презента своего хозяевамъ, нѣсколько бутылочекъ шилучей водянки, вмѣсто шампанскаго, и цѣлый боченокъ литнаго меда, чтобы „сладко лилось, да ѣлось, да блажь въ голову не шла и злая кручина не кручинила бы молодыхъ хозяевъ“.

— Помилуйте, ваше высокородіе, ловко и мягко проговорилъ бывшій богомазъ Григорій Полянскій, —какая же въ свѣтѣ кручина можетъ коснуться до насъ, находящихся подъ начальственнымъ покровомъ его свѣтлости князя Петра Михайловича, его превосходительства Льва Алексѣевича и нашего отцанаставника его высокородія Матвѣя Андреевича, которымъ отъ глубины русскаго сердца все училище, словно одинъ человѣкъ, провозглашаетъ: „Многая лѣта!“

Слова эти имѣли эхомъ хоръ лѣвчихъ грянувшій великолѣпно „Многая лѣта! Многая лѣта!“ изъ сѣней избы.

Матвѣй Андреевичъ съ видомъ своего напускнаго восторга восклицалъ: „Браво! какой сюрпризъ!“ гости аплодировали и кричали: „Ура!“ а Катерина Андреевна разчувствовалась, плакала отъ радости и, вмѣсто прежняго клѣтчататаго бумажнаго

поклона Полянскому и училищнымъ Владимирцамъ, а кромѣ того, по тяжелой почтѣ, выслать на его имя въ училище изрядный образъ въ серебряной ризѣ. Отвѣты были ему отъ Полянскаго и отъ М. А. Байкова.

платка, отирала слезы изящнѣйшимъ батистовымъ съ кружевною обшивкой платкомъ.

Сцена конечно была хоть куда, да только та бѣда что девять лѣтъ спустя послѣ этого, уже не служа даже въ училищѣ, я имѣлъ случай узнать что и этотъ „сюрпризъ“ не былъ сюрпризомъ для Байкова, сочинявшаго всю его программу и весь репертуаръ, поручивъ приведеніе въ исполненіе обыкновенному тогдашнему своему, въ этихъ случаяхъ, подручнику старшему учителю Ивану Максимовичу Максиму, который былъ примѣромъ благочинія и нравственной чистоты, отличаясь притомъ замѣчательно красивою и благородною наружностью.

XXIII.

Не задолго до открытія избы № 2, училище, 7 іюня 1837 года, было посѣщено знаменитымъ Сперанскимъ, тогда еще не графомъ, а членомъ государственнаго совѣта и начальникомъ II отд. собств. государя императора канцеляріи. Съ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ былъ столь извѣстный всей Россіи вообще и Москвѣ въ особенности человекъ, которому наше сельское хозяйство вообще, а свеклосахарное производство и шелководство въ особенности, обязаны, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, который помѣстилъ въ редактируемомъ имъ тогда *Земледѣльческомъ Журналѣ* Московскаго Общества сельскаго хозяйства статью. Вотъ нѣсколько словъ этой статьи: „Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ всѣмъ вообще весьма доволенъ, благодарилъ учениковъ, раздѣловалъ директора и „сказалъ ему: Не я васъ благодарю, вамъ вся Россія будетъ благодарна!—Этихъ чувствъ и словъ я былъ свидѣтелемъ, и „для меня пріятно подкрѣпить мое донесеніе Обществу (сельскаго хозяйства) объ Удѣльномъ Училищѣ, отзывомъ мужа „заслужившаго трудами своими на пользу отечества всеобщее „уваженіе къ его государственному уму и прозорливости, отъ „которой не могло бы укрыться шарлатанство и не заслужило „бы такой искренней благодарности.“—Видно что не одинъ я ловился на эту удочку, сдѣлавшуюся мнѣ видимой лишь по прочтеніи въ 1846 году „Поденныхъ Записокъ Ивана Максимова“.—Относительно образцовыхъ избъ, достопочтенный С. А.

Масловъ тогда же говорилъ такъ: „Вотъ въ полной мѣрѣ русская ферма русскаго образованнаго крестьянина, который умѣетъ читать, писать, знаетъ законъ Божій, умѣетъ практически снять планъ своей земли, умѣетъ пахать плугомъ, косякой и скоропашкой, и знаетъ ихъ относительныя достоинства, умѣетъ самъ сдѣлать и колеса и телѣгу и всѣ земледѣльческія орудія, даже инструменты, каковы долото и топоръ, можетъ самъ подковать лошадь и оковать свою телѣгу, доить корову и вязать снопы и пр., а между тѣмъ онъ въ крестьянскомъ кафтанѣ, вѣсть изъ деревянной чашки и деревянною ложкою; онъ не выведенъ изъ своего быта, не бѣлоручка, а самъ себѣ и господинъ и работникъ. Онъ приученъ жить опрятно, привыкъ къ повиновенію и порядку, и 250 человѣкъ понесутъ эти прекрасныя качества въ удѣльныя имѣнія, сдѣлаются семьянинами и, конечно, передадутъ дѣтямъ и свое образованіе и свою дѣятельность. Можно сказать что въ Удѣльномъ Училищѣ практически рѣшенъ весьма важный въ государственномъ отношеніи вопросъ, именно: какъ дать крестьянину приличное образованіе, не раздражая его съ роднымъ бытомъ и съ его крестьянскою избою.“ Такъ то всѣ безъ исключенія поддавались Байковскому обаянію!

Однако все это еще далеко не знакомитъ читателя съ тѣмъ что такое были „образцовыя избы“ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, гдѣ въ послѣдствіи было выстроено довольно много, кажется, до десяти такихъ избъ, особенно когда въ 1843 году, по оставленіи уже мною училищной службы, къ училищному участку присоединялся такъ-называемый „Ланской лѣсъ“, приобретенный удѣльнымъ вѣдомствомъ отъ г. Ланскаго, котораго имя тѣсно связано съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ 19 февраля 1861 года и который тогда, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, награжденъ былъ графскимъ титуломъ. Стараніями М. А. Байкова этотъ залущенный и дикій лѣсъ превратился въ прелестный паркъ, съ вполне практическимъ направленіемъ.—Дворъ съ избою № I построены были на 6 саженьхъ ширины съ фасада, который ничего не имѣетъ въ себѣ не-русскаго, и на 14 длины, всего на 84 квадратныхъ саженьхъ. Очевидно что изба эта, съ дворомъ, хлѣвомъ, конюшнею, погребомъ, навѣсомъ и всѣми принадлежностями хозяйства, занимала менѣе чѣмъ обыкновенная наша владимірская, ярославская, костромская или вологодская изба доволь-

но зажиточнаго крестьянина. Сначала обѣ эти избы были крыты тесомъ; но въ послѣдствіи крыши не только жилого строенія, но всего двора были сдѣланы соломенные, такъ-называемыя „подъ щетку“, на шведскій манеръ, и залиты сначала зеленою глиной, а по глинѣ горячею смолой съ пескомъ и кожевнянымъ корьемъ, что образовало нѣчто въ родѣ асфальта, не подлежащаго дѣйствию дождя, сыраго тумана, снѣга и мороза. Продолжаю описывать избу, ведя туда моего терпѣливаго читателя. Итакъ, вы входите по чистой лѣстницѣ въ сѣнцы, гдѣ съ лѣвой стороны черная или мастерская изба, въ которой находится крестьянскій гардеробъ, небольшая печь, столярный и токарный станки и вообще разныя принадлежности сельской технологіи, необходимой въ крестьянскомъ быту; направо чистая изба съ довольно большою, но уютно устроенною русскою печью, которая по справедливости такъ примѣчательна что нельзя не поговорить о ней подробнѣе. Печь эта имѣетъ двѣ отдѣльныя толки: одну для стряпни, другую для тепла въ комнатѣ. Извѣстно, чтобы зимою русскою печью нагрѣть комнату надобно сжечь полвоза хорошихъ дровъ. Въ этой же печи не нужно употреблять дровъ во всю зиму и можно топить ее щелой, стружкой, бурьяномъ, камышомъ, соломой и всякимъ хламомъ, и вотъ какъ: утромъ, когда надобно приготовить обѣдъ, квасъ или печь хлѣбы, затопляютъ въ *странуцей*; дымъ не идетъ прямо въ трубу, а проходитъ четыре оборотка щитка, отчего щитокъ разогрѣвается и когда выше его закроютъ трубу, то онъ достаточно согрѣваетъ комнату. Если морозъ великъ, то къ вечеру, не открывая щитка, затопляютъ въ другой толкѣ, что значить затопить *теплянку*. Теплянка эта не что иное какъ стѣнка той же самой русской печки, но въ этой стѣнкѣ шесть оборотовъ: нѣсколько щитовъ разгораживаютъ теплянку, не выпуская тепла изъ щитка, и отъ этого комната нагрѣвается до 18 град. въ морозъ отъ ничтожнаго топлива. Лѣтомъ теплянка не топится и щитокъ не закутывается, чрезъ что въ комнатѣ не бываетъ душно. Въ безлѣсныхъ мѣстахъ этого рода печи истинное благодѣяніе: онѣ просты и легче для работы чѣмъ обыкновенныя *битыя*, но только требуютъ смысла или, какъ говорится, „смѣтки“. Здѣшніе воспитанники устраивали эти печи дѣйствительно сами, безъ посторонней помощи, но сначала по указаніямъ опытнаго печника. Обращаюсь, однако, опять къ избѣ, гдѣ стѣны, очень бѣло

выштукатуренныя и въ приличныхъ мѣстахъ размалеванныя на крестьянскій ладъ, окаймлены скамейками, выкрашенными просто горячимъ коноплянымъ масломъ, отчего и кажутся хорошаго палеваго цвѣта, какъ лакированныя, и не всасываютъ грязи, а поэтому ихъ легко держать чисто; здѣсь шкафъ, столъ (такой же какъ въ молочнѣ и въ сельскомъ домикѣ), на трехъ окнахъ горшки съ шалочками, бархатцами, бальзаминами и душистымъ горошкомъ; въ красномъ углу кивотъ съ образами, украшенными пасхальными яйцами и вербами, даренными хозяевамъ избы начальствомъ; въ простѣнкахъ портреты царя и царицы; на стѣнкахъ, съ одной стороны, въ рамкахъ собственной работы, лубочное изображеніе открытія и несенія мощей Святителя Митрофана; противоположная стѣна украшается похвальными листами, полученными за экзаменъ здѣшними хозяевами. Въ чистой, свѣтлой, однооконной комнатѣ подлѣ этой горницы, стояли шкафы; отворите ихъ, являются кровати съ постелями. Этого рода спальные шкафы очень нравились воспитанникамъ, заявлявшимъ при мнѣ не разъ непремѣнное намѣреніе ввести ихъ у себя въ деревняхъ. Конюшня, коровня и птичникъ очень уютно и ловко устроены. Нѣкоторые изъ посѣтителей училища находили только что птичникъ слишкомъ близко къ хлѣву: птица, говорили они, не терпитъ испареній. Но Матвѣй Андреевичъ, врагъ всякихъ постороннихъ замѣчаній, находилъ что это мнѣніе—вздоръ, хотя оно основано на орнитологической физиологіи и научно вѣрно. Изъ конюшни и коровни можно выкладывать навозъ въ окно въ особое мѣсто, къ заднимъ воротамъ, для вывозки въ поле; подъ избою подвалъ для храненія картофеля и близъ сѣней погребъ. При избѣ съ одной стороны отгорожено тыномъ мѣсто для огорода, и тутъ посажены хмѣль, калуста и другія овощи, самыя обыкновенныя и нужныя въ крестьянскомъ быту, а при воздѣлываніи огорода показывались ученику лучшій уходъ за овощами и польза употребленія улучшенныхъ орудій. На дворѣ, подъ навѣсомъ, телѣги и разныя земледѣльческія орудія: плуги, боросы, скоролашки, косы и замѣчательный *удѣльный плуэсокъ*, придуманный и устроенный тремя здѣшними воспитанниками, о которыхъ мы уже говорили выше (см. № 7й *Рус. Вѣст.*). Къ этой избѣ принадлежали три десятины земли, обрабатываемыя тремя жильцами ея. Произведеніями этихъ трехъ де-

сятинъ должны они прокормиться сами, четыре раза въ годъ угостить товарищей, человекъ по пяти, содержать двухъ коровъ, пару лошадей, десять овецъ, три свиньи и птицу, устроить для себя одежду, обувь и все для избы. Эта изба саратовская, оренбургская и симбирская; хозяйство и въ ней и на поляхъ должно соответствовать этимъ губерніямъ, почему жильцы или хозяева ея не могутъ доставать навоза, не только сторонняго, но не смѣютъ взять и съ училищной фэрмы.

Имба № 2й совершенно одного размѣра съ № 1мъ, ноimba № 2й для сѣверной полосы, а потому она должна быть теплѣе, для этого внизу битая печь, тогда какъ въ № 1мъ просто свѣтлый подвалъ. Южнаяimba не имѣетъ надобности въ особомъ мѣстѣ для сушки лѣса и пр., потому что въ южныхъ губерніяхъ лѣто жаркое и продолжительное, все хорошо высохнетъ и подъ навѣсомъ. Въ сѣверной полость, напротивъ, если припасете доску для стола, да не высушите ее и не будете держать въ жаркой избѣ, то доска замой отсырѣетъ и лѣтомъ покосится или лопнетъ. Южному жителю можно производить много картофеля, свеклы и другихъ овощей, почему ему необходимы подвалы, а сѣверный на подвалахъ замерзнетъ самъ и овощи свои поморозитъ. На югѣ снѣгъ скоро таетъ и земля высыхаетъ; на сѣверѣ, если снѣгъ заляжетъ въ застѣн-кѣ, то и до іюля не растаетъ, а чрезъ это строеніе мокнетъ, гниетъ, на дворѣ грязь, вотъ поэтому-то въ южной избѣ дворъ открытый, а въ сѣверной закрытый. Подъ образцовуюimba № 1й назначено поля шесть десятинъ, и здѣсь система сѣвооборота *выгонная*, а подъ образцовуюimbой № 2й было три десятины, и тутъ система *шестипольная*. Порядокъ содержанія этихъ избъ въ постоянной опрятности и аккуратности доведенъ былъ педантизмомъ Байкова до того что избы эти перецеголяли собою жилья новгородскихъ поселянъ. Разъ какъ-то одна знакомая мнѣ дама, при посѣщеніи ею училища и при осмотрѣ избъ этихъ, приподняла горшечки съ цвѣтами на окнахъ и разсматривала ихъ, кажется съ цѣлью убѣдиться не искусственныя ли эти растенія. Убѣдясь въ томъ что сомнѣніе ея не оправдалось, она поставила горшки на подоконники, не обративъ вниманія на то какъ они стояли. И тотчасъ дежурный избяникъ, показывавшій радушно своюimba, заботливо разставилъ горшки въ прежнемъ ихъ порядкѣ; а

когда я спросилъ его о причинѣ этой разстановки, онъ показлъ мнѣ на темныхъ подоконникахъ буквы: *б* (бальзаминъ), *г* (горошекъ), *м. у.* (медв. ушко) и такъ далѣе.

Итакъ, вотъ въ чемъ была суть двухъ первоначально устроенныхъ здѣшнихъ „образцовыхъ избъ“, поражавшихъ своимъ истинно милымъ и привлекательнымъ видомъ. Байковъ увѣрялъ всѣхъ и каждого что въ избахъ этихъ, живущіе поочередно, воспитанники содержатся буквально своимъ собственнымъ хозяйствомъ, т.-е. будто все то что они тутъ пьютъ и ѣдятъ—произведенія ихъ полей и ихъ огородовъ, при избахъ находящихся. Дѣйствительно, я видѣлъ въ каждомъ огородѣ, принадлежащемъ къ той или другой избѣ, разныя овощи, а въ подвалѣ съ осени всякій посѣтитель встрѣчалъ огромныя чаны съ квашеною калустой и сусѣки съ картофелемъ, морковью, рѣпой, брюквой и пр. Въ молочной кладовой избѣ хранились молоко и масло отъ тѣхъ двухъ коровъ, какія стояли въ коровникѣ. Иллюзія была полная! Воспитанники на житье въ избахъ чередовались еженедѣльно, кромѣ хозяевъ, т.-е. по одному старшему на избѣ, которые тутъ жили во все время своего практическаго курса и имѣли обязанностью приучить прочихъ къ этому семейно-правильному и хозяйственному быту. Это устройство мнѣ казалось, при моей тогдашней совершенной неопытности въ дѣлѣ хозяйства, дѣломъ величайшей домоводственной важности и я не подозревалъ здѣсь никакихъ обмановъ, ни шарлатанствъ. Чрезвычайно только удивлялся я тому что когда я входилъ въ подробности житья-бытья воспитанниковъ въ избахъ, при составленіи по этому предмету статей для энциклопедико-хозяйственныхъ журналовъ, требовавшихъ не фразъ, а фактовъ, и фактовъ основательныхъ, опирающихся на точныхъ и вѣрныхъ расчетахъ, Байковъ, всегда готовый сообщать разнаго рода свѣдѣнія, уклонялся отъ передачи мнѣ точныхъ матеріаловъ для описанія съ точки зрѣнія не идиллической, а чисто практической, хозяйственнаго быта воспитанниковъ въ избахъ, такъ что никогда я не могъ добиться отъ него правильныхъ свѣдѣній и цифровыхъ данныхъ. Въ послѣдствіи, служа уже въ заведеніи, узналъ я что воспитанники живущіе въ избахъ питаются изъ общей кухни и что кушанья къ нимъ въ избы приносятся ими самими изъ главнаго корпуса, откуда все это отлускается имъ, съ хлѣбомъ и съ квасомъ, общими кухарями и квасниками подъ надзоромъ эконома; а выдоивъ своихъ коровъ, которыя отъ времени до времени

перемѣняются изъ главной фермы, воспитанники-избяники относятся новоподоенное молоко въ главную молочню, къ тому главному смотрителю за молочными сколами, Лебедеву, красотою котораго такъ изумлялись и восхищались всѣ посѣщавшіе училище и ферму его. Лебедевъ же выдавалъ счетомъ избяникамъ различные сколы, какими они обязаны были угощать благодущныхъ посѣтителей, воображавшихъ въ простотѣ сердечной что все это готовится руками самихъ хозяевъ-избяниковъ, по правдѣ сказать, умѣвшихъ дѣлать и варенцы, и сыръ бри очень хорошо, но не иначе какъ подъ наблюдениемъ специалиста приготовления этихъ сливочныхъ лакомствъ—Лебедева; безъ него же они не то чтобы шага ступить не умѣли въ дѣлѣ приготовления сколовъ, а все-таки никакъ не могли придать этимъ издѣліямъ извѣстную степень вкуса и ту щеголеватую внѣшность какими все это отличалось, проходя чрезъ руки этого даровитаго специалиста.

Всѣ эти, да и безчисленныя другія шарлатанства заведенія дѣлались мнѣ мало-по-малу извѣстны съ теченіемъ времени и преимущественно съ апрѣля мѣсяца 1839 года, когда я поступилъ туда на службу и когда, волей - неволей, многое должно было открываться во всей своей наготѣ, безъ фокусовъ и прикрасть, проявлявшихся далеко не тѣмъ чѣмъ все это представлялось чрезъ розовую призму того миража, какимъ почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ умѣлъ напускать туманъ даже на глаза людей несравненно болѣе меня опытныхъ и свѣдущихъ. Послѣ всего этого обвиненія меня въ непоследовательности моихъ мнѣній высказанныя рецензентомъ *Голоса* (№ 66, іюля 5го 1872 года) падаютъ сами собою, свидѣтельствуя только о томъ что этотъ рецензентъ увлекается желаніемъ, во что бы то ни стало, находить прѣвосходною всю дѣятельность покойнаго г. Байкова, имѣя на то, вѣроятно, какія-либо свои соображенія, до которыхъ мнѣ дѣла нѣтъ. Но при этомъ нельзя не пожалѣть о томъ что г. рецензентъ лишаетъ свои обвиненія очевидно не по убѣжденію, ибо всякій кто мало-мальски со вниманіемъ читалъ мою настоящую статью не можетъ не убѣдиться въ томъ что все Удѣльное Земледѣльческое Училище было не что иное какъ плодъ гениальнаго, въ своемъ родѣ, шарлатанства. Впрочемъ, объ этомъ я за симъ уже не скажу ни единого слова, въ полной увѣренности что ни одинъ изъ моихъ читателей не увлечется наружною прелестью всѣхъ тѣхъ предметовъ какіе я уже описывалъ съ самою ледантическою

точностію и какіе еще придется описать, предоставляя, впрочемъ, большею частию самому читателю видѣть то что Французы называютъ *l'anguille sous rache* во всемъ этомъ изящномъ снаружи, но далеко не такомъ за кулисами,—представленіи на сценѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, которое такъ много лѣтъ, при управленіи Байкова, отуманивало всѣхъ, а потомъ постепенно падало, падало, а по смерти графа Л. А. Перовскаго и совсѣмъ упало, потому что, какъ сказалъ въ своей превосходной одѣ *Вельможа* нашъ знаменитый лирикъ Державинъ:

Не можно вѣкъ носить личицъ,

И истина должна открыться!

И эта истина открылась, и въ шестидесятихъ годахъ, послѣ тридцатилѣтняго существованія этой *Аракчеевщины подѣ стѣнами Петербурга*, твердая рука графа Михаила Николаевича Муравьева сокрушила это учебное учрежденіе, стоившее удѣлу громадныхъ, неисчислимыхъ суммъ и въ результатѣ никакихъ истинно добрыхъ плодовъ не принесшее.

XXIV.

Но, обратимся снова къ галлерей увлекательныхъ картинъ, которыми такъ богато было Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ, какъ уже я разказывалъ и описывалъ, всѣ празднества и въ особенности празднества съ водосвятиемъ совершались отмѣнно хорошо. Не буду говорить обо всѣхъ годъ въ годъ, потому что всѣ они были почти безъ всякихъ видоизмѣненій, какъ бы вылитыя въ одну форму, почему изображу здѣсь то что я видѣлъ 1го августа 1837 года, а потомъ упомяну о другихъ праздникахъ, какія училищу были свойственны и обычны. Въ первыхъ числахъ августа всегда начиналась здѣсь уборка хлѣба и въ то же время производился первый, ранній, посѣвъ озимаго хлѣба. На этотъ разъ оба хозяйственныхъ дѣла совпали въ одинъ день Перваго Спаса. По окончаніи божественной литургіи, заключенной, какъ всегда, проповѣдью, на этомъ разѣ посвященною „сѣву“ и „жатвѣ“, — нѣсколько избранныхъ воспитанниковъ приняли изъ рукъ священника церковныя книги, святыя образа, крестъ, свѣчи, и двое отличнѣйшихъ, занимающихъ должности церковныхъ старостъ, всюду сущій Федосей

Кузьминъ и смиренномудрый Григорій Полянский, этотъ разбогатѣвшій благодаря И. Н. Скобелеву молодой крестьянинъ, вынули хорутви изъ ихъ гнѣздъ. Священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ изъ церкви, сопровождаемый всеми воспитанниками и пестрою толпою постороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ, преимущественно прибывшихъ съ дачъ. Въ числѣ этихъ посѣтителей этотъ разъ, между прочими, былъ извѣстный авторъ нѣсколькихъ, пользовавшихся въ свое время громкою слагою, комедій въ стихахъ и водевилей, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, мужчина рослый, плотный, широкоплечій, нѣсколько рыхлый и обрюзглый. На его довольно усталомъ и какъ бы отекевшемъ, тщательно выбритомъ, лицѣ не выражалось ничего особеннаго, кромѣ какой-то сонливости и вялости. Довольно безжизненные его глаза были вооружены продолговатыми модными очками въ золотой оправѣ. Непремѣнный, въ тѣ времена, его спутникъ, извѣстный фабрикантъ сборниковъ и альманаховъ, г. Аладьинъ, подробно описанный мною въ статьѣ *Знакомство съ Воейковымъ* (*Русск. Вѣст.* 1871), увивался около Хмѣльницкаго и поминутно величалъ его превосходительствомъ, что какъ бы минута воскресало въ памяти послѣдняго его недавнее губернаторство въ Смоленскѣ, имъ только-что оставленное, какъ говорится, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, то-есть не по его волѣ. Егоръ Васильевичъ Аладьинъ, видя и зная что въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ я свой человекъ и имѣю честь пользоваться благорасположеніемъ Л. А. Перовскаго, вмѣнилъ себѣ въ священнѣйшую обязанность познакомить меня съ его превосходительствомъ Николаемъ Ивановичемъ Хмѣльницкимъ, который, съ своей стороны, идя со мною рядомъ въ толпѣ, двигавшейся за священникомъ, нашелъ не излишнимъ сказать мнѣ:

— Ваша статья о здѣшнемъ заведеніи надѣлала много шума въ той губерніи которою я управлялъ. Смоленская губернія, вы знаете, конечно, губернія полпреимуществу земледѣльческая и дворянская. Не даромъ государь императоръ изволилъ называть эту губернію „губерніей отставныхъ поручиковъ гвардіи“, потому что между нашими помѣщиками рѣдко который дослуживается до штабъ-офицерства и всѣ стремятся подѣлать своихъ родныхъ пенатовъ, принимаясь усердно за соху и раю. Эти господа, прочитавъ вашу статью, вереницами потянулись въ Петербургъ, взглянуть на чудеса агрономіи въ

окрестностяхъ столицы. Я едва успѣвалъ подлисовать подорожныя по частной надобности. Правду сказать, однако, многіе возвращались разочарованными.

— Что же, спросилъ я, тогда восхищавшійся всѣмъ что творилось въ здѣшнемъ заведеніи,—развѣ эти господа нашли что мое описаніе обмануло ихъ ожиданія?

— Напротивъ, отвѣчалъ эксъ-губернаторъ,—они нашли что вы еще были слишкомъ скромны и не все высказали; но ихъ печалило, главное, то что ихъ матеріальныя средства никогда не позволятъ имъ и сотой доли всего того что здѣсь дѣлается такъ легко, при громадности удѣльнаго капитала.

Я не любилъ толковать объ этомъ, потому что тогда не понималъ шарлатанства Байкова и не принималъ ничьихъ доводовъ contra всего того что здѣсь дѣлалось, почему спѣшилъ свести моего собесѣдника съ этой темы, для меня неловкой и непріятной, и сказалъ ему:

— Я очень признателенъ Егору Васильевичу Аладьину, доставившему мнѣ случай лично узнать автора очаровательныхъ *Воздушныхъ Замковъ*, въ которыхъ самъ за десять лѣтъ предъ симъ, въ селѣ Городищѣ, близъ Орла, принадлежащемъ графу Евграфу Федотовичу Комаровскому, игралъ, будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, роль Виктора, и до сихъ поръ всегда съ наслажденіемъ объ этомъ вспоминаю, особенно когда Викторъ выводитъ изъ мечтаній Альнаскара словами: „Великій государь! Васъ просятъ кушать чай!“ а потомъ самъ пускается въ постройку уже своихъ собственныхъ воздушныхъ замковъ. Прелесть какъ это хорошо и останется вѣчно свѣжо и пріятно!

— Все это, замѣтилъ Хмѣльницкій,—„дѣла давно минувшихъ дней“, а вотъ заботы и занятія по управленію губерніей другая статья и уже лахнетъ не литературною шаловливостью, а чисто государственнымъ дѣломъ.

„Которое однако, видно, господину Аристофану пришлось не по плечу“, подумалъ я про себя и оставилъ эксъ-губернатора пояснять кому-то другому важность и значеніе губернаторской дѣятельности, а самъ занялся наблюденіемъ за ансамблемъ церковнаго хода. Пѣвчіе несли церковныя книги и разныя принадлежности церковнаго богослуженія, а прочіе воспитанники всѣ стройно, по одному въ рядъ шпалеромъ, шли по обѣимъ сторонамъ, какъ бы фланкируя насъ. Пришедши на поле назначенное подъ поѣздъ, воспитанники должны были

занять каждый свое мѣсто у своего участка, для того чтобы начать свѣтъ озимаго хлѣба по освященной землѣ, которую священникъ кропилъ кропиломъ, обмакиваемымъ въ святую воду въ огромной металлической чашѣ, несомой съ правой его руки двумя воспитанниками изъ старшихъ, въ темно-зеленыхъ, кафтанахъ, опоясанныхъ алыми кушаками. Съ развѣвающимися хоругвями, плавно впереди колебавшимися, при громкомъ лѣснолѣтнѣи: „Тебе Бога хвалимъ!“, мы пришли на рыхлую пашню, гдѣ приготовленъ былъ столъ, покрытый ярко-бѣлою салфеткой и украшенный вѣнками изъ колосьевъ и цвѣтовъ. На столѣ стояла чаша съ святою водою, а по краямъ чаши прилѣплено было множество восковыхъ свѣчей, эффектно отливавшихъ своимъ красноватымъ свѣтомъ, боровшимся съ яркими лучами лѣтняго солнца. Около стола стояли огромные мѣшки съ сѣменами ржи-вазы собственнаго урожая. Я осмотрѣлся: на всемъ пространствѣ пашни стояли молодые парни, однообразно и опрятно одѣтые, въ ледантично ровномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Начался молебенъ. По окончаніи молебна и по допущеніи предстоящихъ къ цѣлованію святаго креста, священникъ окропилъ святою водою сѣмена въ мѣшкахъ. Въ это время нѣсколько воспитанниковъ, испросивъ пастырское благословеніе, ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ съ полнымъ благочестіемъ, и положивъ три земныхъ поклона, сняли съ себя кафтаны и засучивъ рукава кто цвѣтныхъ, голубыхъ, розовыхъ, красныхъ, а кто простыхъ бѣлыхъ рубахахъ, взяли сѣвницы съ сѣменами и поднесли ихъ прежде всего двумъ звѣздоносцамъ, членамъ департамента удѣловъ, тутъ присутствовавшимъ, директору, помощнику директора и нѣкоторымъ изъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ и мы, само-собою разумѣется, какъ „другу училища“, даже ко мнѣ подошло съ сѣвницами заразъ человекъ десять, что, правду сказать, немножко меня, вообще не охотника до проявленія своей личности въ какомъ бы то ни было церемоналѣ, нѣсколько смутило и сконфузило. Въ этотъ моментъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ быстро схватилъ сѣвницу изъ рукъ одного изъ воспитанниковъ, остановилъ однимъ взглядомъ молодыхъ земледѣльцевъ, подававшихъ съ видомъ казеннаго благоговѣнія сѣвницы генералитету, а потомъ, обряясь къ воспитанникамъ собственно, продолжалъ:

— Помните, ребята, что первая горсть должна быть непре-

мѣнно брошена не кѣмъ инымъ, какъ батюшкой. Зерна изшедшія изъ руки святой крестъ державшей сейчасъ и освященнымъ кропиломъ окропившей эти сѣмена—святы будутъ. Благоволите, отецъ Игнатій, метнуть первую горсть, а вслѣдъ за вами насъ удостоятъ то же сдѣлать ихъ превосходительства господа члены; но вы, непременно вы начните.

Священникъ, нѣсколько покраснѣвъ, перекрестился и сказалъ: „Господи благослови плодомъ обильнымъ зерна сіи!“, ловко пустилъ нѣсколько горстей во всѣ четыре стороны вокругъ себя и передалъ сѣвницу Ѳедосею Кузьмину!

— О! да какъ же батюшка ловко светъ! воскликнулъ хихикая Байковъ,—вотъ мы его, ребята, упросимъ намъ помогать.

Всѣ начали сѣвъ, при движеніи крестнаго хода по лапашѣ, которую священникъ кропилъ святою водою. Въ это время юные земледѣльцы наперерывъ просили батюшку, каждый за свой участокъ, чтобъ онъ побольше окропилъ его и при этомъ каждый изъ нихъ набожно крестился, прося Бога о награжденіи ихъ хорошимъ урожаемъ, отъ котораго отчасти зависитъ одобрительная аттестація ихъ въ успѣхахъ практическаго земледѣлія.

Когда церемонія сѣва по освященной землѣ и освященными сѣменами была кончена, директоръ объявилъ что теперь надо приступить къ жатвѣ того хлѣба который оказывается совершенно созрѣвшимъ и лойти на смежную съ этимъ полемъ ниву, покрытую моремъ золотистыхъ колосьевъ, высоты необычайной. Опять воспитанники, въ пристойномъ разстояніи, стройными рядами окружили или окаймили тѣхъ которые несли иконы, фонарь и хоругви. Священникъ несъ на головѣ крестъ. Публика замыкала шествіе. Такъ какъ оказалось что въ чашѣ не было уже болѣе ни единой капли воды, то шествіе, по нѣмому распоряженію директора, направилось къ пруду. Хоругвеносцы стали на плотинѣ, а на противоположной сторонѣ сталъ священникъ, у особо приготовленнаго столика съ сосудомъ, полнымъ воды. По берегамъ пруда ровнымъ, рѣдкимъ фронтомъ стояли воспитанники и усердно молились; около мѣста гдѣ совершалось водосвятіе, стояла пестрая толпа посѣтителей, безпрестанно возраставшая отъ вновь прибывшихъ изъ города и съ дачъ. По прочтеніи эктиньи и молитвъ, воспитанники очень хорошо пѣли: „Тебе Бога хвалимъ!“—Послѣ этого шествіе двинулось къ полю, покрытому

превосходною озимою рожью. Здѣсь остановился крестный ходъ возлѣ орудій жатвы, размѣщенныхъ въ симметріи на особо приготовленномъ столѣ и состоящихъ, преимущественно, изъ тѣхъ малыхъ косъ, присаженныхъ на короткую рукоять съ крюкомъ и грабелькою, которыя между агрономами извѣстны подъ названіемъ „бельгійской жатвенной косы“. Тутъ, по отлѣтѣи эктиньи, человѣкъ двадцать молодцовъ воспитанниковъ, въ жалованныхъ алыхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахахъ, взялись за косы, подавъ ихъ превосходительнымъ посѣтителямъ и директору. Господа звѣздоносцы, управлявшіеся ловко въ своихъ застѣданіяхъ съ перомъ, жали очень не ловко, тогда какъ Матвѣй Андреевичъ, какъ бы показывая имъ и вообще публикѣ превосходное дѣйствіе этой жатвенной косы, по справедливости долженствующей замѣнить собою повсемѣстно серпъ,—жалъ мастерски, какъ заправскій жнецъ. Когда онъ отдалъ свою коску одному изъ воспитанниковъ, отъ котораго и взялъ ее, кажется, Матвѣю Бровкину,—уборка законилась съ удивительною отчетливостію и быстротою; воспитанники дѣйствовали косою съ видимою къ ней любовію и какъ бы съ наслажденіемъ. Можно было считать удары, производимые какъ бы по темпамъ. Быстро обнажалось поле отъ хлѣбныхъ волнъ, его покрывавшихъ, и столь же быстро ставились снопы въ видѣ красивыхъ и граціозныхъ букетовъ, тщательно и искусно перевязанныхъ жгутами изъ соломы. При этомъ Байковъ объяснялъ членамъ и всей публикѣ всю важность искусной вязки сноповъ и теорію уборки зернового хлѣба этою коской съ короткою рукоятію и грабелькою въ сравненіи съ длиннорядочною, при огромныхъ зубахъ, „курляндскою“ косою и, наконецъ, съ нашимъ серпомъ. Недостатки послѣдняго Байковъ указывалъ съ величайшими натяжками и былъ очень недоволенъ однимъ, никому неизвѣстнымъ посѣтителемъ, который уторно доказывалъ что никакою косою въ свѣтъ нельзя снять хлѣба высокаго качества и вполне снѣлаго, какъ хорошо наточеннымъ и правильно сработаннымъ серпомъ, главное достоинство котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ что онъ рѣжетъ весь пукъ соломы, крѣпко захваченный лѣвою рукою, причемъ нѣтъ сотрясенія и удара, производящихъ просыпь въ значительномъ количествѣ. Объ этомъ господинѣ, скептически относившемся къ косѣмъ хлѣба, годной, по его мнѣнію, лишь для овсовъ, да

и то для плохихъ, Байковъ далъ особое наставленіе воспитанникамъ.

— Ребята, сказалъ онъ,—ежели когда-нибудь этотъ посягатель прѣдетъ въ училищѣ, то не пускать его, сказавъ ему: — Царь Петръ Алексѣвичъ вводилъ хлѣбокошеніе и гналъ серлѣ; а вы, сударь, смѣете хантъ косу и хвалить серлѣ. Значить, вы супротивникъ воли царя Петра Алексѣвича, а супротивниковъ такихъ училище у себя принимать не желаетъ. Идите отъ насъ. — Слышите?

— Слушаемъ ваше высокородіе! орала молодая толпа.

Господа члены департамента удѣловъ и нѣсколько гостей, бывшихъ при этихъ сельскихъ торжествахъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и я, приняли приглашеніе Матвѣя Андреевича остаться у него обѣдать. Къ обѣду были приглашены священникъ и помощникъ директора Ѳ. И. Сухомлиновъ. Послѣ кофе всѣ разошлись и разъѣхались. Мы съ Байковымъ остались двоємъ, и тогда онъ мнѣ сказалъ:

— Знаете ли, В. П., устроимъ-ка маленькую, какъ вы тамъ по-городски, да по-французски называете, „парти де плезиръ“, и при этомъ захихикалъ, по своему обыкновенію, съѣживъ въ морщины лицо и закрывъ глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—да только та бѣда что ежели вы хотите ѣхать на минеральныя воды въ Новую Деревню (тамъ тогда еще И. И. Излера и въ поминѣ не было и гулянье было въ высшей степени приличное и комбильфотное, безъ всякихъ кабацностей и каскадныхъ),—то мнѣ, одѣтому совершенно запросто, съ фуражкой вмѣсто шляпы и въ сюртукѣ далеко не гуляльномъ, тамъ будетъ не совсѣмъ ловко, потому что вы знаете пословицу: „по платью встрѣчаютъ“, а между моими знакомыми, правду сказать, не мало такихъ, и всѣ они непремѣнные члены этого блестящаго и свѣтскаго гульбища, куда я иногда ѣзжу, платя дань обязанности сопровождать молоденькую сестренку мою повсюду, гдѣ ей можетъ быть весело.

— Ха! ха! ха! захохоталъ Байковъ,—Христось съ вами! Вотъ что выдумали, чтобъ я потащился отсюда въ этотъ дурацкій бомондъ въ моемъ форменномъ костюмѣ и съ моимъ чувствомъ глубокаго нерасположенія къ этого рода прохаживаніямъ для слушанія какого-то нѣмецкаго оркестра Германа или Гунгля, чортъ ихъ знаетъ. Вотъ нашли любителя! Жена, сестра—другое дѣло, тѣ пусть туда шляются. Да и имъ тамъ,

правду сказать, смерть какъ не весело бываетъ.—Нѣтъ-съ мы нашенскую, собственную парти де плезиръ, соединенную съ пользою дѣла, соорудимъ, не удаляясь далеко изъ училища и однако взявъ съ собою добрую часть воспитанниковъ на эту прогулку. Догадываетесь ли въ чемъ дѣло?

— Теряюсь въ догадкахъ и недоумѣваю, отозвался я.

— А вотъ, изволите видѣть, В. П., „мальчикамъ“ полезно, отъ времени до времени, хорошенько покупаться. Я иногда, когда для этого нарочно спроважу все мое бабѣ со двора, предоставляю нашъ прудъ. Но плохое купанье въ нашемъ пруду, а для лошадокъ его и совсѣмъ употреблять нельзя: перепортимъ всю рыбу. Поливанья водою лошадямъ мало, не-премѣнно надобно ихъ купать и купать не на шутку, такъ мы иногда цѣлою гурьбою, человѣкъ въ полтораста, оставивъ дома только дежурный людъ, подъ началомъ моего помощника, да эконома, отправляемся къ озеру Поклонной горы, что въ Первомъ Парголовѣ, версты три, четыре отъ насъ, и тутъ ужъ вдоволь натѣшимся. Вы умѣете плавать?

— Къ горю моему, отвѣчалъ я,—не умѣю.

— Какъ же, замѣтилъ Байковъ,—это вашъ родитель маху далъ? Училъ васъ верховой ѣздѣ, фехтованію, гимнастикѣ и танцованію, а не выучилъ плавать.

— То-то и бѣда, объяснялъ я,—что мое воспитаніе было больше въ зависимости отъ матери, чѣмъ отъ отца. Боясь чтобы я не утонулъ какъ-нибудь, она съ самыхъ малыхъ лѣтъ такъ устранила меня отъ воды что я, наконецъ, получилъ къ водѣ что-то въ родѣ отвращенія и, повѣрите ли? всякій разъ что въ яликѣ приходится мнѣ переѣзжать Неву,—я ощущаю нѣчто крайне непріятное.

— Эге! да вы, захихикалъ Байковъ,—въ родѣ гидрофоба, я вижу. Ну, въ такомъ разѣ, вы погуляете по берегу, пока мы будемъ купаться и плавать всею компаніей, не забывъ главной нашей цѣли похода, то-есть знатно выкупать лошадушекъ нашихъ. На сушѣ останутся дядьки—унтеръ-офицеры, беречь казенную одѣжу и обувь, и на этотъ разъ вы будете ихъ комендантомъ. Я поѣду въ моемъ крохотномъ кабріолетѣ и возьму съ собою Ондрю моего, который пусть также покупается, да отъ „мальчиковъ“ поучится искусству плавать. Шестьдесятъ или семьдесятъ почти человѣкъ воспитанниковъ поѣдутъ верхомъ безъ сѣделъ, на всѣхъ шестидесяти трехъ нашихъ фермерскихъ коняхъ, да еще и моя вся конюшня

пойдетъ съ нами, и кони священника, и пара клячь моего помощника. Видите, эскадронъ хоть куда, до семидесяти штукъ. Человѣкъ же девяносто съ дядьками унтерами пойдутъ по два въ рядъ лѣшкомъ. Не поѣхали бы, В. П., съ эскадрономъ-то верхомъ? А, идетъ?

— Идетъ-то, идетъ, сказалъ я,—да, во первыхъ, безъ сѣдла я не поѣду, а вовторыхъ, изъ вашихъ всѣхъ лошадей трудно выбрать такую на которой для меня ѣзда была бы пріятна и удобна: я ѣзжу на лошадяхъ мундштученныхъ и могу ѣздить только на вполне хорошо выѣзженной лошади; донцы же вашихъ сотскихъ пріѣзжены исключительно на уздечкѣ, и сколько я могъ замѣтить, страхъ какъ молодцами вашими строго задержаны, даже то того что что у иныхъ коней рты чуть не до ушей разорваны. Съ такого крѣпкоуздаго легаса я какъ разъ слечу. Рабочія же ваши обвенки превосходны для всякаго дѣла кромѣ верховой ѣзды, по причинѣ ихъ чрезвычайно развитыхъ хребтовъ, необъятно широкихъ. Нѣкоторыя снабжены и кадыками. Сидѣть на такихъ коняхъ пренеловко должно-быть; да къ тому же эти обвенки у васъ всѣ какія-то упорныя, и ежели хорошо ходятъ при маневрѣ пожара, то лишь благодаря нагайкамъ-тройчаткамъ, да кнутамъ изъ воловьей сыромяти. Нѣтъ, на всемъ этомъ я не ѣздохъ, и лучше поиду съ ребятами лѣшкомъ, предпочитая, на этотъ разъ, инфантерію кавалеріи.

— Вотъ еще выдумали что—лѣшкомъ! говорилъ Байковъ,—я васъ лѣшаго не пуцую, а лучше ужъ, коли такъ, велю запречь для васъ крохотную карфашку, которую его превосходительство Левъ Алексѣевичъ для себя намъ сюда намеренъ прислать. А впрочемъ, что жъ я одурѣлъ и забываю что у насъ отъ его же превосходительства присланъ англійскій пони, ростомъ не великонецъ, но выѣзженный такъ, говорятъ, что на шелковинкѣ ходить и даже голосъ понимаетъ: съ словомъ „гопъ, гопъ“, шельма, съ мѣста принимаетъ. Кличка ему *Ральфъ*. Пробовалъ я на этого шотландскаго клепера садиться. Я вѣдь въ жизнь мою никогда ни на одну лошадь не садился и, какъ вы воды, такъ я верховой ѣзды не жалую, хотя и изъ казацкаго рода начало свое веду. Для меня этотъ *Ральфъ*, прости Господи, чортъ знаетъ что такое! Распреканалъ, пренелокорная, и ничего по-моему не дѣлаетъ. А вотъ, намеренъ, на него садился генералъ баронъ Шлипенбахъ, такъ въ восхи-

щеніе пришелъ и говоритъ: „Эка прелесть! Ну хоть бы на полтора вершочка повыше ему быть! Тысячный конь былъ бы“. Итакъ, дѣло рѣшеное, вы поѣдете на *Ральфъ*. Разсылный! Найди дежурнаго сотскаго, я отдамъ ему приказанія.

XXV.

У Байкова между отдачею имъ приказанія и исполненіемъ этого приказанія обыкновенно проходило немного времени, и вслѣдствіе этихъ, отданныхъ имъ приказаній, черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ, на томъ огромнѣйшемъ дворѣ который знакомъ читателю еще съ начала этой статьи, стояла, въ стройномъ порядкѣ, не толпа, а правильная колонна молодцовъ—воспитанниковъ, въ желтоватыхъ кафтанахъ изъ верблюжины съ свѣтло-зелеными кушаками, и около нихъ нѣсколько старшихъ въ темно-зеленыхъ крашенинныхъ кафтанахъ, при красныхъ кушакахъ; на флангахъ же были унтеръ-офицеры, между которыми въ такихъ же галуновыхъ сюртукахъ вертѣлись два фельдшерка, Александровъ и Павловъ, оба съ выразительными черномазыми еврейскими фizioноміями. Впереди этой колонны были учителя, въ ихъ, уже знакомыхъ читателю, длиннополыхъ іезуитскихъ однорядкахъ съ цилиндрическими шляпами въ рукахъ. Старшій изъ учителей, Иванъ Максимовичъ Максимовъ, красивый и весьма симпатичной наружности юноша, съ нѣсколько жеманнымъ видомъ и изысканными манерами, выдѣлялся рельефнѣе другихъ.

— Пѣшій конному не товарищъ, сказалъ Байковъ.—Мы всѣ ѣдемъ, а вы идете по образу лѣшаго хожденія, такъ вамъ даю четверть часа впередъ. Веди ихъ, Максимовъ. Чтобы шли попарно и благоразумно. Боже упаси, ежели узнаю о какой-нибудь шалости или непотребствѣ.

— Ваше высокородіе, сказалъ слабогрудый Григорій Поляскій, вышеуломянутый уже какъ протеже генерала Скобелева,—не извольте сомнѣваться: мы бы не были достойны названія учениковъ и воспитанниковъ Матвѣя Андреевича Байкова, даннаго намъ Богомъ и благотворительнымъ начальствомъ, ежели бы не сумѣли оправдать вашего милостиваго къ намъ довѣрія.

Для всякаго, кромѣ меня, очевидно было что это была одна изъ сотни выдолбленныхъ фразъ, пускаемая при свидѣтеляхъ

какъ заученный урокъ; но я тогда мѣлъ отъ восторга при каждомъ словѣ произносимомъ воспитанниками, и, ничего не подозревая, все считалъ за чистѣйшую и вѣрнѣйшую монету.

— Ладно, сказалъ Байковъ, — но вѣдь не всѣ у насъ Григорьи Полянскіе. Есть и Азаровы и Шалошниковы, за которыхъ ручаться трудно.

— Мы за себя ручаемся предъ вашимъ высокородіемъ, сказали два парня, въ послѣдствіи вышедшіе изъ заведенія съ самыми меньшими наградами. Оба они смотрѣли, впрочемъ, какими-то непорочными агнцами, по пословицѣ: „въ тихомъ омутѣ черти водятся“.

Байковъ засмѣялся и сказалъ: „Ну, маршъ!“ а огромный усащъ унтеръ-офицеръ Надиденко скомандовалъ съ отгѣнкомъ малороссійскаго акцента: „По два въ рядъ, заходи слѣва, маршъ!“

Между тѣмъ у воротъ за рѣшеткой выстроился мой оригинальный эскадронъ, состоявшій изъ семидесяти почти коней, преимущественно рабочихъ и ѣзжалыхъ мохнатыхъ рыжихъ, половыхъ, буланыхъ, саврасыхъ и карихъ обвенковъ, на которыхъ сидѣли молодцы парни въ верблюжьихъ кафтанахъ и въ своихъ низенькихъ поярковыхъ шляпахъ. Эта колонна стояла по шести въ рядъ, рядовъ въ десять или одиннадцать. На одномъ флангѣ подъ однимъ изъ фермерскихъ конюховъ, Силантовъ, ржалъ мышастой масти чистой шведской крови разжирѣвшій жеребецъ съ огромною гривой ниже колѣна. Байковъ мнѣ пояснилъ что этотъ чортъ силы необъятной и возить тяжести такія, какія подѣ-стать хотѣ тройкѣ. Дѣйствительно, великолѣпное было животное *Шведъ*, какъ именовался этотъ конь, краса всей конюшни. На поджарыхъ, острокопыхъ пяти или шести донцахъ, живыхъ и поворотливыхъ, съ огненными глазами и вздернутыми рылами, сидѣли сотскіе; но подъ лихимъ Бровкинымъ былъ вороно-лѣвій конь съ бараньею мордой, по которой шла лысина вершка въ три ширины. Этотъ конь, по кличкѣ *Башкиръ*, чистой татарской крови, рвалъ поводья, мотая волосистою головой и взмахивая хвостомъ; но молодецъ сѣдокъ покорялъ его своей волѣ, и животное, понимая съ кѣмъ имѣеть дѣло, только копытомъ правой передней ноги энергично топало по шоссированному полотну площадки. *Башкиръ* былъ приведенъ изъ Оренбурга въ подарокъ Льву Алексѣевичу и отличался качествами не дюженными.

Байкову подали его кабриолетъ, запряженный, вѣчно танцу-

ющимъ, но смирнымъ какъ теленокъ мохнатымъ *Козыремъ*. Матвѣй Андреевичъ утѣлся вмѣстѣ съ сыномъ своимъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— А! вотъ отставной гусаръ Димченко, ведетъ и вашего на сегодня *Ральфа*, В. П. — Нутка, извольте намъ показать ваше берейторское искусство.

Въ этотъ моментъ дѣйствительно подъ узды подводилъ отставной малорослый гусаръ, въ своей какой-то персикового цвѣта курткѣ съ серебряными полинялыми шнурочками, красиваго вишнево-гнѣдаго съ красными подпалинами пони чистой шотландской породы, одареннаго, повидимому, преспокойною иноходью, но неспособнаго на рысь. Конекъ точно не великъ, не больше обвенокъ, но съ бархатистою кожей, съ черною какъ смоль, почти до земли, густою гривой и съ хвостомъ разстилавшимся трубою. Глаза смотрѣли весело и словно смѣялись,—знакъ добрый, значить нрава добраго.—Я подошелъ съ лѣваго плеча лошади, охолоилъ ее рукою и голосомъ, она внимательно на меня посмотрѣла, я ласково погладилъ ей морду, и тогда гусаръ, откидывая стремяна, заброшенныя на прелестное замшевое англійское сѣдло, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не извольте сомнѣваться, ваше благородіе! Лошадка первый сортъ. То-есть что ни на есть благочестивая. Иноходь у ней лучше всякой люльки; а въ карьеръ ходитъ такъ, что ей же Богу у насъ въ Ольвиопольскомъ гусарскомъ, четвертой дивизіи, изволите знать, былъ жеребецъ *Визануръ*, вороной безъ отмѣтинъ, подъ вахмистромъ-съ ходилъ. Ну-съ этотъ построѣлъ *Ральфъ* развѣ *Визануру* уступить въ карьерѣ. А ужъ иноходь такая, ну, просто, съ сѣдла не сойдешь!

Димченко все это мнѣ повѣствовалъ когда уже я былъ въ сѣдлѣ и пробовалъ стремяна; оказалось что стремяна на одну дырку надо было подать внизъ.

— Онь-съ у насъ на „голь, голь“-съ ходитъ, продолжалъ Димченко, когда я сначала осторожно и трусливо, какъ нѣкогда учившійся, будучи мальчикъ 12—13 лѣтъ, на механическихъ деревянныхъ лошадяхъ шарлатана Эйзендекера, двинулъ мою лошадь шагомъ по двору, шепча ей тихонько, протяжно и нѣжно: „голь, голь, голь!“—Лошадь пошла прелестною иноходью. Я вполне успокоился, видя по всему складу и движеніямъ шотландскаго конька что это почти механическій снарядъ Эйзендекера, но во всей конской плоти и съ иноходью очаровательною; Димченко же рекомендовалъ въ немъ и маршъ-маршъ великолѣпный.

— Ну что? спросилъ Байковъ, лустивъ своего *Козыря*, — не празднуете трусу, дорогой В. П.?

— А вотъ какъ! отвѣчалъ я, и, принявъ какъ слѣдуетъ мундштукъ для поднятія въ ускоренный галопъ, далъ энергическій лѣвый шенкель, и, дѣйствительно, едва удержался въ сѣдлѣ, потому что конекъ поднялся съ мѣста въ такой ускоренный маршъ-маршъ, что Байковъ, вообразивъ что лошадь понесла меня, велѣлъ Бровкину пуститься на *Башикуръ* чтобы подать мнѣ помощь. Чувствуя погоню, *Ральфъ* несся стрѣлою; а Байковъ между тѣмъ, обращаясь къ Димченко, улыбавшемуся во всю свою скуластую рожу, сказалъ:

— Э-эхъ, служивый, еще увѣрялъ что лошадь благочестивая; а она, шельма, носить. Ну какъ чего добраго его превосходительство Льва Алексѣевича-то она, треклятая, понесетъ.

— Она, ваше высокородіе, и есть что ни на есть точно благочестивая животина, объяснялъ Димченко, — да и по-англійски обучена, всяки языки понимаетъ. Я ее, впрочемъ, больше русскому вразумляю. Ихъ благородіе ей изволили очень ясно и больно скоро сказать: „гопъ, *Ральфъ!*“, и тогда *Ральфъ* полетитъ хоть черезъ весь участокъ нашъ.—Да вонъ ихъ благородіе-то отъ Выборгской дороги назадъ ѣхать изволятъ курцъ-галопомъ съ лѣвой ноги. О, го, го, го!—Охъ! хорошо, хорошо! Благочестивая лошадка, просто душа, а не лошадь-съ! И добрый кавалеристъ бросился цѣловать коня въ его лышущую морду, а я его ласкалъ, глядя и хлопая по шеѣ и обзывая самымъ любезнымъ образомъ.

— Такъ, такъ-съ, поддакивалъ мнѣ Димченко, — *Ральфъ* по-англійскому разумѣютъ, всякія языки они-съ разумѣютъ.

— О! my dear horse, сказалъ я, — вспоминая давно забытыя вокабулы, и точно, доброе животное ласково скосило на меня лѣвый глазъ.

— Такъ, благодареніе Богу, лошадка добрая и ѣздить на ней можно? спросилъ Байковъ.

— Не только добрая, сказалъ я, смѣясь,—но очаровательная!—Какъ же мы ѣдемъ? Вы или мы впередъ?

— Я вашей пыли глотать аппетита не имѣю, засмѣялся Байковъ и быстро пустилъ своего *Козыря* по училищной аллеѣ до Выборгской дороги, но на скаку громко крикнулъ:

— Пожалуста, не запруживайте всей дороги, а гдѣ чуть

ѣдутъ экипажи, поѣзжайте гуськомъ, гдѣ не ѣдетъ никого, можно и по три врьдъ.

— Мы всю дорогу поѣдемъ по два въ рядъ, какъ пошли пѣшіе, отвѣчалъ я, сдѣлавъ изъ ладоней трубу и опустивъ вольно поводья *Ральфу*.

Смѣшно сказать, а нельзя не сознаться что въ 1837 году, когда мнѣ было всего 25 лѣтъ, но когда я уже на службѣ занималъ осмьиклассное мѣсто и былъ далеко не ребенкомъ,—вся эта кавалькадная процедура мнѣ была очень по сердцу и забавляла меня. Это въ особенности страннымъ можетъ казаться сегодняшнимъ такимъ же, какимъ я тогда былъ, молодымъ людямъ, которыхъ, конечно, ничто въ этомъ дѣтскомъ родѣ потѣшить не можетъ,—ихъ, наслаждающихся сильными впечатлѣніями игры на баржѣ, или въ освѣщенныхъ ярко залахъ записныхъ столичныхъ шулеровъ, или находящихъ усладу въ ловкихъ передвиженіяхъ по службѣ, мѣтя уже чуть ли не въ министры, по пословицѣ „худъ тотъ солдатъ который не надѣется быть фельдмаршаломъ“. Дѣло въ томъ что теперь нѣтъ ни дѣтей, ни молодежи; мы же, люди тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ, оставались какъ-то дольше молодыми и находили искреннее удовольствіе въ томъ что въ нынѣшнемъ, впрочемъ, передовомъ, можетъ-быть, поколѣніи считается страннымъ и ребяческимъ. Ну, однако, какъ бы тамъ ужъ ни было, а повторяю,—смѣйся надо мною читатель какъ ему угодно,—фактъ тотъ что за 35 лѣтъ предъ симъ я грѣшный человѣкъ къ предложенной мнѣ тогда М. А. Байковымъ кавалькадѣ отнесся такъ какъ бы тогда мнѣ было не 25, а 15—17 что ли лѣтъ.

Кабріолетикъ Байкова мелькалъ вдаль, когда я, оставшись на площадкѣ у воротъ чугунной рѣшетки предъ аллеей, обсаженною тогда еще очень рѣдко, березами,—уже смѣло и свободно сидя въ сѣдлѣ на *Ральфѣ*, сказалъ сотскому Бровкину:

— Ты, Бровкинъ, на твоёмъ пѣгомъ *Башкирѣ*, ѣдемъ рядомъ со мною, вторая пара кто-нибудь изъ ребятъ, по вашему порядку, и такъ дальше, а въ замкѣ пусть ѣдетъ одинъ на своемъ *Шведѣ* конюхъ Силантовъ.

Въ этомъ порядкѣ всѣ двинулись. Я сталъ съ боку, пустивъ впередъ Бровкина и пропустивъ за намъ попарно остальные 32 или 33 пары, замыкаемая великолѣпнымъ въ своемъ родѣ *Шведомъ* съ конюхомъ Силантовымъ на немъ. Удостоверясь въ правильности всего строя, я поравнялся съ Бровкинымъ,

который однако на полголовы все-таки держался отъ меня, движимый, присущимъ воспитанникамъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, субординативнымъ чувствомъ, не дозволявшимъ ему, слишкомъ равняться со мною. *Ральфъ* мой шелъ иноходью улоительною, а все прочіе всадники вели своихъ коней на рысяхъ и довольно ладно равняли пары, не скакивая впередъ, не сгучиваясь и не откидываясь по сторонамъ. Прорѣхавъ такъ версты двѣ, мы увидѣли кабриолетъ Матвѣя Андреевича, подвигавшійся медленно подлѣ стройной толпы воспитанниковъ, тянувшихся длинною лентой. Я слѣва подтѣхалъ къ Байкову, лаская *Ральфа* по правому его плечу.

— Ну что, господинъ отрядный командиръ, хихикая, по обыкновенію, спросилъ Матвѣй Андреевичъ, какъ довольны вы конемъ?

— Я отъ этого коня въ восхищеніи, отвѣчалъ я,—онъ такъ покойно ходитъ и такъ дрессированъ что будь я человѣкъ съ маломальскимъ независимымъ состояніемъ, я откупилъ бы *Ральфа* у его владѣльца, чтобъ имѣть удовольствіе дѣлать на немъ загородные рейсы.

— Безъ всякаго откупа, заявилъ Байковъ,—*Ральфъ* будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи въ каждый вашъ пріѣздъ къ намъ. Льву Алексѣвичу это будетъ даже пріятно, потому что ваша проѣздка, такая повидимому деликатная, принесетъ этому пони больше пользы, чѣмъ немножко заливчатская ѣзда нашего гусарка, который имѣетъ слабость къ маршъ-маршу.

— Да и то сказать, Матвѣй Андреевичъ, у *Ральфа* такой легко-размашистый скокъ во весь карьеръ что его маршъ-маршъ едва ли не спокойнѣе его иноходи. Я не могъ себя представить ничего, въ этомъ родѣ, мягче и пріятнѣе.

— Ну, ежели это вамъ, В. П., доставляетъ такое удовольствіе, молвилъ Байковъ, улыбаясь немножко иронически и пуская шибче своего *Козыря*,—такъ понеситесь стрѣлой къ озеру, которое предъ нами. А мы съ Ондрей полюбуемся вами.

Я, не заставляя себя просить, тотчасъ сжалъ бока коня шенкелями, принявъ на пальцахъ ремешки мундштука по всѣмъ правиламъ искусства и произнесъ сократительное: „гопъ“, „гопъ“, „гопъ!“, такъ громко, и такъ быстро, чтобъ умное животное поняло сущность требованія, вслѣдствіе чего оно съ легкой лансады понеслось плавно и быстро впередъ. Я только слышалъ долетавшія до меня слова Матвѣя Андреевича:

„*Башикуръ* и *Шведъ* маршь за *Ральфомъ*!“ и раздавшійся за мною стукъ осьми подкованныхъ копытъ, отчего мой *Ральфъ*, ощущая погоню, старался еще сильнѣе, и я уже его охливалъ рукою и словами: „*My dear horse!*“, стоя въ упоръ на самомъ берегу, когда Бровкинъ и Силантовъ подскакали ко мнѣ на своихъ коняхъ, изъ которыхъ *Шведъ*, довольно жирный, запыхался такъ что едва могъ переводить дыханіе, между тѣмъ какъ *Башикуръ* рвался у сѣдока на новую скачку.

Появленіе наше на берегу озера Поклонной горы тотчасъ произвело впечатлѣніе на гулявшую тутъ парголовскую публику, состоявшую, впрочемъ, преимущественно изъ мужчинъ, такъ какъ женскій полъ, зная что въ эту пору озеро бываетъ ареною купающихся и плавающихъ любителей, на время поулетучился, хотя мѣстами по опушкѣ лѣсъ мелькали разноцвѣтные платья и ленты соломенныхъ шляпъ. Да и пора, правда, было этимъ дамочкамъ удалиться, потому что въ водѣ озера уже копошилось нѣсколько человѣкъ, громко перекликавшихся по-нѣмецки съ другими товарищами, игравшими въ лалту на берегу. То были ученики многолюднаго пансіона пастора Рейнбота, котораго благотворительное заведеніе для сиротъ - иностранцевъ находилось обыкновенно лѣтомъ въ Коломагахъ. Большая часть этихъ Нѣмчиковъ входила въ воду, ныряла, садилась на песочкѣ, мылась, выходила и въ костюмѣ Адама бѣгала по травѣ подъ надзоромъ гувернера, важно покуривавшаго копѣчную сигару и объяснявшаго мальчикамъ всю важность и пользу умѣнья плавать, хотя самъ, повидимому, о плаваніи въ практическомъ смыслѣ никакого понятія не имѣлъ; но для Нѣмца всего важнѣе теорія, и онъ ее развивалъ сильно на тему: „умѣнье плавать очень полезно“, причемъ ставилъ въ примѣръ всѣмъ ученикамъ ихъ товарища, довольно красиваго юношу лѣтъ 16, съ темными натурально вившимися кудрями, который изъ всего заведенія одинъ умѣлъ плавать, и правду сказать, плавалъ какъ рыба. То былъ племянникъ того въ тѣ дни громко извѣстнаго уѣзднаго врача Цвернера, который имѣлъ случай въ Чембарахъ, во время паденія государя императора Николая Павловича изъ коляски и вывихнутія имъ плечевой ключицы,—сдѣлать Его Величеству чрезвычайно удачную перевязку, доставившую ему вниманіе монарха и знаменитость на нѣсколько недѣль. Юный Цвернеръ, племянникъ оператора, раздѣвшись, бросился въ воду съ пригорка и сталъ дѣлать на поверхности воды разныя штуки.

Вдругъ этотъ пловецъ отделился отъ берега къ срединѣ озера, гдѣ было нѣчто въ родѣ островка, съ росшею на немъ березой. Въ моихъ глазахъ онъ нырнулъ и затѣмъ уже не возвращался болѣе. Товарищи и наставникъ думали что онъ шутитъ, и кричали: „Bravo Zverner! Bravo!“, но когда онъ все-таки не появлялся, гувернеръ, вооружась жестянымъ рулономъ, заоралъ во всю мочь! „Zurück Zverner! Zurück!“ Но отвѣта не было, и тотчасъ всѣмъ ясно представилось что мальчикъ захлебнулся.

— Ваше благородіе, позвольте! вскричалъ Бровкинъ, обращаясь ко мнѣ и двигая въ воду свою лошадь, привычную плавать, но *Башикуръ* на этотъ разъ что-то заупрямился и взвился на дыбы. — Въ это мгновеніе показался изъ лѣска экипажъ Байкова, окруженный со всѣхъ сторонъ воспитанниками конными и пѣшими, весело пѣвшими, по приказанію начальства: „Какъ у нашихъ у воротъ“ и проч. — Я подъѣхалъ къ Матвѣю Андреевичу и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Онъ, взглянувъ на островокъ, быстро сказалъ какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Тамъ что-то въ родѣ водоворота, толкуютъ здѣшніе жители; да все равно, надо сдѣлать доброе дѣло, да къ тому же вѣдь тонетъ то не кто-нибудь, а носящій фамилію Цвернера, которая теперь на всѣхъ языкахъ послѣ случая въ Чембарахъ.

И Байковъ мгновенно отдалъ свои приказанія, вслѣдствіе которыхъ восемь отличнѣйшихъ пловцовъ изъ воспитанниковъ, въ рубашкахъ безъ обуви, бросились въ воду на помощь утопающему и понеслись съ быстротою рѣчныхъ птицъ къ островку, гдѣ еще бульбухала вода и кружились лузыри. Всѣ они молодецки нырнули, и двое изъ нихъ, Козьма Нечесинъ (воронежскій) и Никифоръ Петровъ (костромской) имѣли счастье вытащить и принести на берегъ бѣднаго мальчика. Громкое ура огласило воздухъ, но увы! радость наша была непродолжительна; всѣ возможныя медицинскія пособія, оказанныя, какъ нашими фельдшерами, такъ сбѣжавшимися съ дачъ, жившими на нихъ, врачами остались тщетны: мертвые не воскресаютъ. Нѣмецъ-гувернеръ былъ въ отчаяніи, мальчики горько плакали, и, устроивъ при помощи удѣльныхъ же воспитанниковъ носилки изъ древесныхъ сучьевъ, отнесли въ Колымагу тѣло юноши, который, какъ говорили его товарищи, за часъ времени предъ тѣмъ выходилъ изъ дома такой счастливый и довольный.

Происшествіе это произвело на всѣхъ насъ грустное впечатлѣніе, и общая веселость нѣсколько помрачилась. Однако и изъ этого случая Байковъ умѣлъ извлечь ту пользу, что принялся объяснять воспитанникамъ необходимость осторожности и отдавъ строгое приказаніе, при плаваніи въ озерѣ, не доходить до средняго островка, гдѣ, повидимому, есть водоворотъ. Затѣмъ онъ самъ раздѣлся и пошелъ въ воду, а за нимъ и всѣ воспитанники, изъ которыхъ нѣкоторые плавали съ удивительнымъ искусствомъ, особенно костромитяне и саратовцы, родившіеся на берегахъ большихъ рѣкъ и привыкшіе къ этимъ упражненіямъ съ дѣтства. Всадники усердно купали и мыли своихъ коней; но моего *Ральфа*, по моему желанію, не раздѣлывали, а только вытирали мокрыми вѣниками и потомъ до суха сѣномъ, что, казалось, ему очень нравилось и онъ послѣ этого сдѣлался еще бодрѣе и веселѣе. Когда воспитанники одѣлись, директоръ позволилъ имъ малыми кучками разойтись по лѣску для сбора ягодъ и грибовъ. Они чередовались съ тѣми которые оставались при стреноженныхъ лошадяхъ. Такъ провели мы съ часъ, гуляя около озера, бесѣдуя со встрѣчавшимися тутъ знакомыми посѣтителями училища, сидя на травѣ и заставляя ребятъ играть въ горѣлки съ разною дачною молодежью и отчасти съ высланными изъ деревни Колымаги, часть полей которой граничила съ задами Удѣльнаго Училища, тамошними парнями. Взглянувъ на часы, директоръ велѣлъ дать сигналъ сбора, и сотскій Бровкинъ, у котораго въ роговой рукояти его нагайки былъ пресильный свистокъ, раза три свистнулъ, и на этотъ свистокъ изъ разныхъ мѣстъ лѣска вскорѣ собрались воспитанники, съ коробами и лукошками ягодъ и грибовъ. Плохія болотныя ягоды предоставлены были директоромъ воспитанникамъ, которые и истребили ихъ очень скоро, какъ бы самое превосходное лакомство; а грибы, собранные во множествѣ, велѣно было отнести домой, и часть отдать на директорской кухнѣ извѣстному повору Оомѣ, остальные, составлявшіе девять десятыхъ всего количества сбора, передать Якову Маркеловичу, то-есть эконому, для приготовленія изъ нихъ на завтра пироговъ для воспитанниковъ. Распоряженія эти были приняты всѣми съ признательностью и удовольствіемъ. Учителя и унтеръ-офицеры принялись за повѣрку налицнаго числа воспитанниковъ, причемъ замѣтили что еще не прибылъ унтеръ-офицеръ Синельниковъ съ лятю воспитанниками, изъ числа

которыхъ не былъ налицо скромный, кроткій, но необыкновенно женоподобный парень, тогда еще не болѣе какъ лѣтъ 18ти, Андрей Задонскій, изъ Московскѣй конторы, о которомъ разказывали его земляки что онъ родился на какой-то ситцевой фабриктѣ въ Москвѣ отъ одной дѣвушки-сиротки и былъ потомъ принятъ въ домъ и усыновленъ отцомъ другаго Москвича—воспитанника Григорія Садовникова, бывшаго постарше Задонскаго и очень его любившаго, словно младшаго брата. Андрей Задонскій былъ необыкновенно милой наружности, но весь станъ его небольшого роста, всѣ формы тѣла, поразительная бѣлизна и нѣжная свѣжесть лица, тонкость и деликатность чертъ, мягкость голоса, свѣтлорусые волосы, очень густые и всегда въ натуральныхъ завиткахъ, синіе томные глаза, чуть-чуть приподнятый носъ, поразительной бѣлизны зубы и розовыя губы, при ласково-веселомъ выраженіи всего лица, съ ямочками на персиковыхъ щекахъ — давали этому молодому земледѣльцу внѣшность дѣвушки, переодѣтой въ костюмъ воспитанника Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, удостоеннаго за хорошіе успѣхи розовой ситцевой рубахи. Байковъ его чаще другихъ пезначалъ дежурить въ молочной, въ помощь красавцу брѹнету Лебеву, — который былъ очень друженъ съ этимъ юношей, какъ съ своимъ почти постояннымъ помощникомъ. На Святкахъ здѣшніе воспитанники обыкновенно любили рядиться, и тогда женскій костюмъ ни къ кому такъ ни шелъ, какъ къ нѣжнолицему Андрюшѣ Задонскому, который въ сарафанѣ и кокошникѣ, съ пышными рукавами полотняной рубашки, былъ лучше многихъ красивыхъ даже женщинъ и дѣвушекъ и лучше самого себя въ любомъ мужскомъ нарядѣ. Всѣ это было поводомъ къ тому что Задонскому присвоенъ былъ товарищами собрике „дѣвицы“, и воспитанники почти иначе Андрея Задонскаго не называли, какъ „Задонскій-дѣвица“, хотя директоръ строго преслѣдовалъ это прозвище и уже многіе воспитанники, по случаю несдержанности ихъ языка, поиспытали за это директорскую строгость, хотя и самъ-то Матвѣй Андреевичъ любилъ подтрунивать надъ женоподобною красотой Задонскаго.

— Свистни-тка еще, сотскій, сказалъ Матвѣй Андреевичъ, а потомъ засмѣялся, весь по обыкновенію сморщась и какъ бы говоря самъ съ собою, но впрочемъ для всей честной компаніи. — Говорять въ Колымагахъ пропала какая-то тамошняя

дѣвчонка. Вѣрно ушла въ какія-нибудь, мерзавка, казармы; а Нѣмчурка-управитель помѣщика графа Орлова-Денисова, флигель-адъютанта и гвардіи казацкаго полка полковника, имѣлъ глупость ударить такую тревогу что бѣда, и чрезъ всѣ на свѣтѣ полиціи ее разыскиваетъ. Охота лучше неволи, хлопотать такъ объ этой дряннѣ!... Да, сказываютъ, Нѣмецъ-то втюрился въ эту дѣвчонку и хочетъ чтобъ ее возвратили ему живую или мертвую. Онъ даже вздумалъ себѣ вообразить будто наши „мальчики“ похитили, изволите видѣть, сію „Сабинку“ и переодѣвъ въ мужское платье въ училищѣ держать. Вотъ дуракъ-то! А еще говорятъ что Нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Ежели какой изъ нихъ и изобрѣлъ что, такъ этого осла графскаго управителя, который постоянно намъ всякія пакости строить. Вотъ теперь выдумалъ будто мои „мальчики“ его Аксютку Свистѣлкину держать въ училищѣ, и что будто я этому покровительствую. Я докладывалъ объ этомъ Льву Алексѣвичу, и его превосходительство хохотать изволилъ и мнѣ плюнуть на этотъ вздоръ совѣтовалъ. Я, конечно, по генеральскому совѣту и плюнулъ, а все-таки чрезъ нѣкоторыхъ людей далъ знать Нѣмцу что де насъ, Нѣмчура, не замай: ѣдемъ, ѣдемъ не свистимъ, а наѣдемъ не спустимъ!... Добрые люди, въ лицѣ здѣшняго становаго и сотскаго, пояснили геніальному Нѣмцу, ученику Тѣра, въ чемъ суть, и вотъ онъ прикусилъ языкъ и сконфузился; но все-таки дворнѣ графской, состоящей изъ отпѣтой барской опричины, обѣщалъ сто рублей за отысканіе вышеупомянутой Аксютки Свистѣлкиной. Нашъ Задонскій, говорилъ мнѣ, удивительно смахиваетъ на эту пропавшую красавицу, словно братъ ея родной, онъ же безъ рода, безъ племени, такъ что, чего добраго, алгвазилы Нѣмца-сосѣда распорядятся схватить его за нее. Но въ такомъ разѣ и алгвазиламъ и ихъ атаману будетъ разчетъ плоховатый. А и впрямь свистни-тка еще, Бровкинъ!

Вскорѣ послѣ этого третьяго свистка появился красно-багровый унтеръ-офицеръ Синельниковъ, на этотъ разъ еще болѣе чѣмъ когда пурпуровый и съ видомъ яраго гнѣва; съ нимъ шло пять воспитанниковъ и въ числѣ ихъ Григорій Садовниковъ, всѣ въ изорванныхъ кафтанахъ, Андрей же Задонскій въ слезахъ, горько плачущій и весь въ лохмотьяхъ.

— Что у васъ тамъ вышло? спросилъ Байковъ со строгимъ видомъ, вперивъ свои блѣсоватые глаза въ Синельникова, который, вытянувшись въ струнку по-гвардейски, говорилъ:

— Мы, ваше высокородіе, собирали ягоды и грибы въ одномъ дальнемъ мѣстечкѣ.

Байковъ. Очень нужно было такъ отдаляться что трехъ свистковъ тебѣ слышно не было.

Синельниковъ. Свистки-то, ваше высокородіе, мы слышали, да у самихъ свистка не было чтобы дать сигналъ о неблагополучіи.

Б. Впередъ надо распорядиться чтобы свистокъ былъ у каждаго надзирателя. Скажи объ этомъ Маркелычу. Ну?

С. Мѣстечко-то мы нашли больно значное, неподалече отъ барской усадьбы, все въ малинникѣ и тутъ нѣсколько десятковъ яблонь, на полверсты почитай.

Б. И вы, черти, тамъ мародёрничали?

С. Былъ грѣшокъ, ваше высокородіе, виноваты. Малина ужь слишкомъ хороша, шпалеры выше моего гренадерскаго роста и всѣ какъ стѣной покрыты поздною ягодою; а ранніе яблоки такіе наливные....

Б. Мало ли что можно видѣть, да гадить нельзя чужаго добра.

С. Мы и не гадили, ваше высокородіе, а только маненько полакомились. Мнѣ тутъ кстати такъ и припомнился одинъ панскій садъ, когда мы съ Полякомъ тягались въ тридцать первомъ, я еще тогда съ армейскою метелкой на луговицахъ ходилъ, то-есть не въ гвардіи былъ.

Б. А въ гвардію перевели вѣрно дурня за ростъ. Велика Федора, да дура, малъ золотникъ, да дорогъ.

С. Сіе справедливо есть, ваше высокородіе; примѣромъ будучи сказать, я рослъ, да простъ, а ваше высокородіе малы, да разумны. Виноваты мы всѣ, виноваты, ваше высокородіе, ломародерничали въ графскомъ малинникѣ и по яблочкамъ прошлись.

Б. Виноватъ ты одинъ, какъ старшой и служивый. А еще съ Георгіемъ да съ Анной, а ума ни на волосъ. Штрафую тебя синенькою. Дежурный сотскій, когда воротись, скажи лисьмоводителю Сафонову что Синельниковъ оштрафованъ пятью рублями.

— Слушаю, ваше высокородіе, отвѣчалъ сотскій и тотчасъ записалъ въ свою записную княжку, а Байковъ продолжалъ допросъ:

— Ну, значить, васъ поймали въ воровствѣ и вздули? Честь и слава училищу!

Синельниковъ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокородіе, никакъ

нѣтъ-съ. Этого ничего не было, и на счетъ яблокъ то-есть и малинника не было ни слова сказано, потому что ужь когда мы изъ малинника-то совсѣмъ вышли и по первому свистку путь держали сюда, какъ вдругъ откуда ни возьмись намъ въ перерѣзъ по тропкѣ дѣлый какъ бы баталіонъ бабья здѣшняго, штукъ этакъ тридцать, настоящія, извѣстное дѣло, колымажскія озорицы. Я глянулъ на ребятъ, а они всѣ какъ красныя дѣвицы, ни однимъ глазкомъ, да и то правда смотрѣть-то нечего: все пожилыя ужь теткы, да растрепанныя такія, мерзавки, откуда-то, изъ Второго, кажись, Парголова, съ праздника престольнаго идутъ. Какъ поравнялись, то-есть эти-то шельмы, съ нами, такъ одна лузатая вѣдьма крикнула. „Бабы, вонъ она бѣглянка-то Аксютка-то! Срамница къ удѣльнымъ забралась, да ихъ нарядъ надѣла. Держи ее!“

Байковъ не утерпѣвъ, захохоталъ и воскликнулъ:

— Ну, такъ, я не ошибался что выйдетъ кутерьма изъ-за пригожей рожицы Андрея Задонскаго. Но отчего же ты такъ плачешь, Задонскій, весь въ крови и весь оборванъ? Полно рюмить: всѣ и впрямь дѣвкой, а не парнемъ считать будутъ.

— Да ужь больно, ваше высокородіе, совѣстно, отвѣчалъ Задонскій, весь багровый отъ слезъ и всхлиывая. — Ей-же-ей, ваше высокородіе, буду молить Бога чтобы Господь въ милосердіи Своемъ наслалъ на мою несчастную рожу самую что ни есть лую ослу.

— Не болтай пустяковъ, замѣтилъ строго Байковъ, — и Бога не гаѣви такими грѣшными желаніями, за которыя тебѣ батюшка завтра, по моему желанію, назначить эпитемію въ тысячу поклоновъ. Ну, Синельниковъ, продолжай.

— Вотъ, продолжалъ Синельниковъ, — вдругъ мы и оглянуться не успѣли, какъ ужь бабъ этихъ штукъ восемь бросились на Андрея Задонскаго, да ну его, сердечнаго, таскать за волосы, бить по щекамъ, рвать на немъ жалованную розовую рубаху. Увидѣвъ этотъ дебошъ, я, ваше высокородіе, началъ потасовку первый сортъ-съ и кулачищи пустилъ въ ходъ, крикнувъ парнямъ чтобы помогали мнѣ душить эту бабью сволочь. Ну, ужь и переколѣчили жь ихъ, треклятыхъ! Почитай что ни одна безъ синяковъ не осталась, и поотскочили онѣ отъ насъ и отъ бѣднаго Задонскаго, который какъ ни кротокъ, а самъ одной чертовкѣ, что Аксюткиной теткой называлась, прокусилъ зубами щеку въ кровь до самой кости, почитай. И за это молодецъ! Мало еще ей поганой досталось!

Я взглянулъ мелькомъ на бѣдняжку женоподобнаго Задонскаго и замѣтилъ при этомъ что дѣйствительно у него запеклась кровь въ изрядномъ количествѣ на губахъ, на подбородкѣ и на груди. Замѣтивъ мой внимательный взглядъ, этотъ парень, всегда такой кроткій, съ остервенѣніемъ и забывая строгость Байковской дисциплины, сказалъ:

— Жалѣю ужъ только о томъ что я эту разбойницу до смерти не загрызъ. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Она сказалась теткой какой-то тамъ Аксютки изъ Колымягъ и доказывала что я эта переодѣтая Аксютка, только подстриженная въ скобку. Когда дядюшка Синельниковъ ей доказывалъ что она вретъ, она, указывая на эту у меня родинку подъ лѣвымъ глазомъ, заорала: „Да вонъ и родинка подъ лѣвымъ Аксюткинымъ глазомъ! Да я по-твоему, пьяное рыло, вру! А развѣ, заорала, ваши ребята серьги носятъ? Вишь отъ серегъ дырочки въ ушныхъ мочкахъ!“ И вдѣпилась мнѣ въ оба уха, такъ что ее едва оторвали. Руки-то у меня были свободны, я ея голову прижалъ къ себѣ и зубами прокусилъ ей щеку. „Подлая ты душа! сказалъ ей: мнѣ въ Москвѣ на фабрикѣ еще мочки для серегъ продѣли: тамъ всѣ ларни серьги, почитай, носятъ!“ А она, шельма, все моихъ ушей не выпускала, пока ей Садовниковъ здоровымъ сукомъ чуть всѣ руки не обшибъ. Вотъ отъ этого-то я весь въ крови!

— Экой звѣръ плотоядный, засмѣялся Байковъ,—сталъ нашъ тихоня Задонскій. Но теперь, однако, прежде чѣмъ идти домой, раздѣвсья, Задонскій, хоть, правда, бабы тебя почти-что раздѣли, и выкулайся и умойся въ озерѣ, чтобы сѣдовъ этой всей гадкой крови и этого всего безпорядка на тебѣ не было.

Обратное наше шествіе совершалось въ другомъ порядкѣ: конные двинуты были впередъ, за ними пошли лѣхотинцы, съ которыми легкою рысцой ѣхалъ Матвѣй Андреевичъ, а я на временномъ моемъ иноходцѣ ѣхалъ подлѣ его кабриолетика, и въ продолженіи дороги нашъ разговоръ сначала вѣлся на томъ что происшествіе съ бѣднымъ Задонскимъ даромъ колымяжскимъ обывателямъ и ихъ управителю пройти не должно; а потомъ бесѣда наша перешла на воспоминаніе о несчастномъ утопленникѣ. Подѣвжая уже къ училищу, Байковъ сказалъ мнѣ:

— Прибудь мы минутами десятью раньше, племянникъ чембарскаго врача Цвернера, безвѣстное имя котораго сдѣлалось такъ громко эту пору и находится на устахъ всего Петер-

бурга, чего Петербурга, всей Россіи,—не былъ бы мертвъ: мои молодцы спасли бы его, и завтра въ Петербургъ это было бы предметомъ всѣхъ и повсюду разговоровъ. Вотъ ужъ точно что не знаешь гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь! Нѣмедь-гувернеръ говорилъ мнѣ что этотъ мальчикъ предназначался къ блестящей карьерѣ: Государь общалъ его дядѣ опредѣлить его въ Царскосельскій лицей на свой счетъ, собственнымъ пансіонеромъ, а потомъ вести его по службѣ во II отдѣленіи собственной же канцеляріи. Но одинъ хлебокъ воды въ этомъ Парголовскомъ озерѣ всему положилъ конецъ. А услѣй мы, удѣльные земледѣльцы, его сласти, Боже мой, Боже мой, какъ бы много намъ удалось выиграть. Видно ужъ такъ угодно было Господу Богу!

Противъ обыкновенія, вечеръ нашъ кончился не только чаемъ, а также и ужиномъ, состоявшимъ изъ превосходно приготовленныхъ знаменитымъ Оомой грибовъ, собранныхъ воспитанниками, и запитыхъ нами съ Матвѣемъ Андреевичемъ одною изъ его великолѣпнѣйшихъ ратафій. За 35 лѣтъ предъ симъ, владея какимъ-то страусовымъ желудкомъ, я безнаказанно могъ дозволить своему свѣжему, молодому аппетиту такія вольности, немислимыя нынѣ, когда не только яства въ родѣ грибовъ въ сметанѣ, да и чашку бульона я себѣ не позволяю на ночь. Такъ-то съ годами все, все, все перемѣняется.

Послѣ ужина, какъ обыкновенно, въ кабинетъ Матвѣя Андреевича, возлежа на нашихъ ложахъ, мы предъ сномъ грядущимъ вели бесѣду. Матвѣй Андреевичъ сказалъ мнѣ что онъ не заснетъ до Бога вѣсть какого часа, потому что взволнованъ событіями дня и сказалъ:

— Нѣтъ ли у васъ, В. П., чего новенькаго разказать намъ провинціаламъ?

— Среди всѣхъ сегодняшнихъ различныхъ съ самаго утра впечатлѣній и занятій, сказалъ я,—я забылъ разказать вамъ, почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ, какъ на этихъ дняхъ что мы съ вами не видѣлись, мнѣ удалось если не вытащить изъ воды утопленника, то спасти молодого человѣка отъ смерти навѣрное, по крайней мѣрѣ начальникъ военно-сухопутнаго госпиталя, что на Выборгской сторонѣ, у васъ въ нѣкоторомъ сосѣдствѣ, главный докторъ г. Флоріо, объявляетъ объ этомъ направо и налево.

— Это любопытно, хихикнулъ Байковъ,—какъ это вы въ ме дики записались?

— Нѣтъ, возразилъ я,—медициной я не практиковалъ, а заставлялъ только другихъ такъ заняться однимъ, протектируемымъ мною больнымъ субъектомъ, что безъ меня этотъ субъектъ, находясь въ обыкновенныхъ условіяхъ пользованія въ нашихъ госпиталяхъ нижнихъ чиновъ, теперь бы покоемъ на кладбищѣ, а онъ вмѣсто этого быстро поправляется, и вполне выздоравливаетъ, ежели только удастся освободить его изъ писарства, которое его сгубитъ въ нашихъ душныхъ залахъ, освѣщаемыхъ газомъ, и предоставить ему постоянную жизнь на чистомъ воздухѣ. Дѣло, изволите видѣть, въ томъ что въ числѣ писарей нашей немногочисленной канцеляріи общаго присутствія провіантскаго департамента есть одинъ очень молодой, 22 лѣтъ, парень Степанъ Ивановъ Сергѣевъ, одаренный поразительными способностями и очень честный и даже съ благородными чувствами малый, но совершенно щедущій, съ багровыми пятнами на срединѣ полумертвыхъ щекъ. Нашъ съ нимъ общій начальникъ, правитель дѣлъ, добрейшій и превосходнѣйшій человекъ, который кажется и мухѣ вреда не причинить, трактуетъ однако писарей изъ кантонистовъ съ самымъ отчаяннымъ жестокосердіемъ, считая ихъ какъ бы не людьми, подобно тому какъ плантаторы считаютъ своихъ негровъ презрѣннымъ быдломъ. Замѣтивъ необыкновенныя способности Сергѣева, Иванъ Степановичъ Круглый истомилъ парня работой и довелъ до того что на дняхъ онъ найденъ былъ полумертвымъ на койкѣ, въ общей писарьской спальнѣ, откуда отвезенъ въ военно-сухолутный госпиталь. Узнавъ объ этомъ, я бросился къ правителю канцеляріи комиссаріатскаго департамента Василию Евграфовичу Вердеревскому, который имѣлъ огромное значеніе въ нашемъ министерствѣ, съ убѣдительнѣйшею просьбой снабдить меня нѣсколькими рекомендательными словами къ главному доктору г. Флоріо, который Василию Евграфовичу за немного времени до этого обязанъ былъ, при производствѣ ревизіи хозяйственной части военно-медицинскаго управленія, чуть ли не сохраненіемъ не только службы и состоянія, но честнаго имени и всей карьеры. Можно представить степень преданности этого Итальянца къ Василию Евграфовичу.*

Съ цыдулочкой въ дюжину словъ явился я рано утромъ въ

* Это тотъ самый В. Е. Вердеревскій который въ послѣдствіи стяжалъ себѣ такую печальную знаменитость въ такъ-называемомъ „соляномъ Нижегородскомъ дѣлѣ“.

сухолутный госпиталь, гдѣ въ это время шла визитація господина главнаго доктора по палатамъ. Не безъ труда, при содѣйствіи гривенниковъ и ляталтынныхъ раздаваемыхъ направо и налѣво разнымъ сторожамъ, прислужникамъ и фельдшерамъ, добился я до того чтобы войти въ корридоръ той палаты гдѣ помѣщенъ былъ мой бѣдный протеже. Изъ разспросовъ моихъ фельдшерамъ я узналъ что привезенный вчера писарь Степанъ Ивановъ Сергѣевъ сегодня же, вѣроятно, будетъ вынесенъ въ мертвецкую, потому что и зеркало дыханія не принимаетъ. Извѣстіе это обдало меня холодомъ, потому что я понималъ что послѣ этого нечего уже передавать напрасно г. Флоріо записочку, бывшую въ моемъ карманѣ, и что мнѣ придется возвратить ее по принадлежности тому кто писалъ ее, то-есть Василью Евграфовичу Вердеревскому. Многознаменательное въ тѣ времена по хозяйственно-медицинской части военнаго министерства, это имя и званіе правителя канцеляріи комиссаріатскаго департамента произвело на одного изъ главныхъ фельдшеровъ, лузатаго Голиафа, тотъ эффектъ что онъ подвелъ меня къ сухоларому ординатору этой палаты изъ Поляковъ, судя по его произношенію. Мы вошли въ огромную комнату, наполненную койками, на которыхъ лежало человѣкъ тридцать больныхъ въ различныхъ позахъ и бѣлая часть которыхъ жалобно стонала, что раздирало душу, не привыкшую къ этому зрѣлищу. Ординаторъ, въ мундирѣ, съ орденами и при плагѣ, указалъ мнѣ на одну койку, сверху до низу покрытую простыней, обнаруживавшею сухія человѣческія формы, сказавъ мнѣ: „Вотъ вашъ протеже; часа черезъ два, много три, онъ превратится въ трупъ и вынесется въ мертвецкую, гдѣ для него готово мѣсто. Тогда я вамъ или тому кто отъ васъ явится дамъ его номеръ, и по этому номеру въ мертвецкой легче будетъ найти покойника его родственникамъ, ежели у него есть родственники“. — У него изъ родственниковъ только мать, сказалъ я.—Это убьетъ бѣдную женщину, которая и теперь горько плачетъ тамъ внизу въ пріемной. — „Ну, и прекрасно, продолжалъ военный эскулапъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ,—я вею выдать ей номерокъ. А почему, позвольте полюбопытствовать, вы принимаете въ этомъ изнеможенномъ полумертвецѣ такое участіе, милостивый государь?“ — Онъ одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, отвѣчалъ я. — „Такъ вы служите въ провіантскомъ департаментѣ, продолжалъ ординаторъ.—Я объ этомъ не догадался по вашему

партикулярному платью. Есть какая-то у „вась Русскихъ“ по-ловища, что снявши голову, по волосамъ не плачутъ: вы сударь извели его сверхсильною работою и довели до состоянія безнадежности, а теперь хотите чтобъ медицина сдѣлала невозможное и возвратила жизнь мертвецу.“

Неповинный въ изнеможеніи бѣднаго Сергѣева, я однако не считъ нужнымъ оправдываться предъ незнакомымъ мнѣ, довольно дерзкимъ ординаторомъ и спросилъ его: могу ли я видѣть его превосходительство г. главнаго доктора Флоріо? „Господинъ главный докторъ, отвѣчалъ Полякъ съ язвительною улыбкой,—конечно не невидимка, за деньги не показываетъ и можетъ быть видимъ легко, но предупреждаю васъ что онъ также и не Іисусъ Христосъ и мертвыхъ изъ гроба не воздвигаетъ. Да вотъ и онъ самъ идетъ сюда съ своею свитой изъ тѣхъ палатъ. Выйдите пожалуйста отсюда, потому что его превосходительство терпѣть не можетъ чтобы во время его визитаціи здѣсь толкались посторонніе“.—Выйти, я не выйду, сказалъ я рѣшительно и твердо,—а только отойду въ сторону, что я и исполнилъ, ставъ къ окну.

Довольно быстро шелъ приземистый толстякъ, желто-черный, съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и съ огненными глазами. Италіанецъ докторъ Флоріо, человекъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ черными коротко остриженными волосами, слегка блестящими просвѣдо, и со всѣми движеніями и гримасами обличавшими южное происхожденіе. Онъ былъ въ своемъ мундирѣ со звѣздой и орденами и его окружала свита ординаторовъ, чиновниковъ и фельдшеровъ. Разговаривавшій сейчасъ со мною ординаторъ-Полякъ тотчасъ подошелъ къ нему и наскоро показывалъ ему своихъ пациентовъ, причемъ фельдшера отдерживали съ нѣкоторыхъ изъ визиотируемыхъ отдѣла. Краткія изреченія Флоріо и объясненія ординатора, очень правда бы-стролетныя, были по-латыни, почему я ни слова не понималъ. Подойдя къ койкѣ Степана Сергѣева и взглянувъ на скорбный листъ у изголовья больнаго, покрытаго простыней и недвижимо подъ нею лежавшаго навзничъ, Флоріо что-то пробормоталъ, слегка махнувъ рукой, но сколько я могъ понять, слово имъ произнесенное означало безнадежность, къ чему онъ прибавилъ извѣстную даже такимъ какъ я не-латинистамъ поговорку: *De mortuis, aut bene, aut nihil*. Койка Сергѣева стояла у выхода, куда шествіе должно было направиться, почему я скорыми шагами перебѣжалъ къ корридору, чтобы

тутъ остановить Флоріо, который, замѣтивъ меня, очень нецеремовно обратился къ дежурному фельдшеру съ словами обличавшими обрусѣлаго иностранца, который мастерски владелъ репертуаромъ русскихъ ругательствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не сумѣлъ въ теченіи всей своей жизни въ Россіи усвоить чистоту русскаго произношенія, причемъ господинъ начальникъ госпиталя упрекалъ своего трепещущаго подчиненнаго въ галунахъ за допущеніе въ палаты постороннихъ, и сердитый взоръ его впился въ меня. Но я, слышавъ отъ Вердеревскаго о томъ что французскій языкъ дѣйствовалъ на Флоріо обаятельно, да и имѣя у себя цидулочку на его имя, писанную по-французски, мгновенно подалъ ему эту заклеенную вензелевою облаткой записочку и пробормоталъ извиненіе и привѣтствіе по-французски, пересылая безъ мѣры мои слова сладостнымъ для нѣкоторыхъ личностей словомъ excellence (превосходительство). Когда Флоріо пробѣжалъ глазами записочку Вас. Евг. Вердеревскаго, въ которой тотъ меня блистательно рекомендовалъ, какъ „одного изъ любимыхъ субальтерновъ статсъ-секретаря Позена“ (съ чего онъ это взялъ, я не знаю), фizioномія моего Италіянца, живая и подвижная, мгновенно перемѣнилась, ослабилась, и выраженіе величайшаго благодушія замѣнило гнѣвъ и досаду. Посылались самыя ласковыя привѣтствія, при горячихъ рукопожатіяхъ и увѣреніяхъ въ готовности сдѣлать изъ невозможнаго возможное. Но, чтобъ не утомлять вашего вниманія, Матвѣй Андреевичъ, и не задерживать вашего сна, скажу что результатомъ всего этого было то что господинъ главный докторъ возвратился къ койкѣ Сергѣева, открылъ его и самъ сталъ ощупывать, дѣйствительно, какъ казалось, почти бездыханнаго юношу, который однако открывъ глаза узналъ меня, улыбнулся и какимъ-то надорваннымъ голосомъ сказалъ: „Благодарю, благодарю, Владиміръ Петровичъ!“—Тогда Флоріо набросился на ординатора и расiekъ его за то что онъ не умѣетъ, несмотря на то что имѣетъ Станислава на шеѣ, отлечить временное изнеможеніе и уладокъ силъ отъ смертнаго казуса и пожаловалъ въ кандидаты въ мертвецы челоуѣка который черезъ недѣлю будетъ бѣгать повсюду, какъ это свойственно его возрасту.—„Я самъ, безъ васъ, господа мои помощники, хочу непременно заняться этимъ интереснымъ субъектомъ. Сію минуту подайте мнѣ кровопускательный приборъ, фельдшера несите тазы, кипятокъ, я ему сдѣлаю великолѣпное кровопусканіе.

Оно будетъ первымъ этапомъ на пути къ выздоровленію. А затѣмъ, перенести его съ койкой въ ту офицерскую палату что внизу въ лавильйонѣ и окнами въ садъ; тамъ всего три кровати, да и тѣ теперь свободны. Я буду посѣщать его трижды въ день, а вы, г. ординаторъ, ходите къ нему шесть разъ въ сутки. Фельдшеру находится безъ отлучки въ двѣ смѣны. Говорятъ, у этого малаго здѣсь его мать; коли хочетъ, то предоставимъ ей уходъ за сыномъ. Никакой фельдшеръ, никакая сидѣлка не сравняются въ попеченіяхъ съ попеченіями матери. Онъ будетъ жить, будетъ жить непременно!“ Все это живой толстякъ Флоріо говорилъ скороговоркой ломанымъ русскимъ языкомъ съ перемѣшкою словъ: *corpo di basso*, *Jesus*, *Santa Maria*, и пр., снимая мундиръ, отстегивая португелю шпaги, засучивая рукава рубашки и приготавливая инструментъ, т.-е. разные ланцеты. Начавъ и окончивъ при мнѣ свое, какъ онъ выражался, „великолѣльное“ кровопусканіе, хотя, какъ онъ передавалъ, онъ уже много лѣтъ не брался за ланцетъ, Флоріо, при себѣ и при мнѣ, котораго уже онъ не только не гналъ, но не отпускалъ ни на шагъ отъ себя, распорядился перемѣщеніемъ больного въ прехорошенькій лавильйонъ, съ огромнымъ, открытымъ окномъ въ садъ, и устроилъ, при своемъ паціентѣ, дежурство двухъ перемѣнныхъ фельдшеровъ, предоставляя помогать имъ матери Сергѣева, доброй Пѣмкѣ, бросившейся въ ноги его превосходительству, нашедшему затѣмъ необходимымъ пригласить меня къ себѣ, въ свою, роскошно убранную и богатую произведеніями италіанской живописи и скульптуры, квартиру, гдѣ, пользуясь сею вѣрною оказіей, былъ поданъ изящный завтракъ *à l'italienne*, съ макаронами, кускомъ стуфато и душистымъ шоколадомъ, но вино было не италіанское, а чистый шамбертенъ наивысочайшаго качества. Само собою разумѣется что я предъ синьйоромъ Флоріо разыгрался въ благодарностяхъ самыхъ горячихъ и конечно вполнѣ искреннихъ, какъ нельзя лучше заслуженныхъ на этотъ разъ добрякомъ Флоріо, чрезъ старанія котораго Сергѣевъ мой, назначенный въ мертвецкую за недѣлю предъ симъ, теперь весело гуляетъ въ госпитальномъ саду, гдѣ потѣшается копаніемъ грядокъ и куртинъ и посадкою какихъ-то деревцовъ, доставленныхъ ему его старухой матерью. Въ комнатѣ же Сергѣевъ развиваетъ свою страстишку къ токарному станку, нарочно поставленному у него по распоряженію Флоріо. Сверхъ того онъ кропаетъ модель какой-то водокачални, находя ве-

личайшую усладу въ механикѣ, къ которой у него дивныя способности, неразвитыя однако нелѣпымъ кантонистскимъ воспитаніемъ. Только докторъ положительно объявилъ что этотъ молодой человекъ проживетъ еще лѣтъ двадцать и больше, можетъ-быть, * ежели онъ не будетъ заниматься убійственнымъ писарствомъ и перестанетъ вести сидячую жизнь. Теперь вся моя забота о томъ чтобы парень этотъ былъ освобожденъ изъ военнаго вѣдомства, гдѣ ему, по закону, остается служить лѣтъ десять до вождѣннаго чина коллежскаго регистратора. Но это увольненіе ужасно трудно; мѣсто же для Сергѣева у меня хоть сейчасъ есть, именно, по рекомендаціи добраго моего пріятели, биржеваго купца Д. П. Хлѣбникова, на одномъ канатномъ заводѣ, куда его возьмутъ помощникомъ смотрителя за работами и рабочими.

— Вамъ бы, В. П., сказалъ, на этотъ разъ уже позевывая, Байковъ,—похлопотать чтобъ этотъ Италіянецъ Моріо, Флоріо что ли тамъ, снабдилъ Сергѣева энергично-категорическимъ свидѣтельствомъ о томъ что де ему сидячая жизнь по писарству—смерть и что продолжать писарской службы ему невозможно.

— Свидѣтельство это имѣется, отвѣчалъ я,—да у насъ въ военномъ министерствѣ на него смотреть очень равнодушно, говоря что всѣ эти докторскія свидѣтельства ноль предъ закономъ.

— Ну, объяснилъ Байковъ,—постараемся къ этому нолу съ лѣвой стороны поставить единицу. Мнѣ вашъ Сергѣевъ любился, я прослушалъ васъ со вниманіемъ и нашелъ вашему протеже мѣсто,—но утро вечера мудренѣе. Теперь будемъ спать, а завтра я окончательно объ этомъ съ вами перетолкую, вѣду-чи съ вами поутру въ каляскѣ въ городъ, куда меня призываетъ, въ особенности, сегодняшний казусъ въ Колымяжскомъ лѣсу съ этими подлыми бабами. Это оставлено быть не можетъ: насъ не замай!.... Доброй ночи, и онъ погасилъ свѣчу у себя за ширмами.

XXVI.

На слѣдующій день утромъ, напившись чаю, мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ собрались въ городъ и готовились уже сѣсть въ поданную къ крыльцу его коляску, запряженную

* Онъ прожилъ не 20, а 12 лѣтъ и умеръ въ 1851 году не отъ изнеможенія силъ, а отъ простуды, обратившейся въ тифъ.

четверкой его гривастыхъ коньковъ,—а сами въ это время выходили изъ больницы, куда помѣщенъ былъ пригоженькій Задонскій, по причинѣ, какъ нѣсколькихъ ранокъ, произведенныхъ на его лицѣ царпапьемъ разъяренныхъ бабъ, такъ и нервическаго разстройства имъ ощущеннаго и грозившаго чѣмъ-то какъ бы въ родѣ воспаления въ мозгу или даже настоящаго помѣшательства. Матвѣй Андреевичъ былъ нѣсколько мраченъ и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то хохладкую пѣсню, что всегда служило доказательствомъ его озабоченности и безпокойства. Мы шли по деревянному тротуару, храня молчаніе, какъ вдругъ къ намъ подбѣжалъ дежурный сотскій, объявляя что изъ Колымагъ на бѣговыхъ дрожкахъ пріѣхалъ та-мошній управляющій, который упорствуетъ идти съ зажженною сигарой въ зубахъ, хотя сотскій и часовой у воротъ унтеръ-офицеръ настоятельно доказывали ему что это не дозволяется постановленіями заведенія и что всякое тѣбакокурение запрещено здѣсь его свѣтлостью господиномъ министромъ до того строго что даже самъ его превосходительство господинъ вице-президентъ свои сигары и трубки куритъ не иначе какъ въ своихъ комнатахъ, а никогда въ зданіяхъ собственно училищныхъ. На это управляющій сказалъ что „вашъ вице-президентъ вѣрно не куритъ такихъ славныхъ сигаръ, какія я всегда, да и теперь курю, и не оставляю мою сигару ни за что.“

— Ну и что же? спросилъ Байковъ, глядя сотскому въ упоръ своими бѣлесовыми глазами и слегка блѣднѣя.

— Мы, ваше высокородіе, отвѣчалъ сотскій,—заперли ворота и не пустили этого Нѣмца съ его огневой соской на училищный дворъ.

— Ладно! Почему же, продолжалъ спрашивать Байковъ,—ты думаешь что онъ Нѣмецъ, этотъ управляющій.

— Потому, ваше высокородіе, что онъ говоритъ такъ же смѣшно по-русски и такъ же выговариваетъ слова, какъ тотъ министръ генералъ Канкринъ, что иногда ѣздитъ къ намъ сюда изъ Лѣснаго.

Байковъ ухмыльнулся, и мы подошли къ крыльцу, у котораго, головами къ запертой рѣшеткѣ, стояла четверка, запряженная въ легкую каляску, долженствовавшую везти насъ въ городъ. За рѣшеткой стояли бѣговыя дрожки, и на нихъ сидѣлъ довольно еще молодой человекъ, щеголевато одѣтый, въ широкополой соломенной плантаторской шляпѣ, громко воскликнувшій, своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ, увидѣвши директора, садившагося въ каляску:

— Помилуйте, геръ директоръ, фашъ прислугъ не пускайтъ меня къ вамъ, а у меня есть фажное дѣло.

— Моя прислуга, заявилъ громко Байковъ, свирѣло глядя на Нѣмца, не снимавшаго шляпы,—исправно исполняетъ свою обязанность не пускать за рѣшетку дерзкихъ курильщиковъ.

Вслѣдъ за симъ онъ велѣлъ отворить ворота; каляска выдвинулась за чугунную рѣшетку и стала у бѣговыхъ дрожекъ.

— Мнѣ къ фамъ конфидансіонное дѣло есть, говорилъ Нѣмецъ, пуская клубы дыма изъ своей, повидимому, дѣйствительно хорошей сигары, можетъ-быть, изъ графскаго запаса.

— У меня съ вами, сказалъ Байковъ,—никакихъ конфиденціальныхъ быть не можетъ, и безъ всякой конфиденціальности объявляю вамъ что по случаю вчерашней отвратительной исторіи, надѣланной вашими бабами,—я теперь фду въ Петербургъ съ донесеніемъ моему высшему начальству, которое, увѣряю васъ, такъ дѣла этого не оставитъ.

— Та помилуйте, касподинъ директоръ, продолжалъ Нѣмецъ,—фашъ унтеръ-офицеръ такъ лилъ нашъ бабъ, што теперь пять изъ нихъ ошень полны. Крафъ пудеть трелофать утовлетфореніе.

— Удовлетворенія? крикнулъ Байковъ, сдѣлавшійся блѣдно-свинцоваго цвѣта,—самъ допускаешь и возбуждаешь озарничество и разбои, а потѣмъ толкуешь объ удовлетвореніи. Дамъ я тебѣ удовлетвореніе! А прежде всего скажи-тка, другъ любезный,—какъ смѣлъ ты нарушать порядки заведенія, коптя наше небо твоею логаною сигарой? Брось сигару!

— Сикарь мой карошъ, а не локанъ, самъ локанъ, атаманъ удѣльныхъ разбойникъ. Я сикарь не бросаить, и при этомъ, сжимая сигару зубами, Нѣмецъ подбиралъ возжи, чтобъ улепетнуть; но быстрый взглядъ Байкова на сотскаго и сдѣланный имъ жестъ были мгновенно поняты послѣднимъ, и сигара вылетѣла изъ рта колымажскаго управителя и лежала на площадкѣ, а лошадь его, вслѣдствіе вытянутого по ея хребту рукою сотскаго страшнаго удара кнутомъ, уносила бѣговыя дрожки и сидящаго на нихъ Нѣмца во всѣ лопатки по проспекту.

— Ха! ха! ха!, захохоталъ Байковъ,—знай нашихъ! Туда же,—удовлетвореніе, болванъ! *

Путемъ-дорогою до города, Матвѣй Андреевичъ велъ со

* Сколько мнѣ было извѣстно, удовлетвореніе было въ пользу Байкова; Нѣмецъ былъ уволенъ отъ должности управителя и высланъ изъ столицы, а драчуньи бабы были довольно строго наказаны въ становой квартирѣ.

мною разговоръ о Сергѣевѣ, и результатомъ этого нашего разговора было то что мать писаря военного министерства, вдова отставнаго фейерверкера гвардейской артиллеріи, подала прошеніе, съ приложеніемъ свидѣтельства доктора Флоріо, министру двора и удѣловъ о принятіи сына ея на службу удѣльнаго вѣдомства, съ увольненіемъ изъ военного управленія, какъ не могущаго продолжать писарской службы. Вслѣдствіе этого послѣдовало отношеніе, очень настоятельное, князя П. М. Волконскаго къ графу А. И. Чернышеву, распорядившагося увольненіемъ писаря Сергѣева въ штатъ писарей удѣльнаго департамента, откуда онъ былъ откомандированъ вице-президентомъ департамента удѣловъ въ распоряженіе директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Все это сдѣлалось въ теченіи какихъ-нибудь 10—12 дней.

Въ то время когда шло увольненіе Сергѣева изъ военного вѣдомства, мнѣ случилось имѣть разговоръ по поводу этого обстоятельства съ тогдашнимъ генераль-провіантмейстеромъ тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Желѣзновымъ, человекомъ ума весьма обширнаго и добрымъ; но платившимъ дань понятіямъ того времени, на основаніи которыхъ, благодаря Аракчеевской нравственной военщины, привитой имъ всему нашему общественному строю, писарь изъ кантонистовъ былъ созданіе какъ бы среднее между человекомъ и безсловеснымъ животнымъ. Разъ какъ-то, когда за небытностью правителя дѣлъ Ивана Степановича Круглаго, ѣздившаго за городъ по какому-то порученію своего довѣрителя князя Алексѣя Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, я одинъ велъ докладъ общему присутствію, Иванъ Григорьевичъ Желѣзновъ, обратясь къ вице-директору генераль-майору Николаю Александровичу Бутурлину, сказалъ:

— Нашъ В. П. (то-есть я) намъ изрядную подножку поставилъ, способствовалъ, какъ мнѣ извѣстно, переходу отъ насъ лучшаго нашего писаря въ удѣльное вѣдомство. Мало того что Сергѣевъ былъ каллиграфъ на чудо, онъ за поясъ заткнуть могъ многихъ чиновниковъ знаніемъ нашихъ законоположеній и всѣхъ нашихъ административныхъ порядковъ. Его сіятельство графъ Александръ Ивановичъ, конечно, не могъ отказать свѣтлѣйшему князю Петру Михайловичу; а затѣй то же самое кто другой, такъ грибокъ бы съѣлъ у насъ. Да и нельзя: такимъ образомъ, посредствомъ медицинскихъ свидѣтельствъ, всѣхъ лучшихъ нашихъ писарей у насъ ловытаскають.

— Позволю себѣ доложить вашему пр—ву, сказалъ я, — что писарь Сергѣевъ, по роду своей болѣзни, ежели бы изъ госпиталѣ возвратился на нашу службу, то прослужилъ бы у насъ не долго,—много-много что мѣсяцевъ десять, по истеченіи которыхъ ему послѣдовала бы смерть, можетъ-быть, при управленіи своихъ обязанностей въ канцеляріи общаго присутствія.

— Ну что жъ, улыбнулся Иванъ Григорьевичъ своимъ мертво-блѣднымъ и всегда спокойнымъ лицомъ,—онъ умеръ бы подобно древнему Римлянину—на щитѣ. Вы шутите,—десять мѣсяцевъ трудовъ писаря изъ кантонистовъ и писаря дѣльнаго изъ дѣльныхъ. Это, право, не бездѣлица для службы.

Скоро мой Сергѣевъ былъ назначенъ смотрителемъ работъ въ училищѣ и, по особенному ко мнѣ расположенію директора, сталъ получать прекрасное жалованье, при готовой очень порядочной въ двѣ съ половиною комнаты квартирѣ, отапливаемой и освѣщаемой на казенный счетъ. Независимо отъ этого Байковъ Сергѣеву предоставилъ получать: хлѣбъ, крупы, мясо, рыбу, овощи изъ училищной кладовой ежедневно въ опредѣленномъ на семью въ пять душъ количествѣ, хотя Сергѣевъ, не будучи еще женатъ, жилъ самъ - другъ съ матерью. Изъ него вышелъ прекрасный, весьма толковый и разумный смотритель работъ, приобрѣвшій полное расположеніе и довѣренность М. А. Байкова, справедливо считавшаго его своею правою рукой. Конечно, все это Сергѣеву не давалось даромъ, потому что онъ былъ сильно занятъ; но для него труды эти были игрушкой, потому что исполнялись на чистомъ воздухѣ, а не въ душныхъ и освѣщаемыхъ удушливымъ газомъ залахъ. Здоровье Сергѣева значительно поправилось, и онъ даже такъ пополнѣлъ что его узнать нельзя было. Бывая въ городѣ, онъ всегда ко мнѣ являлся хоть на четверть часа, а разъ въ мѣсяцъ непременно ѣздилъ къ доктору Флоріо, къ которому возилъ на поклонъ, покупаемый имъ на фермѣ у Лебедева, сыръ бри и италіанскую рикотту, страстно любимыя Италіянцемъ-докторомъ.

Девятаго августа, въ день Св. Матвѣя апостола, праздновался день ангела или, по просту, именинъ Матвѣя Андреевича Байкова. Съ 1835 года я постоянно этотъ день проводилъ у него. Это былъ какъ бы *сѣтейный праздникъ училища*, имѣвшій совершенно патріархальный типъ. Въ этотъ день воспитанники обыкновенно дѣлали *сюрпризы* своему „отцу-начальнику“, какъ они

называли его въ своихъ привѣтственныхъ сличахъ „якобы ими самими сочиненныхъ“. До 9го августа 1839 года, когда уже я офиціально по службѣ, въ качествѣ помощника директора, принадлежалъ къ училищу, я оставался подъ вліяніемъ того миража, который заставлялъ меня быть здѣсь совершенно слѣплымъ оптимистомъ; но 9го августа 1839 года, прослуживъ уже тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, я очень хорошо вѣдалъ à quoi m'en tenir, относительно всѣхъ этихъ „сюрпризовъ“, изготовляемыхъ подъ наблюденіемъ учителя Максимова и тогдашняго смотрителя Сергѣева, по распоряженіямъ директора, равно какъ этихъ „привѣтствій“, проходившихъ чрезъ цензуру Матвѣя Андреевича, любившаго похвалы, но такъ чтобы онѣ шли рука объ руку съ еиміамомъ высшему начальству, которому представляемы были всѣ эти „сюрпризы“ и сопровождавшіе ихъ „сличы“. Начальство оставалось всегда какъ нельзя болѣе довольное „умѣньемъ“ воспитанниковъ, этихъ *natures simples et primitives*, воздавать должное изъ глубины своихъ признательныхъ сердецъ своимъ начальникамъ. Въ 1837 году сюрпризы эти были особенно милы: они состояли изъ прекрасныхъ разнообразныхъ большихъ корзинъ и вазъ (рисунки которыхъ благовременно проектированы были Максимовымъ по видѣннымъ имъ образцамъ въ петербургскихъ магазинахъ у Тура и Гамбса), сплетенныхъ изъ разныхъ полевыхъ растений послѣдняго урожая, съ хлѣбомъ, солью, масломъ, сырами, молочными сколами, овощами, ягодами и фруктами. Комнаты директора были усыпаны цвѣтами, а на зеркалахъ и картинахъ развѣшаны были гирлянды и вѣнки. Кромѣ того во всѣхъ комнатахъ и въ кабинетѣ въ особенности наставлено было много столовъ, креселъ, стульевъ, диванчиковъ, изготовленныхъ воспитанниками изъ древесныхъ вѣтвей и корней, искусно гнутыхъ посредствомъ выпарки, словомъ, такихъ точно какими, какъ я въ началѣ этой статьи говорилъ, были убраны „сельскія комнаты“ на фермѣ или „Лѣтній дворецъ Л. А. Перовскаго“. Не лишнее замѣтить что все это изготовлялось quasi помимо вѣдома директора, хотя то особое помѣщеніе которое обращено было на заднемъ дворѣ въ особую временную мастерскую, имъ же было назначено, по особенно отданному словесному приказанію смотрителю работъ, и называлось „временною сюрпризною мастерскою“ въ такъ-называемомъ „скотскомъ лазаретѣ“, куда, однако, больной скотъ помѣщаемъ никогда, кромѣ какъ только во время описанной мною эпидеміи, не былъ. Итакъ,

9го августа 1837 года, съ ранняго утра къ директору явились депутаціи, изъ которыхъ депутація воспитанниковъ предназначенныхъ къ выпуску находилась въ пріемной залѣ; тѣхъ которые еще должны были остаться въ заведеніи, за неизготовленіемъ ихъ усадьбъ, была въ кабинетѣ, а тѣхъ которые жили тогда въ образцовыхъ избахъ была въ гостиной. Это подраздѣленіе имѣло нѣкоторое аллегорическое значеніе: оставляющіе заведеніе были ближе къ дверямъ, остающіеся были въ той комнатѣ изъ которой дѣлаются всѣ распоряженія по училищу, а живущіе въ избахъ, какъ люди живущіе своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ (мы знаемъ какъ хорошо было это хозяйство!) — въ гостиной, то-есть комнатѣ общежителства. Двери отъ спальни гжи Байковой, отъ дѣтскихъ и отъ столовой были заперты на время. Послѣ ранней обѣдни, директоръ, возвратившійся изъ церкви заднимъ ходомъ чрезъ садъ, въ столовой пилъ чай съ священникомъ и своимъ помощникомъ, доложившимъ ему что воспитанники явились поздравить его Байковъ отворивъ дверь въ гостиную, принявъ депутацію избяниковъ, обнимая „мальчиковъ“ и выслушивая „ихъ“ привѣтствія. Такъ прошелъ онъ по всѣмъ комнатамъ, съ миною счастья и радости. Въ статьѣ моей, явившейся послѣ одного изъ такихъ семейныхъ торжествъ, сказано было: „Директоръ былъ тронутъ до слезъ выраженіемъ любви и привѣтливости своихъ учениковъ. Предъ обѣдомъ они очень порядочно спѣли кантъ, положенный на музыку учителемъ пѣнія г. Лабецкимъ, изъ придворныхъ пѣвчихъ, и написанный, въ угожденіе имъ, однимъ изъ частыхъ посѣтителей заведенія *. За обѣдомъ воспитанники были угождаемы отъ директора пирогами и сбитнемъ съ разными лакомствами. Это истинно семейный праздникъ.“

Задержанный службою и докладомъ въ общемъ присутствіи провіантскаго департамента, какъ я ни слѣшилъ, пріѣхалъ однако не ранѣе трехъ часовъ, когда въ залѣ дома Матвѣя Андреевича, убранный съ потолка до половицъ цвѣтами и хлѣбами, за столъ въ тридцать кувертовъ собирались сѣсть многочисленные, противъ обыкновенія, гости, въ числѣ которыхъ, кромѣ нѣсколькихъ уже мнѣ извѣстныхъ знакомыхъ Байкова, былъ одинъ громадный и толстый, краснолицый и косоу господинъ, оказавшійся ни болѣе, ни менѣе какъ нашимъ знаменитымъ математикомъ Осгроградскимъ, съ которымъ

* Вирши эти, очень энергично рюемованныя, были написаны однимъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ, по моей просьбѣ.

Байковъ, какъ съ гимназическимъ и университетскимъ своимъ однокашникомъ и другомъ, былъ на ты, и пріязнь ихъ до того была велика что изъ имѣнія г. Остроградскаго, какого-то дрянненькаго хуторка изъ Харьковской губерніи, исходатайствовано было Байковымъ трудное разрѣшеніе министра двора принять двухъ парубковъ въ ученики Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Во время всего обѣда разговоръ поддерживалъ, преимущественно, самъ хозяинъ-имениникъ; гости же и въ томъ числѣ и я, изрядно проголодавшійся, ѣли съ величайшимъ аппетитомъ и съ полнымъ смакомъ превосходныя блюда, изготовленныя чародѣемъ Омою, умѣвшимъ дать всему, чему бы то ни было, даже столь простому плоду, какъ напримѣръ, картофель, вкусъ восхитительный, что заставляло Николая Александровича Бутурлина лакомо облизываться, выражая сожалѣніе о томъ что Омушка не его кухнею заправляетъ. Байковъ повѣствовалъ очень амплификаціонно обо всѣхъ тѣхъ „сюрпризахъ“ какіе и какъ были ему сегодня сдѣланы его „мальчиками“.

— А вотъ, воскликнулъ онъ, — сюрпризъ изъ сюрпризовъ устроилъ мнѣ и училищу вчера его превосходительство Левъ Алексѣевичъ, пожаловавъ къ намъ самъ, да съ кѣмъ, какъ бы вы думали? Онъ привезъ съ собою въ нѣсколькихъ экипажахъ: очаровательнаго пѣвца *Свѣтланы*, безпримѣрнаго русскаго Федра и Лафонтена, милаго энциклопедичнаго автора *Пестрыхъ сказокъ* и того Орфея на віолончели, котораго звуки, кажется, и камни плясать заставляютъ. Вы догадываетесь: Левъ Алексѣевичъ былъ съ Василиемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, воспитателемъ его высочества цесаревича съ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, имя одно котораго замѣняетъ ему съ избыткомъ всѣ почетнѣйшія званія, съ княземъ Владиміромъ Федоровичемъ Одоевскимъ и съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ. Знаменитымъ гостямъ этимъ мы показали наше заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ и сдѣлали имъ разныя любезности. Такъ „мальчики“ прочли Жуковскому изъ его стихотвореній, особенно изъ *Пѣвца во стани русскихъ воиновъ*, князю Одоевскому они прочли нѣсколько его прозаическихъ разказовъ наизусть, а „дѣдушкѣ“ Крылову, который вопреки нашимъ училищнымъ правиламъ, получилъ разрѣшеніе курить свои громадныя сигиры, которыхъ онъ ни на единую секунду не покидаетъ, „мальчики“ прочитали съ десятокъ его басень, разказавъ значеніе и

содержаніе каждой. Онъ до того былъ восхищенъ тою осмысленностью съ какою „молодые мужички“, какъ онъ выразился, читали его басни что въ награду за это, самъ прочелъ, окруженный всѣми нами и двумястами нашими парнями, свою только-что написанную имъ и нигдѣ еще не напечатанную басню: *Кукушка*. * „Только смотрите, замѣтилъ насмѣшливый фабулистъ, у васъ, я слышалъ, бываетъ здѣсь Гречъ; такъ ему не разказывайте этой басни: онъ спасибо не скажетъ за это вамъ, ребятушки“. Дѣло въ томъ что басня эта мѣтитъ на дружбу Греча съ Булгаринымъ, упражняющихся въ постоянномъ восхваленіи одинъ другаго въ *Сѣверной Пчелѣ*. Но всего болѣе восхитило старика то что послѣ того какъ онъ прочелъ эту басню, черезъ полчаса времени трое изъ воспитанниковъ, одаренныхъ особенно счастливою памятью: Егоръ Панкратовъ, Филимонъ Ляпустинъ и Яковъ Булановъ, раздѣливъ басню по частямъ между собою, затѣмъ прочли ее всю и поднесли автору на память списокъ ея, сдѣланный какъ бы подъ его диктантъ. Иванъ Андреевичъ плакалъ отъ радости, расцѣловалъ „мальчиковъ“ и сказалъ: „Ну, друзья, ужъ коли вы хотите всѣхъ насъ, вашихъ гостей, потѣшить, спойте намъ нѣсколько настоящихъ вашихъ забубенныхъ русскихъ лѣсней съ колокольцами и балалайкой“. Желаніе это было мимомъ исполнено и до того воодушевило гостей что молодецъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Вильгорскій, въ своемъ рыжемъ ларикѣ, со шляпой на бекрень, съ сигарою въ зубахъ и съ букетомъ розановъ въ петлицѣ рейтъ-фрака, самъ пошелъ въ плясъ. Ребята такъ расходились что гаркнули: „Нѣтъ такого молодца какъ сіятельный нашъ графъ Михаилъ Юрьевичъ“ и вскидывали и подбрасывали его словно мячикъ, несмотря на то что онъ, какъ знаете, презрядный толстякъ. Гости пролировали у насъ до 10 часовъ вечера, и увѣжая, его превосходительство Левъ Алексѣевичъ сказалъ: „Завтра вы именинникъ, Матвѣй Андреевичъ, поздравляю васъ впередъ и очень радуюсь что сдѣланный мною вамъ подарокъ вамъ и всему учалищу по сердцу пришелся.“ — „Съ чѣмъ же кромѣ дня ангела поздравить еще Матвѣя Андреевича?“ спросилъ В. А. Жуковскій. „Съ чѣмъ же больше, сказалъ любезно Левъ

* Г. Киневичъ, въ своей ученой книгѣ о баснях Крылова, говоритъ объ этой баснѣ что первая ея редакція была сдѣлана въ 1837 году, напечатана же она была въ первый разъ въ 1839 году.

Алексѣевичъ какъ съ тѣмъ что я ему и его любезному училищу подарилъ посвященіе Жуковского, Крылова, Одоевскаго и Вильгорскаго, долженствующее остаться въ памяти цѣлаго поколѣнія теперешняго Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.“ Эготъ подарокъ однако на этомъ не остановился: сегодня, тотчасъ послѣ поздней обѣдни, Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ на квартиру и за завтракомъ удостоилъ откусать имениннаго пирога, привезя мнѣ визитныя карточки всѣхъ вчерашнихъ нашихъ незабвенныхъ гостей.

Послѣ обѣда, какъ кофе, такъ десертъ поданы были въ саду, куда потомъ явились и самовары для чаепитія, во время котораго на дворѣ воспитанники неумолчно распѣвали разные пѣсни. Именинные гости Байкова разѣхались, когда уже стало почти совершенно темно, почему какъ на дворѣ, такъ вдоль аллеи зажжена была средней руки иллюминація, впрочемъ, изрядно освѣщавшая путь гостей до Выборгской дороги.

Когда мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ остались вдвоемъ, онъ, быстро покончивъ распоряженія на слѣдующій день, гулялъ со мною по двору, и тутъ-то сказалъ что онъ бесѣдовалъ обо мнѣ сегодня со Львомъ Алексѣевичемъ, который какъ всегда относится о моей личности наилучшимъ образомъ.

— Но вотъ странность какая, разказывалъ Байковъ,—когда я вчера объяснялъ знаменитымъ гостямъ, между прочимъ, о томъ что вы, дражайшій Владиміръ Петровичъ, читали въ теченіи двухъ лѣтъ воспитанникамъ нашимъ вашу книгу *Деревенскій Староста Миронъ Ивановъ*, изданную подъ псевдонимомъ Бориса Волжина, что принесло воспитанникамъ такъ много пользы, и что вообще вы очень любите заведеніе наше и сильно его славите, — графъ Вильгорскій, услышавъ вашу фамилію, сказалъ:—Неужели это тотъ молоденькій человекъ котораго я встрѣчаю иногда у Петра Никифоровича Беклемишева, гдѣ однако теперь, конечно, не до веселья, потому что Петръ Никифоровичъ, бѣдный, послѣ чембарскаго событія въ такомъ горѣ.* Я подтвердилъ что это именно вы. Затѣмъ Крыловъ сказалъ что лѣтъ 9—10 предъ симъ, когда его другъ Михаилъ Сергѣевичъ Щулепниковъ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ внѣшней торговли и у него по средамъ вечеромъ, когда мы съ хозяиномъ играли въ шахматы, соби-

* За чембарское происшествіе съ царскою каляскою шталмейстеръ П. Н. Беклемишевъ былъ уволенъ отъ должности вице-президента придворной конюшенной конторы.

рались чиновники, въ числѣ ихъ былъ очень молоденькій блондинчикъ съ этою же фамиліей. Я подтвердилъ что это были вы, такъ какъ я слышалъ отъ васъ что, поступивъ въ 1828 году подъ главное начальство къ Бибикову, вы служили въ отдѣленіи Щулеланикова. — Но въ это время Жуковскій взялъ подъ руду Льва Алексѣвича и что-то ему сказалъ смѣясь, а Левъ Алексѣвичъ поинтересовался узнать отъ меня: не бывали ли вы въ чужихъ краяхъ? Я и на это отвѣчалъ утвердительно-отрицательно. Тогда Жуковскій замѣтилъ: — Ну, вѣрно, это какой-нибудь его однофамилецъ. — Когда сегодня въ первомъ часу Левъ Алексѣвичъ у меня завтракалъ, я обратился къ нему съ вопросомъ, почему вчера его превосходительство Василій Андреевичъ интересовался знать о васъ были ли вы за границей и, при этомъ, такъ значительно усмѣхался? — Левъ Алексѣвичъ мнѣ объяснилъ что Жуковскій, какъ творецъ баллады *Шильйонскій узникъ*, будучи однажды въ Шильйонскомъ замкѣ въ Швейцаріи, на одной изъ развалинъ начерталъ свое имя, вырѣзавъ его остриемъ ножа, а теперь къ нему изъ-за границы насмѣшникъ Гоголь пишетъ что онъ самъ былъ въ Шильйонѣ, но своего имени подлѣ имени знаменитаго творца *Шильйонскаго узника* онъ начертать не посмѣлъ, да и къ тому же негдѣ уже писать, потому что подъ самымъ именемъ Жуковского, подписана очень рѣзко безвѣстная фамилія „Бурнашевъ“. Вотъ это-то и показалось смѣшнымъ Жуковскому.

— Вотъ это презабавно, сказали я. — Знаменитый нашъ прозаикъ-юмористъ, Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій доискался, ѣздя по Швейцаріи, въ Шильйонѣ до нашей весьма негромкой фамиліи въ нашемъ отечествѣ, прославляющейсѣ, такимъ образомъ, благодаря фантазіи моего добраго отца, обѣхавшаго въ предпрошломъ году, прямо съ Карлсбадскихъ водъ, гдѣ онъ лѣчился, часть Германіи и почти всю Швейцарію, въ обществѣ знаменитаго музыкальнаго писателя Рейсигера. — Да, да, правда, отецъ мой, бывшій здѣсь въ Петербургѣ на возвратномъ пути въ свою орловскую глушь, самъ мнѣ разказывалъ въ ту пору что онъ, находясь въ Шильйонѣ и увидѣвъ имя Жуковского, вырѣзанное на одной изъ развалинъ, нашелъ очень приличнымъ рядкомъ чуть-чуть пониже вырѣзать и свою фамилію. Признаюсь, когда онъ мнѣ это разказывалъ, я не утерпѣлъ и сказалъ: — Напрасно, какъ мнѣ кажется, вы это дѣлали: помяните мое слово что не сегодня,

завтра найдется какой-нибудь туристъ-зубоскаль, который, желая польстить Василью Андреевичу Жуковскому, гдѣ-нибудь припечатаетъ что де нашелся одинъ русскій человѣкъ, такой-то, вовсе неизвѣстный, который возымѣлъ маленькое желаніе себя обезсмертить, вырѣзавъ свое скромное имя подъ именемъ поэта, находящагося въ апогеѣ славы. — „И глумъ же будетъ этотъ туристъ-зубоскаль или скалозубъ, что ли, ежели онъ не пойметъ что я вырѣзалъ тутъ мое честное русское дворянское имя не себя прославленія ради, а для того что подлѣ имени Жуковского пусть лучше будетъ мое имя, чѣмъ имя какого-нибудь Джаксона Плумпуддинга, или Готтлиба Швейатрюхера, или Шарля Кюрдана что ли тамъ, какихъ многое множество таскается по этимъ горамъ и посѣщаютъ эти развалины.“ Вотъ что мнѣ заявилъ тогда мой отецъ, недовольный моимъ замѣчаніемъ, найденнымъ имъ невѣрнымъ пониманіемъ настоящаго уваженія къ литературнымъ славамъ своей родины.*

— И на мой взглядъ, замѣтилъ Байковъ, — вашъ родитель былъ правъ, глумленіе же Гоголя, какъ мнѣ сдается, сколько я знаю моего знаменитаго Паньку Рудаго, беретъ начало въ желаніи подслужиться Василью Андреевичу Жуковскому, протекція котораго ему необходима для того огромнаго и монументальнаго произведенія какое онъ затѣваетъ, какъ слышалъ я отъ Бакановскаго, подъ названіемъ *Мертвыхъ души*.

— Мертвыя души, удивлялся я, какое странное и оригинальное названіе; но талантъ Гоголя до того силенъ что онъ какъ къ что ни назови, все выйдетъ превосходнымъ изъ его блестящаго, могущественнаго пера, соединяющаго въ себѣ всѣ достоинства кисти первокласснаго живописца — природы.

XXVII.

Время шло своею чередой и до 5го февраля 1838 года не проявило никакого особенно рельефнаго факта, который я могъ бы занести на эти страницы, посвященныя изображенію особенно выпуклыхъ случаевъ, достойныхъ спеціальнаго описанія. Но въ этотъ день въ жизни Удѣльнаго Земледѣльческаго

* Отду моему, умершему въ 1861 году въ Тамбовѣ, не привелось читать въ печати этого письма Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому, напечатаннаго, въ числѣ прочихъ писемъ автора *Мертвыхъ душъ*, въ 1871 году въ ежемѣсячномъ прекрасномъ сборникѣ П. И. Бартечева *Русскій Архивъ*.

Училища совершился, послѣ его учрежденія, важнѣйшій фактъ, а именно, выпускной экзаменъ. Когда-нибудь, по имѣющимся у меня матеріаламъ, я разкажу всѣ фазисы и подробности этого экзамена, результатомъ котораго было первоначальное водвореніе въ усадьбахъ многихъ удѣльныхъ имѣній первыхъ, такъ-сказать, *русскихъ фермеровъ*, начавшихъ свое новое поприще подъ самымъ свѣтлымъ и блестящимъ ореоломъ, превратившемся, къ прискорбію, въ послѣдствіи въ мыльный пузырь, какимъ оказалось и все это радужноцвѣтное учрежденіе, стоявшее, къ сожалѣнію, на шаткой и невѣрной почвѣ.

Вотъ что мною было въ февралѣ мѣсяцѣ 1838 года напечатано объ этомъ экзаменѣ въ газетахъ: „Въ 10 часовъ утра экзаменуемые 150 воспитанниковъ собрались въ рекреационный залъ, подлѣ церкви заведенія. Въ 11мъ часу присутствовалъ г. вице-президентъ департамента удѣловъ, гофмейстеръ и сенаторъ Л. А. Перовскій. Вслѣдъ затѣмъ удостоили экзаменъ своимъ присутствіемъ гости, не многочисленныя, но преимущественно состоявшіе изъ государственныхъ сановниковъ и нѣсколькихъ молодыхъ отчизнолюбцевъ, которые всѣ видятъ въ этомъ заведеніи залогъ отечественно-государственного дѣла, не чуждаго сердцу всякаго добраго Русскаго. Всѣ воспитанники пропѣли чрезвычайно согласно: „Царю Небесный“, и начался экзаменъ. Директоръ вызывалъ по 2, по 3 и по 4 воспитанника, то-есть въ такомъ числѣ какъ они предназначены для водворенія въ образцовыхъ усадьбахъ по удѣльнымъ имѣніямъ. Они подходили къ столу, стоявшему предъ вице-президентомъ, кланялись по-крестьянски въ поясъ, выбирали лежавшіе на столѣ въ кучкѣ билетики съ вопросами изъ Закона Божія, Священной исторіи, правилъ нравственности и ариѣметики, приспособленной къ крестьянскому быту; отвѣчали законоучителю, О. Игнатію Спасскому; ариѣметическія задачи рѣшали, написавъ ихъ на доскѣ, подъ диктовку старшаго здѣшняго учителя Максимова, которому нельзя не отдать справедливости въ отличной ревности, знаніи своего дѣла, добросовѣстности и пламенной любви своего предмета, что весьма важно. По окончаніи собственно научнаго экзамена, директоръ дѣлалъ экзаменуемымъ вопросы изъ сельскаго хозяйства и многихъ заставлялъ начерчивать на доскѣ и рѣшать межевыя задачи, основанныя на геометріи, о названіи даже которой, впрочемъ, эти парни и понятія не имѣютъ. Рѣшеніе этихъ задачъ доказывало ясно

„что употребленіе мензулы слишкомъ хорошо знакомо этимъ земледѣльцамъ, и что никакой землемѣръ никогда ихъ не обманетъ. Задачи изъ сельскаго хозяйства рѣшаемы были легко, отчетисто, скоро, безъ запинки. Воспитанники говорили о почвахъ, о средствахъ удобренія безплодныхъ почвъ, о поле-раздѣленіи, о разведеніи полевыхъ растений, о скотоводствѣ и пр. По окончаніи экзамена, посѣтители разсматривали мѣжевые чертежи, снятые воспитанниками съ натуры, примѣры ихъ четкаго и пріятнаго письма и, такъ здѣсь называемую *нѣмецкую грамоту*“, которая состоитъ изъ диктанта цѣлыхъ предложеній въ кахологическомъ безпорядкѣ. Эту кахологию должно привести въ порядокъ, и воспитанники тутъ же, при посѣтителяхъ, мастерски исполняли это и возстановляли вполнѣ смыслъ и правильность строенія фразъ. Такимъ образомъ, здѣсь эти парни выучиваются практически правиламъ грамматики, не имѣя о ней понятія. — По совершенномъ окончаніи экзамена розданы были самимъ г. вице-президентомъ награды, состоявшія изъ похвальныхъ листовъ, изъ числа которыхъ 20, розданныхъ отличнѣйшимъ, написаны золотомъ; шелковыхъ кушаковъ, алыхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахъ. Распределеніе наградъ произведено со строжайшимъ разборомъ; и при всемъ этомъ изъ 150 воспитанниковъ только 14 человекъ ихъ не получили. На этихъ 150 воспитанникахъ возлежитъ большая надежда, въ важномъ дѣлѣ сельскаго хозяйства не только для удѣльнаго вѣдомства, но даже для крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, тѣмъ болѣе что уже теперь многіе помѣщики, какъ слышно, изъявляютъ желаніе чтобъ ихъ крестьяне учились у этихъ образованныхъ хозяевъ, крестьянскому быту и сельскому училищному хозяйству. По раздачѣ наградъ, воспитанники стройнымъ хоромъ пропѣли народный гимнъ *„Боже Царя храни“* и еще особенный кантъ: *„На эсатву“*, положенный на музыку придворнымъ пѣвчимъ г. Лабецкимъ, здѣшнимъ учителемъ пѣнія. Г. вице-президентъ изъявилъ свою признательность всѣмъ участвовавшимъ въ успѣхахъ воспитанниковъ своими стараніями и ревностью. Онъ, въ особенности благодаренъ былъ, и по справедливости, директору заведенія г. Байкову за превосходный экзамень, за этотъ счастливый результатъ годичнаго труда, годичной дѣятельности. Сладостно было видѣть, когда его превосходитьство Л. А. Перовскій, который занимается этимъ заведеніемъ, какъ однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ предме-

„товъ своей жизни, обнялъ и цѣловалъ дружески директора, „благодаря его за успѣхи воспитанниковъ: казалось, отецъ „благодарилъ воспитателя за доброе воспитаніе родныхъ сыновъ своихъ.“

Ежели кто хочетъ имѣть самое полное понятіе о всѣхъ подробностяхъ учебной и чисто технико-земледѣльческой части этого заведенія, тотъ всѣ эти подробности найдетъ въ моей книгѣ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища*. С.-П.-Б. въ б. 8ю д. л. XIII—228 стр. Книга эта, процензурованная А. И. Фрейгангомъ 27 сентября 1838 года, напечатана была въ количествѣ 3.600 экземп. въ типографіи С.-П.—скаго губернскаго правленія. Она составлена мною, при содѣйствіи М. А. Байкова, изъ множества моихъ статей, помѣщенныхъ до того времени въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ 1834 по 1838 годъ включительно, съ нѣкоторыми пополненіями. Продажная цѣна ея въ книжной торговлѣ была 5 руб. ассиг.—Три тысячи экземпляровъ были приобрѣтены отъ меня до выпуска книги въ продажу департаментомъ удѣловъ за 10.000 р. ассиг. и разосланы были по всѣмъ конторамъ и по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ въ подарокъ отъ департамента. Изъ остальныхъ 600 экз., за исключеніемъ 100 экз. розданныхъ даромъ, 500 проданы мною не дешевле 4 и 3 р. 50 к. книгопродавцамъ. Нынѣ книга эта составляетъ рѣдкость въ книжной торговлѣ, и я самъ въ концѣ прошлаго года за экземпляръ ея заплатилъ 3 р. сер. За экземпляры поднесенные чрезъ министра двора государю императору и государынѣ императрицѣ, я удостоился получить по драгоцѣнному перстню. Оба эти перстня приняты были отъ меня кабинетомъ за 1.500 р. асс.

Этимъ оканчивается мое повѣствованіе до 1839 года, то-есть до поступленія моего на службу удѣльнаго вѣдомства съ апрѣля 1839 года, когда получивъ, къ Свѣтлому празднику, въ военномъ министерствѣ, за отличіе по службѣ, чинъ коллежскаго ассесора, — я, чрезъ сношеніе министра двора и удѣловъ съ военнымъ министромъ — перешелъ въ вѣдѣніе департамента удѣловъ. Эпизодами изъ моей училищной службы заключится вся эта обширная статья.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

(До слѣд. №.)

Я видалъ иногда, ранней лѣтней порою,
Распускаясь въ лѣсу когда все зеленѣеть,
Одна вѣтка лишь только, средь зелени той,
Ужъ завядшимъ листомъ шелеститъ и желтѣеть.

Ее можетъ морозъ невзначай захватить,
Не ко времени видно она распустилась,
Или солнце прижгло, или вихрь надломилъ,
Но должно-быть она навсегда опустилась.

И напрасно ее будетъ дождь освѣжать,
И лучами веселыми солнце пригрѣть,
Ея листья все будутъ уныло дрожать,
Опадая, пока все кругомъ зеленѣеть.

Ц—ВЪ.

1871.

стоятельности и универсальности, не может однако разрѣшить своей главной задачи — образованія общаго, доступнаго для ума человѣческаго міровоззрѣнія, безъ содѣйствія спеціальныхъ наукъ, не опираясь на результаты ихъ изслѣдованій, на надлежащее знакомство съ ихъ богатымъ научнымъ матеріаломъ. Антагонизмъ существовавшій, по мнѣнію многихъ мыслителей, между философіей и спеціальными науками, между разумомъ и опытомъ, устраняется все болѣе и болѣе на основаніи гармоническаго развитія философіи и спеціальныхъ наукъ, а вмѣсто этого антагонизма утверждается, по крайней мѣрѣ во всѣхъ серіозныхъ философахъ, то убѣжденіе что всѣ науки стремятся къ одной общей цѣли и составляютъ одно гармоническое цѣлое; что философія не можетъ разсуждать о мірѣ, его началахъ, развитіи и назначеніи, не пользуясь на каждомъ шагѣ матеріалами спеціальныхъ наукъ.

Остается лишь пожелать чтобы спеціальныя науки и со своей стороны убѣдились въ необходимости для нихъ самихъ философіи, убѣдились въ томъ что онѣ не могутъ достигнуть полнаго, критическаго и основательнаго познанія своихъ предметовъ безъ философіи, безъ ея стремленія къ критическому уразумѣнію основныхъ началъ міровоззрѣнія. Въ виду новѣйшаго развитія философіи, особенно въ Германіи, основаннаго на критикѣ Гегелевыхъ воззрѣній, борьба спеціальныхъ наукъ съ философіей должна считаться лишь анахронизмомъ, истекающимъ изъ однихъ недоразумѣній. Многіе спеціалисты ратуютъ противъ философіи, имѣя въ виду собственно не самую философію, но только одно ложное философское воззрѣніе, каковъ напримѣръ абсолютный идеализмъ Гегеля. Но сей послѣдній вовсе не исчерпываетъ понятія, содержанія и стремленій самой философіи, и притомъ уже давно не можетъ быть признаваемъ господствующею философіей.

А потому настало время покинуть разъ навсегда подобныя недоразумѣнія и сознаться въ томъ что только единство всѣхъ наукъ, особенно же философіи и спеціальныхъ наукъ, ихъ взаимное пополненіе и вспомоцествованіе составляютъ необходимое условіе истиннаго прогресса человѣческаго познанія; — условіе образованія такого міровоззрѣнія которое было бы въ состояніи осчастливить человечество и служить свѣтиломъ на столь трудномъ и часто мрачномъ пути къ достиженію возможнаго для насъ совершенства.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ*

(1834—1850).

1872, сентябрь

XXIV.

Вся тогдашняя журналистика отнеслась къ книгѣ моей *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища* какъ нельзя ласковѣе и любезнѣе, конечно не потому чтобы книга эта была безукоризненно хороша, а больше, кажется, потому что всѣмъ извѣстно было, что книга эта удостоилась вниманія Высочайшаго двора и что свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій ею интересовался не на шутку и имѣлъ у себя въ кабинетѣ на видномъ мѣстѣ тотъ экземпляръ въ богатомъ бархатномъ переплетѣ съ золотыми тисненіями какой былъ мною представленъ господину министру, вмѣстѣ съ подобными же экземплярами для поднесенія государю императору и государынѣ императрицѣ. Одна только Библиотека для Чтенія хранила осторожное молчаніе, не взирая на тѣ пріятныя отношенія въ какихъ Сенковскій находился къ Байкову, котораго посѣщалъ и у котораго съ полнымъ знаніемъ любителя-гастронома услаждался превосходными тонкими обѣдами. Онъ удовольствовался пока лишь нѣсколькими строчками въ об-

Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10.

Публ.
Библиотека
Ленинград

цемъ библиографическомъ перечнѣ, гдѣ было слегка сказано объ этой книгѣ такъ: „Заглавіе этой книги достаточно знакомить съ ея содержаніемъ, а имя автора свидѣтельствуешь о томъ въ какомъ тонѣ она изложена. Впрочемъ, мы еще надѣемся поговорить объ этой книгѣ, не брошенной нами подъ столъ.“ Этого рода макиавелистическое заявленіе Брамбеуса предоставляло широкое поле его эластичной критикѣ высказаться о моей книгѣ такъ или иначе. Это обстоятельство поистинѣ не слишкомъ-то тревожило меня, вполнѣ убѣжденнаго въ томъ что Сенковскій, большею частію ругавшій, по-своему, все то что издаваемо было подъ моимъ псевдонимомъ „Бурьянова“, а отчасти и „Бориса Волжина“, отнесется не слишкомъ-то любезно и объ этой книгѣ, на которой выставлено было вполнѣ мое настоящее имя, хотя и то правда что за нѣсколько времени предъ тѣмъ онъ ласково отнесся о моихъ *Бесподаяхъ о сельскомъ хозяйствѣ*, вслѣдъ за тѣмъ отпоромъ какой, по поводу недѣлой на эту книгу рецензій Булгарина, былъ, по моему настоянію, напечатанъ Гречемъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Впрочемъ, какъ водилось у почтеннаго редактора *Библиотеки для Чтенія* въ то время, въ библиографической его статьѣ вмѣстѣ съ похвалою довольно ярко между строкъ проглядывала сатирическая гримаса и нѣсколько сдерживаемое желаніе трүннуть, причемъ рецензентъ менѣе говорилъ объ авторѣ книги, поистинѣ созданной по запискамъ директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, чѣмъ о „почтеннѣйшемъ“ М. А. Байковѣ, лакомые обѣды и лакомыя обѣщанія котораго, въ эти минуты, повидимому, имъ приводились съ любовью на память и руководили его остроумнымъ, но далеко не безпристрастнымъ перомъ. Какъ бы то ни было, но все-таки въ тѣ давно былыя времена, за 33 года предъ симъ, мнѣніе Осипа Ивановича Сенковского считалось весьма вѣскимъ, и безъ его поддержки не могло имѣть прочнаго успѣха ни одно изданіе. Это молчаніе Сенковского коробило Байкова, который разъ какъ-то у себя разговорился съ нимъ о томъ какъ бы пріятно было его свѣтлости князю Петру Михайловичу видѣть дѣльную статью объ этой интересующей его книгѣ на страницахъ уважаемой господиномъ министромъ двора *Библиотеки для Чтенія*, единственнаго русскаго журнала читаемаго его свѣтлостью. Само собою разумѣется что говоря все это Осипу Ивановичу, „почтеннѣйшій“ Матвѣй Андреевичъ не хуже самого барона Брамбеуса пускалъ во весь карьеръ

свое воображеніе, взводилъ напраслину на своего высшаго начальника, сколько извѣстно, русскихъ книгъ и журналовъ почти не читавшаго, и употреблялъ всю эту игру своей живой фантазіи чтобы лучше подойти къ чувствамъ „достойнѣйшаго“ Осипа Ивановича, который всегда плѣнялся вниманіемъ къ себѣ сильныхъ міра сего и готовъ былъ употреблять свое обоюдоострое перо съ величайшимъ „патріотическимъ“ усердіемъ на все этимъ милостивцамъ угодное. Байковъ разчиталъ довольно вѣрно и, замѣтивъ эффектъ своихъ словъ, тотчасъ коснулся стороны болѣе вещественной, заговоривъ о томъ что какъ только князь-министръ прочтетъ объ этой моей книгѣ статью въ *Библіотекѣ для Чтенія*, то подготовленный уже проектъ составленія *Энциклопедіи русскаго простолюдина*, которою такъ интересовался Сенковскій, восприметъ начало и осуществится ассигнованіемъ тѣхъ 100.000 р. какіе по разчету послѣдняго необходимы на это благотворно-превосходное предпріятіе, немислимое де безъ инициативы Осипа Ивановича. Что еще по предмету рецензій о моей книгѣ потолковали тогда между собою эти почтенные мужи не вѣдаю; но знаю что вслѣдъ за симъ Байковъ на другой день утромъ сидѣлъ въ моемъ скромномъ кабинетикѣ (въ Большой Морской, въ домѣ Барбе, куда въ 1838 году я переселился изъ далекой Фурштатской) и вель со мною слѣдующую бесѣду.

— Вчера, говорилъ Байковъ,—у меня обѣдалъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій. Мы между прочимъ говорили, Владиміръ Петровичъ, о васъ. Онъ очень уважительно отзывался о вашей многообразной дѣятельности.

— Значить, засмѣялся я,—у него два противоположныхъ обо мнѣ мнѣнія, одно лестное и любезное для меня, послѣ вашего очаровательнаго обѣда съ дорогимъ лафитомъ и іоганисбергомъ, а другое ласквильное, въ ночной тиши его кабинета, гдѣ, какъ онъ печатно выражается, онъ курить ѣдкое зѣлье строгой критики.

— Ну, да мало ли что бываетъ у журналистовъ ради краснаго слова! Не всяко лыко въ строку! хихикалъ Байковъ.—А вотъ вчера я какъ заговорилъ съ нимъ объ *Энциклопедіи русскаго простолюдина*, то онъ и....

— Растаялъ, договорилъ я,—и принялся хвалить меня, зная ваши ко мнѣ хорошія отношенія, причемъ показываемый вами ему постоянно „клокъ сѣна“ имѣлъ свое весьма не малое значеніе.

— Какой „клокъ сѣна“? спрашивалъ Байковъ.—Я что-то не понимаю васъ на этотъ разъ, безцѣнный Владиміръ Петровичъ, право не понимаю.

— Да развѣ вы не знаете той замѣчательной въ своемъ родѣ басни, запрещенной къ перепечатыванію, которая была въ началѣ 1825 года помѣщена въ *Сѣверной Пчелѣ*? пояснялъ я.— Содержаніе басни этой то что у пахаря работаютъ въ плугѣ волы превосходно. Сосѣдъ спрашиваетъ его: какимъ образомъ онъ, кормя воловъ своихъ хуже всѣхъ другихъ крестьянъ, достигаетъ такихъ изумительныхъ результатовъ? Пахарь указываетъ ему на своего малолѣтняго сынишку, который постоянно впереди воловъ ходитъ съ клокомъ сѣна, къ которому волы усиленно стремятся и чрезъ то тянуть плугъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. „А къ сѣну сунутся, говоритъ хозяинъ воловъ, такъ палкой по рогамъ!“ Понявъ легко тайну этой задачи, сосѣдъ замѣчаетъ:

Хозяинъ добрый ты, Абрамъ,

Да каково воламъ?

— Ха, ха, ха! захохоталъ Байковъ.—Такъ по-вашему выходитъ что *Энциклопедія русскаго простолюдина*, составленіе и изданіе которой, по мнѣнію Сенковского, должно обойтись не меньше какъ во 100.000 руб., и быть предоставлено, изволите видѣть, въ его безотчетное распоряженіе, — это „клокъ сѣна пахаря Абрама!“ А что вы думаете, Владиміръ Петровичъ, вѣдь вы попали-таки довольно мѣтко и вѣрно. О, вы мастеръ подмѣчать! Съ вами держи ухо остро! Скажу же вамъ откровенно, со свойственнымъ мнѣ моимъ казацкимъ „простосердіемъ“, что Сенковский къ этому клоку сѣна нынче напираетъ ужъ черезчуръ сильно, почему неминуемо надо отжарить его по рогамъ, потому что нельзя же, согласитесь, пожертвовать сѣномъ ради чортъ знаетъ какой тамъ его фантазіи. Но, изволите видѣть, нельзя однако и шарахнуть-то по рогамъ прежде того какъ волъ проведетъ ту борозду какою мы въ особенности теперь-то и интересуемся, а борозда эта, понятное дѣло, не что иное какъ самая пышная, какая только быть можетъ, на десяти или двѣнадцати страницахъ, статья объ *Описаніи Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища* въ *Библіотекѣ для Чтенія*. Статья эта возобновить на всю Русь собою тотъ эффектъ какой въ 1834 году, за четыре съ половиною года, произвела ваша тогдашняя статья въ

Съверной Пчелѣ. Разъ статья эта напечатана, намъ Сенковскій не нуженъ, клокъ съна можетъ быть швырнуть въ сторону, а вздумаетъ ужь больно тянуться за нимъ, такъ можно тогда „безопасно“ и по рогамъ. Говорю „безопасно“, потому что однажды Сенковскій сильно расхвалитъ наше дѣло на своихъ страницахъ, онъ самъ заклепаетъ себѣ языкъ и перо говорить противъ насъ; а что вѣроятно не будетъ уже больше насъ хвалить, то Христосъ съ нимъ: наша слава сдѣлана окончательно и прочно. До сихъ поръ онъ одинъ намъ сколько-нибудь опасенъ еще въ публицистикѣ, потому что онъ одинъ макиавелистически помалчиваетъ о насъ, отдѣлываясь общими мѣстами со своею сатанинскою улыбочкой. Итакъ, его большая статья необходима намъ, *sine qua non*, въ теперешній моментъ; но то-то и дѣло, дорогой Владиміръ Петровичъ, что напечатаніе ея отъ васъ зависитъ.

— Какимъ же это образомъ, Матвѣй Андреевичъ? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А очень простымъ, отвѣчалъ Байковъ, очень простымъ. — Дѣло въ томъ что вы никогда не дѣлали ни одного визита Сенковскому, а горделивый и тщеславный этотъ Сарматъ именно желаетъ чтобъ вы сами явились замолвить о статьѣ по поводу вашей книги. Статью свою, уже имъ приготовленную, онъ мнѣ показывалъ. Она вся написана его собственною рукой. Статья вышла первый сортъ! Настрочена мастерски, и что всего важнѣе, чрезвычайно чистосердечно, со множествомъ цитатъ изъ книги, давая притомъ самую вѣрную и сжатую картину нашего училища. Онъ наживописалъ его живьемъ. Просто прелесть! Нигдѣ рѣшительно нѣтъ Брамбеусовской усмѣшки. Дѣльно, разумно, толково и въ высшей степени заманчиво. Статья выйдетъ почти въ листъ печатный. У насъ ее переведутъ на три иностранные языка и пошлютъ въ три лучшія изданія: къ Нѣмцамъ, Французамъ и Англичанамъ, да даже къ Шведамъ и къ Полякамъ пошлемъ. Это ужь наше дѣло, точно такъ какъ по нашей же части тотъ молочный телецъ и та пара индюшекъ, откормленныхъ грецкими орѣхами, какіе посланы будутъ автору статьи отъ училища, а золотая табатерка съ фасадомъ нашего заведенія на эмали—отъ министра. Но все-таки надо, необходимо надо чтобы вы сами отвезли экземпляръ Сенковскому. Я на всякій случай вамъ и экземпляръ въ зеленомъ сафьянѣ съ золотомъ привезъ. Бога ради, пожалуйста, побы-

вайте сами у Осипа Ивановича. Вы увидите какъ онъ любезно васъ приметъ.

— Вы знаете, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,—что я готовъ сдѣлать все что только могу для васъ и для вашего училища и дѣлаю, по возможности. Но, право, не понимаю что за интересъ Сенковскому видѣть меня у себя въ качествѣ автора-просителя, какихъ у него дюжины ежедневно бываютъ и отъ которыхъ онъ всячески отдѣлывается, какъ неоднократно при мнѣ рассказывалъ у Н. И. Греча, гдѣ я его бывало встрѣчалъ, и у васъ, гдѣ я съ нимъ раза два даже обѣдалъ. Не могу отдать себѣ никакаго отчета какая ему отъ моего личнаго визита можетъ быть утѣха.

— А та утѣха, настаивалъ Байковъ,—что вы никогда у него не бывали. Онъ понимаетъ что вы дѣлаете это изъ самостоятельности и даже гордости....

— Ни мало не изъ гордости, замѣтилъ я, перебивъ Байкова,—а изъ простаго чувства самоуваженія, особенно послѣ того мнѣнія какое онъ неоднократно выражалъ при мнѣ о тѣхъ которые думаютъ что, являясь лично къ нему, доставляютъ ему тѣмъ удовольствіе, не понимая того что отнимаютъ этими своими посѣщеніями только у него дорогое время и надоедаютъ ему своими толками, которыхъ онъ никогда и слышать не хотѣлъ бы.

— Экіе вы, право, какіе, уговаривалъ Байковъ,—не хотите понять что онъ для однихъ одно, для другихъ другое, и что васъ собственно,—я въ томъ порука,—приметъ онъ превосходно. Ежели бы вы нашли въ его приѣмѣ что-нибудь вамъ не совсѣмъ по шерсти, то въ правѣ будете сказать мнѣ что я безсовѣстный обманщикъ и не достоинъ затѣмъ больше вашего знакомства. Вонъ какой кушъ я, батинька, ставлю въ этой игрѣ! Шутка ли? Иду на рискъ потерять ваше расположеніе къ себѣ, расположеніе лятилѣтняго пріятеля, лучше какого я въ теченіи всей моей сорокалѣтней жизни не встрѣчалъ. Скажите мнѣ только, въ которомъ часу вы завтра у него будете? Онъ раньше часа пополудни не просыпается, потому что всю ночь спитъ; такъ часа въ два самая лучшая пора.

— Хорошо, сказалъ я,—завтра въ два часа пополудни принесу себя въ эту жертву, ради нашей пріязни.

И мы разстались, какъ всегда, обнимаясь и лобызаясь.

На другой день въ два часа пополудни я былъ въ домѣ барона Дала, тестя Сенковского, въ Почтамтской улицѣ, сказавъ

на площадкѣ лѣстницы, густо устланной дѣйствительно изящными коврами, слугѣ въ черномъ фракѣ, бѣломъ жилетѣ и бѣломъ галстукѣ, свою скромную фамилію. Едва я произнесъ ее, какъ слуга съ словомъ: „Пожалуйте“, повелъ меня чрезъ двѣ залы, полы которыхъ были покрыты пушистыми коврами, а стѣны огромными картинами въ позолоченныхъ рамахъ, между которыхъ въ промежуткахъ бѣлѣлись мраморныя статуи на пьедесталахъ. Всѣ двери были настежь, но одна, послѣдняя, была завѣшана тяжелою портьерой. За этою портьерой былъ парадно-пріемный, но не рабочій кабинетъ Сенковского. Тутъ слуга остановился и тихонько хлопнулъ въ ладоши. Черезъ минуту изъ-за портьеры послышался такой же звукъ, и вслѣдъ за симъ слуга отдернулъ портьеру, поддерживая ее съ одной стороны и пропуская меня чрезъ отверстіе въ аршинъ шириною. Я увидѣлъ тогда себя въ комнатѣ устроенной по образцу восточнаго кіоска, описывать которую не могу, осмотрѣвъ ее тогда только вскользь; да здѣсь и не мѣсто этимъ Бальзаковскимъ подробностямъ, которыя будутъ лишніе въ той моей статьѣ какую я przygotowляю для печати подъ общимъ названіемъ: *Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ*. На передней стѣнѣ противъ входной двери была въ золотой рамѣ огромная картина, изображавшая турецкую комнату, и въ этой комнатѣ портретъ (сильнѣйше польщенный живописцемъ) Осипа Ивановича Сенковского, въ чалмѣ и полномъ восточномъ одѣяніи, лежащаго на массѣ бархатныхъ подушекъ и курящаго изъ кальяна. Подъ самою картиной устроенъ былъ низкій диванъ изъ безчисленнаго множества сафьянныхъ зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ подушекъ, и на этихъ подушкахъ полусидѣлъ, полулежалъ самъ Осипъ Ивановичъ Сенковский, желто-кофейный, рябой, съ приплюснутымъ носомъ, съ широкими губами, искривленными въ какую-то кислую улыбку, которой словно вторила пара небольшихъ заспанныхъ бѣло-голубоватыхъ глазъ съ желчными, какъ бы шафраномъ выкрашенными, бѣлками. Голова великаго Брамбеуса покрыта была темно-красною суконною феской съ синею кистью, а вся особа его облечена была въ какую-то албанскую темно-синюю куртку поверхъ розовой канаусовой рубашки, въ широчайшіе кирпичнаго цвѣта шальвары, изъ-подъ которыхъ виднѣлись носки ярко-желтыхъ сафьянныхъ бабужей. Да, еще забылъ я сказать, въ дополненіе этого пестро-арлекинскаго

туалета, что шальвары опоясаны были свѣтло-зеленою кашмирскою шалью съ пестрымъ до нельзя бордюромъ. Лѣвая рука барона Брамбеуса придерживала тонкій, гибкій стволъ чубука, ятарный мундштукъ котораго былъ у искривленнаго рта, и изъ рта этого чрезъ черные зубы исходила струйка ароматнаго дыма, наполнявшаго комнату своимъ дѣйствительно нѣжно-успоительнымъ запахомъ. На коврѣ стоялъ матовый хрустальный кальянъ, съ золочеными арабесками. Впереди помѣщался небольшой столъ, покрытый вышитою суконною салфеткой, на которомъ небрежно брошено было нѣсколько газетъ, преимущественно англійскихъ и французскихъ. Сбоку было довольно низкое кресло съ зелеными сафьянными подушками. Когда я вошелъ, то Осипъ Ивановичъ, улыбаясь, но молча, по-восточному, правою рукою указалъ мнѣ на это кресло и поздоровался со мною англійскимъ рукопожатіемъ. Я подаль ему экземпляръ моей книги съ обычною надписью „отъ автора“ и пробормоталъ при этомъ какое-то стереотипное привѣтствіе.

— Книга ваша, господинъ Б—въ, сказалъ онъ,—такъ занимательна что я, какъ исключеніе дѣлаемое мною для немногихъ русскихъ книгъ, уже прочелъ ее отъ доски до доски, и очень благодаренъ вамъ что вы вашимъ личнымъ теперешнимъ посвященіемъ даете мнѣ пріятную возможность, прежде чѣмъ стану говорить о замѣчательномъ трудѣ вашемъ съ публичкой, выразить личную мою вамъ признательность за то рѣдкое удовольствіе какое я имѣлъ читая ваше образцовое описаніе этого образцоваго же учрежденія. Къ сожалѣнію, въ Россіи не умѣютъ ничего создавать самостоятельно, и потому я моею статьею о вашей книгѣ заставляю „ихъ всѣхъ тамъ“ (?) понять всю важность этого дѣла, тѣсно связаннаго съ благоустройствомъ „здѣшней“ страны, которой пора устроиться на началахъ обще-европейскихъ.

Не передавая здѣсь всего разговора какой въ теченіи дѣлаго часа велся между мною и Сенковскимъ, надѣясь привести его въ другомъ мѣстѣ, скажу только что „конецъ концовъ“, какъ обыкновенно Брамбеусъ выражался, этого разговора былъ тотъ что мы очень любезно разстались, причемъ онъ увѣрялъ меня что въ слѣдующей книгѣ *Библиотеки для Чтенія* явится отдѣльная статья подъ названіемъ *Удѣльное Земледѣльческое Училище*, не въ библиографическомъ отдѣлѣ, а въ рубрикѣ сельскаго хозяйства, гдѣ у

него постоянно пишутъ господинъ Шелеховъ и баронъ Унгернъ-Штернбургъ; но что на этотъ разъ онъ самъ, взявъ меня въ проводники, займетъ тутъ ихъ мѣсто и прочтетъ, благодаря мнѣ, русскому люду образцовую лекцію сельскаго хозяйства вполне примѣнимаго къ Россіи, гдѣ, по мнѣнію его, къ сожалѣнію, имѣютъ очень слабое понятіе о настоящемъ и разумномъ примѣненіи началъ раціональной агрономіи.

— Въ Россіи все вѣдь такъ, прибавилъ онъ,—вездѣ люди не на своихъ мѣстахъ и всѣ они сидятъ только для жалованья. Хоть бы здѣшняя *Земледѣльческая Газета*, которую поручили почтенному старику Энгельгардту. Онъ, Егоръ Антоновичъ, конечно, очень образованный человѣкъ, спору нѣтъ, и въ настоящемъ 1839 году сдѣвается такъ какъ одѣвались въ 1809, почему и далъ поводъ Сперанскому сказать что онъ тридцать лѣтъ не переодѣвался. Но онъ, просто, понятія не имѣетъ о сельскомъ хозяйствѣ, даже о томъ какое ведется каждымъ мужикомъ въ Россіи. Онъ не умѣетъ отличить всходовъ ярицы отъ всходовъ овса. Умора!... Мнѣ про это говорилъ Матвѣй Андреевичъ, у котораго въ училищѣ этотъ старикъ въ шелковыхъ чулкахъ, короткихъ штанахъ, башмакахъ съ семилоровыми пряжками и въ допотопномъ синемъ своемъ фракѣ съ луговицами въ пятачокъ, былъ по рекомендаціи и убѣжденію Канкринъ. Вотъ кстати Канкринъ. Это единственный дѣловый и вполне умный человѣкъ въ русской администраціи, да и тотъ, къ сожалѣнію, изъ Германіи, да и тотъ дѣлаетъ Энгельгардта директоромъ *Земледѣльческой Газеты*, цѣль которой, казалося бы, не на шутку озарить всю Россію. Мы напередъ хохотали объ этомъ съ Матвѣемъ Андреевичемъ. Вотъ Матвѣй-то Андреевичъ могъ бы быть безукоризненно дѣльнымъ министромъ государственныхъ имуществъ! Чинъ малъ, не генералъ - адъютантъ! Презабавно! Будете „видать“ Матвѣя Андреевича, прошу ему мой привѣтъ передать, искренній, „горяче-кровный“ привѣтъ. Надѣюсь, и твердо надѣюсь что статья о вашей книгѣ будетъ фундаментальнымъ камнемъ важнаго предпріятія составленія *Энциклопедіи русскаго простолюдина*. Я въ этомъ энциклопедическомъ сборникѣ докажу, посредствомъ механизма простой оси телѣжной, нашему мужику, какъ дважды два четыре, все то что составляетъ столько затрудненій въ школахъ, когда надо уразумѣть механику вселенной. Это будетъ дѣло обширное, получ-

ше всякаго *Энциклопедическаго Лексикона*. * Мы непременно васъ, господинъ Б—въ, прицѣпимъ въ это предпріятіе, потому что безъ васъ, какъ хотите, нельзя.

Явилась, наконецъ, столь вождельнно ожидаемая книга *Библиотеки для Чтенія* со статьей пера самого Осипа Ивановича. Статья была большая и представляла собою мастерское воспроизведеніе и сокращеніе всей моей объемистой книги, съ разсужденіями автора необыкновенно дѣльными и основательными, безъ малѣйшей и тѣни даже обычной его шутливости, съ которою онъ не разставался большею частью въ самыхъ серьезныхъ предметахъ. А между тѣмъ статья читалась съ величайшею легкостью и, конечно, легче чѣмъ читалась самая книга, далеко не такъ гладко и не такъ увлекательно изложенная. Не говоря уже о Байковѣ и всемъ удѣльному начальствѣ, публика, вся публика прочла статью журнала и чрезъ это чтеніе приобрѣла множество любопытныхъ свѣдѣній о Земледѣльческомъ Училищѣ, процвѣтавшемъ за двѣ версты отъ городской черты сѣверной столицы, въ мѣстности совершенно, казалось, не способной для какого бы то ни было воздѣлыванія земли подъ сколько-нибудь сносное хозяйство. Байковъ, разказывая мнѣ что статья полна цитатъ, ошибался или видѣлъ вчернѣ совершенно не ту статью какая явилась въ печати: ссылки въ статьѣ на автора, правда, были частыя, а прямыхъ цитатъ вовсе почти не было: рецензентъ вездѣ говорилъ обо всемъ самъ и своимъ живымъ и образнымъ языкомъ. Вообще, по мнѣнію читателей, разумѣется читателей хотя мало-мальски знатоковъ, статья эта была однимъ изъ мастерскихъ произведеній талантливаго редактора. Левъ Алексѣевичъ Перовскій распорядился переводомъ ея на многіе иностранные языки, и она явилась въ хозяйственной прессѣ Германіи, Франціи, Англіи, Швеціи и Царства Польскаго.

Въ домахъ моихъ знакомыхъ о книгѣ моей знали преимущественно потому что читали въ газетахъ о томъ что авторъ удостоился получить за нее Высочайшіе подарки; но едва ли экземпляры мною этимъ знакомымъ подаренные были ими прочитаны, между тѣмъ какъ всѣ они ознакомились съ моею книгой благодаря статьѣ *Библиотеки для Чтенія*, составлявшей

* Въ эту пору онъ успѣшно и быстро велъ *Энциклопедическій Лексиконъ* Плюшара къ конечному паденію, замѣтивъ изсякновеніе матеріальныхъ средствъ издателя.

въ 1839 году принадлежность каждаго мало-мальски грамотнаго русскаго дома. — Я уже гдѣ-то, кажется въ „Четвергахъ у Н. И. Греча“, упоминалъ о томъ что я въ тѣ времена былъ коротко, съ малолѣтства, знакомъ въ домѣ генералъ-лейтенанта А. И. Хатова (умеръ въ 1842 году, въ чинѣ генерала отъ-инфантеріи, совершенно слѣпымъ), председателя, такъ-называвшагося тогда, военно-ученаго комитета. Въ числѣ лицъ особенно близкихъ къ семейству Хатовыхъ былъ, извѣстный своимъ громаднымъ богатствомъ, владѣлецъ знаменитыхъ рудниковъ и металлическихъ заводовъ, не уступавшихъ Демидовскимъ, — Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, отставной гвардіи корнетъ, тогда уже лѣтъ за шестьдесятъ, но бодрый, убѣленный сѣдинами старецъ, одѣвавшійся по старинной модѣ, въ штанахъ подъ сапоги и въ сапогахъ гусарскихъ съ кисточками. Онъ всегда носилъ пребольшой орденъ Св. Владиміра 3й степени на шеѣ, пожалованный ему императоромъ Александромъ I за то что онъ, движимый чувствомъ патріотизма, на собственномъ своемъ иждивеніи, желѣзомъ своихъ заводовъ покрылъ всѣ казенныя каменные строенія, при перестройкѣ ихъ послѣ разгрома 1812 года. Этотъ сановитый и почтенный гость генерала Хатова былъ вовсе не разговорчивъ и всегда больше слушалъ чѣмъ говорилъ. Разъ какъ-то однако за вечернимъ чаемъ въ гостиной, гдѣ въ это время изъ почетныхъ гостей были только онъ, да графъ К. О. Толь (тогдашній главноуправляющій путями сообщенія, другъ дѣтства хозяина дома, сынъ котораго, мой ровесникъ, былъ у него адъютантомъ), вдругъ совершенно неожиданно для меня, — находившагося тутъ поодаль съ тремя или четырьмя такими же молодыми людьми, какъ я, — у стариковъ зашла рѣчь о предметѣ для меня интересномъ, заговорили объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ. Инициатива принадлежала графу К. О. Толю, который, обращаясь какъ къ А. И. Хатову, такъ къ А. И. Яковлеву, сказалъ:

— Давно слышалъ я разныя чудеса объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, которое учредилъ старинный камрадъ мой по свитской службѣ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ меня туда, да только то то, то сѣ, недосугъ, нездоровье, непогода задерживали, и я все прособирался. Главное же то что графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель повсюду провозглашаетъ что это заведеніе перецегилояло Аракчеевскія поселенія. Ну, признаюсь, нѣтъ охоты смотрѣть на

новую „аракчеевщину“: довольно зла надѣлала намъ и прежняя. Однако на этихъ дняхъ весьма толковый и солидный человекъ, человекъ къ тому же со вкусомъ, совѣтовалъ мнѣ прочесть статью самого Сенковского объ этой школѣ, написанную имъ по поводу какой-то книги. Указаніямъ этого совѣтчика я люблю слѣдовать, и, улучивъ часть времени, прочелъ статью, которая меня превосходно ознакомила съ этимъ заведеніемъ. Если все это такъ какъ описано въ статьѣ, повидимому, по книгѣ, то остается только удивляться тому какое сходство находить Клейнмихель въ этомъ учебномъ заведеніи съ „аракчеевщиной“. Впрочемъ, ему вездѣ мерещатся военныя поселенія. *C'est son dada!* * Я поѣду посмотрѣть это заведеніе, непременно поѣду въ первый свободный, т.-е. вполнѣ свободный часъ.

Затѣмъ графъ обратилъ глаза въ нашу сторону и сказалъ своему адъютанту и съ тѣмъ вмѣстѣ крестнику:

— Смотри же, Сережа, въ первый разъ что я буду совершенно свободенъ, напомни, братецъ, мнѣ о намѣреніи моемъ совершить эту загородную прогулку.

Сергій Александровичъ Хатовъ, вставъ со стула, сказалъ:

— Слушаю, ваше сіятельство. Только ежели надо для этого ожидать свободный часъ, то едва ли графъ Карлъ Фёдоровичъ когда-нибудь будетъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, прославленномъ моимъ пріятелемъ В. П. Б — вымъ, которому за его книгу столько надавали перстней, что и пальцевъ не хватитъ носить ихъ.

Тогда графъ, услышавъ мою фамилію, взглянулъ на старика Хатова и сказалъ вопросительно:

— Во времена Прейсшъ-Эйлау и Фридланда мнѣ памятенъ одинъ нашъ свитскій этой фамиліи, былъ, помнится, адъютантомъ сначала у Бенингсена, а потомъ у графа Штейнгеля и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Аустерлица провелъ въ плѣну въ Брюнѣ. Помню даже какъ мы его размѣнивали. Книгу объ Удѣльномъ Училищѣ написалъ какой-то Б—въ, и Сенковский его до небесъ превозноситъ.

— Книгу эту, сказалъ Александръ Ильичъ Хатовъ, — написалъ и издалъ не тотъ о которомъ ты, графъ, вспоминаешь, а сынъ его. Самъ же Петръ Алексѣевичъ, старинный нашъ камрадъ, теперь служить предсѣдателемъ казенной палаты въ Орлѣ. Сынъ же его служить здѣсь въ военномъ министерствѣ. Вотъ

* Это его потѣха.

онъ и самъ здѣсь налицо: этотъ бѣлокурый юноша во фракѣ, что сидитъ подлѣ нашего Сережи.

Я, разумѣется, т.-е. разумѣется по понятіямъ о приличіяхъ бывшимъ за 32 года предъ симъ, а не по сегодняшнимъ,—всталъ, и Александръ Ильичъ представилъ меня графу Толю, который, повидимому, очень внимательно прочелъ статью Сенковского, потому что разспрашивалъ меня о многихъ подробностяхъ, интересовавшихъ его, и когда я увѣрялъ что въ этомъ училищѣ, гдѣ около 300 воспитанниковъ, все крестьянскихъ сыновей,—розги не въ употребленіи, графъ нѣсколько скептически къ этому отнесся, сказавъ:

— Блаженъ кто въ это заявленіе вѣруетъ, и потомъ, взглянувъ на часы и убѣдясь что ему пора домой собирать-ся, сталъ прощаться и вышелъ, сопровождаемый хозяевами, въ прихожую; а Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, тогда, вставъ съ креселъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Тестъ моей дочери, президентъ Вольнаго Экономическаго Общества, графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, разговаривая вчера со мною, между прочимъ, повелъ рѣчь о статьѣ *Библиотеки для Чтенія*, о которой сейчасъ графъ Карлъ Оедоровичъ такъ любезно отзывался. Графъ Николай Семеновичъ также весьма интересуется подробностями Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища и читалъ какъ статью, такъ вашу книгу, какъ говорилъ мнѣ, съ удовольствіемъ. Вы бы очень потѣшили старичка, который изъ своихъ комнатъ никуда не выходитъ, ежели бы навѣстили его и потолковали бы съ нимъ объ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, которое нынче въ такой модѣ. Лучшею для васъ рекомендаціей у графа Николая Семеновича ваша книга, возьмите экземпляръ и явитесь съ нимъ къ графу. Онъ живетъ въ своемъ домѣ противъ Николы Морскаго.* Въ пріемной скажите только камердинеру что вы такой-то и пріѣхали вслѣдствіе разговора съ вами Алексѣя Ивановича Яковлева.

XXV.

Не собственно знакомство съ графомъ Мордвиновымъ, какъ съ однимъ изъ высокопоставленныхъ сановниковъ, было мнѣ интересно; а для меня составляло большую важность лично узнать одно изъ значительнѣйшихъ умственныхъ свѣтилъ на-

* Нынче этотъ домъ статсъ-секретаріата Царства Польскаго.

шего отечества, гражданина-вельможу, постоянно и усердно лекшагося о благѣ нашего отечества, наконецъ, человѣка имя котораго занимаетъ одну изъ весьма видныхъ и почтенныхъ страницъ нашей отечественной исторіи. Подъ всѣми этими впечатлѣніями я отправился на другой день, по указанію А. И. Яковлева, къ графу Николаю Семеновичу Мордвинову, который въ это время находился въ состояніи уже совершеннѣйшаго одряхлѣнія. Меня провели въ огромную длинную комнату въ шесть оконъ въ рядъ, всю уставленную столами, на которыхъ находились картонники съ многоразличными надписями, а именно: „Государственный Совѣтъ“, Вольное Экономическое Общество“, „Благотворительныя учрежденія“, „Банки“, „Проекты“, „Вотчины“, „Домашія дѣла“, „Корреспонденція частная“, „Корреспонденція родственная“ и пр. и пр. Въ комнатѣ было много стульевъ, креселъ, а стѣны покрыты были шкафами, гдѣ подъ стеклами видѣлись переплетенныя спинки книгъ съ золотыми титлами. Въ промежуткахъ шкафовъ были ландкарты, планы, глобусы, модели разнаго рода и физическіе и астрономическіе инструменты. Въ глубокихъ, низкихъ креслахъ на мѣдныхъ колесцахъ, съ доскою подъ ногами, окруженный подушками, около дивана, у стѣны направо отъ входа, полулежалъ старецъ, бѣлый съ желтоватою сѣдиной еще густыхъ волосъ, но весь словно восковой, изжелта-бѣлый съ блѣдными губами и померкнувшими глазами. Однако на этомъ старцѣ, который былъ никто иной какъ графъ Николай Семеновичъ, былъ синій адмиральскій старинной формы, въ видѣ фрака, мундиръ съ золотыми якорями на отложномъ воротникѣ и со звѣздами по обѣ стороны груди. Поверхъ мундира въ рукава надѣта была голубая атласная на лебяжемъ мѣху дулѣтка, откинута нѣсколько назадь и обнаруживавшая на плечахъ узенькія, маленькія кованые эполеты, съ орломъ чернымъ, но безъ генеральской канители. Особенный механизмъ, приспособленный къ креслу, выдвигалъ двѣ столовыя доски съ боковъ, и доски эти скрещивались спереди, образуя собою письменный столикъ, на который секретарь тотчасъ клалъ всѣ письменныя принадлежности. Графъ былъ роста средняго; но онъ сидѣлъ такъ глубоко въ подушкахъ что казался ребенкомъ въ старческомъ образѣ.

Я подалъ почтенному старцу довольно изящно переплетенный экземпляръ моей книги. Онъ принялъ его, прочелъ надпись и, положивъ книгу на столикъ, пригласилъ меня сѣсть

противъ себя, на подвинутое мнѣ слугою кресло. Разговоръ начался съ общихъ мѣстъ, но вскорѣ перешелъ на различныя подробности о Земледѣльческомъ Училищѣ которыхъ не было въ книгѣ и въ статьѣ. Графъ дѣлалъ мнѣ нѣкоторые чисто-техническіе вопросы, на которые я отвѣчалъ какъ могъ; но признаюсь откровенно что не безъ нѣкоторой запинки по временамъ, когда я не былъ увѣренъ въ правильности отвѣта, и даже нѣсколько разъ просто отозвался что это мнѣ неизвестно, особенно когда маститый любитель сельскаго хозяйства, знакомый, повидимому, хорошо съ системою англійскихъ ротаций или сѣвооборотовъ, интересовался подробностями мнѣ мало знакомыми, потому что я зналъ только то что дѣлается въ училищномъ хозяйствѣ, а не то что введено въ усовершенствованныхъ хозяйствахъ на Западѣ, хотя однако я довольно смѣло, опираясь на знакомые мнѣ опыты, говорилъ о турнепсѣ, о ратабагѣ, о бѣлой свеклѣ, о различныхъ видахъ картофеля, о компостномъ удобреніи и пр. и пр. Когда рѣчь зашла о скоторазведеніи, мнѣ было легче, потому что предметъ этотъ былъ мнѣ больше другихъ знакомъ, и я не утерпѣлъ чтобы при этомъ случаѣ не развить теорію усовершенствованія мѣстныхъ породъ. Меня поражала та бодрость слова и ясность мысли которыми отличался разговоръ этого, повидимому, полуразрушеннаго и одною уже ногой въ могилѣ стоящаго старца. Предъ окончаніемъ бесѣды нашей графъ Николай Семеновичъ вдругъ обратился ко мнѣ съ словами:

— Вы, мой милый, должны быть чрезвычайно молоды. Который вамъ годъ?

— Двадцать семь лѣтъ, ваше сіятельство, былъ мой отвѣтъ.

Онъ вынулъ изъ какого-то ящичка въ столикѣ преогромныя очки, въ родѣ двухъ лупъ, и надѣвъ ихъ, поглядѣлъ на меня внимательно, сказавъ:

— Для вашихъ лѣтъ вы необыкновенно моложавы. Судя по наружности, я вамъ далъ бы не больше 20 лѣтъ, даже меньше. Вы, кажется, даже еще не брѣтаетесь?

Я невольно засмѣялся этому вопросу и сказалъ что въ нынѣшнемъ 1839 году въ первый разъ приступилъ къ этой важной операціи.

Старецъ улыбнулся, сложилъ очки, видимо его утомлявшія, и сказалъ:

— Будь вы на видѣ постарше, я бы предложилъ васъ въ наши члены Вольнаго Экономическаго Общества, то-есть въ члены бесплатные; но, право, у васъ такая еще отроческая наружность что наши ученые члены, при первомъ вашемъ появленіи въ собраніяхъ Общества, выразили бы удивленіе, какъ это президенту вздумалось мальчика безбородаго членомъ Общества дѣлать. Конечно, можно бы было этимъ господамъ отвѣчать извѣстнымъ во всѣхъ, кажется, букваряхъ анекдотикомъ о томъ безбородомъ испанскомъ грандѣ который при какомъ-то палескомъ дворѣ отозвался что его король прислалъ бы по слову козла своей конюшни, ежели бы зналъ что такъ высоко цѣнится борода. Но за этимъ дѣло не станетъ, вы повозможаете, и тогда мы васъ къ намъ завербуемъ непременно въ наши соучастники, а теперь, ежели хотите, мы васъ будемъ приглашать въ качествѣ безгласнаго гостя, чтобы вы могли побольше ознакомиться съ ходомъ нашихъ занятій.

Я, разумѣется, благодарилъ почтеннаго президента Вольнаго Экономическаго Общества за эту честь, которою, впрочемъ, никогда не воспользовался, а въ послѣдствіи, по оставленіи мною уже службы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, я былъ избранъ въ члены этого Общества, когда вице-президентомъ и предсѣдателемъ совѣта Общества былъ знаменитый въ исторіи нашего флота адмиралъ Грейгъ, имя котораго и на моемъ членскомъ дипломѣ прописано.

Прежде однако чѣмъ я совершенно разстался съ графомъ Николаемъ Семеновичемъ, котораго мнѣ суждено было тогда видѣть въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни, онъ сказалъ что будь онъ на мѣстѣ Матвѣя Андреевича Байкова, то непременно воспользовался бы моею любовью къ сельскому хозяйству вообще и къ этому заведенію въ особенности и пригласилъ бы меня въ свои помощники.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ,—чуть ли не отъ члена нашего Общества Степана Михайловича Усова я слышалъ на дняхъ будто вы и впрямь поступаете туда на службу съ нынѣшней весны.

— Степанъ Михайловичъ, объяснилъ я,—совершенно справедливо говорилъ объ этомъ вашему сіятельству, потому что дѣйствительно таковы мои намѣренія, вслѣдствіе настоятельныхъ убѣжденій Льва Алексѣевича Перовскаго и Матвѣя Андреевича Байкова, столь снисходительныхъ ко мнѣ. Мое начальство военнаго министерства, гдѣ я теперь состою на службѣ, такъ

благодушно и справедливо что хотя и знаетъ о моихъ намѣреніяхъ перейти въ удѣльное министерство, намѣрено къ будущей Пасхѣ (этотъ разговоръ былъ на Вербной недѣлѣ) наградить меня за отличіе чиномъ коллежскаго ассесора, съ какимъ уже послѣ Святой, не теряя времени, именно на Оминой недѣлѣ, и думаю окончательно переселиться въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ надѣюсь вполнѣ предаться сельскохозяйственному дѣлу практически, и откуда уже трудно мнѣ будетъ посѣщать городъ.

Старикъ, расхваливъ меня за это намѣреніе, простился со мною, велѣвъ камердинеру записать мой адресъ, чтобы доставить мнѣ экземпляры всѣхъ его печатныхъ мѣстныхъ и проектовъ, что дѣйствительно на другой день и было исполнено въ точности.

Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, какъ водилось по канцеляріи военнаго министра, для всѣхъ состоявшихъ въ ея вѣдѣніи, въ видѣ особеннаго къ нимъ вниманія, — фельдъшеръ привезъ ко мнѣ на квартиру большой конвертъ съ офиціальнымъ меня лично увѣдомленіемъ директора этой канцеляріи, статсъ-секретаря М. М. Брискорна, о томъ что въ такой-то день текущего апрѣля мѣсяца, то-есть наканунѣ, по всеподданнѣйшему докладу его сіятельства господина военнаго министра, генералъ-адъютанта графа Чернышева, я (такой-то) за „отлично-усердную“ мою службу по званію помощника правителя дѣлъ общаго присутствія провіантскаго департамента, всемилостивѣйше удостоенъ пожалованіемъ меня въ чинъ коллежскаго ассесора. Стереотипное форменное увѣдомленіе директора канцеляріи, въ формѣ весьма учтиваго письма, оканчивалось радушнымъ поздравленіемъ и подписью, а пониже подписи былъ собственноручный post-scriptum съ любезными словами его превосходительства: „Къ сожалѣнію, по вѣдомству ввѣренной мнѣ канцеляріи, мнѣ не придется поздравлять васъ съ монаршими милостями, ибо сегодня поступило о вашемъ переходѣ въ удѣльное вѣдомство отношеніе свѣтлѣйшаго князя министра двора и удѣловъ. Желаю вамъ всего наилучшаго въ новой вашей службѣ, на старую же, кажется, пороптать не можете.“

И точно что только величайшая неблагодарность могла бы заставить меня быть недовольнымъ моею трехлѣтнею службой въ военномъ министерствѣ, въ теченіи которой я получилъ за службу, поистинѣ, далеко не трудную и не изнурительную,

два чина за отличіе, при ежегодныхъ довольно крупныхъ денежныхъ наградахъ; ежели же я не получалъ, подобно всѣмъ моимъ сослуживцамъ, орденовъ, то лишь потому что самъ всячески старался чтобы вмѣсто орденскихъ наградъ выдаваемы мнѣ были денежныя, въ которыхъ я, по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ, всегда болѣе нуждался, чѣмъ многіе изъ моихъ, такихъ же какъ я тогда былъ, молодыхъ товарищей.

Само собою разумѣется что тотчасъ надо было „въ послѣдній разъ“ облечься въ мои воинскіе доспѣхи, при шпагѣ и шпорахъ, и явиться съ выраженіями благодарности, сначала къ М. М. Брискорну и къ М. П. Позену, воспоминаніе о которыхъ осталось и по днесь для меня вполне пріятнымъ. Эти господа статсъ-секретари, пользуясь пріѣздомъ въ это время военнаго министра, нашли возможнымъ доложить его сіятельству что новопроизведенный коллежскій ассессоръ Б—въ желаетъ имѣть честь какъ благодарить, такъ откланяться. Я былъ введенъ въ кабинетъ министра Максимомъ Максимовичемъ Брискорномъ, и удостоился тѣхъ нѣсколькихъ чрезвычайно любезныхъ и вѣжливыхъ фразъ, на которыя графъ Александръ Ивановичъ былъ столько же мастеръ, какъ и щедръ. Между прочимъ, онъ сказалъ: „Когда-нибудь удосужусь исполнить приглашеніе князя Петра Михайловича и посѣщу ваше знаменитое Удѣльное Училище, гдѣ мнѣ пріятно будетъ встрѣтить моего прежняго подчиненнаго.“ Изъ военнаго министерства, какъ былъ, въ шитомъ мундирѣ, я поѣхалъ къ добрѣйшему Николаю Александровичу Бутурлину, который, разумѣется, съ полнымъ знаніемъ дѣла побесѣдовалъ со мною о превосходной телятинѣ, о молочныхъ поросятахъ и объ индѣйкахъ, кормленныхъ фисташками, этихъ лакомыхъ произведеніяхъ фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Я сказалъ что предъ переселеніемъ изъ столицы въ Земледѣльческое Училище, откуда чаще одного раза въ мѣсяцъ не придется мнѣ бывать въ Петербургѣ, я надѣюсь у себя на квартирѣ сдѣлать маленькій пріятельскій обѣдъ, на которомъ явятся всѣ „удѣльныя прелести гастрономіи“, какъ называлъ ихъ Николай Александровичъ, который, льщу себя надеждою, не откажется подарить меня своимъ посѣщеніемъ въ этотъ день. Добрѣйшій Николай Александровичъ принялъ приглашеніе съ радостью человека искренно расположеннаго ко мнѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ чувствомъ страстнаго

гурмана. При этомъ однако нѣкоторая туча омрачила его добрую, толстую, раздутую и обвислую физиономію, и онъ не утерпѣлъ чтобы не сказать:

— Вѣрю, любезнѣйшій Владиміръ Петровичъ, что у вашей матушки кухарка настоящій *cordon bleu*, да вѣдь жарить такую телятину и такихъ индѣекъ сможетъ развѣ только Оома Матвѣя Андреевича или мой артистъ-французъ. А то бѣда, неминуемая бѣда! Къ тому же и кухня, и очагъ, все это должно быть принаровлено.

— Кухню, сказалъ я въ успокоеніе Николаю Александровичу,—на этотъ день предоставляет мнѣ домовый хозяинъ, негодянтъ Барбе, свою, устроенную по всѣмъ законамъ кулинарики, а что касается до Вателя, то также не беспокойтесь: Матвѣй Андреевичъ пришлетъ ко мнѣ съ утра своего Оому, и самъ будетъ у меня обѣдать въ этотъ день, именно въ субботу на Святой.

— Прекрасный день, буду, буду непременно, говорилъ облизываясь гурманъ Бутурлинъ, въ виду кулинарнаго наслажденія.— У насъ, правда, въ субботу членскій обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ. Но я ему измѣню. Только вотъ вѣдь что: я не знакомъ съ вашими дамами. На Святой я къ вамъ заѣду поутру, et vous me présenterez.

— Ради Бога, воскликнулъ я,—безъ этихъ церемоній! Мы люди простые, безъ всѣхъ придворныхъ тонкостей. Съ матушкой и сестрой моими я васъ познакомлю предъ снятіемъ крышки съ суловой миски.

— Да, да, кстати супъ, замѣтилъ докторально Николай Александровичъ.—Une purée ou une julienne, n'est ce pas?

— L'une et l'autre, засмѣялся я, и мы хотѣли уже разстаться, когда милѣйшій Николай Александровичъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать визитъ и генераль-провіантмейстеру Ивану Григорьевичу Желѣзнову.

— Да вѣдь, замѣтилъ я,—его превосходительство Иванъ Григорьевичъ, я думаю, относительно чина моего совершенно невиненъ: отъ него наши представленія не зависятъ, да и вообще онъ не имѣетъ ко мнѣ большой нѣжности, кажется, хотя я его очень уважаю, какъ наивнѣйшаго и наихитрѣйшаго человѣка и преискуснаго администратора.

— Конечно, сказалъ Бутурлинъ, — оно правда, что онъ

и Круглаго, и васъ не слишкомъ-то обожаетъ, особенно послѣ вашей исторіи съ обнаженною вами шлягой. * Но все-таки, пожалуйста, сдѣлайте старику эту вѣжливость, да къ тому же вы можете не то чтобы благодарить его за чинъ, а проститься съ нимъ въ служебномъ отношеніи.

Согласно желанію Николая Александровича, я былъ въ Измайловскомъ полку у Ивана Григорьевича Желѣзнова, который только-что пріѣхалъ изъ церкви отъ выноса плащаницы и былъ со мною, какъ всегда, любезенъ, вступивъ въ пространный разговоръ о Земледѣльческомъ Училищѣ и о хозяйствѣ вообще. Между прочимъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Пользуясь вашею, Владиміръ Петровичъ, протекціей, я надѣюсь добыть чрезъ васъ изъ Удѣльнаго Училища сѣмянъ той прославленной вами ржи какую тамъ разводятъ. У меня въ Новгородской губерніи имѣннице, гдѣ мнѣ хотѣлось бы замѣнить стародавнія сѣмена свѣжими новыми.

XXVI.

Въ субботу на Святой 1839 гола, въ домѣ Барбе въ Большой Морской, въ моей квартирѣ, окна которой въ третьемъ этажѣ выходили на обширный чистый и красивый дворъ, былъ мой „прощальный петербургской жизни“ обѣдъ, которымъ такъ интересовался гастрономъ изъ гастрономовъ Николай Александровичъ Бутурлинъ, имѣвшій слабость тщеславиться тѣмъ что онъ не ѣстъ чтобы жить, а живетъ чтобы ѣсть. Кромѣ его и Матвѣя Андреевича Байкова, рассыпавшагося въ любезностяхъ и въ описаніяхъ моей матушкѣ и сестрѣ всѣхъ прелестей жизни въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, были: мой послѣдній предъ Байковымъ непосредственный начальникъ, добрейшій и честѣйшій, но малоразговорчивый и угловатый статскій совѣтникъ Иванъ Степановичъ Круглый, да еще членъ общаго присутствія, отменно умный и образованный, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Зубовъ, о которомъ я упоминалъ уже въ № 9 *Русскаго Вѣстника*, при

* Исторія со шлягой, обнаженною въ присутствіи до половины, была не задолго предъ тѣмъ и имѣла основаніемъ дерзость одного изъ подрядчиковъ, знаменитаго тогда Ф—на, любимца Желѣзнова, позволившаго себѣ открыто предлагать канцеляріи общаго присутствія взятку.

описаніи моего поступленія въ 1836 году на службу военного министерства. Это былъ человѣкъ стариннаго *suprême bon ton*, почему восхитилъ своимъ пріятно-галантнымъ разговоромъ мою покойную родительницу, имѣвшую слабость къ людямъ съ тѣмъ изысканнымъ воспитаніемъ, какое составляло отличительную черту начала царствованія императора Александра Павловича, когда моя мать, будучи еще очень молодою особою, блистала въ довольно избранномъ кругу. Изъ знакомой и интимной со мною по свѣтской жизни молодежи были: А. И. Синицынъ, тогда уже ротмистръ Л.-Гв. Коннаго полка, о которомъ въ статьѣ моей: „М. Ю. Лермонтовъ въ разказахъ его гвардейскихъ одноклассниковъ“ (№ IX *Русскаго Архива* 1872) я вошелъ въ большія подробности, и сверхъ того двое бывшихъ лицестовъ Царско-Сельскаго лицея, веселый, остроумный, мастеръ на каламбуры и живые разказы изъ свѣтской жизни, Левъ Львовичъ Карбоньеръ, служившій въ это время въ канцеляріи военного министра, и Петръ Ивановичъ Фридбергъ, блестящій танцоръ, неумолкаемый говорунъ, имѣвшій въ себѣ много французскаго, какъ въ типѣ, такъ въ обликѣ оживленной и открытой фізіономіи, чѣмъ было и довольно естественно, потому что мать его, добрѣйшая и милѣйшая женщина, была природная Парижанка, передавая сыну всю огненную игривость своего очаровательнаго характера.

По мнѣнію знаменитаго Брилья-Саварена, число гостей бывшихъ за моимъ обѣдомъ было не превосходящее то какое этимъ диктаторомъ кулинарныхъ обычаевъ было назначено въ его кодексѣ. Къ тому же превосходныя блюда и отборныя, хотя и умѣренно предложенныя, вина и вообще сервировка простая, но правильная, безъ малѣйшей путаницы и суматохи дѣла, дѣлали нашъ маленькій пиръ, при содѣйствіи такихъ любезныхъ гостей, каковы были Алексѣй Александровичъ Зубовъ и Левъ Львовичъ Карбоньеръ, поистинѣ пріятнымъ, такъ что Николай Александровичъ Бутурлинъ, обыкновенно и особенно за обѣдами и ужинами молчаливый, — увлекался самъ, слыша около себя презабавную стрѣльбу французскими остротами и каламбурами. Я однако всячески старался сворачивать разговоръ на русскую рѣчь, зная что ни Байковъ, ни Круглый, посаженные рядомъ нарочно, ни слова не понимаютъ изъ всей этой фейерверочной, хотя и забавной трескотни. Два сорта супа оба были испробованы Николаемъ Александровичемъ, нашедшимъ что пюре изъ помидоровъ не оставляетъ ничего

желать лучше, а жульенъ съ пирожками-карликами — *chef d'oeuvre*. Поросянокъ во весь ростъ, тщательно разрѣзанный на ломти и сложенный мастерски, съ оскаленными бѣлыми зубами, облитый густою сметаной, въ которой тонулъ и захлѣбывался,—при появленіи своемъ восхитилъ такъ Николая Александровича, что онъ, какъ ни былъ свѣтскій человекъ, зааплодировалъ, глазки его заискрились, жирное лицо радостно смѣялось.

— *Vous permettrez de vous servir, monsieur Boutourline?* сказала моя мать, неисправимая съ своею страстью не иначе говорить какъ по-французски.

— *Comment donc, madame, de grace!* восклицалъ жирный гурманъ, пожирая поросенка глазами и подавая свою тарелку. Но въ это время забавникъ Карбоньеръ всталъ во весь свой, правда небольшой, ростъ и съ легкимъ заиканьемъ, ему свойственнымъ, сказалъ по-русски:

— Прошу глубокоуважаемую хозяйку остановиться на минуту вонзеніемъ вилки въ прелестную головку этого очаровательнаго четвероногого воспитанника фермы Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, хотя я и вижу что достопочтеннѣйшему Николаю Александровичу головка эта и крайне любва.

— *Qu'est-ce que c'est que cette farce, monsieur Léon?* спросила, полусмѣясь-полухмурясь, моя мать.

— Никакого фарша, продолжалъ неумолимый каламбуристъ Карбоньеръ,—въ поросёночкѣ, этомъ сынкѣ какой-нибудь Хавроныюшки дѣдушки Крылова, не имѣется, Любовь Осиповна, я же также не фарсъ намѣренъ учинить; по сему дивному порося похвальное слово имѣю сказать здѣсь въ присутствіи зиждителя его воспитанія, господина директора, и при такомъ знатокѣ и дегустаторѣ тѣлесъ сего милаго образца „угнетенной невинности“, сирѣчь поросенка въ мѣшкѣ, или въ сметанѣ.

Бутурлинъ отставилъ свою тарелку, матушка моя остановила движеніе вилки, и изъ устъ Карбоньера полилась презабавная шуточная рѣчь, пересыпанная славянскими и латинскими фразами, съ похвалами поросенку, имѣвшими въ основаніи похвалу Земледѣльческому Училищу и два, три чрезвычайно ловкіе комплимента директору М. А. Байкову, который видимо былъ въ восхищеніи и присоединилъ свои рукоплесканія къ аплодисментамъ всего общества, по моей инициативѣ, при общемъ хохотѣ. Зубовъ при этомъ замѣтилъ что это холодное будетъ

казаться еще вкуснѣе, благодаря смѣху и оживленію общества, съ чѣмъ согласился Николай Александровичъ, которому, въ награду за выжиданіе, мать моя на тарелку положила всю головку вмѣстѣ съ однимъ изъ окорочковъ. Онъ былъ въ восхищеніи.

Блюдо картофельныхъ „примѣровъ“, маленькихъ, кругленькихъ, чисто ярко-желтаго цвѣта, съ безподобнымъ сливочнымъ масломъ, произведеніе ларниковъ Земледѣльческаго Училища, было принято очень уважительно и любезно обществомъ, * причѣмъ Алексѣй Александровичъ Зубовъ называлъ это простое, но въ апрѣлѣ весьма рѣдкое блюдо „сельскимъ яствомъ“, сказавъ по поводу его нѣсколько какихъ-то стиховъ, кажется изъ какого-то стихотворенія слѣпца Козлова, въ честь сельской жизни, что было à propos, по случаю моего переселенія въ деревенскій бытъ, о которомъ завелась довольно оживленная рѣчь, заключенная мнѣніемъ веселаго Фридберга что ежели бы всякая сельская жизнь представляла такія гастрономическія совершенства, какихъ образцы здѣсь сегодня явились, то можно бы было оставить столичную жизнь. Но неумолимый его преслѣдователь своими шутками, товарищъ-лицеистъ Карбоньеръ, замѣтилъ что сельская жизнь однако не можетъ доставить такихъ лайковыхъ перчатокъ

* Относительно этихъ картофельныхъ „примеровъ“, составлявшихъ рѣдкость въ тѣ времена, не лишнимъ считаю замѣтить что нынче въ мартѣ и апрѣлѣ молоденькій картофель, не знаю какъ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ никакой рѣдкости особенной не представляетъ, хотя и то правда что въ 1839 году еще не было у насъ и идеи о той губительной „картофельной болѣзни“ которая такъ сильно и такъ жестоко повсемѣстно губитъ этотъ превосходный и драгоценный овощъ, принявшій съ нѣкотораго времени далеко не тотъ мучнистый характеръ какимъ онъ въ прежнія времена отличался. Нынѣшній картофель, почти повсемѣстно, даже славившійся нѣкогда „парголовскій“ и „муринскій“, сдѣлался какъ - то мылообразенъ, компактенъ, не рассыпчатъ. Одинъ изъ замѣнчивѣйшихъ петербургскихъ огородниковъ, г. Глушковъ, того мнѣнія что причиною этого перерожденія—усиленная, слишкомъ искусственная его культура. Къ тому же нынѣшній „примерный“ картофель большею частью не что иное какъ результатъ торговаго обморочиванія и обмана, въ особенности привозный, который не что иное какъ тщательно собранныя одна къ одной маленькія картофелины обыкновеннаго гряднаго картофеля, продаваемые за рано произращенный въ ларникахъ.

какія другъ его, Фридбергъ, пріобрѣтаетъ не еженедѣльно уже, а ежедневно изъ магазина Дюшона, почему придется ему просить своего высшаго начальника, статсъ-секретаря по дѣламъ императрицы Маріи Ѣодоровны, Николая Михайловича Лонгинова, о значительной прибавкѣ жалованья, не въ видѣ столовыхъ или обмундировочныхъ, а въ видѣ „перчаточныхъ“. Это заставило снова всѣхъ и самого Фридберга смѣяться; но Байковъ, всегда неразлучный съ пусканіемъ утилитарныхъ идей, сталъ увѣрять что такая потребность въ перчаткахъ даетъ ему мысль разводить козлятокъ и изъ ихъ кожи дѣлать перчатки. Въ это время явилось жареное, по поводу котораго Байковъ сказалъ, обратясь къ Бутурлину, взиравшему на блюдо съ какимъ-то удивленнымъ созерцаніемъ:

— Прежде чѣмъ сдѣлать опытъ приготовленія перчатокъ изъ кожи козлятъ, мы попробуемъ мясо того козличка котораго у насъ „мальчики“ собственно для Владиміра Петровича отпили молокомъ отъ двухъ козъ и двухъ коровушекъ. Что же касается до тельца упитаннаго, то такого я взялъ смѣлость препроводить сегодня на кухню его превосходительства Николая Александровича.

— За хлѣбосольнымъ столомъ котораго мы тельцомъ этимъ объѣдимся, воскликнувши почти въ одно слово А. А. Зубовъ и Л. Л. Карбоньеръ.

Николай Александровичъ, сидѣвшій подлѣ Байкова, за которымъ сидѣлъ Круглый, обнялъ и облобызалъ Матвѣя Андреевича, говоря что не находитъ словъ достаточно благодарить Матвѣя Андреевича за эту драгоценность. Одновременно почти съ козленочкомъ, бѣлизны и нѣжности поразительной, появилась жареная индѣйка, откормленная фисташками. Различные салаты и маринованные плоды и овощи сопровождали этотъ антре, приведшій въ неимоверное восхищеніе Николая Александровича, воскликнуващаго:

— Не знаю что и брать! И козленочка надо попробовать, и индюшечка заманчива.

— Позвольте, замѣтилъ я, — Николай Александровичъ, разрѣшить этотъ гордіевъ узелъ, ежели не ударомъ меча, то двумя ударами вилки, то-есть слѣдуетъ пробовать то и другое и потомъ рѣшить что лучше, и говоря это, я наполнилъ предъ Бутурлинымъ двѣ тарелки, одну съ кускомъ жаренаго козленка, другую съ крыломъ индюшки, ничѣмъ не начиненной, но поражавшей своею сочностью и бѣлизной необычайною.

Бутурлинъ былъ весьма доволенъ такимъ разрѣшеніемъ его сомнѣнія, а Карбоньеръ, кушая того и другаго, восклицалъ:

— Оба лучше, право оба. Но какъ только я съ ними управлюсь, то скажу имъ, съ разрѣшенія честной компаніи, благодарственный спичъ.

И въ самомъ дѣлѣ, едва онъ локончилъ, гораздо скорѣе Николая Александровича, то снова всталъ и началъ рѣчь, въ родѣ первой, но еще болѣе живую и оживленную, причемъ сумѣлъ изобразить всю знаменательность Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, всю полезную дѣятельность Матвѣя Андреевича Байкова, исполнителя видовъ высшаго начальства и труженика на пользу общественную, которому, заключилъ онъ, „Богъ посылаетъ теперь, въ лицѣ нашего любезнѣйшаго Владиміра Петровича, такого помощника что всѣ пальчики облизать можно, какъ я не облизываю, а вытираю салфеткой, мои немножко засаленные изумительною индюшечкой и очаровательнымъ козленочкомъ.“

Въ этотъ моментъ явилось шампанское, и Алексѣй Александровичъ Зубовъ провозгласилъ: „Здоровье новаго помощника директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища!“

Байковъ быстро опорожнилъ свой бокалъ и, вскричавъ ура, бросился обнимать меня. Бутурлинъ выпилъ также свое вино, отозвавшись: „Удачно заморожено!“ притянулъ меня къ себѣ и мокрыми губами напечатлѣлъ искренній поцѣлуй на лицѣ моемъ, сказавъ: „Желаю, душа моя, вамъ всего наилучшаго!“ Поздравленія сыпались, я отвѣчалъ благодарностью, и въ это время явился мороженный маседуанъ, на который напустились: сестра моя, Синицынъ, Фридбергъ и Карбоньеръ, восклицавшій: „Хотѣлось бы, право, поспичировать и этому ледяному salmigondis изъ фруктовъ эдема или ариаднина сада.“

— Гдѣ безъ нитки вы заблудитесь, замѣтила моя сестра-монастырочка.

— Путеводною ниткой мнѣ будетъ служить музыка Софьи Петровны, любезно усмѣхнулся Карбоньеръ.

— Mademoiselle est, à ce qu'on dit, bonne musicienne, замѣтилъ А. А. Зубовъ, — nous aurions été heureux de l'entendre.

Матюшкинъ взглядъ повелѣвалъ сестрѣ идти къ роялю въ гостиную, куда принесенъ былъ кофе и гдѣ полились громкіе

звуки какой-то тогда модной pièce de salon. Николай Александровичъ Бутурлинъ, съ чашкою кофе въ рукахъ, учтивости ради прослушалъ піесу и сталъ вдѣвать саблю въ шюртучное отверстіе, говоря что онъ еще остался бы, но торопится въ Англійскій клубъ, чтобы заявить тамъ старшинамъ что онъ сейчасъ ѣлъ такія вещи, картофельные „примѣры“ и жареный козленочекъ, о какихъ они и понятія не имѣютъ и какими они должны непремѣнно угощать, отъ времени до времени, членовъ клуба.

Пока Зубовъ и молодые люди были въ гостиной, я предложилъ И. С. Круглому сигару „уланъ“, какою онъ занялся въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, на сафьянномъ диванѣ, куда помѣстился и Матвѣй Андреевичъ Байковъ, вкушавшій кофе съ пуссъ-кафе безъ всякой курки, такъ какъ онъ положительно ничего не курилъ. Вслѣдъ за кофе имъ обоимъ поданъ былъ чай, въ томъ обиліи въ какомъ этотъ китайскій напитокъ обыкновенно консоммировался этими двумя страстными чаефилами. Между ними завязался разговоръ служебнаго колорита, часть только котораго я слышалъ. Круглый хвалилъ Байкову меня, а Байковъ, похихикивая, говорилъ ему что онъ меня давно знаетъ и лучше чѣмъ кто. Въ гостиной остался только не курящій Синицынъ, а Алексѣй Александровичъ Зубовъ, Фридбергъ и Карбоньеръ пришли въ мой кабинетикъ, гдѣ табакокуренье произвелось сильное до того что моя матушка, всегда враждовавшая противъ привычки къ куренію табака, предложила гостямъ, безъ церемоніи, перейти въ залу-столовую, гдѣ въ это время запылалъ каминъ. Гости освободили мою маленькую комнату и перешли въ ту гдѣ мы обѣдали, усѣвшись на кресла у камина. Среди общаго разговора, въ которомъ все-таки преобладалъ нѣсколько чиновничій элементъ, Байковъ исчислилъ выгодность моей новой службы:

Полторы тысячи въ годъ, кромѣ тѣхъ ежегодныхъ денежныхъ наградъ, съ которыми цифра доходитъ до 2.000 руб. Обширная семейная квартира со всѣми удобствами и другая совершенно отдѣльная, какъ бы въ видѣ кабинета и спальни Владиміра Петровича, и эти квартиры съ полнымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Затѣмъ фуражъ на три лошади. Столъ стоитъ будетъ немного: всѣ произведенія фермы идуть на столъ помощника директора. Хлѣбъ, квасъ и пищу для трехъ душъ прислуги онъ получаетъ изъ общей кухни и застольной. Да кромѣ того даромъ ковка лошадей и всѣ разнаго рода

домашнія подѣлки. Словомъ, ежели сосчитать все на деньги, то съ жалованьемъ содержаніе равняется по крайней мѣрѣ пяти тысячамъ.

Всѣ меня отъ души поздравляли съ приобрѣтеніемъ такого прекраснаго и выгоднаго мѣста. М. А. Байковъ, собираясь домой и держа уже фуражку въ рукѣ, передалъ мнѣ о томъ что онъ ожидаетъ моего къ нему водворительнаго пріѣзда въ четвергъ на Оминой недѣлѣ, объясняя что большая моя квартира, по освобожденіи ея моимъ предмѣстникомъ (Ө. И. Сухомлиновымъ), будетъ окончательно приготовлена для пріема моей матушки и сестры не раньше первыхъ чиселъ мая, моя же маленькая, „собственная“, устроенная въ такъ-называемомъ „учительскомъ корпустѣ“, совершенно готова къ принятію своего новаго жильца. При этомъ, обратясь къ моимъ матери и сестрѣ, сталъ имъ толковать о томъ какими именно цвѣточными растеніями онъ распорядился усадить тотъ широкій палисадникъ который противъ ихъ оконъ и въ которомъ онъ велѣлъ утрамбовать дорожки и усыпать ихъ краснымъ пескомъ. Затѣмъ Байковъ, при всѣхъ бывшихъ тутъ моихъ добрыхъ пріятеляхъ, сказалъ съ своимъ обычнымъ хихиканьемъ:

— Впрочемъ, все это водвореніе Владиміра Петровича въ настоящемъ видѣ только временное, не больше какъ на годъ развѣ, потому что въ будущемъ году, повидимому, съ производствомъ меня въ превосходительный рангъ, высшему моему благодѣтельному начальству угодно непремѣнно назначить меня членомъ департамента удѣловъ, съ попечительствомъ надъ всѣми образцовыми усадьбами и надъ Училищемъ, директоръ котораго, хочетъ не хочетъ, а вѣдь у насъ воля начальства—одиннадцатая заповѣдь, будетъ телерешній мой помощникъ, угостившій насъ сегодня такъ что я не знаю какъ только доѣду до моего захоlustья, гдѣ съ будущаго четверга у меня начнется совершенно новая эра жизни моей и жизни всего училища.

Сказавъ это, онъ, по тогдашнему обычаю, не позволявшему какъ нынче трясти у дамъ руки по-товарищески, чмокнувъ въ руку какъ мою мать, такъ сестру, расшаркиваясь съ нѣсколькими комическимъ алломбомъ, заставлявшимъ насмѣшливаго Карбоньера изобразить своею оживленною французскою фizioноміей преуморительную гримасу, къ счастью однако не замѣченную Байковымъ, который, прощаясь съ гостями, выразилъ Карбоньеру свою признательность за тѣ добрые коммандименты какими онъ умѣлъ подарить его во время обѣда.

— Вотъ, Владиміръ Петровичъ, сказалъ Байковъ, обращаясь ко мнѣ,—вотъ когда мы васъ сдѣлаемъ директоромъ, то пригласите-тка Льва Львовича быть вашимъ помощникомъ.

— Это невозможно, замѣтилъ я смѣясь,—онъ носитъ не русскую фамилію, да къ тому же и римскій католикъ.

— Ну фамилію, захихикалъ Байковъ,—мы ужъ какъ-нибудь сладили бы передѣлать, хоть на Карбонеева что ли, а религія... точка съ запятой. Но утро вечера мудренѣе. До свиданія, въ четвергъ. Вѣдь борщъ и вареники мы вамъ приподнесемъ?

— Едва ли, замѣтилъ я уже въ прихожей, гдѣ Байковъ облекался въ камлотовую шинель,—едва ли, Матвѣй Андреевичъ, въ четвергъ мнѣ удастся пріѣхать къ вамъ на водвореніе раньше вечера, а потому борщемъ и варениками займусь лишь въ пятницу.

Мы снова облобызались и разстались. Когда я возвратился въ комнаты, то услышалъ что гости мои разсуждаютъ съ моею матерью о Байковѣ.

— Прожженная провинціальная штука! замѣтилъ Алексѣй Александровичъ Зубовъ.

— Этому гусю пальца въ ротъ не клади, произнесъ молчаливый Иванъ Степановичъ Круглый.

— Это не герой моего романа, сказала моя мать, и мнѣ страшно за Владиміра, что онъ связалъ свою судьбу съ этимъ господиномъ.

— Я, вмѣшался ротмистръ Синицынъ, разсматривавшій въ это время ноты у рояля,—знаю Матвѣя Андреевича съ давняго времени, когда, будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, былъ отвезенъ покойнымъ отцомъ моимъ, воронежскимъ помѣщикомъ, въ Харьковъ и приготовлялся тамъ къ университету, гдѣ пробылъ три года, до пріѣзда въ 1832 году въ Петербургъ для поступленія въ юнкерскую школу. Я жилъ у Матвѣя Андреевича, который былъ тогда профессоромъ чистой математики и инспекторомъ студентовъ. Ему приводилось обнаруживать иногда большую строгость, и онъ былъ ненавидимъ студентами, разумѣется тѣми которые имѣли основаніе бояться его строгостей. Многіе въ то время изъ-за Байкова понадѣвали бѣлыя лямки. Это правда; но я лично ничего другаго не могу о немъ сказать, по чувству долга, чести и справедливости, кромѣ хорошаго. Насъ, молоденькихъ людей, жило въ ту пору у него нѣсколько, и онъ умѣлъ всѣхъ насъ, даже самыхъ лѣнивыхъ, пріохотить къ труду, къ заятіямъ и

заставить незамѣтно полюбить науки. Моего отца, а потомъ моего опекуна, и наконецъ самого меня, онъ рѣшительно ни въ чемъ не обманулъ, исполнивъ свято все что обѣщалъ намъ. Въ домашнемъ быту онъ добрый мужъ и весьма чадолубивый отецъ и вообще семьянинъ, во всемъ значеніи этого слова. Но опять не могу не сказать откровенно, и объ этомъ я неоднократно предупреждалъ Владиміра Петровича, что Байковъ эксплуататоръ и эгоистъ въ высшей стелени и что съ нимъ надо всегда держать ухо востро, какъ говорится.

— То-есть, пояснилъ Зубовъ,—это та щука при которой въ морѣ карась не дремлетъ.

— Карасемъ тутъ нашъ любезнѣйшій Владиміръ Петровичъ, замѣтилъ Круглый.—Его Байковъ уже успѣлъ порядкомъ поэксплуатировать для извѣстности и славы своего заведенія.

— Позвольте, почтеннѣйшій Иванъ Степановичъ, мой недавній начальникъ, перебилъ я, — всѣ эти эксплуатаціи, ежели хотите такъ называть мои совершенно добровольныя статьи и разныя литературныя, на пользу училища, работы, были превосходно вознаграждены, даже, всякую скромность въ сторону, право гораздо выше ихъ достоинства. Но впрочемъ, я рѣшился поступить на службу въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, чтобы, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, сдѣлаться не только писачкой и бюрократоромъ, какихъ у насъ тысячи тысячъ, а опытнымъ практическимъ хозяиномъ, не рутинистомъ, а рационалистомъ, въ какихъ у насъ въ Россіи такой ощутительный недостатокъ.

XXVII.

Въ четвертъ на Оминой недѣлѣ, какъ было условлено между мною съ М. А. Байковымъ, я прибылъ въ Удѣльное Земледѣльческое Училище, въ первый разъ въ официальномъ, а не прежнемъ партикулярно-офиціозномъ значеніи. Въ апрѣлѣ въ шесть часовъ пополудни въ Петербургѣ свѣтлехонько, почему въ кабинетѣ директора, куда я вошелъ, не было еще свѣчей. Директоръ только-что возвратился съ своего частаго и обычнаго обхода по заведенію и принялъ меня съ крѣпкимъ рукожатіемъ и со стереотипною своею ослабленно-привѣтливою миной.

— Ну, теперь, сказалъ онъ,—вы вполнѣ нашъ. Мы васъ окончательно закрѣпостимъ. Съ завтрашняго же дня число моихъ

рейсовъ по училищу и по участку значительно уменьшится, благодаря тому что у меня есть „настоящій“ помощникъ, а не автоматъ въ видѣ мундирѣ удѣльнаго вѣдомства. Да, кстати, а отчего же это вы, батенька, не въ форменномъ одѣяніи?

— Признаюсь, отозвался я, — мнѣ и въ голову не пришло что это нужно, когда я еще не вполнѣ при отправленіи моихъ новыхъ служебныхъ обязанностей?

— Ну, конечно, пробормоталъ Байковъ, — сегодня еще пусть такъ, а завтра поутру я сдѣлаю нарочно большую переключку, за которою вамъ надо будетъ быть въ форменномъ фракѣ, а потомъ можно повсюду бывать въ форменномъ сюртукѣ, фракъ же необходимо будетъ надѣвать всегда въ воскресные и праздничные нерабочіе дни. А нельзя не пожалѣть о томъ что вы не воспользовались, во время вашей службы въ военномъ министерствѣ, орденами, которые тамъ ни почему получать. У насъ это потяжеле.

— Отчего это, Матвѣй Андреевичъ, спросилъ я, — начиная съ первыхъ минутъ ощущать какую-то нравственную неловкость въ новыхъ моихъ сношеніяхъ съ Байковымъ, — вамъ вздумалось сожалѣть о томъ что я не декорированъ, тогда какъ нѣсколько разъ, кажется, я вамъ, по предмету орденomanіи, высказывалъ мои понятія, которыя, помнится, вы одобряли неоднократно? Мнѣ это что-то загадочно.

— Я и теперь, объяснилъ Байковъ, — не отступаю отъ прежняго моего мнѣнія по этому предмету, въ отношеніи къ вамъ, какъ къ человѣку, но сожалѣю что удѣльный чиновникъ, мой помощникъ, безъ знаковъ отличія, такъ обаятельно дѣйствующихъ на простонародье. Оно, знаете, все бы лучше было. „Мальчики“, не понимая значенія солдатскихъ орденовъ и медалей, какими увѣшанъ нашъ эконоомъ-полицеймейстеръ Малыховъ, считаютъ его не на шутку кавалеромъ и литаютъ къ нему отъ этого больше уваженія.

— Плохо, засмѣялся я, — ежели начальникъ только этими знаками можетъ вселять къ себѣ расположеніе. Къ тому же, Матвѣй Андреевичъ, ежели быть Чулятовымъ * считается въ глазахъ нашихъ воспитанниковъ главнѣйшимъ достоинствомъ, о чемъ я до сей минуты и понятія не имѣлъ, то, конечно, я

* Чулятовъ былъ въ екатерининскія времена самодуръ помѣшавшійся на орденomanіи и носившій на себѣ, въ всякаго права, всѣ какіе были въ это время орденскіе знаки. Державинъ упоминаетъ объ немъ въ своей *Фелицѣ*, кажется.

здѣсь преллохую роль долженъ разыгрывать. Остается жалѣть что готовя меня въ ваши помощники уже нѣсколько лѣтъ, о чемъ такъ часто мнѣ заявляли и на словахъ и въ письмахъ, вы не приняли этого важнаго обстоятельства въ соображеніе.

Въ это самое время, какъ я оканчивалъ эти слова, звучавшія нѣкоторою сдержанною досадою, въ кабинетъ вошла, противъ обыкновенія не постучавъ въ дверь, супруга Матвѣя Андреевича, благодушнѣйшая Катерина Андреевна, пришедшая звать насъ къ самовару. И тутъ Байковъ, ласково обнимая жену, сталъ ей говорить о томъ что вотъ Господь Богъ наконецъ-то внялъ ея молитвамъ, и теперь даровалъ ея мужу, въ лицѣ Владиміра Петровича, такого помощника съ которымъ служба станетъ для него легче и пріятнѣе.

— А только, восклицалъ Байковъ съ своимъ обычнымъ похихикиваніемъ,—какой же недотрога мой новый помощникъ. Я, ты вѣдь, Катенька, знаешь, люблю иногда потрунить надъ самымъ лучшимъ пріятелемъ: ужъ напримѣръ какъ я труню надъ Остроградскимъ и надъ Букановскимъ; а это мои, извѣстное дѣло, задушевнѣйшіе. Теперь я раздражилъ Владиміра Петровича орденами, которыхъ онъ не имѣетъ, впрочемъ, по собственному желанію. Я его увѣрялъ сталъ что „мальчикамъ“ необходимъ начальникъ покрытый орденами, разумѣется, въ шутку; а онъ принялъ за наличную монету и даже рассердился.

— Вы, заявила успокоительнымъ тономъ Катерина Андреевна, обращаясь ко мнѣ,—не думайте что все то что говоритъ Матвѣй Андреевичъ настоящее: когда онъ въ хорошемъ духѣ, то пошутитъ любить.

Само собою разумѣется что я, пользуясь оборотомъ даннымъ Байковымъ, послѣдовалъ всему этому дать шуточный и веселый характеръ, и мы прокалякали за чаемъ самымъ дружескимъ образомъ; но все-таки, я не могъ не задать себѣ вопроса: „Почему это Байковъ никакихъ этого рода шуточекъ со мною не выкидывалъ, пока я не сдѣлался его подчиненнымъ сослуживцемъ?“ Этотъ первый вопросъ, мною себѣ сдѣланный въ этотъ вечеръ, былъ предшественникомъ сотни другихъ вопросовъ, какіе мнѣ пришлось себѣ задавать въ послѣдствіи неоднократно и получать на нихъ далеко не пріятные и не радостные отвѣты.

Сидя за чайнымъ столомъ, мнѣ Байковъ объяснилъ что маленькая моя, такъ-сказать, „официальная“ квартира, въ учи-

тельскомъ флигелѣ, готова совершенно и, подѣ личнымъ его, Байкова, при помощи смотрителя Сергѣева, наблюденіемъ, снабжена всѣми моими, присланными мною изъ города, вещами.

— Вы эту ночь, говорилъ Байковъ,—будете тамъ ночевать. Обѣдать прошу покорно всегда, безъ церемоніи, у насъ, потому что, пока не водворятся въ большой, не „официальной“, а семейной вашей квартирѣ ваши дамы, у васъ, конечно, никакого не можетъ-быть здѣсь хозяйства. Инструкцій мнѣ вамъ давать нечего, потому что вамъ всѣ наши порядки, въ пять лѣтъ вашего знакомства съ училищемъ, отменно хорошо извѣстны. Скажу только одно: мы здѣсь и вездѣ остаемся съ вами пріятелями, какими были; но, ради наружнаго чинопочитанія, необходимо уговориться что сколько бы разъ мы съ вами въ заведеніи, при воспитанникахъ, ни встрѣтились, вы всегда слегка приподнимите фуражку и будете говорить со мною съ тою дозой подчиненной вѣжливости которая вамъ присуща по воспитанію, я знаю, но которая въ служебныхъ сношеніяхъ, изволите видѣть, имѣетъ тотъ особенный оттънокъ какой, какъ ни просты и сивы наши „мальчики“, они тотчасъ раскусить сумѣютъ.

— Мы, помнится, Матвѣй Андреевичъ, замѣтилъ я опять съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ,—на счетъ всего этого условились съ вами на дняхъ, именно когда во время праздниковъ Пасхи я пріѣзжалъ васъ приглашать на мой прощальный съ городскою жизнью обѣдъ.

— Да, да, конечно, сказалъ Байковъ, но....

— Смотритель Сергѣевъ, доложилъ вошедшій разсылный изъ воспитанниковъ.

— И кстати, воскликнулъ Байковъ, повидимому довольный что ему не дали договорить того что онъ началъ,—ко мнѣ сейчасъ наберутся всѣ мои народы съ рапортицами; а я съ Сергѣевымъ предъ вашимъ пріѣздомъ все уже кончилъ, такъ онъ пусть проводитъ васъ въ вашу новую обитель, и приметъ ваши приказанія, ежели вы найдете нужнымъ что измѣнить у васъ. Завтра утромъ предъ перекличкой жду васъ съ чаемъ и бубликами. На перекличку мы пойдемъ вмѣстѣ. Вѣдь вы надѣнете вицъ-мундиръ?

Такъ-называемая моя „официальная“ квартира, въ одномъ изъ многихъ одноэтажныхъ корпусовъ училищныхъ деревянныхъ зданій, состояла изъ прихожей въ одно окно, дверь которой отворялась въ длиннѣйшій корридоръ, и изъ двухъ

комнатъ, каждая въ два окна, обращенныхъ въ одинъ изъ тѣхъ наполненныхъ цвѣтами лалисадниковъ, какихъ въ заведеніи было множество. Въ передней моей съ шести часовъ утра до десяти вечера находился постоянно разсылный изъ младшихъ воспитанниковъ, исполнявшій у меня различныя послуги и порученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій при себѣ книжки и тетрадки для занятій въ свободное время, какого у него было очень много. Предоставленіе мнѣ такого казеннаго вѣстового-деньщика основано было на той вѣрной идеѣ Байкова что такимъ образомъ большая часть новыхъ воспитанниковъ пребываютъ въ этой должности при мнѣ, и черезъ то пріобрѣтать будутъ нѣкоторую выправку и сноровку, я же буду, отъ времени до времени, съ ними разговаривать и узнавать ихъ характеры, понятія, способности, стараясь, по страсти моей къ практической педагогикѣ, развивать ихъ не хуже, ежели не лучше ихъ надзирателей, учителей и „дядекъ“, то-есть тѣхъ воспитанниковъ изъ старшихъ лѣтунству которыхъ были поручаемы новички, только-что привезенные для поступленія въ число воспитанниковъ. Байковъ не ошибся въ этомъ разчетѣ, потому что я моими, ежедневно перемѣнявшимися, разсылными занимался во всѣ мои мало-мальски свободные часы, повторялъ съ ними ихъ уроки, давалъ имъ читать книжки, спрашивалъ о томъ что они уразумѣли изъ прочитаннаго, сообщалъ имъ любопытныя для нихъ свѣдѣнія о различныхъ доступныхъ имъ предметахъ и даже завелъ особенную книжку въ которую записывалъ свои наблюденія надъ „мальчиками“, точно, впрочемъ, мальчиками, такъ какъ изъ новаго набора воспитанниковъ было много, съ отступленіемъ отъ кореннаго правила, 14 — 15лѣтнихъ, ибо начальство убѣдилось опытомъ что ихъ легче было переформировать чѣмъ 16 — 17лѣтняго возраста, опредѣленнаго уставомъ заведенія. Тетрадь мою о „разсылныхъ“ я еженедѣльно, по воскресеньямъ, представлялъ М. А. Байкову, который, нельзя не отдать ему этой справедливости, стараясь слѣдить за развитіемъ всѣхъ воспитанниковъ, самъ говорилъ мнѣ не разъ что изъ этихъ моихъ подробныхъ наблюденій о младшихъ воспитанникахъ, назначаемыхъ ко мнѣ въ разсылные, онъ получаетъ такія данныя о ихъ способностяхъ и качествахъ какихъ не могли доставить ему ни учителя, ни смотрителя, ни надзиратели, относительно воспитанниковъ прежняго, то-есть первоначальнаго курса, въ продолженіи всѣхъ

шести лѣтъ. Это подало поводъ Матвѣю Андреевичу вскорѣ пригласить меня къ веденію еженедѣльнаго журнала, долженствовавшаго быть „извѣстнымъ только ему одному“, моихъ личныхъ наблюденій о всѣхъ воспитанникахъ заведенія, журнала который въ теченіи четырехъ лѣтъ я еженедѣльно аккуратно каждое воскресенье ему доставлялъ для прочтенія. Въ слѣдующее воскресенье онъ возвращалъ мнѣ тетрадь, при полученіи отъ меня новой, и возвращалъ всегда, вмѣняя себѣ въ обязанность сказать, съ своими личными замѣтками, носившими характеръ практическаго знанія людей и русскаго простолудина въ особенности. Мнѣ крайне жаль что въ 1864 году, во время моего отсутствія на 3½ года изъ Петербурга въ юго-западный край, гдѣ я тогда служилъ предсѣдательствующимъ въ мировомъ сѣздѣ по крестьянскимъ дѣламъ,—сундукъ съ моими бумагами, оставленными въ Петербургѣ, сдѣлался жертвой пламени при пожарѣ, случившемся на квартирѣ тогда занимаемой моими домашними, оставленными мною въ столицѣ. Въ числѣ этихъ, драгоценныхъ для меня бумагъ было все собраніе 225 тетрадей, въ четвертку, которыя заключали въ себѣ эти мои наблюденія и тѣ дѣльныя, рациональныя замѣтки Байкова, какими онѣ были снабжены. Теперь конечно эти тетради могли бы быть для меня превосходнымъ средствомъ восполненія моихъ воспоминаній, основанныхъ лишь на памяти, способной иногда и измѣнять мнѣ.

Однако отступленіе это нѣсколько отдалило меня отъ нити моего повѣствованія. Итакъ, вотъ я въ моей новой квартирѣ, наполненной преимущественно собственными моими вещами и мебелью, съ прибавкой однако нѣсколькихъ вещей изготовленныхъ въ столярной заведенія и носившихъ нѣсколько казенный характеръ. Во второй, послѣ прихожей, комнатѣ была перегородка и за перегородкой большая и прочная желѣзная кровать съ тюфякомъ соломеннымъ и вообще самаго спартанскаго типа. Это устройство было сдѣлано по моему желанію, чтобы показать воспитанникамъ что ихъ новый начальникъ, котораго до тѣхъ поръ они знали только какъ „друга“, не нѣженка и не лежебокъ какой-нибудь. Здѣсь былъ также мой письменный столъ и вся моя библіотечка, разставленная тщательно Сергѣевымъ на полкахъ, нарочно изготовленныхъ. На столѣ горѣла моя небольшая карселевская лампа, а въ подсвѣчникахъ на коммодѣ вставлены были, присланные мною, калетовскія свѣчи, подлѣ которыхъ лежало нѣсколько свѣчей

„казенныхъ“, изготовленія училищнаго свѣчелитнаго заведенія, правда, далеко не совершенныхъ; но вѣдь мыѣ по положенію квартира предоставлялась съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, а потому и выдаваемы были мыѣ эти освѣтительные матеріалы вмѣстѣ съ масломъ для керкетовъ и ночниковъ.

— Ну, любезный Сергѣевъ, сказалъ я, улыбаясь и разсматривая свѣчи училищной фабрикаціи,—у насъ еще не очень-то искусны въ свѣчелитномъ дѣлѣ.

— Не все же вдругъ, ваше в—діе, замѣтилъ преданный мыѣ Сергѣевъ,—курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. Это у насъ дѣло еще новое. Господинъ директоръ лично мыѣ его поручилъ, приказавъ мыѣ прочесть внимательно все что есть по предмету свѣчной фабрикаціи домашними способами въ *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній* и въ лексиконѣ Двигубскаго. Я изучилъ это дѣло вполне и устроилъ свѣчелитню. Для г. директора и для васъ мы попробовали сдѣлать свѣчи литыя изъ чистаго сала, перевареннаго съ желтымъ воскомъ. Онѣ горятъ очень свѣтло, только не красивы на видъ. Но дѣло это требуетъ аккуратности и спеціальности. Вотъ наблюдайте все сами, ваше в—діе, такъ можетъ-быть склоните г. директора чтобъ онъ назначилъ одного воспитанника въ спеціальныя свѣчелиты; а то съ этими, еженедѣльно перемѣняющимися страхъ трудно, да и безтолочь ужасная. Русскій нашъ мужикъ, извѣстное дѣло, аккуратности терпѣть не можетъ и все дѣлаетъ на авось.

— Ну, замѣтилъ я,—любезный Степанъ Ивановичъ, надо брать терпѣніемъ.

— Нѣтъ, ваше в—діе, съ однимъ терпѣніемъ здѣсь далеко не уйти. Безъ „березовой каши“, само собою разумѣется, мы ничего не сдѣлали бы здѣсь съ этими деревенскими ослопами. Я самъ какъ воспитанникъ солдатскихъ школъ, понимаю всю дурную сторону розогъ; но убѣдился здѣсь что безъ ежедневныхъ розогъ — мы не достигли бы и сотой доли тѣхъ результатовъ какими всѣ такъ восхищаются.

— Что это, воскликнулъ я,—ты за вздоръ несешь, Сергѣевъ! До сей минуты я былъ увѣренъ что здѣсь и помина нѣтъ о розгахъ. Я даже неоднократно говорилъ это печатно. Значить, говоря это, я лгалъ?

— Вы не лгали, а повторяли то что вамъ говорили другіе, т.е. г. директоръ, который сумѣлъ въ этомъ даже графа Петра Андреевича Клейнмихеля увѣрить. Одинъ только генераль

Скобелевъ Ома невѣрный въ этомъ отношеніи и слышать не хочетъ чтобы здѣсь не были розги въ ходу, какъ оно и есть на дѣлѣ, какъ оно и не можетъ не быть.

— Ну, замѣтилъ я съ горечью,—какъ ужъ вы здѣсь хотите, а по моему распоряженію или по моему представленію никогда ни одинъ воспитанникъ не получитъ ни одного лозана. Даю мое честное слово.

— Душевно желаю вашему в—дію, отозвался Сергѣевъ съ недовѣрчивою улыбкой,—успѣха; но едва ли это вамъ удастся: лѣньность, нерадѣніе, невнимательность нельзя не искоренять; а ихъ разговорами не уничтожишь.

— Кромѣ однихъ разговоровъ, пояснялъ я,—существуютъ и нравственныя наказанія. Надо для этого стараться приобрѣсти расположеніе и довѣренность.

— Въ лѣтнѣе ваше знакомство съ училищемъ, сказалъ Сергѣевъ,—вы, Владиміръ Петровичъ, сумѣли дѣйствительно такъ расположить къ себѣ воспитанниковъ старшаго курса что они получили къ вамъ какое-то чувство обожанія и теперь сѣтуютъ лишь о томъ что вы не раньше были назначены помощникомъ директора, теперь же часть изъ нихъ разъѣхалась по усадьбамъ, часть остается на короткое время еще, не долѣе будущей осени, и мы останемся съ невыправленнымъ людомъ.

— Посредствомъ того расположенія старшихъ воспитанниковъ которое, какъ ты говоришь, я приобрѣлъ отъ нихъ, впрочемъ, право, безъ всякаго съ моей стороны усилія,—я буду дѣйствовать на младшихъ и надѣюсь этою закваской сдѣлать добрый затворъ въ нравственномъ отношеніи. Я постараюсь чтобы мое слово было сильнѣе всякихъ этихъ унижительныхъ тѣлесныхъ наказаній и непременно добьюсь до этого. Ежели старшій выпускъ любилъ и читилъ меня какъ покровителя, то второй будетъ любить и чтить меня какъ начальника.

Тогда Сергѣевъ, осмотрѣвшись на всѣ стороны, сказалъ мнѣ:

— Ваше в—діе, вы мнѣ спасли жизнь и доставили это очень хорошо вознаграждающее труды мои мѣсто, которое способно устроить мою будущность. Всей остальной жизни моей мало для доказательства вамъ моей благодарности, но именно движимый этимъ чувствомъ, зная вашу довѣрчивость, долгомъ считаю сказать вамъ теперь же, чтобы не потерять времени:

будьте какъ можно осторожны съ Байковымъ и не вѣрьте ни единому его слову. Ежели вы, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, успѣете въ вашихъ предположеніяхъ, то-есть доведете отношенія ваши къ воспитанникамъ до того до чего хотите, то само собою разумѣется, вамъ употребленіе тѣлесныхъ наказаній сдѣлается бесполезнымъ; но тогда тѣмъ сильнѣе разовьется его Байковъ и получить къ вамъ чувство зависти, а это чувство онъ вскорѣ обратитъ въ другое, — личной къ вамъ ненависти, которымъ отравитъ вашу здѣсь жизнь. Года на три, на четыре, а можетъ-быть и больше, вы ему необходимы здѣсь, какъ потому что онъ постоянно будетъ извлекать изъ васъ выгоды для веденія воспитанниковъ съ бѣльшею для себя легкостію, такъ и потому что онъ очень хорошо знаетъ что тѣ ежегодныя, съ августа до ноября, его поѣздки какъ инспектора образцовыхъ усадьбъ, имѣющія начаться съ нынѣшняго года, могутъ имѣть мѣсто лишь при васъ, потому что другой, пожалуй, сумѣлъ бы воспользоваться его отсутствіемъ чтобы вмѣсто розовыхъ очковъ приподнести начальству самую ярко-свѣтлую, въ которыя начальство тотчасъ усмотрѣло бы всю надлежащую суть здѣшнюю. Я даже знаю навѣрное чрезъ учителя Максимова, дающаго уроки сынку Байкова и слышавшаго нѣсколько интимно-семейныхъ разговоровъ Матвѣя Андреевича въ его домашествѣ, что вы здѣсь на четыре года съ небольшимъ, а по истеченіи этого времени будете замѣщены однимъ изъ его родственниковъ изъ Хохландіи. Ради Бога, Владиміръ Петровичъ, будьте какъ можно во всемъ и со всѣми здѣсь осторожны. Вы не отнесете къ моей благодарности къ вамъ, когда замѣтите что при людяхъ я всегда буду къ вамъ почтительно холоденъ и никогда ни при комъ изъ всего здѣшняго люда не буду говорить съ вами иначе какъ весьма серьезно и сухо. Проявленіе сколько-нибудь инаго видимаго чувства можетъ повредить мнѣ, безъ пользы вамъ. Пусть лучше считаютъ меня существомъ неблагодарнымъ къ вамъ. Тогда я буду въ большей возможности служить вамъ гдѣ нужно будетъ указаніемъ на тѣ подводные камни какими здѣшнее житейское наше море изобилуетъ.

Въ это время въ передней слышался нѣкоторый шорохъ: повидимому кто-то вошелъ туда. Сергѣевъ замолчалъ и сдѣлалъ махъ глазами знакъ приглашавшій къ осторожности. На меня, не терпящаго всѣхъ этихъ продѣлокъ таинственности, все это, вмѣстѣ съ первымъ разговоромъ Байкова за чаемъ и до чая, произвело не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, подъ тя-

гостию какого я находился нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ Сергѣевъ вышелъ въ переднюю и доложилъ мнѣ что ко мнѣ отъ г. директора пришелъ учитель Сафоновъ, завѣдующій канцеляріей его высокородія. Я вышелъ во вторую комнату, куда уже вошелъ краснолицый, тщательно примазанный Сафоновъ и чинилъ предо мной поклоны, держа портфель въ правой рукѣ.

— Что тебѣ, любезный Сафоновъ, нужно? спросилъ я.

— Его высокородіе г. директоръ приказать мнѣ изволили, говоритъ, жеманясь, Сафоновъ, — представить вашему в—дїю вотъ-съ экземпляръ инструкціи помощнику директора училища. Ваше в—дїе потрудитесь дать мнѣ росписочку вотъ въ этой-съ книгѣ. Я вспомнилъ что за часъ или полтора предъ тѣмъ Байковъ мнѣ говорилъ что, при моемъ короткомъ знакомствѣ съ заведеніемъ, мнѣ никакая инструкція не нужна, да и къ тому же я имѣю у себя экземпляръ устава съ приложеніями, гдѣ эта инструкція включена. Однако, взглянувъ на исписанный листъ, за подписью Байкова, мнѣ представленный теперь, и пробѣжавъ его глазами, я убѣдился въ томъ что тутъ включено нѣсколько новыхъ параграфовъ, въ числѣ которыхъ одинъ гласилъ: „Въ случаѣ болѣзни или отсутствія директора изъ заведенія, помощникъ вступаетъ вполнѣ въ отправленіе его обязанностей, слѣдуя во всемъ уставу и подчиняясь духу онаго, не дозволяя себѣ никакихъ измѣненій, хотя бы таковыя, по его мнѣнію, могли быть полезны. Главное, помощникъ обязанъ во всемъ что касается методы воспитательной, принятой въ заведеніи, слѣдовать наставленіямъ директора, не увлекаясь никакими теоріями.“

„Утро вечера мудренѣе“, подумалъ я, ложась спать, и рѣшилъ въ своемъ умѣ завтра, по поводу этого совершенно новаго и, видимо для меня написаннаго параграфа, объясниться категорически съ Байковымъ, готовый, смотря по результатамъ бесѣды этой, или остаться на новой моей должности, или бросить ее немедленно.

Такъ заключился первый вечеръ моего четырехлѣтняго пребыванія на службѣ въ Земледѣльческомъ Училищѣ.

Разказу эпизодовъ изъ этого періода моей дѣятельности я намѣренъ посвятить отдѣльную статью, подъ названіемъ: *Моя служба въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, съ ея послѣдствіями.*

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СТАРОЖИЛЪ.

Б Ъ С Ы *

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Законченный романъ.

Изъ большой залы въ Скворешникахъ (той самой въ которой состоялось послѣднее свиданіе Варвары Петровны и Степана Трофимовича) пожаръ былъ какъ наладони. На разсвѣтѣ, часу въ шестомъ утра, у крайняго окна справа, стояла Лиза и пристально глядѣла на потухавшее зарево. Она была одна въ комнатѣ. Платье было на ней вчерашнее, праздничное, въ которомъ она явилась на чтеніи—свѣтло-зеленое, пышное, все въ кружевахъ, но уже измятое, надѣтое наскоро и небрежно. Замѣтивъ вдругъ нелотно застегнутую грудь, она покраснѣла, торопливо оправила платье, схватила съ кресель еще вчера брошенный ею при входѣ красный платокъ и накинула на шею. Пышные волосы въ разбившихся локонахъ выбились изъ-подъ платка на правое плечо. Лицо ея было усталое,

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 7 и 9й, 1871 и № 11й 1872.

Лм 30189

РНБ РУССКИЙ ФОНД

Л20 Б-3
37